Лучшая биография года по версии «New York Times»!

Джонатан СТЕЙНБЕРГ

БИСМАРК

Биография

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Отто фон Бисмарк – без тени сомнения, самый влиятельный политик XIX века. «Железный канцлер» из Пруссии объединил Германию, превратив конгломерат маленьких провинциальных королевств и княжеств в мощную империю. Развязывал и выигрывал войны. Перекраивал Европу почти столь же радикально, как и Наполеон – и с легкостью навязывал свою волю императору Вильгельму I.Многие современники считали его гением и великим человеком, а многие – диктатором и деспотом. Но кем он был в действительности?Джонатан Стейнберг в своем потрясающем исследовании, созданном прежде всего на основе писем и дневников как близких, друзей и союзников Бисмарка, так и его врагов и недоброжелателей, демонстрирует читателю психологическую сложность и противоречивость этого неординарного человека и пытается раскрыть тайну почти магической власти «железного канцлера» над людьми и событиями

•

Annotation

Отто фон Бисмарк – без тени сомнения, самый влиятельный политик XIX века. «Железный канцлер» из Пруссии объединил Германию, превратив конгломерат маленьких провинциальных королевств и княжеств в мощную империю. Развязывал и выигрывал войны. Перекраивал Европу почти столь же радикально, как и Наполеон – и с легкостью навязывал свою волю императору Вильгельму I.

Многие современники считали его гением и великим человеком, а многие – диктатором и деспотом. Но кем он был в действительности?

Джонатан Стейнберг в своем потрясающем исследовании, созданном прежде всего на основе писем и дневников как близких, друзей и союзников Бисмарка, так и его врагов и недоброжелателей, демонстрирует читателю психологическую сложность и противоречивость этого неординарного человека и пытается раскрыть тайну почти магической власти «железного канцлера» над людьми и событиями…

Перевод: И. Лобанов

Джонатан Стейнберг
Предисловие

Джонатан Стейнберг

Бисмарк: Биография

Посвящается Мэрион Кант

Предисловие

В предисловии авторы обычно благодарят тех, кто помогал им в работе над книгой. В эру Интернета невозможно знать всех, кто так или иначе оказывает тебе содействие: анонимных библиотекарей, архивариусов, исследователей и технических специалистов, готовящих бесценные материалы в электронном виде, благодаря чему мы можем пользоваться онлайн каталогами, энциклопедиями и уникальными справочниками, такими как «Оксфордский словарь национальной биографии» или «Новый немецкий биографический словарь». Как я могу персонально отблагодарить архивистов газеты «Нью-Йорк таймс», предложивших онлайн оригинал репортажа о венчании в Вене 21 июня 1892 года Герберта Бисмарка и графини Маргериты Хойош? Ни один биограф Бисмарка до меня не имел таких богатых документальных ресурсов. Какими бы недостатками ни страдала эта книга, автор располагал уникальными возможностями для работы над ней.

Однако я с удовольствием могу выразить признательность многочисленным моим сподвижникам, чьи имена я хорошо знаю и без чьей помощи эта биография никогда не была бы написана. Предложил мне описать жизненный путь Бисмарка издатель и мой хороший друг Тони Моррис, а издатель, историк и тоже мой друг Эндрю Уиткрофт спас проект, когда первый издатель отказался от него. Эндрю Уиткрофт нашел для меня превосходного литературного агента Эндрю Кидда из компании «Эйткен Александер», который наладил взаимодействие с «Оксфорд юниверсити пресс», где Тимоти Бент взял проект в свои руки и убедил меня сократить его до менее громоздких размеров. Его опыт и мастерство очень помогли мне отшлифовать и ужать объемистую рукопись.

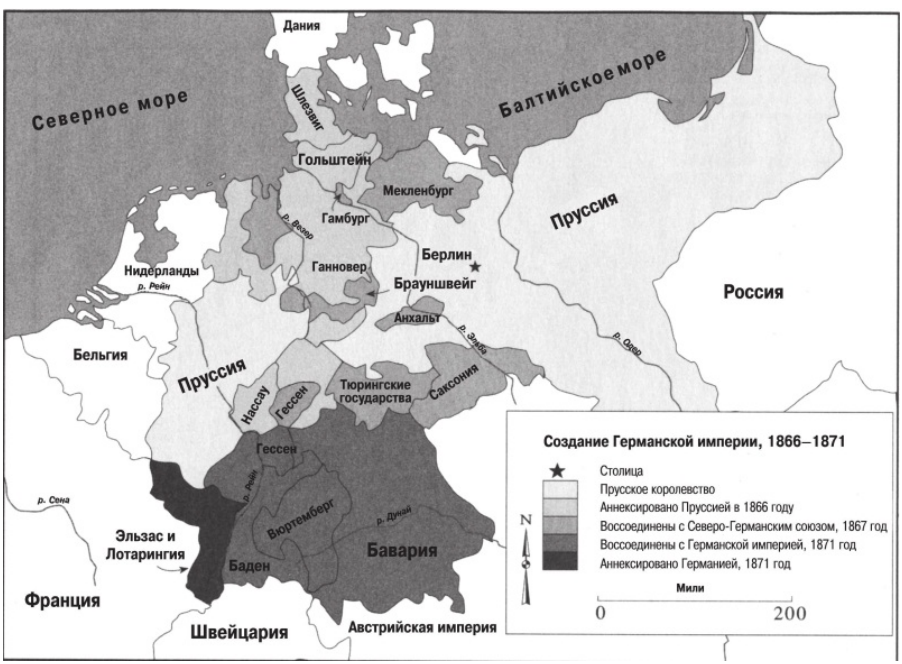
Мой друг и коллега Крис Кларк, автор исследования «Железное королевство: взлет и падение Пруссии, 1600–1947», прочел первоначальный вариант, все 800 страниц, с той заботой и вниманием к ошибкам и искажениям, которыми отличается настоящий историк. Карина Урбах, автор книги «Любимый англичанин Бисмарка: миссия лорда Одо Рассела в Берлине», обогатила меня своими знаниями этого периода и особенностей

германского общества. Раввин Герб Розенблюм из Филадельфии открыл мне интереснейший факт о присутствии Бисмарка на освящении синагоги на Ораниенбургской улице в Берлине в 1866 году.

Автор, удостоившийся чести опубликоваться в «Оксфорд юниверсити пресс», получает два издательства в одном. Тимоти Бент и его коллеги на Мэдисон-авеню, 198 отнеслись ко мне радушно и оказывали необходимую поддержку. Лусиана О'Флаэрти, издатель профессиональной литературы, и ее коллеги в «Оксфорд юниверсити пресс» на Грейт-Кларендон-стрит Фил Хендерсон, Колин Хатрик и Мэттью Коттон были для меня надежной опорой. Дебора Продеро разыскала иллюстрации, которые я проглядел, и терпеливо сносила мое пристрастное увлечение «картинками». Эдвин Причард со знанием дела отредактировал рукопись, борясь с капризами автора. Техред Клэр Томпсон помогла довести книгу до нужной кондиции и составить индекс. Корректор Джой Меллор тщательно вычитала текст.

За всю свою профессиональную деятельность я не испытывал такого подъема и морального удовлетворения, как при работе над этой книгой. Я наслаждался уникальной возможностью «близко» узнать самого незаурядного и противоречивого политического лидера XIX века, и у меня создалась иллюзия, что мне удалось его понять. Я прикасался к письмам и дневникам выдающихся деятелей Пруссии того времени. Мысленное «общение» с ними уносило меня в прошлое – зачастую к неудовольствию семьи, хотя вся моя родня принимала самое живое участие в моих трудах, выражала свою любовь и ободряла меня. И конечно, я никогда не написал бы эту книгу без душевной поддержки Мэрион Кант, которой я и посвящаю свое произведение.

Филадельфия, Пенсильвания Октябрь 2010 года



1. Введение: «суверенная самость»

Отто фон Бисмарк создал Германию, но никогда не был ее действительным властителем. Он служил трем монархам, и любой из них мог уволить своего подданного. В марте 1890 года

так и случилось. В его публичных выступлениях трудно найти признаки харизматического оратора. В сентябре 1878 года, когда Бисмарк находился на вершине своей власти и славы, газета «Швебише меркур» написала о его выступлении в рейхстаге:

…

«Как же были удивлены те, кто слушал его в первый раз. Ни властного и громового голоса, ни пафоса, ни тирад с классической риторикой, он произносит свою речь свободно и спокойно, в разговорном стиле, иногда останавливается, пока не найдет нужное слово или выражение. Вначале можно даже подумать, что оратор испытывает смущение или замешательство. Он покачивается из стороны в сторону, вынимает платок из заднего кармана, вытирает пот со лба, кладет платок обратно в карман и снова вынимает»1.

Бисмарк никогда не выступал на массовых митингах, а люди начали ходить за ним толпами только после его отставки, когда он превратился в легенду.

Бисмарк правил в Германии с сентября 1862 года до марта 1890-го – всегда в качестве парламентского министра. Он выступал на различных парламентских сессиях и комиссиях с 1847 года и до самой отставки в 1890 году. Он влиял на аудиторию только лишь аурой индивидуальности, поскольку не возглавлял какой-либо политической партии по британскому образцу. В продолжение всей карьеры главные германские партии – консерваторов, национал-либералов, католиков-центристов – выказывали ему недоверие и держались от него на дистанции. Партия бисмарковцев, так называемых «свободных консерваторов», объединяла очень влиятельных людей, но у нее было очень мало приверженцев за стенами парламента. Большую часть времени и энергии у Бисмарка отнимала правительственная рутина. Ему приходилось вникать во все – от международных договоров до гербовых сборов с почтовых денежных переводов – проблема, крайне ничтожная, но послужившая причиной одной из многочисленных демонстраций намерения подать в отставку.

У Бисмарка не было военных заслуг. Ему пришлось недолго и против желания послужить в молодости резервистом (он пытался увильнуть от призыва, эта скандальная история в официальных изданиях исторических документов старательно вымарывается), и его претензии на ношение военной формы, в которой он обычно изображается, весьма условны и вызывали недовольство у «настоящих» воинов. Один из «полубогов» в аппарате генерала Мольтке – подполковник Бронзарт фон Шеллендорф писал в 1870 году: «Государственный чиновник в кирасирском мундире

наглеет с каждым днем»2.

Бисмарк имел приставку «фон», родившись в «хорошей» старой прусской семье, но, как написал историк Трейчке в 1862 году, относился к числу «мелких помещиков»3. Он гордился социальным статусом, однако прекрасно осознавал, что есть люди, занимающие гораздо более высокое общественное положение. Один из его сотрудников вспоминал такой случай: «За столом в основном говорил канцлер… Гацфельдт (граф Пауль Гацфельдт-Вильденбург) тоже принимал участие в разговоре, поскольку, по мнению канцлера, у него был наивысший социальный статус. Другие сотрудники, по обыкновению, молчали»4.

Отто и его брату достались в наследство поместья, но не богатые. Бисмарку в продолжение почти всей карьеры приходилось следить за своими тратами. Живя в обществе, в котором центром притяжения политической суеты и интриг был королевско-императорский двор, Бисмарк предпочитал чаще находиться дома, обедать не по моде очень рано и проводить больше времени в имениях, а не в Берлине.

В 1918 году, когда империя Бисмарка начала рушиться, Макс Вебер, один из основателей современной социологии, задал сакраментальный вопрос: почему мы должны повиноваться государственной власти? Он выделил три типа оправданий господства одних людей над другими, или «легитимаций» власти. К первому типу он отнес авторитет «вечного вчера», то есть обычаев, освященных их непостижимым давним признанием и привычной ориентацией на подчинение им. Это «традиционное» господство патриарха и наследственного князя, осуществляемое со времен оных.Третий тип характеризуется господством в силу «легальности», в силу веры в обоснованность легального статута и функциональной «компетентности», опирающихся на рационально выработанные правила. Но для нас представляет особый интерес второй тип легитимации, выведенный Вебером и названный им харизмой: «Авторитет необычайного и сугубо личного *gift of grace*– дара благоволения (харизмы) [1] , абсолютная личная преданность и личная убежденность в откровении, героизме или иных качествах индивидуального лидера. Это «харизматическое» господство присуще пророку или – в сфере политики – избранному военному вождю, плебисцитному правителю, великому демагогу или политическому партийному лидеру»5.

* * *

Ни одно из этих определений не подходит в полной мере для

характеристики господства Бисмарка. Как государственный деятель он вписывается в первый тип легитимности: его власть основывалась на традиции, авторитете «вечного вчера». Как премьер-министр и глава правительства он поступал точно в соответствии с третьим типом легитимации власти: его господство определялось «легальностью», опиравшейся на «рационально выработанные правила». Он не был в обычном понимании этого слова «харизматичным» человеком6.

Тем не менее Бисмарк властвовал над современниками так, что его называли и «тираном» и «диктатором». Князь Хлодвиг фон Гогенлоэ-Шиллингсфюрст, один из преемников Бисмарка, писал в мемуарах об атмосфере в Берлине после отставки канцлера:

…

«За те три дня, проведенные в городе, я заметил две перемены. Первая – у всех не было ни минуты времени и все куда-то спешили. Вторая – все будто стали выше ростом. Каждый осознал свою значимость. Прежде люди чувствовали себя задавленными и ущербными под гнетом князя Бисмарка. Теперь у них словно выросли крылья»7.

Я понял, что для более полной характеристики Бисмарка мне не обойтись без определения еще одного свойства его личности. Бисмарк оказывал влияние на людей властной сущностью своей индивидуальности. Он никогда не обладал суверенной властью, но имел необычайную «суверенную самость». Как император Вильгельм однажды сказал, «трудно быть кайзером при Бисмарке»8. В нем парадоксально сочетались и величие и мелочность. Взять, к примеру, его выступление в рейхстаге 17 сентября 1878 года, о котором я уже упоминал. Бисмарк потом обвинил несчастных стенографисток в зловредности, о чем его помощник Мориц Буш сделал запись в дневнике:

…

«Стенографистки ополчились против меня. Пока я был популярен, этого не случалось. Они исказили смысл того, что я говорил. Когда раздавался ропот со стороны «левых» и «центристов», они упустили слово «левые», а когда раздавались аплодисменты, они забывали упомянуть об этом. Все стенографическое бюро ведет себя таким же образом. Я пожаловался президенту. От этого я почувствовал себя больным. Это такое же состояние, какое испытываешь от чрезмерного курения: тупость в голове, головокружение, тошнота и прочее»9.

Прочитайте его стенания еще раз. Разве может здравый человек серьезно поверить в заговор стенографисток рейхстага

против величайшего государственного деятеля XIX столетия? А заболевание? Все это вряд ли можно объяснить одной лишь ипохондрией. Подполковник Бронзарт фон Шеллендорф записал в дневнике еще 7 декабря 1870 года: «Бисмарк превращается в готового пациента для дурдома»10. Бисмарк туда, конечно, не попал. Он оставался по-своему в здравом уме, сохранял неплохое здоровье, несмотря на страхи, и могущество, хотя не вполне его удовлетворявшее, с сороковых и по семидесятые годы. Он занимал высший государственный пост двадцать восемь лет и перестроил мировой порядок XIX века так, как никто другой в Европе, исключая Наполеона, который был не только императором, но и генералом. Бисмарк же не был ни тем, ни другим.

Эта книга, таким образом, о личности Отто фон Бисмарка, поскольку могущество, которым он обладал, определялось его индивидуальностью, а не институтами, массовым обществом, какими-то «силами» или «факторами». Его власть основывалась на суверенности его необычайной, гигантской «самости». Ее смысловое значение в моем понимании выходит за рамки общепринятой терминологии. Под этим определением я имею в виду комбинацию внешнего облика, особенностей речи и мимики, мышления и поведения, пороков и добродетелей, воли и амбиций, а также, возможно, наиболее характерных страхов и уверток от действительности и других психологических свойств социального действия, создающих «личность», ту «самость», которую мы пытаемся скрыть и по которой нас *узнают* другие люди. Бисмарк обладал каждым из этих свойств в большей и более выраженной степени, чем те, кто его окружал, и все, кто знал его – без исключения, – могли подтвердить некий магнетизм, или притяжение, исходившее от него и действовавшее даже на людей, его ненавидевших. Этот гипнотический эффект присутствует и в его письмах, и в его воспоминаниях.

Биографическое описание позволяет наилучшим образом отразить истоки и характер такой власти над людьми. В этой книге я попытался и сам осмыслить жизненный путь государственного деятеля, чье имя связано с объединением Германии и в то же время символизирует жестокость и бездушие прусской культуры. Натура Бисмарка чрезвычайно сложная и закомплексованная: ипохондрик с физическими данными самца; жестокий тиран, с легкостью пускающий слезу, перенявший самую крайнюю форму евангелического протестантизма, секуляризировавший школы и внедривший гражданские браки и разводы. Он всегда носил военную форму, но был одним из немногих высокопоставленных пруссаков, не служивших в

регулярной королевской армии. Коллеги по юнкерскому дворянству не доверяли ему: он был слишком умен, непредсказуем, переменчив, «не такой, как все». Но все единодушно признавали его незаурядность. Одо Рассел, представитель великого аристократического семейства вигов, служивший британским послом в Германии с 1871 до 1884 года, писал матери в 1871 году: «Я ни в ком не видел столько демонизма, как в нем»11. Теодор Фонтане, занимавший в литературе бисмарковской эпохи такое же место, какого британцы удостоили Джейн Остен, писал жене в 1884 году: «Когда Бисмарк чихает или говорит «prosit» [2] , это воспринимается с гораздо большим интересом, нежели заумные речи шести прогрессистов»12. А после отставки Бисмарка в 1891 году Фонтане написал Фридриху Витте: «Дело не в политических ошибках – о них рано судить, пока все еще находится в движении, – а в изъянах характера. В этом гиганте была какая-то мелкотравчатость. Она дала о себе знать и послужила причиной падения»13.

Бисмарк был редчайшим политическим созданием, «политическим гением», величайшим манипулятором политических реалий своего времени. Его оценки, зачастую импровизированные, восторгали даже противников. Генерал Альбрехт фон Штош, которого Бисмарк впоследствии все-таки уволил, писал в 1873 году кронпринцу, будучи начальником адмиралтейства: «Какое очарование слушать Бисмарка, когда он в ударе. Особенно впечатляет его аргументация в защиту империи от прусского партикуляризма»14.

Несколько ранее Штош выражал совсем другое мнение: «Через несколько дней Бисмарк принял меня. Прежде он видел во мне человека, восторгающегося его интеллектом и неустанной энергией, и, пока я был полезен ему в достижении согласия с принцессой, он относился ко мне уважительно и любезно. Но теперь я стал одним из его многочисленных помощников и должен знать свое место. Он сел и начал разбирать мой доклад в той манере, в которой учитель разговаривает с тупым и непослушным учеником… Бисмарк любит демонстрировать персоналу свою власть. Все успехи он приписывает себе, а если что-то не получается, сваливает вину на подчиненного, если даже тот исполнял его приказание. Когда саксонский договор подвергся публичной критике, он сказал, что в глаза не видел договора, пока соглашение не вступило в действие»15.

Вера в политическую гениальность Бисмарка стала расхожим стереотипом среди германских патриотов после объединения нации в 1870 году. Когда его назначали министром-президентом

в 1862 году, этот потенциал в нем видел только один человек – Альбрехт фон Роон, военный министр с 1859 и до 1873 года, подружившийся с Бисмарком, когда тот был еще подростком. Уже тогда он разглядел в юноше задатки великого человека. Во время первой аудиенции 4 декабря 1858 года с регентом, будущим прусским королем, по поводу собственного назначения военным министром16 Роон настоятельно рекомендовал ему поставить во главе правительства Бисмарка. И Роон же послал Бисмарку 18 сентября 1862 года знаменитую телеграмму: «Periculum in mora. Depchez-vous!» (Промедление опасно. Поспешайте!»), подав ему знак, что его час настал. Лучший друг Роона Клеменс Теодор Пертес, профессор права в Боннском университете, в апреле 1864 года отругал его за то, что он способствовал назначению министром-президентом человека, «холодно расчетливого, хитроумного и неразборчивого в средствах»17. Роон ответил профессору: «Б. совершенно необыкновенный человек. Я могу ему помочь, оказать поддержку, поправить его там или здесь, если надо, но он незаменим. Да, он не занял бы это место без моего содействия, и это исторический факт, однако все равно он сам по себе незаурядная личность… Верно выстроить параллелограмм сил, имея только одну диагональ, и оценить природу и весомость сил действенных, чего в точности знать не дано никому – на такое способен лишь исторический гений» [3] 18.

И все же не каждый гений может обрести власть. Никакой здравомыслящий монарх – а шестидесятипятилетний король Вильгельм I Прусский был государь разумный и многоопытный – не назначил бы главой правительства Бисмарка, имевшего репутацию человека ненадежного, поверхностного и реакционного, если к этому его не побудила бы чрезвычайная необходимость. Брат кайзера Фридрих Вильгельм IV еще в 1848 году написал, что Бисмарка можно использовать только тогда, «когда безраздельно будет править штык»19. Однако летом 1862 года конфликт между прусским парламентом и короной вокруг реформирования армии создал серьезную угрозу монархическому истеблишменту. В памяти короля и его придворных всплыли страшные картины разъяренных толп на улицах во время революции 1848 года. Как писал либерал Макс Дункер, генералы жаждали мятежей, как «лани – потоков воды» [4] 20.

Бисмарк вошел во власть и удерживал ее благодаря своим незаурядным способностям, но он всегда зависел от доброй воли кайзера. Если бы Вильгельм I решил уволить его в сентябре 1863 года после одиозного выступления на тему «крови и железа», осужденного членами королевской семьи и большинством образованных людей Германии, то Бисмарк исчез бы с

исторической сцены, а Германия почти наверняка была бы объединена совместными усилиями суверенных князей. Если бы Вильгельм I умер в положенные библейские семьдесят лет в 1867 году, то бисмарковский Северо-Германский союз все равно бы абсорбировал южногерманские королевства, но без смертоубийственной войны. Могла начаться «либеральная эра» императора Фридриха III и его энергичной либеральной супруги, британской принцессы Виктории. Нам известен список министров, которых Фридрих собирался назначить в 1888 году, когда уже умирал. Все они были либералами, а это для Бисмарка означало британскую форму парламентского правительства, ограничение королевской власти и конец его диктатуре. Если бы новому императору не хватило духу противостоять Бисмарку, то силы воли и решительности было более чем достаточно у принцессы Виктории, старшей дочери английской королевы Виктории. Без сомнения, был бы неминуем конфликт, и Бисмарк лишился бы всех должностей. Германия могла бы перенять британскую модель либерального парламентаризма. Мы можем говорить сейчас об этом с некоторой уверенностью, потому что именно так складывалась тогда политическая ситуация. Но Вильгельм не умер ни в семьдесят, ни в восемьдесят, ни в девяносто лет, а скончался в возрасте девяносто одного года в 1888 году, и долголетие короля позволило Бисмарку столько времени продержаться во власти.

Двадцать шесть лет Бисмарк изводил кайзера вспышками раздражительности, истерии, слезами и угрозами совершить поступки, которые даже не могла вообразить себе прусская душа монарха. Двадцать шесть лет Бисмарк правил, загипнотизировав добросердечного старого государя. Вся его карьера зиждилась на личных отношениях – прежде всего с королем и военным министром и, конечно же, с другими сюзеренами, придворными и дипломатами. Вильгельм I, король Пруссии, а затем и император Германии правил отчасти по конституции, но больше в духе прусских традиций и слова Божьего, милостью Бога, протестантского, прусского Бога. Бисмарк не нуждался ни в парламентском большинстве, ни в политической партии. Все это у него имелось в одном лице – государя. Когда его не стало, а после кончины смертельно больного отца трон перешел к динамичному, но неуравновешенному сыну Вильгельму II, дни властвования Бисмарка были сочтены. Вильгельм II уволил его 20 марта 1890 года, как гласила подпись под карикатурой в журнале «Панч»: «Отверг советчика».Но человек и власть существуют в реальном мире. Как говорил сам Бисмарк, государственный деятель не властен над потоком времени, он плывет по течению,

пытаясь следовать своему курсу. Он действовал в рамках политических реальностей, называя политику «искусством возможного». Гениальность позволила ему верно оценить конфигурацию внутриполитических и внешнеполитических сил, сложившуюся в шестидесятые годы, и использовать ее для объединения Германии, хотя на самом деле произошел раскол, связанный с исключением австрийских земель. Бисмарк предпринимал смелые действия, озадачивавшие современников, но прожил достаточно долго для того, чтобы пасть жертвой закона непредвиденных последствий, выведенного Бёрком: «То, что на первых порах пагубно, может оказаться замечательным в отдаленной перспективе; и это хорошее может даже проистекать из тех вредных результатов, которые получаются сначала. Случается также и обратное: очень благовидные планы с очень приятными начальными впечатлениями имеют зачастую постыдные и прискорбные завершения»21.

В 1863 году Бисмарк ошарашил общественность идеей всеобщего избирательного права, стремясь воспрепятствовать королю Вильгельму поехать на конгресс князей, созывавшийся императором Австрии. Это подействовало. Австрийская затея провалилась. Пруссия объединила Германию, и на основе всеобщего права подачи голосов, предоставленного мужской части населения, был избран новый рейхстаг, нижняя палата парламента новой Германской империи. В период между 1870 годом и отставкой Бисмарку пришлось не раз убедиться в правоте максимы Бёрка. К 1890 году «очень благовидные планы с очень приятными начальными впечатлениями» продемонстрировали «прискорбные завершения». Германия превратилась в индустриальную державу с сильным и злобным рабочим классом. Католики уцелели и обрели влиятельную политическую партию. Избиратели, следуя закону Бёрка, голосовали не за сторонников Бисмарка, а за социалистов и католиков. К 1890 году замечательная идея всеобщего избирательного права принесла ему результат, обратный желаемому: парламентское большинство состояло из «врагов рейха». К 1912 году католикам и социалистам, «врагам» Бисмарка, принадлежало абсолютное большинство депутатских мест в рейхстаге. Всеобщее избирательное право, предназначавшееся для того, чтобы загубить в 1863 году австрийскую инициативу и подорвать легитимность малых германских князей, загнало Бисмарка в политический тупик. Как говорил покойный Энох Пауэлл, «все политические карьеры заканчиваются крахом». Жизненный путь Бисмарка вызывает непреходящий интерес. Прослеживая его, мы видим, что человек, обладающий высшей властью, может быть не

только сильной, но и слабой личностью, что человеку, однажды вошедшему во власть, очень трудно с ней расстаться. О Бисмарке написано множество книг. Среди авторов такие выдающиеся имена, как Эрих Эйк, А. Дж. П. Тейлор, Вернер Рихтер, Эдгар Фейхтвангер, Эдуард Крэнкшоу, Отто Пфланце, Лотар Галль, Эрнст Энгельберг и Катерина Лерман. Имеется многотомный труд о кайзере Вильгельме II и Германии после Бисмарка, изданный Дж. К.Г. Рёлем, мы располагаем превосходным исследованием жизнедеятельности Виндтхорста, главного католического противника Бисмарка, выполненным Маргарет Лавинией Андерсон, существует немало и специализированных исследований. В библиотеке Ван Пелта Пенсильванского университета насчитывается 201 книга с названиями, содержащими имя Бисмарка. Чем же данная книга отличается от других? Я бы выделил два отличия: одно относится к намерениям автора, другое – к методологии. Я ставил задачу отразить личностный характер власти Бисмарка и воспользоваться для этого впечатлениями о нем, составленными людьми, с ним общавшимися и испытавшими на себе эту власть: молодыми и старыми, друзьями и врагами, немцами и иностранцами. Кроме того, я отошел от традиции уравновешивать собственные комментарии и документальные свидетельства в пользу последних. Мне хотелось воскресить голоса многих, многих выдающихся людей, встречавшихся с Бисмарком и оставивших об этом свои дневниковые записи или воспоминания. Университетский приятель Бисмарка американец Джон Лотроп Мотли как-то объяснял леди Уильям Рассел свое видение исторического исследования: «Каждый день я копаюсь в моих архивах, окунаясь с головой в XVII век… Это очень занимательно… извлекать иссохшие кости из склепов и пытаться вдохнуть в них вымышленную жизнь. Подобно Бертраму в третьем акте оперы «Роберт-Дьявол», мне нравится вызывать из могил усопших и заставлять их прыгать, выделывать пируэты и снова вытворять глупости»22.

Мои «усопшие» люди серьезные и уважаемые. Они рассказывают мне о том, кем был и как вел себя Бисмарк, кем были и как вели себя его современники. Очень часто они подтверждают выводы, к которым я пришел самостоятельно. Приведу один пример. Генерал Альбрехт фон Роон ввел во власть Бисмарка и знал это. Я догадывался о том, что у этого косного и сурового человека была чистая и благородная душа. Я нашел подтверждение этому в дневнике Хильдегард фон Шпитцемберг, записавшей 7 августа 1892 года после прочтения мемуаров Роона (*Denkwrdigkeiten*): «Какое благочестие и скромность, какая

преданность и искренность. Как же ему досаждали люди, стоявшие над ним. Как очаровательны его описания путешествий, как трогательны его отношения с женой и друзьями Пертесом и Бланкенбургом»23.

Два человека из разных миров – неприметный книжный червь XXI века и светская дама XIX столетия обратили внимание на те же самые черты характера Роона. Это вселяет в меня надежду на то, что я не очень ошибаюсь в своих ощущениях в отношении и Бисмарка, и его современников.

Уникальные детали я обнаруживал в дневниковых записях. Насколько колоритна, например, запись, сделанная Кристофом Тидеманом о первом обеде с Бисмарками в 1875 году: «25 января. Интереснейший день! С пяти и до одиннадцати вечера в доме Бисмарка… Князь жаловался на плохой аппетит. Снимаю шляпу. Хотел бы я видеть его с хорошим аппетитом. Он просил добавку к каждому блюду и посетовал на непочтительность, когда княгиня энергично запротестовала против того, чтобы подавали заливное из кабаньей головы. Он все время потягивал вино, но не забывал пить и пиво из огромной серебряной кружки…Около семи тридцати князь пригласил меня и Зибеля проследовать за ним в кабинет. На всякий случай он предложил нам свою спальню, находившуюся рядом с кабинетом, для отправления нужд. Мы зашли туда и обнаружили под кроватью два предмета, показавшиеся нам невероятно колоссальных размеров. Когда мы пристроились у стены, Зибель совершенно серьезно и от всего сердца сказал: “Этот человек велик всем, даже своим г…!”»24.

Но главным источником свидетельств был и остается сам Бисмарк. Он писал неустанно и с удовольствием шестьдесят лет. Его официальное собрание сочинений состоит из девятнадцати томов, формата кварто, по пятьсот с лишним страниц в каждом25. В шестом томе содержится 438 страниц, а в него вошли в основном доклады кайзеру и другие официальные сообщения с 1871 до 1890 года. Бисмарк отправил тысячи писем членам семьи, друзьям и знакомым. Двадцать восемь лет он руководил и внутренней и внешней политикой, и его официальная переписка касается буквально всего – от угрозы войны с Россией до государственной монополии на табачные изделия. Он привык к тому, что должен знать все и обо всем. У него масса времени и энергии уходила на составление бумаг и диктовку. Кристоф Тидеман, служивший его личным помощником с 1875 до 1880 года, так описал одну из рабочих сессий с Бисмарком в поместье Варцин: «Вчера я провел в его кабинете два с половиной часа, сегодня он после обеда диктовал письмо императору – без перерыва. Он изложил подробно не

только содержание переговоров с Беннигсеном по поводу его назначения в правительство, но и обрисовал политическое развитие всей нашей партийной системы со времени принятия конституции. Князь диктовал без остановки пять часов, повторяю, пять часов. Он говорил быстрее обычного, и я едва поспевал за ходом его мыслей. В комнате было жарко, я взмок и боялся, что у меня начнутся судороги. Я, не говоря ни слова, снял пиджак и бросил его на кресло. Князь, ходивший взад-вперед, в изумлении остановился, бросил на меня понимающий взгляд и продолжил, не прервавшись ни на секунду, диктовать»26.

С возрастом из-за перенапряжения он стал раздражительным до такой степени, что это тревожило его близких сотрудников. Роберт Люциус фон Балльхаузен, вошедший в число приближенных Бисмарка в 1870 году и в 1879-м назначенный министром в прусское государственное министерство [5] , видел своего шефа часто и замечал происходившие в нем перемены. Еще в 1875 году он писал:

…

«22 февраля. Удивительная черта характера Бисмарка – жгучее желание мести и возмездия за реальные или химерические проявления неуважения. В своей болезненной раздражительности он воспринимает как выпад против него то, что другой человек таковым совершенно не считал и не намеревался делать… Сегодня очень приятный вечер. Он трапезничает, отрезает сам ломтики индейки, запивает четвертью или половиной бутылки коньяка вперемешку с двумя или тремя бутылками «Аполлинариса». Днем, говорит, ему ничего не идет в горло, ни пиво, ни шампанское, но коньяк с минеральной водой – это то, что надо. Он заставлял и меня пить вместе с ним, поэтому мне трудно судить о том, сколько он поглотил»27.

«4 марта. Внутриполитическая ситуация меняется с калейдоскопической скоростью… Бисмарк подходит ко всем вопросам со своей колокольни, не намерен уступать ни грана влияния и меняет позицию каждый день. Когда ему претит что-то делать, он баррикадируется волей кайзера, и все знают, что он добьется своего, если захочет»28.

Трудно представить, как можно служить под началом такого человека, который не терпит инакомыслия, воспринимает любое несогласие как проявление нелояльности и не прощает обиды. Фридрих фон Гольштейн, обожавший Бисмарка, когда был молодым дипломатом, писал позднее, разочаровавшись в своем кумире: «Бисмарк испытывал психологическую потребность в том, чтобы своей властью изводить, унижать и мучить людей.

Пессимистический взгляд на жизнь отравил все человеческие удовольствия, оставив ему только один источник развлечения, и будущему историку придется признать, что режим Бисмарка представлял собой нескончаемую оргию презрительного и оскорбительного отношения к человеку, коллективного и индивидуального. Она была и причиной величайших просчетов Бисмарка. Он был рабом своего темперамента и эмоциональных взрывов, для которых не существовало разумных объяснений»29.

«Будущий историк» может согласиться с фон Гольштейном лишь отчасти. Холостяк-одиночка, старший государственный служащий писал эти слова после 1906 года, огорченный тем, как его выдворили из дипломатического истеблишмента. Он с такой же горечью отзывался о Германии и положении, в котором она оказалась. Гольштейн близко знал Бисмарка с 1861 года и одно время был его почитателем. «Будущий историк», конечно, знает, как часто Бисмарк грубил и обижал людей, и то, о чем написал Гольштейн, отмечали и другие их современники. Однако в международных делах Бисмарк вел себя совершенно не так, как дома – без злости и иррациональной раздражительности. В международных делах он должен был считаться с силами, находившимися вне его контроля, и ему приходилось действовать со всей рациональностью и осторожностью, на какую только был способен. В своей стране он тоже проявлял благоразумие и дальновидность, вводя страхование по старости, инвалидности и болезни, но страх и ненависть к социализму закрыли ему глаза на другие социальные проблемы. Мы не будем раньше времени выносить приговор оценке Гольштейном деятельности одного из самых интересных, одаренных и противоречивых представителей человеческого племени, поскольку переходим к описанию его жизненного пути. Читатель сам сделает выводы.

2. Бисмарк: рожденный пруссаком и что это означает

Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк родился 1 апреля 1815 года. Для землевладельца Фердинанда фон Бисмарка и его супруги Вильгельмины Менкен это был четвертый сын, появившийся на свет в родовом поместье Шёнхаузен, располагавшемся в Бранденбургской марке восточнее Берлина. Прежде чем вникать в происхождение личных качеств Отто фон Бисмарка, нам, очевидно, следовало бы разобраться во внешних обстоятельствах, оказавших на него то или иное влияние: историческом фоне, особенностях места его рождения, реальном значении в Пруссии статуса «помещика», каковым являлся отец, а впоследствии и он сам, социально-политической среде, идеях и ценностях людей, стоявших у его колыбели. Эрнст Энгельберг

назвал Бисмарка *Urpreusse*– сущий, или подлинный, пруссак: это понятие он использовал и в заглавии двухтомной биографии «железного канцлера»1. Но что это означало быть «пруссаком», и особенно в те далекие времена? Ведь Бисмарк родился на исходе одного исторического периода – Французской революции и Наполеоновских войн и в начале другой знаменательной эпохи – «долгого XIX столетия», привнесшего демократию, современную государственность и капиталистическое промышленное производство.

За двенадцать дней до первого крика младенца Бисмарка, 20 марта 1815 года из ссылки на острове Эльба бежал Наполеон, с триумфом возвратившись в Париж. Наполеоновская империя, уничтоженная в минувшем году союзниками-победителями, поднималась из руин повсюду, где бы он ни появлялся. Битва при Ватерлоо 18 июня 1815 года положила конец мечтам возродить империю, но она не избавила ни Европу, ни Пруссию Бисмарка от последствий наполеоновских авантюр. Наполеон успел навязать и широко распространить законы и принципы государственного управления Французской революции. И это можно считать первой, если не первостепенной частью исторического наследия, доставшегося Бисмарку.

Далее. Каким образом Бранденбургское маркграфство, в котором находилось поместье Бисмарков Шёнхаузен, превратилось в Прусское королевство, а затем и в ядро Германской империи? Ясно, что не только в силу богатых природных ресурсов. Кристофер Кларк в своем превосходном повествовании об истории Пруссии *«Iron Kingdom»*(«Железное королевство») так представлял себе прусские пейзажи времен детства Бисмарка: «Ландшафт однообразный и ничем не примечательный. Реки скорее напоминали вяло текущие извилистые потоки воды, полностью лишенные величавости Рейна или Дуная. Повсюду монотонные березово-хвойные леса… Во всех ранних описаниях, даже самых хвалебных, обязательно отмечаются пески, болотины, скучные равнины и непаханые целинные земли. Почва почти повсеместно малопригодная для земледелия. В отдельных районах из-за песков деревья вообще не росли»2.

Небогатое и бесперспективное княжество стало ядром самого могущественного в Европе королевства только благодаря усилиям монархов, правивших им с 1640 до 1918 года. Всем им свойственна одна замечательная особенность – долголетие. В эпоху зыбких правил престолонаследия и скоропостижных смертей Гогенцоллерны умудрялись сохранять и здоровье и трон. Великий курфюрст Фридрих царствовал с 1640 до 1688 года,

Фридрих Великий – с 1740 до 1786 года, Фридрих Вильгельм III – с 1797 до 1840 года, сеньор Бисмарка Вильгельм I, король Пруссии и император Германии – с 1861 до 1888 года, скончавшись в возрасте девяносто одного года. Средняя продолжительность царствования Гогенцоллернов исчислялась тридцатью тремя годами. Однако они оказались не только долгожителями, но и неплохими правителями. По крайней мере двоих из них – Великого курфюрста и Фридриха Великого – можно назвать самыми выдающимися монархами всех столетий, предшествовавших Французской революции, а Фридриха – вероятно, самым способным из всех властителей, правивших современным государством.

Великий курфюрст, преставившись в 1688 году, оставил после себя процветающую страну и регулярную армию численностью более тридцати тысяч человек. Во время правления отца Фридриха Великого – короля Фридриха Вильгельма I (1715–1740), получившего прозвище «короля-солдата», Пруссия располагала регулярной армией численностью восемьдесят тысяч человек. Фридрих Вильгельм I был приверженным кальвинистом, который в буквальном смысле лупцевал священников, не отправлявших службы должным образом. Однако все преобразования и в военной, и в гражданской сфере совершил Фридрих II Великий (1740–1786). Из Фридриха получился настоящий король: победоносный генерал, просвещенный деспот, философ и любитель музыки. Его наследие определяло последующее развитие прусской истории, и, собственно, именно его Пруссию унаследовал Бисмарк.Фридрих считал, что командующими могут быть только аристократы. Поэтому землевладельческий класс, к которому принадлежала семья Бисмарк, и состоял из служивых дворян. Он обладал монополией на высокие посты и в армии, и в государственных учреждениях. Фридрих Великий написал в «Политическом завете» от 1752 года:

…

«(Прусские дворяне) приносили в жертву свои жизни и состояния, служа государству; их верность и доблесть должны быть оплачены защитой со стороны правителей, и долг (правителя) – помогать обедневшим дворянским семьям и способствовать сохранению за ними земель, ибо они являются основой и опорой государства. В таком государстве не страшны никакие фракции и мятежи… одна из задач государственной политики должна заключаться в сохранении дворянства»3.

Фридрих был в долгу перед дворянством и осознавал это. Семья фон Клейст потеряла тридцать человек только в одной из

его войн – Семилетней войне (1756–1763), и ее жертвы не были исключительными для Пруссии4.

Фридрих по праву считается действительно «просвещенным» королем. Он отличался незаурядным интеллектом, сочинял трактаты и замечательные письма – естественно, на французском языке: немецкий язык предназначался для слуг. Король поддерживал переписку со всеми светилами эпохи Просвещения, чем можно отчасти объяснить его безразличное отношение к религии. За два года до его смерти философ Иммануил Кант отметил в своем знаменитом эссе «Что такое Просвещение?» (1784): «Становится все меньше препятствий для всеобщего просвещения, избавления человека от добровольной умственной незрелости. В этом отношении наше время является эпохой Просвещения, эпохой Фридриха».

Наследие, оставленное Фридрихом Великим, имело такие долговременные последствия, влияние которых испытал на себе и Отто Бисмарк. Монарх первым подал пример обязательного, ответственного и всесторонне образованного суверена. Один из его высших чиновников Фридрих Антон фон Хейниц (а с ним согласились бы все министры и чиновники) записал в дневнике 2 июня 1782 года:

…

«Надо брать пример с короля. С ним некого даже сравнивать. Он работящий, полностью отдается делу, и для него долг превыше всего. Не найти другого такого же монарха, такого же рачительного и последовательного, способного так же бережно распоряжаться своим временем»5.

Фон Хейниц был абсолютно прав. В Европе не существовало монарха, подобного Фридриху, ни до него, ни после. Гениальные короли не появляются в результате генетической лотереи. Фридрих Великий оставил в наследство будущим монархам целый ряд основополагающих принципов государственного управления, и самый главный из них заключался в том, что король является прежде всего слугой государства. Этот завет вначале перенял Вильгельм I, как и другой не менее важный постулат: суверен не может достойно управлять королевством без предварительной тяжелой черновой работы.

Еще одной неотъемлемой частью наследия Фридриха была обязательная и особая принадлежность к классу «юнкерства», как называлось прусское дворянство. Служение короне определяло и самоидентификацию, и весь смысл жизни аристократов. Они служили в армии и дипломатическом корпусе, управляли провинциями и министерствами, но на первом месте всегда

стояла служба воинская. В романе Теодора Фонтане *«Irrungen Wirrungen»*о любви между отпрыском из юнкерского сословия лейтенантом Бото фон Ринеккером и дочерью берлинского торговца цветами есть примечательная сцена, в которой молодой офицер идет к своему разгневанному дяде, приехавшему в Берлин специально для того, чтобы разобраться с племянником. Я передаю ее в собственном переводе: «У дворца Редера он встретил лейтенанта фон Веделя из драгунского гвардейского полка.

– Куда направляешься, Ведель?

– В клуб, а ты?

– К Хиллеру.

– Рановато.

– Ну и что? У меня ленч с дядей… Между прочим, он, то есть мой дядя, служил в твоем полку. Правда, давно это было, в сороковых. Барон Остен.

– Из Вицендорфа?

– Он самый.

– О, я же его знаю, то есть имя. Вроде бы даже родственник. Моя бабушка тоже Остен. Не он ли объявил войну Бисмарку?

– Верно, он. Знаешь что, Ведель? Тебе тоже стоило бы пойти. Клуб подождет. Там будут Питт с Сержем. Они появляются в час или три. Старина все еще без ума от драгунской синевы и позолоты. И в нем по-прежнему сидит пруссак, для которого только в радость увидеть Веделя.

– Ладно, Ринеккер. Только под твою ответственность.

– С превеликим удовольствием!

За разговором они не заметили, как дошли до места. Старый барон уже стоял у стеклянных дверей и посматривал на улицу: часы показывали одну минуту второго. Но он не стал выговаривать за опоздание и явно пришел в восторг, когда Бото представил ему лейтенанта фон Веделя.

– Сэр, ваш племянник…

– Никаких извинений. Герр фон Ведель, мы рады всем, кто называет себя Веделем, а тем, кто носит мундир, мы рады вдвойне и даже втройне. Заходите, господа. Мы отступим от этой позиции, занятой столами и стульями, куда-нибудь в тыл. Отступление не принято у пруссаков, но в данном случае оно желательно»6.

Этот небольшой эпизод показывает нам все, что надо знать о классе «юнкерства». Во-первых, они хорошо осведомлены друг о друге и зачастую оказываются в родственных отношениях. Во-вторых, они идентифицируют себя со своими полками так же, как англичане ассоциируются с теми или иными школами, колледжами Оксфорда или Кембриджа. Двое молодых юнкерских

лейтенантов говорят кратко, рублеными, *cut*, а по-немецки *schneidig*, фразами. Когда пруссак-юнкер осведомлялся о ком-либо, то он первым делом спрашивал: *Wo hat er gedient*? («Где он служил?»). Имелось в виду, естественно: в каком полку? Старый барон не терпел опозданий и непременно отругал бы Бото, если бы тот не привел с собой драгуна-гвардейца Веделя. Бывалый воин воплощал в себе все добродетели прусского дворянства: преданность долгу, деловитость, пунктуальность и самопожертвование, основанные обыкновенно на лютеранском или евангелическо-протестантском благочестии и яростной, несгибаемой гордости. Женским чарам не было места в этом регистре юнкерских нравственных установок. Бисмарк после отставки говорил Хильдегард фон Шпитцемберг: «Первый пехотный гвардейский полк – это военный монастырь. Вместилище *Esprit de corps*(сословного духа) на грани безумия. Надо запретить этим господам жениться; я призываю тех, кто собирается выходить замуж за кого-либо в этом полку, отказаться от такой мысли. Такая женщина обвенчается с военной службой, эта служба сделает ее несчастной и доведет до смерти…»7

Близкий и давний друг Бисмарка Джон Лотроп Мотли, бостонский аристократ, учившийся вместе с ним в Гёттингенском университете, писал родителям в 1833 году: «Немцы делятся на два класса: «фоны» и «не фоны». Счастливчики, имеющие эти три магические буквы перед своими именами, относятся к дворянству или аристократии. Остальные, как бы они ни комбинировали буквы алфавита, все равно остаются плебсом»8.

На юге и западе Германии тоже были «фоны», но мало кто из них «служил» Фридриху Великому. Они принадлежали к более богатой, раскрепощенной и менее суровой, чаще всего католической аристократии. Многие из них обладали высокими имперскими титулами, вроде *Freiherr*или *Freiherren*(барон), и признавали своим сувереном только императора Священной Римской империи. Эти люди совершенно не подчинялись территориальным князьям, на чьих землях располагались их поместья. Австрийские дворяне и венгерские магнаты, чьи владения иногда занимали пространства, равные Люксембургу или американскому штату Делавер, относились к «юнкерству» со смешанным чувством восхищения и отвращения. Австрийский посол граф Алойош Каройи фон Надькарой, служивший в Берлине в первые годы пребывания Бисмарка на посту министра-президента Пруссии, принадлежал к великой мадьярской аристократии и занимал более высокое социальное положение, чем фон Ринеккер, фон Клейст или фон Бисмарк-Шёнхаузен. В январе 1864 года он информировал австрийского министра

иностранных дел графа Иоганна Бернхарда Рехберга унд Ротенлёвена, человека в равной мере знатного, о конфликте между короной и парламентом в Пруссии. Дипломат с определенной долей проницательности писал: «Этот конфликт отражает не только политическое, но и социальное разделение, свойственное внутриполитической жизни Прусского государства, а именно враждебность в отношениях между различными сословиями и классами. Антагонизм… между армией и дворянством, с одной стороны, и всеми остальными добродетельными гражданами – с другой, является самой примечательной и самой темной чертой прусской монархии»9.

Самым значительным достижением Бисмарка и стало «сохранение» этой «самой темной» черты «юнкерства», несмотря на три войны, объединение Германии, пришествие демократии, капитализма, индустриализации, телеграфа, железных дорог, а в конце его карьеры и телефона. Внуки Бото и Веделя и им подобные командовали полками у Гитлера. Они поддерживали войну нацистов до тех пор, пока ее не проиграли, и они же – фон Мольтке, фон Йорк, фон Вицлебен и другие представители этого класса снобов участвовали в заговоре 1944 года против Гитлера. Вторая мировая война унесла жизни десятков миллионов невинных людей, и лишь оккупация русскими войсками Бранденбурга, Померании и Прусского «герцогства» и других «коренных» территорий позволила уничтожить юнкерские поместья и изгнать их владельцев. 25 февраля 1947 года союзные оккупационные власти подписали распоряжение о ликвидации Прусского государства – единственный в истории прецедент аннулирования целого государства по декрету: «Прусское государство, с первых дней являвшееся источником милитаризма и реакции в Германии, прекращает свое существование»10.

Этим актом союзники вогнали осиновый кол в сердце Фридриха Великого. Бисмарк тоже принадлежал к классу «юнкерства». Нет никаких сомнений в том, что эта принадлежность определяла и его характер, и многие его моральные установки, и поступки. Он гордился своим происхождением, однако далеко не всегда соответствовал образу истого юнкера. Ленч у Хиллеров в романе Фонтане начинался очень душевно. Но он принял совсем другой оборот, как только речь зашла о Бисмарке:

…

«Старый барон, и без того страдавший гипертонией, налился кровью, вся его лысая голова покраснела до самой макушки, а сохранившиеся завитушки на висках, казалось, встали дыбом.

– Не понимаю тебя, Бото. Что это значит – «конечно, можно сказать и так»? Это означает, что «можно так и не сказать». Я знаю, чем все это заканчивается. Все эти разговоры о неком офицере-кирасире в резерве, у которого нет ничего за душой… о неком человеке из Хальберштадтского полка с зелено-желтым воротником, штурмовавшего Сен-Прива и окружившего Седан. Бото, не говори мне такие вещи. Он был гражданским подготовишкой в Потсдамском правительстве при старике Мединге, не сказавшем о нем, кстати, ни одного доброго слова. Я это знаю, и все, чему он научился, – как составлять депеши. Это все, что я могу о нем сказать. Он знает только, как писать депеши; иными словами, он – канцелярская крыса. Но Пруссию сделали великой не канцелярские крысы. Разве при Фербеллине одержал победу бумагомаратель? Разве бумагомаратель победил при Лейтене? Разве Блюхер был бумагомарателем? А Йорк? А он – настоящая прусская канцелярская крыса. Я таких типов не переношу»11.

По понятиям старика Остена, Германию объединила армия, а не Бисмарк. Армия создала Пруссию, и Курт Антон барон фон Остен, юнкер-землевладелец и отставной офицер олицетворял и эту армию, и эту Пруссию так же, как и молодые лейтенанты, побледневшие от его гнева. Прусские юнкеры по любому поводу надевали военную форму, пытался это делать и Бисмарк, хотя ему довелось служить очень недолго и безо всякой охоты в качестве резервиста. Друг и патрон военный министр Альбрехт фон Роон посчитал нелепостью настойчивое стремление Бисмарка носить мундир. В мае 1862 года Бисмарк приехал в Берлин, предвкушая назначение министром-президентом, и в конце месяца присутствовал на ежегодном параде гвардейцев на поле Темпельхоф. Роон в связи с этим записал в дневнике: «Его высокую фигуру облегала популярная в армии униформа кирасира – правда, в звании майора. Все прекрасно знали, каких трудов это ему стоило. Он долго пытался доказать, что по крайней мере эполеты майора необходимы прусскому послу для престижности при дворе в Санкт-Петербурге. Тогдашний глава военного кабинета (генерал фон Мантейфель) не сразу согласился дать соответствующие рекомендации»12.

Любование армией зиждилось на победах Фридриха Великого. Только после ее сокрушительного поражения в 1806 году «оборонные интеллектуалы» позволили себе пожурить любимое детище прусского юнкерства. Они учредили Военную академию для подготовки будущей элиты и разработки новых технологий, особенно в артиллерии. Лучшим выпускникам академии предстояло образовать костяк новой организации –

генерального штаба, вскоре появится и современное военное министерство. Как написал Арден Бухольц в историческом исследовании, посвященном Мольтке, прусская армия «научилась учиться… прусский генеральный штаб и армия стали пионерами в сфере предметного и системного познания»13. Закоперщиком реформы в Пруссии была небольшая группа «просвещенных» армейских офицеров, государственных служащих и берлинских интеллигентов. Они полагали, что французские революционные идеи остановить невозможно, да и незачем. Однако преобразование Пруссии неминуемо означало превратить ее в нечто, не похожее на Пруссию. Даже военным реформаторам вроде Йорка не нравилось то, что происходило вокруг. Когда Наполеон в ноябре 1808 года лишил должности одного из самых главных реформаторов барона фон Штейна, Йорк написал: «Одна безумная голова слетела, остальные обитатели змеиного гнезда подохнут от собственного яда»14.

Помощь прусскому юнкерству пришла из страны, от которой ее меньше всего можно было ожидать, – из Англии, от Эдмунда Бёрка. Английский парламентарий и публицист прославился не только своими политическими выступлениями и ораторским искусством. Знаменитым он стал прежде всего благодаря книге, написанной сразу же, как только разразилась Французская революция: «Размышления о революции во Франции и о процессах, происходящих в некоторых обществах в Лондоне в связи с этим событием, в письме, предназначенном для отправки джентльмену в Париже», ноябрь 1790 года (“ *Reflections on the Revolution in France And on the Proceedings in Certain Societies in London Relative to That Event in a Letter Intended to Have Been Sent to a Gentleman in Paris*”). Это бунтарское в определенном смысле произведение породило современную разновидность консерватизма. Бёрк выразил очень мрачный взгляд на человеческую природу. По его мнению, «гомо сапиенс» совершенно не меняется. Порочность и глупость человека лишь приобретают другие маски. Не менее пессимистично публицист оценивал и наши способности к благоразумию и предвидению. В своих расчетах люди всегда ошибаются, поскольку игнорируют закон непреднамеренных последствий.

По сути, новый консерватизм Бёрка противостоял новому радикализму во Франции.

Новый консерватизм получил широкое распространение на континенте Европы и лишь слегка задел Англию в 1800–1820 годах. Бёрк выдвинул целый ряд аргументов против либерализации реакционных режимов: человек глуп, люди от рождения неравны, любое планирование улучшений безнадежно,

стабильность лучше перемен. Оппоненты Франции использовали «Размышления» Бёрка для обоснования «управления» людьми сверху – то есть аристократией – и для доказательства того, что нет никакой нужды в «реформировании» просвещенного деспотизма. Им не нужны были ни французские революционеры, ни Фридрих Великий с его атеизмом и рационализмом, поскольку разумность сама по себе вредна.Они обрушились на либеральный капитализм, Адама Смита, свободный рынок, используя аргументы Бёрка по своему усмотрению. Бёрк превозносил английских крупных лендлордов, потому что земля перманентна, а «денежный капитал» зыбок и невоздержан. Деньги имеют привычку растекаться и распыляться. И земля теперь становится товаром, предметом купли-продажи, а не основой стабильного общества. Бёрк объяснял это таким образом: «Духом наживы и спекуляции заразилась земля. Вследствие таких операций эта разновидность собственности разлагается и улетучивается, становится предметом противоестественной и чудовищной активности, попадая в руки к манипуляторам, крупным и мелким, парижским и провинциальным, представителям денежного капитала»15.

Земля перестает быть средством самоидентификации, превратившись в товар. Нагревают на этом руки евреи: «Новое поколение аристократов будет больше походить на сословие кустарей и лапотников, а спекулянты, ростовщики и евреи станут их постоянными спутниками и даже хозяевами»16.

В определенном смысле публицист оказался прав. Новое поколение аристократов, как он и предвидел, включало в себя таких людей, как барон фон Оппенгейм, несколько лордов и баронов Ротшильдов, фон Мендельсонов и т. д. Для Бёрка евреи представляли все самое кричащее, безвкусное и спекулятивное на рынке: «Евреи-брокеры, состязающиеся друг с другом в том, кто быстрее избавится от жульнических и обесцененных бумаг, довели страну до нищеты и разрухи своими советами»17.

Самыми способными учениками Бёрка стали реакционные прусские лендлорды и враги «прогресса» в каждой европейской стране. По всей Европе в 1790 году правящим классом было сословие землевладельцев и феодалов. Их враждебное отношение к идеям свободного рынка, свободного гражданства, свободного крестьянства, свободного движения капитала и труда, к свободомыслию, биржам и банкам, к евреям и свободе прессы сохранялось до 1933 года и в итоге привело к возникновению нацистской диктатуры. Именно группа юнкерских заговорщиков во главе с Францем фон Папеном (1879–1969), католиком-дворянином из Вестфалии, побудила юнкера-президента

Веймарской республики фельдмаршала Пауля Людвига Ганса Антона фон Бенекендорфа унд Гинденбурга (1847–1934) назначить Адольфа Гитлера на место, которое когда-то занимал Бисмарк. Прусские юнкеры хотели использовать австрийского капрала в своих целях, но все вышло наоборот: прыткий капрал заставил их работать на себя.

Бёрк, классический либерал, превратился в проповедника реакции, сам став жертвой непредвиденности. В этом превращении есть еще один парадокс – в том, что прусского читателя с его книгой познакомил не кто иной, как блистательный пройдоха начала XIX века, молодой интеллектуал по имени Фридрих Генц (1764–1832). Генц сыграл двоякую роль в жизни Бисмарка. Он перевел Бёрка на немецкий язык, но еще и посвятил нас в жизненный путь Анастасия Людвига Менкена (1752–1801), деда Бисмарка по материнской линии. В своей карьере Генц дорос до советника реакционера-князя Меттерниха, который в день рождения Бисмарка председательствовал в Вене на общеевропейском конгрессе.Когда началась Французская революция, Генц обрадовался. 5 марта 1790 года он писал: «Дух новой эпохи бурлит и будоражит меня. Для человечества настало время проснуться от долгой спячки. Я молод, и всеобщее стремление к свободе, прорывающееся отовсюду, мне любо и дорого»18.

Генц жонглировал принципами с беззаботностью и ловкостью истинного прохиндея. Поначалу он действительно приветствовал Французскую революцию, сообщая 5 декабря 1790 года Кристиану Гарве: «Революция являет собой первый практический триумф философии, первый в истории мира пример организации правительства на основе рационально выстроенной системы. Она воплощает надежды человечества и дает утешение тем, кто все еще стонет под гнетом застарелого зла»19.

Он читал Бёрка, когда книга вышла на английском языке, и она ему не понравилась. Его не устроили «фундаментальные принципы и заключения». Но Генц обладал чутьем игрока. Он переменил свое мнение в 1792 году после буйства толпы в Париже и особенно после того, как убедился в огромной популярности «Размышлений о революции во Франции». Только за шесть месяцев были проданы 19 тысяч экземпляров английского издания книги Бёрка. К сентябрю 1791 года она выдержала одиннадцать переизданий. Тогда-то Генц и решил перевести ее на немецкий язык, и книга моментально разошлась в немецкоязычных странах. Возможно, Эдмунду Бёрку повезло в том, что его книгу переводил «величайший немецкий памфлетист эпохи». По крайней мере удовлетворение испытывал сам Генц.

Памфлетист написал своему приятелю: он перевел Бёрка «не потому, что считает его книгу революционной в истории политической мысли, а лишь постольку, поскольку она красноречиво обличает развитие событий во Франции»20. В декабре 1792 года Генц составил предисловие и послал экземпляр с посвящением императору в Вену, но не удостоился даже ответа. 23 декабря 1792 года он отправил своего Бёрка Фридриху Вильгельму III. Король принял книгу и присвоил памфлетисту звание *Kriegsrat*(военного советника)21. «Размышления» сразу же стали бестселлером. Последовали два дополнительных издания, не считая дюжины перепечаток22. Стоит привести хотя бы один параграф из предисловия, написанного Генцем к своему переводу, чтобы показать, как далеко он ушел от первоначального мнения о Французской революции: «Деспотичный синод Парижа, поддержанный изнутри инквизиционными судами, а извне – тысячами добровольных миссионеров, с нетерпимостью, невиданной со времени падения папской непогрешимости, объявляет ересью любые отклонения от его максим… Отныне должен быть один рейх, один народ, одна вера и один язык. Ни одна эпоха, ни прошлая, ни нынешняя, еще не испытывала столь опасного кризиса»23.

Чем примечателен этот параграф? Зимой 1792/93 года тридцатилетний клерк прусской администрации Фридриха Вильгельма II описал потенциальную угрозу последствий Французской революции, которую не заметил даже Бёрк. Наступит день, когда в искаженном и омерзительном виде террор и насилие Французской революции проявятся в том же самом городе, в котором писал предисловие Генц, – в Берлине, и Адольф Гитлер повторит фразу «Один рейх, один народ, одна вера и один язык» в несколько ином варианте: «Один рейх, один народ, один фюрер». Творцами современного консерватизма следует считать обоих – Бёрка и Генца.

Позднее Генц познакомился с Александром фон дер Марвицем (1787–1814), которого Эвальд Фрай описал как человека «со всеми признаками выдающегося романтика»24. Александр приходился младшим братом Людвигу фон дер Марвицу (1777–1837), и в Людвиге фон дер Марвице мы находим первого бёркианского заступника юнкерского класса и автора структурного антисемитизма, определившего вначале прусское, а затем и немецкое ненавистное отношение к евреям. Они превратились во врагов прусского государства именно в том смысле, в каком их изобразил Бёрк: евреи «разлагают» собственность, ставят деньги выше реальных ценностей. Для Генца Александр фон дер Марвиц, влюбившийся к тому же в его

хозяйку-еврейку, оказался чересчур неудобным: слишком тяжелым «для моей нервной системы, подобно тому как некоторые люди делают вам больно, пожимая руку»25. Привлекательный молодой юнкер принадлежал к самым просвещенным кругам в Берлине до и после 1806 года.У меня нет доказательств того, что Александр фон дер Марвиц давал книгу Бёрка в переводе Генца своему брату, однако идентичность взглядов Бёрка и старшего фон дер Марвица вряд ли случайна. Из превосходной биографии Людвига, написанной Эвальдом Фрайем, мы знаем о том, что братья были близки и регулярно переписывались, хотя и отличались разными темпераментами. Если Генц считал Александра слишком тяжелым в общении, то сам Александр характеризовал старшего брата в письме от 19 декабря 1811 года как человека, «чьи черты лица, принципы и недюжинные способности были тверды как камень»26. Вот как отзывался старший фон дер Марвиц о реформах Штейна: «Они предатели, и Штейн их вожак. Он начал революционизировать наше отечество, объявил войну неимущих против состоятельных; войну промышленности против сельского хозяйства; распущенности против порядка и стабильности; грубого материализма против божественных институтов; так называемой пользы против закона; настоящего против прошлого и будущего; индивида против семьи; спекулянтов и барышников против землевладельцев и профессионалов; надуманных теорий против традиций, укоренившихся в истории страны; книжности и самодельных талантов против добродетели и честности»27.

Аргументы явно переняты у Бёрка, и страсть такая же, какая повелевала его пером в 1790 году. Фридриха Августа Людвига фон дер Марвица условно можно назвать связующим звеном между миром Фридриха Великого и временем Бисмарка. В детстве фон дер Марвиц стоял пажом у кареты старого короля. 9 мая 1811 года он восстал. Во Франкфурте-на-Одере Людвиг фон дер Марвиц собрал местных дворян из Лебуса, Брескова и Шторкова, юго-восточных городов района Мёркиш-Одерланд Бранденбурга, и они отправили его величеству королю петицию. Позволительно процитировать ее поподробнее, поскольку в ней отражена одна из важнейших причин недовольства прусских юнкеров-консерваторов:

…

«В декрете о предоставлении евреям права землевладения есть фраза: «Тем, кто исповедует Моисееву религию». Эти евреи, если они истинно поклоняются своей вере, являются врагами для всякого существующего государства; если они не придерживаются

своей веры, то они – лицемеры и обладают огромным ликвидным капиталом. Поэтому как только стоимость земли падает до уровня, при котором они смогут приобрести ее с выгодой, она попадает к ним в руки. Становясь землевладельцами, они становятся главными представителями государства, и потому наша древняя, освященная веками Бранденбург-Пруссия скоро превратится в новомодное еврейское государство»28.

Марвиц почти наверняка впервые использовал понятие *Judenstaat*. Либеральное государство – это «еврейское государство». Определение, использованное позже Теодором Герцлем при основании сионизма, как видно, возникло еще раньше – в обращении прусского юнкерства к королю с нападками на евреев, как глашатаев капитализма и свободного рынка. Веймарская республика была осуждена как «еврейская». Таким был ответ прусского юнкерства Адаму Смиту. Деньги и движимое имущество – еврейское трюкачество. Фон дер Марвиц писал позднее: «Они все (окружение Ганденберга) изучали Адама Смита, но не понимали одного: он имел в виду использование денег в законопослушной стране, имеющей действующую конституцию, каковой была и остается Англия, и в такой стране можно сколько угодно рассуждать о деньгах без оскорбления конституции…»29

А Эвальд Фрай отмечал: «Евреи олицетворяли все странное и непонятное, появившееся после феодализма: новая действительность, беспризорность, тяга к деньгам и наживе, революционность… ярко выраженное юдофобство – это, в сущности, ретроградство»30.

Бёркианское воззвание Людвига фон дер Марвица не произвело впечатления на барона Карла Августа фон Гарденберга (1750–1822), канцлера короля Пруссии. «В высшей степени дерзко и бесстыдно», – начеркал он на полях петиции31. В июне 1811 года канцлер отправил фон дер Марвица и его старого соратника Фридриха Людвига Карла графа фон Финкенштейна в тюрьму Шпандау. К большому огорчению фон дер Марвица, никто из лендлордов даже и пальцем не пошевельнул, чтобы его поддержать. Они, возможно, и разделяли его взгляды, но не до такой степени, чтобы ради них попасть в кутузку. Как мы увидим позже, и Бисмарк, и другие прусские аристократы будут высказывать те же аргументы против «еврейского» либерализма, какие выражал фон дер Марвиц, отвергавший и надежды Шарнхорста на то, что командовать полками в прусской армии будут не только дворяне. Буржуазия не способна воспитать офицера: «Из детей банкиров, деловых людей, идеологов и «граждан мира» в девяносто девяти случаях из ста вырастут

спекулянты или лавочники. В них всегда живуч дух торгаша, барыш постоянно маячит перед глазами, иными словами, они родились и останутся плебеями. Сын даже самого тупого дворянина, если хотите, никогда не сделает того, что сделает простолюдин… И кроме того, знание ослабляет силу духа»32.

Фон дер Марвиц вряд ли отражал настроения всего класса юнкерства, хотя и считал себя его глашатаем, как мы убедились, совершенно неправомерно. Прусское королевство изменилось, и страстное отстаивание феодальных прав уже стало неуместным. Рыночные отношения внесли свои коррективы в умонастроения и образ жизни сословий восточнее Эльбы, а новое прусское законодательство и прогрессивная сельскохозяйственная техника создали для них лучшие экономические условия. Значительная часть помещиков Восточной Пруссии исповедовала «либерализм» примерно так же, как рабовладельцы американского юга до 1860 года. Экспортеры нуждались в свободном доступе на мировые рынки, и они поддерживали свободную торговлю, представительные институты власти, особенно если их и контролировали, и невмешательство со стороны государства. Возможно, они и симпатизировали идеям фон дер Марвица, но им приходилось жить не в вымышленном, а в реальном мире.

Вдобавок ко всему Пруссия приобрела вроде бы ненужные ей территории в долине Рейна. Она предпочла бы завладеть всей Саксонией, располагавшейся ближе и в 1815 году гораздо более богатой. Однако Меттерних, опасавшийся возрастания прусского могущества, вынудил Фридриха Вильгельма III согласиться на кусок Северной Саксонии и далекие западные земли с сонными католическими общинами, обитавшими по берегам рек Рур и Вуппер, протекавших через сельскохозяйственные угодья. Никто на Венском конгрессе в 1815 году даже и не догадывался о том, что под фермерскими усадьбами и пашнями скрываются крупнейшие в Европе залежи угля. Сам того не подозревая и словно повинуясь гегелевской «хитрости мирового разума», австрийский канцлер обеспечил своего соперника Пруссию топливом для ускоренной индустриализации. Он также фактически передал прусскому королю в 1816 году 1 870 908 новых подданных33, численность которых к 1838 году возросла до двух с половиной миллионов человек34. Население этого региона было самым грамотным в Европе XVIII века, а в 1836 году только 10,8 процента рекрутов, набранных на новых рейнских землях Пруссии, не могли поставить свои подписи35. На новых территориях, образовавших после 1822 года Рейнскую область, проживало значительное число приверженцев Римской католической церкви. По оценке Брофи, 75 процентов населения

Рейнской области составляли католики, а на левом берегу Рейна, в районах вокруг Кёльна их было еще больше – 95 процентов36. Эти территории контролировались французскими оккупантами гораздо дольше, чем восточные земли Пруссии, и жители успели свыкнуться с Наполеоновским кодексом, устанавливавшим свободы личности и права собственности. Кодекс под названием «Рейнского закона» стал неотъемлемой частью идентификации этой провинции. Здесь благодаря удобным коммуникациям и предприимчивым капиталистам быстрее, чем в других регионах, строились и железные дороги. К 1845 году половина железнодорожных путей Германии пролегала по Рейнской области37.

30 апреля 1815 года образовалась еще одна новая прусская провинция. Территории и княжества, располагавшиеся между Рейном и Везером, навсегда лишились своего независимого статуса, превратившись в прусскую провинцию Вестфалия с населением около миллиона человек38. Князья-епископы Фульды и Падерборна и архиепископ Мюнстера позаботились о том, чтобы новая провинция, как и Рейнская область, была преимущественно католической. По замечанию Фридриха Кайнемана, «протестантские государственные служащие в католическом окружении» стали характерной чертой нового типа королевского сюзеренитета в Пруссии39. Включение двух новых провинций в состав государства полностью изменило политический ландшафт Прусского королевства. Согласно официальной статистике, к 1874 году около трети населения страны исповедовало католическую веру40. Западные территории отличались более терпимой и либеральной политической культурой: здесь сказывалось влияние католицизма, торговой и промышленной буржуазной элиты, со временем изменившей и состав прусского парламента. Юнкерство уже не могло единовластно управлять «своим» королевством, как прежде. Данное обстоятельство тоже можно считать частью политического наследства, доставшегося Бисмарку.Все эти факторы – армия, выпестованная «королем-гением» Фридрихом Великим; срастание класса юнкерства с армией и государственной бюрократией; навязчивая идея *Dienst*, служения отечеству; жесткое разделение между дворянством и буржуазией; обостренное, воинское чувство чести; ненавистное отношение к евреям – так или иначе оказали влияние на формирование взглядов, ценностей и стиля поведения Отто фон Бисмарка. Он, безусловно, критически воспринимал это наследие, когда управлял государством и мобилизовывал корону и дворянство на войны. Он мастерски применил приемы Французской революции для того, чтобы не дать ей достичь своих

целей. В 1890 году – ровно через столетие после возгорания пламени свободы во Франции – Бисмарк, покидая свой пост, мог с удовлетворением отметить: ему удалось остановить бурное наступление либерализма и «священных» доктрин равенства. Он вывел авторитарную, полуабсолютистскую прусскую монархию с ее культом силы и почитанием самовластия в двадцатый век. Гитлер очистил ее от хаоса Великой депрессии 1929–1933 годов. Он занял пост Бисмарка – канцлера – 30 января 1933 года. Еще один «гений» встал у руля Германии.

3. Бисмарк: «шальной юнкер»

6 июля 1806 года Карл Вильгельм Фердинанд фон Бисмарк (1771–1845) сочетался браком с Вильгельминой Луизой Менкен (1789–1839) в Королевском дворце и гарнизонной церкви в Потсдаме1. Фердинанд фон Бисмарк был самым младшим из четырех братьев, менее всего образован, чрезвычайно ленив, но отличался доброжелательностью и простодушием2. Добрый, благопристойный, слегка эксцентричный «дядя Фердинанд» походил на деревенского сквайра вроде Олверти из романа Генри Филдинга «История Тома Джонса, найденыша». Сын позже в декабре 1844 года живописал сестре то, как отец тщательно готовился к охоте в восьмиградусный мороз, когда ничего не шевелится и никто не решится стрелять из ружья. У отца было четыре термометра и барометр: он по четыре раза в день осматривал их по очереди, постукивал пальцем, проверяя, исправны ли они. Отто фон Бисмарк просил и сестру отмечать все жизненные мелочи, когда она навещает родной дом: «Что подают на стол, ухоженны ли лошади, как ведут себя слуги, дуют ли сквозняки, короче, реальные наблюдения, *facta*»3.

Племянница Хедвиг фон Бисмарк вспоминала о «дядюшке Фердинанде» с теплотой: «У него всегда находилось для нас доброе слово, и он нисколько не сердился, когда я или Отто прыгали у него на коленях… Он любил рассказывать о том, как однажды в гостевой книге отеля в графе «характер» написал: «зверский». Узнав о смерти дальнего родственника, оставившего ему в наследство померанские поместья Книпхоф, Ярц и Кюльц, Фердинанд фон Бисмарк весело сказал: «И от покойников бывает польза!»4 Сквайры Филдинга не следили за каждым шагом своих крепостных крестьян. Но не таков был отец Бисмарка. 15 марта 1803 года он выпустил помещичий приказ, адресованный «поданным»: «Еще раз напоминаю, что впредь буду строго привлекать к ответственности всех, кто не исполняет надлежащим образом свои обязанности и заслуживает наказания, невзирая на ссылки на незнание или непонимание»5.

Подобно многим другим юнкерам, Фердинанд фон Бисмарк управлял своими имениями, как маленьким королевством. Он был истинным феодалом, сам вершил суд, в котором исполнял роль и судьи, и присяжных заседателей. Даже в 1837 году судьба более трех миллионов подданных в Пруссии решалась манориальными судами помещиков, вроде Фердинанда фон Бисмарка, то есть 13,8 процента всего населения королевства6. Помещик назначал пасторов и директоров школ и не позволял ни государственным чиновникам, ни соседям вмешиваться в свои дела. Фердинанд фон Бисмарк и все мелкопоместное дворянство Бранденбурга, по определению Моники Винфорт, служили основой «консервативной феодальной политической системы»7. Однако феодальные права землевладельцев начали размываться уже в детские годы Бисмарка. Многие помещики пытались отстаивать их в надежде на получение компенсаций, особенно они цеплялись за сохранение манориальных судов.

Отношения Отто фон Бисмарка с отцом были непростые. Все родители докучают своим детям, но Фердинанд особенно надоедал способному сыну своей беспомощностью и бестолковостью. В феврале 1847 года, через месяц после обручения с Иоганной фон Путткамер Бисмарк писал ей: «Я искренне любил отца. Когда его не было рядом, я испытывал угрызения совести за свое поведение и давал себе обещание исправиться. Как часто я отвечал на его бесконечную, настоящую и бескорыстную любовь ко мне холодностью и грубостью? Я даже делал вид, будто люблю его, для того чтобы соблюсти правила приличия, хотя внутри чувствовал отторжение и неприязнь к его явной слабости. У меня не было права судить его за эту слабость, она раздражала меня лишь потому, что сочеталась с нескладностью. Тем не менее в душе я все-таки любил отца. Я хочу, чтобы ты знала, как мне тяжело, когда я думаю об этом»8.

В том же письме Бисмарк высказался и о своем отношении к матери: «Моя мать была красивой женщиной, любившей элегантно одеваться и обладавшей острым, живым умом, но у нее было мало того, что немцы называют *Gemth*(душевной теплоты. – *Дж. С.*). Она очень хотела, чтобы я многому научился и многого достиг, мне часто казалось, что она слишком жестка и холодна. Ребенком я ее ненавидел, постарше с успехом обманывал и лгал ей. Мы реально осознаем ценность матери для ребенка только тогда, когда ее уже нет в живых. Самая ничтожная любовь матери, даже смешанная с эгоизмом, намного искреннее и сильнее детской привязанности»9.

Вильгельмина Менкен, мать Бисмарка, выросла совсем в другом мире, чем эксцентричный сельский помещик Фердинанд

фон Бисмарк. Она родилась в 1789 году в берлинской преуспевающей семье с большим будущим. Ее отец, советник королевского кабинета Анастасий Людвиг Менкен (1752–1801), был профессорским сыном из Хельмштедта в герцогстве Брауншвейг. Юный Анастасий Людвиг в свое время сбежал из дома в Берлине, чтобы стать адвокатом или профессором у себя на родине. Менкен оказался настолько образован, обворожителен и умен, что и без связей при дворе и почти без денег вскоре стал дипломатом и исключительно благодаря своим способностям получил в 1782 году пост секретаря кабинета Фридриха Великого в возрасте тридцати лет. Он выгодно женился на богатой вдове, сочинял эссе и переписывался со всеми выдающимися деятелями Просвещения в Берлине10. При Фридрихе Вильгельме II Анастасий Людвиг продолжил дипломатическую службу, завоевав репутацию «самого интеллектуального» советника кабинета11. В 1792 году появилась зловредная публикация, назвавшая его «якобинцем», то есть сторонником Французской революции. Король, естественно, его уволил. Однако немалое состояние жены позволило ему посвятить себя занятиям философией и политической теорией и стать видным членом берлинского круга реформаторов – бюрократов и писателей, возлагавших свои надежды на кронпринца.

Неизбежно Менкеном заинтересовался проныра Фридрих Генц (1764–1832), будущий ближайший советник Меттерниха. Клаус Эпштейн так описывал молодого Генца: «Он решительно настроился на то, чтобы «прорваться» в узкий круг аристократов силой своего интеллекта и личного обаяния, и его не обременяла совестливость, присущая среднему классу в отношении к деньгам и женскому полу. Благодаря природным способностям он стал самым известным немецким политическим памфлетистом своего времени, а связи позволили ему стать и «секретарем Европы» в дни Венского конгресса»12.

Генц умел сочинять удивительные любовные письма, наполненные слезами и имитациями юного Вертера из поэмы Гете, правда, без малейших намеков на перспективу самоубийства. Он с удовольствием посещал берлинские салоны и прекрасно владел, по определению Суита, «техникой ведения салонных бесед». В 1788 году Генц познакомился с талантливым молодым философом Вильгельмом фон Гумбольдтом, сказавшим о нем в том же году: «Этот краснобай не пропустит ни одну юбку»13. Тогда же из него уже сформировался, по словам Суита, «превосходный эгоист, наделенный уникальными способностями проявлять верность идеям, а не людям»14. Свое умение держать нос по ветру Генц продемонстрировал в 1795 году, сделав ставку

на Анастасия Людвига Менкена, перед которым открывалось большое будущее. Менкен представлял влиятельную просвещенную государственную бюрократию, так называемую «партию кабинета». И Генц начал обхаживать Анастасия Людвига Менкена, видя в нем самую значительную фигуру в этой «партии» и рассчитывая на то, что Менкен вознаградит его после смерти короля15. Расчеты памфлетиста сбылись в 1797 году. Новый король Фридрих Вильгельм III на третий день после восшествия на престол назначил Менкена на высший административный государственный пост, позволявший, как написал Генц, «направлять все государственные дела так, чтобы они приносили славу и ему и королю»16. В ноябре 1797 года Генц отправил новому королю послание с изложением программы реформ. Король зачитал его в присутствии ближайших придворных. Генц потом сообщал другу Бёттихеру: «Это маленькое и пустяковое мероприятие произвело фурор среди всех классов и дало мне повод для такого морального удовлетворения, какое я нечасто испытывал в своей жизни»17.В роли административного главы кабинета Фридриха Вильгельма III Менкен должен был просматривать все петиции и письма, адресованные королю. Подобно руководителю аппарата Белого дома, он фильтровал запросы и прошения, помечая «отклонено» или «отказано». Энгельберг писал:

…

«Стоя у конвейера вереницы бюрократических дел в качестве государственного чиновника и главы кабинета, мыслитель, в свободное время поглощенный раздумьями о судьбе человечества и просвещения, не мог не тяготиться ежедневной рутиной принятия официальных решений. Так и формировался особый менталитет государственного служащего»18.

Именно в те годы Анастасий Людвиг Менкен изложил на бумаге свое видение характера государственной службы: «Я никогда не ползал и не пресмыкался. В своей политической деятельности я вел себя как пассажир на корабле, совершавшем длительное морское путешествие. Он ведь не будет ни пререкаться с моряками, ни пить с другими пассажирами, ни признаваться кормчему в своем бессилии и некомпетентности, чтобы не навлечь на себя издевательские оскорбления. Он должен приспособиться к качке и движениям корабля, иначе упадет и услышит одни *Schadenfreude*[6] . Я никогда не забывал об этом и не падал. Если бы я упал, то не отверг бы руку человека, сбившего меня для того, чтобы поднять, но никогда бы ее не поцеловал»19.

К несчастью, через несколько месяцев блистательный и

свободомыслящий королевский советник заболел. Ему было всего сорок шесть лет, и он прожил недолго. 1 февраля 1798 года Фридрих Генц писал другу: «Менкен сейчас руководит всей администрацией. Но он чрезвычайно ослаб и скоро от нас уйдет. Тогда вы поймете, какие соблазнительные возможности предоставляет этот пост для деятельного, амбициозного и уверенного в себе человека».

Генцу надо было решать: оставаться на своем месте в надежде на то, что благодаря своей известности, обаянию и «салонным успехам» ему удастся занять должность Менкена, или попытать счастья на другом поприще. Генц предпочел ничего не предпринимать: «Я не создан для того, чтобы торчать на тайных собраниях. Я страшусь военщины, которую никогда не следует трогать. И если король вдруг действительно поверит мне, то менее чем через полгода от меня ничего не останется»20.

Анастасий Людвиг Менкен скончался 5 августа 1801 года, так и не дожив до пятидесяти лет. Барон фон Штейн, хорошо его знавший и использовавший в собственной программе реформ многие наметки и нереализованные планы Менкена, отзывался о своем предшественнике в восторженных тонах: «Либерал до мозга костей, образованный, утонченный, благожелательный, человек из касты людей самых благородных взглядов и ума»21. Менкен, выдающийся, одаренный и обаятельный государственный служащий высшего ранга, умер на пороге величайшей карьеры. Он поднялся на вершину государственной власти при молодом, неопытном короле, предпочитавшем поручать другим заниматься делами и не притворяться Фридрихом Великим. А если бы Менкен действительно пожил подольше?

Можно сказать лишь одно. Если бы он не умер, то Вильгельмина, самый младший ребенок в семье и единственная дочь, никогда не вышла бы замуж за ничем не примечательного Фридриха фон Бисмарка. Энгельберг отмечал: «Фердинанд фон Бисмарк заключил с Луизой Вильгельминой Менкен не неравный брак, а социальный симбиоз. Сельский помещик, имевший в Шёнхаузене звание всего лишь лейтенанта (в отставке), женившись на ней, сразу же повысил свой социальный статус»22.

Это не совсем верно. В деревенском обществе Джейн Остен 1800 года или в Берлине Вильгельмины Менкен у молодой женщины, не располагавшей достатком, не было особого выбора. Как язвила Хедвиг фон Бисмарк, Вильгельмине «недоставало приставки «фон» в имени и денег в кошельке, что мешало ей бывать при дворе»23. Потому-то невероятно умной и красивой семнадцатилетней девушке и пришлось выходить замуж за скучного деревенского барина, который к тому же был старше ее

на восемнадцать лет. Во всех отношениях неравный брак не мог гарантировать ни благополучную семейную жизнь, ни материнское счастье. И Вильгельмина не имела ни того ни другого. Филипп цу Эйленбург так рассказывал о своей встрече со знакомой матери Бисмарка фрау Шарлоттой фон Кваст Раденслебен, дожившей до преклонного возраста: «Ее лицо приобрело серьезное выражение, когда она заговорила о его матери. Она неодобрительно покачала своей белой старческой головой и сказала: “Не очень приятная женщина; очень умная, но – очень холодная”»24.

Ребенок, потерявший родителя в раннем возрасте – а Вильгельмине было двенадцать лет, когда умер Анастасий, – редко полностью избавляется от пережитого шока и ощущения понесенной утраты. Хотя и не существует никаких свидетельств, но, похоже, она до конца дней тосковала по блистательному и успешному отцу и той светлой жизни, которая умерла вместе с ним. Она, безусловно, хотела, чтобы сыновья заполнили образовавшуюся пустоту. Вильгельмина выговаривала в 1830 году старшему брату Бисмарка Бернхарду, бедняге Бернхарду, истинному сыну своего отца: «Я воображала, что у меня вырастет сын, мною воспитанный, со мной во всем согласный, высокообразованный, призванный проникать в такие глубины интеллекта, которые мне, как женщине, недоступны. Я предвкушала интеллектуальное общение, умственное и духовное соприкосновение, радость от единения с человеком, близким мне не только по родству, но и по духу. Время для исполнения этих надежд подошло, но они испарились, и, должна признать к великому моему сожалению, навсегда»25.

Прямо скажем, не очень приятно получить такое письмо от матери. Нам неизвестно, как относился к ней Бернхард, но мы знаем, что Отто ее «ненавидел». Он винил ее за то, что она отправила его в школу Пламана, хотя это заведение пользовалось хорошей репутацией и практиковало *Turnen*(спортивную гимнастику), ставшую популярной благодаря усилиям *Turnvater*(отца спортивной гимнастики) Фридриха Людвига Яна (1778–1852). О шести годах, проведенных в этом учебном учреждении, у Бисмарка остались самые мрачные воспоминания, о чем он говорил и фон Койделю, и Люциусу фон Балльхаузену, а в старости написал и в мемуарах. Существует много версий этой истории. Я привожу ее в изложении Отто Пфланце: «В шесть лет меня отдали в школу, где учителя обожали *Turnen*, ненавидели дворян и воспитывали нас больше битьем и затрещинами, а не словами или порицаниями. По утрам детей будили удары рапир, оставлявшие синяки, потому что для учителей было утомительно

прибегать к другим методам. Гимнастика вроде бы предназначалась для оздоровления, но во время занятий учителя тоже били нас рапирами. Заботиться о ребенке моей просвещенной матери было недосуг, и она рано прекратила делать это, по крайней мере в своих чувствах».

Даже еда была ужасной: «Что-то вроде резины, не слишком жесткая, но не прожуешь»26.

Бисмарк любил своего «слабохарактерного» отца и ненавидел «твердокаменную» мать. Отто Пфланце писал: «Детские годы наложили свой отпечаток на многие привычки и склонности Бисмарка: презрение к мужчинам-подкаблучникам; нелюбовь к интеллектуалам («профессор» – для него было пренебрежительным эпитетом); неприятие бюрократизма и недоверие к *Geheimrte*(тайным советникам, кем был его дед по матери); позднее пробуждение (учеников в школе Пламана поднимали из постели в шесть утра); ностальгия по деревне и неприязнь к городам, особенно к Берлину; предпочтительное отношение к земледелию, а не к лесоводству (мать однажды приказала вырубить лесопосадку из дубов в Книпхофе)»27.

Документальные свидетельства, которые я находил о жизнедеятельности Бисмарка, лишь подтверждали предположения Пфланце. Историк в процессе изучения жизненного пути Бисмарка стал фрейдистом, по сути, прибегая к эдипову комплексу в объяснении ипохондрии, обжорства, злости и чувств безысходности и отчаяния, часто посещавших Бисмарка. Я тоже пришел к выводу о том, что успехи только портили его здоровье, характер и эмоциональное состояние. Пороки становились еще зловреднее, а добродетели улетучивались по мере усиления суверенности и могущества его самости. Эго Бисмарка сформировалось в детстве, и тогда же оно было непоправимо повреждено. Духовная кончина отца, задавленного молодой женой, холодность или, вернее, фактическое отсутствие матери нанесли ему неизлечимые психологические травмы. Вильгельмина, как и сын, страдавшая ипохондрией, жаловалась на «нервы» и успокаивала их на фешенебельных курортах, уезжая туда на длительное время. Ипохондрия сына оказалась еще более основательной, как и аппетит. Сам Бисмарк признавался в том, что «ребенком ненавидел мать, а позднее обманывал и лгал ей» и даже побуждал Бернхарда делать то же самое: «Не обходись слишком грубо с родителями. Истеблишмент Книпхофа привык ко лжи и дипломатии, а не к солдатской фразеологии»28? Как же она застращала ребенка, если он боялся говорить ей правду! Нам об этом никогда не узнать.

По необъяснимому стечению обстоятельств Бисмарк дважды

оказывался в «сыновних» отношениях со своими суверенами. Он считал прусского короля Вильгельма I слабохарактерным, а королеву, позднее императрицу Августу, сильной, неискренней и зловредной женщиной. И свои чувства он не скрывал. В этом отношении показателен эпизод, о котором леди Эмили Рассел, жена британского посла в Берлине, 15 марта 1873 года поведала королеве Виктории. Она сообщала королеве об «исключительной чести, оказанной нам императором и императрицей, отобедавшим в нашем посольстве, какой не удостаивалось ни одно другое посольство в Берлине»: «Вашему величеству известно о политической ревности князя Бисмарка по поводу влияния на императора, оказываемого императрицей Августой и мешающего, по его мнению, антиклерикальной и патриотической политике и формированию ответственных министерств, как в Англии. Императрица сказала моему мужу, что после войны он (Бисмарк) только два раза разговаривал с ее величеством, и она выразила пожелание, чтобы он тоже пообедал с нами. Согласно этикету, он должен был сидеть слева от императрицы и по крайней мере в течение часа не мог бы уклониться от беседы с ее величеством. Князь Бисмарк принял наше приглашение, но дал понять, что предпочел бы не следовать этикету и уступить свое место австрийскому послу. Однако в назначенный для обеда день незадолго до приема князь Бисмарк прислал извинения со ссылками на недомогание из-за люмбаго. Дипломаты недоумевали и намекали на дипломатическую уловку. Князь Бисмарк часто выражает свою неприязнь к императрице в столь неприкрытой форме, что ставит моего мужа в очень затруднительное положение»29.

В другом случае поведение Бисмарка было еще более вызывающим. Его раздражало то, как прусская кронпринцесса Виктория командовала своим мужем кронпринцем Фридрихом, и эти слухи, если учесть подавленное состояние кронпринца, очевидно, имели под собой основания. На этот раз для нас представляют интерес наблюдения баронессы Шпитцемберг, записавшей в дневнике свои впечатления о визите к княгине Б., нанесенном с детьми 1 апреля 1888 года, через две недели после смерти кайзера Вильгельма I и восшествия на трон императора Фридриха и императрицы Виктории:

…

«Мой дражайший князь приветствовал меня словами: «А, милая Шпицхен, как дела?» – и провел к столу. Справа от меня сидел старый Кюльцер. Я нагло «проинтервьюировала» князя… (Бисмарк) разглагольствовал: «Мой прежний хозяин прекрасно

осознавал свою подневольность. Он говорил обычно: «Помогите мне, вы же знаете, что я под каблуком». Поэтому мы действовали сообща. Этот же (Фридрих. – Дж. С .) слишком горд, но зависим и подневолен не меньше, трудно поверить, как собака. Беда в том, что, несмотря на все это, надо проявлять учтивость, когда хочется сказать: «А ну вас к черту!» Эта борьба утомляет и меня и императора. Он бравый солдат и в то же время уподобляется тем старым усатым сержантам, которые уползают в свои норы, боясь жен… Хуже всех… «Вики». Это жуткая женщина. Когда он видит ее, она пугает его своей необузданной сексуальностью, сквозящей в глазах. Она влюбилась в Баттенбергера и хочет, чтобы он был всегда рядом, и, подобно матери, которую англичане называют «эгоистичной старой хищницей» (на английском в оригинале. – Дж. С .), пристает к братьям с неизвестно какими намерениями»30.

Эту омерзительную, скабрезную и женоненавистническую тираду трудно назвать высказыванием «нормального» человека. Приведенные примеры и многие другие сюжеты из жизни Бисмарка могли послужить ценным материалом для фрейдистов. С возрастом Бисмарк все чаще болел. Причины были как физиологические, так и психологические. Похоже, он был недалек от истины, когда признавался Хильдегард Шпитцемберг в том, что его изматывает «постоянная борьба и существование, как на наковальне, по которой непрестанно бьет молот». Двадцать шесть лет он жил в положении доведенного до отчаяния, обозленного сына в психологическом треугольнике, в котором роль «родителей» исполняли император и императрица и, в сущности, властвовали над ним. Любой император мог выгнать его в любой момент, но старый император этого не сделал, более молодой император Фридрих был слишком болен, а самый молодой кайзер Вильгельм II, которому Бисмарк годился в деды, избавился от него очень быстро. Играл ли Бисмарк на противоречиях между слабым «отцом» и сильной «матерью»? Определенный элемент «личной диктатуры» вполне мог сформироваться в результате двойственности переживаний в отношении собственных родителей.

Работая над биографией Бисмарка, я не мог не обратить внимание на то, что все его угрозы об уходе в отставку, длительные отлучки из Берлина, болезни и ипохондрия были частью тактических приемов в достижении своих целей. Теперь я отчетливо понимаю, что психологический треугольник со «слабым» императором и «сильной» императрицей создавал ему непреходящую боль, словно вся его политическая судьба нуждалась в том, чтобы израненный психический мускул

постоянно корежился и выкручивался на грани переносимости. Когда в 1884 году появился доктор Эрнст Швенингер, из-за обжорства, физического недомогания и хронической бессонницы Бисмарк чуть ли не умирал. Швенингер исцелял «железного канцлера» самым простым способом: обернул теплыми влажными полотенцами и держал его за руку, пока тот не засыпал. Не напоминало ли это теплоту любящей матери?

В 1816 году семья Бисмарк перебралась в померанское поместье Книпхоф, доставшееся Фердинанду в наследство от дальнего родственника, о чем мы уже упоминали. Имение было большое, но деревня захудалая и находилась к тому же далеко от Берлина. В двадцатых годах Фердинанд отказался от выращивания зерна и перешел на животноводство. Бисмарк всегда предпочитал леса Померании зерновым полям Шёнхаузена31. Маленькому Бисмарку полюбился Книпхоф, о чем он позднее в 1864 году говорил фон Койделю на пути в Лейпциг:

…

«До шести лет я всегда был на свежем воздухе или в стойлах. Старый пастух однажды предупредил меня, чтобы я не залезал под коров. Корова может наступить на тебя, сказал он. Корова жует и ничего не замечает. Я потом часто вспоминал об этом, когда видел, как люди без раздумий и колебаний сминают друг друга»32.

В шесть лет он пошел в школу Пламана, проучившись в ней тоже шесть лет. Мы располагаем самым первым письменным свидетельством дарования Бисмарка, датированным 27 апреля 1821 года. Я не могу воспроизвести оригинальную орфографию, но и одной прозы достаточно для того, чтобы сделать соответствующие выводы. Не каждый шестилетний ребенок способен написать такие строки:

…

«Дорогая матушка, я благополучно добрался до места, оценки выставлены. Надеюсь, вы будете довольны. У нас новый прыгун, он умеет выполнять трюки верхом на лошади и на ногах. Шлю вам привет и пожелания доброго здравия, такого же, в каком вы были, когда мы уезжали от вас. Ваш любящий сын Отто»33.

Еще один пример ранней прозы Бисмарка сохранился с Пасхи 1825 года, и он показывает, как далеко ученик продвинулся в письменности:

…

«Дорогая матушка!

Я в полном здравии. Теперь нас будут переводить в другие

классы. Меня перевели во второй класс по арифметике, естественной истории, географии, немецкому языку, пению, правописанию, рисованию и гимнастике. Пришлите нам поскорее барабан для сбора урожая. Строгий учитель ушел от нас, и к нам пришел другой учитель по имени Кайзер. Ушел из школы и один ученик. Нам начали преподавать новый курс. Господин и госпожа Пламан чувствуют себя хорошо. Будьте здоровы, пишите и передавайте всем привет от вашего преданного сына Отто»34.

В 1827 году в жизни Бисмарка произошли перемены. В возрасте двенадцати лет он поступил в гимназию Фридриха Вильгельма в Берлине. В период между 1830 и 1832 годами Отто перешел в гимназию Серого монастыря, там же, в Берлине. Трудно сказать, почему он сменил место дальнейшей учебы. На некоторые размышления наводит запись, сделанная в его последней школьной аттестации под рубрикой «прилежание»: «Некоторая распущенность, школьной посещаемости недоставало постоянства и регулярности»35. Они с братом жили в семейном городском доме на Берендштрассе, 53: зимой с родителями, а летом – одни под присмотром домработницы и домашнего учителя.

Летом 1829 года братья разделились, и письмо, отправленное четырнадцатилетним Отто Бернхарду из Книпхофа, по живости стиля и тональности свидетельствует о том, что состоялся дебют одного из лучших мастеров пера XIX века:

…

«Во вторник у нас было многолюдно. Пришли его превосходительство президент округи, банкир Румшюттель (он ничего не говорил, а только пил), полковник Эйнхарт. Маленькая Мальвина, младшая сестра, становится очень привлекательной, говорит по-немецки и по-французски, не замечая, как это происходит… Она помнит тебя и все время спрашивала: «Беннат тоже придет?» Она очень обрадовалась, увидев меня. Они перестраивают винокурню, строят новый дом с погребами, старую конюшню переделывают в жилье. Поденщики переходят в овечий загон, где они уже и живут.

У Карла будет дом. У меня было ужасно много работы. В Циммерхаузене я подстрелил утку»36.

Летом следующего года Отто описал Бернхарду комическое происшествие, случившееся в Книпхофе:

…

«В пятницу из местной тюрьмы сбежали трое предприимчивых парней: поджигатель, разбойник и вор. Вся округа наполнилась патрулями, жандармами и ополченцами. Люди встревожились, опасаясь за свои жизни. Вечером отряд из двадцати пяти ополченцев, вооруженных чем попало, мушкетами, пистолетами, вилами, косами и камнями, отправился ловить зверюг. На всех перекрестках у Цампеля стояли дозоры. А наших вояк сковал страх. Надо объединиться, призывали они. Но другой отряд с перепугу ничего не ответил. В результате один из них куда-то испарился, а другой – засел в кустах»37.

Естественно, «предприимчивых парней» так и не поймали.

15 апреля 1832 года Бисмарк получил *abitur*, аттестат зрелости, сертификат об окончании средней школы, дававший право на поступление в университет. 10 мая 1832 года его приняли в Гёттингенский университет на курс «права и государственного управления»38. Гёттингенский университет Георга Августа был основан в 1734 году Георгом II, курфюрстом Ганновера и королем Великобритании и быстро превратился в центр «английского Просвещения» на континенте. На первый взгляд он не очень подходил для юнкеров вроде Отто фон Бисмарка, однако у него имелись и другие привлекательные преимущества. Как отметила Маргарет Лавиния Андерсон, «Гёттинген отличался преобладанием среди студентов аристократии, на променадах всегда прогуливались романтические герои в щегольских бархатных сюртуках, с кольцами и шпорами, длинными локонами и усами и непременно с парой отменных бульдогов»39.

Возможно, именно это обстоятельство привлекло Бисмарка, хотя у Джона Лотропа Мотли, высокородного американца из Бостона, приехавшего специально для учебы в Гёттингене, сложилось совсем другое мнение об университете. В 1832 году он писал домой в Бостон:

…

«Во всех смыслах не стоит оставаться слишком долго в Гёттингене. Большинство профессоров, прославивших университет, умерли или деградировали, а сам город невыносимо скучен»40.

Мотли родился в один день с Бисмарком, но был на год старше его. Подобно своему приятелю, он происходил из того же социального класса, в котором все знают другу друга. Он переписывался с Оливером Уэнделлом Холмсом, знал Эмерсона и Торо и благодаря своим связям стал вначале американским посланником в Вене, а потом в Лондоне, не имея для этого никакой дипломатической подготовки. Способный лингвист, Мотли в совершенстве владел немецким языком, учил голландский язык и написал монументальный многотомный труд по истории Голландской республики, принесший ему известность еще при жизни. В двадцатых – тридцатых годах среди знатных американцев и англичан вошло в моду несколько лет поучиться в германских университетах, развивавших нестандартное мышление. Уильям Уэвелл, математик и философ, долгое время возглавлявший Тринити-колледж Кембриджа, заинтересовался *Naturwissenschaft*(естественными науками) и новым типом германского университета и пытался внедрить нечто подобное в своем учебном заведении. Литтон Стрэчи в труде «Выдающиеся викторианцы» описывал трактарианца, преподобного Эдварда Пьюзи, друга Ньюмена и Кибла, как человека состоятельного и эрудированного, профессора и каноника Крайст-Черча, «по слухам, бывавшего в Германии»41. Стрэчи намекал здесь на контраст между степенными оксфордскими клерикалами двадцатых – тридцатых годов XIX века с заносчивыми молодыми людьми вроде Пьюзи, «бывавшего в Германии» и вернувшегося с новыми концепциями теологии и критики Библии.

Мотли не очень волновали проблемы церкви. Помимо исторических исследований, он написал роман о жизни в германском университете. «Американ нэшонал байографи онлайн» посвятил ему несколько строк: «Первый роман Мотли «Надежда Мортона», по сути, историческое повествование, вышел в свет в 1839 году, и то незначительное внимание, которое уделили ему критики, было откровенно негативным. Автору

инкриминировали неумение выстраивать сюжетную линию, убогий стиль и бесцветность образов». Конечно, у романа Мотли есть свои недостатки, но он ценен прежде всего тем, что в нем главную роль играет наш герой Отто фон Бисмарк, выведенный в образе Отто фон Рабенмарка. Благодаря американцу мы располагаем описанием и личности студента Бисмарка, и места его учебы.

Мотли познакомился с семнадцатилетним первокурсником во время « *eine Bierreise*», «пивного тура», цель которого состояла в том, чтобы «напиться» в наибольшем числе немецких городов. Мотли-Мортон так описывал Рабенмарка-Бисмарка:

…

«Рабенмарк считался «лисом» (прозвище первокурсников), только еще начинающим состязаться со студентами-ветеранами в выпивке. В то время ему не было и семнадцати лет, но в смысле зрелости характера, да и во всем другом он выглядел неизмеримо взрослее сверстников… Он был строен, достаточно высок, хотя фигура его еще не совсем возмужала. Одевался он по самой последней студенческой моде. На нем был невообразимый сюртук без ворота и пуговиц, лишенный какого-либо определенного цвета и формы, широченные брюки и сапоги с железными каблуками и угрожающими шпорами. Он носил рубашку без воротника и галстука, и его волосы свисали за уши на шею. Первые наметки усов, тоже без определенного цвета, завершали облик его лица. Непременным атрибутом экипировки была и сабля на поясе. Он прибавлял к своему имени приставку «фон», поскольку происходил из богемской семьи, удостоившейся баронского титула еще до Карла Великого, носил на указательном пальце огромное кольцо с печаткой, на которой был изображен геральдический знак. Таким я узнал Отто фон Рабенмарка, который в иной, более благоприятной среде мог бы сделать себе имя и добиться известности. Он был наделен талантами и качествами не по годам»42.

Уже тогда юный Бисмарк выделялся своей незаурядностью. Спустя некоторое время Мотли повстречался с прототипом Бисмарка на улице Гёттингена. Вначале он описывает улицу, на которой изо всех окон высовывались головы и плечи студентов: «На них были безвкусные смокинги-кепи и разноцветные домашние халаты, а из ртов торчали длинные трубки и кисточки»43.

Рабенмарк прогуливался на улице с собакой Ариель: оба – в нелепых одеяниях. Когда четверо студентов, стоявших поблизости, расхохотались, фон Рабенмарк вызвал троих на

дуэль, а четвертого, оскорбившего собаку, заставил по-собачьи прыгать через палку. Затем они отправились в комнаты Бисмарка. Мортон обращает внимание на простую меблировку, пол «без ковра и засыпанный песком». Одну из стен украшали силуэты:

…

«Особый и непременный элемент обстановки в комнате немецкого студента – профили друзей, обычно в четыре или пять дюймов, выполненные из черной бумаги на белом фоне и вставленные в квадратные рамки из черного дерева. Приятелей у Рабенмарка, похоже, было немало. На стене насчитывалось по меньшей мере около ста силуэтов, располагавшихся рядами с уменьшением каждого ряда на одну рамку, так что на верху пирамиды оставался один профиль – «старшего» друга из померанского клуба… Другую стену украшали « schlgers », дуэльные шпаги, укрепленные крест-накрест44.

«Здесь, – сказал Рабенмарк, войдя в комнату, расстегнув пояс и сбросив пистолеты и schlger на пол, – можно на время забыть о буффонаде и вести себя нормально. Утомительное это дело – renommiring (завоевывание репутации, или реноме. – Дж. С .). Я – лис. Когда три месяца назад я пришел в университет, у меня не было ни одного знакомого. Я решил во что бы то ни стало вступить в Landsmannschaft (дуэльное общество. – Дж. С .) [7] , хотя у меня было очень мало шансов для успеха. Однако я добился своего и стал уважаемым членом корпорации. Каким образом, вы думаете, мне удалось сделать это?»

«Полагаю, что вы подружились с президентом или старшим, как вы его называете, и другими магнатами клуба», – ответил я.

«Вовсе нет. Напротив, я публично оскорбил их самым наглым образом. После того как я разбил нос старшему, рассек губу другому старшекурснику и наградил менее суровыми знаками внимания еще несколько человек, весь клуб, восхитившись моей храбростью и желая заручиться поддержкой такого доблестного драчуна, проголосовал за меня… Я намерен возглавлять моих товарищей здесь и возглавлять их в загробной жизни. Вы видите, что я человек рациональный и вовсе не похож на тех дурных фигляров, которых вы встретили на улице полчаса тому назад. Думаю, что только таким путем можно добиться превосходства. Придя в университет, я сразу же решил взять верх над своими соперниками, а все они экстравагантные, эксцентричные и жестокие. Я должен был стать в десять раз экстравагантнее, эксцентричнее и жестче…» Тогда Рабенмарку было восемнадцать с половиной лет»45.

Эрих Маркс, опубликовавший в 1915 году первую

обстоятельную биографию Бисмарка и использовавший интервью современников с реальным Бисмарком, – один из немногих историков, читавших роман Мотли. Он отметил: «В гёттингенском студенте Рабенмарке очень точно обрисован Бисмарк, его повадки, облик, разговорная манера»46. Маркс тоже пишет об увлечении Бисмарка поединками: буян за три семестра участвовал в двадцати пяти дуэлях47. Однако историк упускает одно важное обстоятельство, касающееся романа «Надежда Мортона». Маркса прежде всего интересует Бисмарк, а не Мотли. Но в романе мы видим две выдающиеся личности: одна из них вдохновила, а другая – написала биографическую новеллу о гёттингенском студенте. Восемнадцатилетний Бисмарк уже обладал особой аурой. Мотли дает нам абсолютно верные детали, отражающие особенности натуры Бисмарка. Во-первых, как пишет историк-новеллист, «в смысле зрелости характера, да и во всем другом он выглядел неизмеримо взрослее сверстников». А во-вторых, уже словами самого Бисмарка, Мотли показывает его прирожденное стремление к лидерству: «Я намерен возглавлять моих товарищей здесь и возглавлять их в загробной жизни… Я человек рациональный… Думаю, что только таким путем можно добиться превосходства». С юных лет Бисмарку была свойственна тяга к властвованию и господству над другими людьми. Позднее во всей своей политической деятельности он компромиссам обычно предпочитал конфликт, словно конфликт обладал особым свойством расчищать и прояснять разделительные линии между друзьями и врагами и служил более эффективным средством для определения характера собственных действий.

В Гёттингене Бисмарк часто конфликтовал с начальством. В XIX веке в Гёттингенском университете, как и в Кембридже, действовали собственные суды и существовала практика *Karzerstrafe*– заключения в университетскую тюрьму непослушных студентов, изловленных *Pedells*[8] (в Кембридже они есть и сейчас, и их называют «бульдогами»)48. Бисмарк, естественно, не мог избежать наказания. Как это случилось, нам неизвестно, но весной 1833 года он писал ректору Гёттингена:

…

«Ваша светлость великодушно отложили Karzerstrafe , заключение в карцер, наложенное на меня, до моего возвращения после празднеств дня Архангела Михаила. Однако повторное заболевание, окончание которого невозможно предвидеть, заставляет меня оставаться в Берлине и здесь продолжить занятия, так как дальняя дорога еще больше ослабит мой и без того обессиленный организм. В этой связи покорнейше прошу вашу

светлость разрешить мне отбыть срок наказания здесь, а не в Гёттингене. Покорнейший слуга вашей светлости Отто фон Бисмарк, студ. юр.»49.

Некоторое представление о настроениях и планах студента Бисмарка дают его письма «собрату» (по дуэльному сообществу «Померания») Густаву Шарлаху (1811–1881). В первом письме он сетует на стандартные студенческие материальные затруднения:

…

«Выдержал несколько неприятных разговоров со стариком. Он напрочь отказывается оплачивать мои долги. Это делает из меня мизантропа… Нехватка денег не такая острая, поскольку мне предоставлен большой кредит, но в результате мне приходится вести неряшливый образ жизни. Я выгляжу больным и бледным, что старик, конечно же, отнесет на счет недостатка средств, когда я приеду домой к Рождеству. Я устрою сцену, скажу ему, что скорее стану магометанином, лишь бы не голодать, и тогда все мои проблемы разрешатся»50.

В следующий раз Бисмарк образно и с юмором описывает Шарлаху, в кого он превратится, если пойдет служить не в государственную бюрократию, а поедет домой управлять одним из поместий отца. Когда лет через десять Шарлах навестит его, то увидит перед собой «откормленного офицера *Landwehr*(ландвера, ополчения. – *Дж. С.*), усатого, ненавидящего и поносящего на чем свет стоит французов и евреев, бьющего самым нещадным образом своих собак и слуг и терроризируемого женой. Я буду носить кожаные штаны, ездить, подвергаясь осмеянию, на рынок в Штеттин, а когда ко мне обратятся со словами «герр барон», я расправлю усы и сброшу с цены пару долларов. В день рождения короля я напьюсь и буду орать «Виват!»; вообще по каждому поводу буду восторгаться, давать честное слово, говорить «мое почтение!» и «какая превосходная лошадь!». Короче, я буду безумно счастлив в своем семейном сельском мирке *car tel est mon plaisir*(приносящем мне радость)»51.

В этой зарисовке Бисмарк создал выразительный портрет типичного сельского юнкера-помещика, проявив незаурядные литературные способности, чем, собственно, письмо и обратило на себя внимание. Автору тогда только что исполнилось девятнадцать лет. Когда Бисмарк всерьез занялся политикой, Германия потеряла выдающегося прозаика. В третьем письме Шарлаху, составленном в начале мая 1834 года, Бисмарк делится своими планами. Он намеревается сдать государственные экзамены и поменять соискание почетной степени доктора права на королевскую службу, то есть стать *Referendar*, референдарием

[9] при Берлинском муниципальном суде:

…

«Я планирую прослужить здесь год, затем перейду в провинциальное правительство в Ахене, после двух лет сдам экзамены на дипломата и отдамся в руки судьбы, которая пошлет меня куда-нибудь, мне совершенно безразлично – куда, в Петербург или Рио-де-Жанейро… Увы, и в этом письме ты не можешь не заметить моей давней привычки слишком много говорить о себе. Сделай мне одолжение, следуй моему примеру и нисколько не тревожься о том, что тебя могут уличить в тщеславии»52.

Примерно в это же время случайная встреча изменила его жизненные планы. Летом 1834 года Бисмарк познакомился с лейтенантом Альбрехтом фон Рооном, блестящим военным офицером, выпускником престижной (Прусской военной) академии. Генеральный штаб, еще в двадцатые годы развернувший свою деятельность в полную силу, разработал масштабный проект по съемке и картографированию всей территории Прусского королевства: эта практика продолжалась вплоть до Второй мировой войны. (В университетской библиотеке Кембриджа хранится полный комплект карт вермахта, состоящий из тысяч листов, настолько детальных, что по ним можно намечать действия взводов и даже отделений.) В топографическом отделе генштаба служили талантливые молодые офицеры, в силу своей бедности неспособные платить за лошадей и снаряжение и потому не получившие назначения в полки. По иронии судьбы два генерала – Мольтке и Роон, маршировавшие по обе стороны от Бисмарка во время парадного шествия по Унтер-ден-Линден в июне 1871 года по случаю победы над Францией и объединения Германии, несколько лет своей жизни посвятили топографии. Как отметил Арден Бухольц, и Роон, и Мольтке участвовали в топографическом проекте, когда генштаб возглавлял барон Карл фон Мюффлинг.

Ни Роон, ни его жена Анна не имели состояния, и даже в начале пятидесятых годов он вел образ жизни простого командира полка. Как писал сын, «они существовали на его обычное жалованье»53. Летом 1834 года лейтенант фон Роон занимался топографическими съемками в полях и лесах Померании. Он попросил племянника Морица фон Бланкенбурга помочь ему и привести с собой друга. Мориц привел своего лучшего друга девятнадцатилетнего Отто фон Бисмарка. Молодые люди помогали фон Роону утром, а после обеда отправлялись на охоту54. Юный Бисмарк, так поразивший Мотли, очевидно, произвел впечатление и на офицера, который был на

двенадцать лет старше (он впоследствии и сделал Бисмарка министром-президентом Пруссии). Как это часто случалось в юнкерской Пруссии, их сроднили и семейные связи, и «служба» в армии.

По причинам не совсем ясным (Маркс полагает, что, поскольку Бисмарк проболел весь последний семестр в Гёттингене, то ему казалось целесообразным переместиться поближе к дому)55 Бисмарк перебрался в Берлин, где провел зиму 1833/34 года, переоформив каким-то образом зачисление из Гёттингена в Берлинский университет. К нему присоединился Мотли, а затем и Александр фон Кейзерлинг. Энгельберг называет Мотли и Кейзерлинга «родственными душами» Бисмарка56. Лотар Галль более категоричен: «Американец был одним из немногих людей, которых Бисмарк считал своими настоящими друзьями». Мотли же познакомил Бисмарка с произведениями Байрона, Гёте, Шекспира, немецким романтическим искусством57. Правда, из этого ничего путного не получилось. По мнению Пфланце, Бисмарк никогда не проявлял серьезного интереса к культурному пробуждению, превратившему Германию в 1770–1830 годах в интеллектуальную столицу мира. Он считает, что на Бисмарка не оказали существенного влияния ни классические науки, ни немецкий идеализм, ни новый историзм, ни романтизм, ни эра великих немецких композиторов58. Бисмарк был равнодушен и к Гегелю, и к Шопенгауэру. Его не интересовали ни левые, ни правые гегельянцы. Похоже, ему были безразличны Шеллинг, Фихте и большинство романтических поэтов. Исключение составлял Фридрих Шиллер. Он, безусловно, нравился Бисмарку, а еще больше военным деятелям вроде Роона, Мантойфеля и Врангеля, хотя оставлял совершенно равнодушным холодного Мольтке.

Шиллер, конечно, импонировал Бисмарку, но все же он больше любил лирических поэтов с настроением. Баронесса Шпитцемберг записала в дневнике в декабре 1884 года после встречи с Бисмарком:

…

«После обеда он закурил и стал перелистывать томик Шамиссо. Во всех его резиденциях лежат книги Шамиссо, Уланда, Гейне и Рюккерта. “Когда я раздражен и измотан, мне необходимо почитать немецких поэтов-песенников. Они взбадривают меня”»59.

В мае 1835 года Бисмарк успешно сдал первые экзамены для поступления на службу в министерство юстиции. В июле он писал Шарлаху:

…

«Я только что вернулся из деревни, где провел несколько недель, и сразу же окунулся в рутину раскрывания и наказания преступлений, совершенных берлинцами. Я несу большую ответственность перед государством, которая заключается в том, что мне приходится выполнять чисто механические функции, многообещающие вначале и вполне сносные, пока для тебя они еще внове. Теперь, когда мои красивые пальцы скрючиваются от непрестанного движения пером, я чувствую непреодолимое желание послужить на благо отечества где-нибудь в другом месте»60.

Весной 1836 года Бисмарк взял отпуск для подготовки ко второй экзаменационной сессии и уехал в Шёнхаузен. Свое пребывание в поместье он описывает в обычной ехидной манере:

…

«Вот уже четыре недели я торчу в этом старом, отвратительном помещичьем доме с готическими арками и стенами четырехметровой толщины, в окружении тридцати комнат, две из которых украшены великолепными камчатными гобеленами, о цвете коих можно догадаться лишь по нитям сохранившихся тканей, среди полчища крыс и каминов, в которых завывает ветер. Здесь, в «старинном замке моих предков», все, буквально все вызывает тоску и хандру. Рядом расположена прекрасная древняя церковь. Моя комната одной стороной выходит окнами на церковный двор, а другой – на старый сад, заросший тисами и липами. Единственной живой душой в этом полуразвалившемся царстве является ваш дружище, которого кормит и обхаживает иссохшая старая служанка, подруга детства моего шестидесятипятилетнего отца. Я готовлюсь к экзаменам, слушаю пение соловьев, тренируюсь в стрельбе, читаю Вольтера и Спинозу, которых обнаружил в чудесных переплетах из свиной кожи в домашней библиотеке»61.

Этот образчик прозы Бисмарка нуждается в комментарии. Бисмарк называет усадьбу Шёнхаузен «старинным замком предков». В действительности, судя по имеющимся изображениям, у дома имелся типичный средневековый флигель с крутой крышей и маленькими окнами. Рядом возвышалась трехэтажная громадина, характерная для конца XVII – начала XVIII века с двумя плоскими пилястрами, поднимавшимися от земли к крыше, простой черепичной крыше, без фронтона и симпатичной барочной арки над входом. Дюжина поместий имела такие дома, и темные помещики, собрав хороший урожай, естественно, стремились обрасти «благородными флигелями». В

романтическом воображении Бисмарка «старинный замок» превратился в «развалины», печальный призрак угасающей аристократии, и в них сидит байроновский молодой человек, которого иногда посещает высохшая, как мумия, старая ведьма.

Здесь, в одной психологической инсценировке смешались и самообожание, и наслаждение от словотворчества, и удовольствие от осознания своего аристократического происхождения. В письме нет и намека на «разжиревшего юнкера», перед нами – новый вариант самовыражения и самопоклонения Бисмарка. «Старинный замок» – символ его статуса, принадлежности к иерархическому аристократическому обществу. Поместье дало ему имя. Он зовется Бисмарком-Шёнхаузеном, что отличает его от других представителей рода, обладателей иных поместий. В нем есть что-то от Айвенго Вальтера Скотта. С именем Бисмарка связана целая эпоха в истории Германии. Он сделал это имя историческим своей незаурядной индивидуальностью и дарованиями, среди которых не последнее место занимали литературные способности.

Бисмарку наскучило трудиться на благо муниципальных судов, он решил поставить крест на профессии юриста и сдавать экзамены не по праву, а для дипломатической службы. Однако в данном случае требовалось разрешение министра иностранных дел, которым тогда был Жан Пьер Фредерик Ансийон, бывший наставник юного кронпринца Фридриха Вильгельма IV. Именно благодаря этому обстоятельству он и возвысился до ранга главного дипломата Прусского королевства. Тем не менее и сам Ансийон был человеком высокообразованным и приходился родственником Фридриху Генцу по материнской линии. То, что писал Мотли об Австрии шестидесятых годов XIX века, в еще большей мере характеризовало прусское общество: «Все они связаны родственными узами. Это одна сплоченная семья – и из трех, и из трехсот человек»62. Ансийон был невысокого мнения и о юнкерстве, и о молодом Бисмарке, посоветовав ему подыскать себе подходящее занятие в отечестве, к примеру, на таможне. Бисмарк обратился за помощью к старшему брату и добился благодаря ему поддержки графа Арнима-Бойценбурга, главы администрации Ахена в прусской Рейнской области63. Ходатайства благодетелей не подействовали. Бисмарку пришлось вновь проявить интерес к внутренней государственной службе, и для этого ему надо было сдать вторые экзамены по праву, правда, теперь не в скучном Берлине, а в Ахене, где властвовал его патрон.

Ахен, называвшийся также Экс-ла-Шапеллем, предоставлял гораздо больше возможностей для ищущего молодого человека.

Самый западный город Германии был в свое время столицей империи Карла Великого и сохранил множество древних монументов и романтических руин. Он же славился источниками минеральных вод. Ахен и сегодня рекламирует себя как «город с самыми горячими источниками к северу от Альп» – с температурой воды от 45 до 75 градусов по Цельсию. Эти источники и вдохновили Карла Великого на то, чтобы избрать Ахен в качестве политической столицы своей империи: *«Darumb er dann zu Aach sich geren nidergelassen, und von dess warmen Bad daselbst wegen Wohnung gehabt*» («Потому он и обосновался в Ахене, где горячие источники давали тепло и для жилья»)64.

Занимательная история, источники и живописное местоположение притягивали туристов и не могли не привлечь Бисмарка, красивого, стройного, высокого, шесть футов четыре дюйма, двадцатидвухлетнего молодого человека, прекрасного лингвиста, говорившего на неплохом английском языке и невероятно, поразительно обаятельного. В июле 1836 года Бисмарк сдал экзамены, с отличием, на занятие должности в системе государственного управления и принес соответствующую присягу государственного служащего65.

Время, проведенное в Ахене, чуть более года, оказалось суматошным и дорогостоящим. Бисмарк манкировал службой, часто прогуливал и дважды (по меньшей мере) влюблялся. В июне 1836 года он писал Бернхарду о поездке с группой англичан:

…

«Поездка доставила мне большое удовольствие, но стоила кучу денег… Если дома не сжалятся и не пришлют воздаяния, то не знаю, как я выйду из этого положения. Жить здесь без денег невозможно»66.

Энгельберг, опубликовавший двухтомную биографию Бисмарка в Германской Демократической Республике за пять лет до Галля, использовал десять писем Бисмарка, относящихся к периоду между 30 июня 1836 и 19 июля 1837 года и не вошедших в «Полное собрание». В них герой германского объединения предстает в менее привлекательном виде. Прежде всего бросается в глаза то, как он нещадно эксплуатировал своего патрона графа Адольфа Генриха фон Арнима-Бойценбурга. Граф родился в Берлине 10 апреля 1803 года, и его возвышение в администрации Пруссии было стремительным. В возрасте тридцати лет он уже стал *Regierungsprsident*(президентом – губернатором провинции), заняв пост, означавший вершину в карьере прусского чиновника, а в тридцать три года возглавил администрацию Ахена. Позднее граф вошел в правительство и какое-то время был премьер-

министром – в смутный период революции 1848 года67. Как мы увидим дальше, к 1864 году у него появились «сомнения» в отношении политики своего клиента. В 1836 году граф еще был очень покладистым. Он благоволил Бисмарку, позволял ему менять занятия с учетом его «желания встать на путь дипломатической карьеры», чего были лишены другие стажеры68. Этот «путь», как мы помним, ему преградил министр иностранных дел Ансийон.

Бисмарк использовал свободное время для любовных увлечений. 10 августа он написал брату о том, что влюбился с такой страстью, какую не выразить самыми жаркими восточными эпитетами, в племянницу герцога и герцогини Кливленд Лауру Рассел и одновременно обрисовал то, как его восприняли англичане:

…

«Герцог и герцогиня Кливленд, их племянница Лаура Рассел и длинная череда истинных британцев долго рассматривали меня в свои лорнеты, затем его светлость предложил мне бокал вина, и я с присущим мне достоинством и элегантностью заложил за воротник полгаллона хереса»69.

30 октября Бисмарк сообщил Бернхарду об отъезде герцога и герцогини вместе с Лаурой, с которой он обошелся, как и обещал, «хорошо», хотя и отпустил ее, так и не предприняв, очевидно, никаких шагов к сближению. Ему пришлось срочно заняться урегулированием долгов, которые он наделал, вращаясь в высшем обществе. В какой-то момент Бисмарк даже подумывал о самоубийстве: «Я приготовил для этой цели желтый шелковый шнур, который сохранил из-за его уникальности на всякий случай»70.

2 ноября Бисмарк сообщил Бернхарду о том, что отец прислал деньги, хотя и с упреками71. 3 декабря он обнаружил, что красавица Лаура вовсе и не племянница герцога Кливленда, а внебрачный ребенок матери, ставшей герцогиней лишь два года назад, и потому обыкновенная простолюдинка. Теперь его стали мучить мысли о том, что над ним поглумились и англичане за своими лорнетами над ним смеялись: «Они говорили между собой – посмотрите на этого громилу, глупого немецкого барона, отловленного ими в лесу с трубкой во рту и перстнем на руке»72.

Я не нашел никаких признаков того, что Бисмарк испытывал «неудовлетворенность собой», «бежал от себя и искал отвлекающих занятий», о чем написал Лотар Галль73. Я заметил другое: гордого, по-дурацки самонадеянного провинциального джентльмена за живое задели богатство и стильность английской

аристократии, несравненно более состоятельной и самоуверенной, чем сельские помещики, составлявшие основу прусского юнкерства. Английские сельские особняки, подобные Фелбригг-Холлу в Норфолке, принадлежавшему нетитулованной помещичьей семье Вильсонов, были грандиознее и величественнее большинства дворцов германских князей, и сами Вильсоны были богаче, намного богаче любого аналогичного семейства в Пруссии. Хаутон-Холл Роберта Уолпола, в котором насчитывалось несколько сот комнат, затмевал своими размерами и роскошью любой королевский дворец в Германии, уступая, может быть, хоромам Габсбургов в Вене, а Уолполы были всего-навсего норфолкскими сквайрами, сделавшими состояние благодаря сэру Роберту Уолполу на государственной службе.

Подтверждение тому, насколько ущемляло гордость Бисмарка богатство англичан, дает нам «Оксфордский словарь национальной биографии». Я приведу лишь одну выдержку:

…

«Уильям Гарри Вейн, 1-й герцог Кливленда (1766–1842)… оставил в наследство почти 1 миллион фунтов стерлингов, помимо огромных имений, около 1 250 000 фунтов стерлингов в консолях [10] и столового серебра и драгоценностей на 1 миллион фунтов стерлингов»74.

Если принять за основу обменный курс 1871 года в соотношении 1 фунт стерлингов = 6,72 талера, то реализуемое состояние герцога Кливленда, без стоимости земли, оценивалось в 3 250 000 фунтов стерлингов, или 21 840 000 талеров75. При трех процентах годовых герцог имел бы доход в 37 500 фунтов стерлингов, или 252 000 талеров, в год только на первоклассных ценных бумагах (консолях). Когда Бисмарк в 1851 году стал прусским делегатом в бундесрате, он получал в год 21 000 талеров76. Таким образом, ежегодный доход герцога Кливленда в двадцать раз превышал заработок самого высокооплачиваемого прусского госслужащего середины XIX века. Двадцатидвухлетний деревенский сквайр, ослепленный богатством англичан, должен был влезать в несусветные долги, чтобы достойно принимать у себя семейство герцога. Неудивительно, что в октябре 1836 года ему пришла в голову бредовая идея наложить на себя руки.

Бисмарк поостыл только к июлю следующего года, написав брату, что в нем «снова запылало пламя любви». На этот раз разожгла его Изабелла Лоррейн-Смит, еще одна очаровательная англичанка, «блондинка неописуемой красоты»77. Как и летом прошлого года, начались обеды с шампанским, одалживание денег, прогулы. Снова ему казалось, что он помолвлен. 30 августа

1837 года Бисмарк писал из Франкфурта другу Карлу Фридриху фон Савиньи:

…

«Уже несколько дней я веду здесь семейный образ жизни (это выражение прошу считать сугубо конфиденциальным). (Он попросил Савиньи прислать из Ахена в Женеву парадную форму.) Ты осчастливишь меня своим присутствием на венчании, которое состоится, видимо, в Скарсдейле в Лестершире. Сейчас же говори пока друзьям в Ахене, что я уехал на два месяца домой охотиться»78.

По состоятельности отец прекрасной Изабеллы, конечно, уступал герцогу Кливленду. Господин Лоррейн-Смит был всего лишь приходским священником Пассенхэма в Лестершире, хотя и имевшим свои земли в трех графствах. Сомнения относительно перспективы надеть на себя хомут «ограниченного, буржуазного брака» у Бисмарка появились еще до письма другу из Франкфурта. Он поделился ими с братом:

…

«При той нехватке средств, которую я испытываю, не думаю, что мне подходит жена с доходом менее 1000 фунтов стерлингов в год, и я не уверен, что Л. в долговременном плане в состоянии обеспечить даже такие поступления… Как тебе нравятся подобные расчеты, выходящие из-под пера человека, считающего себя по уши влюбленным79?»

Теперь я понимаю, почему осмотрительные редакторы не включили эти десять писем в *«Gesammelte Werke»*(«Полное собрание»). Бисмарк вел себя недостойно. Он злоупотребил великодушием графа фон Арнима-Бойценбурга. Он жил не по средствам и разгульно. Он полюбил Лауру Рассел и бросил девушку, как только узнал о ее незаконнорожденности. Даже сам Бисмарк осознавал то, что поступил с Лаурой не по-джентльменски. Он писал потом брату:

…

«Что же должна думать обо мне Лаура, когда я, полюбив ее как племянницу герцога, повернулся к ней спиной, узнав, что она имела несчастье появиться на свет не так, как все?»80

Неприглядная история повторилась с Изабеллой, не важно из-за чего: из-за собственных меркантильных соображений или вследствие того, что преподобный Лоррейн-Смит разглядел его меркантилизм. Бисмарк месяцами отсутствовал на службе и не выполнял свои обязанности. Им управляла гордыня, и он тратил

немалые деньги на то, чтобы поддерживать свое реноме. Даже терпеливый граф фон Арним-Бойценбург устал от него. Посчитав неадекватным поведение своего подопечного, он с завуалированной иронией выговаривал ему:

…

*«Я могу лишь одобрить упомянутое вами ранее решение перевестись в одну из королевских окружных администраций в старом прусском регионе, где вы сможете вернуться к интенсивным занятиям, которые вы тщетно пытались найти себе в сложных условиях светской жизни в Ахене»*81.

Бисмарк обосновался в Потсдаме, устроившись в местную администрацию.

В январе 1838 года Бисмарк писал отцу о том, что ему удалось избежать воинской службы: это письмо хранители доброго имени своего героя тоже не включили в «Полное собрание». Бисмарк сообщал отцу о том, что предпринял «последнюю попытку» увернуться от годичной военной службы в качестве резервиста, сославшись на «мышечную слабость, возникшую в результате режущего удара шпагой под правую руку и которую я чувствую, когда поднимаю руку вверх». «К сожалению, рана оказалась не слишком глубокой», – добавлял любящий сын82. Светская жизнь в Потсдаме была не столь активной, как в Ахене, но он сразу же оказался в списке лиц, приглашавшихся на балы у принца Фридриха (1794–1863) и кронпринца.

В конце сентября 1838 года Бисмарк сообщал отцу уже из Грайфсвальда, куда попал как резервист, о том, что начал осваивать сельское хозяйство в университете и колледже. Он приложил к письму длинное послание, отправленное ранее кузине Каролине фон Бисмарк-Болен, «моей очаровательной кузине, которую я горячо люблю и которая умоляет меня продолжать карьеру»83. Копию письма кузине Бисмарк послал еще и невесте Иоганне фон Путткаммер. По мнению Энгельберга, Бисмарк таким образом не просто оказывал знаки внимания, а давал понять, что в его жизни наступают перемены84. Похоже, Бисмарк принял решение отказаться от потенциально блистательной карьеры государственного служащего из-за нарастающих как снежный ком долгов. В июле он навестил в Берлине неизлечимо больную мать и излил ей душу. Взрослый теперь уже сын жаловался на несчастную жизнь и просил подыскать ему место получше. Он сетовал на то, что служба ему опротивела и его тошнит от одной мысли о том, что ему придется всю жизнь угробить ради того, чтобы стать *Regierungsprsident*c

доходом две тысячи талеров в год. Вильгельмина написала Фердинанду, и отец решил разделить померанские поместья между двумя сыновьями, а самому уединиться в Шёнхаузене. Бисмарк, владея поместьем, будет получать постоянный доход, жить дома, меньше тратиться, и его минуют всякого рода соблазны85. Он, конечно, ничего не сказал о том, что с ним случилось в Ахене. У него теперь сложилось свое мнение о государственной службе. Бисмарк писал отцу:

…

«Отдельный государственный служащий в своей деятельности крайне редко бывает независим, даже самый высокопоставленный. Чаще всего он должен приводить в движение уже запущенный бюрократический механизм. Прусский государственный служащий напоминает оркестранта. Он может играть первую скрипку или бить по треугольнику; не допуская никаких отклонений или диссонанса, он должен исполнять свою партию так, как она ему предписана, вне зависимости от того, считает ли он ее хорошей или плохой. Я же буду создавать ту музыку, которую считаю хорошей, либо – никакую»86.

Тем временем долги продолжали терзать его. 21 декабря 1838 года Бисмарк униженно извинялся перед другом Савиньи за то, что уже не один год не может вернуть ему деньги:

…

«Через пару дней я приеду в Берлин и сделаю то, чего не сделал раньше, то есть раздобуду денег, в которых мы оба нуждаемся»87.

Новый, 1839 год начался плохо. В канун Нового года Вильгельмина Бисмарк умерла, немного не дожив до своего пятидесятого дня рождения. Последние три года она страдала от опухоли неизвестного происхождения, которая особенно мучила ее в 1838 году. В исторических источниках практически ничего нет об этой женщине, оказавшей серьезное влияние на жизненный путь Бисмарка. И нам остается, к сожалению, лишь строить догадки в этом вакууме.

На Пасху 1839 года Бисмарк поселился в Книпхофе, став полноценным фермером. Поместье это было немалое, и в нем трудились *Instleute*– подневольные крестьяне-батраки, работавшие на помещика по контракту: такую форму зависимости от землевладельца во Франции называли *metayer*, в Италии *mezzadro*, на американском Юге *share cropper*[11] . Отмена крепостничества в Пруссии изменила характер отношений между земледельцем и землевладельцем, в тридцатые и сороковые годы быстро набирала обороты коммерциализация88. Традиционные связи уступали

место рынку труда. *Instleute*еще не был в полном смысле наемным работником, поскольку не освободился окончательно от традиционных отношений с помещиком89. С 1800 года в прусском сельском хозяйстве неуклонно рос профессионализм. Все больше появлялось сельскохозяйственных колледжей, подобных тому, в котором учился Бисмарк, производительность сельского хозяйства увеличивалась, несмотря на длительную депрессию, последовавшую после Наполеоновских войн и не прекращавшуюся до начала пятидесятых годов. Интересные данные о росте сельскохозяйственного производства и продуктивности приводит Пфланце. Население Пруссии с 1816 по 1864 год увеличилось с 23 552 000 до 37 819 000 человек, или на 59 процентов. Площадь обрабатываемой земли за этот же период выросла с 55,5 до 69,3 процента, а урожайность – на 135 процентов90. Помещик Бисмарк работал много, шел в ногу со временем и тоже получал неплохие результаты.

Став крупным землевладельцем, Бисмарк вошел в мир старого прусского дворянства, в котором блистали такие имена, как Девитц, Бюлов, Тадден-Триглафф, Бланкенбург, фон дер Остен, фон дер Марвиц, Варстенслебен, Зенфт фон Пильзах: все они сыграют свою роль в его карьере. В книге Хартвина Шпенкуха о прусской палате господ померанские дворяне, согласно данным на 1854 год, открывают список *Rittergte*r, рыцарских владений, более ста лет принадлежащих одной и той же семье91. Известно, что Бисмарк взялся за дело с определенным энтузиазмом. По замечанию Эриха Маркса, он «знал, как распоряжаться землей и людьми, и ему не надо было никому подчиняться»: «Он подписывался «светлость» на протоколах по поводу жалоб от бейлифов, пасторов и школьных учителей, приходивших к нему как к судье. Он выносил приговоры и сам же следил за их исполнением»92. Вместе с коллегами-землевладельцами Бисмарк заседал в местных и окружных комитетах. Тем не менее расстояния между поместьями были значительные, и Бисмарк нередко оставался наедине с самим собой, читал или прикладывался к рюмке. Естественно, он часто выезжал на охоту с соседями-помещиками, либо они приезжали поохотиться в его угодья. В то время в провинциальном суде в Кёстлине младшим адвокатом служил Роберт фон Койдель, впоследствии ставший доверенным помощником Бисмарка. От этого юриста мы и знаем первые истории о «шальных» выходках будущего канцлера, которые он записывал со слов герра фон дер Марвица-Рютценова, дружившего с Отто. Когда бы фон дер Марвиц ни заезжал в Книпхоф, Бисмарк выставлял на стол бутылку крепкого пива и шампанское, говоря по-английски: «Не стесняйтесь, будьте как

дома». Затем следовали легкая закуска, обильная выпивка и долгие разговоры. Уже тогда Бисмарк придумывал себе биографию. Герр фон дер Марвиц рассказывал:

…

«В молодости он мечтал стать военным, но мать хотела видеть в нем обеспеченного правительственного советника. Ради нее он провел много лет на судебном и административном поприще, которое ему пришлось не по вкусу. После ее смерти он удалился в провинцию, чтобы наслаждаться привольной сельской жизнью»93.

Однажды герр фон дер Марвиц заявился в Книпхоф без предупреждения с приятелем. Бисмарк принял их, по обыкновению, радушно, и они кутили допоздна:

…

«Он заранее предупредил гостей, что не сможет увидеть их за завтраком, поскольку к семи утра ему надо быть в Нойгарде. Оказалось, что гостям тоже нужно ехать туда, и, хотя Бисмарк советовал им поспать подольше, они условились, что Бисмарк разбудит их в шесть тридцать. Они продолжали пить и отправились спать неизвестно когда. Приятель сказал фон дер Марвицу, когда они поднимались по лестнице в гостевые комнаты: «Я выпил больше чем обычно, и мне надо утром хорошенько выспаться». «Не получится», – ответил герр фон дер Марвиц. «Посмотрим», – сказал приятель, придвинув огромный комод к дверям. В шесть тридцать утра Бисмарк постучал в дверь. «Вы готовы?» Молчание. Бисмарк повернул ручку и попытался открыть дверь плечом. Через пару минут он уже с улицы позвал: «Вы готовы?» Из нашей комнаты по-прежнему не раздавалось ни звука. Тогда Бисмарк два раза выстрелил из пистолета в окно, и на моего приятеля посыпалась штукатурка. Он подскочил к окну, высунув в него палку с белым платком. Через минуту мы уже были внизу. Бисмарк дружелюбно поприветствовал нас, никак не прокомментировав нашу капитуляцию и свою победу»94.

Таким историям несть числа, и благодаря им он заслужил прозвище «шального юнкера». Бисмарк любил быструю езду, бешеный галоп, с ним без конца что-нибудь случалось. В обществе все светские беседы начинались с обсуждения его последних выходок, случайных романов и нестандартных суждений. Но экстравагантностью поведения, судя по свидетельству Койделя, Бисмарк отличался уже и в детстве. Койдель встречался с Морицем фон Бланкенбургом, знавшим Бисмарка с детских лет и учившимся с ним в гимназии Серого

монастыря, и тот рассказал ему: «Я никогда не видел, чтобы он занимался. Он куда-то уходил, где-то долго отсутствовал. Но домашние задания у него всегда были выполнены, и он все знал»95.

Но за внешней бравадой «шального юнкера» скрывалась одинокая и мятежная душа. Ему действительно нужны были отвлекающие занятия. Бисмарк несколько раз предпринимал дальние поездки. Об одном из таких путешествий – в Англию в 1842 году – он написал отцу. Бисмарк посетил Йорк, Халл и поездом добирался до Манчестера, чтобы посмотреть «самую большую в мире машинную фабрику». Англия привела его в восторг, возможно, еще и потому, что он свободно говорил по-английски после двух лет общения с Мотли. «Вежливость и доброта англичан превзошли все мои ожидания, – писал он. – Даже самые простые люди ведут себя подчеркнуто учтиво. Когда ты говоришь, они слушают внимательно и с пониманием». Но еще больше Бисмарка поразила дешевизна отелей и еды:

…

«Это страна для обжор… Они подают огромные завтраки с множеством ломтей мяса, а в полдень предлагают рыбу и жуткий фруктовый пирог. Супы заправляются белым и черным перцем столь обильно, что не каждый иностранец в состоянии их есть. Они никогда не подают мясо порциями. Даже на завтрак перед вами выкладываются колоссальные куски разных сортов мяса, и вы можете отрезать сколько хотите, много ли, мало ли, по вашему желанию, и это никак не отразится на счете»96.

Когда у него не было поездок, то он «готов был повеситься от скуки и одиночества в Книпхофе», писал Бисмарк отцу97. В августе 1844 года Бисмарк провел каникулы на Нордернее, о чем он тоже поведал отцу, особенно красочно описав прогулку в лодке во время сильнейшей грозы. Там же он познакомился с сиятельными супругами, оказавшими впоследствии решающее влияние на его жизнь: кронпринцем Вильгельмом Прусским и принцессой Августой, рожденной Августой Марией Луизой Катариной фон Саксен-Веймар-Эйзенах. Они подружились и часто отдыхали вместе на пляже. Бисмарк приводит впечатляющий список знати, собравшейся на Нордернее. Первостепенное внимание он, конечно, обращает на юных леди, выделяя среди них прежде всего даму «с великолепными рысаками».

Бисмарк писал отцу:

…

«По утрам либо до купания, либо после мы играем в шары. В

остальное время мы играем в вист или фаро, шутим и флиртуем, прогуливаемся по пляжу, едим устриц, стреляем по кроликам, вечерами час или два танцуем. Однообразный, но здоровый образ жизни»98.

В письмах 1843 года можно обнаружить нечто похожее на безысходность. Огромный и сильный, обуреваемый амбициями и стремлением властвовать, но томящийся от безделья и скуки человек напоминал паровоз с разогретым до предела котлом и скованными тормозами колесами. Бисмарк был одинок и в свои двадцать восемь лет скорее всего испытывал неудовлетворенность и в сексуальном отношении. С другой стороны, еще не забылись злоключения с английскими невестами. 10 сентября 1843 года он писал другу:

…

«Мне нравится контактировать с женщинами, но женитьба меня не вдохновляет. Надо дважды подумать, прежде чем решаться на это. Мне отчасти и покойно и тоскливо, а иногда душа холодеет и от уныния. Пока смогу, буду держаться… Я подумываю о том, чтобы несколько лет побыть в роли азиата и внести разнообразие в мою комедию жизни, курить сигары на берегу Ганга, а не Реги»99.

Можно не сомневаться в том, что его жизнь действительно превратилась в скучную и неинтересную «комедию». Через месяц Бисмарк, информируя отца о последних событиях в Книпхофе, сообщал о том, что ему пришлось завезти с Варты сорок поденщиков:

…

«Они работают добросовестнее, помогают в пахоте, но обходятся много дороже. Идут дожди, и я не знаю, как бы мы без них убрали картофель… Привет Мальвине. Жду вас всех здесь, приезжайте и посмотрите на меня. Я умираю от скуки»100.

В конце октября 1843 года Бисмарк, уведомляя своего давнего друга и будущего зятя Оскара фон Арнима-Крёхлендорфа (1813–1903) о том, что его финансовые дела пошли на поправку, снова сетовал на скуку:

…

«Когда я остаюсь наедине с собой, мне становится тошно. Думаю, что это случается со всеми молодыми, достаточно образованными людьми, неженатыми, живущими в деревне и вынужденными иметь дело с обществом многочисленной клики померанских неотесанных сквайров, филистеров и уланов»101.

Из-за скуки он часто наведывался в соседнее поместье друга детства Морица фон Бланкенбурга, где и познакомился с его невестой Марией фон Тадден-Триглафф. Опустошенность и грусть Бисмарка произвели на нее неизгладимое впечатление. 7 февраля 1843 года она написала Морицу:

…

«Я еще не встречала человека, столь открыто и ясно выражающего свое неверие или скорее пантеизм… свою беспросветную скуку и хандру… Он взвинчен, лицо его наливается кровью, но выхода нет…»102

С Марией связаны самые светлые человеческие отношения в жизни Бисмарка. Он сразу же и безнадежно влюбился в эту необыкновенную женщину. Если бы она была свободна, кто знает, возможно, ему и не довелось бы объединять Германию, как бы это парадоксально ни звучало. Мария обладала силой, но именно той, которая ему не угрожала. Она разглядела его душу и сжалилась над ним. Она тоже полюбила его, о чем мы находим свидетельство в ее письме близкой подруге Элизабет фон Миттельштедт, посланном в мае 1843 года и в котором Мария не очень лестно отзывается о своем женихе Морице фон Бланкенбурге:

…

«Отто Б. больше не показывается в Циммерхаузене, и это очень хорошо, потому что, дорогая, мой славный Мориц не идет с ним ни в какое сравнение. Я не думаю, что он не появляется из-за благородства, у него совсем другое на уме»103.

Мария фон Тадден и Элизабет фон Миттельштедт принадлежали к влиятельной группе аристократов-пиетистов, верующих, известных в Америке как «заново родившиеся» христиане. Безмятежность и сила духа Марии фон Тадден зиждились на глубокой вере в спасительную благодать Иисуса Христа, нисходящую на души людей, верующих в Него. Она была дочерью одного из основателей юнкерской версии пиетизма, с 1813 года устраивавшего собрания «Христианско-немецкого застольного клуба» в «Майз-Инне» в Берлине. Членов этого общества вскоре прозвали « *Maikfer*», «майскими жуками». Наиболее известными среди них были Альвенслебен-Эрслебен, Густав и Генрих фон Белов, Леопольд и Людвиг фон Герлах, граф Каюс Штольберг, граф Фосс, граф Фридрих Вильгельм фон Гётцен, Адольф фон Тадден-Триглафф и кронпринц Фридрих Вильгельм. Отец Марии, Адольф фон Тадден-Триглафф, Эрнст фон Зенфт-Пильзах и Людвиг фон Герлах женились на трех

сестрах: Генриетте, Иде и Августе фон Эрцен104. Эти трое джентльменов позднее составят «первую политическую партию» Бисмарка и создадут платформу, которая послужит основой для всех дальнейших действий. Они подняли его на щит после «обращения» в свою веру и превратили в полемический «меч». Никто в их среде не обладал такими средствами убеждения, как остроумие, внешняя импозантность, обаяние и эрудиция, в той степени, в какой владел ими Отто фон Бисмарк. Они думали, что он стал бичом для нечестивых и безбожников. Они ошибались. Бисмарк не служил никому, ни людям, ни Богу, он служил только себе. Это открытие в семидесятых годах оттолкнуло от него самых близких друзей и наставников юности, и он вновь остался безутешным и одиноким, как и в сороковые годы.

Поражение, понесенное Пруссией в 1806 году, и оккупация королевства «безбожником» Наполеоном побудили многих крупных землевладельцев-юнкеров вернуться в лоно христианства. Они отвергли рационализм Просвещения, фанатизм якобинцев, гильотины, доктрины равенства, а заодно и цинично-пренебрежительное отношение к религии Фридриха Великого. Хотя их и воспитал лютеранский протестантизм, они не признавали официальные церкви-крепости и, подобно всем евангелистам, стремились находить Божью благодать не в Священных Писаниях римского католицизма или лютеранства, а в своих сердцах.

Кристофер Кларк в труде *«The Politics of Conversion: Missionary Protestantism and the Jews in Prussia 1728–1941»*(«Превращение в другую веру: миссионерский протестантизм и евреи в Пруссии в 1728–1941 годах») прослеживает особенности лютеранского варианта евангелического движения. Немецкий пиетизм сочетал в себе внутреннее самосозерцание и веру в спасение посредством Божьей милости с действенностью организованных прусских институтов власти. Немецкие неопиетисты зачастую служили обедни по домам или на открытом воздухе. Они причащались обыкновенным хлебом и вином, как это делали ранние христиане. Они соблюдали воскресенье и занимались благотворительностью. Поскольку династия Гогенцоллернов исповедовала кальвинизм с 1603 года, а большинство ее подданных придерживались лютеранской веры, то именно в среде пиетистов с их бережливостью и дисциплиной монархии прежде всего набирали деятельных и усердных государственных служащих. Они не были отягощены лютеранскими претензиями на феодальные права.

Юнкеры-пиетисты сформировали собственное миссионерское общество. В январе 1822 года генерал Иоб фон Вицлебен основал

в Берлине «Общество распространения христианства среди евреев». Семья фон Вицлебен дала Германии между 1755 и 1976 годами четырнадцать генералов, один из которых – фельдмаршал Иоб Вильгельм Георг Эрвин фон Вицлебен был казнен за участие в покушении на Гитлера в 1944 году105. Гитлер распорядился повесить фельдмаршала на крюке мясников и снять на пленку агонию жертвы, с тем чтобы фюрер мог насладиться смертью юнкерского аристократа, пытавшегося его убить. Предок фельдмаршала Иоба фон Вицлебена с 1817 года возглавлял военный кабинет короля, занимая важнейший в государстве пост. Энциклопедия «Всеобщая немецкая биография» так характеризовала его роль:

…

«С ним обсуждались все важнейшие вопросы, касавшиеся и армии, и государственных дел, и церкви, и королевской семьи. Мнение Вицлебена всегда имело большой вес в решении таких проблем… Двадцать лет он был самой влиятельной фигурой в государстве»106.

В числе основателей «Общества распространения христианства среди евреев» был и уже известный нам Иоганн Петер Фридрих Ансийон, бывший наставник кронпринца, а затем министр иностранных дел, преградивший Бисмарку дорогу в дипломатию в 1832 году. Среди активистов этой организации читатель узнает и другие знакомые имена – пиетистов и членов «Христианско-немецкого застольного клуба», с которыми теперь подружился Бисмарк: отца Марии Адольфа фон Таддена-Триглаффа, Эрнста фон Зенфта-Пильзаха, братьев Герлах107.

Духовность верующих прусских аристократов, таким образом, состояла из мешанины пиетизма и милленаристских надежд на обращение евреев в христианство. Высокое социальное положение, личные связи с кронпринцем, глубина и искренность убеждений придавали их союзу особую сплоченность и могли превратить его в мощную политическую силу, когда для этого наступит подходящий момент. Бисмарк, влюбившись в Марию фон Тадден-Триглафф, конечно, еще не знал о том, что это увлечение повлияет на всю его карьеру и жизнь. Члены «Христианско-немецкого застольного общества», «Общества распространения христианства среди евреев» и его померанские евангелистские соседи занимали видные посты и в армии, и в бюрократии. Среди них уже были будущие чиновники королевского двора и генералы. Когда кронпринц Фридрих Вильгельм взошел на трон в 1840 году, он ввел во власть новых друзей Бисмарка, а когда разразилась буря революции 1848 года,

неопиетистские друзья Бисмарка сделали его знаменитым. Благодаря Марии он и встретился с Иоганной фон Путткамер, своей будущей женой.

Пиетизм свел его и с Эрнстом Людвигом фон Герлахом (1795–1877), в интеллектуальном отношении самой выдающейся личностью в этом сообществе, к тому же сыгравшей значительную роль в его карьере. В 1835 году Герлах стал заместителем главного судьи в высшем провинциальном суде во Франкфурте-на-Одере. Вокруг себя он собрал самых способных и перспективных молодых юристов. Член тайного совета Шеде вспоминал:

…

«Коллегия окружного суда поначалу состояла преимущественно из его оппонентов. Но как законовед он постепенно приучил их к подчинению. Во всем чувствовалась его твердая рука. Ничто не доставляло ему большего удовольствия, чем споры с молодыми начитанными адвокатами, которым все-таки не удавалось перебороть его блистательный ум и познания. Слушать его было одно наслаждение. Дома тоже благоговели перед этой мощной и цельной индивидуальностью. Я никогда прежде не встречал человека с такой массивной властностью как в характере, так и во внешнем облике»108.

Романтический поэт Клеменс Брентано говорил о нем: «Людвига я просто боялся».

В окружном суде Герлаха служили референдариями Герман Вагенер, один из будущих сподвижников Бисмарка и первый редактор «Кройццайтунг», ежедневной газеты прусской аристократии, и «маленький Ганс» фон Клейст-Ретцов, тоже друживший с Бисмарком. С 1842 года Вагенер и Клейст посещали теологические вечера, которые устраивал Людвиг вместе с братом, полковником Леопольдом фон Герлахом, тогда начальником штаба III армейского корпуса109. В конце сороковых годов Леопольд, ставший генерал-адъютантом короля Фридриха Вильгельма IV, и судья Эрнст Людвиг фон Герлах фактически уже исполняли роль политических патронов и управляющих Бисмарка. Оба пользовались правом прямого доступа к королю. В 1851 году по ходатайству братьев король назначил тридцатисемилетнего «шального юнкера», не имевшего дипломатического опыта и прославившегося буйными, экстравагантными выходками и необузданным нравом, на второй самый важный по значимости дипломатический пост в Германии – прусским посланником в германском бундесрате, Союзном совете во Франкфурте. Братья Герлах вывели Бисмарка на

большую дорогу, и своей «креатурой» его считал прежде всего Леопольд. История сыграла над ними злую шутку. Когда вскрылись истинные цели и методы Бисмарка, они поняли, что дали власть своему ярому оппоненту. В конце шестидесятых годов Эрнст Людвиг фон Герлах превратился в заклятого врага Бисмарка. В 1874 году рейхсканцлер без малейших колебаний лишил должности своего бывшего патрона, уволив судью из верховного суда Пруссии.

Общество, в котором вращались Мария фон Тадден и ее жених Мориц фон Бланкенбург, привлекло Бисмарка не только из-за того, что он увлекся прекрасной Марией; ему импонировали и консервативно-реакционные взгляды влиятельных юнкерских соседей. Бисмарк сразу же понял, какие выгоды сулят связи с этими людьми, но ему пришлось снова на время принести себя в жертву. Почти весь 1844 год он избегал встреч с Марией, и его душевное состояние вновь омрачилось. 7 февраля 1844 года Бисмарк сетовал сестре: «Писать не о чем… Я чувствую себя совершенно одиноким в этом мире»110. В отчаянии он вернулся на государственную службу в Потсдаме, но продержался там всего лишь несколько недель. В конце мая он сообщил из Нойгарда Карлу Фридриху фон Савиньи о внезапной смерти невестки и необходимости перебраться в поместье брата:

…

«Будь добр, сходи ко мне домой и собери служебные бумаги для Бюлова… Прости меня, если я досаждаю тебе своей просьбой, но ты же сманил меня в Потсдам и должен за это отвечать»111.

В августе 1844 года Бисмарк писал университетскому товарищу Шарлаху:

…

«Последние пять лет я жил один в деревне и с некоторым успехом улучшал свои финансовые дела. Но мне невыносима эта одинокая сельская, юнкерская жизнь, и я стою перед выбором: отдаться государственной службе или отправиться в дальнее путешествие. Пока же я подал прошение на должность в провинциальном правительстве, проработал шесть недель и понял, что и люди, и занятия такие же нудные и неинтересные, как и везде. Сейчас я нахожусь в отпуске и плыву по течению жизни без руля и без ветрил, и мне совершенно безразлично, на какой берег меня выбросит волна»112.

4 октября 1844 года Бисмарк съездил в Циммерхаузен на свадьбу Марии фон Тадден-Триглафф и Морица фон Бланкенбурга. Это была во всех отношениях запоминающаяся поездка. Мориц давно хотел познакомить Отто с «маленьким Гансом» фон Клейст-Ретцовом. 3 сентября 1844 года Ганс Клейст-Ретцов сдал с отличием третий, и последний, экзамен по юриспруденции и появился на свадьбе в приподнятом настроении. Мориц, знакомя Отто и Ганса, предупредил обоих о том, что один из них глуховат, и, разговаривая, они кричали до тех пор, пока новобрачный, сжалившись, не признался в своей дурацкой шутке. Герман фон Петерсдорф, биограф «маленького Ганса», написал потом: «Этот розыгрыш, положивший начало дружбе, сыгравшей в его жизни немаловажную роль, оказался пророческим. Придет день, когда они на самом деле не будут понимать друг друга»113. Свадьба закончилась трагически. Семья заказала фейерверк, он вышел из-под контроля и спалил значительную часть деревни Циммерхаузен114. Плохое предзнаменование.

Ганс фон Клейст-Ретцов действительно стал Бисмарку по-настоящему близким другом после Мотли и Кейзерлинга. Ганс родился в родовом поместье Киков 25 ноября 1814 года. Семья Клейст-Ретцов была самой влиятельной в уезде Бельгард, владея и в 1907 году пятой частью всех поместий в этих местах115. В детстве он хотел стать миссионером, и гонения королевскими властями старых лютеран лишь укрепили его в этом желании. В отличие от померанских друзей Бисмарка Ганс оставался правоверным ортодоксальным лютеранином116. В четырнадцать лет он поступил в земскую школу «Пфорта», самую престижную классическую гимназию Пруссии, которая, подобно школе «Ругби» доктора Томаса Арнольда, управлялась двенадцатью студенческими *Inspektoren*– инспекторами. Только в школе «Ругби» их называли *Praeposters*, старшими учениками, следящими за порядком. Там у него был друг Эрнст Ранке, младший брат выдающегося историка Леопольда фон Ранке. Гансу всегда

претила профессия военного человека. По свидетельству биографа Петерсдорфа, его ужасала перспектива «бездушного существования на плацу», и он всячески уклонялся от службы, принесшей отцу «столько горьких слез»117. Неудивительно: в Семилетней войне Фридриха Великого в 1756–1763 годах участвовали 116 представителей рода фон Клейст, тридцать из них погибли в бою или от ран и болезней118. В мае 1835 года Ганса приняли в Берлинский университет, где он проучился три семестра, живя с Эрнстом Ранке119, который впоследствии вспоминал, что его однокашник каждое утро, едва проснувшись, читал Новый Завет на греческом языке. В декабре 1836 года Клейст поступил в Гёттинген и там, поднимаясь каждое утро в четыре часа, штудировал Библию (позднее он безуспешно пытался пристрастить к Библии и Бисмарка). До встречи с Бисмарком Ганс уже три года прослужил референдарием в высшем гражданском суде во Франкфурте-на-Одере под началом Эрнста Людвига фон Герлаха, которым он восхищался, но не боготворил. В 1845 году его избрали ландратом, главой сельского района, округи размерами двадцать квадратных миль и с населением 31 тысяча человек, центром которой была единственная большая деревня Бельгард, где насчитывалось 3327 жителей120. Неженатый Ганс тоже осваивал образ жизни сельского сквайра.

В апреле 1845 года Бисмарк плакался в письме сестре Мальвине, к тому времени вышедшей замуж за Оскара фон Арнима-Крёхельндорфа:

…

«К сожалению, я могу поделиться с тобой лишь крестьянскими жалобами: мучают ночные заморозки, больные коровы, плохие дороги и семена рапса, дохнут ягнята, голодают овцы, не хватает соломы, кормов, денег, картофеля и навоза… Я должен, черт возьми, жениться. Это стало для меня абсолютно ясно. Я чувствую себя одиноким и покинутым. А сырая весенняя погода навевает на меня тоску, грусть и жажду любви»121.

Бисмарк после замужества Марии снова начал ездить в Циммерхаузен, что, судя по всему, доставляло радость и ей. В мае 1845 года она писала подруге Элизабет фон Миттельштедт:

…

«Отто стал близок мне, как никогда прежде. Мы протянули друг другу руки, и я думаю, что это не случайный порыв. Ты не понимаешь, как много я вижу за его холодной элегантностью. Тебе может показаться смешным, что я потянулась к этой дружбе, но

она занимает меня последние дни так сильно, что я не в силах больше молчать. Возможно, так выражается ощущение личной свободы, и потому столь притягательна дружба с померанским сфинксом, этим олицетворением дикой природы и заносчивости»122.

В июле 1845 года Мария фон Тадден сообщала Иоганне фон Путткамер о коллективном чтении «Ромео и Джульетты» с участием Бисмарка:

…

«Ты не поверишь. Адемар (кодовое имя Бисмарка) читал текст моего возлюбленного. Я не думаю, что это была уловка нашего хозяина. Просто так вышло… Я должна была выразить столько правдивых чувств, и я забыла о том, что некоторые особенно пикантные места, которые могли привести меня в смущение, мы заблаговременно – и по настоянию Морица – решили исключить»123.

Марии фон Тадден-Триглафф, исполнявшей роль Джульетты, было двадцать три года, а «Ромео» Бисмарку – тридцать. Она была красива, умна и глубоко набожна. Ей еще не встречался человек, подобный Бисмарку. И это неудивительно. Таких людей вообще не существовало. Ее письма ясно указывают на то, что Мария и Отто действительно любили друг друга. Лишь борьба за его душу – христианская миссия – позволяла Морицу фон Бланкенбургу, его другу и ее мужу, сносить их очевидное сближение. А как к этому относилась Иоганна фон Путткамер? Нам остается лишь догадываться.

Спустя несколько месяцев после чтения пьесы Шекспира заболел Фердинанд фон Бисмарк, и Отто поспешил к отцу в Шёнхаузен. Судя по письму сестре, отправленному в сентябре 1845 года, у отца что-то закупорило горло, и его кормили через трубки:

…

«Способ приема пищи, описанный мною, настолько искусственный и ненадежный, что не оставляет нам никаких надежд на выздоровление, если только не случится какое-то чудо и он начнет глотать еду естественным путем… Старику было бы тяжело прожить последние недели в одиночестве, не видя рядом ни одной родной души».

22 ноября 1845 года Фердинанд фон Бисмарк скончался124. Отто пришлось перебираться в Шёнхаузен заниматься поместьем отца, а в Книпхоф переехал Бернхард. Отношения с Марией не прекращались. В апреле 1846 года Бисмарк послал ей

пространное письмо, составленное в рифмах, кипу книг со стихами и яблоки из собственного сада. Я позволю себе привести первые три куплета из его длинной, изящной и иронической поэмы:

Am letzten Dienstag sagten Sie,
Es fehlte mir an Poesie
Damit Sie nun doch klar ersehen
Wie sehr Sie mich da misverstehen
So schreibe ich Ihnen, Frau Marie,
In Versen, gleich des Morgens frh.125
Во вторник прошлый вы говорили:
Меня-де лиризмом обделили.
Но вам докажут эти строки,
Как вы от истины далеки.
Мои стихи, что шлю я вам,
Свежи, как росы по утрам [12] .

Прошло несколько недель, и Бисмарк отправил ей очередное письмо:

…

Дорогая фрау Мария!

Перед тем как послать письмо, я получил из Шёнхаузена тюк зеленой фасоли, которую я всю не смогу одолеть. Прошу отнестись к ней не как к жертвоприношению, которое я отобрал у молоха, поселившегося во мне. Я шлю вам также немного майорана и давно обещанного настоящего шёнхаузенского хлеба, а еще вторую часть Ленау [13] и кое-что Бека. Больше мне добавить нечего. Сейчас все мои мысли поглощены дренажем и осушением болот. Будьте здоровы и передавайте поклон всем, кому посчитаете нужным126.

Через четыре месяца – 10 ноября 1846 года – Мария фон Тадден-Бланкенбург умерла. Ей было двадцать четыре года. Ее смерть потрясла Бисмарка сильнее, чем уход из жизни отца и матери. Он писал сестре с болью:

…

«Если что-то и могло побудить меня к скорому отъезду из Померании, то только это ужасное событие. Впервые я потерял близкого человека, со смертью которого в моей судьбе образовалась мучительная, невосполнимая пустота… Ощущение пустоты, осознание того, что я больше не увижу и не услышу ее, ставшую мне не просто близкой, но и необходимой, столь неожиданно и ново для меня, что я до сих пор не могу поверить в реальность произошедшего. Родственники уповают на судьбу. Они надеются, что смерть всего лишь недолгая разлука, после которой рано или

поздно последует радостное воссоединение»127.

После похорон Бисмарк, Ганс Клейст-Ретцов и Мориц остались втроем. Об этом скорбном вечере Мориц вспоминал и через сорок лет. «Помнишь, – писал он Гансу фон Клейсту-Ретцову, – за окнами завывал ледяной северо-восточный ветер, а мы трое, ты, Отто и я, сидели на табуретах, вытянув ноги к пылающему камину?»128

Смерть Марии заставила Бисмарка принять сразу два важных решения. 18 ноября, менее чем через неделю после ее кончины, он подписал контракт на сдачу в аренду Книпхофа герру Клугу, снимавшему прежде Панзин. Затем он надумал жениться на подруге Марии – Иоганне фон Путткамер. 21 декабря 1846 года Бисмарк в знаменитом *Werbebrief*, сватовском письме, посланном Генриху фон Путткамеру, попросил руки его дочери. Немало бумаги исписали биографы в попытках истолковать смысл этого послания. Стал ли Бисмарк истинным христианином, пиетистом, и оказало ли это какое-то влияние на его нещадный стиль властвования? Вопросы, безусловно, интересные, но гораздо интереснее – и менее освещено – то, почему сама Иоганна захотела выйти за него замуж. Она должна была знать и даже видеть собственными глазами увлечение Бисмарка подругой. Кроме того, Иоганна не обладала ни привлекательной наружностью, ни интеллектом Марии. Бисмарк никогда не послал бы ей философские книги.

Иоганна фон Путткамер родилась в семейном поместье Рейнфельд, располагавшемся в самом дальнем краю Померании, рядом с польской границей, 11 апреля 1824 года; так что ей был двадцать один год, когда она познакомилась с Бисмарком через подругу Марию. Ее семья даже среди пиетистов Померании прославилась своими суровыми и строгими нравами. Старший брат Иоганны умер в детстве, и она росла единственным ребенком в семье. На сохранившихся портретах она изображена с вытянутым лицом, заканчивающимся выпирающим подбородком. Она была дочерью сельского помещика, жила в отдаленном имении самого далекого района провинции и практически ничего не знала об остальном мире.

Трудно сказать, известно ли это было Иоганне, но в декабре 1846 года Бисмарк писал ее отцу:

…

«В первых же строках я выражаю суть моего письма: прошу у вас самое дорогое, что вы можете дать мне, – руки вашей дочери… Пока же я могу лишь рассказать со всей чистосердечностью о себе… и своем отношении к христианству. В раннем возрасте я

отдалился от родительского дома и с той поры никогда не чувствовал в полной мере привязанность к домашнему очагу. Мое образование определялось стремлением к тому, чтобы приобрести позитивные знания и развить в себе понимание мира. Получив нерегулярное и несовершенное религиозное воспитание, в шестнадцать лет я был крещен Шлейермахером, и я не придерживался никакой другой веры, кроме голого деизма, в котором вскоре появились пантеистические тенденции… Не имея над собой никакого контроля, помимо общепринятых социальных ограничений, я окунулся в мир, совращаясь или совращая сам и попав в плохую компанию…»

Бисмарк утверждал в письме, что «чувство одиночества, появившееся после смерти матери», привело его в Книпхоф, где в нем «заговорил внутренний голос». Благодаря знакомству с Морицем фон Бланкенбургом он вошел в круг семейства Триглафф, пробудившего в нем совесть и стыд:

…

«В этом окружении я скоро почувствовал себя как дома. С Морицем и его женой, которая была мне как сестра, я нашел успокоение, какого не испытывал никогда прежде, семью и дом…

Я горько раскаивался в своем прошлом… Вести о смерти в Кардемине нашего дорогого друга впервые побудили меня на молитву, чего я раньше никогда не делал, и вызвали у меня слезы, которых я не проливал с детства. Бог не услышал моей молитвы, но Он и не отверг ее. Ибо я не утерял способности молиться, и во мне возникло осознание необходимости если не в покое, то в любви, которого у меня прежде тоже не было… Не знаю, как вы отнесетесь к такой резкой перемене душевного состояния, произошедшей всего лишь два месяца назад…»

Бисмарк просил лишь позволения приехать в Рейнфельд и лично посвататься к дочери Генриха фон Путткамера129.

Зная о существовании такого письма, я ожидал увидеть в нем свидетельство «заново родившегося» христианина. В послании, на мой взгляд, нет никаких указаний на этот счет. Бисмарк очень неясно выражает свое действительное душевное состояние и отношение к Богу. Поэтому нам трудно судить о том, почему все-таки герр фон Путткамер дал свое согласие. Вскоре после наступления нового, 1847 года он послал Бисмарку положительный ответ, попросив, правда, будущего зятя дать твердые гарантии следования канонам христианской жизни. Бисмарк ответил 4 января:

…

«Вы, достопочтенный герр фон Путткамер, спрашиваете меня: предпринял ли я какие-то конкретные шаги? В подтверждение я могу лишь сказать, что со всей решительностью намерен жить в согласии со всеми и в приобщении к святости, без которой не увидишь Господа. Не мне судить, так ли надежны мои действия, как мне бы того хотелось. Я вижу себя хромым и без Божьей помощи буду лишь и дальше спотыкаться».

Бисмарк не смог приехать сразу же, задерживали обязанности начальника плотины: Эльба угрожала выйти из берегов. «Впервые в жизни я жаждал сильных морозов», – писал он Путткамеру130.

12 января 1847 года Отто Леопольд Эдуард фон Бисмарк-Шёнхаузен обручился с Иоганной Фридерикой Шарлоттой Доротеей Элеонорой фон Путткамер. В тот же день он отправил сестре Мальвине фон Арним записку: «Все в порядке»131.

Когда Бисмарк обручался, уже назревала гроза революции 1848 года, в которой Бисмарк дебютировал в роли политика. Пока же Бисмарк был поглощен неотложными брачными делами и забросал Иоганну письмами, пространными, душевными, с цитатами из английских поэтов Байрона, Мура, обращаясь к ней и по-английски, и по-итальянски, и по-французски – «Dearest», «Giovanna mia», «Jeanne la m chante», если она не отвечала, и заверяя «en proie des motions violentes» [14] . Именно в этот период он написал пространное послание о матери и отце, которое я цитировал ранее.

Его письма полны мягкого юмора и иронии, как, например, это мартовское послание Иоганне о вековом господстве консерватизма в доме его предков, в одних и тех же комнатах появлявшихся на свет и умиравших, и сохраняющимся, как свидетельствуют картины на стенах и церковные книги, «со времен закованных в латы рыцарей, князей Тридцатилетней войны с длинными локонами и изогнутыми бородками, джентльменов восемнадцатого века, важно расхаживавших по залам на красных каблуках, и всадников с «конскими хвостами» на голове вплоть до эпохи тщедушного молодого человека, примостившегося у ваших ног»132.

В таком же стиле через месяц Бисмарк описал сестре свое житье с обретенными родственниками:

…

«Что касается лично меня, то я чувствую себя достаточно неплохо, если не считать головную боль, которую мне доставляет теща, потчующая меня ежечасно крепким рейнским вином, поскольку искренне убеждена в том, что я взращен на этих напитках и мне необходимо выпить для бодрости духа за день

кварту или две. В целом же я пребываю в тех условиях комфорта, которого у меня не было много лет, и живу одним днем с беззаботностью студента»133.

Однако уже 8 мая 1847 года он сообщал своей невесте совсем иные новости:

…

«Родная, единственная и любимая Хуанита, моя лучшая половинка (на английском языке), не знаю, какие еще нежные слова я могу написать тебе, чтобы ты меня простила. Не стану заставлять тебя гадать, чтобы ты не заподозрила худшее, просто скажу, что меня избрали в ландтаг… Один из наших депутатов, Браухич, заболел и не может участвовать в заседаниях… Поскольку среди шести депутатских мест первая позиция освободилась, то сословия Магдебурга должны были передвинуть вторую позицию на первую и заполнить шестое место. Однако они неожиданно избрали меня на первую позицию, хотя я новый человек в графстве и даже не запасной депутат»134.

Родился новый Бисмарк – политик. С этого момента и до самой смерти в 1894 году Иоганне придется переносить и долгие отлучки, и нервные срывы, и невероятную занятость делами мужа, наконец нашедшего свое настоящее призвание. Нарушив избирательные правила, сословия Магдебурга дали дорогу карьере величайшего государственного деятеля XIX столетия, а Иоганна фон Путткамер лишилась полноценного внимания мужа еще до того, как они формально обвенчались.

Какой же была Иоганна? Фридрих фон Гольштейн, впервые увидевший ее в посольстве, приехав в Санкт-Петербург в 1861 году, писал в мемуарах:

…

«Ее единственной привлекательной чертой были изумительные темные глаза. У нее также были темные волосы, что указывало на славянское происхождение семейства Путткамер. Она была полностью лишена женского очарования, не придавала никакого значения одежде и жила только интересами семьи. Свой музыкальный талант она использовала в основном для того, чтобы доставлять удовольствие самой себе, хотя Бисмарк любил послушать, как она исполняет классические произведения, например, Бетховена. В обществе ее манера говорить и поведение не всегда были подобающими, но двигалась она со спокойным достоинством, не позволявшим ей выглядеть дурно воспитанной или неуверенной в себе. Муж давал ей полную свободу. Я никогда не видел, чтобы он упрекал ее в чем-либо»135.

Через пару лет свое впечатление об Иоганне записала баронесса Хильдегард Гуго фон Шпитцемберг (рожденная 20 января 1843 года). Ей было двадцать лет, и она еще не была замужем за Карлом фон Шпитцембергом, когда вместе с отцом, бывшим премьер-министром королевства Вюртемберг бароном Фридрихом Карлом Готтлобом Варнбюлером фон унд цу Хеммингеном (1809–1889) нанесла визит новому прусскому министру-президенту в июне 1863 года. Она пометила в дневнике:

…

«Вернувшись, мы обнаружили приглашение на чай. Мы набросили на себя наши лучшие одеяния и поехали на Вильгельмштрассе, 76. Фрау фон Бисмарк, женщина чуть более сорока лет, темноволосая, с темно-карими глазами, встретила нас любезно. Благодаря ее простоте и доверительности мы скоро чувствовали себя как дома. Позднее пришел ее муж, высокий, красивый мужчина с волевым, почти дерзким выражением лица. Они устраивали что-то вроде дня открытых дверей…»136

На следующий день они снова были у Бисмарков, и Хильдегард записала:

…

«Все в доме просто, естественно и изящно, мне очень понравилось. После обеда отец и Бисмарк увлеклись политической дискуссией, обсуждая что-то с явным интересом»137.

Теперь самое время рассказать немного о любительнице вести дневниковые записи. Хильдегард Шпитцемберг, *Freifrau*, то есть «баронесса», принадлежала к тому типу людей, которые отличаются наблюдательностью и желанием фиксировать свои наблюдения. Она была умна, начитанна, эмоциональна и вовсе не походила на пруссачку. Хильдегард вела дневник каждодневно с десяти лет и до самой смерти в 1914 году, наступившей, когда ей исполнился семьдесят один год. Из нее получился прекрасный летописец: настырный, внимательный и проницательный. Ее муж, посланник Вюртемберга в Берлине барон Карл Гуго фон Шпитцемберг, за которого она вышла замуж 18 сентября 1864 года, имел дом на Вильгельмштрассе рядом с Бисмарками. Поскольку Хильдегард блистала и молодостью, и красотой, и умом, то Бисмарк нашел в ней привлекательную и интересную собеседницу. Толковая красавица любила записывать все, что видела и слышала, и неудивительно, что ее дневники послужили для меня важнейшим источником информации о Бисмарке. Когда в ноябре 1887 года князь и княгиня Бисмарк отправились на

прием ко двору короля, Хильдегард Шпитцемберг пометила: «16 ноября. У Б. выезд ко двору – великое событие. Очень хочется увидеть, какое старье дражайшая леди вытащит из своего гардероба и с радостью напялит на себя»138.

Баронесса Шпитцемберг бывала у Бисмарков регулярно и нередко за столом оказывалась по правую руку от хозяина. Бисмарк уделял ей такое повышенное внимание, что в марте 1870 года она отметила в дневнике:

…

«Граф Бисмарк обходителен со мной более обыкновенного и при каждой возможности старается увидеть меня. Что за этим – какой-то практический замысел или сугубо личный интерес?»139

Вероятно, и то и другое: и «замысел», и «сугубо личный интерес». Бисмарк проигрывал с «Хильгахен» такой же сценарий запретной и невозможной любви, как и с Марией. Красивая и умная женщина, похожая на мать, недоступна, и для того чтобы покончить с одиночеством, ему ничего не оставалось, кроме как ограничиться более простым вариантом решения проблемы. Аналогичная ситуация повторится в середине шестидесятых годов в отношениях с княгиней Екатериной Орловой, чистых и искренних, но наверняка тяжело переносившихся Иоганной. В 1888 году Бисмарк с необычайной откровенностью разговорился с Хильдегард о своих взаимоотношениях с женой и дочерью, о чем тоже имеется запись в ее дневниках:

…

«Когда я заметила, что у императрицы никогда не было властелина, который бы поучил ее уму-разуму, князь сказал: «С женой это иногда может получиться, с дочерью разговаривать – целое искусство. Мы с Марией не раз ссорились. При всем ее интеллекте, у нее очень узкий круг интересов: муж, дети, она думает только о них и практически ни о ком больше, не говоря уже о человечестве. К тому же она ленива, и это тоже проблема». В ответ я выразила удивление: если даже дочь не разделяет его интересы, то она по крайней мере его любит, что совершенно очевидно. «Такая же история и с женой, – продолжал князь. – Хотя в этом есть и положительные стороны. Дома я живу в другом мире». Можно долго говорить о возможности реального духовного родства между супругами или между родителями и детьми. Что касается князя, то он выразил свое мнение на этот счет, сказав со смехом в ответ на тост Лендорфа: “Да, она – моя самая лучшая жена, какую я когда-либо имел”»140.

Проницательная баронесса с присущей ей интуицией,

благодаря которой она и стала выдающейся мемуаристкой, разглядела изъян в отношениях Бисмарка с женой. Хильдегард уверена в возможности «реального духовного родства между супругами или между родителями и детьми», чего князь был лишен. Без сомнения, Иоганну он любил. Об этом свидетельствуют его письма. Однако, как признавался Бисмарк баронессе Шпитцемберг, Иоганна не могла быть ему ни интеллектуальным, ни политическим, ни творческим соратником: сближала их в какой-то степени разве только музыка. Она не могла играть и роль «светской дамы», которой в полной мере была баронесса Хильдегард Гуго фон Шпитцемберг, дочь сиятельного вельможи, премьер-министра королевства и супруга другого знатного вельможи, истинных аристократов. В июне 1885 года баронесса Шпитцемберг расчищала письменный стол: «Просматривая приглашения, полученные за прошлую зиму, прежде чем порвать их и выкинуть, я подсчитала, что с ноября меня 41 раз приглашали на званые обеды и 53 раза – на званые вечера»141. Простая арифметика показывает, что баронессе за 197 дней прислали 94 приглашения, иными словами, она в продолжение шести с половиной месяцев через день выезжала на светские приемы, не считая менее важные встречи, не требовавшие официальных письменных приглашений. Леди из высшего общества вела образ жизни, незнакомый Иоганне. В какой-то момент Бисмарки просто-напросто перестали выходить в свет. Как отмечал Гольштейн, Иоганна не хотела участвовать в светских играх и приспосабливаться к ним. Отплачивала ли она таким манером Бисмарку за то, что он женился на ней рикошетом?

Когда Иоганна умерла 27 ноября 1894 года, Хильдегард Шпитцемберг вдруг обнаружила, что ее больше не приглашают «к Бисмаркам». Стало очевидным, что именно Иоганна вызывала ее для исполнения той роли, играть которую ей самой было не дано: одарять Бисмарка необходимой для него дозой женской красоты и интеллекта. 1 апреля 1895 года, в день восьмидесятилетия Бисмарка, баронесса, впервые не получив приглашение, поняла, что после смерти Иоганны она лишилась доступа в дом Бисмарков:

…

«С уходом из жизни княгини я потеряла человека, благодаря которому мои желания и права хоть чего-то стоили. Мария полностью устранилась, сыновья, даже когда Бисмарки были рядом, меня избегали. Если бы я была мужчиной, то поселилась бы где-нибудь во Фридрихсру и наслаждалась бы всем от А до Я»142.

Общение с великим человеком было необходимо баронессе и в личном, и в интеллектуальном плане. Оно обеспечивало ей контакт с миром высокой политики, наполняло смыслом и интересами ее собственное существование и предоставляло материал для дневников. Бисмарк находился в центре государственной власти в Германской империи, и его благосклонность поднимала престиж Шпитцембергов в обществе, все еще устроенном на принципах аристократической иерархии. Когда Иоганна умерла, этот контакт исчез. Постаревшему Бисмарку баронесса была больше не нужна, и она больше его не видела.

Весной 1847 года сословия Магдебурга избрали депутатом тридцатидвухлетнего сельского помещика, известного своим буйным поведением и безответственными, вызывающими высказываниями. Но он обладал тем качеством, которого не имел никто и среди его сверстников, и среди выходцев из той же социальной среды: необычайно сильной и притягательной индивидуальностью. Эта его гигантская, уникальная самость и повлияла на выборщиков. У него не было ни опыта, ни поручителей, ни соответствующей квалификации. Но он был Бисмарком. И этого оказалось достаточно.

4. Бисмарк заявляет о себе, 1847–1851

Бисмарк вошел в политику благодаря своему статусу землевладельца и влиятельным соседям. 19 декабря 1846 года прусский министр юстиции выпустил директиву, предписывавшую подготовить предложения по реформе традиционной системы патримониального правосудия, при которой юнкеры-помещики сами выносили решения, выступая в роли и судей и присяжных. Как всегда, усмотрев в этом угрозу своим наследственным помещичьим интересам, Бисмарк начал действовать. Вместе с влиятельным соседом Эрнстом фон Бюловом-Куммеровом (1775–1851)1 он представил план, получивший название Регенвальдской программы реформ. Они, видимо, хотели упредить кайзера, которого могли склонить к тому, чтобы поддержать «всякого рода нападки на патримониальное право». Бисмарк и его сосед предложили создать окружные патримониальные суды с председателем и по меньшей мере двумя судьями. Они будут заседать в деревнях на регулярной основе2. Бисмарк развил бурную деятельность: 7 января 1847 года созвал собрание коллег-землевладельцев своего округа, 3 марта выступил на сейме графства, а 20 марта – перед Магдебургской дворянской ассамблеей. 8 марта у него состоялся «продолжительный, несколько часов, разговор с Людвигом фон

Герлахом, восхитившим его своими талантами»3. Сейм поручил Бисмарку подготовить меморандум, уполномочив его и встретиться с министром в Берлине для выяснения позиции правительства по этой проблеме.

26 марта 1847 года Бисмарк послал Людвигу фон Герлаху собственный план реформирования сословного правосудия (без соавторства с Бюловом-Куммеровом), предложив заменить индивидуальные помещичьи суды окружными судами, с тем чтобы землевладельцы избирали окружного судью по той же схеме, по которой провинциальные собрания избирают ландрата или своего представителя. Герлах написал на полях:

…

«Со временем осуществимо, в зависимости от степени единомыслия, пока же односторонне. Большинство сословных судей и большинство влиятельных защитников патримониального правосудия воспримут план как предложение упразднить существующую систему»4.

Политическая деятельность доставляла Бисмарку огромное удовольствие. «Идеи во мне бурлят и бьют через край», – писал он Иоганне5. Бисмарк наконец нашел свое призвание в жизни. Он стал – и всегда оставался – блистательным парламентским политиком, обладавшим силой убеждения и магнетизмом. Он много разъезжал, общался с избирателями, готовил проекты резолюций и в конце концов заставил их принять предложения о реформах, которые, по замечанию Герлаха, означали «упразднение» традиционного патримониального суда. Тогда Людвиг фон Герлах впервые столкнулся с природным дарованием, которое они с братом Леопольдом выпустили на волю, сразу же утеряв над ним контроль.

Когда Бисмарк 8 мая 1847 года сообщал Иоганне об избрании депутатом Соединенного ландтага, он представил дело так, как будто это случилось без его участия. Магдебургские сословия, писал он, «избрали меня на первую позицию, хотя я и новый человек в провинции и даже не запасной депутат»6. В действительности все обстояло иначе. Кампания, которую вел Бисмарк за принятие предложений о реформе патримониальных судов, сделала его известным не только в провинции, но и за ее пределами.

3 апреля 1847 года король Фридрих Вильгельм IV пригласил весь депутатский корпус восьми провинциальных парламентов Пруссии собраться на Соединенный ландтаг в Берлине. Он спланировал его как средневековое, феодальное, романтическое мероприятие, ничем не напоминающее французское

национальное собрание и не приемлющее принцип «один человек – один голос». Фридрих Вильгельм IV относился к «государству как к произведению высочайшего искусства… и намеревался допускать в свой храм только те духовные силы и тех людей, которые всецело признают его королевское величество»7. Представительство должно быть основано лишь на *Stnde*, то есть на сословиях. Лорды или господа формируют верхнюю курию, а дворяне, города и сельские общины – нижнюю курию. Король не собирался также признавать обещание своего предшественника, сделанное еще в 1815 году относительно надлежащей конституции и парламентской ассамблеи для королевства и за двадцать пять лет так и не выполненное Фридрихом Вильгельмом III. Функции его новой ассамблеи должны были сводиться лишь к утверждению новых налогов8. Феодальные оковы, по выражению Кристофера Кларка, сохранялись и вступали в противоречие с реалиями. Провинциальные парламенты появились в 1823 году:

…

«Хотя они и напоминали традиционные организации сословий, по своей сути это уже были представительные институты нового типа. Их легитимность устанавливалась государственным законодательным актом, а не внеправительственной корпоративной традицией. Депутаты голосовали персонально, а не сословиями, и обсуждения велись на пленарных заседаниях, а не в раздельных синклитах, как это было на прежних корпоративных ассамблеях. Но самое главное отличие заключалось в том, что принадлежность к «дворянскому сословию» (Ritterschaft) определялась не рождением (исключая небольшой контингент «прямых» дворян в Рейнланде), а наличием собственности. Привилегированный статус обеспечивался не рождением, а привилегией владения землей»9.

То, чего больше всего опасались Бёрк и фон дер Марвиц, коснулось и прусских деревень: земля превратилась в товар, в предмет купли-продажи. Как пишет Кларк, в 1806 году 75,6 процента дворянских поместий в сельских районах вокруг Кёнигсберга все еще принадлежали дворянам. К 1829 году в их собственности осталось только 48,3 процента имений10.

Созвать Соединенный ландтаг короля вынудил экономический спад и массовое брожение умов. В период между 1815 и 1847 годами в мире произошли кардинальные перемены. В силу причин, о которых демографы дискутируют до сих пор, население Европы вдруг начало расти в середине XVIII века, продолжая возрастать и в XIX столетии11:

Таблица 1. ***Население Германии*** *(в границах 1871 года)*

(миллионов)

1816	22,4
1820	26,1
1830	29,4
1840	32,6
1850	35,3
1860	37,6
1870	40,8

После 1815 года Англия в результате промышленной революции наводнила европейские рынки дешевыми товарами, произведенными машинами, в том числе и текстилем. Отечественные ремесленники с их традиционным кустарным трудом не могли конкурировать с техникой. Голод поразил многие районы: в 1816–1817 годах – Рейнскую область, в 1831 году – Восточную Вестфалию, в 1846–1847 годах – Позен (Познань) и Восточную Пруссию. Голодные бунты напугали имущие классы. Неурожаи разоряли крестьянские хозяйства, особенно в районах, ориентированных на экспорт. Как и в Ирландии в 1845 году, отсутствие железных дорог означало, что люди умирали от голода только из-за того, что предметы первой необходимости находились вне досягаемости. В Юго-Западной Германии практика долевого наследства, в соответствии с которой земли семьи делились поровну между сыновьями, привела к возникновению *Zwergwirtschaft*– «карликовых хозяйств». Хотя их владельцы и были свободными крестьянами, в силу крохотности наделов они не могли обеспечить себе достойное существование и жили в бедности. Послевоенный кризис, начавшийся в 1815 году, сопровождался падением цен. Необычайно суровые зимы в 1819 году и в середине сороковых годов также способствовали повсеместному обнищанию крестьянства. Тем не менее, хотя этого никто и не замечал, производительность сельского хозяйства неуклонно росла, что гарантировало лучшее будущее. По данным Пфланце, производительность сельскохозяйственного труда в Пруссии в 1816–1865 годах увеличилась на 135 процентов при возрастании численности населения на 59 процентов12. С развитием железнодорожной сети, позволявшей ускорить товарообмен, в Германии окончательно забудут о голоде. Пока же урбанизация европейского континента, как показано таблицей 2, была

мизерной. К 1850 году только в одной Англии наблюдался рост городского населения.

Таблица 2. ***Доля населения в городах, в которых проживало свыше 100 000 человек*** *(в процентах)*

	ок. 1800	ок. 1850
Англия и Уэльс	9,7	23,6
Шотландия	—	16,9
Дания	10,9	9,6
Нидерланды	11,5	7,3
Португалия	9,5	7,2
Бельгия	—	6,8
Италия	4,4	6,0
Франция	2,8	4,6
Испания	1,4	4,4
Ирландия	3,1	3,9
Пруссия	1,8	3,1
Австрия	2,6	2,8
Россия	1,4	1,6

Источник: А.Ф. Вебер. Рост городов в девятнадцатом столетии. (Итака, 1899; Нью-Йорк, 1963). (A.F. Weber, *The Growth of Cities in the Nineteenth Century*(1899, Ithaca; NY, 1963), 144–145.)

Из таблицы следует, что в 1850 году Пруссия была в числе самых отсталых стран Европейского континента. Хотя Берлин развивался, сама Пруссия оставалась преимущественно деревенским королевством и в смысле темпов урбанизации была далеко позади Англии. В этой сфере тоже намечались перемены, правда, в 1847 году их, конечно, никто не замечал. Железные дороги только-только стали оказывать влияние на жизненные процессы на континенте. Первые примитивные и короткие железнодорожные пути появились в тридцатых – сороковых годах, а в последующие десятилетия они революционизировали транспорт и торговлю в Европе (см. таблицу 3)13.

Таблица 3. ***Развитие железнодорожной сети в отдельных странах*** *(протяженность железных дорог в километрах)*

	1840	1860	1880	1900
Австро-Венгрия	144	4543	18 507	36 330
Франция	496	9167	23 089	38 109
Германия	469	11 089	33 838	51 678
Италия	20	2404	9290	16 429
Россия	27	1626	22 865	53 234

По темпам и масштабам строительства железных дорог Германия опережала другие страны континента. В сороковых годах имел место скоротечный бум, вызванный спекулятивными вложениями в новые акционерные компании и необоснованным ростом стоимости акций. В 1843 году произошла серия банкротств, положившая начало будущим депрессиям и напоминавшая некоторые современные финансовые кризисы. К несчастью, она совпала с последним массовым европейским голодом, поразившим и Восточную Пруссию.Экономические неурядицы задели и Бисмарка. В августе 1846 года он писал брату о тяжелом положении, сложившемся в поместье из-за длительной засухи и плохого урожая:

…

«В Шёнхаузене абсолютно нет денег. Ежедневные выплаты составляют более шестидесяти талеров за неделю, а с лугами нам еще возиться и возиться. Касса пуста, и в ближайшем будущем доходов не предвидится. Кирпичи нам приходится отпускать в долгосрочный кредит, если мы не хотим потерять покупателей»14.

В апреле 1847 года Бисмарк впервые наблюдал бунт – в Кёслине, небольшом городке в средней части Померании, располагавшемся в пятнадцати милях к югу от балтийского побережья (теперь польский город Кошалин). Свои впечатления он изложил в письме Иоганне:

…

«Кёслин бурлит, даже после двенадцати улицы запружены, так что нам удается пробиваться через толпы с большим трудом и под охраной отряда резервистов, которых ввели в город. Лавки пекарей и мясников разграблены. Разрушены три дома торговцев зерном. Повсюду битое стекло… Серьезный хлебный бунт в Штеттине, два дня идет стрельба, говорят, что поставят артиллерию. Скорее всего страхи преувеличены»15.

В воскресенье 11 апреля 1847 года 543 депутата наконец съехались в Берлин на самую представительную ассамблею из

всех, какие когда-либо созывались на германской земле. Как отметил Дэвид Баркли, «настроение берлинцев соответствовало погоде»: «Зима была долгой, холодной и трудной. Нехватка продуктов и безработица измучили людей, а весна так и не наступала. На дворе было холодно и слякотно, шел снег вперемешку с ледяным дождем»16. Король же был настроен решительно и сурово. В своей тронной речи он четко обозначил ограниченный характер созванной им ассамблеи:

…

«Никакая сила в мире не может заставить меня превратить естественную связь между государем и народом… в обыкновенные конституционные отношения, и я никогда не позволю, чтобы какой-то исписанный лист бумаги лег между Господом на небесах и этой землей».

Сделав такое недвусмысленное предупреждение, король напомнил еще и о том, что он созвал Соединенный ландтаг, следуя положениям государственного акта от 1820 года, предусматривавшего собрание сословий для утверждения новых налогов17. Заявление монарха покоробило депутатов вне зависимости от их политических взглядов. Граф Траутмансдорф прокомментировал тогда: «Его слова прозвучали как гром среди ясного неба… Одним махом он разбил все надежды и чаяния *Stnde*(сословий). Я не видел ни одного радостного лица»18.

Нельзя не обратить внимания на одну странную особенность этой ассамблеи: то, как быстро она трансформировалась в нормальное парламентское собрание со всеми присущими ему атрибутами, включая учтивые обращения к коллегам вроде «достоуважаемый господин… предыдущий оратор». Большинство депутатов принадлежали либо к либеральным буржуазным группировкам, либо к прусской аристократической либеральной фракции, возглавлявшейся вестфальским бароном Георгом фон Финке. Группа твердолобых монархистов, отвергавших любые формы трансформации собрания сословий в действительный парламент, была немногочисленная. По оценке Эриха Маркса, аристократов-экстремистов, противившихся малейшим изменениям в абсолютной королевской власти, было не более семидесяти, и в их число входил Отто фон Бисмарк19. Берлинская ассамблея предоставляла прекрасную возможность для того, чтобы заявить о себе, и прирожденное чутье шоумена подсказывало ему, как это сделать. 17 мая 1847 года Бисмарк выступил с коронной речью в качестве нового депутата нижней курии – палаты общин. Дебют получился сенсационный. В манере, очень похожей на то, как юный «лис» студент завоевывал

авторитет в дуэльном братстве, Бисмарк сознательно вызвал на себя гнев других депутатов. Перед всей ассамблеей он заявил, что энтузиазм так называемого «прусского восстания» 1813 года никаким образом не был связан ни с либерализмом, ни со стремлением к конституционности. Бисмарк придал народному движению против французских оккупантов свой смысл, полностью опровергавший популярный среди прусских либералов миф о том, что народ поднялся на борьбу с Наполеоном и французами во имя свободы. Трудно представить себе, насколько оскорбительным был выпад Бисмарка. Целое поколение прусских либералов выросло в условиях реакции, согревая себя надеждами, основанными на воспоминаниях о славной народной борьбе за свободу, значение которой так нагло умалил Бисмарк. А что же все-таки имел в виду сам оратор? Если судить по стенографическому отчету, то он утверждал лишь то, что восстание 1813 года не имело никакого отношения к проблемам конституционного либерализма:

«Неверно, будто движение 1813 года могло иметь какие-то иные мотивы, которые ему приписывают, будто ему нужны были другие мотивы, а не унижение, принесенное иноземцами в нашу страну…

Стенографическая запись: *гул в зале и громкие выкрики прерывают оратора; он достает из кармана газету «Шпенерше» и демонстративно читает ее, пока маршал не восстанавливает порядок. Затем оратор продолжает выступление*.

Плохую услугу (гул в зале) национальному достоинству оказывает тот, кто считает, будто измывательств и унижения, которым иностранная держава подвергала Пруссию, недостаточно для того, чтобы закипела кровь, пробудив чувства ненависти к иноземцу.(*Сильный шум, несколько депутатов просят слова. Депутаты Краузе и Гир оспаривают правомочность оратора судить о характере движения, свидетелем которого он не был 20.*)».

Отто фон Бисмарк занял свое место на политической сцене Пруссии и не покидал его до самой смерти в июле 1898 года. И все его выступления и в ландтаге, и в рейхстаге, как и первая громкая речь, отличались презрительным отношением к членам высоких собраний, драматическими жестами и вызывающими идеями, облаченными в искрометную прозу и выраженными простыми разговорными формами и обыденной тональностью. Он всегда и намеренно предпочитал консенсусу конфликт, видя в столкновениях, по замечанию Кларка, «очистительный элемент». Такого же мнения и Эрих Маркс:

…

«Необычайные особенности темперамента и суждений проявились с первых дней, они и сделали его Бисмарком»21.

Однако, как бы ни храбрился Бисмарк на подиуме, стычка стоила ему нервов. На следующий день он писал Иоганне:

…

«Я попробовал себя на трибуне оратора и вчера вызвал неслыханную бурю негодования по поводу одного высказывания, надо признать, не совсем ясного, относительно природы народного движения в 1813 году. Я ущемил тщеславное недомыслие многих в нашей партии и, что вполне естественно, возмутил оппозицию. Это обидно, потому что я сказал правду, оценив характер событий 1813 года примерно в такой формулировке: тот (народ Пруссии), кого кто-то (французы) побил до такой степени, что он наконец решил защищаться, вряд ли может претендовать на то, что оказал огромную услугу третьей стороне (королю)»22.

Трактовка Бисмарком собственного выступления отличается от стенографического варианта. Более того, она неверна. В данном случае мы имеем еще одно свидетельство проявления непреходящего и малоприятного свойства натуры Бисмарка: он никогда не брал на себя в полной мере ответственность за свои поступки. И через сорок лет Бисмарку недоставало мужества признавать свои ошибки даже в мелочах. То, что Бисмарк утаил от Иоганны истинное содержание выступления на сейме, доказывает присутствие в его характере другой несимпатичной черты: он всегда хотел выглядеть правым. Это свойственно политикам, однако стремление постоянно корректировать собственную историю у Бисмарка приобрело масштабы, соответствующие его гигантскому эго.

Через несколько дней Эрнст фон Бюлов-Куммеров встретился с Морицем фон Бланкенбургом и посетовал ему:

…

«Я всегда считал Бисмарка разумным человеком. Не понимаю, зачем он так дискредитировал себя». Бланкенбург ответил: «Он был абсолютно прав, и я рад тому, что он вкусил крови. Скоро вы услышите настоящий рык льва»23.

Бюлов-Куммеров не относился к числу людей отсталых. Напротив, он был известным аристократом-памфлетистом, отстаивавшим права дворян на господство, энтузиастом применения современных технологий в юнкерском сельском хозяйстве и развития банковского предпринимательства на селе, в чем и сам принимал участие, поборником свободы прессы. В

отличие от большинства своих соседей Бюлов-Куммеров не стал «заново родившимся» богомольцем, и его не интересовало евангелическое христианство. Он владел одним из самых крупных в Померании юнкерских поместий, и когда в 1848 году собрался «юнкерский парламент», его и выбрали председателем24. Бюлов-Куммеров искренне не мог понять, зачем Бисмарку понадобилось создавать ненужные проблемы. Он, благоразумный и состоятельный землевладелец, никогда бы не сделал такой глупости.

Бисмарк тем не менее стал признанным лидером ультраконсерваторов, как он сообщал Иоганне, через четыре дня после своей коронной речи. Он извинился за то, что не смог приехать на Троицу в Рейнфельд, поместье своих свойственников Путткамеров, которым теперь управляла его невеста, сославшись на то, что сейчас на сессии важен каждый голос и ему необходимо находиться в Берлине или поблизости. Дело – прежде всего. Далее Бисмарк сообщал:

…

«Мне удалось взять шефство над значительным числом или по крайней мере над несколькими депутатами, составляющими так называемую «дворцовую партию», и другими ультраконсерваторами. Я стараюсь удержать их от неуклюжих прыжков в какую-либо сторону, и теперь, после того как я довольно ясно выразил свою позицию, мне можно делать это с наименьшими усилиями и подозрениями»25.

Для того чтобы стать вожаком ультраконсерваторов на Соединенном ландтаге в 1847 году, Бисмарк должен был превратиться в самого оголтелого экстремиста, самого дикого реакционера и самого свирепого полемиста. Он проделал это с такой же легкостью, с какой облачался в экстравагантные костюмы в Гёттингене. Здравому человеку вроде Бюлова-Куммерова было непонятно демоническое представление, разворачивавшееся перед его глазами. Да и не только ему.

8 июня Бисмарк писал Иоганне:

…

«В целом я чувствую себя крепче и поспокойнее, чем прежде, потому что принимаю более активное участие во всем… Обсуждения стали острее: оппозиция превращает все в партийные проблемы. Я приобрел много друзей и много врагов, последних – больше внутри, а первых – вне ландтага. Люди, не желавшие прежде знаться со мной, и те, которых я еще не знал, замучили меня своей любезностью; я получил множество рукопожатий,

сделанных со значением… Вечерние собрания после ландтага немного утомительны. К наступлению ночи я возвращаюсь с верховой езды и иду прямиком в «Английский дом» или в «Римский отель». Меня так захватила политика, что я не ложусь спать раньше часа ночи»26.

Бисмарк увлекся не только политикой и политическими интригами, но, я думаю, и возрастающим осознанием своего интеллектуального и волевого превосходства над другими депутатами и их сторонниками. Он окунулся в политику с такой же страстностью, с какой вел образ жизни «шального юнкера», шел на риск, слишком много пил и слишком быстро гнал лошадей. Кроме того, ему нравилось манипулировать людьми. В его письмах все чаще и чаще появляется слово «интрига». Положение лидера открывало новые возможности, а светловолосый тридцатидвухлетний красавец-гигант знал, как ими воспользоваться. 22 июня 1847 года он писал Иоганне: «Позавчера мы были вместе с моим другом королем, и я был обласкан их величествами»27.

Во второй раз с зажигательной речью Бисмарк выступил во время дебатов по поводу отмены гражданских ограничений для прусских евреев. Как мы уже писали во второй главе, для юнкеров вроде Людвига фон дер Марвица либерализм и равенство для евреев означало лишь то, что «наша древняя, любезная сердцу Пруссия превратится в махровое еврейское государство»28. Фридрих Рюс еще в 1816 году заявлял: «В христианском государстве не должно быть никого, кроме христиан»29. Для юнкерских пиетистов хорошим евреем был только обращенный в христианство еврей. Во время обсуждения еврейского вопроса на Соединенном ландтаге 14 июня 1847 года генерал Людвиг Август фон Тиле, президент Берлинской миссии для евреев, следующим образом обосновал свои возражения против предоставления евреям равенства:

…

«Сегодня я услышал о том, что христианство и вообще религия не должны приниматься во внимание при обсуждении государственных дел. Один из досточтимых депутатов выразил проблему в таких словах, с которыми я готов согласиться всем сердцем. Он сказал: «Христианство не должно быть частью государства. Оно должно стоять над государством и управлять им». Такую позицию я поддерживаю всем сердцем… Он (еврей) может родиться подданным другой нации, исходя из личных интересов или руководствуясь чувствами любви к человечеству, он может приспособиться к условиям, в которых живет, но он

никогда не станет немцем, никогда не станет пруссаком, потому что он обязан оставаться евреем»30.

15 июня 1847 года подошел черед Бисмарка выступить на Соединенном ландтаге по вопросу гражданского равенства евреев:

…

«Должен сразу же признать, что я переполнен предрассудками. Я всосал их с молоком матери, и мне не удалось от них избавиться. Если бы мне пришлось иметь дело с представителем его святейшего величества короля – евреем и ему подчиняться, то, признаюсь, я чувствовал бы себя подавленным и униженным; меня покинули бы чувства гордости и чести, с которыми я исполняю свой долг перед государством»31.

Бисмарк говорил то, что думали большинство его коллег-юнкеров, и в данном случае он принадлежал к депутатскому большинству.

17 июня 1847 года Соединенный ландтаг двумястами двадцатью голосами против двухсот девятнадцати отказал евреям в праве занимать государственные должности и служить христианскому государству32. 23 июля 1847 года был принят *Judengesetz*(Еврейский закон), запрещавший евреям пользоваться правами *stndische*, то есть наследственными сословными и статусными правами. Они не могли ни избираться в окружные и другие провинциальные сеймы, ни пользоваться какими-либо правами, связанными с владением дворянскими поместьями, несмотря на то что некоторые состоятельные евреи уже приобрели поместья, теоретически дававшие им такие права как собственникам33.

Ультраправая группировка Бисмарка и его друзей, вопреки их желаниям, стала парламентской партией, и менее чем через год в Пруссии появится своя конституция. Им недоставало идеологии, как написал Роберт Бердал, «той идеологии, которая предложила бы теорию сильной монаршей власти без бюрократического абсолютизма», а в 1847 году они располагали лишь концепциями традиционного господства дворянства Адама Мюллера и Карла Людвига фон Галлера, приравнивавшими государство к большой семье34.

Теоретическая помощь пришла от выдающегося и теперь почти забытого мыслителя – Фридриха Юлиуса Шталя (1802–1861). Родившись Юлиусом Йольсоном в Вюрцбурге в ортодоксальной еврейской семье, он после обращения в лютеранство 6 ноября 1819 года взял себе фамилию Шталь и имя Фридрих. Впоследствии Шталь стал главным правовым

авторитетом в консервативном движении. Он написал двухтомный труд по философии права, в котором подверг резкой критике не только идеологов Просвещения, но и всю традицию естественного права. Ему хватило интеллектуальных сил для нападок на Гегеля и для создания альтернативной субъективной теории правовых основ. Он считал: полагаться исключительно на разум равнозначно тому, чтобы, «приняв глаз за источник света, пытаться изучать историю не путем исследования событий, а посредством анализа строения и структуры глаза»35. Шталь придерживался преимущественно бёркианской концепции истории и институционализации, но основывался не на либеральных взглядах на историю, а на ортодоксальном лютеранском убеждении в человеческой греховности и порочности.

В 1848 году Шталя избрали в верхнюю палату, и он вошел в число тринадцати самых крайних консерваторов, став их духовным лидером. Его биограф Эрнст Ландсберг назвал «иронией истории» тот факт, что великие христианские неопиетисты-землевладельцы выбрали себе вождем этого маленького, тщедушного, скромного и чрезвычайно учтивого буржуя, всегда одетого в черный костюм и похожего больше на священника, а не на профессора права, говорившего режущим слух голосом и всем обликом напоминавшего о своем национальном происхождении36. Когда 10 августа 1861 года Шталь умер, Ганс фон Клейст написал Людвигу фон Герлаху:

…

«Без преувеличения можно сказать, что Шталь олицетворял палату господ. Он придавал ей интеллектуальную значимость и особую весомость ее решениям, которую не имели директивы другой палаты, правительства или какого-либо иного органа в стране. Он был душой своей фракции, и его влияние в палате присутствует и сегодня»37.

Герлах, принадлежавший к «заново родившемуся» крылу лютеранских пиетистов, был несколько иного мнения о Штале. Спустя шесть лет он писал приятелю:

…

«Тяжело говорить это о любезном друге, столь мужественно сражавшемся, вдохновлявшем меня и придававшем мне силы, но вы меня вынуждаете… Он по большей части впал в вульгарный конституционализм и пытался преподнести его в консервативной манере, прибегая к христианской морали»38.

Революционные годы придали прусскому консерватизму

новую идеологическую направленность, а Бисмарка обеспечили платформой для выстраивания политической карьеры. Возможно, Шталь и проповедовал «вульгарный конституционализм», но конституционализм был неизбежен в любом случае. Тоже по «иронии истории» ультраконсерватор Отто фон Бисмарк нуждался в конституциях и парламентах для демонстрации своей исключительности. Морица фон Бланкенбурга восхитили речи Бисмарка по еврейскому вопросу, и он с удовлетворением говорил Людвигу фон Герлаху: еще недавно, 4 октября 1846 года в доме Триглаффов Бисмарк выступал за отделение церкви от государства, а теперь чудесным образом превратился в сторонника христианского государства39. Лотар Галль воспринимал эту внезапную перемену с определенной дозой скептицизма:

…

«Бисмарк обладал слишком острым умом для того, чтобы принимать за чистую монету христианское самообольщение правотой, которое он видел в Померании, а затем и среди политических друзей… Бисмарк чувствовал себя неуютно, попадая на тонкий лед абстракций…»40

И Галль, и Маркс пытались выяснить, насколько искренне и серьезно Бисмарк говорил о христианском государстве, и они потратили немало усилий на то, чтобы согласовать эту речь с его скептическим отношением к религиозным доктринам и ставшими известными особенностями его веры в Бога. Безусловно, Бисмарк был по-своему верующим человеком, и Маркс с Галлем просто не захотели замечать того факта, что его речь о положении евреев была насквозь пронизана циничным оппортунизмом. Он лишь воспользовался представившимся случаем для того, чтобы распустить павлиньи перья и подкрепить репутацию грозного оратора. На мой взгляд, самое верное объяснение религии Бисмарка дал Пфланце:

…

«Его стремление к доминированию и управлению людьми проистекало не из осознания некоего божественного предназначения, а из гораздо более простых и прозаических побуждений. Обращение в веру не привнесло фундаментальных изменений в его отношение к человеку. Циничное восприятие мнений и мотивов, ненависть и враждебность к оппонентам, тяга к манипулированию своим ближним доказывают то, что ему были чужды доктрины христианской любви и милосердия. Вера служила ему тонизирующей и укрепляющей силой, а не духовным

фундаментом… Религия обеспечивала его ощущениями защищенности и безопасности, принадлежности к целостному, поддающемуся осмыслению и контролю миру – к среде, которую не могли создать для него родители. Бог, которому он поклонялся, обладал могуществом (в отличие от отца) и был ласков, участлив и всегда рядом (в отличие от матери)»41.

Когда король Фридрих Вильгельм IV созывал Соединенный ландтаг, у Бисмарка завершались первые семь недель его долгой карьеры в качестве политического и государственного деятеля, и для него они прошли вполне успешно. Он стал звездой среди ультраправых консерваторов и завоевал ту репутацию, которая никак не могла ему повредить в ближайшем окружении короля. Принцы Фридрих и Альберт, кронпринц давали ему самые лестные характеристики, а герр фон Путткамер сообщал Иоганне о том, что Бисмарка «принцы балуют»42. Но самым важным было то, что Бисмарку действительно полюбились парламентские политические перепалки, опасности и угрозы, чуть ли не дуэльная атмосфера палаты, ощущение собственной значимости и блистательности, возможность воздействовать на людей и развитие событий. Сессии закончились, и Бисмарк почувствовал некоторую опустошенность. Без дела он, конечно, не остался: попробовал создать новую консервативную газету, занялся разработкой следующих этапов правовых реформ и некоторыми другими проектами. Но огни рампы на какое-то время погасли.

Теперь Бисмарк мог, не отвлекаясь на политику, и жениться. Свадьба состоялась 28 июля 1847 года в Рейнфельде, поместье Путткамеров. Шафером был «маленький Ганс» фон Клейст-Ретцов, поднявший тост за здравие нового «Оттона Саксонского», последователя легендарного средневекового герцога Оттона Великого43.

Новобрачные отправились путешествовать, навестили сначала родственников в Пруссии, а 11 августа 1847 года выехали в Прагу через Дрезден (где Иоганна, еще не познавшая светской жизни, впервые посмотрела пьесу), посетили Вену, Линц и Зальцбург. Сохранилось всего лишь несколько писем Иоганны, и они убедительно указывают на то, что она была необыкновенно счастлива со «своим Отто». 25 августа она, например, сообщала родителям: «Мир с каждым днем становится все краше, и Отто, добрый и сердечный, ее любит»44. 1 сентября в Меране (Мерано) они встретились с кузеном Бисмарка графом Фрицем фон Бисмарком-Боленом и Альбрехтом фон Рооном, сопровождавшим в роли наставника юного прусского принца Фридриха Карла, проявившего себя позднее, в 1866 и 1870 годах, выдающимся полководцем.

8 сентября 1847 года фон Роон уведомлял жену Анну о том, что они с принцем Фридрихом Карлом «имели удовольствие повидаться с Отто Бисмарком и его молодой супругой»: «Они обещали навестить тебя в Бонне»45. Бисмарки решили присоединиться к фон Роону, принцу и кузену Фрицу и с ними отправиться в Венецию, и там 6 сентября они повстречали короля со свитой, когда вечером пошли в театр. Вот как описал Бисмарк эту встречу в своих мемуарах:

…

«Король, признав меня в театре, назначил мне на завтра аудиенцию и пригласил к обеду. Это было для меня полной неожиданностью, и поскольку я ехал с легким багажом, а местный портной не отличался мастерством, то я не мог явиться в надлежащем костюме. Однако мне был оказан любезный прием, и разговор, даже о политике, шел в той приятной манере, которая позволила мне сделать вывод о том, что моя позиция на сейме поощрена и одобрена. Король предложил мне навестить его зимой, что я и сделал. И в данном случае, и на менее значительных званых обедах во дворце мне дали понять, что я пользуюсь расположением и короля и королевы, а король, избегая говорить со мной на публике, во время сессий сейма, вовсе не выражал тем самым осуждение моего политического поведения, а лишь не желал, чтобы посторонние лица видели его благосклонное ко мне отношение»46.

Сформировались два важнейших фактора, способствовавшие успеху карьеры: открывшиеся в нем потребность и способности в управлении политическими процессами и благосклонность кайзера. Они сохранялись и действовали начиная с сентября 1847 года и до марта 1890-го. Лишившись одного из них – королевской поддержки – он лишился и власти. У него никогда не имелось иных опор. За ним не шли толпы энтузиастов, ни одна из политических партий не признала его своим лидером. Даже самых близких юнкерских союзников, братьев Герлах и «маленького Ганса» нельзя зачислить в «его» партию: они ничем не были ему обязаны. Постепенно и они поняли, что переоценили свою «звезду». Можно упомянуть еще один фактор, сыгравший роль в судьбе Бисмарка: участие в ней Альбрехта фон Роона, но о нем мы еще поговорим. Бисмарк намеревался вернуться домой: непрекращающиеся дожди в Австрии начали действовать ему на нервы. Уговорил ли его Роон поехать в Венецию в надежде на то, что там он встретит короля? Если это так, то друг оказал ему бесценную услугу, как впоследствии и в 1858, и в 1862 годах.

Бисмарки возвратились в Шёнхаузен в конце сентября 1847 года, окунувшись в семейную жизнь. 24 октября Бисмарк

отправил сразу два письма: сестре и брату. Сестре он сообщал о том, что доволен женитьбой, избавившей его от «бездонной тоски и депрессии», одолевавшей его, как только он оказывался «в своих четырех стенах»47. В письме брату Бернхарду Бисмарк жаловался на меланхоличную тещу: «Будущее она видит только в черном цвете». Он написал также о том, что свадебное путешествие, длившееся 57 дней, обошлось ему в 750 талеров, то есть каждый божий день он тратил по тринадцать талеров, и ему пришлось использовать свадебные деньги Иоганны, которые она хотела употребить на приобретение столового серебра. Заодно он с удовольствием пустил в дело старое отцовское серебряное блюдо. «Веджвуд нисколько не хуже», – резюмировал Бисмарк48. 11 января 1848 года король действительно пригласил Бисмарка на обед во дворец. Он сидел рядом с Людвигом фон Герлахом и, похоже, без Иоганны49.

Когда Бисмарк в тот вечер возвращался домой, на улицах Палермо в Сицилии уже было неспокойно. На следующий день вспыхнуло восстание против короля Неаполя, положившее начало революционному 1848 году. 23 февраля 1848 года разразилась революция во Франции. Людовик Филипп бежал, и в стране была провозглашена Вторая Французская республика с грубой якобинской фразеологией и напоминаниями о терроре. Вести о событиях в Париже быстро распространились по Европе, вызвав волнения во многих городах от Копенгагена до Неаполя. Везде шумные сборища и людские толпы. 27 февраля 1848 года в Мангейме состоялся массовый митинг с требованиями свободы прессы, справедливого судопроизводства, создания ополченческой армии и парламента. Восстания и митинги охватили все германские города. Взбунтовались крестьяне, нападая на помещичьи усадьбы. 13 марта 1848 года началось восстание в Вене, обратившее в бегство князя Меттерниха. Символ репрессивности старого режима покинул столицу, уподобляясь перепуганному беглецу. 17 марта вспыхнуло восстание и в Милане, после того как здесь стало известно о бегстве Меттерниха.

Гарнизоны европейских городов не владели тактикой парижских уличных боев. Они не знали, как сражаться против баррикад, перегородивших узкие и кривые улицы скученных городских центров, как справиться с льющимся из окон верхних этажей кипятком. Армии паниковали, видя братание между солдатами и гражданами. В Северной Италии маршал Радецкий располагал внушительной силой – более десяти тысяч вооруженных людей, и у него стояли гарнизоны во всех крепостях вокруг Милана, но и он не смог взять под свой контроль город. За

один день после сообщений о падении правительства Венеции и бегстве Меттерниха Милан оброс рукотворными баррикадами50.

В Берлине беспорядки начались сразу же после получения вестей из Парижа. Удерживала толпы людей на улицах и прекрасная погода. Кристофер Кларк так описывал сложившуюся в городе ситуацию:

…

«Встревоженный нарастающей решимостью и своеволием толп, запрудивших улицы, начальник полиции Юлиус фон Минутоли распорядился ввести 13 марта в город свежие войска. В ту ночь несколько граждан были убиты в схватках, завязавшихся вблизи дворца. Толпы и солдаты состязались друг с другом за контролирование городского пространства»51.

Несколько дней король Фридрих Вильгельм IV пребывал в нерешительности, раздумывая, чью сторону занять: «голубей», предлагавших пойти на уступки, или «ястребов», возглавлявшихся генералом Карлом Людвигом Притвицем (1790–1871), командовавшим в Берлине бригадой гвардейской пехоты и настаивавшим на применении силы. 17 марта король, потрясенный бегством Меттерниха, наконец сдался и согласился отменить цензуру прессы и дать Пруссии конституцию. Минуло всего лишь одиннадцать месяцев со времени бравурной тронной речи, и король все-таки понял, что есть сила, способная трансформировать «естественную связь между государем и народом в обыкновенные конституционные отношения», и этой силой является не что иное, как страх. На следующее утро, когда ликующие толпы собрались на Дворцовой площади, произошли серьезные столкновения между армией и демонстрантами. По всему Берлину выросли баррикады. Армия уже была не в состоянии контролировать город.

18 марта 1848 года чуть ли не в полночь генерал фон Притвиц, которого его биограф характеризует как человека «сурового, решительного и замкнутого»52, прибыл во дворец и попросил у короля позволения отдать приказ об эвакуации города, с тем чтобы открыть по мятежникам артиллерийский огонь и принудить их к капитуляции. Дэвид Баркли так описал их полуночное рандеву:

…

«Смущенный монарх выслушал, поблагодарил Притвица и вернулся к письменному столу. Притвиц отметил то, с «каким удобством его величество уселись за стол, сняли сапоги, носки и натянули на ноги меховые гетры, собираясь, видимо, писать

длиннющий документ». Тогда он составил, пожалуй, свой самый знаменитый документ – обращение «К моим дорогим берлинцам» («An Meine lieben Berliner»)»53.

К рассвету обращение было расклеено по всему городу. В нем король призывал граждан:

…

«Верните нам мир, уберите баррикады… и я даю вам государево слово, что улицы и площади будут очищены от войск, они останутся только в нескольких самых важных зданиях».

Приказ о выводе войск был отдан уже на следующий день перед полуднем. Король доверился революции54.

Для большинства солдат, для принца Вильгельма, брата короля, для кронпринца король Фридрих Вильгельм казался трусом, спасовавшим перед чернью. Роон, находившийся в Потсдаме, настроился на то, чтобы эмигрировать. Бисмарк, как обычно, схватился за шпагу. Через два дня, 20 марта, в Шёнхаузен заявилась делегация из Тангермюнде и потребовала водрузить на колокольне черно-красно-золотистый флаг Германской республики. Бисмарк вспоминал потом, как он тогда спросил своих крестьян: «Готовы ли они защищать себя?»:

…

«Они ответили горячо и единодушно Ja , и я посоветовал им выдворить горожан, что они незамедлительно и сделали при охотном участии женщин»55.

21 марта Бисмарк спешно отправился в Потсдам, желая выяснить: есть ли смысл в том, чтобы двинуть на Берлин вооруженных крестьян. Бисмарк повествует о своих впечатлениях в мемуарах, и они в основном совпадают с описаниями Галля, Энгельберга и Пфланце:

…

«Я спешился у резиденции моего друга Роона, который, будучи гувернером принца Фридриха Карла, занимал несколько комнат в замке, затем навестил в «Немецком доме» генерала фон Мёллендорфа, который все еще не отошел от грубого приема, оказанного ему повстанцами во время переговоров, и генерала фон Притвица, командующего в Берлине. Я описал им настроения сельчан, а они посвятили меня в некоторые детали того, что происходило утром 19-го. Рассказанное ими и последующая информация, полученная из Берлина, подкрепили мое убеждение в том, что король не свободен. Притвиц, будучи старше меня по возрасту и рассудительнее, спокойно сказал: “Не присылайте нам

своих крестьян, они нам не нужны. У нас предостаточно солдат… Что мы можем сделать, если нам приказано играть роль побитых? Я не могу идти в наступление без приказа”»56.

Галль утверждает, что с этого момента Бисмарк решил «употребить все усилия для спасения традиционного монархо-аристократического порядка даже вопреки позиции нынешнего держателя короны»57. В определенном смысле у Бисмарка не было другого выбора. После того как в сентябре кайзер пригласил его на обед во дворце, свою дальнейшую карьеру и вхождение во власть Бисмарк связывал только с королевским двором. Если государя не вырвать из пут революции, то эта дорога для него закроется. Бисмарку казалось немыслимым, чтобы конституционное правительство предложило наилучший баланс между остатками абсолютизма и парламентаризмом. Неизбежный конфликт между монархом и парламентом предоставит Бисмарку нужную платформу для действий, надо лишь подождать.

Согласно свидетельству будущей королевы Августы, Бисмарк обратился к ней 23 марта 1848 года от имени ее деверя принца Карла Александра Прусского, младшего брата короля Фридриха Вильгельма IV и ее мужа принца Вильгельма Прусского. Он просил дать ему полномочия на то, чтобы «использовать имя ее мужа и имя ее юного сына в осуществлении контрреволюции». Бисмарк намеревался «отказаться от дарованных королем мер и подвергнуть сомнению и его право принимать их, и способность действовать рационально58. Августа писала кронпринцу, бежавшему в Англию:

…

«Я согласилась поговорить с герром фон Бисмарком-Шёнхаузеном, сказав ему, что он подал прекрасный пример истинной преданности и повиновения и любые действия, направленные против решений короля, противоречили бы его собственным убеждениям. Я побудила его дать честное слово, что ни твое имя, ни имя нашего сына не будут скомпрометированы подобными реакционными актами»59.

Бисмарк дал свою версию:

…

«В сложившихся обстоятельствах мне пришла в голову идея добиться иными путями приказа действовать, которого нельзя было ожидать от короля, оказавшегося несвободным, и я попытался получить аудиенцию у принца Прусского. Мне рекомендовали обратиться к принцессе, поскольку требовалось ее согласие. Я пришел к ней для того, чтобы выяснить

местонахождение супруга, который, как я узнал позднее, пребывал на Павлиньем острове. Она приняла меня в комнате для прислуги на антресолях, сидя на деревянном стуле. Она отказала мне в информации, которую я запрашивал, заявив, в сильном возбуждении, что ее долг защищать права сына»60.

Читатель вправе предпочесть любой из этих вариантов, но надо не забывать о том, что Бисмарк имел привычку камуфлировать свои ошибки, и данный неуклюжий эпизод послужил одной из причин неприязненных и даже враждебных отношений между будущей королевой и ее будущим министром-президентом. Следует учитывать и то, что Бисмарк описывал встречу с Августой уже после своего падения, имея за плечами сорокалетний стаж ненависти к ней.

Ситуация тем временем обострялась. 25 марта Фридрих Вильгельм прибыл в Потсдам и выступил перед армейскими командующими и офицерами:

…

«Я приехал в Потсдам, чтобы дать мир гражданам города и доказать им, что во всех отношениях я свободный король, что и им, и гражданам Берлина не следует опасаться реакции и все тревожные слухи на этот счет совершенно безосновательны. Я никогда не чувствовал себя более свободным и в большей безопасности, чем под защитой моих граждан…»61

Бисмарк присутствовал на этой встрече и описал впоследствии в мемуарах горечь, которую испытал, слушая короля:

…

«После слов «я никогда не чувствовал себя более свободным и в большей безопасности, чем под защитой моих граждан» зал наполнился таким ропотом и лязгом сабель, выдернутых из ножен, какого еще не приходилось слышать ни одному королю Пруссии в окружении своих офицеров и, надеюсь, больше никогда не придется»62.

Бисмарку ничего не оставалось, кроме как вернуться в Шёнхаузен и пообщаться с юнкерами-соратниками. Через три дня он уже в более спокойных тонах писал брату Бернхарду, комментируя вести, поступающие из Парижа:

…

«До тех пор, пока в Париже у власти удерживается нынешнее правительство, войны не будет, и я сомневаюсь в том, что они ее хотят. Если оно пошатнется или даже рухнет под нажимом

социалистов, что вполне возможно, то ни у этой власти, ни у ее преемника не будет денег; никто их не одолжит, и тогда должно произойти государственное банкротство или нечто подобное. Мотивы 1792 года, гильотины и республиканский фанатизм, которые могли бы подменить отсутствие денег, не присутствуют»63.

В этой трезвой, проницательной и абсолютно верной оценке Второй Французской республики впервые проявляется другой Бисмарк – дипломат и государственный деятель. Из далекого Бранденбурга он разглядел то, что отметил Токвиль, наблюдая за улицами Парижа: Французская революция 1848 года была плохой имитацией революции 1792 года, по выражению Токвиля, «низкосортной трагедией, сыгранной провинциальными актерами»64.

29 марта 1848 года король назначил Лудольфа Кампхаузена (1803–1890), купца, торговавшего зерном и бакалеей, банкира и инвестора в рейнских провинциях Пруссии, своим новым премьер-министром, а 2 апреля созвал сессию Соединенного ландтага. Кампхаузен стал первым представителем капитализма, получившим высокий государственный пост. Бисмарк как депутат Соединенного ландтага должен был срочно выехать из Шёнхаузена в Берлин. 2 апреля он писал Иоганне уже из Берлина: «Я спокоен как никогда прежде»65.

Одновременно были объявлены выборы в Национальное собрание Пруссии. Депутатов избирали не прямым голосованием. Сначала избиралась коллегия выборщиков, которые и голосовали за кандидатов в депутаты. В выборах могло участвовать все взрослое мужское население; исключение делалось лишь для тех, кто считался недееспособным или проживал в той же местности менее полугода. 19 апреля в письме брату Бисмарк сообщал:

…

«У меня практически нет или очень мало шансов быть избранным. Не знаю, радоваться мне или печалиться по этому поводу. Моя совесть требует, чтобы я участвовал в кампании со всей имеющейся у меня энергией. Если я не преуспею, то разлягусь в своем огромном кресле, испытывая удовлетворение от того, что мне удалось кое-что сделать, и проведу два, а то и шесть месяцев в условиях, гораздо более приятных, чем на ландтаге»66.

Выборы наэлектризовали новых избирателей, крестьян и ремесленников, и они переполняли залы собраний. В мгновение ока они позабыли о привитой веками покорности и послушании. К ним присоединилось немало радикалов из среднего класса, подливавших масла в огонь и желавших отвоевать и свое место

под солнцем. Новый прусский кабинет, возглавлявшийся Давидом Ганземаном и Лудольфом Кампхаузеном, в своей политике сочетал принципы либеральной экономики и конституционности, но практически ничего не делал для улучшения жизни крестьянства и ремесленников, которые хотели видеть действительные перемены, а не выхолощенные схемы Адама Смита. Одновременно с депутатами нового прусского ландтага избирались и представители в так называемый германский предпарламент, общегерманскую конституционную ассамблею. Это тоже вызвало разлад между сторонниками нового порядка: между теми, кто хотел оставаться по преимуществу пруссаками, баварцами или саксонцами – мини-революции происходили во всех тридцати девяти немецких государствах – и теми, кто стремился, по Гегелю, «впрыгнуть» в новую, объединенную Германию.

Не так просто понять характер революции 1848 года. Собственно, происходила не одна революция, их было множество и самых разных, они имели место и в самих государствах, и в отношениях между государствами. Можно сказать, в Германии происходило тридцать девять революций – в таких больших королевствах, как Пруссия или Бавария, и таких карликовых государственных образованиях, как княжества Рёйсс старшей и младшей ветвей, одним из которых правил Генрих XX, а другим – Генрих LXII (и это не опечатка)67. В империи Габсбургов революций можно было насчитать почти столько же, сколько и национальностей: они возникали и в немецких, чешских, венгерских, итальянских, польских городах, и в некоторых сельских местностях, где сохранялось крепостничество (*robot*). Попытки создать единое германское государство сразу же вызвали споры по поводу того, что же считать Германией. В империю Габсбургов входили и германские, и негерманские государства. Каждое отдельное королевство, герцогство, княжество имело собственную феодальную конституцию и своего короля, князя, герцога, графа, маркграфа, ландграфа или иного сюзерена. Немецкие националисты, мечтавшие о «великой Германии», считали историческими германскими землями, например, Богемию и Моравию, в которых большинство населения состояло не из немцев. Германское единое национальное государство должно было включать в себя такие «навеки соединенные» герцогства, как Шлезвиг и Гольштейн, сюзереном которых, хотя только Гольштейн входил в Германский союз, был датский король. Вздорили между собой сословия и регионы, предприниматели и рабочие, бунтовали ремесленники, сопротивлявшиеся внедрению квалифицированных профессий, и

упертые либералы, требовавшие применять принципы свободного рынка и в закрытых корпорациях. Размывание тысячелетних прав на леса и поля задевало и интересы Бисмарка, и всего социального класса, столкнувшегося с угрозой лишиться даже таких мелких привилегий, как право на получение десятой доли сбора меда с каждого улья, имевшегося у крестьянина.

Свирепые схватки завязались по всей Европе, а националисты включились в борьбу за создание своих отдельных государств. Карл Альберт, король Пьемонта, следуя самопровозглашенному лозунгу *l'Italia far da se*(«Италии – быть»), отправил армию в Ломбардию, где радикалы-республиканцы восстали и против Пьемонта, и против имперских сил режима Габсбургов. Избежали волнений только две великие державы: на западе – Великобритания, уже имевшая и либерализм, и конституцию, и средний класс (хотя радикалы вроде преподобного Фредерика Мориса тоже в 1848 году ожидали со дня на день революцию), а на востоке – Россия, где не было ни того, ни другого, ни третьего.

Внезапно не стало цензуры, господствовавшей в продолжение двадцати пяти лет, и радикалы, консерваторы и либералы всех мастей дружно начали выступать с речами, выпускать листовки и издавать газеты. Калейдоскоп лиц, местностей, проблем, наследий, традиций, конфликтов и законодательных актов ставил в тупик современников и продолжает смущать историков, которым приходится сначала понять события, а уж потом их описывать.

Короли и князья поначалу запаниковали, а когда прошел первый шок, поняли, что у них все еще есть армии, пусть оскорбленные и униженные повстанцами, но по-прежнему сильные и чаще всего располагавшиеся, как в Пруссии, вне бунтующих столиц. Австрийские войска в Северной Италии начали восстанавливать контроль над Ломбардией и Венецией и 17 июня подавили восстание чехов в Праге. С 23 по 26 июня генерал Кавеньяк усмирил восстание рабочих в Париже, вписав в историю так называемые «июньские дни». 24 и 25 июля маршал Радецкий разгромил пьемонтскую армию Карла Альберта и восстановил австрийское господство в Северной Италии. Старый режим почувствовал себя увереннее.

В Пруссии консерваторы, собравшиеся вокруг братьев Герлах, начали внутреннюю контрреволюцию, создав *ministre occulte*, тайное теневое правительство, окопавшееся в королевском истеблишменте и получившее название «камарильи». Поскольку новые конституционные пертурбации никак не повлияли на право короля распоряжаться армией, то генерал Леопольд фон Герлах и его брат, старший судья Эрнст Людвиг фон Герлах стали

главными вдохновителями и организаторами теневого кабинета, подключив к нему генерал-адъютантов короля и различных министров королевского двора. Ганс Иоахим Шёпс писал о Леопольде фон Герлахе:

…

«Пользуясь дружбой с Фридрихом Вильгельмом IV – их связывало глубокое духовное родство, – Герлах после 1848 года оказывал огромное влияние на политику Пруссии. Его часто посылали с дипломатическими миссиями. На ежедневных кофейных докладах к его советам и мнениям прислушивались больше, чем к сентенциям министра-президента… С другой стороны, поскольку люди в ближайшем окружении короля не стремились к власти – Герлах был слишком щепетилен в таких делах, – то камарилья отличалась полным отсутствием какой-либо организации»68.

Королевскому правительству, как, впрочем, и нынешним президентским кабинетам, была свойственна еще одна особенность: огромный потенциал обретения власти и влияния посредством личных отношений. Если вы имеете возможность видеться с королем каждый день и в особенности наедине, то вы уже обладаете властью вне зависимости от того, какой пост или место занимаете в иерархии. Леопольд фон Герлах пил кофе с королем каждый день. У него была власть.

В 1850 или 1851 году Леопольд фон Герлах стал президентом «Берлинского общества распространения христианства среди евреев», взявшись за исполнение тех же функций, которые обозначил его основатель генерал Иоб фон Вицлебен. Точная дата неизвестна из-за отсутствия докладов общества за эти годы69. Как и генерал Иоб фон Вицлебен, Леопольд фон Герлах сочетал занятия делами христианства с должностью генерал-адъютанта. Антисемитизм утверждался в высших эшелонах прусского общества, а заметное участие евреев в революции лишь способствовало этому. Фон дер Марвиц пророчески предупреждал в 1811 году: либерализм приведет к тому, что «наша древняя и любезная Бранденбург-Пруссия превратится в махровое еврейское государство»70.

21 июня Бисмарк сообщил брату о том, что уезжает в Потсдам «для политических интриг», а 3 июля уже писал Александру фон Белову-Гогендорфу:

…

«На прошлой неделе я был в Потсдаме, где встречался с лицами высокого и очень высокого положения, которые излагали свои позиции гораздо решительнее и яснее, чем можно было

ожидать с учетом всего того, что произошло. Я также смог убедиться, получив возможность взглянуть на конфиденциальное письмо царя, в том, что война с Россией существует только в воображении до тех пор, пока не разразится гражданская война здесь и наш правитель не призовет русских на помощь. Обо всем остальном – в устном изложении»71.

В тот же день, 21 июня 1848 года, образовалось «Общество за короля и отечество», полулегальная ассоциация юнкеров-лендлордов, имевшая не более десяти – двадцати членов в каждой провинции. Они должны были вступать в другие организации, не ставя их в известность о существовании такого общества, оказывать влияние на местное население и докладывать в центральный комитет в Берлине о настроениях в целом по стране. Действовали как открытый, так и тайный комитеты. Последний возглавлял Людвиг фон Герлах72.

Камарилья понимала, что недостаточно ни открытой, при королевском дворе, ни тайной деятельности. Нужны и другие рычаги политического влияния, в том числе и собственная газета. Об этом шли разговоры и до 1848 года, но дальше разговоров дело не пошло. Теперь, в эру относительной демократии консерваторы особенно остро ощутили необходимость в печатном рупоре. Бернхард фон Бисмарк так описывал трудности, с которыми они столкнулись:

…

«Хотя финансовое положение и платежеспособность владельцев поместий были весьма зыбкими, и мои в особенности, мне удалось своим примером, устными и письменными убеждениями собрать деньги на поддержку консервативной прессы. Подписав гарантийное письмо и получив в кредит несколько тысяч талеров, я, мой брат и Клейст-Ретцов оплатили первоначальные расходы. Иначе газета закрылась бы, едва появившись»73.

1 июля 1848 года вышел в свет первый номер *«Neue Preussische Zeitung»*(«Новой прусской газеты»). Поскольку на заглавном листе был изображен железный крест, ее сразу же назвали *«Kreuzzeitung»*(«Крестовой газетой»). Бисмарк с самого начала принял живейшее участие в ее издании. Он писал для нее статьи и регулярно посылал редактору Герману Вагенеру свои комментарии. Мы располагаем одним из первых его откликов. В июле 1848 года Бисмарк, получив первый экземпляр газеты, отправил Вагенеру восторженный отзыв, выразив одновременно и полезное предложение:

…

«Недостаточно рекламных объявлений. В нашей сельской глухомани они просто необходимы. Женщины не могут без них существовать, и выживание газеты во многом зависит от рекламных поступлений. Новые издания могут помогать себе перепечаткой заметок из солидных газет и только лишь средствами внешнего оформления могут создавать впечатление важного источника информации… Надо заимствовать объявления о рождениях, смертях и свадьбах из «Шпенер-Фоссише», на мой взгляд, целиком или, при необходимости, без фразеологии. Только представьте себе, как много женщин читают в газетах только объявления. Если нет объявлений, то они запретят мужьям покупать газету»74.

В начале сентября Герлах пометил в дневнике: Бисмарк «смотрится почти как министр… очень деятельный и умный помощник для нашего штаба камарильи»75. Герлах возвышался над всем поколением молодых консерваторов вроде Вагенера, Клейста-Ретцова и Шеде и в силу непререкаемой авторитетности в сфере юстиции и судопроизводства, и благодаря исключительно чистой, свойственной только святым, христианской вере. Бисмарка никак нельзя было бы причислить к лику святых. Он не служил и референдарием в высшем провинциальном суде Герлаха и вряд ли разделял его идеи применения христианских принципов к государству76.

Осенью 1848 года Бисмарк особенно заинтересовался Эрнстом Людвигом фон Герлахом, помогавшим организовывать камарилью в качестве новой политической силы. Герлах вел ежемесячную колонку в «Кройццайтунг» под заголовком «Ревью», приобретшую большую популярность и ставшую главным рупором правых. Он нередко озадачивал своих читателей, написав, например, в октябре 1848 года: «Мы не должны противостоять революции только лишь репрессивными мерами в целях обеспечения безопасности государства, нам следует также руководствоваться и идеями справедливости»77. Поскольку брат Леопольд каждый день пил кофе с королем, Бисмарк разумно заключил, что Герлахи откроют ему дорогу во власть, и он был абсолютно прав.

12 июля германская конфедерация во Франкфурте, продолжавшая функционировать параллельно с революционным Германским национальным собранием, приняла решение, косвенным образом повлиявшее на дальнейшую карьеру Бисмарка. Она объявила не о «прекращении своего существования», а о «прекращении предыдущей деятельности»78. Когда революция закончилась, австрийцы настояли на ее реанимации, с тем чтобы утвердить свое господство в

политической структуре Германии. Это означало, что при прусском согласии в бундестаге вновь должен появиться прусский представитель, которым и стал Бисмарк.

В июле на Прусском национальном собрании [15] разгорелись дебаты по поводу отмены всех поместных прав. В результате 24 июля сформировалась организация крупных лендлордов под длинным названием *Verein zur Wahrung der Interessen des Grundbesitzes und zur Frderung des Wohlstands aller Klassen*(«Ассоциация защиты интересов землевладения и содействия благосостоянию всех классов»). Хотя в ней доминировала сельская аристократия, 26 процентов лендлордов не были дворянами. Среди главных инициаторов фигурировали уже знакомые нам имена: Эрнст фон Бюлов-Куммеров, Ганс фон Клейст-Ретцов, Александр фон Белов и Отто фон Бисмарк. Первое ежегодное собрание ассоциации состоялось 18 августа, и на нем присутствовали от двухсот до трехсот человек, среди которых были и мелкие держатели земли, и крестьяне. Поскольку длинное название утомляло, организаторы сократили его до нескольких слов – *Verein zum Schutz des Eigentums*(«Ассоциация защиты собственности»), и журналисты тут же окрестили организацию «юнкерским парламентом». Хотя ему и было всего лишь тридцать четыре года, президентом избрали Ганса фон Клейста. Леопольд фон Герлах спустя несколько лет, 10 декабря 1855 года писал об ассоциации: «Она заложила основу и положила начало будущей мощной партии, спасшей страну»79. 22 августа 1848 года перед «юнкерским парламентом» выступил Людвиг фон Герлах, впервые дав христианское обоснование поместным правам:

…

«Собственность является и политической концепцией, и институтом, освященным Господом для сохранения Божьего закона и царствия Его закона, и собственность священна только лишь в единстве с обязанностями, налагаемыми ею. Лишь как средство удовлетворения своих прихотей она не священна, а порочна. Коммунизм правильно отвергает обладание собственностью без обязанностей. По этой причине мы не можем отречься от наших прав на то, чтобы оказывать покровительство (церкви и школам), иметь полицию (поместных констеблей) и заниматься правосудием (выступать в роли судей), поскольку все это не столько права, сколько обязанности»80.

Бисмарк без устали занимался делами ассоциации, проявляя кипучую энергию и политическое искусство. 25 августа он послал Герману Вагенеру собственную интерпретацию *noblesse oblige*Герлаха:

…

*«Принадлежность к дворянству подразумевает бескорыстное служение стране. Для этого дворянин должен иметь состояние, за счет которого он мог бы существовать, иначе концепция останется пустым звуком. Следовательно, мы должны быть материалистами в отстаивании наших материальных прав»*81.

Конечно, Герлах имел в виду нечто другое.

В том же революционном году, в дни бурной деятельности «юнкерского парламента», 21 августа 1848 года, у Бисмарка родился первенец, дочь Мария, и Ганс фон Клейст-Ретцов стал ее крестным отцом82. Впоследствии в семье появятся еще два ребенка, сыновья.

За пределами Берлина, где заседал «юнкерский парламент», международные и национальные силы тем временем начали обуздывать и сокрушать германские революции 1848–1849 годов. Через день после послания Бисмарка Герману Вагенеру, 26 августа 1848 года, прусское правительство, чья армия вела донкихотскую борьбу за освобождение герцогств Шлезвиг и Гольштейн, согласилось, уступая нажиму со стороны Британии и России, подписать с Данией перемирие без согласования с Германским национальным собранием, членом которого Пруссия теоретически являлась. Предательство национальных союзных интересов вскрыло очевидный факт: несостоятельность Франкфурта как столицы новой Германии. 16 сентября, в день ратификации перемирия Национальным собранием во Франкфурте, в городе поднялся мятеж, и толпа учинила расправу над двумя депутатами – Ауэрсвальдом и Лихновским. Порядок удалось восстановить лишь вводом в город прусской армии83.

Потеря престижа общегерманской ассамблеей отразилась и на Прусском национальном собрании. 11 сентября 1848 года ушло в отставку либеральное министерство Ауэрсвальда – Ганземана. Король заколебался. Может быть, ему вообще избавиться от либералов? Бисмарк помчался в Берлин. Монарх принял его и вроде даже собирался дать ему должность. Фридрих Вильгельм все-таки остановил свой выбор на шестидесятидевятилетнем генерале Адольфе фон Пфюле, до 18 марта 1848 года исполнявшем обязанности военного губернатора Берлина, назначив его министром-президентом Пруссии. Пфюль был другом детства поэта и прозаика Генриха фон Клейста, регулярно посещал еврейский салон Рахили Варнаген фон Энзе и пользовался репутацией человека со странностями. Хотя немолодой генерал и был истинным бранденбургским пруссаком-юнкером, он увлекался либерализмом. Пфюль пытался честно

придерживаться мартовских договоренностей 1848 года, но, не сумев заручиться поддержкой короля в разрешении конфликта между короной и парламентом, занервничал и, понукаемый братьями Герлах, озлобился84. 23 сентября 1848 года Бисмарк писал Иоганне:

…

«Правительство либо распишется в своем бессилии, как и его предшественники, и уйдет, чего бы я не хотел, либо будет исполнять свои обязанности, и тогда, и в этом я ни на минуту не сомневаюсь, вечером в понедельник или во вторник прольется кровь. Я не думал, что демократы осмелятся принять бой, но все их поведение указывает на то, что они готовы к этому. Вновь появились поляки, франкфуртцы, бездельники, флибустьеры и прочий сброд. Они рассчитывают на то, что войска отступят, возможно, под воздействием речей горстки недовольных болтунов. Думаю, что они ошибаются. Я не вижу никаких причин для того, чтобы здесь оставаться и уповать на защиту Господа, на что я не имею права претендовать. Завтра я уберусь в более безопасное место»85.

Тем не менее Бисмарк остался в Берлине, хотя трудно сказать, ради чего и в каком качестве. Он разъезжал, встречался с разными людьми и, видимо, старался быть на виду для того, чтобы о нем не забыли. Похоже, Бисмарк серьезно ожидал, что ему дадут высокий пост, и, как оказалось, его ожидания не были напрасными. В Берлине камарилье наконец удалось привлечь короля на свою сторону.

В начале сентября 1848 года Леопольд фон Герлах предложил создать «военное ведомство во главе с генералом»: оно-де и покончит с революцией в Пруссии. 29 сентября 1848 года Людвиг говорил Леопольду: такое ведомство должно состоять из генерала графа Бранденбурга, члена королевской семьи, Отто фон Бисмарка, Ганса Гуго фон Клейста-Ретцова и принца Прусского в роли «генералиссимуса»86. В итоге к 6 октября 1848 года камарилья добилась назначения Бранденбурга министром-президентом Пруссии. Граф Фридрих Вильгельм фон Бранденбург (1792–1850) был одним из трех генералов, отвоевавших Берлин у революции. Он рос в доме министра королевского двора фон Массова и, очевидно, знал короля Фридриха Вильгельма IV с детства. У него было много добродетелей, но он не обладал ни малейшим политическим опытом, когда 2 ноября 1848 года Фридрих Вильгельм IV назначал его на место фон Пфюля87. Бисмарк вспоминал:

…

«Граф Бранденбург, равнодушный к такого рода соображениям, изъявил готовность взять на себя руководство советом, трудности возникли с подбором для него подходящих и приемлемых коллег. В списке, представленном королю, упоминалось и мое имя. Как генерал Герлах говорил мне, король написал на полях: «Использовать только тогда, когда безраздельно будет править штык». Граф Бранденбург сам говорил мне в Потсдаме: «Я взялся за это дело, но почти не читал газет. Я не знаком с политикой и могу лишь блуждать в потемках. Мне нужен поводырь, человек, которому бы я доверял и который указывал бы мне, что делать. Я берусь за это дело, как несмышленый ребенок, и, кроме Отто Мантейфеля (тогда министр внутренних дел), не знаю никого, кто располагал бы опытом и моим доверием»88.

Судьба революции в Пруссии зависела не столько от Бранденбурга, сколько от другого генерала – жизнерадостного и умного «папы Врангеля». Фридрих Генрих Эрнст фон Врангель родился 13 апреля 1784 года в Штеттине и умер 1 ноября 1877 года в Берлине в возрасте девяноста трех лет. Во время Наполеоновских войн он удостоился самой высокой прусской награды – ордена *Pour le mrite*. В долгие мирные годы он был доблестным кавалерийским офицером. 19 апреля 1848 года король поручил ему командование прусской экспедиционной армией в кампании за освобождение Шлезвига-Гольштейна, где он тоже провел ряд успешных операций. После перемирия Врангель вернулся в Берлин и 13 сентября явился на доклад к королю, который сразу же назначил его военным губернатором «марок», территории вокруг Берлина. Врангель разместил свой штаб в королевском дворце Шарлоттенбург и по всему городу рассредоточил войска численностью 50 тысяч человек. Сценарий действий уже был отработан Кавеньяком и Радецким, но Врангель задумал свой план, более оригинальный и смелый. 9 октября он устроил военный парад в честь фон Пфюля, который не рекомендовал делать этого. Врангель решил, что, наоборот, именно сейчас и надо показать берлинцам прусских солдат. С барабанами и знаменами армия прошла от Шарлоттенбурга в самый центр Берлина, и ее встречали огромные радостные толпы89. Врангель, прекрасно владевший берлинским акцентом, с удовольствием общался с жителями города. Парад показал, что революция потеряла поддержку простых людей, а армия восстановила свою популярность, в чем не последнюю роль сыграл обаятельный и общительный генерал. Через одиннадцать дней после парада Бисмарк писал Иоганне:

…

«Ни малейших признаков мятежности. Напротив, ощущается напряженность в отношениях между рабочими и гражданской гвардией, что принесет свои плоды. Рабочие славят короля и армию и хотят, чтобы ими правил только король, и т. д.»90.

Тем временем в Вене австрийское правительство применило силу.

6 октября 1848 года начались уличные бои, и двор бежал из столицы. 26 октября австрийская армия под командованием генерала князя Альфреда цу Виндишгреца и хорватского генерала Йосифа Елачича фон Бужима открыла огонь по городу и 31 октября взяла город штурмом при значительном численном превосходстве. Две тысячи человек погибли в сражениях, несколько главных вожаков, в том числе Роберт Блюм, депутат Франкфуртского национального собрания, были расстреляны. Врангель овладел прусской столицей парадом и без жертв. Германская революция выдохлась. 9 ноября 1848 года граф Бранденбург принял решение перевести Прусское национальное собрание из Берлина в другое место, чтобы дать возможность Врангелю полностью оккупировать город.

Бисмарк предпочел остаться в Берлине, с тем чтобы подчеркнуть свою значительность, и, похоже, ему это удалось. Он вспоминал в мемуарах:

…

«Ранним утром 9 ноября ко мне пришел генерал фон Штрота, назначенный военным министром и присланный ко мне Бранденбургом для выяснения сложившейся ситуации. Я рассказал ему все, что знал, и спросил: «Вы готовы?» Он ответил вопросом: «Как одеваться?» Я сказал: «В гражданский костюм». «У меня нет такого», – признался генерал. Я дал ему слугу, и, к счастью, к назначенному часу костюм был разыскан у портного. Надо было принять самые различные меры для обеспечения безопасности министров. Прежде всего, в самом театре, помимо полицейского отряда, около тридцати лучших стрелков из гвардейских пехотных батальонов были расставлены таким образом, чтобы они могли по сигналу появиться и в главном зале, и на галереях. Это были меткие стрелки, и они могли прикрыть министров своими мушкетами в случае реальной угрозы. Предполагалось, что при первом же выстреле все, кто находился в главном зале, должны были его незамедлительно покинуть. Соответствующие меры предосторожности были приняты в отношении окон театра и различных зданий на Жандарменмаркт, с тем чтобы обезопасить министров от возможных враждебных нападений во время их

отбытия из театра. Предполагалось, что даже большие массы людей, собравшихся там, смогут быстро рассеяться, как только прозвучат выстрелы» [16] 91.

Никаких выстрелов не было, и на следующий день, 10 ноября 1848 года генерал Врангель оккупировал Берлин, положив конец революциям в Пруссии, как оказалось, навсегда. А что же Бисмарк? На другой день он отправил брату письмо, которое, наверно, и сегодня может взволновать читателя:

…

«Я лоботрясничаю здесь отчасти как депутат нашего дворянского собрания, отчасти как придворный и парламентский интриган. Ничего особенного не происходит, кроме беспрерывного разоружения Берлина, в процессе которого обследована половина районов и собрано восемьдесят – девяносто процентов оружия. Пассивное сопротивление служит лишь прикрытием слабости. Армия, наводя спокойствие и порядок, становится все более популярной, и число злобствующих элементов ограничивается фанатиками, бузотерами и любителями баррикад»92.

В тот же день король Фридрих Вильгельм IV выпустил прокламацию с обещаниями своим подданным конституции:

…

«Пруссаки! Я еще раз твердо заверяю вас в том, что ваши конституционные права не будут ущемлены. Я все сделаю для того, чтобы у вас был хороший конституционный король, и мы вместе построим прочное и стабильное здание, под крышей которого наши потомки будут жить веками гармонично и свободно во благо нашего прусского и германского отечества. Да благословит вас Господь!»93

16 ноября Бисмарк написал Иоганне94:

…

«Вчера я был приглашен на обед королем. Королева была по-английски любезна. Я подобрал с ее швейного стола лоскуток и посылаю тебе, чтобы ты не ревновала… Потом король позвал меня на аудиенцию, длившуюся около часа в его кабинете или, вернее, спальне, которая едва больше нашей маленькой комнаты. Венценосцы живут вместе в городском дворце в довольно стесненных условиях. Среди всего прочего он инструктировал меня доводить до сведения всех значимых персон то, что он будет придерживаться данных им обещаний, и разумных и неразумных, без лишних вопросов и задних мыслей, но намерен скрупулезно отстаивать права короны, пока у него есть хоть один солдат и

опора в Пруссии»95.

Через много лет Бисмарк, характеризуя короля Люциусу фон Балльхаузену, отозвался о нем весьма нелестно: «Человек ненадежный… если его схватить, то в руке останется одна слизь»96.

5 декабря 1848 года Прусское национальное собрание было распущено, и Фридрих Вильгельм IV исполнил обещание: дал стране конституцию. Хотя это и была *oktroyiert*, октроированная, то есть дарованная сверху, конституция (король заявил, что сложившиеся обстоятельства не позволили действовать согласно запланированной процедуре)97, ее никак не назовешь уж совсем реакционной. Она гарантировала: равенство всех пруссаков перед законом (статья 4); личные свободы (статья 5); неприкосновенность жилища и собственности (статьи 6 и 8); свободу вероисповедания (статья 11); беспрепятственность обучения и исследований (статья 17). Каждый гражданин мужского пола старше 24 лет, проживавший в своей общине не менее шести месяцев и не подвергающийся судебному преследованию, имел право голоса (статья 67). Согласно конституции, в нижнюю палату избирались 350 депутатов сроком на три года (статьи 66 и 70). 250 человек, имеющих право голоса, избирали одного выборщика (статья 68), а выборщики избирали депутатов по районам, организованным таким образом, чтобы один район представляли по крайней мере два депутата (статья 69). В верхнюю палату избирались 180 представителей провинций, графств и округов сроком на шесть лет (статьи 62–65).

С другой стороны, дарованная конституция совершенно не затрагивала государственное устройство Пруссии. Четыре статьи закрепляли его в прежнем состоянии «железного королевства», которое сохранилось до 1918 года. Король оставался верховным командующим армией (статья 44). Он занимал и прежние гражданские посты, если закон не предписывал иное (статья 45). Король по-прежнему имел исключительное право объявлять войну, заключать мир и подписывать договоры с иностранными державами (статья 46). Мало того, ему предоставлялось право распускать любую из палат (статья 49)98. Таким образом, монарх удерживал за собой привилегию управлять стержнем государства – армией и основными государственными службами, по своему усмотрению назначать и снимать с должности министров и армейских чинов. Основной закон, поправленный конституцией 1850 года, исключившей равный избирательный ценз и связавшей его с состоятельностью избирателя, просуществовал до 11 ноября 1918 года, когда монархию заменила республика.

Параграфом 3 указа от 12 октября 1854 года было утверждено неограниченное право короны назначать членов палаты лордов или господ в знак «особого высочайшего доверия»99. По сведениям Хартвина Шпенкуха, приведенным им в историческом описании прусской палаты господ, в период между 1854 и 1918 годами монархи ввели в ее состав 325 избранных лиц. Членство в палате господ возвышало всякого рода простолюдинов до уровня служивого дворянства нового конституционного королевства, но и вознаграждало дворян, отличившихся на гражданской или военной службе королю. Прусская палата господ напоминала современную британскую версию в гораздо большей степени, чем можно было бы предположить, а по своему составу даже превосходила ее. В период между 1854 и 1918 годами университеты представили королю сорок профессоров для назначения пэрами, а еще двадцать одного профессора кайзер назначил персонально. Конечно, прусское академическое пэрство несопоставимо с пожизненным пэрством ученых, определяемым британским премьер-министром; важное отличие состояло в том, что две трети кандидатов номинировались университетами. В числе шестидесяти одного профессора-пэра были такие известные имена, как теоретик христианского государства Ф.Ю. Шталь (1802–1861), экономисты так называемой новой исторической школы политэкономии Адольф Вагнер (1835–1917) и Густав Шмоллер (1838–1917), историк Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф (1848–1931)100.

После 5 декабря 1848 года политическая ситуация в Пруссии начала развиваться в пользу Бисмарка. Он стал нужен своим патронам-консерваторам в большей мере, чем когда-либо прежде, и ему самому надо было непременно попасть в новую нижнюю палату – ландтаг. Времени оставалось очень мало. Выборщиков предстояло избрать 22 января 1849 года, а они должны были избирать депутатов 5 февраля. Спустя четыре дня после обнародования конституции Бисмарк писал брату:

…

«Начиная с сентября, сную как челнок отсюда то в Берлин, то в Потсдам, то в Бранденбург… Я обольщаюсь тем, что посыпаю перцем хвосты трусливым собакам и с удовлетворением отмечаю сделанное за день»101.

«Общество за короля и отечество» сформировало предвыборный комитет, и Бисмарк вошел в его состав наряду с Юлиусом Шталем, Морицем Августом фон Бетманом-Гольвегом, Германом Вагенером и университетским другом Карлом фон

Савиньи. Их манифест гласил: «Политическое кредо нашего комитета яснее и острее концепций других фракций консерваторов. Оно заключается в полном отказе от переговоров с революцией»102. Бисмарк с присущей ему энергией включился в предвыборную кампанию. Он так объяснял свою программу брату:

...

«На предвыборных собраниях я выступаю против анархии, за признание конституции и равенство всех перед законом (но против упразднения дворянства), за справедливое налогообложение в соответствии с доходами, за выборы согласно интересам, но против упразднения материальных прав без компенсации, за ответственную прессу и корпоративные законы. Это мои главные приоритеты в ландтаге»103.

5 февраля 1849 года Отто фон Бисмарк был избран в прусский ландтаг от Тельтова в Бранденбурге. Хайнц фон Клейст прошел в ландтаг от Бельгарда. Генерал Леопольд фон Герлах отметил в дневнике: «Из числа надежных людей, на которых мы можем положиться, в ландтаг избраны Бисмарк, Клейст и, полагаю, профессор Келлер. Очень важно организовать их в ударную силу, противостоящую оппозиции»104.

28 марта 1848 года Франкфуртское национальное собрание одобрило конституцию, предусматривающую всеобщее тайное голосование лиц мужского пола, а также резолюцию, предлагавшую Фридриху Вильгельму IV корону Германской империи. 3 апреля король принял делегацию во главе с президентом Франкфуртского парламента, прусским либералом Эдуардом фон Симсоном. Встреча получилась безрадостная. Фридрих Вильгельм IV выслушал посланцев из Франкфурта, которых Леопольд фон Герлах презрительно назвал «таскунами корон», в Рыцарском зале королевского дворца и великодушно сказал им: хотя он и польщен оказанной ему честью, вначале надо выяснить, как отнесутся к их конституции германские государства. Вечером на приеме во дворце раздосадованный Симсон пожаловался, что король «наплевал» на Франкфуртское собрание, на что Леопольд фон Герлах с удовлетворением ответил: «Это совершенно правильный вывод»105. Король писал потом своей сестре Шарлотте, жене царя, звавшейся царицей Александрой Федоровной и ставшей со временем большим другом Бисмарка:

…

«Ты читала мой ответ делегации «мужика, осла, собаки, свиньи и кота» из Франкфурта. У немцев это означает: «Господа! У вас нет никакого права предлагать мне что-либо. Просить – да, просить вы можете, но давать – НЕТ! Прежде чем что-то давать, вы должны это иметь. А у вас ничего нет»106.

Мнение Бисмарка относительно франкфуртского предложения было не менее категорично. 21 апреля 1849 года он говорил по этому поводу в ландтаге:

…

«Франкфуртская корона может и заблестеть, но золото, которое должно придать ей сияние, надо выплавить из прусской короны, и я не уверен, что переплавка получится при этой конституции»107.

Бисмарк уверенно входил в роль парламентского депутата, о чем он сообщал брату:

…

«По утрам с девяти мы заседаем в экспертных комиссиях, затем на пленарных сессиях; после ленча с пяти до семи проходят совещания по секциям, а вечером с десяти до одиннадцати – партийные сходки. В промежутках – приглашения, визиты, интриги, работа над людьми и проблемами. Зная мою врожденную предрасположенность к лени, ты поймешь мое молчание. Сессии любого характера утомляют больше всего: с первых слов уже понимаешь, о чем пойдет речь, как при чтении плохой новеллы, но уйти нельзя из-за того, что, возможно, придется голосовать».

Бисмарк переехал на улицу Вильгельмштрассе, дом 71: «Здесь подороже, но меньше соблазнов пойти в паб»108.

В августе 1849 года его переизбрали в Прусский ландтаг, и он поселился в гостинице вместе с Гансом фон Клейстом-Ретцовом. Бисмарк писал Иоганне, что они сняли *chamber garnie*[17] :

…

«При моем стиле жизни он ведет себя как тиран. Каждое утро он будит меня, когда я еще не хочу подниматься из постели, и заказывает для меня кофе, которое остывает к тому времени, когда я встаю, потом внезапно вынимает из кармана книжку Госснера Schatzkstchen («Ларчик сокровищ») и зачитывает мне утреннюю молитву. Это очень мило с его стороны, но всегда не ко времени»109.

Спустя девять дней, 17 августа Бисмарк сообщал жене:

…

«Я живу с Гансом в доме на углу Таубенштрассе, у нас три комнаты и альков, очень уютные, но узкие, настоящие дыры. Постель Ганса кишит клопами, в моей кровати их нет: очевидно, я – им не по вкусу. Мы платим двадцать пять рейхсталеров в месяц»110.

Гансу затем пришла в голову идея завлечь Бисмарка в лютеранские церкви, и Бисмарк жаловался Иоганне:

…

«Пение в протестантских общинах мне абсолютно не нравится. Для меня предпочтительнее церкви с хорошей церковной музыкой и людьми, которые знают, как ее исполнять. Мне больше подходят такие церкви, как Тейн: с обеднями, священниками в белых одеяниях, с дымком от свеч и благовониями. Не так ли, Анжела?»111

В сентябре 1849 года Бисмарк отправился с сестрой Мальвиной во Фридрихшайн, чтобы посетить захоронение революционеров, погибших в мартовские дни, о чем он потом написал Иоганне:

…

«Вчера мы с Малли побывали во Фридрихшайне, и должен сказать, что даже мертвых не могу простить. Мое сердце переполняла горечь при виде могил этих убийц с крестами, на которых начертаны слова «Свобода и справедливость» как бы в надругательство над Богом и человеком… Мое сердце переполнял гнев при мысли о том, что сотворили они с нашим отечеством, эти убийцы, чьим могилам сегодня поклоняются берлинцы»112.

Эта ненависть к «врагам» будет нарастать по мере приумножения лет и власти и отнимать все больше сил и здоровья.

Коллапс Франкфуртского парламента принес новые и неожиданные осложнения. 22 апреля 1849 года из Франкфурта вернулся Радовиц, где он был депутатом.

Йозеф Мария фон Радовиц (1797–1853), рожденный в венгерской католической дворянской семье, появился в Берлине еще молодым человеком в 1823 году. Он здесь никого не знал, но ему оказывал покровительство великий герцог Гессенский.

Через несколько лет венгр уже занял важное положение в новом генеральном штабе. Он сблизился с кронпринцем, ставшим потом королем Фридрихом Вильгельмом IV, и вошел вместе с графом Фоссом и братьями Герлах в группу мыслителей, собравшихся вокруг еженедельника «Берлинер вохенблатт». Они поставили перед собой очень сложную задачу: «Бороться против лживой свободы революции посредством подлинной свободы, заложенной в правильных порядках, а не с помощью абсолютизма, под какой личиной он бы ни подавался»113. Иными словами, католик взял на вооружение феодально-аристократическую идеологию неопиетистов, противопоставив ее и революции, и государственному абсолютизму Фридриха Великого. Он дослужился до высоких чинов в армии, сочинял литературные эссе и даже занимался математикой. Еще 20 ноября 1847 года Радовиц написал меморандум «Германия и Фридрих

Вильгельм IV», в котором предлагал королю возглавить федеративный, добровольный союз германских государств под эгидой Пруссии, что, по его глубокому убеждению, могло предотвратить события 1848 года. Неформальный, хотя и влиятельный советник короля не смог тогда привлечь на свою сторону министров и после мартовских событий удалился в поместье родственников жены в Мекленбурге, где его неожиданно для него самого избрали депутатом в Франкфуртский парламент от Вестфалии.

После фиаско революционного парламента во Франкфурте Радовицу все-таки удалось убедить Фридриха Вильгельма IV воспользоваться престижем Пруссии – как-никак, а Франкфуртский парламент предложил корону Германской империи прусскому королю, прусская сила подавила мятеж во Франкфурте и крестьянское восстание в Бадене – для объединения Германии в «унию» князей на федеративной основе и без Австрии. Король план Радовица одобрил и решил созвать съезд князей.

В Берлине идея Радовица не вызвала большого энтузиазма. У Радовица не было должности, но дружба с королем придавала ему значимость. Министры короля в большинстве своем отвергали его план. Камарилья воспротивилась, потому что он предусматривал избираемый германский парламент, ассоциировавшийся с «революцией». Радовиц неоднократно хотел отойти от дел, король столь же настойчиво удерживал его. Наконец, 26 мая 1849 года появилась «Уния трех королей» – Пруссии, Саксонии и Ганновера, которая должна была сформировать общегерманский союз при согласии всех остальных германских государств, исключая Австрию. На встрече в Готе 25 июня 1849 года сто пятьдесят бывших либеральных депутатов Германского национального собрания согласились разработать проект союзной конституции. Под нажимом Пруссии ее признали двадцать восемь германских государств, к концу августа 1849 года вступивших в унию. Осталась в стороне Бавария, а приверженность Саксонии и Ганновера идее объединения никогда не была твердой. Радовиц наконец получил пост, став 26 сентября 1849 года министром иностранных дел Пруссии, но поддержкой других министров так и не заручился. Король к нему благоволил, но уже с меньшей охотой.

Идея союза была здравой, но ее реализация наталкивалась на два препятствия, имевшие иностранное происхождение, – оппозицию Австрийской и Российской империй. Царь Николай I был недоволен тем, что Фридрих Вильгельм IV уступил «черни», и называл его не иначе как «королем мостовых», а у

восемнадцатилетнего австрийского императора Франца Иосифа появился новый советник – князь Шварценберг. Его светлость Феликс, князь Шварценберг, герцог Крумлов, граф Зульц, ландграф Кельттгау (1800–1852), принадлежал к высшей европейской аристократии и обладал сильным, волевым характером. Он с помощью царя задушил венгерскую революцию, навязал жесткую централизованную систему управления всем доминионам Габсбургов и теперь намеревался возродить федеративную структуру Германии в том виде, в каком она существовала до 1848 года, и, естественно, при австрийской гегемонии.

31 января состоялись выборы в парламент унии. Бисмарк тоже попал в него, и 20 марта 1850 года союзный парламент нового образца впервые собрался в Эрфурте. Несмотря на репутацию ярого реакционера, Бисмарка избрали его секретарем. 15 апреля 1850 он выступил с речью в народной палате, ополчившись против формулировки «Германская империя»:

…

«В ней кроется величайшая опасность, которой может подвергнуть себя политическое действие… оглупить себя. Господа! Если вы проигнорируете пруссака, старого пруссака, коренного пруссака так же, как в этой конституции, если вы навяжете пруссаку эту конституцию, то вы обнаружите в нем Буцефала, который с радостью помчит всадника, хорошо ему знакомого, и сбросит на землю чужого праздного наездника, украшенного черно-красно-золотистыми вензелями. (Бурные аплодисменты правых 114.)».

19 апреля Бисмарк писал Иоганне:

…

«Здесь назревает кризис. Радовиц и Мантейфель набрасываются друг на друга. Бранденбург позволяет Радовицу вертеть собой… так что по моей настоятельной просьбе Мантейфель отправился в Берлин к королю. Какую сторону он займет, будет ясно через день или два, и тогда либо конец собранию в Эрфурте, либо Мантейфель больше не министр. Маленький человек вел себя достойно и решительно. Вчера он хотел открыто порвать с Радовицем, но Бранденбург не позволил… Ужасно жить в таком маленьком городишке, где три сотни знакомых. Нет ни минуты покоя. Час назад ушел последний нудный визитер, и я решил поужинать: съел целый батон колбасы и выпил пинту эрфуртского пива «фельзенкеллер». Сейчас, когда пишу тебе, доедаю вторую коробку марципана, предназначавшуюся,

возможно, для Ганса, которому в любом случае она уже не досталась… Взамен я оставлю ему ветчину»115.

Наконец наступили летние каникулы, освободившие его от сессий, и Бисмарк смог заняться посланиями. В июне 1850 года он писал Герману Вагенеру:

…

«Я нагло сибаритствую, читаю, курю, совершаю прогулки и изображаю отца семейства. С политикой соприкасаюсь только через «Кройццайтунг», поэтому абсолютно не рискую заразиться новомодными идеями. Мои соседи не склонны к общению, и меня полностью устраивает романтическое уединение. Я валяюсь на траве, читаю поэзию, слушаю музыку и жду, когда созреет вишня… Бюрократия изъедена раком с головы до ног. Кое-как еще работает кишечник. Законодательное дерьмо, которое он извергает, имеет самый натуральный запах в мире. С такой бюрократией, включая судей, даже законы, сотворенные ангелами, не вытащат нас из болота. Имея плохие законы, но хороших чиновников (включая судей), управлять еще можно; с плохими чиновниками нам не помогут и хорошие законы»116.

4 июля 1850 года Бисмарк описывал Радовица своему школьному другу Густаву Шарлаху из Шёнхаузена:

…

«Радовиц ничем другим так не отличается, как феноменальной памятью, благодаря которой он… обладает столь обширными знаниями и запоминает выступления и на галерке, и в центре. Вдобавок он изучил слабые стороны его величества, знает, как произвести впечатление жестами и словами, как использовать сильные и слабые свойства его характера. Как человек он скромен и непривередлив, прекрасный семьянин, но как политик неинтересен, у него нет своих идей, и он живет чужими идеями, охотится за популярностью и аплодисментами, побуждаемый непомерным тщеславием…»117

В июле Бисмарку тоже предстояло сыграть роль «прекрасного семьянина». Он должен был с женой и маленькими детьми отправиться на морское побережье, и одна мысль о путешествии настраивала его на печальный лад. Бисмарк сетовал сестре:

…

«Я чувствую себя как перед отправкой в дурдом или в пожизненное заключение в верхнюю палату парламента… Я вижу себя с детьми на платформе станции Гентин, потом в вагоне, где они оба нещадно портят воздух, а окружающие зажимают носы.

Иоганна стесняется при всех кормить грудью ребенка, и он истошно, до синевы вопит. Затем толкотня в толпе, постоялый двор, детский ор на станции Штеттин, битый час ожидания лошадей в Ангермюнде, суета с погрузкой. А как мы доберемся из Крёхлендорфа в Кюльц? Если бы нам пришлось остаться на ночь в Штеттине, это было бы ужасно. Все это я вытерпел в прошлом году с Марией, которая без конца ревела… За что мне такое наказание? На следующий год я должен буду отправляться в поездку с тремя люльками, тремя няньками, с кучей пеленок и постельного белья. Я просыпаюсь в шесть утра в беспокойстве и плохо сплю по ночам из-за того, что меня преследуют видения поездки, которые моя фантазия рисует в самых мрачных тонах, в мельчайших подробностях, вплоть до пикника в дюнах Штольпмюнде. К тому же путешествие с младенцами может отнять целое состояние. Я чувствую себя очень несчастным»118.

Приход сентября означал возобновление сессий парламента, возвращение в Берлин и избавление от стрессов семейной жизни. Кризис по поводу Эрфуртской унии еще не разрешился. 27 августа 1850 года Шварценберг объявил, что идеи унии несовместимы с федеральным актом, и потребовал созвать чрезвычайную конференцию Германского союза 2 сентября во Франкфурте. Он благоразумно воспользовался тем, что прежняя германская конфедерация все еще сохранялась, поскольку в июле 1848 года она провозгласила не о «прекращении своего существования», а о «прекращении предыдущей деятельности»119. Потом кризис разразился в курфюршестве Гессен-Кассель (Кургессен), где герцог-реакционер аннулировал завоевания революции и восстановил абсолютизм. Его подданные, вкусившие свободы, дарованные новой конституцией, взбунтовались, отказавшись платить налоги. 17 сентября 1850 года великий герцог Фридрих Вильгельм II призвал Германский союз воспользоваться своим правом на военную интервенцию и помочь ему восстановить порядок. Территории Гессен-Касселя располагались между западными прусскими провинциями и основными землями королевства, и армейских старших офицеров, которым не было никакого дела до Эрфуртской унии и ее парламента, встревожила возможность того, что саксонские или ганноверские войска встанут костью в горле Пруссии по оси с востока на запад.

1 ноября 1850 года войска Германского союза вошли в курфюршество Гессен. Желание Пруссии защитить свои линии коммуникаций ставило короля в нелепое положение – он должен был защищать «революцию» и ополчиться против законного сюзерена. Царь Николай выступил с недвусмысленными

угрозами, и королю пришлось 2 ноября уволить Радовица. Прусское правительство неуклонно скатывалось к войне с Австрией и Германским союзом, не имея для этого ясных оснований и целей и навлекая на себя угрозу неминуемого унижения. Арден Бухольц писал:

…

«С 6 ноября 1850 года и до 31 января 1851 года королевство Пруссия проводило первую военную мобилизацию за тридцать пять лет. Это было провальное мероприятие от начала до конца… И в военном министерстве, и в командовании, и в штабах царил настоящий хаос»120.

В королевской семье не могли прийти к единому мнению, кабинет тоже раздирали противоречия, положение сложилось неутешительное.

Блеф все-таки прекратился, и прусское правительство пошло на попятную. 29 ноября 1850 года Мантейфель и Шварценберг подписали в Ольмюце конвенцию, по которой Пруссия обязывалась вывести войска из Кургессена и поставить крест на идее унии. С точки зрения унижения национального достоинства уступка Пруссии была равноценна поражению при Йене. Австрия и Пруссия согласились возродить Германский союз, хотя австрийцы не выполнили своих обещаний121. Позор Ольмюца шокировал даже самых ярых противников Эрфуртского плана. Но только не Бисмарка. 3 декабря 1850 года он выступил, наверно, с одной из своих самых запоминающихся речей:

…

«Зачем великие государства воюют сегодня? Единственно серьезным основанием для большого государства может быть лишь эгоизм, а никак не романтизм; именно это по определению и отличает большое государство от малого. Для большого государства нет никакого смысла в войне, если она не в его интересах. Назовите мне цель, достойную войны, господа, и я соглашусь с вами… Свое достоинство Пруссия должна защищать не в донкихотской борьбе с каждым обиженным парламентским фонбароном в Германии, испугавшимся, что угрожают его местечковой конституции»122.

Речь произвела впечатление. Друзья-консерваторы напечатали двадцать тысяч экземпляров и распространили по всей стране. Своим спокойным и здравым выступлением Бисмарк дебютировал как сторонник *Realpolitik*и популярный общественно-политический деятель. Братья Герлах ничего не могли возразить, поскольку его хладнокровный реализм уберег их от гнева

общественности. Лотар Галль отметил еще одно обстоятельство. Парламентские успехи не могли открыть ему дорогу во власть в новой конституционно-абсолютистской Пруссии, которой она стала после 1850 года. Перспектива возглавлять консерваторов в ландтаге в качестве парламентского конферансье для него была «неинтересна». Реальная власть находилась в руках слабого короля и дворцовых вельмож. Галль писал: «Ольмюцская речь предназначалась для того, чтобы предложить себя на высокий государственный пост»123. Не имея квалификации, опыта и репутации надежного человека, Бисмарк все еще надеялся пробиться на дипломатическую службу, которая вывела бы его в другой мир и для которой, как оказалось, у него были прирожденные данные.

Наступил 1851 год, и внешне вроде бы ничего особенного не происходило. Письма Бисмарка жене наполнены сплетнями и мелкими событиями. В марте он сообщал о пожаре в палате господ и о том, как радовались огню берлинцы. Бисмарк пересказывал их анекдоты типа: «Кто мог подумать, что в старом здании столько огня!» или «Наконец нам дали свет!»124 Вскоре Бисмарк писал жене о возвращении Ганса из Галле, отметив, что его друг пять дней не ночевал дома:

…

«Я так обеспокоился его долгим отсутствием, несмотря на тиранию, что стал разыскивать через регистратуру (ландтага. – Дж. С .), и он сразу же появился. Говорят, будто он выгодно женится, но я сомневаюсь. Он настолько скрытен, что кажется, будто мы познакомились дня три назад. Молодая особа (графиня Шарлотта цу Штольберг-Вернигероде) умна, красива, обаятельна и набожна, к тому же богатая наследница и из хорошей семьи. Я бы ему ее сосватал, если ее родители думают так же, как я»125.

В начале апреля Бисмарк сообщал домой о своем контакте с религией:

…

«Вчера по твоему настоянию я еще раз встретился с пастором Кнаком. На мой взгляд, он перегибает палку. Он считает греховными и противными Богу не только танцы, но и посещение театра, любую музыку, если человек увлекается всем этим не во имя Господа, а для развлечения, как говорил святой Петр: «Не знаю человека сего» [18] . Это уж слишком. Но лично мне он нравится, и я никоим образом не оскорбил его религиозные чувства»126.

10 апреля 1851 года ландтаг прервался на пасхальные каникулы, и Бисмарк уехал домой в Шёнхаузен, так и не узнав

ничего о своей дальнейшей судьбе.

23 апреля он возвратился в Берлин по вызову Ганса, и когда они лежали в постелях в темноте в крошечной квартире на Ягерштрассе, Клейст-Ретцов сообщил другу о своем решении просить руки графини Шарлотты цу Штольберг-Вернигероде, которая вот-вот станет и дьяконицей. Потом Клейст рассказал Бисмарку о визите к Мантейфелю с целью прояснить свое будущее. Мантейфель сказал, что его назначат *Regierunsprsident*(губернатором провинции) в Кёстлине, а Бисмарк поедет послом во Франкфурт. Биограф Клейста-Ретцова писал:

…

«С тех пор он возомнил себя пророком и, следуя примеру «просветленных», стал одаривать всех, начиная с принцессы Прусской Марианны, стихом из Библии, который должен сопровождать его или ее всю жизнь. Бисмарку достался псалом 149:

5 Да торжествуют святые во славе,
Да радуются на ложах своих.
6 Да будут славословия Богу в устах их,
И меч обоюдоострый в руках их.
7 Для того чтобы совершать мщение над народами,
Наказание над племенами,
8 Заключать царей их в узы,
И вельмож их в оковы железные;
9 Производить над ними суд писаный —
Честь сия всем святым Его» [19] .

Позднее, когда его друг разрешил «железом и кровью» германскую проблему, сверг королей и князей, возвел на трон императора и унизил величайшую державу, Клейст-Ретцов вспомнил ту тихую и скромную квартиру на Ягерштрассе, отметив с удовлетворением, что его пророческие слова сбылись127.

Спустя пять дней Бисмарк написал Иоганне о встрече с «Фра Диаволо» (так он звал министра-президента Мантейфеля), который сообщил о том, что ему придется занять освободившийся после Ольмюца пост прусского посланника при Германском союзе во Франкфурте. Предполагалось отправить туда в качестве первого лица Теодора Генриха Рохова, опытного дипломата, которому уже было далеко за шестьдесят, и Бисмарка как его преемника. Бисмарку предстояло сменить его через два месяца, а фон Рохову – уехать в Россию прусским послом при императорском дворе. Стажировка Бисмарка закончилась. Бисмарк выходил на большую сцену европейской дипломатии, на

которой он сыграет свою, уникальную роль128.

5. Бисмарк – дипломат, 1851–1862

Бисмарк получил назначение посланником при очень странной организации, называвшейся Германским союзом. Июньским договором 1815 года (пересмотренным Заключительным актом в 1820 году), по сути, воссоздавалась наполеоновская Рейнская конфедерация, но при гегемонии Австрии, а не Франции. Меттерниху пришлось для этого признать наполеоновскую концепцию устройства Европы и заключить пакт с «революцией». Он должен был отказаться от притязаний австрийских Габсбургов на территории, «украденные» при Наполеоне, и игнорировать требования свергнутых князей вернуть их обратно. Все это Меттерних сделал для того, чтобы затвердить за габсбургской монархией роль главного арбитра Европы.

Германский союз, или *Deutscher Bund*, сконструированный Венским конгрессом, представлял собой эфемерную ассоциацию тридцати девяти государств. Союзный сейм во Франкфурте представлял сюзеренов, а не народы этих государств. Австрийский император и прусский король имели по одному голосу на ассамблее. Тремя государствами – членами ассоциации правили иностранные монархи – короли Дании, Нидерландов и Великобритании (до 1837 года, поскольку королева Виктория как женщина не могла претендовать на трон в Ганновере). Все три иностранных монарха были членами Германского союза, и каждый имел право голосовать на собрании. Шесть других королей или великих герцогов тоже имели по одному голосу на сейме: короли Баварии, Саксонии, Вюртемберга, курфюрст Гессен-Касселя, великий герцог Бадена и великий герцог Гессена. На двадцать три малых и очень малых государства приходилось пять голосов, и четыре вольных города – Любек, Франкфурт, Бремен и Гамбург имели на всех один голос.

Новый Германский союз, освященный Заключительным актом 1820 года, закрепил европейскую структуру Меттерниха, «решив» германскую проблему.

Статья 1 договора гласила:

…

«Deutscher Bund (Германский союз) есть международная ассоциация германских суверенных князей и вольных городов, имеющая целью обеспечение независимости и неприкосновенности государств-членов, внутренней и внешней безопасности Германии»1.

В статье 5 провозглашалось, что союз является перманентным и ни одно государство не вправе выйти из него: как мы увидим дальше, это положение очень пригодилось Бисмарку в 1866 году. Статьями 6 и 11 учреждались генеральная ассамблея как главный постановляющий орган и «узкий» совет, в котором решения должны были приниматься подавляющим большинством голосов. Статьей 20 генеральной ассамблее разрешалось выступать в защиту государств-членов, подвергшихся неоправданному насилию или агрессии со стороны другого государства или государств, входящих в союз. В целом ряде статей обращалось внимание на опасность революций и предусматривались меры по их предотвращению и подавлению. Создавался союзный суд для разрешения конфликтов между государствами-членами. Статьей 58 суверенным князьям запрещалось допускать, чтобы существующие *landstndische Verfassung*(сословные конституции) превалировали над обязательствами перед союзом.

Заключительный акт 1820 года относительно Германского союза отличался такой же расплывчатостью, как и Лиссабонский договор 2007 года о Европейском союзе. Только эксперты могли разобраться в нем, как и сегодня мало кто за пределами Брюсселя способен толком объяснить, как функционирует ЕС. Еще в 1858 году *Deutsches Staats-Wrtebuch*, основной немецкий правовой словарь, путался в различиях между «узким советом» и генеральной ассамблеей или пленумом: «Узкий совет не был сенатом, в нем не имелось ни палат, ни курий… Существовал только один орган союза – *Bundesversammlung*(союзное собрание)»2. Поняв, что они не в состоянии объяснить, чем все-таки должен был заниматься «узкий совет», составители словаря решили вообще этого не делать. Тем не менее *Deutsche Bund*кардинально отличался от своего далекого преемника Европейского союза. Тогда никто даже и не притворялся, что конфедерация представляет интересы «народов». Кроме того, две ведущие германские державы – Австрия и Пруссия – обладали гораздо большей независимостью, чем любое из современных европейских государств. Далеко не все их территории принадлежали союзу. Командующими армиями по-прежнему оставались их сюзерены, император и король, и никакого отношения к союзу не имели бюджеты и налогообложение, внутренние законодательства и религиозные учреждения.

Главную трудность, с которой неизбежно должен был столкнуться Бисмарк на посту посланника при союзе в 1851 году, создавало неравенство двух великих держав. Союз возродился после революций 1848 и 1849 годов, потому что это устраивало Австрию: как и в 1815 году, она хотела господствовать в

Германии, пользуясь зыбкостью ассоциации. Малые государства могли чувствовать себя спокойнее в неуклюжей, децентрализованной и многонациональной империи Габсбургов, чем в жестком, унитарном прусском королевстве. Несмотря на невразумительный характер структуры, при которой его аккредитовали, Бисмарк оказался на передовой германской дипломатии: на линии конфронтации интересов двух главных германских государств.

Назначение посланником круто меняло весь образ жизни Отто фон Бисмарка и Иоганны. 3 мая он писал жене:

…

«Готовься поднять якорь и отплыть из порта своего домашнего очага. Я знаю по себе, как тяжело уезжать, как опечалены твои родители. Но я повторяю, что у меня не было ни малейшего желания и стремления к тому, чтобы получить это назначение. Как бы то ни было, я слуга Господа, и куда бы Он ни послал меня, я должен повиноваться»3.

Нельзя не обратить внимание на утверждение Бисмарка, будто он и пальцем не пошевельнул для того, чтобы добиться нового назначения. Зачем он так нагло лгал жене? Имеющиеся свидетельства указывают на то, что все последние месяцы он только и занимался интригами с целью получить подходящий дипломатический пост. Его усилия увенчались успехом, превзошедшим все ожидания, и это Бисмарк признал в несколько более откровенном письме, отправленном сразу после того, как ему стало известно о назначении. Он добился своего: пост превосходный и вполне соответствовал его талантам. Почему же не поделиться с женой радостью по поводу успеха? Ответ один: он всегда лгал в личных делах, лгал и матери и отцу. Для него вошло в привычку не говорить правду в личных отношениях, и, как мы уже отмечали, он начал прибегать ко лжи и для того, чтобы скрывать свои ошибки. Ему пришлось сослаться на Бога, чтобы супруга согласилась на новый образ жизни. Если Бог того требует, то Иоганна, как истинная евангелистка, не сможет ни воспротивиться, ни засомневаться.

Назначение во Франкфурт могло беспокоить Бисмарка лишь в одном отношении: у него все-таки были проблемы с женой. Она не отличалась красотой, не говорила на иностранных языках, не умела элегантно одеваться, не обладала навыками придворного этикета. Иоганна была не способна стать светской дамой, грациозно покоряющей европейское высшее общество, и к этому даже не стремилась. Давняя подруга и единомышленница по пиетизму Хедвиг фон Бланкенбург предупреждала:

…

«Меня по-настоящему тревожит только то, что ты все еще смотришь на окружающий мир так же, как и пять лет назад, и для меня это непонятно… Прошлое тоже живо во мне, но теперь я должна делать и другие вещи, серьезные вещи. Необходимо внутреннее горение, Иоганна, дорогая Иоганна! Мы не можем всю жизнь оставаться детьми, игривыми и дурашливыми. Мы должны стать людьми серьезными ради нашего возлюбленного Господа»4.

Почти наверняка Бисмарк просил жену перемениться. Вскоре после прибытия во Франкфурт, 14 мая, он писал:

…

«Похоже, что летом я займу пост Рохова. И тогда, если сумма останется прежней, я буду получать 21 000 рейхсталеров, но мне придется содержать солидный штат и домашнее хозяйство. Поэтому, дитя мое, приготовься к тому, чтобы с важным благородством восседать в салоне, величаться вашим превосходительством, благоразумно и любезно вести себя с другими превосходительствами… Еще об одной моей просьбе, пожалуйста, не говори матери, чтобы она не ворчала: выучи французский язык, но делай это так, будто ты сама надумала его освоить. Читай как можно больше на французском языке, но не при свечах и не тогда, когда устали глаза… Я женился на тебе не для того, чтобы иметь светскую жену для других, а для того, чтобы любить тебя по Божьему благословению и в соответствии с велениями моего сердца, чтобы иметь в этом чуждом мире свой угол, не продуваемый никакими ветрами и согреваемый моим собственным очагом, к которому я могу придвинуться, когда за окнами бури или морозы. И я хочу сам поддерживать огонь в моем очаге, подбрасывать в него дрова, раздувать пламя, защищать и укрывать его от злых напастей и чужаков»5.

В этой превосходной прозе затрагивается и животрепещущая семейная проблема. Возможно, Бисмарк и женился на Иоганне не для того, чтобы «иметь светскую жену для других», но теперь ему была нужна именно такая супруга, которой она абсолютно не желала становиться. Иоганна так и не освоила французский язык и никогда не одаряла Бисмарка тем женским обаянием, в котором он нуждался не только в силу своих профессиональных потребностей. А с возрастом его становилось и того меньше. К тому времени, когда Бисмарк завершил первое десятилетие своей дипломатической службы, она превратилась в ту самую «странную особу», которую встретил в Санкт-Петербурге молодой атташе Гольштейн. Никому не дано знать перипетии их брака, но

ясно одно: в какой-то момент Бисмарк потерял надежду увидеть жену в другом качестве. Бисмарки обедали поздно, в пять часов, что для всех во Франкфурте казалось чудным. И прусское посольство во Франкфурте, а позже и их официальная резиденция на Вильгельмштрассе, 76 в Берлине выглядели так, словно в них обосновались сельский помещик с женой-богомолкой. По моему мнению, Иоганна не желала перестраиваться и подстраиваться под Бисмарка из простого упрямства. Он женился на ней «рикошетом», поскольку любил Марию фон Тадден, и нежелание Иоганны стать более привлекательной было своего рода протестом. Что касается самого Бисмарка, то брак, очевидно, не удовлетворял его физиологические потребности. Это видно хотя бы из его описания Гансу фон Клейсту-Ретцову своей холостяцкой жизни во Франкфурте в июне 1851 года:

…

«Главным соблазном, которым дьявол искушает меня, является не стремление к славе, а животное чувство, побуждающее меня к совершению величайшего греха, из-за которого, как мне кажется временами, Бог не удостоит меня своей милости. В любом случае слово Божье не посеяло семян в моем сердце, в котором зияет пустота, как в молодости. Иначе я бы не мучился соблазнами, которые посещают меня даже в моменты молитвы… Пожалей меня, Ганс, но сожги это и никому не рассказывай»6.

Через четыре года после женитьбы Бисмарк уже признавался самому близкому другу в том, что его посещает «животное чувство» и соблазн совершить «величайший грех». Мы не можем знать, что делал Бисмарк втайне, но письмо предполагает: брак не снял чувственные побуждения.

Тем временем Ганс обручился с протестантской монахиней, графиней Марией фон Штольберг-Венигороде. Бисмарк с завистью писал:

…

«Ганс неимоверно счастлив, долго не засыпает и ведет себя как ребенок. Помолвка пока еще конфиденциальная, но Ганс не может скрыть своей радости. Он хочет написать о ней на каждом тротуаре и сообщить встречному и поперечному, другу и недругу, пребывая в восторженной уверенности в том, что в мире больше нет конфликтов и все счастливы так же, как и он. У него теперь совершенно другое выражение лица, он пританцовывает и поет какие-то чудные песни, когда остается один в комнате. Короче говоря, Ганс стал неузнаваем, но он был бы еще милее, если бы не

мешал мне спать своей радостью»7.

8 мая король принял Бисмарка и присвоил ему чин *Geheimer Legationsrat*(тайного дипломатического советника). Как потом Бисмарк прокомментировал, «по иронии судьбы Господь наказал меня за мою неприязнь к тайным советникам»8. Людвиг фон Герлах остался недоволен скоропалительным возвышением Бисмарка и присвоением ему высшего дипломатического ранга. И он был, наверное, прав: до сего времени Бисмарк по-прежнему имел презренный чин референдария9. Его материальное положение сразу же улучшилось: 21 000 рейхсмарок по курсу 1871 года были равноценны 3134 фунтам стерлингов: это было очень приличное жалованье по английским стандартам. Согласно данным «Барчестерских хроник» Энтони Троллопа, опубликованных в 1857 году, доход современника Бисмарка, Уилфреда Торна, сквайра из Сент-Юолда, составлял 4000 фунтов стерлингов, что позволяло ему содержать лошадей, конюхов и гончих10. И жизнь в Англии была намного дороже, чем в Германии. Судя по всему, по доходам Бисмарк вырвался далеко вперед в сравнении со своими соотечественниками. Мы располагаем данными о пропорциональном соотношении численности налогоплательщиков, распределенных на категории по уровню доходов и внесенных налогов, и населения Пруссии на 1851 год. В те времена в Пруссии были крайне низки и доходы и налоги, и по этим данным нетрудно понять, что Бисмарк впервые в жизни удостоился знатного заработка:

Свыше 1000 талеров	0,5 процента населения
400–1000	3,25
200–400	7,25
100–200	16,75
Менее 100	72,2511

10 мая 1851 года Бисмарк выехал из Берлина во Франкфурт поездом и добрался до места назначения по тем временам очень быстро – всего за двадцать пять часов12. Через неделю он уже жаловался и на службу, и на других посланников:

…

«Во Франкфурте ужасная скучища… В сущности, делать нечего, кроме как шпионить друг за другом, словно мы можем найти или разузнать что-нибудь стоящее. Жизнь здесь почти полностью состоит из пошлых банальностей, которыми люди

мучают себя. Я делаю необычайные успехи в искусстве говорить много и ничего не сказать. Я исписываю множество страниц ровным, симпатичным почерком. Они читаются как газетные передовицы, и если Мантейфель, прочтя их, сможет сказать, о чем там речь, то он знает гораздо больше, чем я»13.

В начале июня Бисмарк сообщил Герману Вагенеру, редактору газеты «Кройццайтунг», о том, что все письма просматриваются австрийцами, и попросил слать их на Хохштрассе, 45, Франкфурт-на-Майне, но адресовать «господину Вильгельму Хильдебранду», лакею. Франкфуртская дипломатия оказалась несуразной:

…

«Австрийцы постоянно плетут интриги под маской веселых миляг… и мелкотравчато пытаются нас надуть, чему мы всячески противодействуем, тратя на это все наше время. Посланники из малых государств словно пародируют старорежимных, в напудренных париках дипломатов, моментально надуваются, если ты попросишь огонька для сигары, и замирают, будто собираются произнести речь перед Имперским судом, если ты попросишь ключ от т…»14

Главным австрийским интриганом был высокородный аристократ граф Фридрих Франц фон Тун унд Гогенштейн (1810–1881), представитель одной из старейших династий в монархии Габсбургов. Вскоре после прибытия нового прусского посланника он отправил в Вену свое мнение о нем:

…

«По всем фундаментальным вопросам, касающимся консерватизма, герр фон Бисмарк занимает совершенно правильные позиции, и он может нанести нам больше ущерба слишком ревностным отношением к делу, чем колебаниями и нерешительностью. С другой стороны, как мне представляется и насколько я могу судить, он принадлежит к той партии, которая преследует только прусские интересы и абсолютно не доверяет бундестагу в таких делах»15.

Бисмарк тоже отправил в Берлин свой отзыв о Туне в личном письме генералу Леопольду фон Герлаху:

…

«В нем перемешались грубая прямота, которую можно принять за откровенность, аристократическая nonchalance [20] и славянская крестьянская хитрость. У него всегда «нет инструкций», и, судя по его неосведомленности, он, похоже,

полагается на свой штат и приближенных… Неискренность – самая главная особенность его поведения в отношении нас… Среди дипломатов нет ни одного человека со сколько-нибудь заметным интеллектом. В большинстве своем это самодовольные педанты, занятые мелочными делами, забирающие с собой в постель патенты и свидетельства полномочий, люди, с которыми не о чем говорить»16.

Хотя Бисмарк и чихвостил своих коллег, дипломатическая служба ему нравилась, и он с нетерпением ожидал официального утверждения в должности. Оно пришло в середине августа 1851 года. Бисмарк дождался формального назначения, но министерство почему-то уменьшило его жалованье на три тысячи талеров и не выделило денег для обустройства резиденции. Он решил, что и восемнадцати тысяч талеров вполне достаточно для «достойного и элегантного» образа жизни, но ему надо было найти пристанище для семьи. Он непременно должен был иметь дом с большими комнатами и садом. В начале сентября такой дом нашелся – в тысяче двухстах футах от городских ворот, с садом, и стоил он 4500 рейхсталеров, для Франкфурта очень дешево. В письме Иоганне 9 сентября Бисмарк ворчал: «Меня раздражает его превосходительство посланник баварского короля, заглядывающий мне через плечо, когда я пишу»17. Дело в том, что у Бисмарка вошло в привычку сочинять личные письма во время скучных речей на сессиях. И ему, конечно, приходилось много работать. С деланым изумлением он сообщал Бернхарду:

…

«С семи утра и до обеда, который у нас бывает обычно около пяти, у меня редко выпадает свободная минута… Кто бы мог подумать шесть месяцев назад, что я буду в состоянии платить пять тысяч талеров за аренду и нанимать французского шеф-повара, чтобы давать обеды в честь дня рождения короля. Я могу привыкнуть ко всему, но для Иоганны тяжело осваиваться в этом высокомерном и холодном обществе»18.

Бисмарк не забывал и о других делах. Он регулярно ездил в Берлин на заседания нижней палаты парламента. Его неуемные амбиции находили выход в письмах о проблемах Пруссии, которыми он забросал генерала Леопольда фон Герлаха, зная о его ежедневных беседах с королем за чашкой кофе с пирожными. Эти дружеские встречи с королем делали генерал-адъютанта Леопольда фон Герлаха самой влиятельной фигурой в государстве. Непосредственным начальником Бисмарка был премьер-министр и министр иностранных дел барон Отто Теодор фон Мантейфель (1805–1882), сухой и необщительный ретроград,

но сведущий и компетентный государственный служащий. Мантейфель сменил на этом посту генерала, графа Бранденбурга, внезапно умершего 6 ноября 1850 года в разгар конфликта с Австрией. Он мужественно справился с «позором Ольмюца» и проявил здравомыслие, согласившись под нажимом камарильи назначить Бисмарка послом при обновленном союзе. Исполняя дипломатические обязанности, Бисмарк вел переписку с Берлином в обход своего непосредственного шефа, и такое откровенное непослушание, похоже, нисколько не смущало министра. Эта игра с двумя колодами карт в руках вошла в систему, о чем, к примеру, свидетельствует письмо Бисмарка Леопольду фон Герлаху от 25 февраля 1853 года. Мантейфель потребовал от Бисмарка представлять доклады миссии первого и пятнадцатого числа каждого месяца. Мантейфель не зря прославился как знаток бухгалтерии. Бисмарк повиновался, но сначала отправлял отчеты фон Герлаху:

…

«Я посылаю вам эти оригиналы с просьбой вернуть их через Кёльн, и, нарушая субординацию, я полагаюсь на вашу чрезвычайную осмотрительность, поскольку моя непорядочность может навредить нашим взаимоотношениям с Мантейфелем. Это было бы крайне нежелательно и для официальных, и для личных отношений, так как я искренне уважаю этого человека, и мне будет стыдно, если он подумает, хотя и совершенно безосновательно, что я оставляю его в дураках»19.

Откровенно лживое заявление Бисмарка, будто он своим поступком не «оставляет в дураках» Мантейфеля, похоже, нисколько не насторожило генерала. Этот набожный, истинный, «заново родившийся» христианин, генерал Леопольд фон Герлах согласился соучаствовать в непорядочности, поскольку камарилью устраивала крапленая христианская мораль. Герлах предпочел не заметить того, что Бисмарк манкировал своим дипломатическим долгом и предал Отто фон Мантейфеля, назначившего его посланником. Приняв условия игры, предложенные Бисмарком, генерал доказал, что камарилья научила его поступаться этическими принципами.

В феврале 1852 года Бисмарк в письме Леопольду фон Герлаху назвал себя его «приемным дитем в дипломатии»20. И это письмо, и десятки других аналогичных посланий Бисмарка своему «дорогому патрону и другу» Иоганнес Вилльмс назвал «словесными фиглями-миглями, демонстрирующими, какими ужимками и прыжками формировалось политическое могущество Бисмарка»21. Я вижу в этих скетчах усердного ученика,

старающегося показать своему наставнику, как блистательно он понимает реалии, разбирается в людях, ситуациях и конфликтах. Мало того, он хочет, чтобы о его идеях, способностях и деловитости через «дорогого патрона и друга» знал и король.

С двумя серьезными угрозами Бисмарк столкнулся в начале своей службы во Франкфурте. Первую угрозу представляла группировка противников Мантейфеля и Герлаха, состоявшая из дипломатов и недипломатов. Бисмарк писал об этих людях в мемуарах:

…

«Партия или, вернее, coterie [21] , названная именем Бетмана – Гольвега, имела прямое отношение к графу Роберту фон дер Гольцу, человеку необычайно компетентному и энергич-ному…»22

Надо сказать, Роберт фон дер Гольц всегда считал, что он должен был стать министром иностранных дел, и не терпел Бисмарка. Гольштейн в своих *«Memoirs»*красочно описал эпизод, иллюстрирующий их соперничество:

…

«Бисмарк любил рассказывать о том, как однажды, когда он еще не был чересчур занят делами, к нему во Франкфурте заявился Гольц только для того, чтобы облить грязью всех и вся. Уходил он через двор, где на него со злостью залаяла сторожевая собака. Бисмарк, все еще под впечатлением от малоприятного разговора, высунулся из окна и прокричал ему вслед: “Гольц, не укуси мою собаку!”»23

Вторую угрозу Бисмарк создал себе сам. В марте 1852 года он ввязался в дуэль. История вышла презанятная. В самом начале службы посланником на одном из заседаний узкого совета председатель граф Тун задымил сигарой. По негласной традиции курить во время заседаний имел право только австрийский посланник, как президент союзного совета. Бисмарк, желая продемонстрировать равенство Пруссии, тоже затянулся сигарой. Бисмарк по неосторожности рассказал об этом случае барону Георгу фон Финке (1811–1875), депутату прусской нижней палаты от Хагена в Вестфалии. Все знали горячий нрав Финке, он прославился как самый пламенный парламентский оратор, а в студенческие годы, подобно Бисмарку, был отъявленным дуэлянтом24. Финке нравилось подзуживать Бисмарка. По описанию Германа фон Петерсдорфа, «на его пухлом, мясистом лице, окруженном светло-рыжей бородой, всегда присутствовала издевательская улыбка, и вся его внешность излучала самоуверенность и вольность поведения… Битва была его

стихией»25. О том, что случилось потом, Бисмарк поведал теще:

…

«Во время дебатов в прусской нижней палате он (Финке) обвинил меня в недостатке дипломатической порядочности, сказав, что все мои достоинства пока сводятся к умению «дымить сигарой». Он намекал на инцидент во дворце союза, о котором я доверительно рассказал ему как о чем-то банальном, но забавном. Я ответил, что его замечание выходит за рамки не только дипломатической, но и обыкновенной порядочности, которую можно было бы ожидать от любого воспитанного человека. На следующий день он прислал секунданта герра Заукена-Юлиенфельде с вызовом на дуэль четырьмя пулями. Я принял вызов после того, как было отвергнуто предложение Оскара драться на саблях. Финке попросил отсрочки на сорок восемь часов. Я согласился. В восемь утра 25-го (марта) мы поехали в Тегель к очень живописному месту на берегу озера. Стояла прекрасная погода, птицы распевали на разные голоса, и меня сразу же покинули мрачные мысли. Я старался не думать об Иоганне, чтобы не дать слабину. Я взял с собой Арнима, Эберхарда Штольберга и брата, выглядевшего очень подавленным, как свидетелей… Бодельшвинг (кузен министра и Финке) выступал в роли нейтрального свидетеля. Он сказал, что условия слишком жесткие, и предложил каждому произвести по одному выстрелу. Заукен, представлявший Финке, согласился и предложил, что они готовы отвести вызов, если я принесу извинения за свои ремарки. Поскольку я не мог сделать это, находясь в здравом уме, то мы взяли пистолеты, по команде Бодельшвинга выстрелили, и оба промахнулись… Бодельшвинг залился слезами… Смягчение условий меня злило, и я предпочел бы продолжить дуэль. Поскольку никто не был обижен, я тоже ничего не мог сказать. На этом все закончилось. Мы пожали друг другу руки»26.

Жизнь Отто фон Бисмарка могла оборваться 25 марта 1852 года, если бы Карл фон Бодельшвинг не предложил изменить условия дуэли, либо он мог убить Финке, что почти наверняка повредило бы его карьере. Ничего этого не случилось. Бисмарк остался жив. Но все могло сложиться иначе.

Бисмарк все больше входил в роль важного дипломата, продолжая информировать о своей деятельности патрона Леопольда фон Герлаха. В августе 1852 года Бисмарк начал свое письмо такими словами: «Я живу здесь во Франкфурте как Бог». Он перефразировал известный немецкий афоризм «Я живу как Бог во Франции», означавший не что иное, как «Мне здесь нравится», заменив *Frank-reich*на *Frank-furt*27. (Редакторы «Собрания

сочинений Бисмарка» с типично немецким отсутствием чувства юмора пометили: « *Так в оригинале, возможно, опечатка*».) Бисмарк писал:

…

«И эта мешанина из напудренных париков, железных дорог, деревенских помещиков на Бокенхайме (Бисмарк жил на аллее Бокенхаймер, 40. – Дж. С .), дипломатического республиканизма и парламентской ругани настолько мне подходит, что я не променял бы этот пост ни на какой другой во всем мире, кроме трона, занимаемого его величеством, если, конечно, меня заставила бы его принять под нестерпимым давлением вся королевская семья»28.

Имея в виду место своей службы, Бисмарк в послании сестре с сарказмом процитировал слова Гейне: « *O Bund, Du Hund, du bist nicht Gesund!*» [22] и предсказал, что этот «стишок при единодушном согласии скоро станет германским национальным гимном»29. Глумясь над союзом, Бисмарк понимал, что для малых государств Пруссия всегда будет представлять больше угрозы, чем Австрия, и они будут тянуться к габсбургской монархии. Меньше докучать им будет слабый, а не сильный защитник, что и подтвердил впоследствии своими действиями Бисмарк.

2 декабря 1851 года Луи Наполеон Бонапарт, избранный президент Второй Французской республики, совершил хорошо спланированный и бескровный государственный переворот против конституционного строя. *Coup d'etat*во Франции кардинально изменил политическую и дипломатическую ситуацию в Европе. Не будь переворота, Бисмарк не смог бы объединить Германию. Луи Наполеон был таким же пленником воспоминаний о прошлом, как и консерваторы в Пруссии. Он должен был воссоздать империю своего дяди для того, чтобы привести в исполнение миф, содействовавший его избранию президентом. Статья 1 новой конституции гласила: " *La Constitution reconnat, confirme et garantit le grands principes proclam s en 1789, et qui sont la base du droit public des Français*" [23] . Следовательно, ему надо было решить замысловатую задачу: одновременно и поддерживать и отвергать благородные революционные лозунги «свободы, равенства и братства». Но прежде всего ему была нужна императорская корона, и 7 ноября 1852 года сенат восстановил титул императора. Диктатор стал называть себя Наполеоном III, а не Луи Наполеоном. Затем с такой же неизбежностью, с какой ночь сменяет день, Наполеон III должен был сделать следующий шаг: встать в наполеоновскую позу и в международных делах и разрушить баланс сил, который

недавно восстановила Австрия.

Пришествие императора Наполеона III самым непосредственным образом определило дальнейшую судьбу Бисмарка: никакой другой правитель в Европе не помог ему так, как Луи Наполеон Бонапарт. Никакое другое государство не было так заинтересовано в ликвидации австрийского могущества, как Франция Наполеона III. И это обстоятельство полностью соответствовало интересам Бисмарка, приехавшего во Франкфурт с той же целью. Он сразу же уловил открывавшиеся перед ним новые политические возможности: наладить отношения с новым Бонапартом, чтобы попугать Австрию и мелких германских князей. В январе 1853 года Бисмарк уже писал Леопольду фон Герлаху:

…

«Я убежден, что для Пруссии было бы несчастьем вступать в альянс с Францией, но если даже мы этого и не сделаем, то нам не следует лишать наших союзников опасений по поводу того, что при определенных условиях мы можем выбрать это зло как наименьшее из двух»30.

Эта аргументация не имеет никакого отношения к политической принципиальности, она определялась политическими реалиями или по крайней мере их видимостью. Если Пруссия продемонстрирует малым германским государствам возможность договоренностей между Берлином и Парижем, то они пойдут на поклон к королю и за гарантиями, чтобы он ничего не обещал французскому императору в ущерб их интересам. Они будут паиньками и послушными исполнителями желаний Пруссии. Действительно, Бисмарк в период между 1862 и 1870 годами выступал с такими угрозами, ожидая получить нужный результат. Потенциальный альянс с имперской Францией на самом деле мог встревожить Австрию и усилить позиции Пруссии. Для Пруссии первейшим врагом оставалась Австрия, о чем и писал Бисмарк Леопольду фон Герлаху в декабре 1853 года:

…

«Для нашей политики нет иного пространства, кроме Германии, и вследствие особенностей нашего роста, и в силу того, что Австрия отчаянно пытается использовать это обстоятельство в своих интересах. В нем нет места для двух стран, пока Австрия не откажется от своих претензий. В долгосрочном плане мы не можем сосуществовать. Мы отнимаем воздух друг у друга, один из нас должен уступить или быть принужден к тому, чтобы уступить. Пока этого не произошло, мы

должны оставаться врагами. Это «не подлежащий игнорированию» факт (прошу меня извинить за фразеологию), каким бы малоприятным он ни казался»31.

Дипломатический этикет требовал, чтобы он нанес визит в Вену. Его представили императору и познакомили с новыми правителями Австрии, появившимися после внезапной смерти князя Шварценберга, случившейся 5 апреля 1852 года. В докладе премьер-министру фон Мантейфелю Бисмарк особо отметил тот факт, что страной правят евреи, которые и для Бисмарка, и для большинства юнкеров всегда создавали неудобства:

…

«Мне здесь говорили, что главный глашатай враждебности к нам, особенно в торговых делах, это «еврейская клика», которую ввел во власть покойный премьер-министр (Бах, Хок и еврейские газетные писаки, хотя Бах и вовсе не еврей)»32.

Во Франкфурт прибыл новый австрийский президент бундестага – внушительного вида вояка-ученый, востоковед и автор путевых очерков граф Антон Прокеш фон Остен (1795–1876). Вся немецкоязычная Европа знала его историческое описание греческого восстания в 1821 году, книги о странствиях и многотомные мемуары о жизни в Турецкой империи33. Бисмарк его не переносил: «Его военная выправка, которой он щеголяет, шокирует. На нем всегда застегнутый на все пуговицы мундир, и даже во время заседаний он не расстается со своей саблей»34. Меттерних, приславший его, писал о нем: «Я им восхищаюсь, я обожаю Прокеша, но даже если его сделать турецким султаном, то он все равно будет недоволен. Он эксцентричен и тщеславен»35. В своем ответе 28 января 1853 года Леопольд фон Герлах высказался о Прокеше менее недоброжелательно, чем Бисмарк, и не согласился с его мнением о том, что «наши злейшие враги – Бонапарт и бонапартизм»36. Не поддержал он и идею вражды с Австрией. Леопольд фон Герлах записал в дневнике 27 июля 1853 года:

…

«Я тысячу раз говорил Людвигу и другим, что действительный характер союза заключается в том, что Пруссия имеет исключительное отношение к Германии и вместе с этим претензии на доминирование, независимое от Австрии… Союз Пруссии с Германией важен, и в этом союзе она должна прежде всего объединиться с Австрией»37.

Такие отношения с Австрией не устраивали Бисмарка, но он именно так и поступил в середине шестидесятых годов –

блокировался с Австрией против германских князей и затем изолировал Австрию, с тем чтобы вызвать войну.

Конфликт, возникший на Балканах, внезапно внес свои поправки в планы честолюбивого молодого дипломата, обосновавшегося во Франкфурте. В 1853 году начал распадаться альянс России, Пруссии и Австрии, в то время как между Россией и Францией завязалась борьба за право защищать святыни в Палестине. В мае – июне 1853 года Турция отвергла притязания России на то, чтобы быть защитницей всех христиан в Турецкой империи. 31 мая 1853 года русская армия перешла Прут и оккупировала два дунайских княжества – Молдавию и Валахию. В октябре 1853 года между Россией и Турцией разгорелась война. Габсбургская монархия оказалась в сложном положении. Присутствие русских войск в низовьях Дуная угрожало монархии, которую часто называли Дунайской, поскольку река служила для империи главной водной артерией. Надо было как-то сдержать амбиции России. С другой стороны, две монархии начиная с 1815 года водили дружбу, и, кроме того, Габсбурги чувствовали себя в долгу перед Россией за помощь в подавлении венгерской революции в 1848–1849 годах.

12 апреля 1852 года министром иностранных дел Австрии стал Карл Фердинанд фон Буоль-Шауэнштейн, заменивший умершего князя Шварценберга лишь по должности: во всем остальном он и в подметки не годился своему предшественнику. Уверовав в слабость России, Боуль решил воспользоваться кризисом для утверждения на Балканах австрийского господства. Придворные советники, да и сам император, сомневались в разумности такой политики, и Австрия в итоге со всеми перессорилась и ничего не добилась.

Бисмарк, в свою очередь, тоже активизировался. Он начал склонять Мантейфеля к тому, чтобы использовать слабость Австрии для наращивания прусского могущества38. «Кризисы благоприятствуют усилению Пруссии», – писал Бисмарк, предлагая королю Фридриху Вильгельму IV сосредоточить в Верхней Силезии войска численностью двести тысяч человек, которые можно будет в случае необходимости применить против Австрии или России:

…

«Имея под ружьем двести тысяч человек, ваше величество станут хозяином положения во всей Европе, смогут диктовать условия мира и добиться для Пруссии солидной позиции в Германии».

Ответ короля удивил, наверно, не только Бисмарка: «На

подобные акты насилия способны только люди наполеоновского толка, но не я»39. Фридрих Вильгельм IV разрывался между семейными узами, связывавшими его с царским двором (Николай I был женат на его сестре Шарлотте), и долгом перед Австрией, над ним довлела эмоциональная преданность Священному союзу 1815 года и собственная нерешительность.

Русско-турецкая война тем временем продолжалась, и ситуация в Европе обострялась. Британия, Франция и Пьемонт Кавура вступили в альянс с Турцией против России. Австрии требовалась поддержка Германского союза, и напряженность в отношениях между Пруссией и Австрией вышла далеко за рамки конфликта по поводу курения сигар на заседаниях. 22 марта 1854 года австрийский посланник при союзе Прокеш-Остен писал министру иностранных дел Австрии Буолю:

…

«Я никогда не рассчитывал на честную игру со стороны Пруссии и часто задавался вопросом: не вступить ли нам в коалицию, а потом с помощью морских держав довести Пруссию до безвредного для нас состояния? Мы никогда не избавимся от этого соперника, пока он силен; у нас будет еще меньше шансов сделать это, когда он станет сильнее. Еще Кауниц пытался противостоять самоуверенной наглости Фридриха II. Пруссия сегодня не что иное, как прежнее государство Фридриха»40.

Не совсем так. В 1854 году Пруссией правил король, не способный на самостоятельные и смелые решения. Царь писал о нем презрительно: «Мой шурин ложится спать русским, а просыпается англичанином»41. Бисмарк настроился на то, чтобы использовать кризис для усиления международных позиций Пруссии, а это означало не допустить альянса с Австрией. Он должен был и следить за маневрами малых германских государств. В апреле Бисмарк писал Герлаху:

…

«Чтобы выжить, германским государствам необходимо примыкать к более крупным державам. Прежде они ориентировались на Пруссию – Австрию – Россию, когда сохранялось их единство, потом – на Австрию и Россию, когда эти страны отдалились от Пруссии»42.

28 марта 1854 года Франция и Великобритания объявили войну Российской империи, направив флот и наземные войска в Восточное Средиземноморье.

5 апреля 1854 года британские войска высадились на Галлипольском полуострове. 20 апреля Пруссия и Австрия

заключили наступательно-оборонительный альянс, а 3 июня Австрия потребовала от России вывести войска из дунайских княжеств.

7 июня император Франц Иосиф и король Фридрих Вильгельм IV встретились в Тешене для координации своих дальнейших действий. 24 июня малые и средние германские государства присоединились к австрийско-прусскому альянсу. Бисмарк был против всего этого, о чем и писал брату 10 мая 1854 года:

…

«После первых же выстрелов по русским войскам мы превратимся для западных держав в козлов отпущения, позволим им диктовать условия мира, хотя и будем нести основное бремя войны, и это ясно как дважды два»43.

Серия поражений поколебала самонадеянность русских командующих, и 28 июля они вывели войска за линию реки Прут. Западные державы теперь приготовились к высадке на побережье Черного моря. Бисмарк вздохнул с облегчением, написав брату 10 июля:

…

«Вырисовываются перспективы мира. Похоже, в Вене приходят в себя или, вернее, не дрожат больше от нетерпения и возбуждения, которым хотели нас поразить»44.

8 августа Франция, Британия и Австрия согласились представить России четыре предложения в качестве основы для мирных переговоров. России предлагалось:

…

(1) Отказаться от протектората над дунайскими княжествами.

(2) Признать свободу плавания по Дунаю.

(3) Согласиться на пересмотр договора от 13 июля 1841 года.

(4) Отказаться от протектората над подданными Высокой Порты45.

2 декабря Франция, Британия и Австрия образовали Тройственный союз, пригласив вступить в него и Пруссию. Бисмарк написал Герлаху:

…

«Позавчера получил текст договора от 2 декабря… Я бы ни за что не вступил в коалицию, ибо тогда все увидят, что мы делаем это из-за страха, и решат, что чем больше нас пугать, тем

большего от нас можно добиться. Да и простые правила приличия не позволяют… Дело в том, что во всех германских кабинетах, от самого маленького до самого большого, в основе решений всегда лежит страх; один боится другого, и все боятся Франции…»46

В конце месяца Бисмарк получил хорошие вести из Берлина, о чем и написал Леопольду фон Герлаху:

…

«Три дня назад я получил письмо от Мантейфеля, которое меня обрадовало. Он тоже считает, что нам не следует присоединяться к договору от 2 декабря… Пока мы способны легко и непринужденно демонстрировать уверенность в себе, нас будут уважать. Как только мы проявим страх, найдутся люди, которые примут его за признак слабости, попытаются его усилить и использовать в своих целях…

Для того чтобы поддерживать на достаточном уровне страх в государствах – членах союза, подобный тому, какой они испытывают в отношении Австрии, нам следует демонстрировать, что мы способны, если нас к этому принудят, вступить в альянс и с Францией, и даже с либерализмом. Пока мы ведем себя нормально, никто не воспринимает нас серьезно и все поворачивают головы туда, где находится источник наибольшего страха…»47

В этом письме Бисмарк впервые изложил один из важнейших методов своей политтехнологии: создавать атмосферу страха и неопределенности в исходе кризиса, с тем чтобы держать оппонентов в состоянии боязливой неуверенности по поводу возможных действий Пруссии, а самому иметь возможность без зазрения совести пользоваться любыми средствами в достижении своих целей. Пруссия может вступить в альянс с любой силой или государством, если в этом возникнет такая необходимость. Этой техникой, основополагающей и беспринципной, отмечена вся его дипломатическая деятельность – от Крымской войны и до лишения властных полномочий.

В начале нового, 1855 года австрийский министр иностранных дел Буоль писал графу Лео Туну:

…

«Если дело дойдет до войны, то я предпочел бы, чтобы Пруссия не выступала на нашей стороне. Воевать с Пруссией против России было бы для нас большим неудобством. Если Пруссия солидаризируется с Россией, то мы будем воевать с Францией против России. Тогда мы захватим Силезию. Восстановится Саксония, и мы наконец получим мир в Германии. За все это

Франция с радостью примет Рейнланд»48.

10 января 1855 года Бисмарка вызвали в Берлин для консультаций, где он и оставался до 18 января. Его отношения с Прокешем во Франкфурте окончательно испортились. 20 февраля 1855 года герр фон Буоль-Шауэнштейн информировал Мантейфеля о предстоящей замене Прокеша графом Иоганном Бернхардом фон Рехбергом унд Ротенлёвеном. Буоль не преминул воспользоваться случаем и запросил «вероятность» замены герра фон Бисмарка ввиду его пресловутых недружественных высказываний в адрес Австрии, особенно в разговорах с негерманскими посланниками. Сообщение австрийского министра Мантейфель принял к сведению, а на запрос относительно Бисмарка ответил категорическим отказом49. Бисмарк в письме брату выразил сожаление по поводу отъезда Прокеша, объяснив это тем, что ему больше не придется иметь дело с «таким топорным оппонентом»50. В этом небольшом австрийско-прусском кризисе Бисмарк одержал свою первую дипломатическую победу. Второй триумф ему готовили малые германские государства. Бисмарк писал Герлаху:

…

«Все они в той или иной мере готовы к мобилизации, с Австрией против России, а нам надо защищать границы Германии. Здесь никто не сомневается в том, что французы пойдут по нашей территории»51.

Проблема мобилизации вызывала серьезные дебаты. Процедура принятия решений на военном комитете, на пленуме или в «узком совете» в 1855 году была столь же малопонятна, как и на заседаниях совета министров Евросоюза или Еврокомиссии в наши дни. 30 января 1855 года Германский союз отверг внесенное Прокешем предложение о мобилизации, и Австрия сняла его. В своем контрпредложении Бисмарк применил слово «нейтралитет» и, согласившись с очередным обращением Австрии к союзу с призывом о мобилизации, попросил дополнить его условием, предусматривавшим развертывание сил «по всем направлениям» (то есть и против Франции) и снимавшим антироссийскую направленность. Бисмарк откровенно спекулировал на страхе малых германских государств, опасавшихся французских орд, марширующих по их землям, когда настаивал на универсальном характере «нейтралитета», подразумевающего все потенциальные воюющие стороны, включая Австрию и Британию. Энгельберг отметил: «Прусский посланник сделал мастерский дипломатический ход; период обучения и становления закончился»52. Прокеш с горечью написал Буолю:

...

«Австрия сегодня подверглась обструкции; члены союза под предводительством Пруссии громогласно заставляют ее смириться и вести переговоры. Правило «вооруженного нейтралитета», нацеленное против Франции и Австрии, восхваляется сейчас как пе plus ultra [24] в дипломатическом искусстве, и нас же, насмехаясь, обвиняют в том, что мы сами себя высекли»53.

Спустя многие годы Бисмарк рассказывал своему личному помощнику Кристофу Тидеману о том, как в 1865 году в Гаштейне он обыграл в карты австрийского посланника графа Бломе, следуя прямо противоположному правилу. Австриец тогда сказал, что Бисмарк так же резко и беспощадно ведет себя и в дипломатии54. На особую двойственность натуры Бисмарка обратил внимание и сэр Роберт Мориер, много лет служивший британским послом при германских дворах. Он писал Одо Расселу, британскому послу в Пруссии:

...

«Не забывайте, что в Бисмарке две индивидуальности. С одной стороны, в нем скрывается потрясающий шахматист, владеющий множеством самых дерзких комбинаций, умеющий применить самую подходящую комбинацию в самый подходящий момент и готовый ради победы забыть даже о личной ненависти . С другой стороны – это индивидуалист, испытывающий ко всем сильнейшую, необычайную неприязнь и готовый принести в жертву все, что угодно, кроме собственных комбинаций »55.

«Комбинации» Бисмарка отлично сработали во Франкфурте. После этого он призвал проявлять больше твердости и Леопольда фон Герлаха в Берлине:

...

«Для меня совершенно очевидно и ясно: французы должны знать, что на войска мы ответим войсками. Только таким образом мы избежим осложнений и недоразумений в отношениях с Францией»56.

Крымская война позорно завершилась, и Наполеон III созвал мирную конференцию в Париже, назначенную на 24 февраля 1856 года. В России на трон взошел молодой царь Александр II, прекрасно осознававший, что поражения имели системный, а не частный характер. Царский режим нуждался в реформе, модернизации, в привлечении к государственным делам растущего образованного среднего класса. Крымская война

оказала на Россию такое же отрезвляющее воздействие, какое произвела на Пруссию пятьдесят лет назад битва при Йене. Царь должен был, не подрывая аристократию, привить системе патриотизм и «интеллект». Крестьян надо было отпустить на волю. Предстояло открыть земские школы, ввести уездные, губернские и городские управы. Масштабность и рискованность преобразований подтверждали прозорливое предупреждение Токвиля: «Самые опасные времена для плохого правительства наступают тогда, когда оно наконец решает заняться реформами»57. Это означало также то, что повергнутая и поглощенная внутренними проблемами Россия устранится от великодержавного соперничества. Если бы Россия не потерпела поражение в Крымской войне, то Бисмарк вряд ли бы смог осуществить свои три военные кампании по объединению Германии. В Центральной Европе с 1700 года действовало неписаное правило (оно остается в силе и сегодня): когда Россия крепнет, Германия слабеет, и наоборот: если Германия крепнет, то слабеет Россия. Для Пруссии было важно сохранять нейтралитет и поддерживать добрые отношения с Москвой. Австрийцы «предали» Россию и вряд ли могли рассчитывать на дружбу с бывшим союзником. Придет время, и Бисмарк воспользуется обиженностью России для ликвидации австрийского господства в Германии.

Еще одно событие тех лет не могло не отразиться на судьбе Бисмарка. 29 сентября 1855 года королева Виктория записала в дневнике [25] : «Наша дорогая Виктория сегодня обручилась с принцем Прусским Фридрихом Вильгельмом, гостившим у нас с 14 сентября»58. В марте 1856 года британский политик-радикал Ричард Кобден сообщал другу:

…

«Господин Бьюканан, американский министр… сидел рядом с принцессой-цесаревной. Она привела его в такой восторг, что он говорил, будто никогда не встречал более обаятельной девушки, “столь жизнерадостной, шаловливой, одухотворенной, умной и с душою, чистой, как воздух в горах ”»59.

Тем не менее Бисмарк осудил брак, о чем и писал Леопольду фон Герлаху в апреле 1856 года:

…

«Прусский зять ее всемилостивейшего величества не найдет признания в Англии… В то же время зерна британского влияния упадут на благодатную почву, создаваемую англоманией и тупым восхищением «Михеля» лордами и гинеями, британским

парламентом, газетами, лендлордами и судьями. Даже сейчас любой берлинец чувствует себя польщенным, если с ним заговорит настоящий жокей из Харта или Лайтуолда и даст ему возможность выдавить из себя пару фраз на исковерканном английском языке. Нетрудно представить, что с нами будет, когда первой леди в отечестве станет англичанка»60.

В 1856–1857 годах дружба Бисмарка со своими патронами, братьями Герлах, начала давать сбои. Бисмарк занял совершенно неприемлемую для них позицию в отношении полезности Наполеона III для Пруссии. Для братьев Наполеон III олицетворял «революцию», его следовало чураться, а не вести с ним какие-либо переговоры. Они считали его режим «нелегитимным», для них он был «красным», «узурпатором» и «демократом». Бисмарк с ними не соглашался. Он придерживался другого мнения: возможности рождаются в результате трезвого расчета баланса сил и противовесов; игроки должны знать правила игры, психологию оппонента и доступную комбинацию ходов. Позднее он писал:

…

«Вся моя жизнь была игрой с высокими ставками и на чужие деньги. Я никогда заранее не мог с точностью предвидеть, насколько успешными окажутся мои замыслы… Политика – труд неблагодарный, потому что все строится на предположениях, случайностях и непредвиденных совпадениях. Всякий раз приходится полагаться на целый ряд вероятных и невероятных направлений развития событий и на этих предположениях строить свои планы»61.

В пятидесятых годах Бисмарк часто прибегал к терминологии, заимствованной из игр в карты или кости62. Он все больше убеждался в том, что политика не имеет никакого отношения к борьбе между добром и злом, добродетелью и пороком, а служит всегда только лишь власти и своекорыстию. Переписка Бисмарка со своими патронами по поводу отношения к Наполеону III свидетельствует о серьезной смене ориентиров в его карьере и разрыве с христианскими консерваторами, открывшими ему дорогу во власть. Летом 1856 года Бисмарк посетил Париж, в связи с чем получил нагоняй от Леопольда фон Герлаха. Бисмарк ответил патрону:

…

«Вы браните меня за то, что я побывал в Вавилоне, но вам не следовало бы ожидать от дипломата, желающего знать правила игры, некоего политического целомудрия… Я должен сам

разобраться в стихиях, в которых мне предстоит плыть, когда появится такая возможность. Вам не стоит тревожиться за мое политическое здоровье. У меня натура гуся, с которого стекает любая вода, а от моей кожи до сердца очень большое расстояние»63.

К 1857 году Бисмарк уже не шутил, и его два письма Леопольду фон Герлаху указывают на то, что они составлены зрелым и определившимся дипломатом и политиком. В этих посланиях мы видим зарождение новой дипломатической техники, ставшей известной под названием *Realpolitik*, для которого так и не найдено адекватного английского перевода. В двухтомном немецко-английском словаре это понятие объясняется как «практическая политика», «политика реализма», однако ни то, ни другое толкование не раскрывает весь смысл немецкого термина. Из переписки Бисмарка с Леопольдом фон Герлахом следует, что он имел в виду проведение такой политики, которая будет и действенной, и будет служить вашим интересам. Бисмарк в своих мемуарах приводит эти письма целиком, и это указывает на то, что он считал их по-прежнему основополагающими, уже находясь в преклонном возрасте и в отставке [26] . Тон писем совершенно иной. «Дипломатическое детство» осталось далеко позади, перед нами гроссмейстер международной интриги. Первое письмо датировано 2 мая 1857 года. В нем Бисмарк утверждает свою интеллектуальную независимость от патрона. Проблема та же: отношение Пруссии к Наполеону III. Поскольку Бисмарк, похоже, придавал особое значение этому посланию, целесообразно процитировать его более пространно:

…

«Вы исходите из того, что я будто бы жертвую принципом ради единичной импонирующей мне личности. Возражаю и против первого, и против второго. Человек этот вовсе не импонирует мне. Склонность восхищаться людьми слабо развита у меня, да и глаза у меня так странно устроены, что я лучше различаю недостатки, нежели достоинства. Если мое последнее письмо написано в несколько приподнятом тоне, то прошу считать это не более как риторическим приемом, которым я хотел подействовать на вас. Что же касается принципа, якобы принесенного мною в жертву, не могу вполне конкретно представить себе, что именно вы имеете в виду… Франция интересует меня лишь постольку, поскольку она оказывает влияние на положение моего отечества; мы можем вести политику лишь с такой Францией, какая существует… Мое понятие о долге не позволяет мне оправдывать ни в себе, ни в

других проявлений симпатий и антипатий к иностранным державам и лицам при исполнении служебных обязанностей на поприще внешней политики, ибо в этом таится зародыш неверности по отношению к монарху или стране, которой мы служим… Пока все мы убеждены, что часть европейской шахматной доски закрыта для нас по собственному нашему желанию или что мы из принципа связываем себе одну руку, в то время как другие пользуются обеими руками к невыгоде для нас, – таким нашим благодушием будут пользоваться без страха и без признательности»64.

6 мая 1857 года Леопольд фон Герлах направил Бисмарку ответ, составленный в несвойственной для него обороняющейся и уклончивой манере:

…

«Если вы испытываете потребность не расходиться со мной принципиально, то надобно прежде всего установить, в чем заключается сам принцип, и не ограничиваться одними отрицаниями вроде «игнорирования реальностей», «исключения Франции из политических комбинаций»… Моим политическим принципом была и будет борьба с революцией. Вы не убедите Бонапарта в том, что он не на стороне революции. Да он и не хочет быть в другом лагере, ибо он находит в этом свои безусловные выгоды. Стало быть, здесь не может быть речи ни о симпатиях, ни об антипатиях. Эта позиция Бонапарта есть «реальность», которую вы не можете «игнорировать»… Вы сами говорите, что на нас нельзя полагаться, а ведь нельзя не признать, что лишь тот надежен, кто действует по определенным принципам, а не сообразуется с шаткими понятиями интересов и т. д.»65.

Герлах в необычайно пространном и обстоятельном послании выдвинул свой контраргумент. Политика должна основываться на принципах, поскольку только лишь принципы могут служить прочным фундаментом и для альянсов, и для внешнеполитических инициатив. Принципиальное государство – надежное государство. 30 мая 1857 года Бисмарк послал ему еще более пространный ответ:

«Принцип борьбы с революцией я также признаю своим, но считаю неправильным выставлять Луи Наполеона как единственного… представителя революции… Много ли осталось еще в современном политическом мире таких образований, которые не имели бы своих корней в революционной почве? Возьмите Испанию, Португалию, Бразилию, все американские республики, Бельгию, Голландию, Швейцарию, Грецию, Швецию,

наконец Англию, сознательно опирающуюся до сих пор на *Glorious Revolution*(славную революцию) 1688 года… Но даже в тех случаях, когда революционные явления прошлого не были освящены такой давностью, чтобы о них можно было сказать, как говорит ведьма в «Фаусте» о своем адском зелье («у меня имеется флакон; я лакомлюсь порой сама когда придется. Притом нисколько не воняет он»), даже и в то время люди не всегда были столь целомудренны, чтобы воздерживаться от любовных прикосновений. Весьма антиреволюционные властители называли Кромвеля «братом» и искали его дружбы, когда она представлялась полезной; весьма почтенные государи вступили в союз с Генеральными штатами (Голландии), еще прежде, чем последние были признаны Испанией. Вильгельма Оранского и его преемников в Англии наши предки считали вполне кошерными даже в те времена, когда Стюарты предъявляли еще свои права на престол, а Соединенным Штатам Северной Америки мы простили их революционное происхождение еще по Гаагскому договору 1785 года… Нынешняя форма правления не представляет собой для Франции чего-то произвольного, что Луи Наполеон мог бы установить или изменить: она была для него чем-то заранее данным, и, вероятно, это единственный способ, которым можно будет управлять Францией еще в течение долгого времени; для чего-либо другого отсутствует основание: оно либо отсутствует в своей основе, в национальном характере, либо было разрушено и утрачено; очутись сейчас на троне Генрих V, он не мог бы править иначе, если бы вообще оказался в состоянии править. Луи Наполеон не создал революционные порядки своей страны; власть он добыл не путем восстания против законно существующей власти, а попросту выудил ее, как бесхозное имущество, из водоворота анархии. Если бы он пожелал теперь сложить с себя власть, то поставил бы этим в затруднительное положение Европу и его довольно единодушно попросили бы остаться…»66

Весь 1857 год Леопольд фон Герлах старался поддерживать видимость того, что по крайней мере с его стороны «нет ни малейших причин для неприязненных чувств» между ним и Бисмарком67. В январе 1858 года он закончил письмо такими патетическими словами: «Приезжайте. Нам надо определиться с нашими позициями. С прежней любовью, ваш Л. ф. Г.»68. Затем последовала большая пауза, и в мае 1860 года Герлах написал Бисмарку:

…

«Вы будете удивлены, получив политическое послание от меня,

да еще из Сан-Суси, как в старые времена… Я пишу вам, словно ничего не изменилось… Меня особенно омрачает то, что в своей горечи по поводу Австрии вы позволяете себе устраниться от простого выбора между правотой и революцией. Вы играете идеей альянса с Францией и Пьемонтом, гипотетической возможностью, которая, по мне, гораздо отдаленнее, чем хотелось бы вам, дорогой Бисмарк. Простите меня за то, что я заканчиваю письмо «at random» [27] (в оригинале на английском языке. – Дж. С .). На встречу я не рассчитываю, но, как всегда, остаюсь вашим искренним и верным другом. Л. ф. Г.»69.

Бисмарк ответил своему бывшему наставнику и патрону 2 мая 1860 года и вряд ли поднял ему настроение, еще резче обозначив свои разногласия с ним:

…

«Вы из принципа не желаете иметь никаких дел с Бонапартом или Кавуром. Я бы сторонился Франции и Сардинии не потому, что они мне не подходят, а считал бы их сомнительными союзниками исходя лишь из интересов нашей страны. Для меня абсолютно не важно, кто правит во Франции или Сардинии, если власть там признанная, вне зависимости от того, правильная она или неправильная… Франция из всех потенциальных союзников может быть самым сомнительным, но я бы не исключал ее, потому что нельзя играть в шахматы, если с самого начала запрещено ставить фигуры на шестнадцати из шестидесяти четырех клеток»70.

Это было последнее письмо Бисмарка «любящему» патрону. Леопольд фон Герлах умер 10 января 1861 года, простудившись на похоронах Фридриха Вильгельма IV. Бисмарк написал по этому поводу в мемуарах:

…

«Он был душой и телом предан королю, даже тогда, когда, по его мнению, монарх ошибался. Это видно хотя бы из того факта, что он, можно сказать, принял добровольную смерть, позволив себе следовать за мертвым королем с непокрытой головой, держа каску в руках, при сильном ветре и жутком холоде. Этот последний акт проявления верности старого слуги своему господину погубил и без того ослабленное здоровье. Он вернулся домой с рожистым воспалением и спустя несколько дней умер. Его смерть напомнила мне о том, как в прежние времена соратники германских князей по своей воле умирали вместе с ними»71.

Эта холодная эпитафия, посвященная человеку, немало способствовавшему его успешной карьере и, безусловно,

причастному к его назначению посланником во Франкфурт в 1851 году, типична для Бисмарка. Без сомнения, в продолжение многих лет Герлах был исключительно полезен Бисмарку, но в мемуарах он даже не упоминает об этом. Постаревший Герлах стал для него анахронизмом. Нельзя не заметить, что Бисмарк потерял интерес к Герлаху вскоре после того, как в октябре 1857 года король Фридрих Вильгельм IV перенес апоплексический удар и не мог больше управлять государством72. Бисмарк пользовался его близостью к королю для того, чтобы доводить до сведения монарха свои идеи и предложения, минуя Отто фон Мантейфеля, министра-президента и министра иностранных дел. Уже на следующий год стало ясно, что король не оправится после удара, и 7 октября 1858 года регентом стал его младший брат Вильгельм, принц Прусский, сформировавший правительство «новой эры», в котором тон задавала *Wochenblattpartei*, партия «Еженедельника», группа консервативных либералов во главе с недругом Бисмарка, Робертом фон дер Гольцем. Леопольд фон Герлах наставлял его в своем последнем письме 1 мая 1860 года:

…

«Я хотел бы обратить ваше внимание на еще одно обстоятельство. Вы противопоставили себя всему министерству. Это предосудительная позиция… Почему бы вам не положиться на Р. фон дер Гольца? После образования правительства «новой эры» он разговаривал со мной вполне откровенно, и я ему доверяю. Даже Бернсторф может быть полезен»73.

Бисмарк игнорировал его совет. Меньше всего он нуждался в альянсе с умеренными консерваторами. У него на уме был совсем другой союз, который наверняка шокировал бы Леопольда фон Герлаха. Бисмарк решил разыграть карту бонапартизма. Летом 1859 года он говорил либералу-националисту Виктору Унру:

…

«Пруссия совершенно изолирована. У Пруссии есть только один союзник, если она знает, как им завладеть и управлять… народ Германии! Я такой же юнкер, как и десять лет назад… но у меня хватает разумения и понятливости, чтобы ясно видеть реальности ситуации»74.

Бисмарк понимал, что французские «массы» проголосовали за порядок, а не радикализм, и дали карт-бланш Луи Наполеону Бонапарту. Не могут ли и немцы сыграть такую же роль в исполнении его собственных замыслов по усилению Пруссии? Он настроился на то, чтобы в достижении своих целей в полной мере использовать национализм. Бисмарк пришел и к такому выводу:

...

«Политика – это тоже искусство, которому нельзя обучить. Необходим талант. Даже самый верный совет окажется бесполезным, если он бестолково реализован»75.

Бисмарку в осуществлении своих планов могли помочь и другие факторы. В первой половине пятидесятых годов стремительно разрасталась сеть железных дорог, что способствовало повышению мобилизационной готовности прусской армии. По настоянию генерала Карла Фридриха Вильгельма фон Рейхера, начальника генштаба, железным дорогам с самого начала предназначалось стать главными транспортными артериями на случай войны. С учетом военной необходимости были выделены особо важные оперативные направления; приняты обязательные нормативы для подвижных составов и железнодорожных станций, ориентированные на размещение кавалерии и артиллерии; разработаны соответствующие военные руководства для всех железнодорожных компаний и скоординированные графики движения поездов. Хотя в пятидесятых годах Пруссии не пришлось испытать полномасштабную мобилизацию, оперативные планы были готовы уже к 1856 году76.

В октябре 1857 года начальник генштаба Карл фон Рейхер умер, и на его место принц Вильгельм, объявленный королем Фридрихом Вильгельмом IV регентом, назначил Хельмута фон Мольтке, приняв одно из двух самых важных своих решений. Второе последует 22 сентября 1862 года в отношении Бисмарка [28] . Мольтке был человеком не менее примечательным, чем Бисмарк, хотя и полной его противоположностью и по темпераменту, и по социальному положению. Он родился 26 октября 1800 года в Пархиме (Мекленбург) в семье обедневшего дворянина, подавшегося из-за нищеты служить в армию датского короля. Как указывается в его биографии, «материальные трудности вынудили Мольтке и его братьев Вильгельма и Фрица, несмотря на отсутствие желания, тоже избрать военную профессию»77. Нехватка денег приучила Мольтке вести скромный образ жизни. Даже став фельдмаршалом и величайшим генералом в прусской истории, он продолжал ездить в вагонах второго класса, беря с собой в дорогу бутерброд в бумажном пакете. В 1822 году Мольтке перешел служить из датской в прусскую армию, а с 1823 до 1826 года учился в *Kriegsakademie*(военной академии). В те годы, как пишет Арден Бухольц, в этой академии уже с успехом применяли новый метод подготовки командиров – *Kriegsspiel*, военную игру:

…

«Военные игры были разработаны двумя прусскими офицерами – Рейссвицами – в период между 1810 и 1824 годами. Вначале они разыгрывались на гипсовых макетах местности, выполненных в масштабе 26 дюймов = 1 миля, при помощи фарфоровых фигурок, замененных затем металлическими символами: синими – для прусской армии, красными – для войск неприятеля…

Они велись в соответствии с установленными правилами, под надзором третейского судьи, выступавшего в роли посредника между противоборствующими сторонами, и с непременным участием в них игральной кости, вносившей элемент случайности. Военные игры проводились на трех и даже четырех уровнях сложности. Одна из них проигрывалась в закрытом помещении, у карты или песчаного макета, остальные – на природе»78.

Среди выпускников Мольтке был самым способным. Вообще в учебе он всегда преуспевал, но оказался слишком бедным для того, чтобы занять достойный пост в генштабе: ему недоставало денег для содержания лошадей. В результате, как и Альбрехта фон Роона, его зачислили в топографическое бюро картографом. В этом качестве он три года – с 1826 до 1829 года – участвовал в реализации крупнейшего в истории Германии картографического проекта, инициированного начальником генштаба бароном Карлом фон Мюффлингом:

…

«Все это время ему приходилось останавливаться в домах местных дворян… Он фактически становился членом семей древней силезской аристократии, которая до полудня занималась утренним туалетом и не всегда говорила то, о чем думала на самом деле. Они жили в прекрасных замках, окруженных великолепными парками и французскими садами, среди картин старых мастеров, которыми были увешаны стены. Мольтке писал портреты графов и графинь, сочинял стихи и перезнакомился со всеми соседями…»79

Мольтке превосходно рисовал и писал красками, говорил на шести или семи иностранных языках (данные источников на этот счет разнятся) и отличался безукоризненными манерами. Он обладал всеми качествами и добродетелями (включая благоразумие) для того, чтобы стать идеальным придворным.

В 1833 году он наконец заимел достаточно средств для поступления на службу в генштаб, но в 1835 году попросил дать ему шесть месяцев на поездку по Балканам и в Константинополь. В 1836 году посол султана обратился к прусскому правительству

с просьбой предоставить Турции офицера-инструктора, и выбор, естественно, пал на Мольтке, который уже находился в этом регионе. Три года он служил военным советником при турецкой армии, объездил Балканы и Средний Восток [29] и в 1841 году опубликовал мемуары, сразу же его прославившие80. В наше время книгу переиздали под названием *«Under the Half-Moon»*(«Под полумесяцем»). В 1842 году Мольтке женился на англичанке Мэри Берт, но детей у него так и не появилось.

Арден Бухольц в своей книге, посвященной войнам Мольтке, писал:

…

«Среди дебелой когорты старших офицеров Мольтке моментально стал уникумом. Никто из его коллег не обладал практическим военным опытом. Никто из них не служил советником при командующем армией и не получал ордена Звезды и Меча чести от османского султана и ордена «Pour le mrite» от прусского короля. Такой славы офицер мог удостоиться лишь в годы освободительных войн. Но сейчас было мирное время, и, возможно, поэтому он привлек внимание членов королевской семьи. Они были приятно удивлены, увидев в нем блестящего офицера, привлекательного, грациозного и умного, непринужденно чувствующего себя при дворе и к тому же обладающего даром художника. Для общества, насквозь пронизанного духом коленопреклонения и поделенного на покровителей и их клиентов, он стал находкой. Три последующие назначения сблизили его с тремя представителями монаршего семейства: племянником короля, тоже человеком военным, принцем Фридрихом Карлом, младшим братом короля принцем Генрихом и еще одним племянником короля принцем Фридрихом Вильгельмом. Мольтке хорошо ладил со всеми принцами. Это и определило успех его карьеры. Элегантный и благонравный офицер всем пришелся по душе»81.

Служба адъютантом у принца Генриха, ведшего уединенный образ жизни любителя искусств в Риме, дала Мольтке возможность выучить итальянский язык и зарисовать величайшие архитектурные шедевры Вечного города82. Но самым полезным для него было адъютантство при Фридрихе Вильгельме, позволившее ему сойтись с принцем Прусским. У них оказалось много общего. «Мольтке и король Вильгельм были очень похожи, – отмечается в энциклопедии «Новая немецкая биография», – одинаково бережливы, просты, скромны и непритязательны. Оба имели привычку делать заметки на не заполненных до конца страницах писем и не любили менять

старые одеяния на новые»83. У Мольтке была еще одна особенность, отличавшая его от других военных деятелей Пруссии. Его можно считать первым действительным воспитанником генерального штаба как военного образовательного учреждения. Все его предшественники – Грольман, Рюле фон Лилиенштерн, Мюффлинг, Краузенек и Рейхер – делали карьеру во времена Наполеона, до того как генштаб начал функционировать в 1817 году. Только Мольтке от начала до конца испытал на себе влияние военной системы, которой и руководил84.

Известно множество историй об исключительном хладнокровии и бесстрастности Мольтке. Об одной из них, относящейся к июлю 1870 года, рассказал в мемуарах Гольштейн:

…

«Полковник Штиле (Густав фон Штиле, начальник штаба у принца Фридриха Карла) застал Мольтке лежащим на софе с романом сэра Вальтера Скотта в руках. Когда полковник сказал что-то по поводу чтения книг в такое горячее время, генерал безмятежно ответил: “А почему бы и нет? Все готово. Нам осталось только нажать кнопку”»85.

Во время Франко-прусской войны подполковник Юлий Верди дю Вернуа служил штабным офицером. 9 января 1871 года он записал в дневнике:

…

«Мольтке… никогда не забывает о нас и неизменно добр со всеми. За всю кампанию никто не слышал от него резкого слова. С нами он всегда весел, жизнерадостен и прост в обхождении. Рядом с ним мы чувствуем себя в безопасности, все мы его любим и обожаем. Но и вне штаба превалирует одно чувство – восхищение. Все говорят: у него идеальный склад характера»86.

Вечером после битвы при Седане, величайшей победы прусского оружия в XIX веке, король дал обед для высших командующих. Граф Альфред фон Вальдерзе, тогда еще молодой штабной офицер, записал в дневнике:

…

«На обеде присутствовали Роон, Мольтке и Бисмарк. Король поднял бокал и выпил за здоровье «человека, наточившего для меня меч, применившего его и успешно направлявшего мои действия». Эти слова часто цитировались в различных вариантах, но я ручаюсь, что он произнес именно эту фразу»87.

25 января 1858 года кронпринц Прусский Фридрих Вильгельм обвенчался с принцессой-цесаревной Великобритании Викторией в часовне Сент-Джеймсского дворца. Бисмарк еще не был великим, и его не пригласили в Виндзорский замок, но он участвовал во всех свадебных празднествах в Берлине, о чем свидетельствует его письмо другу: «Вечером я был на грандиозном балу с банкетом, где непрактичное цивильное платье и холодные коридоры наградили меня катаром желудка»88. Как мы увидим дальше, Бисмарк не любил дворцы, считая их опасными питомниками вирусов, сквозняков и властных женщин.

Принцессе-цесаревне было всего семнадцать лет, а выглядела она еще моложе. Графиня Вальбурга фон Гогенталь писала о ней в 1858 году:

…

«Принцесса показалась мне необыкновенно юной. В ней еще сохранилась детская округлость, усиливавшая впечатление малышки. Она была одета по моде, уже давно не принятой на континенте. На ней было пышное платье из цветастого шелка, застегнутое на спине, а волосы она зачесывала назад. Но больше всего меня поразили ее глаза: изумрудные зрачки цвета морской волны в яркий солнечный день и улыбка, открывающая ослепительно белые зубы, очаровывали всех, кто к ней приближался»89.

В 1858 году у Фридриха Вильгельма IV случилось несколько апоплексических ударов, нарушивших мозговые речевые центры и лишивших его возможности адекватно управлять монархией. 7 октября 1858 года он передал властные полномочия младшему брату принцу Вильгельму, ставшему регентом королевства90. Кронпринц уже в роли регента уволил консерватора Мантейфеля и сформировал новое правительство, состоявшее из членов *Wochenblattpartei*(партии «Еженедельника»): многих из них

Бисмарк относил к числу своих «врагов». Назначение правительства «новой эры» было с энтузиазмом поддержано прусскими либералами, но для Бисмарка оно означало катастрофу. Бисмарк усматривал опасность для королевства и в английском влиянии, и в «новой эре» во главе с регентом. С другой стороны, как отметил Пфланце, перемены не были уж столь радикальными: «На смену феодальным консерваторам пришли аристократические парики»91. Оценка, безусловно, правильная. Но в то время казалось, что Бетман-Гельвег, Рудольф фон Ауэрсвальд, князь Карл Антон Гогенцоллерн-Зигмаринген, ставший министром-президентом, и те члены нового кабинета, считавшиеся в 1848 году либералами, привнесут какие-то изменения. Либеральная принцесса-регент Августа, принцесса Саксен-Веймарская приветствовала «новую эру». Принц-регент сомневался. «Чем это я мог заслужить восторги этого сброда?» – спрашивал он с раздражением92.

Правительство «новой эры» действительно оказалось в некоторой степени новаторским. 2 февраля 1859 года оно наделило еврея, владельца дворянского поместья в Бреслау, некоего герра Юлиуса Зильберштейна, правом голоса в окружном сейме, то есть предоставило ему те самые *stndische*(традиционные) права, которых евреи были лишены в 1847 году при самом активном участии Бисмарка. Истинные дворяне запротестовали и отказались признавать решение правительства. Кампания в защиту традиционных дворянских прав от посягательства евреев продолжалась два года93. Мрачное пророчество Бёрка сбывалось: земля становилась товаром. Еврейские плутократы угрожали вытеснить подлинных носителей традиции и чести.

Пришествие «новой эры» означало также, что Бисмарк утерял прямой доступ к власти и из-за этого чувствовал себя подавленным и больным. 20 февраля 1859 года он писал Леопольду фон Герлаху:

…

«По международным делам мне не о чем писать, и это меня угнетает. Когда, как сейчас в Берлине, мне нечего осмысливать и затевать и передо мной нет ни перспектив, ни каких-либо признаков вдохновения и пробуждения желаний, тогда из-за осознания бесцельности и бессмысленности существования я начинаю терять силу духа. Я делаю не более того, что мне приказывают, и все пустил на самотек»94.

В письме брату Бисмарк жаловался на неважное здоровье:

…

«Я чувствую переутомление и болезненную слабость и с трудом нахожу время для крайне необходимых мне физических упражнений. У меня часто случаются приливы крови, и я очень подвержен простудам»95.

Ипохондрия, всякого рода болезни и депрессия всегда сопутствовали любым переменам в политической жизни Бисмарка. С возрастом и, как ни странно, по мере достижения новых высот в своей карьере он переносил их все тяжелее и острее.

Пока Бисмарк сокрушался по поводу навалившихся на него невзгод, Альбрехта фон Роона пригласили на церемонию посвящения в рыцари ордена Святого Иоанна. Как Роон сообщал потом жене Анне, регент, передавая ему мантию и регалии и «горячо пожимая руку», сказал:

…

«Это мантии (то есть плащи) рыцарей-командоров, которые станут командорами рыцарей. И вы им будете в “самое ближайшее время”»96.

Альбрехт фон Роон от себя добавил: «“Самое ближайшее время” – это значит, как я понимаю, не больше года».

Фон Роон не мог похвастаться знатным происхождением. Скорее всего он был выходцем из мелкобуржуазного голландского рода. Фамилия де Роон вовсе не свидетельствовала о принадлежности к дворянству: его дед владел винокурней во Франкфурте. Во времена нацизма многочисленные «Ноии» и «Исааки» среди голландской родни вызывали определенные подозрения у людей, исследовавших его генеалогию97. В 1846 и 1847 годах фон Роон воспитывал племянника принца, а 1 ноября 1848 года генерал фон Унру сообщил ему о том, что принц Вильгельм и принцесса Августа желают, чтобы майор фон Роон стал военным наставником их сына, семнадцатилетнего Фридриха Вильгельма (старшего отпрыска и будущего императора Фридриха III)98. Мы уже видели, какое влияние на карьеру Мольтке оказало монаршее благоволение. Генерал вручил майору фон Роону письмо от принцессы Августы, поясняющее ее мотивы: ей хорошо известны его чистосердечие, праведность и благочестие, и она желает, чтобы таким же был и юный принц. «Сила характера и интеллекта, а именно острот ума и логики мышления, развита неравномерно», – писала принцесса Августа. Она хотела бы, чтобы ее сын шел в ногу со временем: «Он принадлежит настоящему и будущему. Он должен впитать новые идеи и научиться применять их, развить в себе ясное и глубокое понимание нашей эпохи и жить не вне времени, а в нем

самом и его идеями»99.

Через пять дней после получения этого знаменательного приглашения фон Роон ответил со свойственной ему искренностью. Майор заявил, что он не считает себя способным «судить о внутренней истинности или внешней оправданности так называемых современных взглядов… Я слишком старый, заржавелый и искалеченный предрассудками. Не навредит ли молодому человеку впитавшаяся в меня «реакционная эссенция»?»100

Малозначительный и не очень богатый майор не только отказался от предложенной ему «золотой лесенки» в высшее общество, с помощью которой он мог бы быстро поправить свое социальное и материальное положение. Альбрехт фон Роон честно порекомендовал принцессе изолировать юного принца «от двора и его влияний»101. В определенном смысле он подвергал серьезному риску свою дальнейшую карьеру, и, наверно, у супругов полегчало на душе, когда они 10 декабря получили от принцессы подтверждение своего выбора. Принцесса Августа написала, что правильность ее решения определить именно фон Роона военным наставником сына «наилучшим образом доказал ваш откровенный и честный ответ… Относительно изолирования сына от двора и родителей наши взгляды расходятся, и по этой причине мы его никуда не отпустим от себя ни в настоящий момент, ни в ближайшем будущем»102.

В начале января принц Вильгельм любезно информировал фон Роона о том, что наставником юного принца назначен подполковник Фишер из военного министерства. Принц Вильгельм выразил по этому поводу свои сожаления:

…

«Пока я могу лишь сказать вам о том, как я огорчен тем, что не удалось привести в исполнение наш первый выбор, и заверить вас в нашем неизменном к вам уважении»103.

Весь 1849 год, когда прусские войска подавляли восстание в Бадене, майор фон Роон служил начальником штаба I армейского корпуса «Оперативной армии Рейна» под началом генерал-лейтенанта Хиршфельда. Всей операцией руководил принц Вильгельм Прусский, что позволило фон Роону закрепиться в окружении будущего короля104. Он вошел в группу приближенных лиц наряду с генерал-адъютантом фон Кирхфельдтом, подполковником Фишером и одним или двумя другими офицерами. Их сближало то, что все они не одобряли политический курс прусского правительства. Обычно эта группа встречалась во временной резиденции принца Вильгельма в

Кобленце105. В декабре 1850 года фон Роону присвоили звание подполковника и отправили командовать 33-м резервным пехотным полком в Торн, что (назначение командиром непрестижного резервного полка в далеком польском городе. – *Дж. С.*) Анна в письме мужу от 31 декабря 1850 года расценила как «глумление со стороны военного министра»106. Тем не менее в следующем декабре, несмотря на опалу, фон Роон получил эполеты полковника, а его полк был переведен из далекого Торна в Кёльн, поближе к монаршей чете в Кобленце, откуда принц Прусский часто выезжал инспектировать 33-й полк и регулярно встречался с фон Рооном107.

Кобленц расположен не так уж далеко от Франкфурта, но отношения между Рооном и Бисмарком носили сугубо формальный характер. Об этом свидетельствует, в частности, письмо Роона от 14 июля 1852 года, в котором полковник, обращаясь к Бисмарку как к послу с просьбой организовать для генерала визит в крепость Нанси и встречу с Луи Наполеоном Бонапартом, называет его сначала «высокочтимым другом», а затем в тексте «вашим превосходительством». Роон передает приветы от общих друзей Клейста-Ретцова и Морица фон Бланкенбурга и выражает надежду на то, что милостивая леди, возможно, еще помнит его по Венеции и 1847 году108. Фон Роон, должно быть, осознавал свою ущербность. Как-никак, ему исполнилось почти пятьдесят лет, он был всего лишь командиром достаточно банального полка, а молодой Бисмарк, который еще не достиг сорокалетнего возраста, уже как метеор взлетел на политический олимп. Рооны жили на его скромную полковничью зарплату. И через пять лет он особенно не преуспел, о чем и писал другу Клеменсу Теодору Пертесу, боннскому профессору, 9 ноября 1857 года: «Я все еще занимаюсь только тем, что набираю рекрутов и рассылаю письма, бессодержательные, сверху вниз и снизу наверх». Однако он упоминает о поездке в Берлин и неких «планах на будущее». Фон Роон, очевидно, имел в виду обмен письмами с Бисмарком и возможный перевод во Франкфурт в качестве федерального военного полномочного представителя109.

25 июня 1858 года, через день после посвящения в рыцари ордена Святого Иоанна, принц Вильгельм вызвал его к себе и попросил изложить в письменной форме «мысли и планы» относительно реформирования армии. Регент пожелал, чтобы Роон представил предложения по более эффективному набору рекрутов и использованию личного состава. В то время призыву на военную службу сроком на два года теоретически подлежал каждый взрослый мужчина. На практике в пятидесятые годы в

армию призывалось около сорока тысяч человек в год. Повысить эффективность армии можно было только увеличением численности призывников, срока их службы и совершенствованием военной подготовки. Надо было что-то делать и с ландвером, местными территориальными ополченцами, которые служили семь лет и могли быть призваны еще на семь лет.

18 июля 1858 года Роон представил *«Bemerkungen und Entwrfe zur vaterlndischen Heeresverfassung»*(«Замечания и наброски по структуре армии для отечества»)110. Роон начинал свое исследование весьма категорическими утверждениями:

1. Ландвер *политическия*является ложным инструментом, поскольку не производит должного впечатления на иностранцев и его значение сомнительно как для внутренней, так и внешней политики.

2. Ландвер является ложным и слабым инструментом и в *военном*отношении, поскольку ему недостает:

а) подлинного, сильного воинского духа; иб) действенного контроля за дисциплиной, без которой немыслима ни одна надежная военная организация.

Реформа должна быть, таким образом, нацелена на:

1. Слияние ландвера и линейных частей. 2. Изыскание адекватных методов руководства111.

Роон предложил также продлить срок службы до трех лет и увеличить призыв.

…

«Ландвер «первой мобилизации» в мирное время должен быть полностью инкорпорирован в линейные части… Если на то есть желание, то название «ландвер» можно и сохранить. Фактически можно всю армию называть «ландвером», если кому-то это покажется предпочтительным»112.

План Роона предусматривал ежегодный призыв в армию 63 тысяч человек и восемь лет воинской службы: три года – на действительной службе и пять лет – в активном резерве. Новая прусская армия, по его схеме, должна насчитывать не менее 300 тысяч в совершенстве обученных солдат – в отличие от нынешней дряблой системы, способной выставить не больше двухсот тысяч посредственных вояк.

Замысел был радикальный, и не только потому, что Роон предлагал резко увеличить численность армии. Он подверг сомнению два фундаментальных принципа, лежавших в основе существования ландвера. Право ношения оружия всегда было важнейшим признаком человеческой свободы. Вера в это право

человека нашла отражение во второй поправке к конституции Соединенных Штатов Америки, являвшейся неотъемлемой частью Билля о правах и ратифицированной 15 декабря 1791 года. В ней совершенно четко провозглашалось право свободного гражданина иметь оружие:

...

«Поскольку хорошо организованное ополчение необходимо для безопасности свободного государства, не должно нарушаться право народа хранить и носить оружие»113.

Пруссия не была свободным государством. Ее народ состоял не из свободных граждан, а из подданных. Ни регент, ни его военный советник вовсе не собирались менять социальный строй. Роон, называя ландвер «ложным инструментом», имел в виду то, что его наименование вводило в заблуждение солдат. Его «ложность» определялась еще и прямой связью с «народными восстаниями» 1813–1815 годов, когда впервые появились добровольческие подразделения, сражавшиеся бок о бок с прусской королевской армией. Легенды о героических молодых людях в стильной черной униформе, сражавшихся в войне за свободу, импонировали буржуазии, представителей которой не брали в регулярную армию, и она с удовольствием заявляла о своем участии в патриотической борьбе. На проповедников этих сантиментов и обрушился Бисмарк в своем первом пламенном выступлении на Соединенном прусском ландтаге в 1847 году, отвергнув заодно и саму идею о том, что такая война имела место [30] . Инкорпорирование «свободного» народного ополчения в традиционную прусскую армию, построенную на принципе *Kadavergehorsam*(«послушания трупа»), было оскорбительно для либерального среднего класса. Вряд ли прусский ландтаг согласился бы и с неизбежными высокими финансовыми расходами.

С другой стороны, Пруссия могла бы безболезненно перенести такие траты, хотя этот факт и не проник в сознание налогоплательщика. Благодаря *Zollverein*, Таможенному союзу, созданному в 1819 году, Пруссия превратилась в могущественный внутренний товарный рынок, из которого была исключена Австрия. В шестидесятых годах на Пруссию приходилось девять десятых производства чугуна и добычи угля, две трети добычи железной руды, Пруссия поставляла почти всю сталь и цинк114.

Менее заметную, но тоже немаловажную роль сыграла революция в просвещении, происходившая в Пруссии с 1815 года. Виктор Кузен, французский министр образования, в 1833 году назвал Пруссию «страной казарм и школьных классов». Гораций

Манн, известный американский реформатор просвещения, побывавший в сороковых годах в Пруссии, особо отметил необычайную свободу, отличавшую прусские школы:

...

«Я посетил сотни школ… и видел десятки тысяч школьников, но мне не встретился ни один случай наказания ребенка за плохое поведение. Я не видел ни одного ребенка, плачущего из-за наказания или угрозы подвергнуться наказанию»115.

Грамотность населения, оцениваемая способностью читать и писать, в Пруссии в 1850 году составляла около 85 процентов, тогда как во Франции умел читать 61 процент населения, а в Англии читали и писали только 52 процента граждан116.

Образованная рабочая сила легко находила себе применение в промышленных отраслях, широко использовавших последние достижения науки и техники. Университеты выпускали научных первооткрывателей, а технические колледжи – инженеров, внедрявших достижения науки в промышленность. Университеты своими научными исследованиями и прикладными колледжами эффективно помогали Германии занимать передовые позиции в борьбе за доминирование в Европе.

Фридриха Энгельса, впервые вернувшегося в Пруссию после революции 1848 года, искренне поразили произошедшие в стране перемены:

...

«Любой человек, видевший прусский Рейнланд, Вестфалию, Саксонское королевство, Верхнюю Силезию, Берлин и морские порты в 1849 году, не узнал бы их, приехав сюда в 1864-м. Повсюду механизмы и паровые машины. Пароходы постепенно вытеснили парусные суда, сначала в прибрежной торговле, а затем и на морях. Многократно выросла протяженность железных дорог. В доках и копях, на рудниках и чугунолитейных заводах выполняются такие трудовые процессы, участвовать в которых, казалось, совершенно не способен тяжелый и неповоротливый немец»117.

В июле 1858 года, когда Альбрехт фон Роон представил свой меморандум регенту, Пруссия была скопищем парадоксов. Государственной моделью все еще была система Фридриха Великого. Сохранялась прежняя абсолютистская монархия, слегка поправленная конституцией 1850 года. И в армии, и на государственной службе господствовала аристократия, хотя общество уже видоизменялось в соответствии с индустриализацией. Быстро рос богатый средний класс, а вместе с ним набирал силу и более многочисленный класс трудящихся,

требовавший парламентского представительства для себя и действительного, не дутого парламентаризма. Пруссия оставалась милитаристским государством Фридриха Великого, но с огромными фабриками, большими городами и новыми технологиями. Армия тем не менее оставалась такой же, как и прежде. В 1862 году 85 процентов кадетов, вступивших в прусскую армию, были выходцами из «старых прусских регионов», а 79 процентов – отпрысками традиционных прусских семей (офицеров, государственных служащих и землевладельцев). Хотя офицерский корпус на 35 процентов состоял из представителей класса буржуазии, высший эшелон командования принадлежал аристократам: 86 процентов полковников и генералов были дворянами118. Иными словами, Пруссией по-прежнему правила аристократия Фридриха, но Пруссия, которой они правили, уже была совершенно другая. Под влиянием этого парадокса формировалась карьера Бисмарка, Роона и Мольтке. Величайшее достижение Бисмарка, если это можно назвать достижением, и состоит в том, что ему удалось сохранить этот парадокс до конца XIX столетия.

6. Вхождение во власть

Положение, в котором оказался Бисмарк в 1859 году, его удручало. Хотя он и игнорировал своего непосредственного начальника министра-президента Отто фон Мантейфеля, барон относился к нему неплохо. Но теперь для Бисмарка не существовало ни короля, ни Мантейфеля. Один удалился из активной жизни по болезни, другой – в силу обостренного чувства долга. Считая необходимым предоставить регенту свободу действий, Мантейфель подал в отставку, и принц принял ее 6 ноября 1858 года. Мантейфель отказался от титула графа, уединившись в своем поместье1. После ухода министра-президента и министра иностранных дел поползли слухи о переводе Бисмарка в Санкт-Петербург, что, по его мнению, означало не что иное, как ссылку. Уже привыкнув к доступности прусских монархов, Бисмарк запросил у регента аудиенцию. Его доводы были простые и убедительные. Нет такого человека, который мог бы заменить его на этом посту. Он прослужил во Франкфурте восемь лет и знает в лицо всех, кто хоть чего-то стоит. Его преемник фон Узедом – сущий кретин с невыносимой женой, и весь кабинет «новой эры» не заслуживает малейшего уважения. Бисмарк вспоминал:

…

«Изложив свои соображения относительно значимости поста

при федеральном сейме, я перешел к оценке общей ситуации и сказал: «У вашего королевского высочества во всем министерстве нет человека, наделенного государственным умом, сплошь одни бездари и ограниченные люди».

Регент: «Вы и Бонина считаете ограниченным человеком?»

Я: «Ни в коем случае. Но он не может содержать в порядке свой письменный стол, не говоря уж о министерстве. А Шлейниц – хороший придворный, но не государственный деятель».

Регент (с раздражением): «Случайно, не принимаете ли вы и меня за бездельника? Не стать ли мне самому и министром иностранных дел, и военным министром?»

Я извинился и сказал: "Сейчас самый способный провинциальный администратор не может управлять округом без умного секретаря, и ему приходится полагаться на его помощь. Прусская монархия нуждается в аналогичном взаимодействии, но на более высоком уровне. Без умных министров ваше королевское высочество не получит нужных результатов"»2.

Нам неизвестно, действительно ли говорил все это Бисмарк. Разговор происходил за тридцать пять лет до написания мемуаров. Делал ли он тогда заметки? Так или иначе, текст примечательный. Дерзкое охаивание кабинета и оскорбительный для регента тон высказываний предполагают: либо Бисмарк на самом деле мог позволить себе такую вольность, либо при прусском королевском дворе практиковалась терпимость к критике, абсолютно несвойственная другим монархиям. Никто не осмелился бы разговаривать в подобной манере с королевой Викторией или Наполеоном III.

Тем временем вопрос о переводе в Россию оставался открытым. В середине января 1859 года Бисмарк писал Иоганне о том, что его очень доброжелательно принял принц-регент и он обедал с Гансом (фон Клейстом-Ретцовом), Оскаром (фон Арнимом, зятем), Александром фон Беловым-Гогендорфом, Морицем фон Блакенбургом, Вагенером, графом Эберхардом цу Штольбергом и Зомницем. Он оставался в Берлине до 24 января и, вероятно, уговаривал регента сохранить за ним пост во Франкфурте3. Принц Вильгельм все же принял иное решение. 29 января 1859 года он назначил Бисмарка прусским послом при дворе царя Александра II4. Помрачневший Бисмарк вернулся во Франкфурт завершать дела и готовиться к отъезду.

Роон тоже пребывал в прескверном настроении. Он натолкнулся на враждебность со стороны нового военного министра Эдуарда фон Бонина, который был на десять лет старше и несравненно более опытным полевым командующим. У Эдуарда фон Бонина имелись собственные идеи насчет слияния

регулярных войск и ландвера, и на него не произвел впечатления меморандум Роона. 9 января 1859 года Роон написал Анне: новый министр скорее всего положит его проект в долгий ящик5. На следующий день он обедал у принца-регента, после чего принцесса Августа попросила его задержаться и рассказать о проекте военной реформы и итогах встречи 22 декабря.

10 января Роон писал Анне:

…

«Она проявила живой интерес к моей работе и хотела меня подбодрить. Мне не следует принимать все так близко к сердцу. Столь важные дела требуют особой настойчивости и упорства… Когда я заметил, что принцу надо лишь отдать приказ, она стала его извинять. Принц перегружен проектами и предложениями, и его положение только усложнится, если те, кто представляет доклады, раздражаются или выражают недовольство. В любом случае все делается гораздо проще, если человек, выступающий с предложением, убежден в его полезности. И с этими словами она меня отпустила»6.

Мог ли Роон сохранять спокойствие духа, если назавтра министр фон Бонин прогнал его вместе с меморандумом? Роон сообщал рассерженно Анне:

…

«У него не было времени, чтобы заняться меморандумом, который он только что получил. Он его еще не читал и не имел возможности составить свое мнение. Он лепетал какую-то ерунду, как мальчишка»7.

Спустя два дня принц-регент созвал совещание кабинета для обсуждения проекта военной реформы. Роон был приглашен на заседание, когда оно завершалось, и собственными ушами слышал, как фон Бонин объявил его председателем комиссии, которая должна изучить осуществимость предложений по реформе. Казалось, Роон мог бы и порадоваться, но он был настроен скептически. Он был уверен, что фон Бонин намерен похоронить проект в бесконечных дискуссиях, поскольку «для этого и создаются такие комиссии»8.

В действительности дальнейшая судьба и Роона, и Бисмарка решалась совсем в другом месте. 29 января 1859 года был подписан франко-пьемонтский договор в основном на условиях, согласованных Наполеоном III и графом Кавуром, премьер-министром Пьемонта, в Пломбьере в 1858 году. Франция брала на себя обязательство в случае австро-пьемонтской войны в Италии, развязанной Австрией, помочь Пьемонту в вытеснении

австрийцев из Италии и создании Северо-Итальянского королевства под эгидой Савойского дома. Через несколько дней, 4 февраля 1859 года, Наполеон обнародовал памфлет « *L'Impereur Napolon III et l'Italie*» («Император Наполеон III и Италия»), недвусмысленно указывавший на то, что племянник великого завоевателя намерен идти по стопам своего предшественника. Он тоже освободит Италию и поубавит мощь реакционной империи Габсбургов. Эти дерзкие замыслы действительно подорвали мир в самом центре Европы, а на волнах от этого взрыва, прокатившихся по континенту, вознеслись во власть Роон и Бисмарк, воспользовавшийся кризисом для объединения Германии.

Пока же Бисмарк готовился передать свой пост во Франкфурте Гвидо Узедому. Перед отъездом он был приглашен к обеду в богатый дом Майера Карла фон Ротшильда (1820–1886), главы банка Ротшильдов во Франкфурте, где, как писал Бисмарк Иоганне, его поразило «истинно еврейское пристрастие к тоннам серебра, золотых ложек и вилок»9. Этот обед имел свои последствия: по рекомендации Майера Карла Бисмарк назначил Герсона Блейхрёдера, берлинского банкира и корреспондента Ротшильдов, своим личным финансистом, поручив ему заниматься денежными делами, пока он будет находиться в Санкт-Петербурге10. Сотрудничество продолжалось до самой смерти Блейхрёдера в 1891 году и принесло Бисмарку немалые деньги. Нетрудно представить, как обогатился Блейхрёдер в роли «банкира Бисмарка», но об этом мы поговорим позже.

С самого начала в далеком Санкт-Петербурге Бисмарка ожидали трудности, в том числе и материальные. Узнав о том, что его предшественник барон Карл фон Вертер (1809–1882) продает мебель, Бисмарк писал 25 февраля: «Как же я буду жить в пустом доме?» У него оставался один выход – на время поселиться в отеле11. Как Бисмарк писал брату Бернхарду, переезд в Санкт-Петербург обещал обойтись ему очень дорого. Послу определили высокое жалованье – 33 тысячи талеров, позволявших «в нормальных условиях жить с комфортом», но Вертер платил за посольскую резиденцию (без мебели) 6400 талеров, в то время как Бисмарк во Франкфурте тратил 4500. Министерство иностранных дел выделяло на переезд 3000 талеров, но даже с учетом этой субсидии он терял десять тысяч талеров12.

6 марта 1859 года Бисмарк выехал из Франкфурта в Берлин, надеясь провести там несколько дней. Через десять дней он писал Иоганне:

…

«Я все еще торчу здесь и не знаю, чем заняться и как отвечать на вопросы о моем отбытии. Я назначил отъезд на субботу, но теперь жду письмо от принца к царю, которое мне поручено взять с собой и которое будет готово только на следующей неделе»13.

И все-таки время отъезда наступило:

…

«Все вышло так, как я и ожидал. Продержав меня шестнадцать дней, мне вдруг вчера сообщили, в пять часов, что я должен отъезжать, и как можно скорее, самое позднее сегодня же вечером. Этого я, конечно, не сделаю и отправлюсь завтра во второй половине дня»14.

Путешествие Бисмарка из Берлина в Санкт-Петербург может служить наглядной иллюстрацией контраста между нынешним временем и его эпохой. Хотя железные дороги давно уже не были новинкой и Бисмарк смог доехать поездом до Кёнигсберга, дальше он добирался на каретах, переезжая от одной почтовой станции к другой. В конце марта разразилась пурга, и ему приходилось выходить из кареты и идти, утопая в снегу. Прибыв наконец в Санкт-Петербург, Бисмарк в пространном послании сестре восторженно описал свое изматывающее странствие на лошадях, занявшее целую неделю, тогда как сейчас от этого города до Санкт-Петербурга можно долететь за час. Я позволю себе процитировать его письмо более подробно:

…

«Позавчера рано утром я наконец приехал сюда и остановился в отеле «Демидофф», отогрелся и просох. Но какая это была дорога! Едва мы отъехали от Кёнигсберга, восемь дней назад, как начался буран, и с этого момента я больше не видел голой земли. Уже возле Инстербурга наша почтовая колымага двигалась со скоростью одной мили в час. В Вирбаллене нам дали убогий рыдван, в котором я при моем росте не мог поместиться, и мне пришлось поменяться местами с Энгелем (лакеем. – Дж. С .) и всю дорогу проехать снаружи на переднем и открытом сиденье. Это была маленькая скамья с жесткой спинкой, и спать в этих условиях, даже если не считать мороза, доходившего по ночам до двенадцати градусов, было совершенно невозможно. После поезда я бодрствовал с пятницы до понедельника, три часа соснул в Ковно и два часа покемарил на софе на почтовой станции. Когда мы приехали, кожа у меня шелушилась. Так много времени у нас ушло на дорогу из-за снега. Несколько раз нам приходилось выбираться из кареты и идти на своих двоих: она застревала, несмотря на то

что в упряжке было восемь лошадей. Дюна замерзла, но в полмили выше по течению мы нашли возможность переправиться на другой берег. По Вилие плыли льдины, Неман был свободен ото льда. Иногда нам не хватало лошадей: на всех почтовых станциях запрягали по восемь и даже десять коней вместо трех или четырех. У меня ни разу не было меньше шести лошадей, хотя карета и не была перегружена. Почтмейстер, ямщик и форейтор старались изо всех сил, но я не хотел, чтобы они загнали лошадей. Тяжелее всего преодолевались холмы, особенно спуски: я всегда боялся, что задние лошади наскочат на передних. Как бы то ни было, все позади, и теперь об этом интересно рассказывать»15.

Несмотря на первоначальное нежелание принимать новое назначение, Бисмарку понравилось в Петербурге, и его письма оттуда пронизаны душевным покоем, которого он не испытывал ни до поездки в Россию, ни после нее. Его пленили променады и бульвары Северной Венеции, великолепие дворцов, парков и садов, цветовая гамма города, удивительные белые ночи, и он увлеченно наблюдал за странными для немца обычаями и повадками русских людей. Письма из Петербурга отражают самый идеалистический период в жизни мятежного и амбициозного гения. Поскольку в России не было консульской службы, дел у представителя прусского короля оказалось предостаточно, о чем он и писал брату в мае 1859 года. Первейшая его обязанность заключалась в том, чтобы блюсти интересы 40 тысяч пруссаков, живших в Российской империи. «Один служит адвокатом, другой – полицейским, третий – уездным советником, четвертый разбирается с тяжбами. Очень часто я должен за день подписать сотню документов»16. Бисмарк нашел для себя и увлекательное интеллектуальное занятие – состязаться в дипломатии с Горчаковым, министром иностранных дел России, используя для этого любую возможность. 28 апреля он писал Иоганне:

…

«Сегодня я присутствовал на похоронах и погребении старого князя Гогенлоэ, с царем и церемониальным шествием. После того как затемненная церковь опустела, мы уселись на скамейку, покрытую черным бархатом с изображением черепов, и ударились в политику, не болтали, а обсуждали наши дела. Священник говорил что-то о бренности и тлене, а мы строили планы и замыслы, как будто нет никакой смерти»17.

Больше всего Бисмарка поразило то, что в России не забыли австрийского «предательства» в 1854–1855 годах:

…

«Трудно представить, как низко пали австрийцы в глазах русских. Самая паршивая собака не примет от них куска хлеба… ненависть к ним безгранична и превзошла все мои ожидания. Только здесь я поверил в возможность войны. Вся российская внешняя политика направлена на то, чтобы найти способ, как расквитаться с Австрией. Даже тихий и мягкий император извергает гнев и пламя, когда говорит об этом, а императрица, принцесса Дармштадтская, и вдовая императрица расстраиваются, когда заговаривают о разбитом сердце царя, любившего Франца Иосифа как сына»18.

Бисмарку польстило, когда в Петергоф его пригласила вдовствующая царица, императрица Александра Федоровна, вдова покойного царя Николая I, урожденная принцесса Шарлотта Прусская, сестра короля Фридриха Вильгельма IV. Приводим его повествование об этом визите, имевшем особое значение для души, всегда тянувшейся к монаршим особам:

…

«В ее отношении ко мне было что-то материнское. Я говорил с ней так, как будто знал ее с детства… Я мог слушать ее глубокий голос, чистосердечный смех и даже ворчание часами, все было так по-домашнему. Я пришел при галстуке и в визитке, как на официальный двухчасовой прием, но к концу нашего разговора она сказала, что у нее нет никакого желания прощаться со мной, а у меня, наверное, много дел. «Вовсе нет», – ответил я, а она сказала: «Что ж, тогда оставайтесь до моего отъезда завтра». Я принял приглашение с удовольствием, как приказание: здесь было так чудесно в отличие от Петербурга с его каменными стенами и булыжными мостовыми. Представьте себе Оливу и Сопот, соединенные в один огромный парк с дюжиной дворцов, террасами, фонтанами и прудами, тенистыми аллеями и лужайками, ведущими к озеру, голубое небо и жаркое солнце над морем деревьев, за которыми находится настоящее море с чайками и парусниками. Я давно не чувствовал себя так хорошо»19.

Не напоминает ли это сладостную встречу доброй матушки-королевы и сорокачетырехлетнего сына-посла? Такое искреннее выражение радости и прекрасного настроения не найти во всей обильной переписке Бисмарка, с которой мне довелось ознакомиться. Открыл ли он в императрице домашнюю, материнскую любовь? Известно немало случаев спонтанного возникновения чувств близости между представителями разных поколений, и перед нами – один из них. В начале июля он снова виделся с вдовствующей царицей и проводил ее на корабль,

отходивший в Штеттин и увозивший ее на каникулы в Пруссию. «Меня словно заколдовали, когда мы сопровождали высочайшую особу в Петергоф на борт корабля, – писал Бисмарк Иоганне, – и я едва переборол искушение, без багажа и в униформе, отправиться вместе с ней»20. Если судить по переписке, то, похоже, царская семья питала особое расположение к блистательному прусскому послу. Бисмарк утверждал в письме своему коллеге, что он был единственным дипломатом, допущенным в семейство императора и имевшим «статус посла при семье»21.

В Европе же назревала война между Францией и Австрией. В апреле 1859 года австрийцы бездумно двинулись в ловушку, приготовленную для них Наполеоном III и Кавуром. 20 апреля принц-регент отдал приказ о мобилизации трех прусских армейских корпусов и всей регулярной кавалерии в преддверии всеобщей европейской войны22. 23 апреля Австрия направила ультиматум Пьемонту-Сардинии с требованием разоружиться, что правительство категорически отвергло 26 апреля23. На следующий день Франц Иосиф, выступая на совете, призвал к войне «во имя чести и долга»24. Насколько разумно вел себя император, можно судить по письму Одо Рассела к матери, леди Уильям, составленному еще в 1852 году:

…

«Маленького императора распирает отвага и упрямство! Он без ума от смотров и устраивает их, объявляя за четыре часа, каждую неделю, а то и по два раза на неделе – к негодованию и возмущению солдат и офицеров, особенно зимой. Его величество настояли на проведении смотра даже в сильный мороз – ему советовали не делать этого, но безрезультатно: смотр состоялся. Два кирасира упали с лошадей и сломали шеи! Камарилья скрыла этот факт, боясь испортить настроение его величеству. Во время смотра anstndiger Weisswaschwarenhandlungscommis (работник прачечной при пороховом складе), восхитившись зрелищем, проходил мимо курящего императора и забыл снять шляпу – его подвергли аресту и заточили в темницу, приговорив к двум годам schweren Kerker (строгого тюремного заключения). Это тоже вызвало недовольство»25.

Немудрено, что самонадеянный и самовластный монарх 29 апреля объявил войну Пьемонту, совершив акт агрессии, незамедлительно вызвавший подписание франко-пьемонтского договора об альянсе. Австрийцы имели опыт ведения такой войны в прошлом, успешно разгромив пьемонтское войско в 1848 году. Но теперь австрийскими силами в Северной Италии командовали не Радецкий и Виндишгрец. Новое военное командование

действовало нерешительно, замедленно и к тому же попало под проливные дожди в долине реки По. Французская армия, хотя и уступала в численности, имела доступ к железным дорогам и оказалась в нужном месте раньше, чем ожидали австрийцы. Джузеппе Гарибальди организовал партизанский отряд «Альпийских охотников», нападавших на австрийские фланги. Наполеон III должен был действовать быстро: Австрия как ведущая германская держава могла мобилизовать Пруссию и весь союз германских государств. Он знал и то, что русские не придут на помощь Францу Иосифу и его правительству, которые предали их в 1854 году. 20 мая французская пехота и сардинская кавалерия нанесли поражение австрийской армии у Монтебелло, а через неделю «Альпийские охотники» Гарибальди сокрушили австрийцев под Сан-Фермо и освободили Комо. Затем последовали два крупных и кровопролитных сражения: 4 июня – у Мадженты и 21–24 июня – под Сольферино. В обеих битвах австрийские войска, которыми командовал сам император Франц Иосиф, были разгромлены франко-пьемонтской армией Наполеона III, но потери были настолько велики, что швейцарец Анри Дюнан решил создать международное общество «Красный Крест».

К тому времени началась революция в Венгрии. Император понимал, что подавить мятежных мадьяр ему не помогут ни русские, ни хорваты, и у него не оставалось иного выбора, кроме как договариваться о мире. 11 июля 1859 года он встретился с Наполеоном III в Виллафранке-ди-Вероне в Венето. Наполеон III тоже был в трудном положении: он уже не мог держать под контролем итальянские проблемы. Первоначально Франция планировала отобрать у Австрии и передать Пьемонту две северные итальянские провинции Ломбардию и Венецию, отошедшие к Австрии в 1815 году. Итогом сражений стало то, что франко-пьемонтский альянс получил Ломбардию, но Венеция осталась в распоряжении австрийцев26.

Кавур ушел с поста премьер-министра Пьемонта, протестуя против предательства Наполеона, но в самой Италии националисты вовсе не собирались позволять великим державам определять характер их славной революции. По договору, подписанному в Виллафранке, предусматривалось предоставить Наполеону III право великодушно возвратить австрийские вотчины – великое герцогство Тоскана и герцогства Парма и Модена – их законным сюзеренам. Однако Германский союз и Пруссия могли вмешаться и все испортить. Наполеон III должен был поспешать с войной.

Бисмарк с самого начала считал, что Пруссии следовало бы

занимать нейтральную позицию в австро-французской войне. «Мы не настолько богаты, чтобы тратиться на войны, которые нам ничего не дают», – писал он брату27. 12 мая Бисмарк направил пространное послание новому министру иностранных дел графу Адольфу фон Шлейницу (1807–1885), доказывая, что союз всегда будет противиться Пруссии:

…

«После временных колебаний менталитет среднего государства возвращается в прежнее состояние с упорством магнитной стрелки, и эта тенденция является результатом не произвола отдельных личностей или обстоятельств, а характера федеральных отношений малых государств. В рамках существующих федеральных договоров мы не можем исправить это положение каким-либо удовлетворительным и долговременным образом… В наших отношениях с союзом я усматриваю немощь Пруссии, которую нам рано или поздно придется излечивать с помощью ferro et igni ».

Выражение «железом и огнем» предваряло более известное изречение «кровью и железом», которое он использовал в своем первом выступлении в роли министра-президента в сентябре 1862 года. Но смысловое содержание от этого не изменилось. Пруссия должна создавать себя «железом и огнем», она должна воспользоваться нынешним отчаянным положением Австрии для того, чтобы переконструировать союз, отправить войска к австрийской границе и припугнуть малые государства, пока идет Франко-австрийская война28.

14 июня 1859 года Мольтке созвал совещание всех командующих корпусами и начальников штабов для рассмотрения неожиданной и удивительной проблемы. Объявленная в Пруссии мобилизация провалилась. Бухольц отмечал:

…

«Ко времени перемирия между Францией и Австрией завершилась мобилизация двух третей прусской армии, но она была бесполезна. Что же случилось? Когда появился приказ о мобилизации, лишь половина корпусов располагала возможностями для ее проведения. В полной готовности был железнодорожный транспорт, по всей Германии вдоль трех основных железнодорожных линий были складированы все необходимые военные материалы – боеприпасы, продовольствие и другое военное имущество. Однако в первую очередь обслуживались гражданские нужды, войска продвигались к Рейну по-черепашьи…

Мольтке был поражен»29.

Последовала полная реорганизация генерального штаба. Появился железнодорожный департамент и мобилизационное бюро.

Мольтке писал своему другу Пертесу:

…

«Нашему прусскому национальному чувству гордости наносится глубокая рана. Нами потрачено слишком много усилий, чтобы бездействовать, но мы ничего не можем сделать без Англии, поскольку рисков будет больше, чем вознаграждений. Перед нами ужасная дилемма. Она проистекает из нашей робости, колебаний и нерешительности»30.

И в этих словах много правды. Ни регент, ни его министр иностранных дел фон Шлейниц просто не знали, что делать. Бисмарк – с присущей ему вольностью – намечал такую политику, которая была направлена против Австрии и носила сугубо «германский» характер, ориентированный на альянс с немецким национальным движением, воодушевленным итальянским примером. Вильгельм, принц-регент, не мог ни поступиться своей приверженностью Габсбургам, ни воспользоваться благоприятным моментом для «сотворения» Германии.

Техника политического влияния Бисмарка, как мы это уже видели в предыдущей главе, сводилась к написанию критических посланий генерал-адъютанту короля Леопольду фон Герлаху, который мог передать их содержание монарху во время ежедневных встреч за чашкой кофе с пирожными. Бисмарк набирал политический вес, и министр-президент Мантейфель даже подумывал над тем, чтобы назначить его министром иностранных дел в 1856 году. Сейчас складывалась такая международная ситуация, которая полностью соответствовала наступательному стилю политики Бисмарка. Вновь воспламенилась «национальная» проблема, и ставки возросли. Бисмарк по-прежнему корпел над письмами, но, как он и сам признавал в мемуарах, послания стали «абсолютно бесполезными»: «Единственным результатом моих усилий было… зарождение сомнений в правильности моих докладов»31.

По случайному стечению обстоятельств Бисмарк в июле вернулся в Германию, на этот раз совершенно больным человеком – следствие неверного лечения русским доктором его поврежденного колена32. Он стремился на родину, и недуг послужил серьезным основанием. Отравление возбуждало в нем ярость, о чем Бисмарк писал из Берлина брату в августе 1859 года: «Я довел себя до бешенства, три дня не спал и почти ничего

не ел»33. Позже в этом же году Бисмарк пытался поправить свое здоровье в поместье давнего юнкерского приятеля Александра фон Белова-Гогендорфа. Белов с тревогой отметил опасный и разрушительный характер приступов ярости Бисмарка. 7 декабря 1859 года он писал Морицу фон Бланкенбургу: Бисмарк одержим образами врагов и «экстремистскими мыслями и чувствами». Исцеление – очень простое и истинно христианское: «Возлюби врага своего». Это – самый верный путь к тому, чтобы снять «нарастающее напряжение в занемогшем теле, и наилучшее снадобье против дурных видений и мыслей (*Vorstellungen*), которые могут довести его до могилы»34.

Это был здравый совет. Больная душа Бисмарка нуждалась в исцелении, и для его юнкерских друзей оно в любой момент могло быть получено покаянием, милостью и любовью Божьей. Но трагедия Бисмарка, да и Германии тоже, и заключалась в том, что он за всю жизнь так и не понял, что значит быть истинным христианином, не осознал значения такой добродетели, как смирение, и не увидел взаимосвязи между больным телом и больной душой.

Доктора в Берлине сказали Бисмарку о его «нарастающей ипохондрии», вызываемой тревогами по поводу берлинского образа жизни и расходов на регулярные обеденные застолья с участием по меньшей мере девяти человек, содержание тринадцати слуг и двух секретарей. Ему мерещилось, что его «обкрадывают на каждом шагу»35. Я думаю, что он впервые использовал слово «ипохондрия» в отношении собственной персоны в письме брату, а со временем оно замелькало и в книгах о нем. «Бездомность», отсутствие нормальной семейной жизни, лишь добавляла ему нервозности.Похоже, в это время ему действительно было безрадостно. В конце сентября Бисмарк писал сестре:

…

«Наговорившись до хрипоты с кустарями и государственными деятелями, я чуть не сошел с ума от раздражения, чувства голода и перегруженности… Левая нога все еще слабая, опухает, когда я хожу, нервы никуда не годятся после отравления йодом. Сплю я плохо, лежу пластом, озлобленный и ожесточенный, не знаю – почему»36.

Причины известны. Принц-регент отказался и от его советов, и от него самого. Не раз Бисмарк впадал в депрессию, когда его монарший хозяин выказывал неудовольствие или не уделял ему достаточного внимания. Обычно даже малейший знак внимания поднимал ему настроение. Так и случилось, когда он получил

приглашение сопровождать царя, приехавшего в Польшу поохотиться в своих обширных польских угодьях. Бисмарк, сразу же воспрянув духом, писал Иоганне из Лазенковского дворца в Варшаве 19 октября:

…

«Весь день с его величеством царем Александром II… Могу сказать лишь, что чувствую себя превосходно. Завтрак с императором, затем аудиенция, столь же великодушная, как и в Петербурге. Визиты, обеды с его величеством, вечером – театр, по-настоящему хороший балет, ложи заполнены очаровательными женщинами. Я прекрасно высыпаюсь. Утром на столе меня ждет чай, я выпиваю его и отправляюсь по делам. Вышеупомянутый чай состоит не только из чая, а в него входят также кофе, шесть яиц, три вида мяса, разная выпечка и бутылка бордо… полный комфорт»37.

Признание их величествами и обильная еда творили чудеса с самочувствием Бисмарка.

23 и 24 октября в Бреслау проходили российско-прусские переговоры на уровне монархов. В них участвовал и Роон, приглашенный принцем-регентом и встретивший там Отто Бисмарка, «выразившего серьезные сомнения по поводу всего мероприятия»38. Возможно, он имел в виду военную реформу. В письме Роона жене Анне от 24 октября на этот счет нет ясных указаний, но в следующем послании, отправленном через несколько дней, он жалуется на то, что проект армейской реформы приносит ему только головную боль:

…

«Сколько зависти и превратного толкования исходит даже от таких людей, как Штейнмец, кого я искренне уважаю и ценю. Между нами произошла болезненно эмоциональная сцена. Мы расстались мирно, но чувствовал себя я скверно, и мне понадобилось немало времени для того, чтобы овладеть собой»39.

Роон действительно оказался в сложном положении. Ему поручили возглавить комиссию как заместителю военного министра, в которой он оказался самым младшим офицером – немаловажное обстоятельство в любой военной организации. Отставной генерал Генрих фон Брандт (1789–1868), один из выдающихся военных теоретиков и представителей предыдущего поколения умудренных полководцев, то есть сражавшихся в Наполеоновских войнах, отнесся к новой роли Роона с позиций человека, «все это уже видевшего». Он написал классический труд по тактике, который только что переиздали в 1859 году и

перевели на несколько иностранных языков40. Его самым способным и преданным учеником был майор Альбрехт фон Штош (ему исполнился сорок один год), впоследствии, как и Шлейниц, ставший «врагом» Бисмарка. Ученик и учитель, его бывший командующий, вели активную и достаточно откровенную переписку, представляющую теперь большой исторический интерес. Генерал фон Брандт писал Штошу 19 октября 1859 года:

…

«Повсюду прежняя безалаберщина. Начали наконец открыто говорить о глупостях, которые вдруг вскрываются, и отсутствии информации об организации армии. Позвали Роона поразмыслить над проектом, с которым он выступил в Позене (Познани). Но ему предстоит решить трудную проблему. От него хотят, чтобы он залатал дыры там, где надо полностью разрушить старую систему. Да поможет ему Бог. Армия сейчас находится в состоянии линьки. Невероятные трудности ожидают того, кто решится перестроить армию так, чтобы она могла эффективно действовать»41.

Комиссия провела несколько трудных совещаний, в которых участвовали фельдмаршалы и полные генералы. В их числе был и старина «папа Врангель», фельдмаршал граф Фридрих фон Врангель: ему исполнилось семьдесят пять лет, но он не вышел в отставку, в отличие от более молодого коллеги фон Брандта. Именно фельдмаршал, судя по письму Роона, говорил ему после одного из совещаний, что он непременно должен стать военным министром. Роон писал Анне 4 ноября:

…

«Я должен быть военным министром. У меня твердый характер, в чем он убедился во время дебатов… Лишь я способен провести реорганизацию, и он уже рекомендовал меня на этот пост высочайшей особе самым настойчивым образом…»42

29 ноября 1859 года принц-регент действительно назначил Роона военным министром. Официальное распоряжение датировано 5 декабря. В пятьдесят шесть лет Роон был самым молодым генерал-лейтенантом в прусской армии. Во время аудиенции 4 декабря, перед формальным объявлением о назначении министром, Роон настоятельно просил принца-регента пересмотреть свое решение и подобрать человека с «более подходящей конституционной репутацией». Фон Бонин, занимавший пост военного министра в 1852–1854 годах, вызывал ненависть консерваторов тем, что «зарабатывал себе популярность флиртом с либерализмом»43. Роон вначале тоже

произвел не самое благоприятное впечатление на членов прусского ландтага. Его называли «аскетом», говорили, что он выглядит так, словно «закован в латы», всегда «суров и мрачен» и вообще «реакционер»44. Практически никто не находил в его характере каких-либо признаков мягкости.

Как мы уже знаем, ближайшим другом Роона был Клеменс Теодор Пертес, видный профессор римского права в Боннском университете, основатель Христианского союза миссии спасения (внутренней миссии) и первого общежития для молодых рабочих в Бонне45. Правоверный лютеранин, он с такой же страстью занимался и политикой. Профессор лично знал всех, кто играл какую-либо значимую роль в прусском обществе (семейство Пертесов владело солидным издательским бизнесом), а христианство не мешало ему хорошо разбираться в людях. Несмотря на разные жизненные интересы, Роона и Пертеса связывала многолетняя и прочная дружба. Пертес, хотя и был моложе, стал для Роона духовником, с которым он делился своими мыслями и сомнениями. Пертес не доверял Бисмарку и настраивал соответствующим образом своего друга Альбрехта фон Роона. В декабре 1859 года он послал новому военному министру на удивление провидческое письмо, советуя держаться подальше от реакционеров и ультраконсерваторов газеты «Кройццайтунг», которые попытаются использовать его назначение в своих целях. Профессор предупреждал: он – не калиф на час, ему назначено творить историю. Пертес писал:

…

«Вам предстоит определять, каким станет и какое место в Европе займет государство, от которого зависит судьба Германии. Вашим рукам доверена часть нашей истории. Вы не просто оказались в потоке текущих событий на глазах народов Пруссии, Германии и Европы, вы стали творцом истории. Ни один человек, проявивший интерес к истории Пруссии, не сможет проигнорировать вас»46.

Дирк Вальтер в своей недавней книге о военной реформе в Пруссии специально отметил отсутствие серьезных исследований преобразований, проведенных Рооном47. По его мнению, все они имеют «мифологический» характер. Историки считают их «важными», потому что так думали и военачальники шестидесятых годов, и исследователи, появившиеся после шестидесятых годов. Но так ли это на самом деле? Даже более современные военные историки повторяют старую легенду. Вальтер не обнаружил ни малейших попыток установить, почему простое увеличение нормы призыва на 23 тысячи человек,

создание 49 новых полков и исключение ландвера из полевой армии вызвали столь масштабные качественные последствия48.

А «важными» военные преобразования стали скорее всего в силу того, что приоритетными их сделал Вильгельм I. 12 января 1860 года принц-регент прочитал целую лекцию главным вельможам и генералам о первостепенности реформирования армии. Она произвела впечатление и на Леопольда фон Герлаха, отметившего: «Я узнал много нового… Военная реформа имеет огромное значение, которое со временем станет еще очевиднее»49. Преобразования представлялись настолько важными, что будущий король назначил Роона военным министром, а это обстоятельство тоже приобретало особую важность, поскольку Роон знал Бисмарка еще в подростковом возрасте и высоко ценил его способности. С первых дней вступления в должность министра Роон не уставал склонять регента, а потом короля к тому, чтобы возвысить Бисмарка.

…

Реформы приобретали особую значимость и вследствие конфликта между короной и парламентом, парализовавшего деятельность правительства, и по причине того, что генералы опасались повторения революции 1848 года. И при дворе, и в армии не забыли революционные мятежи и толпы – с того времени прошло всего лишь четырнадцать лет – и эти страхи определяли характер кризиса 1859–1862 годов. Настоятельные напоминания Роона о Бисмарке возымели действие. Бисмарк получил пост министра-президента благодаря программе военных реформ и возникшему в этой связи финансовому тупику. Роон в полной мере воспользовался своим статусом, поскольку как прусский генерал и военный министр он не должен был в соответствии с постановлением кабинета, принятым еще в 1852 году, получать разрешение министра-президента для аудиенции с королем. Он, подобно другим высшим генералам, имел право прямого доступа к монарху. Прусскому генералу не требовались посредники для общения с верховным командующим – королем.

Безусловно, реформы Роона были значимы в военном отношении. Численность действующей армии и активного резерва увеличивалась более чем на пятьдесят процентов. Преобразования гарантировали, что приумноженная армия будет лучше обучена. Трехлетняя действительная служба обеспечивала трансформацию гражданского человека в полноценного прусского солдата, хотя эта концепция и подвергалась нападкам парламентской оппозиции с 1859 года вплоть до Первой мировой войны. Реформы принижали значение народных ополченческих

резервов, что вызывало недовольство офицеров запаса и патриотической буржуазии. Они значительно повышали расходы на содержание армии и, самое главное, сталкивали лбами корону и парламент по животрепещущей прусской проблеме: какой должна быть армия – королевской или парламентской?

Реформы стали приоритетными, потому что так пожелал король. Из всех Гогенцоллернов Вильгельм после Фридриха Великого оказался самым приверженным военачальником. Он был не только выдающимся полководцем, но и мыслителем, обладавшим собственными взглядами относительно будущего прусской армии. Еще в 1832 году Вильгельм написал несколько пространных меморандумов о необходимости трехлетней действительной службы для того, чтобы «превратить крестьянина в хорошего солдата». Третий год службы играет самую главную роль в формировании *Soldatengeist*, воинского духа, способного в смутные времена защитить власть. Волна революционных мятежей, прокатившаяся по Европе в 1830 и 1831 годах, придавала весомость аргументам принца. 9 апреля 1832 года он писал Карлу Георгу фон Гаке, возглавлявшему военное министерство при Фридрихе Вильгельме III50:

«Революционные и либеральные партии Европы постепенно размывают основы, на которых зиждится поддержка и уважение власти сюзерена, лишая его безопасности во времена смут и угроз. Естественной основой такой поддержки служат армии. Чем сильнее воинский дух в армии, тем труднее его сломать. Дисциплина и слепое повиновение могут войти в привычку только в результате длительных усилий, и тогда в момент опасности монарх может положиться на свои войска»51.

Уроки Штейна, Шарнхорста и Гнейзенау были позабыты. Принц-военачальник решил возродить концепцию «повиновения трупа» как единственное средство сохранения абсолютистской власти монарха. Если солдат должен стрелять в своих сограждан, то он должен уподобиться трупу, то есть не задумываться и не испытывать никаких чувств, чтобы не проявить слабость.

Принц – очень наивно – совершенно не принимал в расчет возможную реакцию парламента, а она была откровенно враждебной, когда Роон представил законопроект в феврале 1860 года. Либералы ужаснулись. Особенно их возмутило огромное возрастание бюджетных расходов на армию, этого оплота монархии против того же парламента и представительных институтов. Умеренные либералы пошли на компромисс в отношении обычного военного бюджета, но парламент категорически отказался одобрить предложения Роона по наращиванию армии и увеличению финансирования. Корона и

парламент сцепились рогами, и уступать не желала ни одна из сторон.

Пока Роон осваивал новую должность министра, Бисмарк томился ожиданиями и надеждами. Он не мог уехать в Петербург, не узнав в точности, какое будущее ему уготовано. 21 января 1860 года советник фон Цшок, прусский дипломат в Штутгарте, сообщал Максу Дункеру, либералу и профессору истории:

…

«Со вчерашнего дня пошли слухи о том, что герра фон Бисмарка собираются назначить министром иностранных дел вместо герра фон Шлейница, который заменит Бернсторфа в Лондоне… Имя Бисмарк по-змеиному зловеще звучит не только для всех германских правительств; одного этого имени – как говорил мне министр Хюгель – достаточно не только для того, чтобы поссорить Пруссию со своими союзниками, оно – верно это или неверно – вызывает ненависть в сердцах всех друзей Пруссии…»52

А сам Бисмарк, уже испытывая раздражение, написал Морицу фон Бланкенбургу 12 февраля 1860 года:

…

«От России нам нужно очень мало, от Англии – ничего, австрийцы же и ультрамонтаны для нас хуже французов. Франция может стать нашим врагом из-за высокомерия и невоздержанности, но она по крайней мере может существовать и не воюя с нами. Но Австрия и ее сторонники – Рейхеншпергер53 (видный католический адвокат и политик. – Дж. С.) – могут процветать только на поле, вспаханном и удобренном Пруссией. Цепляться за смешанное романо-славянское государство на Дунае и блудить одновременно и с папой, и с кайзером значит совершать по отношению к Пруссии, лютеранской вере, всей Германии такое же предательство, какое проявлялось при поддержке порочного Рейнского союза. Франция может отобрать у нас самое большее провинции, и то временно, Австрия же может отнять у нас всю Пруссию, и навсегда»54.

Закончился февраль, наступил март. Минули и март, и апрель, а Бисмарк все еще ждал в Берлине решения своего венценосного повелителя. 7 мая он писал Иоганне из Берлина:

…

«Я сижу здесь без дела, и время, похоже, позабыло обо мне, как о Рыжей бороде под Киффхаузером [31] . Три дня потеряв на бесплодные попытки поговорить с министром, я наконец случайно встретил его на обеде у Редернов… Я довольно сухо объяснил ему,

что скорее подам в отставку, но не хочу больше изнывать от скуки и неизвестности. Он настоятельно попросил меня подождать «еще несколько дней» и намекнул на “какие-то перемены”»55.

Во время своего вынужденного праздного пребывания в Берлине Бисмарк вместе с другом детства Морицем фон Бланкенбургом часто наведывались к Роону и обсуждали с ним его новые заботы. Как писал потом Вальдемар фон Роон, сын и биограф Альбрехта, отец нуждался в советах Бисмарка. С Морицем фон Бланкенбургом, возглавлявшим консервативную партию в ландтаге, Бисмарка связывала давняя дружба, как и с Рооном, и, после того как Роон стал военным министром, он посчитал своим долгом его консультировать: в ходе долгих дискуссий между тремя приятелями вскоре установилось полное единство политических взглядов56. Кроме того, Роону была необходима моральная поддержка. Он подвергался нападкам и либералов в парламенте за реакционность, и реакционеров в армии за терпимость и умеренность. В числе последних самым последовательным и самым приближенным к монарху был генерал Эдвин фон Мантейфель.

Эдвин фон Мантейфель (1809–1885) заслуживает биографического исследования не меньше, чем Роон или Мольтке: этот триумвират генералов определял прусско-германскую военную политику вплоть до 1918 года. Он принадлежал к выдающемуся и старинному аристократическому роду, из которого вышла многочисленная плеяда знаменитых военных и государственных деятелей. Его же собственные семейные корни были скромные, предки особым богатством не отличались, а сам он всю жизнь стеснялся своего хрупкого телосложения. Эдвин был близорук и, несмотря на прославленное имя, не оброс связями в высших кругах57. С его кузеном Отто мы познакомились прежде, когда он с 1850 года и до «новой эры» был министром-президентом Пруссии, опекая и продвигая Бисмарка. Эдвин, в отличие от сурового и сдержанного кузена, тянулся к драме и мог наизусть прочесть тысячи строк из Шиллера, чьи произведения очень любил. Гордон Крейг охарактеризовал его как «неисправимого романтика»58. В молодости он служил офицером в элитном гвардейском драгунском полку, затем учился в военной академии, занимал различные командные посты, пока не привлек к себе внимание Фридриха Вильгельма IV и его камарильи. С 1848 года король поручал ему особые дипломатические миссии. В сороковых годах Мантейфель ходил на лекции знаменитого тогда историка Леопольда Ранке (1795–1886), став верным поборником новой исторической науки, которую преподавал Ранке. Ученый

впоследствии вспоминал о Мантейфеле: «Он лучше, чем кто-либо во всем мире, понимал, симпатизировал и душой проникался в суть моих сочинений»59.

Первый значительный государственный пост Мантейфель получил в начале 1857 года, когда Фридрих Вильгельм IV назначил его начальником департамента военного министерства по делам личного состава. Еще до восшествия Бисмарка на вершины власти Мантейфель вывел этот департамент из-под контроля военного министра, подчинив его лично королю и став, таким образом, главой военного кабинета. Эта трансформация произошла 18 января 1861 года, когда новый король Вильгельм I выпустил «примечательное, хотя и не всеми одобряемое правительственное распоряжение о том, что впредь все приказы по армии, касающиеся личного состава, служебных назначений и вопросов, относящихся к командованию, не подлежат контрасигнации министерством…»60

Теперь только глава военного кабинета мог предлагать лично королю назначения офицеров всех рангов. И через тридцать лет генерал фон Швейниц сетовал на «невидимую диктатуру» генерала Эмиля фон Альбедиля, преемника Мантейфеля на посту шефа военного кабинета:

…

«Из-за непомерного разбухания армии кайзер уже не в состоянии следить за повышениями по службе и знать личный состав так же хорошо, как прежде, управлять им так же мудро и по справедливости, как это он делал раньше. Глава военного кабинета в национальном масштабе получил огромную власть, после того как с помощью Бисмарка (Мантейфель сделал это до Бисмарка. – Дж. С .) добился независимости от военного министра, присягавшего конституции. Генерал Альбедиль стал вторым самым влиятельным человеком в стране. У нас немного найдется семей, принадлежащих к высшему обществу и не представленных в армии, поэтому мы в большинстве своем должны либо бояться, либо надеяться на генерала Альбедиля, главного шефа всего личного состава»61.

Перемены в субординации пагубно отразились прежде всего на принятии решений. Мольтке располагался на Беренштрассе, 66, Роон со своим *Kriegsministerium*(военным министерством) – на Лейпцигерштрассе, Мантейфель сидел в королевском дворце и как генерал-адъютант видел короля ежедневно, приходя к нему с докладами. В авторитарном государстве, каким было Прусское королевство, близость и доступ к монарху перевешивали все другие факторы: титулы, достоинства и прочее. После того как

Роон и Мольтке возвращались в свои офисы, шеф военного кабинета оставался наедине с королем и мог выслушать его комментарии, помочь ему составить проекты ответов и даже поучаствовать в формировании высочайшего мнения по проблемам внутренней и внешней политики. *Militrkabinet*становился все более могущественным, и 8 марта 1883 года наконец император убрал его аппарат из списка чинов военного министерства, о чем специально уведомлялось в официальной газете:

…

«В правилах по составлению списков личного состава армии необходимо отразить, что в разделе «адъютантская служба его императорского величества императора и короля» надлежит указывать весь аппарат военного кабинета, в то время как не следует перечислять данные имена в списке чинов военного министерства и под этой рубрикой просто помечать “см. военный кабинет”»62.

Мантейфель инициировал процесс, вызвавший в высшем командовании «войну всех против всех» Гоббса, а поскольку новый императорский флот Штоша перенял модель прусской армии, то хаос перекинулся и на военно-морские силы. О централизации и эффективности управления, к чему стремился Мольтке, можно было позабыть. Мало того, Мантейфель осложнял жизнь Роону своими заявлениями, обострявшими отношения военного министерства с парламентом. 10 марта 1860 года Мантейфель писал Роону о «насущной необходимости в настоящий момент оказывать безусловную поддержку военному кабинету»63. А через день он наставлял военного министра:

…

«Когда дело доходит до принципов, во всем мире стараются идти на уступки и компромиссы и следовать советам не обострять ситуацию, а после того как тот или иной министр проявил благоразумие и критический момент миновал, все начинают говорить: “Не надо было ему поддаваться”»64.

Новые полки в прусской армии надлежало сформировать незамедлительно, вне зависимости от того, одобрит парламент необходимые ассигнования или нет. 29 мая 1860 года Мантейфель предупреждал Роона:

…

«Если полки не будут сформированы тотчас же, то это неблагоприятно отразится и на моральном духе армии, и на

репутации принца-регента»65.

С другой стороны, и Роону, и Мольтке, а позднее и Бисмарку была необходима поддержка Мантейфеля. Он преследовал те же цели, расходясь с ними только в средствах и методах. Мантейфель убедил принца-регента назначить Мольтке начальником генштаба и предоставить ему широкие полномочия. Не был Мантейфель и в полном смысле реакционером, несмотря на некоторые его заявления, сделанные в шестидесятых годах. Когда в 1879 году его назначили генерал-губернатором Эльзаса, подчинявшимся только императору, он поощрял и продвигал по службе эльзасцев. Мантейфель много сделал для того, чтобы эти невольные германские подданные примирились со своей судьбой66. Проблему для Роона он создавал своей горячностью, близостью к королю и двору, блистательностью и литературными наклонностями; Бисмарка, человека сугубо гражданского, он не устраивал тем, что был генералом и для него недосягаемым. Еще в декабре 1857 года Бисмарк жаловался Леопольду фон Герлаху на то, что Эдвин фон Мантейфель разговаривает с ним как «учитель с учеником»: «Эдвин относится ко мне неодобрительно и с подозрением… Эдвин развращен подобострастием… Тем более мне нужны ваши заверения в том, что этот фанатичный капрал, этот Эдвин не полагался на ваше мнение, когда назвал меня недавно сомнительным политическим интриганом, которого надо как можно скорее прогнать из Берлина»67.

Однако именно «сомнительным политическим интриганом» и был Бисмарк на исходе 1857 года: амбициозным, себе на уме, неуравновешенным, появляющимся при дворе без приглашения, и Эдвин фон Мантейфель имел все основания ему не доверять. Тем не менее когда встал вопрос о назначении Бисмарка министром-президентом, Мантейфель выступил в его поддержку. Как и Роон, он прекрасно понимал, насколько полезны для армии умонастроения этого выскочки.

В 1860 году до назначения министром-президентом было еще далеко, и Бисмарк прохлаждался в Берлине в ожидании распоряжений. По всей видимости, принц-регент специально заставлял его «оставаться на месте и ждать»68, что было привычным делом для монарха, но невыносимо для Бисмарка с его бурным темпераментом. Всевластию свойственно сочетать заботу о подданных с полным пренебрежением к ним. Первый раунд с «назначением» Бисмарка министром иностранных дел длился четыре месяца, второй раунд, проходивший уже в 1862 году и связанный с выдвижением его на пост министра-президента, занял еще больше времени и был еще более нервозным. Но неспокойный Бисмарк был готов согласиться и на

менее значительный пост. «Если бы мне к груди приставили пистолет, то я и тогда не отказался бы от должности министра иностранных дел», – признавался он брату69. Ничего этого не случилось. В начале июня 1860 года Бисмарк телеграфировал Шлёцеру из Ковно о том, что прибудет через день или два70. Неопределенность, очевидно, устраивала Бисмарка. После возвращения в Санкт-Петербург он писал советнику Венцелю, бывшему своему подчиненному во Франкфурте:

…

«Я обосновался здесь, изрядно потратившись, на многие годы, и лучшего шефа, чем Шлейниц, мне не найти. Я с ним подружился, и он мне даже нравится. Я искренне хотел бы, чтобы его желание поменяться со мной местами, не сбылось. В роли министра я не продержусь и шести месяцев»71.

Это письмо вовсе не свидетельствует о том, что Бисмарк поставил крест на помыслах стать министром иностранных дел или министром-президентом и решил ограничиться созерцанием Невы из своей посольской резиденции в Петербурге. Один из его непримиримых врагов премьер-министр Бадена барон Франц фон Роггенбах 25 августа 1860 года писал либеральному журналисту и ученому Максу Дункеру о Бисмарке как о «беспринципном юнкере, делающем карьеру демагогией и подстрекательством»72. В этом обвинении есть доля истины, но не вся истина. Он стремился к покою и безмятежности в некой воображаемой сельской глуши, но, реально оказавшись в ней, еще больше заметался и встревожился. Он жестоко относился к друзьям, но всей душой любил брата и сестру. Другая сторона натуры Бисмарка отражена в его посланиях к ним, особенно в нижеследующем письме сестре, наполненном нежными чувствами:

…

«В круговерти дел и вызовов к императору, которые надо исполнять, уподобляясь стрелкам часов, строго по времени, нелегко урвать несколько часов для того, чтобы прийти в себя и написать тебе. Повседневная рутина поглощает каждое мое движение от завтрака и до четырех часов, загружая меня всякого рода обязанностями, связанными с бумаготворчеством или встречами с людьми. До шести я занимаюсь верховой ездой, и лишь после обеда врачом разрешено мне с чрезвычайной осторожностью и только в исключительных случаях притрагиваться к чернильнице. Но мне приходится вместо этого читать поступившие документы и газеты до полуночи. Потом я иду спать

и не могу заснуть, размышляя о тех странных претензиях, которые предъявляют своему послу пруссаки, живущие в России, а засыпаю с мыслями о самой лучшей в мире сестре. Но написать моему ангелу у меня появляется возможность лишь тогда, когда царь назначает аудиенцию на час и мне надо выезжать десятичасовым поездом. Тогда я получаю в свое распоряжение два часа времени и апартаменты самой чудесной из всех бабушек княгини Вяземской, где я сейчас и пишу тебе эти строки… Я поднимаю голову и смотрю в окно на холм, заросший березами и кленами, чьи зеленые листья уже покрываются багрянцем и позолотой. За ними я вижу деревенские крыши цвета зеленой травы, слева проглядываются пять церковных луковок-куполов, а вокруг простираются бескрайние луга, кустарники и леса. Вдали в подзорную трубу в серо-голубой дымке можно рассмотреть золотой купол Исаакиевского собора в Петербурге… После скитаний, начавшихся в 1859 году, ощущения семейной жизни согревают мне сердце, и я крайне неохотно отрываюсь от домашнего очага»73.

Перед нами два Бисмарка: семейный человек, привязанный к домашнему очагу, любящий брат и упорный, расчетливый и жестокий интриган, рвущийся к власти.

Молодого Фридриха фон Гольштейна, приехавшего в январе 1861 года в петербургское посольство на стажировку, поразил безрадостный вид Бисмарка. Позже в мемуарах он описал свое первое впечатление о великом человеке, которого обожествлял, служа под его началом тридцать лет:

…

«Когда я представился ему, он протянул мне руку и сказал: «Добро пожаловать». Он стоял передо мной, вытянувшись во весь свой могучий рост, глядя сухо, без улыбки. Я увидел его именно таким, каким его потом узнал весь мир. Человеком, никому не позволявшим завязать с ним близкие отношения… Тогда Бисмарку было сорок пять лет, он слегка полысел, в светлых волосах пробивалась седина, лицо немного располнело и приобрело землистый оттенок. Он постоянно выглядел сурово-мрачным, даже когда рассказывал смешные анекдоты, что случалось очень редко и только в подходящем обществе. Я никогда не встречал более невеселого человека, чем Бисмарк»74.

Суждение насчет «унылости» Бисмарка могло отражать собственное безотрадное состояние, в котором Гольштейн пребывал последние годы, разочаровавшись в своем кумире, но и холодный прием, оказанный ему при первой встрече, очевидно, произвел соответствующее впечатление на молодого дипломата.

18 января 1861 года тридцать шесть новых пехотных полков, так и не получивших благословение ландтага, пришли со своими знаменами к усыпальнице Фридриха Великого75. Министр-президент фон Ауэрсвальд попросил Мантейфеля поговорить с королем, но Мантейфель высокомерно ответил:

…

«Не понимаю, чего желает ваше превосходительство. Его величество приказали мне устроить военную церемонию. Не хотите ли вы, чтобы я отменил ее только из-за того, что она может не понравиться каким-то людям, сидящим в доме на Денхоф-плац и называющим себя Landtag ? Я генерал, и мне никто не приказывал выполнять инструкции этих людей»76.

Вызывающее поведение Мантейфеля разозлило молодого депутата-либерала Карла Твестена. В апреле 1861 года он опубликовал манифест под названием «Что может нас спасти? Грубое слово»77. Депутат обрушился персонально на Мантейфеля, назвав его опасным политическим генералом, оторванным от армии и не пользующимся ее доверием: «Нужна ли нам битва при Сольферино для того, чтобы избавиться от этого вредоносного человека?»78 Мантейфель потребовал выяснить имя автора, Твестен не стал прятаться, и шеф военного кабинета вызвал его на дуэль, которая состоялась 27 мая 1861 года. Твестен промахнулся, и Мантейфель предложил снять свой вызов, если депутат принесет свои извинения. Твестен отказался, и Мантейфель, гораздо более опытный стрелок, ранил его в правую руку. Когда Мантейфель предложил пожать руки на прощание, Твестен извинился за то, что вынужден дать ему левую руку, сказав: «Вы сами виноваты в том, что я не могу протянуть вам правую»79. Дуэль прославила обоих и придала проблеме отношений с армией эмоциональный характер, чего, собственно, и добивался Мантейфель. Горячий и острый на язык Твестен еще больше разжег конфликт.

Регент был вне себя, когда узнал о дуэли. «Целый ворох неприятностей», – сказал Вильгельм военному министру Роону. Дуэли были запрещены законом, а это был к тому же далеко не обычный поединок: стрелялись шеф военного кабинета и депутат парламента. Вильгельму пришлось снять с должности Мантейфеля и предать его суду военного трибунала. Регент переживал проступок своего самого доверенного придворного как личную трагедию:

…

«Теперь у меня не будет помощника, демократы могут

торжествовать – им удалось убрать его с моих глаз; моя семья потрясена. Все это будто специально устроено, чтобы вывести меня из равновесия и запятнать мое правление. Что еще мне уготовили Небеса?»80

В начале июня группа либералов, включая и раненого Твестена, организовала новую партию – *Deutsche Fortschrittspartei*, Германскую прогрессистскую партию с лозунгами национальной государственности, сильного правительства, парламентского полновластия и местного самоуправления. По сути, это была первая партийная программа в истории Германии81. Новая партия моментально стала самой многочисленной в ландтаге.

Одновременно возник еще один предлог для политической потасовки – коронация Вильгельма I королем Пруссии. Либералы настаивали на том, чтобы он присягал на конституции, Вильгельм напрочь отказался. Он намеревался провести традиционную феодальную церемонию оммажа. Роон решил, что пришла пора действовать, то есть вызывать Бисмарка в Берлин. 28 июня 1861 года военный министр послал Бисмарку телеграмму следующего содержания: «Срочно выезжайте в запланированный отпуск. *Periculum in mora*(Промедление опасно)». Телеграмма ушла за подписью Морица К. Хеннинга, чтобы Бисмарк сразу понял: она – от его друга Морица Карла Хеннинга фон Бланкенбурга. Изречение *Periculum in mora*появится впоследствии и в более знаменитых телеграммах 1862 года82.

Бисмарк не стал торопиться с ответом. 1 июля он составил письмо, на следующий день добавил к нему абзац и отправил послание в Берлин, дополнив его еще несколькими фразами, лишь 3 июля с английским курьером. Он не спешил войти во власть, пока не принята его политическая повестка дня. Коронация – слишком тривиальный повод для свержения кабинета Ауэрсвальда, а приоритеты во внутренней и внешней политике расставлены неверно: консервативные за рубежом и либеральные дома. В июльском письме Бисмарк объяснял Роону:

…

«Добропорядочные роялистские массы ничего не поймут, а демократы все извратят. Лучше со всей твердостью отстаивать военный вопрос, порвать с палатой, объявить новые выборы и показать нации, как народ поддерживает своего короля»83.

Письмо свидетельствует: летом 1861 года Бисмарк уже располагал программой действий, которые он предпримет в 1863 и 1864 годах. Никаких уступок либерализму дома, бескомпромиссная борьба за решение военной проблемы в свою пользу – любой ценой и без оглядки на возможные негативные

результаты на выборах, агрессивная внешняя политика за рубежом, завоевывающая популярность в народе. «Мы почти такие же тщеславные, как и французы, – доказывал Бисмарк. – Если мы сможем убедить самих себя в том, что нас уважают за рубежом, мы многого добьемся и в своей стране»84. Бисмарк приехал в Берлин, откуда Шлейниц отправил его в Баден, а Роон в это время перемещался совсем в другом направлении. Они просто-напросто не смогли скоординировать время и место встречи, несмотря на экстренную необходимость все обсудить. Как теперь легко договариваться с помощью сотовой связи!

В сентябре, проводя отпуск в Штольпмюнде, Бисмарк изложил свое видение решения германской проблемы в письме близкому другу Александру Эвальду фон Белову-Гогендорфу. Именно в этом послании, на мой взгляд, Бисмарк наиболее ясно выразил и свое презрение к мелким князькам, и собственный особый, нетрадиционный консерватизм. Конечно, надо учитывать, что Бисмарк писал очень близкому другу, тому самому, который выхаживал его, когда он болел, и предписывал христианскую любовь как верное средство излечения от депрессии. Можно представить, что испытывал благочестивый сельский помещик, читая эти циничные сентенции:

…

«Солидарность интересов консерваторов всех стран – опасная фикция… Мы дошли до того, что превращаем антиисторический, безбожный, противозаконный и мошеннический суверенитет германских князей в излюбленную тему для консервативной партии Пруссии. Наше правительство, в сущности, либеральное у себя дома и легитимистское во внешней политике. Мы отстаиваем права зарубежных монархий с большим рвением, нежели защищаем свою собственную королевскую власть. Мы нянчимся с маленькими суверенитетами, созданными Наполеоном и санкционированными Меттернихом, закрывая глаза на угрозы, исходящие для независимости и Пруссии, и Германии от существующей безумной федеральной конституции, которая является не чем иным, как рассадником и центром притяжения опасных революционных и сепаратистских движений…

Кроме того, я просто не понимаю, почему мы стыдливо отворачиваемся от идеи народной ассамблеи, сформированной на федеральном уровне или в рамках таможенного парламента; этот институт действует в каждом германском государстве; без него и мы, консерваторы Пруссии, уже не можем обойтись, и его едва ли можно назвать революционным изобретением»85.

Такого сорта *Realpolitik*не признает благочестивых христиан,

считающих себя консерваторами в силу своей веры, а не политического эгоизма. Теперь Бисмарк уже без колебаний стремился довести свои концепции до сведения и тех, кого они могли заинтересовать, и тех, кому они были совершенно ненадобны.

Тем временем регент все-таки пошел на уступки, и коронация состоялась без каких-либо осложнений в Кёнигсберге 18 октября 1861 года. Бисмарк присутствовал на церемонии, но написал сестре не об этом историческом событии, а о том, как оно отразилось на его здоровье:

…

«Последствия сквозняков, продувавших все коридоры, и необходимость за день трижды сменить одеяния все еще ощущаются в моих конечностях. Восемнадцатого, прежде чем выйти во двор дворца, я предусмотрительно надел теплую военную форму и парик, в сравнении с которым парик Бернхарда выглядел бы пучком волос; если бы я два часа стоял с непокрытой головой, то это могло бы закончиться для меня плачевно»86.

Уступка регента по проблеме коронации никак не отразилась на настроениях избирателей. 6 декабря 1861 года в нижнюю палату были избраны 352 депутата: среди них 104 были прогрессистами, представителями крупнейшей партии, 48 – тоже считались либералами, 91 принадлежал к партии «конституционалистов» (умеренных либералов, поддерживавших правительство Ауэрсвальда). Иными словами, депутатский корпус нового ландтага на 69 процентов состоял из людей либерального толка, и самое экстремистское крыло составляло большинство. Численность консерваторов – друзей Бисмарка сократилась с 47 до 14 – сокрушительное поражение для правящего юнкерского класса87.

3 апреля 1862 года Эдвин фон Мантейфель в письме Роону с энтузиазмом предсказывал революцию:

…

«Я не признаю никакой другой битвы, кроме как с оружием в руках, и мы сейчас на полпути к ней. Разве отмена трехлетней воинской службы не навредит престижу его величества?.. Армия не поймет этого; ослабнет вера в короля, не говоря уже о последствиях для морального состояния войск… Скоро мы увидим окровавленные головы, а потом выборы с хорошими результатами»88.

Макс Дункер, либеральный журналист, перефразировал 42-й псалом, чтобы обрисовать сложившуюся ситуацию: «Как лань

желает к потокам воды, так армия желает мятежей» [32] 89.

И в этой раскаленной политической атмосфере 6 мая 1862 года состоялись новые выборы. К 18 мая завершился второй этап выборов: результаты были катастрофические для правительства короля. Левые либералы получили 29 мест в дополнение к тем, которые они имели в 1861 году, теперь уже 133 депутата образовали самую большую партийную фракцию в ландтаге. Другие либералы удвоили свое представительство – с 48 до 96 человек, число «конституционалистов», поддерживавших правительство «новой эры», сократилось с 91 до 19. Статистика свидетельствовала о значительном полевении ландтага. Левым либералам теперь принадлежало 65 процентов депутатских мест, у сторонников короля осталось всего лишь одиннадцать кресел90.

Но действительно ли Пруссия оказалась на пороге революции? Или же это был очередной «поворотный момент», во время которого ничего на самом деле не «поворачивается»? Скорее всего правильный вывод второй. Структурные факторы указывают на то, что никакой революции не назревало. Трехклассная избирательная система, введенная конституционной поправкой 1850 года, была очень своеобразной. Первый класс составляли 5 процентов налогоплательщиков, второй разряд состоял из 13 процентов, а третий – из 81. Избирательное право было всеобщее, но абсолютно неравное и отдававшее предпочтение состоятельным людям. Для иллюстрации мы возьмем данные о выборах 6 декабря 1861 года, показывающие численность избирателей, имевших право голоса, и их пропорциональное соотношение в процентах по классам:

Класс I	159 200	(4,7%)
Класс II	453 737	(13,5%)
Класс III	2 750 000	(81,8%)[91]

Несмотря на многочисленность малоимущего третьего разряда, исход выборов зависел от зажиточной части населения [33] . Налоговый ценз гарантировал, что только малая часть избирателей могла быть причислена к первому классу. На некоторых участках вообще могло не оказаться избирателей, если не была зарегистрирована необходимая сумма налогов. С другой стороны, сложная двухступенчатая избирательная система (избирались выборщики, которые затем голосовали за кандидатов в депутаты) и строгий отбор препятствовали широкому участию масс в выборах. Явка на выборы в третьем разряде всегда была низкой, обычно менее двадцати процентов. Активность проявляли, по обыкновению, избиратели первого и второго

классов. Германская прогрессистская партия казалась Мантейфелю опасной, но она представляла богатую и высокообразованную буржуазию, которая менее всего способна на то, чтобы выйти на улицы и воздвигать баррикады перед королевским дворцом.

Мы говорим так, потому что знаем: либералы никогда еще не поднимали революцию и не оказывали даже пассивного сопротивления, вроде организации налогового бойкота – отказа от уплаты налогов до тех пор, пока ландтагу не будет предоставлено право контролировать бюджет армии. Налоговая забастовка недавно вынудила сесть за стол переговоров курфюрста Гессен-Касселя, вознамерившегося управлять без сейма. Но можно ли было сохранять уверенность в том, что непрестанная агитация либералов-прогрессистов не выведет в конце концов людей на улицы? Мантейфель и группа экстремистов среди высших чиновников рассчитывали на то, что «дурные головы» дадут им повод для реставрации абсолютной монархии, аннулирования конституции, удушения избирательной активности и создания военной диктатуры. Такого поворота событий не желали ни король, ни Роон, а последний стремился к длительному компромиссу – к неудовольствию Мантейфеля.

В апреле 1862 года король все-таки решил вызвать Бисмарка из Петербурга в Берлин для консультаций. 12 апреля Бисмарк сообщал Роону о том, что скоро прибудет в Берлин и его переведут либо в Париж, либо в Лондон92. Через несколько дней он уже писал бывшему сослуживцу во Франкфурт о том, что до сих пор пребывает в неведении насчет нового назначения и должен ехать в Берлин для выяснения своего будущего: «Я переезжаю, не зная в точности куда, и должен продавать спешно и мебель, и все остальное имущество, теряя на этом большие деньги»93. Когда Бисмарк явился в Берлин, он оказался в уже знакомой ситуации: король все еще раздумывал. Бисмарк писал Иоганне 17 мая 1862 года: «Наше будущее по-прежнему неопределенно. В Берлине настроены на центральный вариант (министерский пост. – *Дж. С.*). Я не «за» и не «против», но напьюсь от радости, если получу аккредитацию в Париж»94. Теперь мы уже знаем, что Бисмарк умел скрывать свои истинные желания. Из других источников совершенно ясно, что он хотел только одного: стать министром-президентом. В мае 1862 года Роон в своих записях особо отметил, что «король несколько раз принимал Бисмарка для продолжительных аудиенций»: «Бисмарк имел длительные беседы с некоторыми министрами и каждый день наведывался в военное министерство. Его назначение вот-вот состоится»95.В разгар министерского кризиса, 21 мая 1862

года друг Роона Клеменс Теодор Пертес составил очень примечательное описание личности Бисмарка в канун его назначения:

…

«Бисмарк-Шёнхаузен обладает исключительным духовным мужеством. Твердость и решительность натуры передает жесткий и энергичный тон всех его выступлений. Он способен вести за собой людей. В прошлом большого политического опыта и политического воспитания не имел… Характер противоречивый. Жена, урожденная Путткамер, – правоверная лютеранка, знакомая Тадден-Триглаффа, относящаяся к нему с большим почтением. Бисмарк имеет склонность к тому, чтобы стать лютеранином, но слишком безответственен для этого. Ему свойственна рассеянность, и он легко поддается чувствам симпатии и антипатии… Бисмарк абсолютно честен и искренен, но его политические действия могут быть аморальными. По натуре своей он склонен к злопамятству и мстительности, однако религиозная чувствительность и благородство души позволяют ему держать эти эмоции под контролем»96.

Пертес в этом кратком обзоре уловил самое главное – двойственность и противоречивость натуры Бисмарка. Я бы усомнился в «абсолютной честности и искренности» Бисмарка. Мы знаем из его собственных свидетельств о том, что он постоянно лгал и родителям, и жене Иоганне, и я не нахожу никаких доказательств того, что христианская вера хоть как-то притормаживала его мстительность. Фон Белов продемонстрировал нам, как мало в сердце Бисмарка было христианской любви. Но Пертес в целом верно предугадал внутреннюю борьбу, которой будет характеризоваться многолетнее пребывание во власти Бисмарка. Современники интуитивно постигали те свойства его натуры, которые могли опустить потомки.

23 мая 1862 года Бисмарк мог сообщить жене о том, что его, похоже, пошлют в Париж, хотя «не исключен и иной исход. Меня чуть было не взяли за бока. Мне надо поскорее уезжать… Им будет легче найти другого министра-президента, если я не буду мозолить глаза»97.

Через пару дней он написал и жене и брату: «Все готовы поклясться в том, что мое место здесь, и если я поеду в Париж, то ненадолго»98. 30 мая Бисмарк прибыл в Париж и 2 июня сообщал Роону: «Добрался я в целости и сохранности и живу, как крыса в пустом амбаре». Он с явным намеком выражал надежду на то, что король подыщет себе другого министра-президента, и объяснял,

почему его не устроит пост министра без портфеля:

…

«Должность совершенно негодная: ничего не решать и за все отвечать; везде совать свой нос, когда тебя об этом не просят; получать нахлобучки от всех, кому есть что сказать»99.

Роон ответил: «Вчера имел возможность поднять вопрос о министре-президенте в высших сферах и встретил ту же реакцию: предпочитают вас, но никак не могут решиться. Что я могу сделать? И чем это закончится?»100 Роон описал безысходную ситуацию, сложившуюся в новом ландтаге, собравшемся первый раз 19 мая 1862 года: только депутатское большинство способно обуздать демократов, а это в данный момент представляется немыслимым: «В данных условиях логично предположить, что сохранится нынешнее правительство»101. Бисмарк прокомментировал: «Это значит, что я не предприму никаких контрмер и маневров… Я не пошевелю и пальцем»102.

В конце июня Роон в некотором возбуждении призывал Бисмарка:

…

«Мужайтесь! Побольше активности за границей и на родине! Побольше остроты в эту драму. Вы незаменимы… разве можно допустить, чтобы Пруссия скатилась на дно? – Мы должны бороться до последней капли крови. Нож с самым острым лезвием бесполезен, если некому взять его в руки. Вы сейчас где-нибудь в Лондоне, Виши или Трувиле. Не знаю, где и когда вы получите это письмо…»103

Действительно, когда Роон отправлял письмо, Бисмарк приехал в Лондон, где оставался до 4 июля. Во время этого визита в доме русского посла Бруннова он познакомился с Бенджамином Дизраэли, писателем, денди, блестящим оратором, единственным его конкурентом по остроте ума и политической энергии. Дизраэли, уже побывавший в роли и спикера палаты общин, и министра финансов в правительстве лорда Дерби в 1852 году, в те дни находился в длительной оппозиции. Оказавшись вне рамок государственной службы, он возглавил консервативную партию, которая в 1868 году сделала его премьер-министром. Дизраэли аккуратно записал заявление Бисмарка относительно своих политических намерений, сделанное посланником с удивительной откровенностью:

…

«Меня скоро заставят взять на себя руководство прусским

правительством. Первым делом я реорганизую армию – с помощью ландтага или без оной… Как только армия выйдет на уровень, вызывающий уважение, я под первым же удобным предлогом объявлю войну Австрии, распущу германский сейм, подчиню малые государства и осуществлю национальное объединение Германии под эгидой Пруссии. Я прибыл сюда для того, чтобы сказать все это министрам королевы».

По дороге домой Дизраэли проводил до австрийской резиденции посланника Вены графа Фридриха Фицтума фон Экштедта. Когда они прощались, Дизраэли сказал Фицтуму: «Берегитесь этого человека. Он умеет не только говорить. У него дела со словами не расходятся»104.

5 июля Бисмарк возвратился в Париж, где его ждали письма Роона. Посол наскоро и вкратце описал свои впечатления от поездки в Англию: «Только что приехал из Лондона, где о Китае и Турции знают больше, чем о Пруссии… Если мне предстоит пробыть в Париже дольше, то я должен обосноваться здесь с женой, лошадьми и слугами. Я должен знать, что и когда буду есть…»105 А в письме жене, назвав посольский дом в Париже «жутким», Бисмарк изложил предложения, как превратить его в достойное жилище106. Планы на будущее пока оставались по-прежнему туманными. 15 июля Бисмарк писал Роону: «Я не собираюсь бросить якорь в Берлине и давить на короля. Не поеду я домой и по той причине, что опасаюсь оказаться пригвожденным на неопределенное время в каком-нибудь постоялом дворе…»

Тем временем Роон ушел в отпуск. Перед отъездом из Берлина он в письме другу Пертесу с грустью обрисовал свое непростое положение:

…

«Я нажил решительных и зловредных врагов, немножко меня боящихся, и любезных друзей, немножко прощающих меня за бессилие. В определенных высших кругах меня считают la bte [34] , для других же я – pis-aller [35] , последний надежный гвоздь в шаткой структуре. Поскольку моя значимость переросла мои реальные возможности, я чувствую необходимость в минутах покоя, позволяющих отвлечься на чтение жизнеописаний Стаффорда и Латура, благородных графов, которые, как и я, страстно желали служить своим сюзеренам, с той лишь разницей, что дело, которому я служу, нужнее. Много лет назад я предрек себе, что «виной моей смерти будет шея», и теперь это пророчество приобрело еще одно смысловое содержание»107.

Действительно, с годами астма, которой страдал Роон,

обострялась, и можно сказать, виной его смерти «стала шея».

Бисмарк же отправился проводить отпуск на юг Франции. С 27 до 29 июля он находился в Бордо, а 1 августа – в Сан-Себастьяне. 4 августа Бисмарк прибыл в Биарриц, откуда с удовольствием описывал Иоганне открывавшиеся перед ним «чарующие виды на синеву моря и волны, перекатывающие между утесами к самому берегу и маленькому домику на нем гребни белой пены»108. Здесь он сдружился с князем и княгиней Орловыми и уже вместе с ними две недели наслаждался морем, солнцем и прогулками. Орловы принадлежали к самым высшим кругам русского дворянства. Князь Николай, приятной наружности, обаятельный дипломат, участвовал в Крымской войне, был тяжело ранен, потерял глаз и чуть не лишился руки. Его жена княгиня Трубецкая происходила из еще более аристократической и богатой семьи. Тогда ей было двадцать два года, то есть примерно столько же лет, сколько и Марии фон Тадден в день ее первой встречи с Бисмарком. Нет никаких сомнений в том, что Бисмарк воспылал к княгине той же любовью, которую питал к Марии, запрещенной и недоступной. Они вместе прогуливались, купались, загорали под солнцем, обменивались взглядами. У Бисмарка пробудился интерес к жизни, и он писал Иоганне:

…

«Рядом со мной самая очаровательная из женщин, и ты, безусловно, полюбила бы ее, если бы узнала получше: немного похожа на Марию фон Тадден, немного – на Нади, но совершенно самобытная, забавная, умная и милая…

Когда вы встретитесь, ты простишь мне мои восторги… Я чувствую себя до смешного здоровым и счастливым – в той мере, в какой это возможно вдали от дорогих моему сердцу людей»109.

В таких же тонах Бисмарк написал и сестре, добавив, правда: «Ты же знаешь, что подобные вещи случаются со мной иногда, не нанося никакого вреда Иоганне»110. Можно лишь догадываться о том, как отнеслась Иоганна к сравнению Екатерины с Марией.

Нам трудно судить и о том, какие чувства испытывала Екатерина. Ее внук, опубликовавший переписку бабушки с Бисмарком в разгар Второй мировой войны, не нашел в их отношениях ничего предосудительного. Бисмарк называл ее «Катти», а она его «дядей»: он все же был старше ее на двадцать пять лет. Мне представляется, что она была польщена и зачарована магнетизмом, исходившим от блистательного пруссака, но в ее отношении к нему не было даже и намека на любовь. Бисмарку пришлось расстаться с курортной идиллией

Биаррица, но переписка продолжалась еще несколько лет, самая интенсивная и напряженная в его жизни. Их отношения внезапно прервались – через три года, когда Бисмарк, уже будучи министром-президентом, желая приобщиться к восторгу, испытанному в 1862 году, в сентябре 1865 года вывез семью в Биарриц, предварительно сообщив Катти о своих планах. После того как Бисмарки приехали в город, разместившись в отеле «Европа», все дни, не переставая, лил дождь. Катти так и не появилась, не прислав даже и записки. Она забыла о своем обещании, и они с мужем решили провести отпуск в Англии. 3 октября 1865 года Катти прислала письмо с извинениями: «Дорогой дядя, что вы теперь подумаете обо мне? Я оказалась плохой племянницей, нарушив данное вам слово. Увы, но нам на этот раз пришлось отказаться от нашего любимого Биаррица…»111 Бисмарк не отвечал две недели, а когда написал ответное послание, в нем перемешались и формальный тон, и горечь:

…

Дорогая Екатерина!

Верно, вы сыграли со мной шутку, выходящую за рамки привилегий « mchante enfant » [36] , так как он уже повзрослел и приобрел скверные манеры… Вы сделали бы мне большое одолжение, если бы предупредили меня об изменении ваших планов… Я специально ждал отбытия моего знакомого, чтобы свободно написать вам о mischief [37] (написано по-английски. – Дж. С .), причиненном мне вашим молчанием… Мне больно видеть, как быстро забыт несчастный дядя, для которого исключительно важно малейшее проявление душевности. Но я прошел слишком большой жизненный путь, и у меня крайне мало шансов…112

В этом месте письмо обрывается: якобы продолжение отсутствует. Я полагаю, что князь Орлов подверг цензуре письмо и убрал чересчур откровенные фразы. Но и с купюрами нельзя не заметить, как тяжело перенес Бисмарк разрыв с Екатериной. Влюбленность пятидесятилетнего мужчины в женщину, которая вдвое его моложе, может показаться кому-то нелепой, а кому-то и естественной. В любом случае налицо – боль отверженности. Жажда любви красивой женщины – одна из характерных деталей личности великого Бисмарка, и не самая последняя.

На обратном пути в Париж, в Тулузе, Бисмарк получил пространное письмо от Роона, датированное 31 августа:

…

Мой дорогой Б.! Надеюсь, вы догадываетесь, почему я не

ответил вам раньше. Я ждал и продолжаю ждать решения или по крайней мере такой ситуации, которая поспособствует развязке… Полагаясь на ваше согласие, я намерен рекомендовать, чтобы вас временно назначили министром-президентом без портфеля, чего я прежде хотел избежать. Но другого пути нет! Если вы категорически против этого, то дезавуируйте меня или заставьте замолчать. Седьмого числа у меня личная аудиенция с государем… У вас есть еще время для возражений… Пока никакой внутренней катастрофы не произойдет, но к весне вы должны быть на месте113.

12 сентября Бисмарк ответил Роону из Тулузы. Положение его невыносимо. Все имущество раскидано по Европе, основная часть так и останется на зиму мерзнуть в Петербурге, если не выяснится наконец, куда отсылать вещи. Наступил момент, когда он уже был готов согласиться на что угодно, лишь бы покончить с неопределенностью. «Если вы гарантируете мне эту или любую иную определенность, я подрисую ангельские крылья на вашей фотографии»114, – написал Бисмарк.

17 сентября 1862 года Роон выступил в ландтаге с примирительной речью. Правительство вовсе не хотело разжигать то, что сейчас называется «конфликтом». Напротив, оно стремилось прийти к согласию по «наболевшим проблемам»115. Бисмарк написал в мемуарах:

…

«В Париже я получил следующую телеграмму, подписанную условленным именем:

“Берлин, 18 сентября.

Periculum in mora. Поспешайте.

Дядя Морица Хеннинга”»116.

Этот прием, как мы уже видели, Роон использовал во время предыдущей попытки вознести Бисмарка на пьедестал министра.

22 сентября 1862 года Роон отправился в Бабельсберг с докладом о голосовании в ландтаге: депутаты большинством голосов – 308 против 11 – одобрили бюджет на 1862 год и большинством голосов – 273 против 68 – отвергли всю программу реформирования армии, являвшуюся частью бюджета. Подали прошения об отставке Гогенлоэ, Хейдт и Бернсторф. Король обратился за советом к Роону. Тот ответил: «Ваше величество, вызывайте Бисмарка». Король сказал: «Он не желает, а сейчас тем более не захочет. Кроме того, его сейчас здесь нет, и с ним ничего нельзя обсудить». Роон: «Нет, он здесь. И он охотно примет распоряжение вашего величества»117. Бисмарк появился в Берлине 20 сентября118. Вот как он описал в мемуарах

дальнейшие события:

…

«…Я был приглашен к кронпринцу. На его вопрос, как я оцениваю ситуацию, я мог ответить лишь весьма сдержанно, так как последние недели не читал немецких газет… О впечатлении, какое произвела моя аудиенция, я узнал из сообщения Роона, которому король, имея в виду меня, сказал: «От него тоже не будет толку, он уже побывал у моего сына». Я не сразу понял тогда все значение этих слов, так как мне не было известно, что король носился с мыслью об отречении от престола; он же предположил, что я, зная или догадываясь об этом, старался заручиться расположением наследника» [38] 119.

Несмотря на подозрения, король тоже пригласил Бисмарка на аудиенцию:

…

«На самом же деле я и не думал об отречении короля, когда был принят 22 сентября в Бабельсберге; ситуация стала ясна мне лишь тогда, когда его величество определил ее примерно так: «Я не хочу править, если не могу действовать так, чтобы быть в состоянии отвечать за это перед Богом, моей совестью и моими подданными. Но этой возможности я не имею, раз я должен править по воле нынешнего большинства ландтага; я не нахожу более министров, которые были бы согласны возглавить мое правительство, не заставляя меня и самих себя подчиняться парламентскому большинству. Поэтому я решил отречься и набросал уже проект акта об отречении, обосновав его вышеизложенными причинами». Король показал мне лежащий на столе документ, написанный им собственноручно; был ли он уже подписан или нет, не знаю. Его величество закончил разговор, повторив еще раз, что без подходящих министров он не может править.

Я ответил, что его величеству уже с мая известно о моей готовности вступить в министерство; я уверен, что вместе со мною останется при нем и Роон, и не сомневаюсь, что нам удастся пополнить состав кабинета, если мой приход побудит других членов кабинета уйти в отставку. После некоторого размышления и разговоров король поставил передо мной вопрос, согласен ли я выступить в случае назначения министром в защиту реорганизации армии, и, когда я ответил утвердительно, задал второй вопрос: готов ли я пойти на это даже против большинства ландтага и его решений? Когда я снова ответил согласием, он наконец заявил: «В таком случае мой долг попытаться вместе с

вами продолжать борьбу, не отрекаясь от престола». Уничтожил ли он лежавший на столе документ или сохранил его in rei memoriam (на память), я не знаю [39] »120.

Решение назначить Бисмарка министром-президентом неизбежно должно было создать королю Вильгельму головную боль дома. Кронпринцесса пометила в дневнике, что королева придет в отчаяние. 23 сентября 1862 года она записала: «Бедная мама! Как же она расстроится, узнав о назначении своего злейшего врага!»121 Еще в июле королева Августа заявляла:

…

«Будучи посланником при бундестаге, герр фон Б. всегда возбуждал в правительствах, дружественных Пруссии, недоверие, а дворам, враждебным Пруссии, внушал такие политические взгляды, которые не отражают позицию Пруссии в Германии, представляя ее как угрожающую великую державу»122.

Началась борьба между королевой и министром-президентом. Ненависть королевы не была плодом воображения Бисмарка, как в свое время зловредность несчастных стенографисток в рейхстаге. Она стала его лютым врагом и всеми силами старалась от него избавиться.

24 сентября 1862 года Блейхрёдер писал барону Джеймсу де Ротшильду:

…

«У нас правительственный кризис. Герр фон Бисмарк-Шёнхаузен как министр-президент формирует новый кабинет. Роон, военный министр, остается, и уже одно это свидетельствует о том, что конфликт между палатой и короной не разрешится… Похоже, мы получим полностью реакционное правительство»123.

Такая перспектива беспокоила даже друзей Бисмарка, хотя и по иным причинам. О вызове Бисмарка в Берлин все узнали моментально. 20 сентября, еще до аудиенции, Людвиг фон Герлах написал Клейсту-Ретцову:

…

«Какие бы опасения Бисмарк ни вызвал у меня не только с точки зрения отношений с Австрией и Францией, но и в плане Божьих заповедей, я бы не стал выступать против него, потому что не знаю более подходящей кандидатуры. Если и он не справится, то нам останется полагаться только на Господа. Не могли бы вы позвать в Берлин Морица как политического духовника Роона? Да и для пользы Бисмарка?»124

«Ганс фон Клейст сообщил 22 сентября о том, что отправил в Берлин своего друга, добавив: “Бисмарк полон сил и в прекрасном настроении. Я думаю, что мы поступаем несправедливо, упрекая его в сомнениях в истинности катехизиса”»125.

Бисмарк вступил в должность и сразу же начал приводить в порядок свои дела. Он попросил Венцеля во Франкфурте разыскать своего бывшего повара Рипе и выяснить у него, согласится ли корифей кухни переехать в Берлин. Заодно новый министр-президент сообщил Венцелю о том, что граф Бернсторф между 7 и 10 октября отправляется прусским послом в Лондон, а Бисмарк займет пост и министра иностранных дел126.

Кризис, похоже, никого не оставлял равнодушным. Майор Штош писал своему другу, судье-либералу Отто фон Хольцендорфу:

…

«Все только и обсуждают слухи об отставке короля. Кто знает, возможно, это и был бы правильный политический шаг? Если король уступит и прогрессисты победят, то мы попадем в водоворот теоретических революций, мелочной догматической склоки и амбициозной, оторванной от жизни демократии. Кронпринц всячески пытается переубедить отца. Мой генерал (Генрих фон Брандт. – Дж. С .) считает, что в армейской сфере ничего не произойдет, поскольку общество пожилых господ, которых они используют в качестве советников, не осмелится сказать то, чего не хотят слышать в высших кругах. Мантейфель держит в руках кукол и назначает им роли»127.

Штош еще не осознал роли нового министра-президента. Отто фон Бисмарк, а не Мантейфель «держал в руках кукол». Тем временем Бисмарку предстояла схватка с воинственным ландтагом. 29 сентября он отозвал бюджет, совершив свой первый провокационный акт на посту главы исполнительной власти. Следующий демарш Бисмарк предпринял, выступив в парламентской бюджетной комиссии, притоне оппозиции. Эта речь получила наибольшую известность, и ее стоит процитировать:

…

«Пруссия должна крепнуть и беречь силы для благоприятного момента, который уже неоднократно появлялся и бесследно исчезал. Ее границы, установленные договорами в Вене, непригодны для полноценного существования государства. Великие проблемы нашего времени решаются не речами и резолюциями большинства – это были колоссальные ошибки 1848 и 1849 годов, – а кровью и железом»128.

Этот текст не вызовет удивления у внимательных читателей, каких, я надеюсь, немало. В течение многих лет Бисмарк говорил примерно то же самое в самых разных аудиториях. В мае 1862 года он изложил тот же самый аргумент министру иностранных дел фон Шлейницу, использовав аналогичную фразу – *ferro et igni*, «железо и огонь», по смыслу близкую к «железу и крови». Конечно, латинский язык отличается от немецкого, как и частное письмо от публичного выступления перед комиссией нижней палаты парламента. Но разница не только в этом. Бисмарк и его идеи остались прежними. Изменилась атмосфера. И Бисмарк переоценил свою значимость.

Я не сомневаюсь в том, что он применил тактику кнута, учитывая достаточно узкий характер слушаний на бюджетной комиссии. Но Бисмарк недооценил – редкий случай – влияние своей «давней репутации человека с безответственными

силовыми склонностями». Либералы в нижней палате и в целом по стране решили, что король назначил Бисмарка, желая спровоцировать ландтаг на совершение еще более безрассудных действий, с тем чтобы кукловод Мантейфель вынудил монарха объявить военное положение и распустить парламент. Тогда армия оккупирует Берлин, и в стране утвердится режим военно-монархической диктатуры. Наполеон III 2 декабря 1851 года поступил именно таким образом, и ему все сошло с рук, хотя Франция имеет гораздо более богатый опыт в организации революций и беспорядков, чем Пруссия. В своем разгоряченном воображении люди вроде Твестена только так могли объяснить назначение министром-президентом столь одиозного, упорного и неисправимого реакционера, как Отто фон Бисмарк. А знатоки истории могли усмотреть в этом аналогию с возвышением в 1829 году французским королем Бурбоном князя Жюля Полиньяка, самого отъявленного и непримиримого ультра из всех имевшихся в наличии. Тем самым Карл X подал знак о конце конституционной монархии во Франции и спровоцировал революцию, последовавшую в 1830 году. Не повторится ли такой же сценарий и в Пруссии?

Бряцание «железом и кровью» могло поставить крест на карьере Бисмарка, и это чуть было не случилось. Просвещенная часть общества была шокирована и беспредельно возмущена. Правый либерал и уже прославленный историк Генрих фон Трейчке писал родственнику:

...

«Ты знаешь, как горячо я люблю Пруссию, но когда я слышу пустые и фанфаронские угрозы сельского помещика Бисмарка «железом и кровью» подчинить Германию, меня воротит от такой убогости мышления, граничащей с абсурдом»129.

Нам трудно судить о том, что говорили по поводу заявления Бисмарка монаршие супруги за завтраком или в постели, если они все еще продолжали спать в ней вместе, находясь на курорте в Баден-Бадене, куда король Вильгельм отправился отдыхать после потрясений, перенесенных в Берлине. В любом случае можно предположить, что королева Августа без конца повторяла: «Я же тебе говорила!» Разве она не предупреждала своего господина и государя, чтобы он не доверял Бисмарку? Разве его не отговаривали великий герцог Баденский, король Саксонский, и многие другие родичи? Etc., etc. И видимо, упреки подействовали. Король, желая мира и покоя, сдался. Да, он поедет в Берлин, разберется с этим Бисмарком и, так и быть, избавится от него.

У нас нет документальных свидетельств семейного

монаршего разговора, но мы располагаем повествованием самого Бисмарка о дальнейшем развитии событий. Он, по своему обыкновению, не признался в недомыслии и даже не намекнул на то, что всего-навсего блефовал. Понимая, что ему необходимо незамедлительно встретиться с королем, Бисмарк предпринял неординарные действия: решил попасть на поезд до того, как он приедет в Берлин. Вот его рассказ, исполненный великолепным мастером пера:

…

«Мне не сразу удалось узнать у неразговорчивых кондукторов следовавшего по обычному расписанию поезда, в каком вагоне едет король; он сидел совершенно один в простом купе первого класса. Под влиянием свидания с супругой он был явно в подавленном настроении, и когда я попросил у него позволения изложить события, происшедшие в его отсутствие, он прервал меня словами: «Я предвижу совершенно ясно, чем все это кончится. На Оперной площади, под моими окнами, отрубят голову сперва вам, а несколько позже и мне». Я догадался (и впоследствии мне это подтвердили свидетели), что в течение восьмидневного пребывания в Бадене его обрабатывали вариациями на тему: Полиньяк, Страффорд, Людовик XVI. Когда он умолк, я отвечал коротко: « Et aprs, Sire ?» («А затем, государь?») «Что же, aprs нас не будет в живых», – возразил король. «Да, – продолжал я, – нас не будет в живых, но ведь мы все равно умрем рано или поздно; а разве может быть более достойная смерть? Сам я умру за дело моего короля, а ваше величество запечатлеете своею кровью ваши Божьей милостью королевские права… Ваше величество стоите перед необходимостью бороться, вы не можете капитулировать, вы должны воспротивиться насилию, хотя бы это и было связано с опасностью для жизни». Чем долее я говорил в этом духе, тем более оживлялся король, тем более входил он в роль офицера, борющегося с оружием в руках за королевскую власть и отечество» [40] 130.

Кризис миновал, Бисмарк остался на своем месте. Через два дня к нему пришел Курд фон Шлёцер, его бывший первый секретарь в прусском посольстве в Санкт-Петербурге. Шлёцер вначале конфликтовал с Бисмарком в Петербурге, но в конце концов сумел найти к нему подходы и наладить взаимопонимание. Молодой дипломат сразу же разобрался в особенностях натуры шефа, о чем и писал приятелю: «Он влюблен в политику. Все в нем бурлит и жаждет признания и статуса»131. Они вместе отужинали, и вечер получился праздничный. Шлёцер записал в дневнике:

…

«Мы выпили уйму шампанского, которое развязало его и без того не зажатый язык. Ему нравится всем пудрить мозги. Самолично или с помощью других лиц намеревается убедить короля согласиться на двухгодичную службу. Реакцию в палате господ он обрисовал в таких черных красках, что, по его словам, пэры озабочены новыми условиями, которые он собирается предложить им в случае необходимости. Джентльменам во второй палате он показался несгибаемым, но в следующий раз он проявит желание договариваться. Наконец, он намерен заставить германские кабинеты поверить в то, что королю трудно ограничить проявления либерализма Кавура в новом министре. Никто не может отрицать того, что пока на всех произвели впечатление его сила духа и блистательность. C'est un homme! [41] »132

В рассказе Шлёцера Бисмарк предстает отпетым прохвостом, исполняющим разные роли в разных сценах. Он нуждался в такой аудитории, состоящей из людей типа Шлёцера, Дизраэли и других умников и циников, кому он мог бы поведать правду, рассказать о том, как надул того или иного человека. Лживость и честность, доброта и мстительность, гигантская энергия и склонность к ипохондрии, обаяние и холодность, искренность и фальшивость – все эти противоречивые качества удивительным образом сочетались и постоянно менялись местами в поведении Бисмарка. Но одно свойство его натуры всегда оставалось неизменным. Любой человек, сказавший что-то не так или сделавший что-то не так, по мнению Бисмарка, тут же оказывался в опале. Умный и обаятельный Курт фон Шлёцер, опрометчиво назвавший его «пашой», был незамедлительно отправлен из Берлина секретарем в Рим (слава Богу, не в Сибирь). Как с грустью заметил Шлёцер: «"Тангейзер", конец второго действия. Отто поет: "В Рим, ты грешник"» [42] 133.

7. «Я побил их всех! Всех!»

В июне 1862 года Отто фон Бисмарк на приеме в русской миссии в Лондоне рассказал Бенджамину Дизраэли, российскому послу барону Бруннову и австрийскому посланнику Фицтуму о том, что сделает, когда придет к власти. Спустя девять лет и почти в тот же день баронесса Хильдегард Гуго фон Шпитцемберг, жена вюртембергского министра, наблюдала в Берлине парад победы. За это время Бисмарк сделал гораздо больше, чем обещал ошеломленным слушателям в посольском салоне в Лондоне.

«Революцию», совершенную Бисмарком за девять лет, можно

считать величайшим дипломатическим и политическим достижением, в сравнении с которым меркнут свершения любого лидера, жившего в предыдущие два столетия, в силу одного немаловажного обстоятельства. Он всего достиг, не командуя войсками, не опираясь на поддержку парламентского большинства и массовых движений, не имея опыта государственного управления и к тому же постоянно наталкиваясь на неприязнь, которую вызывали в обществе его имя и репутация. Перед нами яркий пример свершений политического гения особого типа, в котором прекрасно уживаются противоположные черты человеческой натуры: грубая, обезоруживающая искренность и циничное плутовство прощелыги. Его исключительная самоуверенность неизменно сопровождалась приступами ярости и ипохондрии, болезнями, ощущениями беспредметной тревоги и иррациональными поступками.

Бисмарк создал систему управления, основанную на подчинении своей воли других людей: успешно манипулировал королем Вильгельмом I, играя в королевской семье роль посредника между отцом и сыном, мужем и женой, тестем и невесткой. Такой тип доминирования Рассел назвал «демоническим». Бисмарк подмял под себя всех генералов, кроме Мольтке, с которым он поддерживал отношения «взаимного респекта». Он подорвал и разрушил власть суверенных германских князей, аннулировав несколько государств, в том числе и освященное веками королевство. Ему удавалось удерживать от вмешательства в гражданскую войну в Германии «фланговые» державы – царскую Россию, Францию и Великобританию, вынуждая их выбирать между двух зол: признать его лидерство или испытать позорную участь Наполеона III. Бисмарк прибегал к демократии, когда видел в этом необходимость, вел переговоры с революционерами, в том числе и с Лассалем, социалистом, который мог составить ему интеллектуальную конкуренцию. Он подчинил себе всех министров кабинета, относясь к ним с монаршим пренебрежением и очерняя репутацию, когда возникала потребность избавиться от того или иного человека. Бисмарк с легкостью обставлял все парламентские партии, включая и самые влиятельные, без колебаний предал *Kreuzzeitungspartei*– партию, группировавшуюся вокруг еженедельника «Кройццайтунг», которая привела его к власти. К 1870 году даже самые близкие друзья Роон, Мориц фон Бланкенбург и Ганс фон Клейст-Ретцов поняли, что они помогли прийти к власти «демону».

Уже в 1864 году Клеменс Теодор Пертес предупреждал Роона

о беспринципности Бисмарка. Пертес возмущался тем, как газеты «Кройццайтунг» и «Норддойче альгемайне цайтунг» «насмехаются, глумятся и оглупляют князей и всех тех, кто – с полным основанием – считает их своими законными сюзеренами. Если «Кройццайтунг», уподобляясь революционерам, пренебрегает правосудием, поскольку ей не нравятся люди, которые его вершат, то «Норддойче альгемайне цайтунг» в серии статей, которые она начала печатать с 16 апреля явно с одобрения властей, провозглашает революционные принципы *suffrage universel*[43] »1.

Роон понимал, кого возвел на пост министра-президента, желая уберечь корону от посягательств на ее суверенность. 27 июля он отправил ответ своему другу. Это письмо я цитировал в первой главе, но оно заслуживает второго прочтения2:

…

«Это совершенно необыкновенный человек. Я могу ему помочь, оказать поддержку, поправить его там или здесь, если надо, но он незаменим. Да, он не занял бы это место без моего содействия, и это исторический факт, однако все равно он сам по себе незаурядная личность… Верно выстроить параллелограмм сил, имея только одну диагональ, и оценить природу и весомость сил действенных, чего в точности знать не дано никому, – на такое способен лишь исторический гений»3.

Первый гамбит Бисмарка – о нем он не раз говорил Роону и упоминал за шампанским Шлейницу – заключался в том, чтобы «убедить короля согласиться на двухлетний срок службы». Если он преодолеет этот барьер, то ему будет легче идти дальше. С чисто военной точки зрения особой необходимости в трехлетней службе не было, и комиссия из пятнадцати генералов (включая Мольтке) в апреле 1862 года согласилась, что можно служить и два с половиной, и даже два года4.

10 октября Роон представил компромиссное предложение, разрешающее тем, у кого есть средства, покупать освобождение от обязательства служить третий год. Выручка пойдет на привлечение добровольцев. План Роона предусматривал также, что численность армии должна составлять один процент населения, и устанавливал фиксированную сумму затрат на одного солдата5. Его законопроект должен был расколоть либералов по вопросу равенства призывников и в то же время ограничить амбиции парламента четкими рамками численности армии и расходов на ее содержание.

9 ноября 1862 года граф Адольф фон Клейст (1793–1866) писал с некоторой тревогой Гансу фон Клейсту-Ретцову, другу

Бисмарка:

…

«Уже четыре дня обсуждаются слухи о каких-то договоренностях и уступках палате депутатов. Кто-то собирается пообещать, что обязательство трехлетней службы утратит силу через пять лет в обмен на согласие с остальной частью программы военной реорганизации… Хейдт будто бы готов к переговорам… Только вы можете воздействовать на Отто. Вы должны быть здесь, чтобы предотвратить опрометчивые решения, потом будет поздно»6.

Граф напрасно тревожился. Затея провалилась. Вильгельму I план не понравился, потому что нарушал принцип всеобщей воинской повинности, а Мантейфель, за которым всегда оставалось последнее слово в военных делах вследствие близости к королю, отверг его из-за того, что он ограничивал руководящую роль короны. Как Мантейфель выразился в письме Роону, «игру надо заканчивать»7. Даже ландтаг отклонил план большинством голосов: 150 против 17. Бисмарк, для которого все средства были хороши, понял, что обойти Мантейфеля сможет только в том случае, если будет проявлять еще больше жесткости и непримиримости, чем генерал. Он отозвал все компромиссные предложения, решив править «железным кулаком»8. Самое благодатное поле для такой деятельности предоставляла сфера государственной службы, которая понималась в Германии гораздо шире, чем в англоязычном мире: в нее входили судьи, асессоры, референдарии, университетские профессора, учителя грамматических школ, все служащие провинциальных администраций, государственных монополий и центральных государственных учреждений. Это была огромная, нередко либерально настроенная и по преимуществу чиновничья масса людей, которых теперь собрался приструнить Бисмарк. 23 ноября он писал принцу Генриху VII Рёйссу:

…

«У себя дома мы намечаем зауздать госслужащих всех категорий… Я буду проявлять покладистость в отношениях с палатами, но в сфере государственной службы намерен навести дисциплину любой ценой»9.

10 декабря 1862 года граф Фриц Эйленбург, министр внутренних дел, предписал всем государственным служащим Пруссии быть «поборниками конституционных прав короны, проявлять единство духа и воли, решимость и энергию… Престиж, которым наделяет вас ваше служебное положение, вы не

должны использовать для содействия политическим движениям, противостоящим взглядам и воле правительства»10.

Должность, в которую вступил Бисмарк 23 сентября 1862 года, имела необычное наименование – министра-президента. Она появилась в марте 1849 года на волне смятений революции 1848 года и внезапно возникшей потребности в кабинете, способном иметь дело с законодателями11. Хельма Брунк в своем исследовании прусской государственности показывает, что даже в 1862 году еще не существовало четкой конституционной базы, которая бы определяла права и обязанности министров, да и всего кабинета. Не предусматривался такой орган исполнительной власти и конституцией 1850 года. Лишь в 1852 году предшественник Бисмарка Отто фон Мантейфель постановлением от 8 сентября утвердил первенство министра-президента над другими правительственными министрами. Запрет обращаться к королю напрямую и без уведомления министра-президента позволил Эрнсту Хуберу, автору многотомного труда об истории конституций, приравнять пост министра-президента к должности британского премьер-министра12. В то же время все министры оставались служащими короля, и он по-прежнему имел право наставлять их. В 1890 году император Вильгельм II в полной мере воспользовался этим правом, заставив Бисмарка подать в отставку, хотя тот и возражал, ссылаясь на то, что правительственное постановление 1852 года запрещает вмешательство монарха. 24 сентября 1862 года Бисмарк просто пришел в министерство и объяснил собравшимся обстоятельства своего назначения. Мы позволим себе процитировать запись из протокола:

…

«На собрании государственного министерства сегодня председательствовал государственный министр фон Бисмарк-Шёнхаузен, доложивший о переговорах, предшествовавших его назначению государственным министром, и выразивший также свои сожаления по поводу ухода двух государственных министров фон Бернсторфа и фон дер Хейдта»13.

Не кабинет выбрал Бисмарка на пост министра-президента, назначение министров оставалось прерогативой короля. И Бисмарк, обретая все большее могущество и влияние, никогда не пользовался правом определять состав правительства.

7 октября Бисмарк писал жене о том, что он с трудом привыкает к неудобствам жизни «в аквариуме» и «каждый день обедает у милейших Роонов»14. Можно предположить, что новый министр-президент каждый вечер без какой-либо охраны ходил

пешком из своего офиса в апартаменты Роонов. Судя по описанию Пфланце, рабочая обстановка, в которой трудился министр-президент, была весьма скромная:

…

«В 1862 году он въехал в узкое двухэтажное здание на Вильгельмштрассе, 76, где размещалось министерство иностранных дел. Построенное в начале XVIII века как частное жилье, это было самое непритязательное сооружение на этой улице и снаружи и внутри. Бисмарк часто высмеивал его примитивность, но ничего не предпринимал для того, чтобы внести хоть какие-то усовершенствования. На первом этаже располагались офисы и кабинки советников и клерков министерства иностранных дел, а на втором этаже помещались приемные, кабинет министра и покои семьи Бисмарка. За домом находился огромный сад, заросший вековыми деревьями, в тени которых любил прогуливаться канцлер. Посетителей всегда поражала простота всей обстановки. У дверей не стоял привратник в форменном одеянии и с «повадками цербера». «Требовалось просто позвонить, как в домах обыкновенных смертных». В приемных не ходили вальяжно лакеи в расшитых золотом и серебром ливреях, как это было принято у дипломатов и министров. Бисмарк принимал посетителей в простеньком кабинете средних размеров, в котором почти не было мебели, кроме внушительного письменного стола из красного дерева, занимавшего значительную часть пространства. “Ни один провинциальный префект во Франции не согласился бы работать и жить в таких убогих условиях”»15.

Скромный и непритязательный образ жизни Бисмарки вели до конца своих дней. Гости поражались простоте и бесхитростности их домашней обстановки. Бисмарк никогда не стремился к показной роскоши и богатству. Всю жизнь ему досаждала нехватка денег, он постоянно тревожился о расходах и старался тратить на себя как можно меньше. Иоганна полностью разделяла его пуританские привычки. Гольштейн в мемуарах не очень почтительно написал: «Княгиня Бисмарк (Иоганна), хотя и выглядела всю жизнь как повариха, понятия не имела о кулинарии и совершенно не умела принимать и потчевать гостей»16.

Иммануэль Гегель, служивший в министерстве иностранных дел, так описывал свое первое впечатление о Бисмарке:

…

«Всем нам показалось, что он смотрит на нас с недоверием,

подозревая, что мы куплены или подпали под чье-то влияние. Убедившись, что мы, сотрудники секретариата, честные люди и благонравные пруссаки, он стал относиться к нам более уважительно. Тем не менее мы оставались пешками, исполнявшими его волю. Ни о каких доброжелательных личных контактах и речи быть не могло… Когда бы я ни приходил к нему с докладом, я сжимал в комок все мои умственные силы, чтобы быть готовым к любым неожиданностям. Опасно было появляться перед ним в состоянии расслабленности или самоуспокоенности. Это могло кончиться тем, что тебя либо проигнорируют, либо раздавят»17.

Такое отношение к подчиненным с годами тоже не изменилось. Сам Бисмарк работал всегда на пределе и того же ожидал от сотрудников. Ни клерки, ни правительственные служащие не могли рассчитывать на благодарности или поощрения, и практически никто их и не удостоился. В 1884 году Лотар Бухер с горечью заметил: «Я служил под его руководством двадцать лет, и только один раз (во время конституционного конфликта) он отозвался положительно о том, что я написал (газетную статью), хотя у меня было немало и более удачных выступлений»18. Тем не менее, несмотря на холодность Бисмарка, ближайшие сотрудники его боготворили. Альбрехт фон Штош сообщал другу фон Норману после первого визита в министерство иностранных дел:

…

«Я прибыл между одиннадцатью и двенадцатью. Мне сказали, что он все еще спит. Он работал всю ночь до утра. Господа в министерстве иностранных дел говорят о своем шефе с таким благоговением, как верующие о пророке. Это кажется нелепым. Через час он меня принял. На нем был домашний халат, но он источал любезность и обаяние, когда узнал, от кого я пришел»19.

Неприветлив был Бисмарк и в отношениях с коллегами-министрами. В своих мемуарах он посвятил целую главу членам первого кабинета, и почти никто из них не избежал нелестной оценки. Условно положительного отзыва удостоился лишь граф Фриц Эйленбург (1815–1881), прослуживший с ним более четырнадцати лет:

…

«Эйленбург был ленив и склонен к удовольствиям, но отличался здравомыслием и решимостью, и если ему, как министру внутренних дел, пришлось бы идти на прорыв, необходимость защищаться и отвечать на удары заставила бы его

активизироваться… Когда он был настроен на работу, из него получался способный коадъютор; он всегда вел себя как благовоспитанный джентльмен, хотя и не лишенный чувств зависти и обидчивости по отношению ко мне. Если от него требовалось прилагать усилия более обыкновенного длительные, напряженные и требующие самоотречения, то у него начиналось нервное расстройство»20.

Еще одной неудачной чертой характера Эйленбурга была его терпимость по отношению к евреям-либералам. Бисмарк писал Роону 1 марта 1863 года:

…

«Эйленбург не желает сжигать все мосты… Ной, Вольфсхайм, Якоби и другие такие же мерзавцы с крайней плотью или без оной предадут его и бросят в случае беды. Вы, я и Бодельшвинг по уши втянуты в это дело, и я не хочу терпеть фиаско из-за нашей немощи»21.

Все другие министры получили «неуды». Министр торговли Иценплиц (граф Генрих Фридрих Август фон Иценплиц [1799–1883]) – «непригоден… безынициативен»; министр земледелия фон Зельхов (Вернер Лудольф Эрдман фон Зельхов [1806–1884]), прослуживший членом кабинета десять лет, – «не соответствовал занимаемой должности»; министр по делам религии Генрих фон Мюлер (1813–1874) – «подпал под влияние энергичной, умной и, когда надо, обаятельной жены»; министр юстиции граф Леопольд цур Липпе-Бистерфельд-Вейссенфельд (1815–1889) – «своим непомерным высокомерием… оскорблял парламент и коллег»22. Бисмарк упускает тот факт, что он сам же и принес графа цур Липпе, самого реакционного (и это о чем-то говорит!) из членов «конфликтного» правительства в жертву либералам ландтага, когда в 1866 году решил развернуться на сто восемьдесят градусов и заключить с ними мир. Граф цур Липпе не мог простить такого предательства и до конца жизни с энтузиазмом исполнял роль яростного противника своего бывшего шефа. Министров, работавших с Бисмарком, вне зависимости от их способностей и пользы, с полным основанием можно было бы назвать коллаборационистами, к которым тоже подходит известная рекомендация «после использования выбросить».

Во внешних делах Бисмарк начал с австрийского посла графа Каройи, с которым 4 декабря 1862 года у него состоялся откровенный разговор. В мемуарах он написал:

…

«Я открыл свои карты графу Каройи, с которым у меня

сложились добрые отношения. Я ему сказал: "Наши отношения должны стать лучше или хуже, чем сейчас. Я готов совместными усилиями их улучшать. Если этого не удастся сделать из-за вашего нежелания, то не рассчитывайте на то, что мы будем придерживаться дружеской фразеологии союзного сейма. Вам придется договариваться с нами, как с одной из великих держав Европы"»23.

Австрийский дипломат, безусловно, передал мнение Бисмарка в свое министерство иностранных дел, для которого, надо сказать, не была неожиданностью его тактика доброжелательных угроз.

14 января 1863 года открылась сессия нового ландтага, и либералы обвинили Бисмарка в антиконституционных методах правления. Он отвечал в своей обычной конфронтационной манере:

…

«Какие бы права вам ни давала конституция, вы их получите сполна; если вы хотите больше, то мы вам в этом откажем… Миссия прусской монархии не закончена. Она еще не готова к тому, чтобы превратиться в чисто декоративное украшение вашей конституционной конструкции или в мертвый винтик механизма парламентского режима»24.

Бисмарк заявил, что в случае конфликта между короной и парламентом – возможность такой ситуации не была учтена в конституции – остаточная привилегия власти сохраняется за королем. Соответственно, корона по-прежнему имеет право заниматься делами государства, собирать налоги и тратить деньги, если даже законодатели не одобряют ее решения. Этот парадокс, названный «теорией конституционной лазейки» или по-немецки *Lckentheorie*, Бисмарк с успехом использовал, предпринимая свои фактически антиконституционные действия.

Через неделю он взбудоражил «узкий совет» союзного сейма, заставив Уздома зачитать заявление, провозглашающее, что прусское правительство поддерживает идею «германского парламента»:

…

«Германская нация вправе иметь компетентный представительный орган, способный воздействовать на решение общих задач и избранный непосредственно народами конфедеративных государств в соответствии с численностью населения»25.

В данном случае Бисмарк впервые призвал на свою сторону

«народ» в борьбе против суверенных германских князей – еще один пример того, как легко он поступался принципами ради достижения целей (такого сорта «гибкость» он не прощал своим оппонентам). Правители малых германских государств больше всего на свете боялись всеобщего избирательного права, поскольку оно лишало их легитимности. Если дать народу право голоса, то он вряд ли выступит за сохранение верховенства князей старшей линии Рёйссов или Шварцбург-Зондерхаузенов, к которым подданные относились в лучшем случае индифферентно, если не враждебно. Даже такие монолитные и сильные государства, как католическая Бавария и Саксонское королевство, не смогут противостоять стремлению немецкой нации к единству. Как мы заметили по переписке Бисмарка с Леопольдом фон Герлахом, Бисмарк понял, что «народ» вполне можно уговорить голосовать за короля, а не за обнаглевший средний класс или за напыщенных князьков.

Однако другой народ спровоцировал первый для Бисмарка международный кризис. 21 января 1863 года в российской Польше вспыхнуло восстание против русского господства. Бисмарк незамедлительно распорядился мобилизовать четыре армейских корпуса в прусской Польше, хотя поляки, верноподданные короля Пруссии, сохраняли спокойствие. Бисмарк, знавший русский менталитет и главных действующих лиц не понаслышке, понимал, что партия «реформаторов» при дворе поддерживает конституционные права поляков. Как он писал потом, «обыкновенный здравый смысл» подсказывал: надо помогать реакционерам и не допустить, чтобы «Российская империя попала в руки наших врагов, которых мы можем обнаружить в поляках, ополяченных русских и, вероятно, во французах»26. Австрийцы, как и пруссаки, владевшие значительной частью исторической Польши, вместе с британцами и французами подготовили предложения о новом конституционном устройстве для поляков. Бисмарк, всегда готовый насолить Австрии, без малейших колебаний выступил в поддержку сторонников применения военной силы и послал ко двору царя генерала фон Альвенслебена для организации совместных действий против польских повстанцев. 8 февраля Альвенслебен и царь подписали конвенцию, позволявшую войскам обеих держав переходить границы для преследования польских вооруженных отрядов. Превысил ли Альвенслебен свои полномочия, нам об этом неизвестно, для Бисмарка это ни имело никакого значения. Бисмарк впоследствии объяснял:

…

«Прусская позиция, воплощенная в военной конвенции, заключенной генералом Густавом фон Альвенслебеном в феврале 1863 года, имела скорее дипломатическое, а не военное значение. Она ставила задачу добиться победы в русском кабинете для тех, кто проводит прусскую, а не польскую политику, которую представляли Горчаков, великий князь Константин, Велепольский и другие влиятельные лица»27.

Впустую и западные державы требовали от прусского правительства не ратифицировать конвенцию: она так и не вступила в силу. Пфланце посчитал соглашение «редкой ошибкой в суждении» и «промахом» Бисмарка28, поскольку оно облегчило Наполеону III решение старой дилеммы – что для него важнее: историческая приверженность династии к независимости Польши или альянс с Россией? На мой взгляд, для Бисмарка это была мизерная плата за уверенность в том, что Россия останется в стороне во время последнего решающего столкновения Пруссии с Австрией. Поддержав реакционеров при царском дворе, он подкрепил репутацию Полиньяка нового образца.

Роберт Люциус фон Балльхаузен (1835–1914), впоследствии один из ближайших сотрудников Бисмарка, 27 января 1863 года присутствовал на дебатах в прусском ландтаге, откуда и вынес свое первое впечатление о новом министре-президенте:

…

«Он все еще носил штатскую одежду, густые усы имели светло-рыжеватый оттенок, как и редеющие волосы на голове. Высокая, широкоплечая фигура выглядела мощной и внушительной, что резко контрастировало с будничной манерой держаться и говорить. Он редко вынимал правую руку из кармана светлых брюк и своим видом напоминал задиру в дуэльных братствах Гейдельберга. Уже тогда у него выработалась привычка с кажущейся нерешительностью подбирать слова и находить самые нужные и сокрушительные выражения для оппонентов. Он показался мне «юнкером до мозга костей»: в нем сохранилась грубоватость студента-дуэлянта, особенно проявляющаяся в его доброжелательной манере говорить резкости возбужденным противникам. Он поднял бурю возмущения на сессии, заявив, что государство, если надо, проживет и без утвержденного бюджета. Граф Шверин-Путцар, лидер оппозиции, крестьянского вида добродушный и грузный увалень, обвинил Бисмарка в том, что он “интересы власти ставит выше законности и правосудия”»29.

В вызывающем поведении нового министра-президента на сессии ландтага не было ничего необычного. Точно так же он грубил, выступая в 1847 году на Соединенном ландтаге: сначала

возмутил аудиторию, а потом вынул из кармана газету и начал ее читать, выказывая всем свое пренебрежение. «Конфликтная» исполнительная власть получила подходящего «конфликтного» министра-президента, отличавшегося к тому же особенно искусной наглостью. Вот как, например, он отстаивал конвенцию Альвенслебена, осужденную либералами по всей Европе:

…

«Предыдущий оратор (Генрих фон Зибель) заметил, что я сегодня выступаю в защиту своих взглядов менее уверенно. Мне очень жаль, если меня заподозрили в том, что я каким-то образом стал сомневаться в своих убеждениях. В связи с этим считаю необходимым сделать следующее заявление. Все четыре дня я болел и сегодня появился перед вами в нарушение воли доктора: я просто не мог отказать себе в удовольствии послушать вас (смех)… Я уже давно обратил внимание на одну примечательную особенность прессы – постоянно использовать набившую оскомину фразу «как всем известно». Примерно так же поступает и предыдущий оратор, называя мнение Европы относительно конвенции единодушным. Мнение Европы не может быть единодушным о том, о чем она ничего не знает»30.

Друзьям стиль Бисмарка пришелся по душе. Людвиг фон Герлах писал Гансу фон Клейсту:

…

«Ведь наверху у нас еще не бывало такого человека? Бисмарк превзошел все мои ожидания. Я не мог и предвидеть в нем столь спокойной твердости и уверенности. Бисмарк – на века! (Написано по-английски.) Назло всему миру и заграница!»31

Оценку самим Бисмарком своих первых шести месяцев пребывания у власти мы нашли в его письме давнему другу по Гёттингенскому университету Джону Мотли. 1 апреля 1863 года, в день своего 48-летия, министр-президент писал Мотли:

…

«Никогда не думал, что в зрелые годы мне придется исполнять презренные функции парламентского министра. Когда я был послом, я тоже считался государственным служащим, но у меня сохранялось чувство, что я остаюсь джентльменом… В роли министра я чувствую себя илотом. Депутаты в целом не так уж и глупы, если так можно выразиться. По отдельности это очень умный и в основном образованный народ, закончивший, как правило, нормальный немецкий университет, но когда они собираются in corpore (вместе), то из них получается тупоголовая

масса, хотя индивидуально каждый из них вовсе не глупый человек. (Дальше письмо составлено на английском языке. – Дж. С .) Эти мои чернильные усилия свидетельствуют о том, что когда я остаюсь один, то вспоминаю о тебе. Проходя мимо старого дома Ложье на Фридрихштрассе, я всегда поднимаю голову и смотрю на окна, в которых когда-то можно было увидеть пару красных туфель, задранных на стену джентльменом, сидевшим в позе янки с запрокинутой головой. Мне согревают душу воспоминания о «старых добрых временах», когда мы были всего лишь «проказливыми мальчишками». Бедняга «Флеш» (граф Герман Кейзерлинг) путешествует с дочерью. Не имею понятия, где он сейчас находится. Моя жена очень признательна за добрую память, а также и дети… Deine Hand sieht aus wie Krhenfsse ist aber sehr leserlich, meine auch? (Твои каракули написаны будто вороньей лапой, но разобрать можно. А мои?32)».

Мотли к тому времени стал американским послом в Вене. В конце мая 1863 года он сообщал о своем университетском друге леди Уильям Рассел, грозной матери будущего британского посла в Берлине Одо Рассела:

…

«Сейчас я с интересом наблюдаю за сценами, которые устраивают друг другу корона и парламент в Берлине. Между прочим, Бисмарк-Шёнхаузен – один из моих давних и самых близких друзей. Мы жили два года чуть ли не в одной комнате – давно, когда мы оба были juvenes imberbes (безусыми юнцами), и теперь возобновили нашу дружбу. Это исключительно талантливый и непоколебимо мужественный человек. Его больше всего поносят сейчас английские газеты, и я желаю ему удачи. Не верьте ни одному слову из той чепухи, которую вам приходится читать. Он истинный reactionaire и не делает из этого никакого секрета. Солидарен с королем в том, что парламентское большинство не может определять форму правления в Пруссии, что бы ни говорили на этот счет в Англии… Я сам законченный либерал, но Пруссия в силу объективной необходимости может быть только военной монархией, в ином другом виде она перестанет существовать. Вы, как натура властная, должны симпатизировать Бисмарку»33.

Бисмарк подготовил проект королевского указа, ограничивавшего свободу прусской прессы, но не мог найти нужную формулировку. Хотя статья 27 конституции запрещала цензуру и гарантировала свободу слова, в ней содержалась и удобная лазейка: «Ограничения на свободу прессы могут быть наложены только посредством закона». Кроме того, законом о прессе 1851 года правительству предоставлялось право

лицензировать и контролировать все печатные издания. 1 июня 1863 года король подписал указ о прессе, позволявший бюрократическими средствами затыкать рот оппозиционным изданиям и лишавший их возможности обращаться в суд. Они могли взывать только к правительству34.

Кронпринц Фридрих Вильгельм знал о конституционных экспериментах Бисмарка. Эдикт о печати положил конец его терпению. Принц приехал по делам в Данциг, где публично и выразил свое несогласие с попранием конституции. Когда принимающая сторона высказала сожаление по поводу того, что последние события омрачают радость, которую в городе испытывают в связи с его визитом, Фридрих Вильгельм ответил:

…

«Я тоже опечален тем, что прибыл сюда в то время, когда случился разлад между правительством и народом, чему я немало удивился. Мне ничего не было известно о приготовлениях, которые к этому привели. Я был в отъезде. Я не принимал участия и в обсуждениях, давших этот результат. Но все мы и я в особенности, как человек, знающий благородство, отеческие помыслы и великодушие его величества короля, все мы уверены в том, что Пруссия под скипетром его величества короля продолжит идти вперед, в то будущее, которое предначертано ей Провидением»35.

Король рассвирепел. Его злость усиливалась и досадой на самого себя: он все же понимал, что пошел на поводу у Бисмарка, одобрив эдикт, на самом деле нарушавший конституцию. Он объявил о намерении арестовать кронпринца по обвинению в измене. От этого шага его с трудом отговорил тот же Бисмарк, испугавшийся, что раздоры между отцом и сыном навредят и ему самому.

Кронпринцесса тоже была возмущена до глубины души, о чем она и написала матери, королеве Виктории, 8 июня 1863 года:

…

«Я уже сообщала тебе четвертого числа о том, что Фриц дважды писал королю, предупреждая его о последствиях неверного истолкования конституции для того, чтобы искоренить свободу прессы. Король тем не менее сделал это и прислал Фрицу очень рассерженное письмо. Фриц потом четвертого числа отправил протест Бисмарку, требуя незамедлительного ответа. Бисмарк не ответил … Поведение правительства и то, как оно относится к Фрицу, оскорбляет мои чувства независимости . Слава Богу, я рождена в Англии, где люди не ведут себя как рабы и слишком

порядочны для того, чтобы ими помыкали»36.

Продолжил бы Фриц борьбу, возможно, он бы и выиграл, а король отрекся бы от престола. Но таких подвигов вряд ли стоило ожидать от принца, который, хотя и испытывал давление со стороны жены, в целом разделял представления отца о королевском величии.

Одновременно отношения Бисмарка с монархом подвергались испытанию и по другой сюжетной линии. Вильгельм I с тревогой ожидал давно запланированной встречи в Бад-Гаштейне с австрийским императором. Бисмарк писал Роону в начале июля 1863 года из Карлсбада о том, что он собирался уйти в отпуск, но «король и слышать об этом не захотел, а я не решился его огорчать»: «Он желает, чтобы я оставался на месте, поскольку со дня на день может приехать император, несмотря на то что контакты со мной могут не понравиться западным державам и либералам»37. А жене Бисмарк жаловался: «Как это утомительно, когда на тебя смотрят как на японца… объект всеобщей нелюбви»38. Похоже, и самому Бисмарку была малоприятна общенациональная непопулярность.

24 июля он поселился в отеле Бад-Гаштейна, куда 2 августа без предупреждения прибыл император Франц Иосиф. Антон Шмерлинг (Антон Риттер фон Шмерлинг [1805–1893]), бывший участник революции 1848 года, а теперь «государственный министр» Габсбургов, воодушевленный австрийскими «успехами» в запугивании России, подготовил предложение о реформе Германского союза с целью последующего добровольного объединения Германии под эгидой Австрии. 3 августа 1863 года, когда король Вильгельм наслаждался целебными водами Баден-Бадена, император Франц Иосиф объявил съезд германских князей, которым предстояло собраться через две недели во Франкфурте-на-Майне, столице германской конфедерации39. Это был серьезный вызов замыслам Бисмарка. Все германские князья согласились приехать во Франкфурт. Не мог же не повиноваться своему сеньору и Вильгельм, преданный вассал, тоже получивший приглашение на съезд? Сложилась еще одна конфликтная ситуация, в которой вновь проявились незаурядные лидерские качества Бисмарка. Мы приводим его собственное описание разрешения кризиса:

…

«2 августа 1863 года я сидел в Гаштейне под елями в парке Шварценберга, на краю глубокого ущелья реки Аах. Надо мной было гнездо синиц, и я наблюдал с часами в руках, сколько раз в минуту птичка приносила своим птенцам гусеницу или какое-нибудь иное

насекомое… Королева Елизавета (вдова Фридриха Вильгельма IV. – Дж. С .), которую мы встретили в Вильдбаде, на пути из Гаштейна в Баден, также настаивала предо мной, что надо ехать во Франкфурт. Я возразил: «Если король не примет другого решения, то я поеду и буду устраивать там его дела, но я уже не вернусь в Берлин министром». Королеву эта перспектива, по-видимому, встревожила, и она перестала оспаривать перед королем мое мнение… Мне было нелегко убедить короля оставаться вдали от Франкфурта. Я занялся этим на пути из Вильдбада в Баден, когда мы ехали в небольшом открытом экипаже и обсуждали немецкий вопрос на французском языке, так как на козлах сидели слуги. Я считал по приезде в Баден, что мне удалось убедить государя. Но там мы застали короля саксонского, который возобновил от имени всех государей приглашение прибыть во Франкфурт (19 августа). Моему государю было нелегко противостоять этому шахматному ходу. Он многократно повторял соображение: «Тридцать правящих государей и король в роли курьера!» К тому же он любил и уважал короля саксонского, который и лично подходил более всех остальных государей для выполнения этой миссии. Лишь около полуночи мне удалось добиться подписи короля под отказом королю саксонскому. Когда я покинул государя, мы оба были совершенно измучены нервной напряженностью обстановки, и мое устное сообщение, которое я немедленно сделал саксонскому министру фон Бейсту, носило еще отпечаток этого возбуждения. Тем не менее кризис миновал [44] 40…»

«Перевоспитание» короля окончательно сформировало характер отношений между Вильгельмом и Бисмарком. «Уговорив» или «убедив» короля, Бисмарк совершил деяние, достойное настоящего исповедника или любимого сына, заставив монарха отказаться от приглашения, принять которое требовало все его воспитанное традицией королевское существо. Такая доверительность, напряженность и эмоциональность переживаний обычно свойственна очень близким людям. Бисмарку удалось переубедить Вильгельма I, видимо, потому, что король в глубине души почувствовал: этот настырный Бисмарк ему нужен. Он уже не мог без него обойтись. Мне пришла в голову такая мысль: Бисмарк, очевидно, начал играть роль «хорошего сына», на которого все меньше и меньше походил кронпринц Фридрих Вильгельм, попавший под влияние английской принцессы. Триумф, одержанный над королем Пруссии в августе 1863 года, Бисмарк мог с полным правом считать своим самым важным достижением за всю карьеру. Если бы Бисмарк потерпел неудачу, то наверняка не остался бы

министром, о чем он, собственно, говорил и вдовой королеве Елизавете. В критический для будущего Германии момент ее судьба решалась не министерствами, не указами, не армиями, а одной лишь магической силой «суверенной самости» Бисмарка. Этот, по выражению Трейчке, «пустой юнкер» в августе 1863 года подавил волю короля и удерживал его во власти своей самости еще двадцать пять лет до самой смерти монарха, уже не только короля Пруссии, но и германского императора. Мое объяснение, может быть, и не удовлетворит читателя, но какая-то таинственная сила, исходившая от личности Бисмарка, все-таки действительно влияла на короля. Если бы король согласился участвовать в съезде князей, а Бисмарк, протестуя, ушел в отставку, то история Германии, да и всего мира могла сложиться совершенно иначе, и этого тоже нельзя отрицать.

29 августа 1863 года Бисмарк сообщает Иоганне о том, что королем завладела «интрига», и поясняет:

…

«Я хотел бы, чтобы какая-нибудь интрига или что-то вроде этого породили другое министерство и я мог бы с достоинством повернуться спиной к этому беспрерывному потоку бумаг и уединиться в деревенской тиши. Такая беспокойная жизнь невыносима. Десять недель я занимался только тем, что исполнял роль секретаря на постоялых дворах»41.

Между Бисмарком и королем установились особые эмоциональные отношения. После нервных потрясений, которыми сопровождалась борьба с «интригами» Вильгельма, Бисмарк чувствовал себя раздраженным, измотанным и подавленным. Регулярность, с которой возникали «интриги» и эмоциональные разрывы с королем, успехи перемежались с неудачами, а угрозы отставки – со спонтанными желаниями покойной деревенской жизни, позволяет нам говорить о своеобразной психологической модели поведения, управлявшей взаимоотношениями двух личностей вплоть до самой смерти одной из них в марте 1888 года. При этом во время эмоциональных кризисов король действительно опасался, что Бисмарк подаст в отставку и «бросит» его.

Князьям, собравшимся во Франкфурте, был необходим ответ Пруссии, и 1 сентября 1863 года двадцать четыре сюзерена формально обратились к Вильгельму I с просьбой присоединиться к ним в реформировании Германского союза. Король передал их послание в государственное министерство, которое 15 сентября отправило ответ с перечнем условий, включавших в первую очередь требование реформировать и систему представительства,

звучавшее таким образом:

…

«Действительно национальная ассамблея может быть образована только при прямом участии всей нации. Лишь такая представительная система способна дать Пруссии подлинную безопасность, при которой она могла бы идти на жертвы только во благо всей Германии. Ни одна задуманная структура федерального департамента не в состоянии исключить династические и партикуляристские интересы, которые могут быть сбалансированы и скорректированы лишь национальной ассамблеей»42.

Угроза всеобщего избирательного права для народов Германии на корню загубила австрийский проект. Если заговорит вся нация, тогда лишатся власти правители малых государств, а отдельные нации, подданные Габсбургов, обретут больше силы для борьбы за представительство и автономию. Австрийское правительство XIX века не могло согласиться с таким вариантом развития событий. Здесь тоже мы видим пример действенности тактической ловкости Бисмарка. Противополагая народы и сюзеренов, национальности и Габсбургов, он обеспечивал Пруссию, то есть себя, преимущественными позициями. Если князья пойдут на уступки, то жить им будет легче, если будут артачиться, то накликают на себя беду.

С такой же тактической сноровкой Бисмарк вдруг проявил интерес к новому движению солидарности рабочего класса, которое возглавлял харизматичный и деятельный Фердинанд Лассаль (1825–1864). Либералы-буржуа, обладатели капиталов, последователи Адама Смита и приверженцы «манчестеризма», создавали проблемы Бисмарку в прусском парламенте. Если «нация», по его замыслу, должна была обезоружить германских князей, то организованные рабочие могли перебороть либеральный средний класс – классическая бисмарковская стратегия альтернатив. Лассаль устраивал Бисмарка еще и тем, что пользовался популярностью и умел заворожить аудиторию, как никто другой во всей Пруссии. Герман Онкен в историческом жизнеописании Лассаля странный альянс Бисмарка и лидера рабочего движения обосновал наличием общего врага – партии прогрессистов, сторонников свободной торговли и «манчестеризма»: «Больше всего Бисмарк нуждался в том, чтобы прогрессисты лишились массовой поддержки, прежде всего в низших слоях общества… Поэтому правительство сочло это движение (социалистов Лассаля) для себя полезным, да и расходились они далеко не по всем принципиальным

вопросам»43.

11 мая 1863 года Бисмарк написал Лассалю: «Ввиду проходящих в настоящее время обсуждений положения и проблем рабочего класса хотел бы получить оценки из независимых источников. Буду рад ознакомиться с вашими взглядами на эти проблемы». Послание было передано посредником Бисмарка, писателем Конрадом Цительманом (1814–1889), имевшим также поручение организовать встречу. Лассаль согласился, и первая их встреча состоялась уже через сорок восемь часов44. На следующий день польщенный и уже ставший почитателем Бисмарка вождь трудящихся писал коллеге: «Рабочие, позволяющие вводить себя в заблуждение различными наговорами и поклепами в отношении Бисмарка, ничего не стоят. Таких рабочих надо считать обыкновенными недоумками»45. Сформировалось самое удивительное партнерство XIX века – отъявленного юнкера-реакционера и пламенного еврея-агитатора.

История самого Лассаля достойна пера писателя, что и подтвердил Джордж Мередит, теперь почти полузабытый новеллист, хотя и популярный в свое время не менее Троллопа и Диккенса. Он посвятил Лассалю роман «Трагические комедианты: исследование хорошо известной истории»46, правда, сосредоточившись главным образом на сюжете о сумасшедшей любви, закончившейся фатальной дуэлью. По словам Нила Робертса, «если не считать одной статьи о Лассале, то, похоже, Мередит не провел никаких иных исследований по данной теме»47. Новеллист ограничился мемуарами женщины, из-за которой и произошла дуэль: Елены фон Раковицы [45] , написавшей *«Meine Beziehungen zu Ferdinand Lassalle»*(«Мои отношения с Фердинандом Лассалем»). Тем не менее в романе можно найти несколько речей, которые почти дословно приводятся в авторитетных изданиях биографий Лассаля, а это доказывает то, что Мередит все-таки прибегал к историческим источникам.

Реальная история любви Лассаля и Елены гораздо безумнее той, которая описана викторианским сатирическим нравом Мередита. Прозаик концентрируется на страстном увлечении Лассаля Еленой, названной им Матильдой фон Рюдигер, семнадцатилетней кокеткой, встраивая в повествование и его отношения с графиней Софией фон Гацфельдт-Вильденбург (1805–1881), матерью Пауля, посла Бисмарка, дамой старше Лассаля на двадцать лет. Алван, исполняющий в романе роль Лассаля, объясняет Матильде, что его дружбу с Софией ни в коем случае нельзя считать любовной связью: «В сердечных делах мы на разных полюсах»48. Софию, урожденную княгиню фон

Гацфельдт-Трахтенбург, принудили выйти замуж за потомка «графской» династии Гацфельдтов графа Эдмунда фон Гацфельдт-Вильденбурга, который всячески измывался над ней49. Когда муж-садист решил упрятать жену за решетку, двадцатитрехлетний романтик Фердинанд Лассаль взялся отстаивать ее честь. 11 августа 1848 года выездной суд в Кёльне обвинил и его самого в причастности к краже у графа Гацфельдта шкатулки. Дело о краже дало Лассалю повод для того, чтобы предать суду общественного мнения графа Гацфельдта. И на этом процессе, и в еще тридцати шести тяжбах (!) Лассаль успешно использовал скамью защитника, как актер сцену для демонстрирования своих способностей и распространения идей. На суде он защищал честь графини Софии фон Гацфельдт с позиций завзятого романтика:

…

«Семья молчит. Но мы знаем: если немы люди, возопиют камни. Когда поругано человеческое достоинство, безмолвствуют кровные узы и беспомощное существо брошено на произвол судьбы своими естественными заступниками, тогда в защиту этого существа имеет право выступить любой представитель рода человеческого»50.

Лассаль вызвал графа Эдмунда на дуэль, но тот поднял на смех «глупого еврейского мальчика»51. Лассаля все-таки отправили в тюрьму. Однако он одержал большую моральную победу, когда в 1854 году граф выделил графине немалую сумму денег. Поскольку Лассаль оплачивал ее расходы из своего кармана, она дала письменное поручительство, что в случае успешного исхода будет выплачивать ему ежегодно 4000 талеров52. Это была очень странная пара. Лассаль без конца заводил романы, обсуждал их с Софией, и она их одобряла. Связь Лассаля с германской аристократкой прославила его и в Англии, куда он вместе с Лотаром Бухером в 1862 году ездил на свидание с Марксом. Основоположник марксизма писал потом Энгельсу: «Дабы поддерживать определенную элегантность, моя жена старается надевать только то, что не висело на гвоздях и не гнило в ломбардах… Кстати, как оказалось, он (Лассаль. – *Дж. С.*) не только великий ученый, вдумчивый мыслитель и выдающийся исследователь и т. п., но еще и Дон Жуан, и революционный кардинал Ришелье»53. Не завидовал ли Маркс Лассалю?

Лассаль родился в буржуазной еврейской купеческой семье, от которой отбился фактически еще подростком. В четырнадцать лет он предсказывал себе великое будущее:

…

«Я стану одним из самых лучших евреев, когда-либо существовавших. Подобно еврею из романа Булвера «Лейла», я способен рисковать жизнью ради того, чтобы избавить евреев от нынешнего угнетенного положения. Я не побоюсь пойти и на эшафот для того, чтобы превратить их снова в уважаемых людей. В своих мечтах я вижу себя их вождем, борющимся с оружием в руках за независимость евреев»54.

Однако вместо того чтобы спасать евреев, Лассаль стал гегельянцем и отправился на учебу в Берлин, откуда мелодраматично писал: «Здесь для меня нет ничего нового. Я достиг высочайшего современного уровня духовного развития и могу лишь наращивать его количественно»55. Гегель открыл для него истину, дал «ясное понимание сущности и силы человеческого духа, объективных субстанций человеческой нравственности». Видимо, он был незаурядным студентом, если даже Александр фон Гумбольдт назвал его «вундеркиндом»56.

Совершив поездку в Италию, где ему довелось ознакомиться с объединительными процессами и подружиться с Гарибальди, Лассаль в январе 1862 года вернулся в Берлин. Здесь он уже встретился с революционером-социалистом Лотаром Бухером (1817–1892), чтобы выяснить его мнение насчет трансформации Германии по методу Гарибальди. Бухер ответил57:

…

«Все меры, которые вы предлагаете, чисто политические и правовые, можно сказать, старые, и они могут породить еще больше буржуазии. А новые отношения собственности, новые в смысле смены владельцев, а не в результате, говоря метафорически, смены химических свойств собственности, могут поддерживаться только беспрерывной войной, террором меньшинства»58.

Лассаль и Бухер образовали некий мозговой тандем по изучению проблем, вызывавшихся индустриализацией и возникновением нового класса – пролетариата. Лассаль начал выступать с громозвучными лекциями в расчете на то, что его арестуют и предоставят, как это было в случае с графиней Гацфельдт, трибуну для красноречия и пропаганды. Бухер сомневался в теоретической основательности своего партнера, сбитого с толку гегельянством, о чем он позднее и писал Бисмарку, когда переметнулся в другой лагерь, фактически превратившись в его сподвижника и журналистского пособника:

…

«Заблуждение для меня не ново. Оно свойственно и другим гегельянцам, поскольку проистекает из самой сути философии Гегеля, которая, как известно, пытается доказать параллелизм или тождественность между идеями чистого разума (алгебра) и явлениями природы и историческими событиями (действия с известными числами)»59.

Тем временем Лассаль обрушился на либерализм. Показательно в этом отношении его выступление перед Ассоциацией работников физического труда в Ораниенбурге на тему «Об особой связи текущего исторического момента с идеей рабочего сословия» (*«On the special relationship between the present historical period and the idea of the Arbeiterstand»*):

«Если бы мы все были в равной мере умны, образованны и богаты, то и идею (рабочего сословия) можно было бы считать полноценной и нравственной. Но мы таковыми не являемся, и потому эта идея ущербна, поскольку может привести к еще большей безнравственности и эксплуатации… Вы – скала, на которой воздвигается храм настоящего и будущего… С вершин научного знания зарождающееся утро нового дня можно увидеть раньше, чем внизу в суматохе повседневной жизни. Приходилось ли вам когда-либо наблюдать восход солнца с горной вершины? Багрянец медленно густеет, поднимается все выше и выше, заливая кровью далекий горизонт и предвосхищая рождение нового светового дня. Облака и скопления тумана плывут, сталкиваясь, сливаясь или расходясь, и пытаются загородить рассвет, создавая на нем разорванные и нестойкие темные пятна. Но никакая сила на земле не может остановить это магическое восхождение солнечного круга, который через час уже повис над горизонтом, освещая и согревая весь небесный свод. И разве один час зари не равен десятилетию или двум в жизни человечества, в продолжение которых могут произойти еще более драматичные исторические пробуждения»60?

* * *

Вскоре Лассаль выступил перед гражданской ассоциацией Берлина с речью «О природе конституций». Он заявил аудитории: конституция – это не просто свод принципов, изложенных на бумаге, а отражение расстановки социально-политических сил в отдельно взятой стране. Следовательно, конституция 1850 года с трехклассной избирательной системой и статьями 47 и 108, утверждавшими автономность армии, отображала реальности прусского общества:

…

«У владык слуги лучше, чем у вас. Слуги государей не такие красноречивые, как слуги народа, но они люди прагматичные и инстинктивно чувствуют, что действительно важно, а что нет… По своей природе конституции – сфера не права, а власти. Принятые конституции эффективны и долговечны только тогда, когда отражают реальное соотношение социально-политических сил в обществе»61.

Идеи Лассаля были восприняты с необычайным энтузиазмом. 12 сентября 1862 года генерал Альбрехт фон Роон процитировал его в прусском ландтаге: «Согласно предложенному им анализу истории, историческое развитие определяется тем, что не только между государствами, но и в самих государствах происходит борьба за власть и распространение власти между различными индивидуальными факторами»62. В конце октября 1862 года Карл Эйхлер на одном из собраний ассоциации трудящихся в Берлине во всеуслышание заявил, что Бисмарк на стороне рабочих. Собрание единодушно проголосовало за созыв съезда рабочих в Лейпциге63. 19 ноября 1862 года Лассаль, выступая с речью «Что теперь?», предложил ландтагу принять резолюцию с требованием: парламент не соберется до тех пор, пока Бисмарк не вернет ему конституционные полномочия64.

Эти два главных мотива – иллюзия либерализма и идея конституции как выражения борьбы за власть – присущи и тому реализму, который мы видим в политике Бисмарка. Но Лассаль обладал одним преимуществом, которого не имелось у Бисмарка. Он был харизматичным публичным оратором, возможно, первым в истории Пруссии, и к тому же хорошо оплачиваемым романтиком, любившим искрометные метафоры, художественные образы и, к несчастью для Германии, женщин. Улучив свободную минуту в своей бурной деятельности, наполненной лекциями, стычками с полицией и арестами, Лассаль писал Софии Гацфельдт:

…

«Моя сестра хочет меня женить. Девушка очень мила, из хорошей семьи, красивая и веселая, может хорошо держаться в обществе, но я не знаю, насколько основательно ее образование… Я очень увлечен ею. У нее великолепное тело. Она умна и забавна и меня любит (не безумно)… Меня удерживает главным образом материальная сторона. Если, и это весьма вероятно, деньги газовой компании закончатся, то мой доход в 1870 году составит около 1500 талеров или 2500, когда умрет мать, и я не смогу содержать жену и детей, не прибегая к отвратительной экономии»65.

В мае 1863 года Лассаль основал *Allgemeine Deutscher Arbeiterverein*(Всеобщий германский рабочий союз) и большую часть года провел в разъездах, выступая с речами перед довольно скептической аудиторией знающих себе цену германских рабочих. В этот суматошный период и произошло сближение Лассаля и Бисмарка. К наступлению 1864 года они уже встречались регулярно. 13 января 1864 года Лассаль писал Бисмарку:

…

«Ваше превосходительство! Прежде всего я должен отругать себя за то, что позабыл вчера попросить вас принять близко к сердцу необходимость дать всем немцам возможность голосовать. В этом заключено мощное средство влияния. Реальность «морального» завоевания Германии! Что касается избирательной техники, то я со вчерашнего дня занимался изучением истории законодательств относительно французской избирательной системы и, поверьте, нашел совсем немного полезного материала. После долгих размышлений я могу предложить вашему превосходительству чудодейственный рецепт, как предотвратить разделение и раздробление голосов. Я надеюсь, что ваше превосходительство уделит мне вечер. Я убедительно прошу выделить именно вечер, чтобы нас никто не мог потревожить. Я должен многое обсудить с вашим превосходительством касательно избирательной техники, еще больше по другим делам, и обстоятельная дискуссия ввиду чрезвычайности обстоятельств представляется неизбежной необходимостью»66.

В субботу 16 января 1864 года Лассаль снова написал Бисмарку:

…

«Я бы не стал торопиться, но внешние события заставляют поторапливаться, поэтому глубочайше прошу простить мою торопливость. Я написал вам в среду о том, что нашел «чудодейственный рецепт» – «чудодейственный рецепт», способный дать превосходные результаты. За нашей дискуссией должны последовать самые кардинальные решения, и принятие таких решений, полагаю, нельзя более откладывать. Я нанесу визит вашему превосходительству завтра (в воскресенье, в 8.30). Если ваше превосходительство занят в это время, то прошу безотлагательно назначить другое время для моего посещения»67.

За пропаганду своих идей Лассаля все-таки арестовали, обвинив в государственной измене. Защищаясь, он ссылался на Бисмарка:

…

«Я бы хотел ниспровергнуть не только конституцию – она через год или даже раньше все равно будет ниспровергнута, и мне следовало бы ее ниспровергнуть… И я заявляю вам с этого священного места, что не пройдет и года, как герр фон Бисмарк сыграет роль Роберта Пиля и введет всеобщие и прямые выборы»68.

В зените своей известности и политического влияния Лассаль безумно влюбился в юную католичку Елену фон Раковицу и спровоцировал совершенно бессмысленную дуэль, закончившуюся трагически. 5 августа 1864 года Лассаль писал другу: «Я знаю лишь одно. Мне нужна Елена. Ассоциация рабочих, политика, наука, тюрьмы – все меркнет в сравнении с моим желанием отвоевать Елену»69. Дуэль состоялась 29 августа 1864 года, и Фердинанд Лассаль умер от ран 31 августа 1864 года. Карл Маркс, относившийся к Лассалю с пренебрежением, в котором всегда присутствовала ревность, и называвший его «бароном Иззи», написал Энгельсу: «Такое мог содеять только Лассаль с его фривольностью и сентиментальностью. Еврей, изображающий из себя рыцаря, – это его отличительная особенность»70.

Не только. Для многих серьезных исследователей рабочего движения в Германии Лассаль является альтернативой Марксу. Лассаль обладал качествами, которых недоставало Марксу, и прежде всего харизмой вожака масс. Кроме того, он интересовался главным образом проблемами власти и государства, чему социальный экономист Маркс практически не уделял внимания. Для Маркса государство и его структуры – всего лишь надстройка социально-экономической основы. Он ясно объяснил это в предисловии к изданию *«Das Kapital»*в 1867 году:

…

«Несколько слов для того, чтобы устранить возможные недоразумения. Фигуры капиталиста и земельного собственника я рисую далеко не в розовом свете. Но здесь дело идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов. Я смотрю на развитие экономической общественной формации как на естественно-исторический процесс; поэтому с моей точки зрения меньше, чем с какой бы то ни было другой, отдельное лицо можно считать ответственным за те условия, продуктом которых в социальном смысле оно остается, как бы ни возвышалось оно над ними субъективно» [46] 71.

Теоретическая формула Маркса имела катастрофические

последствия для германского рабочего движения и всего человечества. Исходя из этой посылки социал-демократы Германии уверовали в то, что история детерминируется экономическими силами, управлять которыми не могут ни они, ни кто-либо другой. Они сделали ставку на революцию, потому что, по Марксу, капитализм должен уничтожить себя вследствие «внутренних противоречий». *Sozialdemokratische partei Deutschlands*, ставшая к 1912 году крупнейшей партией в империи Бисмарка, в своей стратегии проигнорировала все важнейшие идеи, с которыми выступал в 1862 году Лассаль: и значимость политических институтов, и роль человеческого фактора, и то, что конституции выражают соотношение сил в борьбе за власть.

Лассаль оставил свой след в жизни Бисмарка. Он был одним из тех людей, а возможно, и единственным, к кому Бисмарк сохранил уважение до конца дней. В 1878 году, когда Бисмарк готовил закон, запрещавший социал-демократические организации, призрак Лассаля напомнил о себе. В июле 1878 года газета «Берлинер фрайе прессе» в продолжение двух недель каждый день публиковала письма Бухера Лассалю, которые, по всей вероятности, предоставила редактору Леопольду Шапире графиня София Гацфельдт, с тем чтобы помешать принятию закона против социалистов. В рейхстаге Август Бебель, лидер парламентской фракции социал-демократической партии, указал на тайное социалистическое прошлое Бисмарка, получив от рейхсканцлера неожиданный для самого себя ответ. Бисмарк откровенно признал, что действительно вел тайные переговоры с Лассалем, и дал ему такую оценку, какую я не нашел в его высказываниях о других современниках72:

…

«В нем было нечто чрезвычайно притягательное. Это был один из умнейших и обаятельных людей среди тех, с кем мне довелось встречаться. Его помыслы и амбиции были возвышенны и благородны… Лассаль был необычайно деятельным и остроумным человеком, с которым можно было интересно и содержательно поговорить. Наши беседы длились часами, и я всегда сожалел, когда они подходили к концу…»73

Непредвзятый и доброжелательный отзыв о Лассале ставит под сомнение справедливость расхожих обвинений Бисмарка в яром антисемитизме. И почтительное отношение к Лассалю, и дружба с Людвигом Бамбергером, и восхищение Эдуардом Симоном свидетельствуют о том, что общепринятые мерки к подвижным симпатиям и антипатиям Бисмарка неприменимы. Безусловно, ему был присущ антисемитизм, характерный для его

класса и поколения. Однако его отношение к евреям, как и к католикам или социалистам, определялось не национальностью или верой, а тем, насколько, с его точки зрения, был интересен или полезен человек. Он ненавидел Ласкера и Виндтхорста не потому, что один из них был евреем, а другой – католиком, а из-за того, что оба были его непримиримыми противниками.

Не менее удивительно еще одно последствие тайных переговоров Бисмарка с Лассалем. В его стан перешел Лотар Бухер, журналист, социалист-теоретик и революционер. 15 августа 1864 года, за две недели до роковой дуэли Лассаля, Бухер сообщал ему:

…

«Хотя я и надеюсь на благополучный исход, по причинам довольно многосложным и не подлежащим изложению на бумаге я решил найти себе другое занятие, и как можно скорее… За восемь дней все устроилось наилучшим образом»74.

С 1 января 1863 года Лотар Бухер трудился в телеграфном агентстве Вольффа, где ему платили мало, и он испытывал неудовлетворенность. Несколько версий того, как Бухер оказался в числе сотрудников Бисмарка, предлагает Кристоф Штудт. Автором одной из них является Роберт фон Койдель. Согласно Койделю, Бисмарк сказал ему о возможности работы в его аппарате Бухера следующее:

…

«Почти обо всем, что у нас происходит или произойдет, так или иначе узнает пресса. Имейте в виду, что он придет к нам как фанатичный демократ и, подобно червю, будет подтачивать государственную структуру, чтобы ее взорвать, но скоро поймет, что в одиночку погубит самого себя. Попробуем. Я не думаю, что он настолько вероломен. Поговорите с ним, не спрашивая ни об убеждениях, ни о вере. Для меня важно знать: придет он к нам или нет»75.

Артур фон Брауэр (Карл Людвиг Вильгельм Артур фон Брауэр [1845–1926]), баденский дипломат и политик, тоже работавший в аппарате Бисмарка76, исключает возможность того, что инициатива исходила от Койделя. По его мнению, идея назначить в консервативное министерство бывшего революционера могла прийти в голову скорее Бисмарку, а не Койделю. По другой версии, друг Бухера обратился к графу Эйленбургу с просьбой выяснить, насколько реально убежденному революционеру заняться адвокатской практикой, а тот поговорил с Бисмарком, получив исчерпывающий ответ: у него нет ни малейшего

юридического опыта и его лучше использовать в министерстве иностранных дел77. Бисмарк назначение Бухера какое-то время держал в секрете, а когда о нем стало известно, многие, в том числе и король, были шокированы. Бухер писал Бисмарку: «Ваше превосходительство знают о моих национальных воззрениях, от которых я никогда не откажусь». Бисмарк ответил: «Ваши общенациональные воззрения мне слишком хорошо известны, но они мне нужны в проведении моей политической линии, и я буду давать вам работу, соответствующую духу ваших общенациональных помыслов»78.

Бухер прослужил под началом Бисмарка с 1864 года до самой смерти. Гольштейн, работавший с ним бок о бок во время Франко-прусской войны, вспоминал:

…

«Бисмарку бесцветное положение Бухера при дворе было выгодно. Он знал: Бухер понимает, что всем обязан ему. Поэтому князь Бисмарк обращался с ним, как с рабочим инструментом, использовал во всякого рода строго конфиденциальных и личных делах… Он выражал недовольство или высказывался неодобрительно о Бухере только тогда, когда считал, что Бухер не исполнил должным образом поручение. Бисмарк никогда не превращал личность Бухера и нестандартность его поведения в объект для всеобщего увеселения, как это нередко случалось в отношении Абекена… Низкорослый и чахлый, с невероятно уродливым и болезненным лицом, он (Бухер) обладал той сдержанностью, замешанной на робости и озлобленности, которой отличаются люди, теряющиеся из-за ощущения собственной неполноценности. Его непростое психологическое состояние усугублялось сильным влечением к противоположному полу, доставлявшим ему немало горьких минут… Так случилось, что в последние недели нашего пребывания в Версале, в огромном кабинете виллы Жессе я сидел между Бухером и Вагенером; человек, отказавшийся платить налоги, и основатель газеты «Кройццайтунг» почти не разговаривали друг с другом. Бухер признался мне, что, когда ему пришлось бежать зимой 1848 года, ордер на его арест, который надо было отправить по телеграфу, подписывал Вагенер. Бухеру удалось бежать только потому, что телеграф в этот день не работал»79.

В августе 1863 года король и Бисмарк решили снова пойти в наступление на либералов и провести очередные «конфликтные выборы». 2 сентября 1863 года ландтаг был распущен. Кронпринц не одобрил ни выборы, ни политику репрессий. Он написал об этом Бисмарку, и между ними состоялся откровенный разговор,

содержание которого Бисмарк изложил в мемуарах:

…

«Я спросил его, почему он держится так далеко от правительства, – ведь через несколько лет это будет его правительство; если он имеет несколько иные принципы, то ему следовало бы не быть в оппозиции, а подумать о том, как бы содействовать (будущему) переходу. Он резко отклонил это, предполагая, по-видимому, что я хотел подготовить себе почву для перехода на службу к нему. На протяжении многих лет я не мог забыть того враждебного выражения и олимпийского величия, с каким это было сказано; я до сих пор вижу откинутую назад голову, вспыхнувшее лицо и взгляд, который он бросил на меня через левое плечо. Я подавил свое собственное волнение, подумал о Карлосе и Альбе (акт II, сцена 5) [47] и ответил, что говорил в приливе династических чувств, желая снова наладить более близкие отношения между ним и отцом в интересах страны и династии, коим вредит происшедшее между ними отчуждение… Я выразил надежду, что он отбросит мысль, будто я стремлюсь со временем сделаться его министром; этого никогда не будет. Он так же быстро успокоился, как и пришел в раздражение, и закончил разговор дружескими словами» [48] 80.

Закручивание гаек коснулось и вооруженных сил, когда король выпустил директиву: «Дальнейшее участие армии и флота в выборах противоречит духу и назначению конституции. Считаю это неуместным»81. А 7 октября Бисмарк направил государственным служащим еще один приказ, ограничивающий их права. Текст был напечатан в только что учрежденной правительственной газете «Провинциель корреспонденц»:

…

«Согласно положениям закона, всем лицам, находящимся на военной и государственной службе, помимо долга как подданных короля, надлежит проявлять особую верность и повиновение в дополнение к своим служебным обязанностям. Проявление верности и повиновения несовместимо с участием в партийной политической деятельности, направленной на принижение, ограничение и свержение правительства, назначенного королем и действующего от его имени. Элементарный здравый смысл подсказывает, что явное пренебрежение обязанностями несовместимо с пребыванием на службе»82.

20 и 28 октября состоялись первый и второй раунды выборов в ландтаг. Вагенер и Бланкенбург были избраны депутатами в Бельгарде (Померания), в округе Клейста. «Провинциель

корреспонденц» торжествовала:

…

«Маленький отряд из одиннадцати консерваторов, действовавших в прежней палате, вырос сразу в четыре раза. Среди новых депутатов-консерваторов мы видим несколько блистательных и боеспособных лидеров тех, кто предан королю»83.

Результаты выборов на самом деле были неутешительными для министерства Бисмарка. Сдвиг влево продолжился, как и в 1862 году. Прогрессисты получили 141 место, увеличив свое представительство на шесть человек. Численность других либералов возросла с 96 до 106 человек, а «конституционалисты», самая большая фракция в 1858 году, либералы «новой эры», испарились полностью. Правда, теперь в парламенте уже было не одиннадцать, а тридцать пять консерваторов84.

6 ноября Ганс фон Клейст-Ретцов послал своему другу вдохновляющую цитату из Библии. Он написал:

…

«Вчера я прочитал в Откровении, глава 2, стих 27: “Кто побеждает и соблюдает дела Мои до конца, тому дам власть над язычниками,

И будет пасти их жезлом железным; как сосуды глиняные, они сокрушатся, как и я получил власть от Отца Моего”» [49] .

Бисмарк пометил на полях: «О, этот Ганс, Божий громовержец!»85

9 ноября 1863 года Вильгельм I открыл сессию ландтага тронной речью. Король дал ясно понять, что согласится только на такой законодательный акт, который будет обеспечивать содержание существующей структуры армии86. Верхней палате – палате господ – понравилось выступление монарха. Большинством голосов – 72 к 8 – пэры приняли обращение к королю, подготовленное Гансом фон Клейстом. В нем особо отмечалось:

…

«Правительство вашего величества в полном соответствии с обязанностями, возложенными на него королевской властью как первоосновой нашей конституции, пунктуально соблюдая конституцию и существующее законодательство и в то же время не располагая утвержденным государственным бюджетом, счастливо отвратило грозившую нам опасность, а именно твердо придерживаясь политики реорганизации армии, отказ от которой

означал бы предательство государственных интересов»87.

Демонстрируя либералам некоторую уступчивость, правительство отменило эдикт о печати. Обе палаты приветствовали этот шаг, хотя правительство одновременно заявило о своем неизменном убеждении в том, что «эдикт от 1 июня, позволяющий обеспечивать общественную безопасность и управлять чрезвычайными ситуациями, крайне необходим и абсолютно конституционен»88. Тупик сохранялся.

Преодолеть его помогли внешние факторы. 15 ноября 1863 года умер Фредерик VII, король Дании, не оставив после себя наследника. Проблемы, возникшие в связи с наследованием датского престола, дали Бисмарку прекрасную возможность для того, чтобы зажать внутреннюю оппозицию успехами за рубежом. 18 ноября новый король, названный Кристианом IX, подписал конституцию, согласно которой Шлезвиг инкорпорировался в Датское королевство. Разгорелся первый международный кризис, которого давно жаждал Бисмарк. Еще на исходе 1862 года он писал о датской проблеме:

…

«Совершенно ясно, что развязать датский узел можно только одним способом – войной. Предлог для такой войны найти несложно…

Мы не избавимся от неудобств Лондонского протокола, подписанного с Австрией, пока не отречемся от него в результате войны…

(Но) Пруссия не заинтересована в войне… за Шлезвиг-Гольштейн ради того, чтобы возвести на престол нового великого герцога, который будет голосовать в (Германском) союзе против нас, боясь нашей аннексии, и чье правительство охотно превратится в объект австрийских интриг, а сам он позабудет даже поблагодарить Пруссию за свое возвышение»89.

Для начала Бисмарк согласовал с австрийцами общую позицию в отстаивании прежних договоренностей о наследовании и статусе герцогств Шлезвиг и Гольштейн. 28 ноября 1863 года Пруссия и Австрия направили датскому правительству совместный протест, отвергающий самовольство Дании, со ссылками на договоры 1851 и 1852 годов90.

Проблема Шлезвиг-Гольштейна имела репутацию самой невразумительной. Лорд Пальмерстон, как принято считать, сказал: «Только три человека понимали проблему Шлезвиг-Гольштейна. Один из них уже умер, другой – свихнулся, а я – запамятовал». Типично пальмерстонское преувеличение. На самом деле в ней не было особых неясностей. Датская монархия

основывалась на традициях абсолютизма, а наследование престола могло осуществляться и по женской линии. В двух исторических герцогствах Шлезвиг и Гольштейн соблюдался салический закон, по которому наследником могло быть только лицо мужского пола. Вдобавок ко всему герцогства исторически «склеились» друг с другом по формуле *Up ewig ungedeelt*(нераздельны на века), хотя на практике Гольштейн входил в Германский союз, а Шлезвиг не был членом конфедерации, и король Дании на правах герцога Гольштейна участвовал в решении всех вопросов, связанных с деятельностью союза. Когда революция 1848 года привнесла в Данию конституционализм, король Фредерик VII объявил о включении герцогств в состав королевства. Революционный германский парламент во Франкфурте решил отстоять национальные интересы, и началась война, которую вели в основном прусские войска и которую Пруссия прекратила в одностороннем порядке [50] . Реанимация датской проблемы вполне устраивала Бисмарка. Как отметил Кристофер Кларк в своем исследовании взлета и падения Пруссии, в очередном конфликте с Данией тесно переплелись старые и новые мотивы:

…

«С одной стороны, это был традиционный династический кризис, спровоцированный, как это не раз случалось в XVII и XVIII столетиях, смертью короля, не имевшего сына-наследника. В этом смысле мы можем назвать конфликт 1864 года «войной за датское наследство». С другой стороны, герцогства Шлезвиг-Гольштейн сыграли роль воспламенителя большой войны вследствие того, что национализм превратился в массовое движение»91.

Проблема Шлезвиг-Гольштейна заключала в себе целый комплекс противоречий, предоставлявших Бисмарку широкое поле для деятельности по многим направлениям: датский – германский национализм, династические – общественные интересы, Пруссия – Австрия, Пруссия – Германский союз, королевское правительство – парламент. И наконец, она давала ему выход на международную арену вследствие причастности к ее разрешению великих держав. В 1852 году международный конгресс в Лондоне постановил, что Австрия и Пруссия должны признать «целостность и неприкосновенность» Датского королевства, а Дания обязалась не присоединять герцогства и не предпринимать для этого никаких действий92. Великие державы согласились также с тем, что в случае смерти Фредерика VII без преемника наследовать Датское королевство и оба герцогства должен принц Кристиан Глюксбургский. Герцог Августенбургский

поставил свою подпись под этим соглашением, но от своих наследственных прав, полагавшихся по салическому закону, не отказался93. И когда в марте 1863 года Фредерик VII провозгласил новый конституционный порядок, возникла угроза возрождения конфликта, но на этот раз датчане рассчитывали на более благоприятный исход. Европейские дипломаты были поглощены польским кризисом, и датское правительство надеялось, что ему удастся заручиться необходимой поддержкой для аннулирования лондонских договоров. Неожиданная смерть Фредерика еще больше обострила ситуацию.

В начале декабря 1863 года король Пруссии созвал свой совет, то есть заседание кабинета под председательством короля и с участием кронпринца. Как явствует из мемуаров, Бисмарк настаивал на том, что Пруссия должна завладеть герцогствами: «Когда я говорил, кронпринц воздел руки к небу, словно сомневаясь в моем здравом уме. Мои коллеги хранили молчание»94. Король повторял: «У меня нет прав на Гольштейн». Бисмарк отметил то ли с горечью, то ли с ожесточением: «Взгляды короля были напичканы праздным либерализмом, насаждаемым супругой и кликой Бетмана-Гольвега»95. Весьма суровая и своенравная оценка вполне консервативной и легитимистской позиции монарха. Действительно, у него не имелось ни династических, ни законных оснований для того, чтобы претендовать на герцогства и присоединить их к Пруссии. Бисмарк натолкнулся на оппозицию короля и обвинил в этом женщину, олицетворявшую, по его мнению, все зловредные силы при дворе, королеву Августу.

Бисмарк, как всегда, вел двойную стратегическую игру. После незадачливого франкфуртского съезда князей барон Рехберг, ставший 17 мая 1859 года министром иностранных дел, решил, что для Австрии лучше действовать совместно с Пруссией, а не против нее, рассудив здраво: «Австрии легче добиться взаимопонимания с Пруссией, чем со средними государствами»96. Во время пребывания на дипломатических постах во Франкфурте Бисмарк конфликтовал с Рехбергом до такой степени, что одно из препирательств чуть не закончилось дуэлью на пистолетах в лесу. Рехберг имел репутацию человека резкого и вспыльчивого, но Бисмарк привык к его раздражительному нраву и отзывался о нем доброжелательно: «В целом он был неплохим малым, по крайней мере предельно честным, хотя и чересчур неистовым и легко возбудимым, как все пылкие рыжие блондины»97. Рехберг со своей стороны был невысокого мнения о коллеге. Когда кабинет «новой эры» зашатался, Рехберг сказал: «Если произойдет смена

правительства, то дойдет очередь и до Бисмарка. Этот ужасный человек способен пойти на баррикады»98. Какими бы ни были их отношения, Рехберг устраивал Бисмарка как глава австрийской внешней политики: он все-таки прошел школу Меттерниха, а это означало, что его политика будет узнаваемо консервативной. Поскольку Рехберг теперь тоже поддерживал дуализм австрийско-прусского господства в Германии, то он легко согласился и с предложением Бисмарка о том, чтобы обе державы, подписавшие лондонские договоры, совместно потребовали от Дании строго соблюдать условия этих соглашений. Если король Вильгельм не санкционирует агрессию и последующую аннексию герцогств, то Бисмарк по крайней мере должен исключить возникновение такой ситуации, при которой малые германские государства выступили бы в поддержку герцога Августенбургского.

7 декабря Германский союзный сейм минимальным большинством с перевесом всего в один голос одобрил проведение федеральной «экзекуции», с тем чтобы принудить Данию выполнять требования лондонских договоров. Такого решения и ждал Бисмарк. Теперь события могли развиваться по трем возможным направлениям. Наилучшим для Бисмарка был вариант аннексии Пруссией обоих герцогств. Бисмарк мог согласиться и с вариантом статус-кво, чтобы герцогства по-прежнему оставались в личной унии с Данией, поскольку это давало бы ему возможность держать под контролем и баламутить ситуацию. Наихудшим для него был вариант победы Германского союза и малых государств в пользу герцога Августенбургского, в результате которой появилось бы еще одно брыкливое среднее государство, всегда готовое голосовать против Пруссии. В итоге к осени 1866 года полностью реализовался первый вариант разрешения проблемы Шлезвиг-Гольштейна, что Бисмарк назвал своим самым большим достижением, которым он особенно гордился. То, насколько трудным был этот процесс, Бисмарк в 1864 году охарактеризовал следующими словами: «Каким бы ты ни был умным и проницательным, в любой момент можешь почувствовать себя ребенком, блуждающим в темноте»99.

Тактика, которую применил Бисмарк, нам уже знакома: комбинирование и противопоставление альтернатив. Рехбергу и Каройи были нужны твердые гарантии, что Бисмарк сохранит верность лондонским договорам, но Бисмарк мог простодушно объяснить: король, поддавшись дьявольскому влиянию королевы и либералов, окопавшихся при дворе, оказал эмоциональную поддержку августенбургскому самозванцу. Разве мог сладить с ними несчастный министр иностранных дел?

Германский союз приказал войскам Саксонии и Ганновера

войти в Гольштейн, а вслед за ними перешли границу и прусско-австрийские войска. Для Бисмарка наступило тяжелое время. Он не мог контролировать ни действия армий, ни капризы их командующих. 12 января Бисмарк письменно и довольно нервозно попросил Роона сообщить о передвижениях войск. Его тревожило то, что австрийцы могли выйти к Эдеру раньше пруссаков: «Это вызвало бы неудовольствие его величества. Или приказы уже были отданы? Если это так, то я вам ничего не говорил и готов забрать обратно свои чернильные труды»100.

Бисмарк оказался в очень сложном положении. Дома ему нужно было разрешить внутренний кризис, прежде чем заняться Данией, а за рубежом – предотвратить международный конфликт с Британией, Францией и Россией, которые, подписав лондонские договоры, имели право вмешаться в его маленькую войну. Перед ним стояли непростые задачи. Попробуем рассмотреть их по порядку. На домашнем фронте Бисмарку предстояло преодолеть оппозицию парламента, который почти наверняка отказался бы выделять средства на войну. 15 января Бисмарк заявил в ландтаге, что он предпочел бы воспользоваться законным финансированием, но «если ему в этом откажут, то ему придется находить деньги в другом месте»101. В международных делах Бисмарк должен был держать под контролем Австрию. На следующий день, 16 января 1864 года, Бисмарк и граф Каройи подписали протокол, по которому совместная австрийско-прусская военная операция включала и Шлезвиг. Бисмарк хотел не бутафорской, а настоящей войны, со стрельбой. «Первым же выстрелом из пушки разрываются все договоры, избавляя от необходимости делать это эксплицитно, – писал Роон Пертесу 17 января 1864 года. – Мирные договоренности после победоносной войны устанавливают новые взаимоотношения»102.

Король, его двор, семья, родня и герцог Августенбургский, тридцатичетырехлетний обаятельный принц, создавали почти непреодолимое препятствие для замыслов Бисмарка. 19 ноября 1863 года герцог в ответ на претензии Кристиана IX в отношении Шлезвига объявил себя Фредериком VIII Шлезвиг-Гольштейнским, получив широкую поддержку общественного мнения в Германии. Мало того, его жена, принцесса Адельгейда цу Гогенлоэ-Лангенбург (1835–1900), была племянницей королевы Виктории и приходилась кронпринцессе кузиной. Бисмарку к тому же надо было находить общий язык с генералами, которые считали его штатским профаном, занявшимся не своим делом.

За рубежом Бисмарку следовало добиться невмешательства великих держав в реализацию своих планов. Наполеон III

попытался выторговать уступку прусских территорий на левом берегу Рейна. Бисмарк должен был найти такую формулу отказа, которая не подтолкнула бы императора к альянсу с Британией. Либеральное правительство в Лондоне, естественно, симпатизировало крошечной Дании и абсолютно не доверяло прусскому реакционеру, автору эдикта о печати. Британский министр иностранных дел лорд Джон Рассел, как написал о нем Джон Прест в «Новом Оксфордском словаре национальной биографии», относился к числу политиков, «склонных к раздумьям»103. Однако премьер-министр лорд Пальмерстон, тоже виг, отличался сильным и бурным характером. Когда разразился датский кризис, британский кабинет не мог прийти к единому мнению. Прест отметил: «Пальмерстон заверил датчан в том, что их одних не оставят, но кабинет отказался санкционировать военную интервенцию»104. Это вовсе не удивило французского министра иностранных дел. В конце 1863 года он говорил британскому послу: «События в Польше ясно показали, что на Великобританию нельзя полагаться, когда дело идет к войне»105.

16 января 1864 года правительства Австрии и Пруссии предъявили датскому министру иностранных дел фон Куааде совместную ноту о неприемлемости конституции, принятой 18 ноября 1863 года. В ней заявлялось:

…

«Датское правительство недвусмысленно нарушило обязательства, взятые на себя в 1852 году… Вышеназванные две державы, осознавая свою ответственность перед собой и перед союзным сеймом и являясь участниками тех договоренностей… считают такую ситуацию непозволительной. Если датское правительство не удовлетворит данное требование, то две вышеназванные державы будут вынуждены прибегнуть к любым средствам, имеющимся в их распоряжении, для восстановления статус-кво»106.

Как заметил Майкл Эмбри, «датчане спровоцировали конфликт, к которому они не были готовы и последствия которого недооценили». 20 января фельдмаршал Врангель принял командование союзной армией и вошел в Гольштейн, направляясь к реке Эйдер. Датчане, ослепленные национализмом, сами того не подозревая, сыграли на руку Бисмарку107.

Сам же Бисмарк все еще не был уверен в успехе своих политических расчетов. 21 января 1864 года перед заседанием коронного совета он писал Роону о своем беспокойстве по поводу того, что король уступит давлению семьи и поддержит герцога

Августенбургского:

…

«Король повелел мне прийти к нему до начала совещания, с тем чтобы обсудить, о чем говорить. Мне сказать почти нечего. Во-первых, я практически всю ночь не спал и чувствую себя разбитым, и потом я просто не знаю, о чем можно говорить… после того, как его величество, опасаясь разрыва с Европой и повторения еще одного жуткого Ольмюца, пошли на поводу у демократии и вюрцбуржца, пожелав возвести на престол Августенбурга и создать еще одно среднее государство»108.

25 января король распустил ландтаг, отказавшийся утвердить бюджет на 1864 год и заем в размере двенадцати миллионов талеров для финансирования кампании в Шлезвиг-Гольштейне. По крайней мере это решение короля хоть как-то могло успокоить Бисмарка.

Еще одно неудобство для Бисмарка создавали генералы. Бисмарк строил свою политику отношений с западными державами на основе строгого соблюдения лондонских договоров и тесного взаимодействия с Австрией. А это означало, что прусские генералы должны были вести себя более сдержанно, чем им этого хотелось. Среди них самым неукротимым был генерал-фельдмаршал граф фон Врангель, берлинский «папа Врангель». Ему не хватало трех месяцев до восьмидесятилетия, но именно он вел прусские войска в Шлезвиг. Возраст нисколько не смягчил суровый нрав старого воина. Указания проявлять сдержанность его взбесили, и он напустился на Бисмарка, о чем «железный канцлер» не мог не упомянуть в мемуарах:

…

«Мой старый друг фельдмаршал Врангель послал королю телеграмму, не зашифрованную и содержавшую самые отборные ругательства в мой адрес, в том числе и выражения, относившиеся и ко мне, и к дипломатам, в том смысле, что мы заслуживаем виселицы. Мне тем не менее удалось уговорить короля ни на волос не опережать австрийцев и в особенности не создавать впечатления, будто Австрию втянули в это дело против ее желания»109.

Достаточно рассказать лишь об одном и самом малозначительном инциденте, чтобы стало ясно, насколько слабы были позиции Бисмарка в канун первого своего триумфа. К штабу фельдмаршала Врангеля Бисмарк решил прикомандировать дипломата, который бы его представлял, и он назначил своим послом Эмиля фон Вагнера. Гольштейн, направленный в штаб

секретарем Вагнера, написал потом в мемуарах:

…

«Ему полагалось представиться фельдмаршалу, и он вернулся с доклада в подавленном настроении. Вот как он описал происшедшее. Фельдмаршал принял его в окружении монарших особ и военных чинов. После того как Вагнер доложил о себе, фельдмаршал ответил: «Завтра штаб переезжает в Гадерслебен, но вы останетесь здесь – вы дипломат, и вам не место в военной главной квартире. Вы можете писать мне, мой мальчик». И с этим Вагнеру было позволено удалиться».

Бисмарк попросил короля переубедить Врангеля, и фельдмаршал тогда разрешил Вагнеру явиться в штаб. Он вернулся, сияя от радости: «Фельдмаршал – милейший человек. В первый раз я этого не заметил. Он подошел ко мне и сказал: “Ну, мой мальчик, где же вы пропадали все это время? Я теперь не позволю вам снова сбежать”»110. Вмешательство короля подействовало, но вся эта мелкая история стоила Бисмарку нервов. В данном случае мы тоже видим пример того, как Бисмарк влиял на прусскую политику, не отдавая никаких приказов людям, которые должны были вести войну.

К счастью для Бисмарка, военный министр Альбрехт фон Роон никогда не отказывал своему другу в поддержке. Со своей стороны Бисмарк направлял ему предложения, касавшиеся военных дел, правда, всякий раз извиняясь за «эти соображения майора»111. Доверительные отношения с Рооном, наверно, были единственным надежным элементом в его шатком положении. Бисмарк нуждался в Рооне, поскольку, как человек сугубо гражданский, не мог непосредственно влиять на ход событий, когда начались военные действия. Роон мог сделать то, что было недоступно Бисмарку. Как старший военный чин и военный министр, он не был связан по рукам и ногам постановлением кабинета от 8 сентября 1852 года и имел право в любое время запросить аудиенцию у короля. *Immediatstellung*Роона, то есть право на разговор с главнокомандующим, королем, по обращению, предоставляло Бисмарку единственную возможность для вмешательства в вопросы управления военными операциями. Тогда он еще не был ни великим Бисмарком, ни даже «майором» в реальном значении этого слова. Неизменная верность Роона и возможность постоянного доступа к королю сыграли важнейшую, хотя и невидимую роль в успехе Бисмарка.

Военные действия начались 1 февраля 1864 года, когда прусские войска вошли в Шлезвиг. Фельдмаршал Врангель выпустил прокламацию, адресованную жителям герцогства: «Мы

пришли, чтобы защитить ваши права. Эти права попраны общей конституцией для Дании и Шлезвига»112. Пруссакам сопутствовала удача. Утро 4 февраля выдалось морозным, река Шлей и болота заледенели, и атаковать фортификации Данневирке можно было с флангов. Датчане отступили в Ютландию к укреплениям и траншеям Дюппеля на востоке Шлезвига. Они ушли, практически не оказав серьезного сопротивления. Для них это было национальным позором, но и взятие Данневирке нельзя было считать большой победой прусско-австрийских экспедиционных сил, так как по численности они превосходили датчан почти в два раза. 18 февраля прусские войска, возможно по ошибке, перейдя границу Шлезвига, вторглись в земли Дании, захватив город Кольдинг. Бисмарк рассчитывал набрать побольше военных дивидендов, но австрийцы не пожелали следовать за пруссаками. Очень быстро прусские и австрийские войска оккупировали почти весь Шлезвиг, так и не встретив сколько-нибудь серьезного отпора. А что дальше? Роон и Мольтке убеждали короля в особой политической важности впечатляющей военной победы над датчанами:

…

«Роон: «В этой кампании ваше величество должны продемонстрировать крупный успех, дабы не только не потерять того почтительного отношения, которое вы заслужили за рубежом и у себя дома, но и нарастить его до такой степени, чтобы мы могли с легкостью преодолевать стоящие перед нами трудности». Мольтке: “На данном этапе войны нет ничего важнее прославления прусской армии”»113.

Через неделю австрийцы и пруссаки согласились перенести войну на территорию Дании, а 11 марта 1864 года заявили, что больше не признают договора 1852 года. Это был серьезный демарш: вторжение в Данию означало эскалацию войны и интервенцию великих держав. Британский кабинет обсуждал возможность вмешательства, но не решился предпринимать конкретные действия. В отношении Франции Бисмарк занял жесткую позицию. Если Париж вмешается, то Пруссия прекратит операции в Ютландии и совместно с Австрией обрушится на Францию. «Как только вы покажете нам *faccia feroce*[51] , мы сплотимся с Австрией»114.

Британское правительство назначило на 20 апреля 1864 года конференцию стран, подписавших договоры в 1851 и 1852 годах. Бисмарк оказался в цейтноте. Без сокрушительной победы его делегация не добьется от великих держав более благоприятных

для Пруссии решений. К счастью, все прусские генералы тоже считали, что армии необходима славная победа. 18 апреля сорок шесть рот прусских пехотинцев пошли на штурм фортификаций Дюппеля, и после шестичасовой ожесточенной битвы главная оборонительная линия датчан в Шлезвиге была взята115. А 24 апреля 1864 года началась лондонская конференция. Своей победой при Дюппеле прусские солдаты усилили политические позиции Бисмарка. Теперь он мог сбросить с себя узы международных обязательств и приступить к аннексии. Делегации Австрии и Пруссии информировали конференцию об отречении от лондонских протоколов и необходимости нового конституционного режима, предусматривающего только лишь личную унию герцогств с датской короной. Датчане отвергли предложение, чем досадили и австрийцам. 12 мая 1864 года было объявлено перемирие: всем войскам надлежало оставаться на позициях, которые они занимали в этот день.

Подлинный характер намерений Бисмарка можно понять из его письма своему бывшему шефу в Ахене графу Адольфу Генриху фон Арним-Бойценбургу:

…

«Складывается ситуация, благоприятная для достижения наших целей на конференции, когда мы можем натравить на датчан всех собак, желающих повыть (извините меня за такую охотничью метафору); лающая стая не позволит иностранцам отдать герцогства Дании. Датчане до сего времени играли роль именинника в семье и свыклись с тем, что мы готовы пожертвовать собой ради их партикуляристских интересов… На воре и шапка горит… Для меня аннексия Пруссией – не самая главная и насущная цель, но самый желательный и приятный результат»116.

Несмотря на чрезвычайную загруженность, Бисмарк нашел время для того, чтобы 23 мая 1864 года написать по-английски послание Мотли:

…

«Джек, дорогой!

Где тебя черти носят и чем же ты так занят, что не можешь черкнуть мне и пару строк?.. Не забывай старых друзей и их жен, ведь моя супруга так же горячо, как и я, желает увидеть тебя или по крайней мере твои каракули. Sei gut und komm oder schreibe! Dein, v. Bismarck» [52] 117.

Мотли был растроган тем, что Бисмарк написал ему в разгар международного кризиса, ответив:

…

«Дорогой старина Бисмарк, я был очень рад получить от тебя известие. Я не писал только лишь из-за скромности. Мне казалось, что ты так занят Шлезвиг-Гольштейном и другими делами, что тебе не до писем»118.

Нежелание Мотли беспокоить Бисмарка в напряженные дни войны понятно. Но почему Бисмарк решил написать ему? В этом его поступке есть что-то загадочное и трогательное. Видимо, ему действительно было нелегко проводить первую военно-политическую кампанию, открывшую путь к мировой славе, и он почувствовал необходимость в моральной поддержке самого давнего и верного друга.

Показателен еще один небольшой эпизод, имевший место во время конфликта с Данией из-за Шлезвиг-Гольштейна и дополняющий политический портрет Бисмарка важной деталью. Несмотря на войну, он оставался преданным слугой короля и послушным исполнителем его прихотей. В тот же день, когда Бисмарк писал Мотли, он отправил послание и кузену, графу Теодору фон Бисмарк-Болену, с просьбой помочь ему в совершении сделки, порученной королем. Фельдмаршал фон Врангель, которому исполнялось восемьдесят лет, уходил в отставку, и Вильгельм решил приобрести для него на средства королевства поместье Врангельсбург в административном округе Штральзунд графства Грейфсвальд. Король, отличавшийся бережливостью, хотел обойтись минимальными затратами, и Бисмарк, испытывая некоторое смущение, просил Теодора, жившего в том же округе, выяснить рыночную стоимость поместья и выступить в роли посредника: «Извини меня за то, что я докучаю тебе такими заданиями на службе его величеству, но другого выхода у нас нет»119. В те дни Отто фон Бисмарка волновали куда более серьезные проблемы, но ему пришлось отвлечься от них и заняться подарком для фельдмаршала. К поручениям короля, как бы они ему ни досаждали, он относился трепетно.

В письме Морицу фон Бланкенбургу от 24 мая 1864 года Роон, второй самый информированный человек в королевстве, так оценивал сложившуюся вокруг Шлезвиг-Гольштейна ситуацию:

…

«Смогу ли я летом привести в порядок свои нервы, зависит теперь от лорда Пама (Пальмерстона. – Дж. С .), Луи Наполеона и других высокопоставленных мерзавцев. Если мы ударим снова, то я уже вряд ли сбегу… Все зависит от того, предпочтет ли Вена

пожаловать нам герцогства, а не Августенбурга, поскольку их отделение от Дании сомнению не подлежит»120.

Перед Рехбергом стояла именно такая дилемма. Датчане отвергли австрийско-прусское предложение о «личной унии» двух герцогств с датской короной. Рехберг должен был выбирать: либо оба герцогства – Пруссии, либо Августенбург. 28 мая он избрал второй вариант, и представители Австрии и Пруссии объявили на конференции в Лондоне, что они настаивают на полном отделении герцогств от Дании в виде «единого государства» во главе с герцогом Августенбургским, самым достойным, по мнению Германии, наследником121.

Для Бисмарка, как мы уже отмечали, это был наименее желательный результат, однако такую позицию заняли король и кронпринц. После того как король Вильгельм и герцог Фредерик обменялись письмами, кронпринц составил перечень требований Пруссии к наследному герцогу:

…

«Рендсбургу – быть федеральной крепостью, Килю – прусской морской базой; вступление в Таможенный союз, строительство канала между морями, военная и морская конвенция с Пруссией»122.

При таких условиях Фредерику VIII предстояло стать лишь номинальным правителем прусского военного округа. Кронпринц был уверен, что герцог согласится с ними. Для проверки этой гипотезы Бисмарк пригласил герцога приехать в Берлин.

Предваряя встречу, Роон 29 мая 1864 года с извинениями напомнил Бисмарку о том, что у него «есть настоящий друг, который считает своим долгом открыто говорить о разногласиях и конфликтах во мнениях»123. Роон сообщал: армия недовольна затянувшимся перемирием и обеспокоена возможностью потерять все то, что было добыто силой:

…

«Если правительство опирается главным образом на военную составляющую общества, то и мнение армии о его действиях и упущениях не должно считаться второстепенным. Если нельзя аннексировать оба герцогства, то необходимо аннексировать одно из них. Если этого не сделать, то на нынешнее правительство Пруссии ляжет позорное пятно»124.

31 мая 1864 года герцог Фредерик прибыл в Берлин для переговоров с Бисмарком, а Роон пожаловался фон Бланкенбургу на чрезмерную уступчивость Бисмарка в Лондоне:

…

«К сожалению, мне приходится тревожиться по поводу того, что Бисмарк сделал слишком много уступок в Лондоне, поставив себя совсем в другое положение. Я думаю, что в этом не было никакой необходимости, так как всеобщей европейской войны даже и не предвидится»125.

Бисмарк принял наследного герцога Шлезвиг-Гольштейна в девять часов вечера 1 июня, и их встреча длилась три часа. Позднее он написал в мемуарах: «Ожидания его королевского величества, что наследный принц проявит готовность к согласию, не оправдались»126. Бисмарк держался непреклонно, и к полуночи герцог понял, что для него не имеет никакого значения – примет он условия или не примет: Пруссия уже решила завладеть по крайней мере Шлезвигом, и он не в состоянии этому помешать. Кроме того, Бисмарк дополнил ультиматум кронпринца некоторыми собственными требованиями (кстати, даже не упомянутыми в мемуарах), заявив, что Пруссии необходимы «гарантии консервативной системы правительства»127. Это положение, несомненно, должно было настроить сословия герцогства против своего правителя и лишить его поддержки германских либералов. Переговоры закончились тем, что герцог отказался принять предложенные ему условия128, а Бисмарк, таким образом, поставил крест на нежелательном для него варианте решения проблемы Шлезвиг-Гольштейна.

Через год Бисмарк похвалялся барону Бейсту, премьер-министру Саксонии, что «запряг» августенбургского быка в плуг: «Как только плуг начал пахать землю, я его распряг»129. В действительности все было по-другому. Австрийцы разыграли карту Августенбурга, а герцог Фредерик сыграл на руку Бисмарку. Если бы он принял условия Пруссии, то мог бы говорить все, что угодно, придя к власти и натравливая германский национализм и либеральный парламентаризм на самого ненавистного человека в стране. Вместо этого наследный принц, уходя в полночь от Бисмарка, робко сказал: «Надеюсь, мы еще увидимся…» «Я больше не видел наследного принца, – написал Бисмарк. – Снова мы встретились только после битвы при Седане»130. Бисмарк сыграл свою роль превосходно, в своем наступательном стиле. Решение австрийцев сделать ставку на Августенбурга не было для Бисмарка неожиданным. Он согласился с ним, потому что оно позволяло держать австрийцев под контролем, давало королю, кронпринцу и генералам возможность почувствовать удовлетворение от побед и не могло вызвать особого неудовольствия грозной Августы. Затем ему надо было создать для герцога такую ситуацию, в которой ему

неизбежно пришлось бы отказаться от прусских предложений. Трудно сказать, какие действия предпринял бы Бисмарк, если бы герцог согласился на условия продувных пруссаков. Нет сомнений в том, что он нашел бы правильные решения. Земли герцога уже были заняты прусскими войсками. Чиновники уже вводили прусские законы и денежное обращение. Отказ герцога избавил Бисмарка от лишних хлопот.

После выведения из игры «августенбургского быка» оставалось реализовать третий и самый предпочтительный для Бисмарка вариант разрешения проблемы Шлезвиг-Гольштейна: аннексию герцогств. Упрямство наследного принца аннулировало августенбургский вариант, и, когда 26 июня 1864 года истек срок перемирия, сражения возобновились. Британское правительство, обещавшее поддержать Данию, бездействовало. Дизраэли, выступая от оппозиции, клеймил либералов:

...

«Нам остается лишь сказать уважаемому лорду, от чего мы должны отказаться в нашей политике. Мы не должны угрожать и потом уклоняться от действий. Мы не должны соблазнять наших союзников обещаниями, которые не выполняем… объявлять стране, что у нас нет союзников, а потом утверждать, что Англия не может действовать в одиночку»131.

Возобновление войны вызвало новый кризис дома. 12 июня в полном составе собрался коронный совет для обсуждения финансирования датской войны. Министром финансов в «конфликтном» кабинете с 1862 и до 1870 года служил барон Карл фон Бодельшвинг (1800–1873), входивший в число тех министров, которых Бисмарк либо презирал, либо ненавидел. Как написала Хельма Брунк, Бодельшвинг всегда отличался особой «конституционной и правовой скрупулез-ностью»132. Роон в письме Морицу фон Бланкенбургу выразился еще более определенно: «Невротическая нетерпеливость Бисмарка и бюрократические переживания и щепетильность Бодельшвинга гарантировали неизбежность распрей»133. А Бисмарку было не до чистоплюйства. Для него наступил очень тревожный момент. 12 июня 1864 года Бодельшвинг на совете сообщил: к концу мая 1864 года расходы составили 17 миллионов талеров, покрытые излишками 1863 года в размере 5 300 000 талеров и резервами казначейства, исчислявшимися 16 миллионами талеров. Нужны деньги, а в казне их мало. Бисмарк потребовал прибегнуть к займам без утверждения их палатами. Бодельшвинг при поддержке других министров напомнил о конституции 1850 года и законе о государственном долге, подписанном Фридрихом

Вильгельмом III в 1820 году: «Министры его величества присягнули на верность конституции, и объявлять заем без одобрения его сеймом означало бы нарушить присягу»134. Роон возразил категорически: «В случае чрезвычайной необходимости, каковой является продолжение войны, статьями 63 и 103 конституции предусмотрено, что государственный заем может быть сделан для временного использования и без утверждения ландтагом – законодательным актом»135. Однако если бы с его аргументом и согласились, то вряд ли нашлись бы инвесторы, желающие приобретать долговые обязательства Прусского королевства, выпущенные на основе сомнительного толкования конституции. Никаких практических мер не последовало, и 17 июля 1864 года король закрывал сессию ландтага, так и не утвердившего ни одного пфеннига для дополнительного финансирования.

Лето – пора, когда монархи Европы покидали столицы и выезжали отдыхать на курорты минеральных вод. Для Бисмарка это означало, что он должен был завершать свои дела «на колесах». Курортный сезон начался 19 июня 1864 года, когда король и Бисмарк прибыли в Карлсбад, где до 24 июня вели переговоры с Францем Иосифом и Рехбергом. На следующий день был объявлен перерыв на лондонской конференции, которая так и не определила судьбу двух герцогств. Британцы и пальцем не пошевелили, чтобы помочь своим датским союзникам. Французский посол заметил по этому поводу: «Они отважно отсиделись в кустах»136. 27 июня Бисмарк написал сестре: «В политическом отношении все идет настолько хорошо, что я начинаю нервничать, *pourvu que cela dure*» [53] . Сегодня получил новости о том, что Англия будет вести себя мирно»137. В действительности Бисмарк затеял грандиозный международный переворот и прекрасно это осознавал.

Пока у него все получалось. 8 июля новое датское правительство прекратило борьбу и запросило мира. Через неделю Роон предупредил Бисмарка: если придется торговаться, то возвращение Дании оккупированных земель должно быть компенсировано «передачей союзникам герцогств»138. Проведение переговоров намечалось в Вене, и в день отъезда, как Бисмарк сообщал Иоганне, король, растрогавшись, горячо поблагодарил его, приписав ему все завоевания, которыми Господь удостоил Пруссию, и сказал: «Постучите по дереву!»139 Бисмарк приехал в Вену пораньше, чтобы побеседовать с Рехбергом до прибытия датской делегации140. Он нашел время и для того, чтобы на следующий день навестить Мотли с семьей. Мэри Мотли сочинила целое послание дочери о прекрасном

вечере, проведенном с Бисмарком:

…

«Твой отец крепко обнялся с ним на лестнице, и потом он поднялся в голубую комнату, где мы сидели с Боудичами, дружески взял меня за руку и трижды пылко потряс ее. Через пару минут у меня было такое ощущение, будто я знала его всю жизнь, и я почувствовала глубокую симпатию к нему, которая не исчезала и впоследствии. Он выглядел таким же, как на фотографии у отца и на некоторых карикатурах: очень высокий и плотный, но вовсе не тяжеловесный, а хорошо сложенный мужчина с очень красивыми руками. Он обладает чудесной физической и умственной организацией, ест, пьет и работает легко и свободно, как молодой человек лет двадцати пяти, а не почти пятидесятилетний отец семейства. Он сказал, что, конечно, будет заглядывать к нам, когда у него появится свободное время, и умолял твоего отца позволить ему прийти к обеду en famille [54] , чтобы от души вспомнить старые добрые времена. Соответственно, мы договорились на пять часов в следующий вторник… Твое сердце, как и мое, таяло бы, если бы ты видела, с какой любовью Бисмарк относится к твоему отцу»141.

Я процитировал это письмо более подробно, потому что оно, на мой взгляд, наглядно свидетельствует о том, каким обаятельным человеком был Бисмарк для своих современников. Они буквально влюблялись в него, очарованные его манерами, блистательностью и, не в последнюю очередь, сердечностью. В холодном и угрюмом Бисмарке, нарисованном Гольштейном, существовала и другая индивидуальность: душевная, заботливая и нежная, и эта другая сторона его незаурядной натуры, отмеченная восторженной Мэри, тоже участвовала в формировании карьеры.

В то самое время, когда Бисмарк вел переговоры с Рехбергом в Вене, Дизраэли прогуливался со своим другом российским послом Брунновым, обсуждая с ним невероятные успехи Бисмарка. Я привожу повествование Дизраэли из книги Монипенни и Бакла:

…

«Бруннов заметил, что еще не встречал человека, которому так благоприятствовали бы обстоятельства. Франция терпит, потому что рассердилась на Англию. Британское правительство пребывает в состоянии импотенции. Россию раздирают противоречивые желания. Австрия впервые искренне захотела действовать в унисон с Пруссией. Плюс ко всему

слабохарактерный, благодушный король и германский энтузиазм.

“Бисмарк далеко метит”, – сказал я.

“Да, он далеко метит, но, что интересно, – у него самая плохая лошадь. Пруссия – это бездонная бочка и, по-моему, не выдержит и шести месяцев настоящей войны”»142.

Переговоры во дворце Шёнбрунн напомнили мне семейную игру «Монополия», в которой участники совершают и большие и маленькие сделки. Что ты мне дашь за Трафальгарскую площадь? Рехберг прекрасно знал, что Бисмарку нужны оба герцогства, а Бисмарк давал ему понять, что взамен он получит Милан. Утром 24 августа Рехберг представил монархам и их свитам проект именно такого бартера, как выразился Пфланце, «с конфузящей всех ясностью». Франц Иосиф без экивоков спросил Вильгельма: действительно ли он хочет аннексировать герцогства? Поколебавшись, смущенный Вильгельм ответил, что «у него нет прав на герцогства, и поэтому он не может на них претендовать»143. Он дал абсолютно тот же самый ответ, который вызвал недовольство Бисмарка ранее на коронном совете.

7 сентября 1864 года Герсон Блейхрёдер в письме барону Джеймсу де Ротшильду изложил содержание своего разговора с Бисмарком об австрийско-прусских отношениях. Бисмарк, видимо, хотел, чтобы Ротшильды передали соответствующую информацию французам:

…

«Сближение с Австрией достигло своего предела, теперь последует охлаждение. Будущее Шлезвига остается неясным. Мой источник полагает, что мы должны достичь взаимопонимания с французами, имея в виду, что Шлезвиг-Гольштейн отойдет Пруссии. Россия возражать не будет, Австрия и Англия промолчат, как бы это им и не нравилось. Пока мешает монарх, который из-за кронпринца склоняется к варианту Августенбурга»144.

Летом 1864 года Франция начала переговоры о создании зоны свободной торговли между империей и Германским таможенным союзом, контролируемым Пруссией (*Zollverein*). Рехберг предложил, что центральный Европейский таможенный союз мог бы стать естественным продолжением существующего общего рынка, контролируемого Пруссией. Прусский ландтаг, прусское государственное министерство и малые германские государства выступили в поддержку договора с Францией, что подрывало усилия Рехберга по налаживанию сотрудничества с Пруссией.

Бисмарк разозлился. 22 сентября 1864 года он написал Роону из Рейнфельда, поместья жены:

…

«Умственный ревматизм поразил министерство торговли и министерство финансов, для излечения которого надо подобрать подходящий горчичный пластырь. Господа прекрасно осознают, что создают трудности для правительства, когда ослабляют наши отношения с Австрией и Баварией всякого рода неучтивостями, не приносящими нам ничего хорошего»145.

Бисмарк зря волновался. Вскоре в Вене был подписан мирный договор, статья 3 которого гласила:

…

«Его величество король Дании отказывается от прав на герцогства Шлезвиг, Гольштейн и Лауэнберг в пользу их величеств императора Австрии и короля Пруссии»146.

Обстоятельства вновь благоприятствовали Бисмарку. Пруссия уже фактически аннексировала Шлезвиг, а Австрия держала в Гольштейне армию – на расстоянии в сотни километров от своих границ и на территории, абсолютно для нее бесполезной. Тем временем в Вене Рехберг лишился должности, и император назначил на его место графа Александра фон Менсдорфа-Пуйи (1813–1871), бравого кавалерийского генерала-орденоносца. Рехберг, несмотря на все его недостатки, все-таки прошел школу Меттерниха и был неплохим дипломатом. Менсдорф, человек

очень богатый и имевший связи с английской королевской семьей по линии своей матери Софии, герцогини Саксен-Кобургской, абсолютно не годился на пост министра иностранных дел. Вдобавок ко всему, вступив на этот пост, он, похоже, растерял всю свою смелость, превратившись в «рохлю, вздрагивающего при каждом чихе в придворных кругах»147. И этому обаятельному, но совершенно несведущему и инертному существу предстояло противостоять величайшему игроку в истории дипломатии. В летописи некомпетентности австрийской дипломатии XIX столетия вряд ли сыщется более неудачное назначение.

Бисмарк воспользовался неискушенностью Менсдорфа для того, чтобы окончательно завладеть герцогствами. Там все еще находились саксонские и ганноверские войска, посланные Германским союзом воевать с Данией. Бисмарк решил выслать их и потребовал, чтобы они срочно покинули Шлезвиг. Откровенное унижение Германского союза поставило Австрию в трудное положение. Австрийцы добивались усиления союза, а не его ослабления. Бисмарк тем не менее сумел убедить Менсдорфа, и две державы 14 ноября 1864 года выпустили совместную ноту с требованием вывода союзных войск, что и было сделано148. 7 декабря прусские войска, сражавшиеся против Дании, торжественным маршем прошли по Берлину, отметив первый триумф Бисмарка149.

В первые недели 1865 года отношения между Австрией и Пруссией еще больше обострились. Менсдорф попросил Бисмарка разъяснить намерения Пруссии, и в феврале Бисмарк выпустил так называемые «февральские условия»: армия и флот герцогств должны быть интегрированы в вооруженные силы Пруссии; военнослужащим надлежит присягнуть на верность королю Пруссии; Пруссии должны быть предоставлены приморские форты и права на строительство канала между морями; прусские гарнизоны сохраняются; герцогства вступают в Таможенный союз (из него все еще была исключена империя Габсбургов). Австрийцы были возмущены. Император назвал условия «абсолютно неприемлемыми»150.

С февраля и до лета Пруссия и Австрия конфликтовали. Прусский уполномоченный начал трансформировать Шлезвиг в провинцию Пруссии. В ответ австрийцы попросили Баварию предложить в Германском союзе передать Гольштейн герцогу Августенбургскому: инициативу поддержали большинством голосов – девять к шести151. В начале марта 1865 года Блейхрёдер вступил в тайные переговоры с австрийским евреем-банкиром Морицем Риттером фон Гольдшмидтом (1803–1888) на предмет того, чтобы Пруссия «выкупила» Австрию из Шлезвиг-

Гольштейна. 8 марта Гольдшмидт написал Блейхрёдеру: «Кругленькая сумма уйдет на то, чтобы преодолеть нежелание совершить столь неблаговидную сделку»152.

Этот период в долгой государственной службе Бисмарка – между провозглашением «февральских условий» и подписанием в августе новой австрийско-прусской конвенции – вызывает у историков больше всего споров. Как объяснить явные «шатания» в его политике: между «системой Шёнбрунна» (солидарное австрийско-прусское господство в Германии) и заявлениями Дизраэли, Бруннову и Фицтуму, повторенными не раз при других обстоятельствах, о том, что Пруссия может благоденствовать только в том случае, если избавится от австрийской гегемонии посредством неизбежной австрийско-прусской войны? Самые известные германские историки не могут прийти к единому мнению по этой проблеме. Для одних «несравненный» гений Бисмарк всегда знал, каким будет его следующий шаг, и его колебания – лишь кажущиеся. Он менял тактику, но не стратегию. Другие историки доказывают, что Бисмарк искренне хотел мира, но мир ускользал из его рук. Международная ситуация благоприятствовала агрессивным действиям против Австрии. Великобритания, которой правили либералы, уже продемонстрировала свое нежелание или неспособность прийти на помощь Дании. Наполеон III ввязался в безумную затею создать империю в Мексике. Царская Россия переживала последствия отмены крепостного права в 1861 году. Вмешательство этих держав в германскую гражданскую войну представлялось маловероятным. И все же Бисмарк, видимо, колебался.

Король начал проявлять недовольство поведением Австрии. 25 апреля он написал Роону о том, что Бисмарк показал ему ноту австрийцев, предлагавших компромисс по Килю, но суть которого сводилась к уменьшению численности прусского гарнизона. «Я не могу позволить себе с этим согласиться, – ворчал Вильгельм. – После каждой уступки Австрии следуют новые неблагодарности и претензии»153. Мантейфеля в то же время встревожила чрезмерная активность министерства Бисмарка. В начале мая он писал королю:

…

«Кто правит и принимает решения в королевстве, король или министры?.. Министры вашего величества лояльны и верны вам, но живут в атмосфере парламентаризма. Если позволите, я выражу такое свое мнение: вашему величеству не следует руководствоваться советами, а надо сказать министру Бисмарку:

“Я прочел предложение и решил, что правительство с ним не согласно”»154.

Король не прислушался к мнению Мантейфеля и 29 мая 1865 года созвал коронный совет, на котором впервые заявил, что аннексии герцогств «практически единодушно» требует «вся нация»: «Только демократы, не желающие, чтобы Пруссия стала великой державой, выступают против этого»155. После того как монарх провозгласил свою решимость аннексировать герцогства, Бисмарк мог просчитать и свои дальнейшие действия в отношениях с Австрией. Война рано или поздно разгорится, международная ситуация – благоприятная. Тем не менее ему следовало исключить из «февральских условий» два положения, вызывавшие протесты: о присяге и «слиянии» вооруженных сил Пруссии и герцогств156. После совещания Мантейфель, встревоженный тем, что ему пришлось услышать, написал Роону:

…

«Умоляю ваше превосходительство не спускать глаз с Бисмарка и не отходить от него ни на шаг. Меня пугает его манера действовать сгоряча. Этого не должно быть. Умоляю ваше превосходительство проявлять бдительность. Ставки слишком высоки, главное – интересы государства»157.

Видимо, совещание было действительно жарким, если Бисмарк навел страху даже на такого общеизвестного «сорвиголову», как Мантейфель. Но мог ли Бисмарк на самом деле сказать что-нибудь безрассудное? Он модифицировал «февральские условия», сделав их более приемлемыми. Он продумал несколько вариантов действий, но, похоже, так и не приступил к их воплощению.

Бисмарку мешало отсутствие финансирования. Сессия ландтага открылась в январе, но, несмотря на успехи в войне с Данией, смягчившие враждебное отношение либералов к Бисмарку, нижняя палата не уступила его настойчивым требованиям одобрить государственные расходы. 19 июня коронный совет вновь обсудил стратегию выхода из создавшегося тупика. Бисмарк говорил в том числе и о финансах. Вот выдержка из протокола:

…

«Уже давно он убежден в том, что при нынешней конституции нормальное управление Пруссией в продолжение сколько-нибудь длительного времени исключено… (Он сослался) на некие возможности, которые может создать сложная международная обстановка, и сказал, что желательно провести необходимые

финансовые операции, с тем чтобы ослабить имеющее место тяготение денежного рынка к австрийским займам»158.

Теоретически существовало несколько источников финансирования. Правительство, например, могло выпустить государственный заем, не спрашивая разрешения у ландтага. 5 июля 1865 года Бисмарк написал Фрицу Эйленбургу, министру внутренних дел, что король «так же, как и я, убежден в необходимости проведения финансовых операций»: «Он не чувствует себя стесненным конституционными ограничениями. Он сказал мне сегодня, что его больше обязывает ответственность за сохранение монархии, а не за соблюдение конституции»159. В тот же день государственное министерство в официальном бюллетене опубликовало свой бюджет, в котором фигурировала и статья, касающаяся содержания флота, утвержденная королем, а не законодателями – почти в соответствии с традицией самодержавного правления на основе указов160. Таким же способом – то есть декретом короля – можно было бы выпустить и заем, но вряд ли это понравилось бы рынку ценных бумаг. Пришлось бы поднимать процентную ставку, чтобы рынок покупал облигации.

Устав от софистики и инертности министра финансов фон Бодельшвинга, Бисмарк сам взялся за решение финансовой головоломки, обратившись за содействием к Августу фон дер Хейдту (1801–1874), обладавшему всеми качествами, которых недоставало Бодельшвингу. Он поднаторел в банковских делах, будучи партнером в компании «Хейдт, Керстен унд Зёне», служил министром торговли при графе Бранденбурге, а потом и в кабинете Мантейфеля. Фон дер Хейдт считался либералом, но у него были прекрасные отношения с королевской семьей, и во многом благодаря его «личному энтузиазму развивалась сеть государственных железных дорог». К 1860 году половина всех железных дорог в Пруссии принадлежала государству161. 22 июня фон дер Хейдт написал Бисмарку, как можно раздобыть деньги:

…

«Весь вопрос в том, как получить солидные ликвидные средства и обеспечить себя реализуемыми активами, не прибегая к выпуску государственных займов и их продаже.

Я обращаю ваше внимание на значительные суммы денег, вложенные в акции железных дорог. Я имею в виду прежде всего государственное участие в железных дорогах «Кёльн – Минден», «Бавария – Мёркеш», «Верхнесилезская», «Старгард – Позен». Есть еще вклады в гарантийный фонд линии «Кёльн – Минден», которые

в случае необходимости можно продать или заложить, плюс налоговые кредиты шахтам Саарбрюккена и Верхней Силезии»162.

Предложения фон дер Хейдта позволяли обойтись и без непопулярного повышения налогов. Его идеи пришлись по душе Бисмарку, и нет ничего удивительного в том, что после победы над Австрией в 1866 году нудного Бодельшвинга на посту министра финансов сменил Август фон дер Хейдт. Бисмарк называл его ласково «золотым дядей».

Схема, предложенная банкиром-протестантом, была превосходной. Но свои идеи имелись и у банкиров-евреев: Блейхрёдера и его друзей в финансовых империях Ротшильда и «Сал. Оппенгейма». Они тоже рекомендовали продать акции железной дороги «Кёльн – Минден», но нацелились еще и на «Прейссише зеехандлунг» («Прусское общество морской торговли»), которое по иронии судьбы Бисмарк в роли докладчика на заседании финансовой комиссии ландтага в 1851 году помог трансформировать в «государственный банковский дом»163. «Прейссише зеехандлунг» было основано еще Фридрихом Великим, став в 1820 году самостоятельным институтом короны164. В эру, когда акционерным обществам надлежало получать разрешения правительства, государственный банк служил важнейшим инструментом финансовых операций. Группа Блейхрёдер – Ротшильд предложила несколько вариантов использования ресурсов «Зеехандлунга»: приватизация; заем под репарации, которые должна была выплатить Дания по условиям Венского мира; продажа части активов; продажа акций банка или выпуск облигаций.

Бисмарк изложил свое мнение о финансовых проектах в письме Роону, отправленном из Карлсбада 3 июля 1865 года. Как следует из послания, деньги предназначались исключительно для мирных целей: «Наша задача остается прежней – посредством денежных операций заблокировать действия, замышляемые Австрией, и обеспечить таким образом сохранение мира». Бисмарк задается вопросом: почему бы «Зеехандлунгу» не предоставить государству кредит, который будет возмещен при первой же возможности, и не повысить процентные ставки по депозитам, с тем чтобы обеспечить приток ликвидного капитала для покрытия обязательств? Бисмарк упомянул и о потенциале железной дороги «Кёльн – Минден», оценкой которого в данный момент занимался граф Иценплиц. «Если не удастся реализовать ни один из этих вариантов, то остается единственный выход – выпуск займа, невзирая на конституцию»165.

Из послания Роону трудно понять истинные намерения Бисмарка. Несколько больше ясности вносят три пачки его писем

Фрицу Эйленбургу, обнаруженные в конце шестидесятых годов прошлого столетия профессором Джоном Рёлем, биографом кайзера Вильгельма II, в Хаус-Хертефельде, доме, принадлежавшем потомку Эйленбурга. В одной из них содержалось шестьдесят два ранее неизвестных рукописных послания, одиннадцать из которых были составлены между 27 июнем и 18 августа 1865 года – то есть в период, наименее ясный в отношении действительных замыслов Бисмарка166. Письма свидетельствуют: Бисмарк располагал несколькими источниками финансирования войны с Австрией, а получение кредита под активы в «Зеехандлунге» было почти согласовано.

Когда Бисмарк приехал в Карлсбад и встретился с австрийцами, оказанный ими прием был такой же прохладный, как и погода. 4 июля он написал Эйленбургу: «С австрийцами дела обстоят плохо. Все военные сообщения королю из Гольштейна указывают на настроения безысходности в войсках ввиду сутяжничества прессы и общественности»167. Тем временем Блейхрёдер договорился с Ротшильдами в Париже о сделке: Ротшильды сформируют консорциум, который предоставит «Зеехандлунгу» кредит для финансирования войны под боны «Зеехандлунга» со ставками на один процент ниже доходности прусских государственных облигаций. Бисмарк писал Эйленбургу:

…

«Сейчас мы можем получить 4,5 % к номиналу, а при первых признаках войны – в лучшем случае девяносто от номинала. Более благоприятного момента у нас не будет… Блейхрёдер сказал мне, что Ротшильд возьмет весь выпуск и через десять дней серебро будет в казне»168.

Переговоры зашли в тупик. Карл Майер фон Ротшильд предложил Отто фон Кампхаузену (1812–1896), президенту «Зеехандлунга»169, приобрести невыпущенные облигации на сумму девять миллионов талеров по цене, составляющей 98–99 процентов от номинала, но Кампхаузен настаивал на паритете, то есть на 100 процентах170. На первый взгляд разница невелика, однако, когда счет идет на миллионы, она определяет масштабы доходности сделки. Бисмарк очень сожалел о том, что «мы не позаботились о деньгах раньше»: «Мы много потеряем, если разрыв наступит раньше, чем придут деньги»171. Эта его ремарка тоже свидетельствует о том, что Бисмарк предполагал возможность «разрыва раньше прихода денег». Иными словами, он знал, что начнет действовать, как только позволит ситуация.

В конце концов необходимые деньги пришли совсем из

другого источника. *Cln-Mindener Eisenbahn-Gesellschaft*(Общество Кёльн-Минденской железной дороги), созданное в 1842 году, получило от прусского министерства финансов деньги в обмен на акции с условием, что через тридцать лет железная дорога будет полностью возвращена правительству. Управляющие железной дорогой не раз пытались откупиться от правительства и все время получали отказ. Летом 1865 года такая возможность у них появилась. Управляющие хотели выкупить государственное участие, а правительство Бисмарка срочно нуждалось в деньгах. Президентом акционерного общества железной дороги172 тогда был барон Дагоберт фон Оппенгейм (1809–1889), представитель известной кёльнской банковской семьи. Летом 1865 года он и предложил правительству за акции десять миллионов талеров, намекнув, что готов выкупить все государственные притязания на дорогу. Министерство финансов выжало из компании тринадцать миллионов талеров за акции и еще пятнадцать миллионов за все остальные права. Общая сумма составила 28 828 500 талеров, соглашение было подписано 18 июля, нотариально засвидетельствовано 10 августа, утверждено компанией 28 августа и короной 13 сентября. Джеймс М. Брофи по этому поводу заметил: «Трижды в 1865 году министерство финансов преступило закон, заключив сделку о продаже доли в гарантийном фонде без санкции законодательного собрания, но это никого не взволновало. Бисмарк теперь знал, что у него будут наличные деньги на войну, а для компании вопрос стоял о выживании»173.

27 июля в Бад-Гаштейн прибыла австрийская делегация во главе с графом Бломе для переговоров о новом соглашении по урегулированию проблемы герцогств. Густав фон Бломе (1829–1906) родился протестантом в Ганновере, но в 1853 году стал католиком. Как отмечает его биограф, он «опасно недооценивал» Бисмарка174, а Бисмарк, в свою очередь, считал его полным идиотом, ловкачом и шельмой, «пользующимся византийско-иезуитскими методами»175. Бисмарк любил по ночам играть с ним в карты, как потом он объяснял своему секретарю Тидеману, для того, чтобы напугать его жесткой игрой176. Бисмарк писал Морицу фон Бланкенбургу о том, что австрийцы вроде бы склоняются к миру и король, возможно, встретится с кайзером в Зальцбурге: «Пока же я должен заниматься приметыванием и плетением. Мы не должны быть грубыми». Но в письме Эйленбургу Бисмарк выражался более откровенно:

…

«Пока король пребывает здесь и пока мы не завершили наши

финансовые операции, я должен радоваться тому, что все повисло в воздухе, поскольку, как только мы начнем действовать в Шлезвиг-Гольштейне, фондовый рынок рухнет»177.

К тому времени Бисмарк уже знал, что у него будут деньги на войну, но сделка еще не была доведена до конца. Об этом знали и другие государственные мужи. Роон писал 1 августа Морицу фон Бланкенбургу:

…

«Деньги есть, и вполне достаточные, для того, чтобы мы могли свободно проводить нашу внешнюю политику, достаточные в случае необходимости для мобилизации армии и оплаты всей кампании… Откуда эти деньги? Не нарушая конституцию, мы получим их главным образом благодаря соглашению с компанией «Кёльн – Минден», которое и Бодельшвинг, и я считаем очень выгодным»178.

Бломе съездил в Вену за инструкциями и вернулся 1 августа с новым предложением, которое фактически внушил ему Бисмарк. Две державы должны поделить герцогства: Пруссия владеет Шлезвигом, Австрия – Гольштейном. Австрийцам не понравилось определение «владычество», и они заменили его на «управление». Лауэнбург предстояло целиком продать Пруссии. Бисмарк согласился, и Бломе уехал в Вену для консультаций. 10 августа Бисмарк написал Эйленбургу, что ему надо подольше проканителить: «Нам необходимо потянуть время, чтобы получить деньги и попридержать Францию… это даст нам возможность спокойно пожить, пока не начнется война…» Бисмарк попросил также Эйленбурга передать Блейхрёдеру: «Если какая-либо часть моих вкладов инвестирована в ценные бумаги, о чем я могу и не знать, то ни в коем случае не следует избавляться от них из-за преждевременных опасений войны»179. Тем временем австрийский дипломат в Берлине разузнал о финансовых операциях, сообщив о них в Вену Менсдорфу:

…

«Эти финансовые операции… могут быть вызваны только острой политической необходимостью, а не экономическими соображениями. Сомнительно, чтобы их утвердил сейм… (Пруссия) сделала заявку на такие огромные деньги, которые обычно требуются на случай войны»180.

14 августа Бисмарк и Бломе завизировали соглашение, которое было затем официально подписано в Епископском дворце в Зальцбурге181. Несколькими днями раньше Бисмарк со свойственным ему пренебрежением секретностью изложил

Эйленбургу суть договоренностей:

…

«С 1 сентября мы будем единственными и полновластными владельцами Шлезвига, и никто не сможет нас выдворить оттуда. Сдается мне, что Австрия захочет продать нам и Гольштейн. Я больше не сомневаюсь в том, что мы, так или иначе, его получим»182.

У Австрии не было иного пути, кроме как договариваться о мире. Политическая ситуация обострилась настолько, что 20 сентября 1865 года Франц Иосиф отменил конституцию, после чего стало особенно трудно находить средства для восполнения бюджетного дефицита в размере 80 миллионов гульденов. Летом и осенью 1865 года австрийские дипломаты в Париже безуспешно пытались уговорить Ротшильдов организовать заем для покрытия дефицита. Ротшильды не проявили желания формировать синдикат, и только после личного вмешательства Наполеона III консорциум из крупных французских банков 27 ноября 1865 года разместил на Парижской бирже заем в размере 90 миллионов гульденов. Он был распродан в один день, поскольку его доходность составляла 9 процентов. На его возмещение потребовалось бы 157 миллионов гульденов. Инвесторы вложили 69, а Австрия получила только 61 с четвертью миллионов гульденов. Банки заработали 28 с половиной миллионов гульденов183. Облигации Австрийской империи с полным правом можно было назвать « *sub-prime*» – «субстандартными», то есть рискованными.

Средние германские государства следили за развитием событий вокруг Шлезвиг-Гольштейна и с тревогой, и с самодовольством. Летом 1865 года «Будиссинер нахрихтен» предупреждала саксонцев о том, что их могут втянуть в «великую свару»:

…

«Мы живем согласно конституции, чего лишены люди и в Пруссии, и в Австрии. В результате полное согласие царит между королем и народом. У нас процветающая экономика, низкие налоги и крепкие финансы… У нас не преданы забвению высокие политические и культурные ценности»184.

Газета рекомендовала саксонцам думать прежде всего о себе и держаться подальше от австро-прусского конфликта. Им также следовало бы не проявлять и энтузиазма в отношении создания единого германского национального государства: это лишь превратит средние государства, в том числе и королевства, в

провинции германского рейха.

Такого благодушия, конечно же, не могло быть в Шлезвиге. Герцогство перешло в подчинение Пруссии, а это означало, что у него должен быть губернатор, и Бисмарк предложил на этот пост генерала Эдвина фон Мантейфеля. Король объявил назначение Мантейфеля 24 августа 1865 года, решив заодно застарелую проблему. Властный генерал теперь будет пребывать в Киле, а не в приемных короля, и наслаждаться почти вице-королевским статусом. Недоумевал только Штош, писавший другу: «Не понимаю, почему они послали в Шлезвиг Мантейфеля. Он же будет исполнять лишь приказы короля, а не министерства…»185 Бисмарка это мало волновало, поскольку король обыкновенно получал приказы от него. 16 сентября 1865 года король пожаловал Бисмарку титул графа186.

Пока Бисмарк вел переговоры с австрийцами, Мольтке занимался военными преобразованиями с учетом уроков войны с Данией: не все они были утешительными. Пруссаки воевали не столь успешно, как утверждала официальная пропаганда. Датчане очень эффективно использовали траншеи и фортификации, а их концентрированный артиллерийский огонь нанес тяжелый урон войскам Пруссии и Австрии. «Теперь, когда пушка могла отсылать снаряд за семь километров, а пехотинец из винтовки мог поразить человека на расстоянии в тысячу шагов, – отметил Джеффри Вавро, – стало затруднительно в разгар сражения перенаправить полк с центра на фланг противника»187. Мольтке также пришел к выводу о том, что при современной численности армий традиционная наполеоновская доктрина концентрации войск губительна: она создает нечто подобное транспортной пробке. В пятидесятые годы генеральный штаб наладил тесное взаимодействие с железными дорогами, что позволяло в случае войны обеспечить войска надежным транспортом188. Это означало также, что Мольтке мог руководствоваться совершенно иным мобилизационным планом и порядком развертывания войск. Девиз *getrennt marschieren, gemeinsam schlagen*(идем раздельно, атакуем вместе) ассоциируется с нововведением Мольтке: развертывание войск проводить раздельно, но сражаться объединенными силами. Стали возможны глубокие фланговые охваты противника, благодаря чему, например, и была одержана величайшая победа в 1866 году. Король, разбиравшийся в военных делах, предоставил Мольтке такую же свободу действий, какую он дал и Бисмарку. Примечательно, что величайший дипломат и величайший военный стратег XIX века служили одному и тому же монарху и одному и тому же государству. Интересно и то, что обоих генералов – и Роона, и Мольтке, без

которых Бисмарк не смог бы объединить Германию, нельзя назвать типичными пруссаками: корни Мольтке – в Дании, а Роона – в Голландии. Ни тот ни другой не обладали личным богатством и поместьями.

В конце сентября проводились ежегодные королевские маневры. Майор Штош сообщал другу, что король остался доволен развертыванием войск. В том же письме он пересказал содержание разговора между Бисмарком и кронпринцем о ситуации вокруг Шлезвиг-Гольштейна:

КРОНПРИНЦ. Вы хотите их аннексировать?

БИСМАРК. При возможности, да, но я не хотел бы из-за них развязывать европейскую войну.

КРОНПРИНЦ. А если такая угроза возникнет?

БИСМАРК. Что ж, тогда я напомню о «февральских условиях».

КРОНПРИНЦ. А если с ними не согласятся?

БИСМАРК. Войны из-за этого не будет. «Февральские условия» – это наш ультиматум.

КРОНПРИНЦ. А что случится с герцогом Фредериком?

БИСМАРК. Все зависит от расклада карт.

Штош добавляет: «К концу разговор принял резкий тон… Вследствие своей жесткости Бисмарк нажил себе много врагов в аристократических кругах и нарастил армию оппо-зиции»189.

Вскоре после учений Бисмарк отправился с семьей отдыхать в Биарриц. Здесь 4 и 11 октября он встречался с Наполеоном III. О чем они говорили – практически ничего не известно. Бисмарк наверняка пытался добиться взаимопонимания с Францией, намекая на шаткость Гаштейнской конвенции. Вавро и Эйк полагают, что Бисмарк предложил Наполеону Люксембург взамен нейтралитета в австро-прусской войне. Пфланце считает это маловероятным190.

Где-то в начале нового 1866 года Бисмарка навестил Эрнст Людвиг фон Герлах, один из его прежних патронов. О своем визите он написал в дневнике как о событии, не принесшем ему радости. Встреча убедила его в том, что Бисмарк лишен христианской морали, которую, как надеялись братья Герлах и другие благочестивые люди, им удалось вселить в молодого Бисмарка191. Пертес тоже заключил, что Бисмарк циничен, ни во что не верит, холодный и расчетливый прагматик. Действительно, если вспомнить, что за последующие десять лет Бисмарк развязал две войны, растоптал суверенные права германских князей, совершил «революцию» в избирательной системе, введя всеобщую подачу голосов, объявил войну римской католической церкви, навязал гражданский брак, развод и школьные инспекции благочестивым подданным Пруссии, то, наверное, и можно

сделать вывод о его пренебрежительном отношении к религии. Однако, как мы знаем, к Бисмарку неприменимы упрощенные оценки. Возле его постели всегда лежали богоугодные книги, и сам он категорически отрицал, что у него нет веры. Свои грандиозные достижения Бисмарк, как представляется, имел обыкновение приписывать Богу. Тем не менее не вызывает сомнений то, что он отверг протестантский неопиетизм Герлаха.19 февраля 1866 года королю Вильгельму I вручил свои верительные грамоты новый британский посол лорд Лофтус. Согласно «Оксфордскому словарю национальной биографии», лорд Август Уильям Фредерик Спенсер Лофтус (1817–1904) был «если не способным, то вполне адекватным дипломатом, чье повышение по службе несколько опережало его реальные возможности». По крайней мере лорда Лофтуса вряд ли можно было назвать «дурным» и «зловредным», как это сделал Дизраэли192. Лорд сошелся с Бисмарком, завел деловые отношения с германскими дворами и стал свидетелем многих драматических событий. Я приведу отрывок из его мемуаров, показывающий, насколько хорошо он понял специфику прусского королевского двора:

…

«Не существует более блистательного двора, чем прусский, и нет другого такого двора, где бы относились к иностранцам с такой же любезностью и гостеприимством, как в Пруссии. Любой член королевского дома Европы, прибывающий в Берлин, размещается во дворце, и на все время пребывания ему предоставляются кареты и слуги. Все расходы двора – цивильный лист, содержание многочисленных дворцов и резиденций в разных частях королевства, всегда готовых к приему гостей, – оплачиваются за счет доходов от владений короны (называемых Kronfideicommis), весьма значительных. Этими доходами полностью распоряжается сюзерен, и они не зависят от парламента. Все члены королевской семьи получают dotations , которые король назначает им из средств короны, и они также не подлежат одобрению парламентом»193.

Лофтус появился в Берлине, когда отношения между Австрией и Пруссией продолжали неуклонно обостряться. 28 февраля 1866 года король созвал коронный совет. В нем участвовали все, кто играл решающую роль в решении военных, политических и дипломатических проблем; приехал и Мантейфель как губернатор Шлезвига194. Официальная «Провинциелль корреспонденц» сообщила о событии и последующей беседе короля с начальником генерального штаба,

но проигнорировала слухи об агрессивных намерениях, обсуждавшихся якобы на совете. Газета лишь отметила: «Вену вновь начинают обуревать чувства застарелой завистливой подозрительности, и прусскому правительству придется в будущем позаботиться о своих национальных интересах»195. Тем не менее на совете Бисмарк четко заявил о том, что «демонстрация силы за рубежом и война, предпринятая во славу Пруссии, благотворно повлияли бы на разрешение внутренних конфликтов»196. Мольтке доложил о выдвижении австрийских войск в Богемию, отметив, правда, что австрийские части в Венеции «еще не приведены в состояние боевой готовности» и «нет никаких признаков закупки лошадей». В 1866 году было мобилизовано 120 тысяч лошадей, общая мобилизация обычно и начинается с закупок больших партий буцефалов. Во время Франко-прусской войны 1870 года Пруссия использовала 250 тысяч лошадей, а Франция – более 300 тысяч. То есть в первые месяцы 1866 года Мольтке мог быть уверен в том, что австрийцы еще не приступили к мобилизации197.

7 марта 1866 года лорд Кларендон, министр иностранных дел Великобритании, писал с тревогой Лофтусу:

…

«Можно ли найти какое-либо здравое, благопристойное или просто человеческое объяснение причин, по которым Пруссия должна начать войну? Она не может сослаться на желание расширить территориальное пространство и в равной мере не может, не лукавя, заявлять, что неадекватное управление австрийскими властями Гольштейном послужило casus belli , хотя Бернсторф говорил мне недавно, что вольности, разрешенные в Гольштейне генералом Габленцем, и враждебные статьи в газетах, инспирированные Австрией, для Пруссии труднопере-носимы»198.

Да и сам Бисмарк понимал, что у него еще нет очевидных оснований для войны. Надо было туповатому Менсдорфу, австрийскому министру иностранных дел, выкинуть какую-нибудь глупость, чтобы дать Бисмарку хотя бы зацепку для развязывания войны, но граф пока ничего такого не сделал. Информированная графиня Габриела Гацфельдт в письме Менсдорфу, глумясь над Бисмарком и сравнивая его с унтер-офицером в прусском полку, предупреждала:

…

«Здесь все считают: Бисмарк выжил из ума и настолько запутался во внутренних и международных проблемах, что жаждет развязать войну tout prix [55] , с тем чтобы выкрутиться

и сохранить свое положение»199.

Даже Роон, близкий друг Бисмарка, начал тревожиться за состояние его психического и физического здоровья. 26 марта 1866 года он мрачно писал Морицу фон Бланкенбургу:

…

«У нас все плохо. Геркулесовые усилия, которые денно и нощно употреблял наш друг Отто Бисмарк, истощили его нервную систему донельзя…

Позавчера у него были острые боли в желудке, и вследствие этого вчера он был настолько подавлен, зол и раздражался – из-за всякой ерунды, что сегодня и я забеспокоился, зная, какие дела нам предстоят… Полного душевного спокойствия не бывает при больном желудке и измотанных нервах»200.

Эти симптомы душевной и физической нестабильности позволяют нам отметить еще одну уникальную особенность Бисмарка: ни один государственный деятель XIX да и XX столетия не болел так часто, так принародно и так драматично. Бисмарк оповещал о своих хворях каждого встречного и поперечного. Во всеуслышание и без всякого стеснения он жаловался на то, что титанические обязанности, возложенные на него, подорвали его здоровье, – начиная с шестидесятых годов и до выхода в отставку. В определенном смысле он был недалек от истины. Колоссальная жажда власти, сопровождавшаяся вспышками озлобления на всех – и друзей и врагов – если они мешали ему, действительно изматывала его духовные и физические силы, и Бисмарк сам хорошо знал это. В то же время положение, в котором он оказался, не оставляло ему другого выбора. Противники при дворе – прежде всего королева, кронпринц и кронпринцесса – на самом деле чинили ему препятствия, стараясь оторвать его от короля. Ярость в комбинации с осознанием бессилия – неспособности влиять на «их высочества», привлечь на свою сторону или убрать с дороги – постепенно разъедала прежде неплохое здоровье. Он ненавидел их до боли, испытывая реальные душевные и физические муки, но избавиться от страданий мог только в том случае, если бы уступил или поделился властью. Пойти на такой шаг Бисмарк был совершенно неспособен. И Роон, и другие близкие ему люди не могли не видеть, как нарастает в нем раздражительность, нетерпимость, иррациональность. Многие из них, как и давний друг фон Белов, понимали, что истоки постоянно болезненного состояния находятся не в теле, а в душе.

Старая шутка гласит: «Если вы не параноик, то это еще не значит, что за вами не следят». Бисмарк подозревал – и не без

оснований – существование тайного сговора против него начиная с середины шестидесятых годов. Королева Августа теперь регулярно получала доклады о действиях правительства в сфере внешней и внутренней политики от барона Франца фон Роггенбаха (1825–1907), бывшего премьер-министра Бадена. Привлекательный и утонченный Роггенбах совершил головокружительную карьеру, став премьер-министром великого герцогства Баден в 1861 году в возрасте тридцати шести лет. Он проникся неприязнью к Бисмарку еще до того, как почувствовал угрозу. В мае 1865 года Роггенбах внезапно подал в отставку, протестуя против политики Бисмарка в отношении Шлезвиг-Гольштейна. Альбрехт фон Штош, ставший членом тайного «теневого кабинета» королевы, писал своему другу Отто фон Хольцендорфу, выражая сожаление по поводу отставки Роггенбаха:

...

«Ваши сообщения из Бадена меня очень интересуют. Роггенбах был яркой звездой среди государственных деятелей. Досадно, что он бросил свой проект, так и не доведя его до конца»201.

Пространные памятные записки, которые Роггенбах готовил для королевы с лета 1865 года, отличались профессионализмом многоопытного дипломата. Опубликованная переписка Роггенбаха с королевой и фон Штошем, начавшаяся сразу же после отставки, содержит 453 страницы202. В мемуарах Бисмарка Роггенбах обычно предстает источником всех интриг, хотя с дворами кронпринца, принцессы Прусской, великого герцога Бадена и герцога Саксен-Кобургского были связаны и другие умеренные либералы-конституционалисты203. Среди них оказался и генерал фон Штош, редкий образчик прусского генерала-либерала.

Война уже была не за горами. В понедельник 27 марта 1866 года король Пруссии и его министры собрались на коронный совет, на котором Вильгельм согласился провести частичную мобилизацию и объявить призыв резервистов. Роон беспокоился, что «невротическое нетерпение Бисмарка приведет к беде»204. Действительно, уже на следующий день Бисмарк написал Роону: «Крайне желательно, чтобы король завтра же отдал необходимые приказы. В четверг он уже будет в другом настроении и не сделает этого. Вы увидите его завтра. Не могли бы вы устроить так, чтобы мы пришли к нему вместе?» Роон все устроил, и в среду 29 марта, накануне Пасхи, приказы были подписаны205. Мольтке приступил к действиям. Его мобилизационный план за последние два года значительно усовершенствовался, и 5 апреля

он уведомлял Роона:

…

«В том, что австрийцы – если им дать достаточно времени – способны развернуть столько же войск, сколько и мы, нет ничего нового. Я говорил об этом на всех совещаниях. Вопрос не в численности войск, а во времени, которое понадобится обеим сторонам для их развертывания. Таблицы, приведенные в конце моего доклада, ясно и наглядно указывают на то, что у нас будет преимущество в три недели, если мы начнем мобилизацию первыми или по крайней мере одновременно с австрийцами»206.

14 апреля Мольтке доложил королю о следующем этапе подготовки к боевым действиям. Всю свою мобилизационную стратегию он основывал на оптимальном использовании сети железных дорог. План Мольтке предусматривал переброску трех армий по трем главным и шести второстепенным железнодорожным линиям. Для Эльбской армии отводился железнодорожный маршрут Берлин – Дрезден – Фридланд; для Первой армии – линия Франкфурт – Гёрлиц – Лигниц; Второй армии предстояло передвигаться по линиям Штеттин – Бреслау – Ламгашуц – Рехенбах – Франкенштейн и Бриг – Нейссе. Война, собственно, и велась по тому сценарию, который Мольтке разработал за два с половиной месяца до ее начала207.

Перспектива войны привела в смятение кронпринца. Он написал генералу фон Швейницу:

…

«Король не желал войны, но Бисмарк месяц за месяцем взвинчивал его и довел до такого состояния, что старому государю ничего не оставалось, как согласиться на войну, которая взбаламутит всю Европу. Способностям Бисмарка манипулировать фактами и представлять их королю в нужном свете можно лишь позавидовать. С такой же фривольностью и пиратскими замашками он скоро потребует реформы рейха и предложит избрать новый федеральный парламент. И это в разгар нашего конфликта с парламентом! Он заводит нас в пропасть. Но от такого человека всего можно ожидать»208.

Австрийцы, безусловно, согласились бы с кронпринцем. Германская проблема их встревожила не на шутку. 7 апреля граф Бломе, подписывавший в Бад-Гаштейне конвенцию вместе с Бисмарком, а теперь служивший австрийским послом в Баварии, писал в Вену статс-секретарю (*Hofrat*) Людвигу фон Бигелебену:

…

«Любой человек, внимательно следящий за общественным мнением, согласится с тем, что идея «реформы союза» всех взбудоражила и оттеснила на второй план проблему Августенбурга и независимости Гольштейна. Одновременно и страшась и желая реформы, баварские консерваторы надеются, что благодаря ей Бавария превратится в великую державу. Идея реформы союза привлекательна для всей «демократии», то есть парламента»209.

Кронпринц верно оценил намерения Бисмарка, а Бломе дал правильную характеристику настроений «демократии». Война с Австрией и реформа союза дополняли друг друга. 8 апреля был подписан прусско-итальянский договор, по мнению Эйка, «откровенно пренебрегавший конституцией Германии»210. По его условиям Итальянское королевство обязывалось вступить в войну против Австрийской империи, если она начнется в ближайшие девяносто дней, в чем Бисмарк совершенно не сомневался. Назавтра произошло еще более эпохальное событие. 9 апреля 1866 года прусский посланник представил союзу предложение, изменившее всю историю Германии. Из всех дерзких инициатив Бисмарка именно этот проект произвел самые кардинальные и долговременные перемены в жизни германской нации. Официальное сообщение, опубликованное 11 апреля 1866 года, гласило:

…

«Прусское правительство представило союзному сейму предложение чрезвычайной важности. Федеральному собранию предложено принять решение о созыве ассамблеи, избранной на основе прямого голосования и всеобщего избирательного права, и назначить дату для рассмотрения предложений германских правительств по реформе федеративной конституции, а до созыва указанной ассамблеи подготовить такие предложения по взаимному согласию между правительствами»211.

Предвидение кронпринца сбылось: Бисмарк выступил с предложением сформировать «парламент рейха». Но даже либеральный кронпринц никак не предполагал, что речь пойдет о демократически избранном парламенте. Бисмарк прибег к магии демократии, чтобы облапошить австрийцев и германские малые государства, поскольку хорошо знал: Габсбурги с их одиннадцатью национальными группами и нарастающей угрозой национализма не могут состязаться с ним на этом поприще. Он размахивал знаменем демократии, как крестом перед вампирами, хотя, возможно, мы и зря упоминаем всуе несчастного Дракулу, так как он был румынским князем и его замок находился в

контролируемой венграми Румынии, где никто даже и не помышлял о всеобщем избирательном праве.

Германская общественность была шокирована проектом Бисмарка. Либеральная «Кёльнише цайтунг» написала иронически: «Если бы Мефистофель забрался на кафедру и начал читать Евангелие, разве кто-нибудь поверил бы в его проповеди?»212 Австрийский посол в Саксонии информировал Вену о реакции саксонского премьер-министра Бейста:

…

«Пока прусское предложение сформировать германский парламент в Дрездене вызывает лишь смех, поскольку оно исходит от графа Бисмарка. Но с учетом того германизма, которым заражена немалая часть населения Саксонии, никто не может гарантировать, что этот смех не перейдет в нечто более осмысленное и серьезное»213.

Проект Бисмарка привел в смятение и его бывших патронов и сторонников, правоверных христианских консерваторов и читателей «Кройццайтунг», соседей, друзей и родственников. Граф Адольф фон Клейст с тревогой написал Людвигу фон Герлаху:

…

«Что вы думаете о последнем фортеле Бисмарка? Суверенитет народа, конституционный конвент!! Хуже того – смута. Австрия права, придерживается принципов 1863 года, и ей аплодируют. Ради Бога, приезжайте в Берлин. Только вы имеете на него влияние, или по крайней мере он к вам прислушивается… Надо восставать. Мы все в растерянности. Я в отчаянии»214.

Принц Альберт Прусский (1809–1872), младший брат Фридриха Вильгельма IV, писал тому же Герлаху 14 апреля 1866 года более сдержанно:

…

«Я не могу понять истинного замысла Бисмарка. Он отвергает всю прежнюю систему. Непохоже, что ему нужно нечто вроде съезда князей. Или он провоцирует Австрию?.. Непонимание еще не дает мне права сомневаться в Бисмарке, и я подожду. А что вы думаете?»215

«Маленький Ганс» написал Герлаху 16 апреля 1866 года из своего поместья Киков:

…

«Благодарю вас за то, что вы защитили Бисмарка от

поспешных обвинений Адольфа. О конституционной ассамблее не может быть и речи. Остается всеобщее избирательное право, а что еще?.. Прежде чем судить его, надо оценить всю ситуацию. Всем нам следовало бы не сетовать и критиковать, а доверять… Да благословит Господь нашего Бисмарка, наставит его и даст нам жить в мире, а если мир трудно сохранить, то пусть же Господь поможет ему очистить свою совесть усилиями достичь поставленных целей посредством честного и благородного мира»216.

Члены партии еженедельника «Кройццайтунг» не разделяли благочестивые советы Ганса фон Клейста: верить в Бога и Отто. Многих поведение Бисмарка возмутило. 2 мая тайный советник Биндевальд, один из бывших учеников Людвига Герлаха, а теперь высокопоставленный государственный служащий в прусском министерстве по делам религии, образования и здравоохранения (*Kultusministerium*), настоятельно попросил Людвига фон Герлаха, признанного духовного лидера правых экстремистов, занять твердую позицию:

…

«У меня нет больше сил терпеть это, и после консультаций с президентом Клейстом и Бёттнером я умоляю вас вмешаться и через «Кройццайтунг» предать гласности наши возражения и угрозы, заключающиеся в федеральной реформе, и по крайней мере отстоять принципы, которые намного важнее дипломатических маневров с целью досадить оппоненту. Предложенный парламент и система его избрания тревожат меня в меньшей степени, нежели образ и место действия. Без парламентского механизма сегодня не может принимать решения ни один государственный деятель, но парламент не может и не должен быть учредительным органом. Сначала измываться над палатами, поставить отношения с ними на грань coup d'tat , а потом вдруг выступить с идеей парламента для всей Германии!»217

Через два дня, 4 мая, принц Альберт снова написал Людвигу фон Герлаху, сообщая теперь уже о том, что его информировали о начале частичной мобилизации. Отношение принца к Бисмарку оставалось прежним:

…

«У меня не было возможности ни встретиться, ни переговорить с графом Бисмарком. Он все еще нездоров и появлялся на людях раз или два… Статьи о федеральной реформе меня не удовлетворили. Многое в ней вызывает сомнения, но я безгранично верю Бисмарку и полагаю, что она является плодом долгих

размышлений и продуманным планом, а не сиюминутным решением или политическим шахматным ходом»218.

Примечательно, что именно принц более старшего поколения лучше всех понял Бисмарка. Можно в этой связи вспомнить и полемическую переписку Бисмарка с покойным генералом Леопольдом фон Герлахом в 1857 году по поводу отношений с Наполеоном III и упреков в бонапартизме. Бисмарк не считал несовместимыми демократию и консерватизм, и всеобщее избирательное право служило ему таким же средством в достижении своих целей, как и другие спорные проблемы или покровители, друзья и оппоненты. Но для Людвига фон Герлаха такие методы были слишком мудрены, и он 5 мая опубликовал статью под названием «Война и федеральная реформа» в газете «Кройццайтунг»:

…

«Не надо поддаваться страшному заблуждению, будто Божьи заповеди не распространяются на политику. Justitia fundamentum regnorum … [56] Притязания Пруссии на приумножение господства в Германии праведны в такой же мере, как и стремление Австрии сохранить свое господство в Германии. Нет Германии без Пруссии и нет Германии без Австрии… В разгар бряцания оружием Пруссия вдруг требует от союза ввести всеобщую подачу голосов. Это приведет только к политическому банкротству. Правовые отношения, политическую мысль и живых людей мы заменим на сухие цифры и упражнения в сложении и вычитании»219.

Бисмарк не простил Людвигу фон Герлаху критику. Но правдолюб и впоследствии продолжал нападать на «грешника из грешников», и Бисмарку ничего не оставалось, кроме как игнорировать «чудака». В 1873 году Бисмарк писал Люциусу фон Балльхаузену:

…

«Герлах превратился в сущего нигилиста, он все отрицает и критикует. Для него Фридрих II – вовсе и не «великий» и все его правление – сплошные неудачи и просчеты. Он восторгается 1806 годом [57] , потому что никто другой этого не делает»220.

Австрийский дипломат со своей стороны так оценивал тактику Бисмарка:

…

«Мы руководствуемся благородными мотивами – патриотизмом, честью, принципами законности и полагаемся на проявление мужества, решительности, чувств независимости,

справедливости и т. д. Он же уповает на низменные свойства человеческой натуры: алчность, леность, боязливость, малодушие, робость и недалекость ума»221.

Все эти эпитеты применимы и для характеристики поведения германских государств. Они малодушничали, колебались, сговаривались, сплачивались и тут же разъединялись. Наконец, 9 мая, федеральная ассамблея большинством голосов – девять к пяти – одобрила предложение Саксонии потребовать от Пруссии разъяснений поводов мобилизации:

…

«Высокое союзное собрание согласилось незамедлительно запросить у королевского прусского правительства исчерпывающие заверения относительно признания статьи XI федерального акта (согласно которой члены союза не вправе развязывать войну друг против друга, а должны разрешать конфликты на федеральном сейме)»222.

Бисмарк был уверен в успехе: он полагался на альянс и с итальянцами, и с народом. Наполеон III и его советники пребывали в нерешительности. Надо ли им поддержать Пруссию и Италию? Надо ли затребовать у пруссаков германские земли на Рейне в обмен на нейтралитет? Или лучше поддержать Австрию, дабы сохранить силовое равновесие? Бисмарк игрался с Наполеоном, как с рыбой, пойманной на крючок: то натягивал леску, то отпускал. Да, он мог бы уступить земли, а что скажет король? В конце концов Наполеон III решил 24 мая 1866 года созвать международную конференцию с участием Франции, Британии и России для урегулирования конфликта между двумя германскими державами. А 26 мая 1866 года Альбрехт фон Штош, генерал-квартирмейстер Второй армии, которой командовал кронпринц, приехал на большой военный совет с участием короля, Мольтке, Роона, Бисмарка, всех командующих и начальников штабов. В письме жене он так описал поведение короля и атмосферу совещания:

…

«Бисмарк намекнул, что война должна «округлить» территорию Пруссии. Кронпринц тогда спросил: означает ли это аннексию земель? Ему об этом ничего не известно. Король сказал рассерженно, что вопрос о войне пока не стоит, тем более о свержении германских князей. Он желает мира… Позиция Бисмарка была самой ясной и четкой. Я пришел к убеждению, что он подстроил все так, чтобы склонить короля к войне… Совещание длилось три часа, и когда мы вышли, кронпринц сказал: “Мы узнали

не больше того, что нам было известно и прежде. Король – против, Бисмарк – за”»223.

30 мая Бисмарк написал своему послу в Париже Роберту фон дер Гольцу:

…

«Я вижу, что волны возмущения и оппозиционных настроений бушуют только на поверхности. Их возбуждают высшие круги буржуазии, которые пытаются будоражить и народные массы несбыточными обещаниями. В решающие моменты массы поддерживают монархию, вне зависимости от того, какая у нее окраска – либеральная или консервативная»224.

Прусское правительство приняло приглашение на конференцию Наполеона в Париже: Бисмарк просто не хотел раздражать императора. Штош сообщал жене, что Бисмарк «скоро отправится на конференцию в Париж»: «Здесь этому радуются, поскольку если его нет на месте, то он не может и влиять на короля, и его оппоненты, которых становится все больше, получают преимущество»225. Менсдорф же сделал свою первую из двух самых серьезных ошибок. В отличие от Бисмарка Менсдорф отказался ехать на конференцию в Париж, исходя из того, что на ней будет обсуждаться и статус Венеции, а владения Австрии в Италии были неприкасаемы. Таким образом, конференция утеряла свое значение.

2 июня 1866 года Вильгельм I принял сакраментальное решение: назначил начальника генерального штаба Хельмута фон Мольтке командующим прусской армией, наделив его правом издавать приказы от имени короля. Впервые была нарушена традиция, положенная Фридрихом Великим: командовать армией надлежало королю. Более того, на Мольтке возлагалось руководство всеми боевыми действиями в дни войны и военным строительством в мирное время226. Годы доскональных и всесторонних военных разработок должны были теперь принести свои плоды. Генеральный штаб перешел на круглосуточный режим службы, и каждый командующий получил приказ вести журнал боевых действий с первого дня мобилизации227. К 5–6 июня было полностью завершено развертывание прусских вооруженных сил у границы – около 330 тысяч человек228. Недоставало одного – благоразумного повода для войны.

И в этот момент граф Менсдорф сделал свою вторую грубейшую ошибку. Австрийцы попросили вмешаться в конфликт федеральную ассамблею и уполномочили ее принимать решения. Она же и поручила генерал-губернатору Гольштейна созвать собрание сословий в нарушение конвенции Бад-Гаштейна.

Бисмарк незамедлительно заявил в официальной прессе:

…

«Представлениями, сделанными союзу, и созывом собрания сословий Гольштейна Австрия подвергла сомнению и поставила под угрозу суверенные права короля Пруссии как сорегента Шлезвиг-Гольштейна… Наше правительство даст достойный ответ на нарушение договора и отстоит свои права»229.

Пруссия и Австрия вплотную приблизились к войне. 9 июня Бисмарк написал герцогу Саксен-Кобург-Готскому: только «насилие» разрешит германскую проблему230. 10 июня он предложил германским государствам проект новой федеральной конституции, исключающей из союза Австрию и предусматривающей избрание нижней палаты всеобщим голосованием. Военное руководство новым государством должны совместно осуществлять Бавария и Пруссия231. 11 июня Бисмарк поручил Генриху фон Трейчке подготовить проект манифеста, с которым король обратится к нации накануне войны232. Генрих фон Трейчке (1834–1896) к тому времени приобрел огромную популярность среди германской профессуры. На его лекциях по германской истории публика переполняла залы. Он выступал перед скоплениями народа в общественных местах, сочинял пьесы, стихи, выступал в роли литературного критика. Родная сестра сравнивала его с Мартином Лютером. В 1863 году Трейчке опубликовал памфлет «Федеративное государство и унитарное государство», написанный в духе идеологии Бисмарка. Все малые государства – это фиктивные образования, а те, кто называет их «органическими», занимаются пустозвонством: «Мы все хорошо знаем, что слово «органический» появляется в политике обычно тогда, когда нечего больше сказать… Любая федеральная реформа в Германии будет пустой фразой до тех пор, пока сохраняется противоестественная связь Германии с Австрией»233. Трейчке принадлежал к небольшой группе германских либералов, обращенных в свою веру Бисмарком. Трейчке заявлял:

…

«Это ужасно, когда министра иностранных дел, самого выдающегося за последние десятилетия, больше всего и ненавидят в Германии. Еще печальнее то, что многообещающая идея реформирования конфедерации, предложенная правительством, воспринимается с таким пренебрежительным равнодушием»234.

Тем не менее когда Трейчке встретился с Бисмарком, его постигло разочарование. Историограф с горечью отметил: «О роли нравственных принципов в мире у него *нет и малейшего*

понятия»235.

Средние германские государства, как их тогда называли, вовсе не желали расставаться со своей независимостью. Французский путешественник, побывавший в Дрездене в середине шестидесятых годов, когда там еще находилась королевская резиденция правящей династии, с изумлением фиксировал детали местечковой монархии:

…

«Я насчитал по крайней мере двадцать признаков, указывавших на близость королевского дворца… Мимо шли офицеры, придерживая рукой сабли… Взад-вперед сновали толпы слуг в ливреях с эмблемами королевской короны, изображения которой сияли так, что могли повредить сетчатку ваших глаз»236.

Три династии – Ганновера, Саксонии и Вюртемберга – имели родословные не менее впечатляющие, чем генеалогическое древо Гогенцоллернов, и кичились ими. Но Бисмарк, совершив один из своих немногих реальных просчетов, переоценил могущество этих монархий и лояльность их подданных. Если бы он знал, с какой легкостью князья откажутся от суверенности (заупрямился лишь Ганновер), то никогда не ввел бы всеобщее избирательное право. Бисмарк сделал ставку на волеизъявление народа не потому, что затевал некую «белую революцию» или поддался бонапартистским настроениям, как полагают некоторые историки, а ради сохранения абсолютной власти прусского короля. К концу восьмидесятых годов он уже был готов к тому, чтобы отменить всеобщее избирательное право, увидев, что народ идет к католикам и социал-демократам, а не превращается в покорных и подобострастных крестьян. Бисмарк пал жертвой закономерности, выведенной Бёрком: «Очень благовидные планы с очень приятными начальными впечатлениями имеют зачастую постыдные и прискорбные завершения».

Первый акт драмы разыгрался 10 июня 1866 года. Поскольку Австрия в одностороннем порядке нарушила конвенцию Бад-Гаштейна, Пруссия теперь могла претендовать на владение всем Шлезвиг-Гольштейном. Генерал-лейтенант фон Мантейфель выпустил прокламацию, возвещавшую населению: «Дабы защитить попираемые права его величества короля, я вынужден взять на себя верховную власть в герцогстве Гольштейн»237. Прусские силы значительно превосходили по численности австрийские бригады, и австрийский вице-регент Гольштейна генерал-лейтенант барон Людвиг фон Габленц (1814–1874) отдал приказ о выводе войск. Генерал Мантейфель позволил австрийцам уйти с достоинством, под барабанный бой и с

развевающимися знаменами. Бисмарк негодовал, но он не мог давать приказы даже солдатам, не говоря уже о таком почтенном и заносчивом генерале, как Эдвин фон Мантейфель. Министр-президент выразил генералу свое возмущение в самых жестких тонах, а Мантейфель ответил тем же. Вот как Эрих Эйк описал реакцию Бисмарка:

…

«“Вы говорите, что насилие противно душе. Я отвечу вам словами Деверу: « Freund, jetzt ist’s Zeit zu lrmen !» («Дружище, пора шуметь!») Простите мою запальчивость, но ваша телеграмма, полученная сегодня утром, задела меня за живое. Отсюда и такой ответ. Ваш вспыльчивый старый друг Бисмарк”. Когда его перо скользило по бумаге, Бисмарку припомнились еще несколько строк из трагедии Шиллера «Смерть Валленштейна», соответствовавших настроению. Он приказал принести книгу, нашел эти строки и приписал:

Ich tat’s mit Widerstreben,
Da es in meine Wahl noch war gegeben,
Notwendigkeit ist da, der Zweifel flieht,
Jetzt fechte ich fr mein Haupt und fr mein Leben.
(Er geht ab, die anderen folgen)
Schiller, Wallenstein, Act III, Scene 10238.
Готовился свой меч я обнажить в бою
С сомненьем, с колебаньем и тревогой,
Когда другой я мог идти дорогой;
Прекращена борьба во мне: стою
Теперь за жизнь и голову свою.
(Уходит. Прочие следуют за ним.) [58]

Даже самый привередливый читатель не остался бы равнодушным, прочтя это письмо. Ни один государственный деятель не смог бы написать нечто подобное в напряженные дни войны»239.

Я думаю, что сделать это было по силам Черчиллю, хотя письмо, безусловно, выдающееся. Эрих Эйк привел нам очень интересный факт, но не отметил еще одну не менее важную деталь: слабость позиции Бисмарка. Министр-президент не мог приказывать Мантейфелю, ему оставалось только обхаживать генерала, уговаривать, обольщать драматургией. Подумать только: великий Бисмарк в самый решающий момент своей карьеры настолько бессилен, что его единственным соратником оказывается Шиллер. Конечно, в этом эпизоде, как это всегда бывало с Бисмарком, много самовлюбленности. Но факт остается фактом: Мантейфель повиновался королю, а не Бисмарку.

14 июня прусский делегат во Франкфурте объявил союзную конституцию недействительной, а на следующий день прусские посланники в Ганновере, Дрездене и Гессен-Касселе представили правительствам, при которых они были аккредитованы, ультиматум с требованием к полуночи дать согласие на все прусские предложения240. Настроения в Германии были преимущественно антипрусскими. Барон Кюбек, сообщая Менсдорфу об уходе австрийских войск из Франкфурта, особо отметил, что жители скандировали: «Трижды ура австрийцам! Победу австрийской армии!» Прусский контингент покидал город утром без оваций241.

Поздно вечером 14 июня лорд Лофтус встречался с Бисмарком, и это рандеву запомнилось ему надолго. Посол написал потом в мемуарах:

…

«В ночь на 15 июня я находился в резиденции князя Бисмарка. Мы прогуливались в саду, присаживались на скамейки, беседовали, как вдруг неожиданно для нас обоих часы пробили двенадцать. Бисмарк посмотрел на циферблат и сказал: «Сейчас наши войска начали входить в Ганновер, Саксонию и Гессен-Кассель. Схватка предстоит жестокая. Пруссия может потерпеть поражение, но в любом случае она будет сражаться отважно и достойно». “Если нас побьют, – добавил князь Бисмарк, – то меня здесь не будет. Я паду в последнем бою. Умирают только один раз, и лучше умереть, чем жить битым”»242.

Слова Бисмарка звучали фальшиво и театрально, хотя, конечно, у него были причины для тревоги. С военно-стратегической точки зрения, преобладавшей тогда, Австрия была просто обязана победить, и многие военные историки могут привести убедительные аргументы, подтверждающие это мнение. Несмотря на спокойную уверенность Мольтке, его позиции не были уж столь сильны. Он должен был разделить свои силы: одну армию направить на запад против Ганновера и Гессена и три армии бросить на восток, одну – на подавление Саксонии, а две другие – ввести на территорию Австрии. Не все командующие его армиями обладали надлежащим военным опытом и пользовались безусловным доверием короля. К числу искушенных полевых командиров можно было отнести лишь принца Фридриха Карла, племянника короля, и кронпринца Фридриха. Аналогичные проблемы были и у австрийцев. Командующий австрийской так называемой Северной армией в Богемии фельдцейхмейстер Людвиг фон Бенедек (1804–1881), «лев Сольферино», прославился своей отвагой в войне 1859 года. «Уже одно имя Бенедека несло в

себе угрозу молниеносного натиска, ударов слева и справа», – говорил Мольтке243. Если бы австрийский генерал и в этой кампании проявил такую же удаль, какую он продемонстрировал в роли командира корпуса, то ее исход мог стать иным, но он оказался неспособным управлять армией и в самые решающие моменты вел себя неуверенно. Мольтке пришлось поставить во главе Западной армии посредственного Эдуарда Фогеля фон Фалькенштейна, поскольку тот пользовался благосклонностью короля, однако войсками, направленными в Богемию, командовали достойные офицеры. Возглавить австрийскую Южную армию Франц Иосиф поручил бесцветному и близорукому эрцгерцогу Альбрехту, оказавшемуся способным и находчивым командующим. При содействии толкового начальника штаба Франца Иоганна он одержал убедительную победу над итальянцами244.

Мольтке столкнулся с еще одной трудностью – неадекватными коммуникациями. Железные дороги позволяли перебрасывать большие войсковые контингенты, а телеграф обеспечивал связь с ними, и стратегическая мобильность значительно повысилась. Однако вне железных дорог и особенно в ходе сражений командующие не могли поддерживать контакт друг с другом. Нередко Мольтке не знал, где и чем заняты его войска в тот или иной момент. Сотовая связь настолько нас избаловала, что мы даже не можем представить себе, насколько люди были разобщены в XIX столетии.

Для австрийцев же самую большую проблему создавала отсталость в огнестрельном оружии. Прусское «игольчатое ружье» было намного эффективнее австрийского «Лоренца». Франк Циммер отметил в своем исследовании:

…

«То, что австрийская армия полагалась на устаревшую модель стрелкового оружия, следует считать одним из самых печальных заблуждений в истории производства вооружений… Прусская модель тогда была наиболее совершенной. Странно, но именно из-за тех качеств, которые обеспечивали ей преимущества, австрийцы и не решились ею воспользоваться. Кайзер Франц Иосиф и его чиновники пришли к выводу, что простой солдат соблазнится скорострельностью и будет понапрасну тратить патроны»245.

Гордон Крейг добавляет: « *Zndnagelgewehr*… заряжалось с казенной части и делало пять выстрелов в минуту с 43-процентной поражающей точностью на расстоянии семисот шагов». Автор цитирует письмо австрийского *Landser*(пехотинца): «Дорогая Пеппи! Боюсь, что больше не увижу тебя. Пруссаки

убивают всех подряд»246. В сражениях австрийцы теряли в среднем в три раза больше людей, чем пруссаки. Излюбленная австрийская тактика штыковых атак обычно приводила к тому, что, как выразился генерал фон Блюменталь, начальник штаба прусской Первой армии, «мы расстреливали этих бедняг в лоб»247.

Бисмарк и Мольтке нервничали. Их генералы не спешили. В нетерпении Бисмарк спрашивал Роона 17 июня: «Мантейфель застрял в Харбурге по чьему-то приказу? Ему надо лететь на крыльях»248. Фогель фон Фалькенштейн повел себя еще более непонятно. Он с комфортом расположился в отеле «Цур кроне» Гёттингена и, похоже, тянул время, не желая вступать в противоборство с малочисленной и плохо организованной армией Ганновера. За ним закрепилась репутация человека со странностями: однажды генерал предал суду военного трибунала солдата за то, что он подал ему стакан воды не на подносе249. Мольтке понял, что его силы стали невероятно уязвимы: сравнительно небольшие контингенты были разбросаны на сотни километров, как отметил один критик, подобно бусинам, нанизанным на нитку250.

Уже после войны Штош сетовал на то, что многие командующие были слишком стары и им недоставало изобретательности. Тем не менее он признавал:

…

«Генеральный штаб был деятельный и энергичный и, самое главное, не связывал себя формальностями, а принимал решения по существу. Генерал фон Мольтке по праву считается одним из самых способных и проницательных военачальников; он отдает предпочтение крупномасштабным операциям… Рассказывали о нем такую историю. Когда в сражении при Кёниггреце настал критический момент, кто-то поинтересовался мнением генерала по поводу возможного отступления, и Мольтке ответил: “Решается будущее Пруссии. Отступление исключено”»251.

Если бы Бенедек, чьи силы располагались компактнее, атаковал Первую армию до того, как она соединилась с колоннами Эльбской и Второй армий, то весь план Мольтке мог рухнуть. Если бы ганноверцы и саксонцы сражались более упорно, то Западная армия Фогеля и Эльбская армия Карла Герварта фон Биттенфельда не подоспели бы вовремя на соединение с другими частями252. 28 июня генерал Фогель фон Фалькенштейн и прусская Майнская армия разгромили войска Ганновера при Лангензальце, и Ганновер капитулировал. Поражение побудило Франца Иосифа сменить министров. 30 июня в Вене было

сформировано новое правительство – «трех графов» – Белькреди, Эстергази и Менсдорфа, обещавших действовать более решительно.

30 июня король перевел главный штаб в чешский Йичин, где Мольтке с раздражением обнаружил, что все три армии полностью утеряли контакт с Северной армией Бенедека и их командующие понятия не имели о том, где она находится. А время поджимало, поскольку ожидалось прибытие французского посланника с требованием прекратить военные действия. Долгие переходы и дожди измотали передовые прусские части, дисциплина в войсках упала. Наконец, 3 июля 1866 года, состоялось решающее сражение у деревни Садова, располагавшейся к северо-западу от чешского города Кёниггрец (ныне Градец-Кралове) в верховьях реки Эльбы. Оно началось наступлением прусских Эльбской и Первой армий253. Вторая армия кронпринца еще не прибыла, чтобы завершить окружение. В 11.30 разведка сообщила Бенедеку, что вдоль Эльбы замечено продвижение крупных прусских формирований (Вторая армия кронпринца). Командующий австрийским IV корпусом фельдмаршал-лейтенант барон Антон фон Моллинари испросил разрешения атаковать прусский левый фланг, пока он еще открыт. «Я стоял перед растянувшимся влево флангом прусской армии. Молниеносной атакой мы могли бы отсечь левый фланг противника и открыть дорогу к победе»254, – цитирует Бенедека Вавро в описании Австро-прусской войны. Другой историк – Циммер полагает, что Бенедек намеревался нанести обычный фронтальный удар. Как бы то ни было, благоприятный момент был утерян, и вскоре Вторая армия кронпринца прорвала австрийский фланг, «воспользовавшись сложной конфигурацией местности и туманом и с полной отдачей употребив свои превосходные игольчатые ружья и артиллерию»: «Все случилось так быстро, что Бенедек не поверил офицеру, доложившему о разгроме, и сказал ему в гневе: “Чушь, не болтайте ерунду”». Офицер рапортовал генералу в 15.00 пополудни 3 июля 1866 года255.

Ближе к вечеру удивленный принц Фридрих Карл, командующий Первой армией, принимал австрийского фельдмаршала-лейтенанта фон Габленца, запросившего условия перемирия. «Зачем вам перемирие? – поинтересовался принц. – Разве оно необходимо вашей армии?» Габленц ответил: «У моего императора нет больше армии. Она уничтожена». Фридрих Карл записал в дневнике: «Только во время встречи с Габленцем я впервые осознал масштабы поражения австрийцев и нашей победы»256. Анализируя впоследствии причины победы Пруссии,

принц Фридрих Карл, чья Первая армия вынесла основное бремя битвы, пришел к выводу, что главную роль сыграли простые, но надежные обстоятельства:

…

«Обеспечивала нам победы отлаженная и вышколенная военная организация, в которой каждый знает свое место и даже посредственность способна выполнять свои задачи (ибо именно на посредственность она и рассчитана). Нельзя сказать, что мы выигрывали только благодаря армейской реформе, хотя она, безусловно, была необходима для совершенствования механизма. Гении, в общепринятом понимании этого слова, здесь ни при чем»257.

Иными словами, отношение к войне пруссаков было более практичным и современным. Военные игры, теория, учения, конечно, сыграли свою роль, но и только. Если бы Бенедек разрешил Моллинари вовремя атаковать левый прусский фланг и ввел в бой свои резервы, занимавшие незаметные позиции, то выученные и дисциплинированные пруссаки сломались бы так же быстро, как и австрийцы, и история Европы могла сложиться совершенно иначе.

О реакции Бисмарка мы узнаем у Крейга:

…

«Он чувствовал себя так, словно играл в карты, сделав ставку в миллион долларов, которых на самом деле не имел. Теперь же, выиграв весь банк, он вдруг приуныл и поник. Проезжая верхом на коне по полю, усеянному убитыми и ранеными, он грустно думал о том, какие чувства ему пришлось бы испытать самому, если бы среди этих тел лежал и его старший сын»258.

Штош, теперь уже генерал259, первый генерал-квартирмейстер Второй армии, отметил в дневнике факт прибытия фельдмаршала-лейтенанта фон Габленца, запросившего условия перемирия. Бисмарк в ответ потребовал исключения Австрии из Германии и объединения на первом этапе преимущественно протестантских северогерманских государств. Кроме короля Саксонии, не должен быть низложен ни один сюзерен. Но Гессену и Ганноверу предназначается лишь роль связующих земель между восточными и западными провинциями Пруссии. Кронпринц пригласил Бисмарка отобедать с офицерами штаба Второй армии. Штош записал в дневнике:

…

«Впервые мне довелось увидеть Бисмарка лично и в общении с

другими людьми, и я с радостью признаю, что он произвел на меня ошеломляющее впечатление. Ясность и грандиозность его взглядов доставили мне огромное наслаждение; он говорил обо всем уверенно и самобытно, и в каждой его мысли обнаруживались глубокие знания»260.

По случайному совпадению прусские избиратели голосовали в тот же день, когда происходила битва при Кёниггреце-Садовой, и официальная «Провинциелль корреспонденц» с ликованием сообщала: «С господством прогрессистской партии покончено. Она уступила значительное число мест более умеренным, частично консервативным и частично либеральным депутатам-патриотам». Численность фракции прогрессистов уменьшилась с 143 до 83 членов, либералов-центристов – с 110 до 65, а отряд консерваторов вырос с 38 до 123 человек261. Рудольф Бамбергер писал брату Людвигу: «Интересно, как много значит успех. Десять дней назад у Пруссии, кроме немногих мыслящих людей, друзей практически не было. Сегодня картина совершенно иная»262. Бисмарк одержал победу на обоих фронтах – дома и за рубежом, как он и предсказывал Дизраэли. Внешнеполитический успех задушил внутреннюю оппозицию. За двадцать четыре часа Бисмарк стал «Бисмарком – государственным деятелем-гением».

Свой исторический титул «государственного деятеля-гения» он подтвердил и дальнейшими действиями, заключив мир с Австрией без аннексий и победного парада в Вене. Это был не только благородный, но и разумный человеческий и дипломатический поступок. Бисмарк писал жене после победы:

«Если мы не будем перебарщивать с претензиями и не будем думать, что всех покорили, то нам удастся достичь мира, достойного наших усилий. Но мы одинаково быстро и возбуждаемся, и падаем духом, и передо мной стоит неблагодарная задача подливать холодную воду в кипящий котел и напоминать людям, что мы не одни в Европе и у нас есть три соседа»263.

Когда Штош пришел к нему как представитель кронпринца, Бисмарк сказал квартирмейстеру то же самое, что говорил личному секретарю кронпринца Карлу фон Норману (1827–1888):

…

«Для нас важнее всего исключение Австрии из состава Германии; нанесение большего ущерба, захват территории и тому подобное не должны иметь место, ибо нам потребуются силы Австрии… Он считает превосходным то, как блистательные военные победы помогают дипломатии. Все идет как по маслу»264.

Мольтке полностью разделял мнение Бисмарка. Он писал

жене 23 июля 1866 года, что «нам не следует подвергать риску наши достижения, насколько это возможно»: «Надеюсь, что мы так и поступим, не будем стремиться к возмездию и займемся нашими делами»265. Примерно такую же позицию занимал и граф Леонард фон Блюменталь, генерал и начальник штаба Второй армии:

…

«Мирные переговоры идут превосходно, и мир будет подписан, если король не создаст затруднений. Он настаивает на том, чтобы австрийцы уступили нам земли. Они готовы пойти на это в рамках решения вопроса о репарациях за нанесение военного ущерба. Похоже на то, что главным препятствием стала проблема чести и достоинства»266.

В 1877 году Бисмарк изложил свою версию событий, предшествовавших подписанию мира с Австрией, и в ней дана несколько иная трактовка мнений генералов. Он поведал ее Люциусу фон Балльхаузену, записавшему рассказ Бисмарка в свой дневник, а затем в девяностые годы включил в мемуары:

…

«Я был единственной персоной среди трехсот или около того человек, кому надлежало полагаться на собственные убеждения и не ссылаться на какие-либо другие мнения. На военном совете все, включая и короля, который председательствовал на заседании, выступали за продолжение войны. Я возразил, заявив, что война в Венгрии в жару и засуху, в разгар эпидемии холеры чрезвычайно опасна, и ради чего? После того как все генералы не согласились со мной, я заявил: «Как генерала, меня можно не послушать, но как министр я вынужден подать в отставку, если мое мнение ничего не стоит». Обсуждение происходило в моей комнате, поскольку я все еще болел. Закончив говорить, я сразу же удалился в спальню, запер дверь и бросился, рыдая от бессилия, в постель. Остальные еще немного пошептались и затем разошлись.

На следующий день у меня состоялся бурный разговор с королем… Он назвал мои мирные условия «постыдными». Он требовал себе Богемию, австрийскую Силезию, Ансбах-Байрёйт, восточную Фрисландию, часть Саксонии и т. д. Я пытался убедить его в том, что нельзя наносить смертельные раны тем, с кем мы захотим и даже будем вынуждены жить бок о бок. Он отверг мои доводы и кинулся, плача, на софу: «Мой первый министр дезертирует к врагу и навязывает мне постыдный мир!»

Я оставил его, твердо убежденный в правильности своего решения, и едва успел закрыть дверь своей комнаты и снять саблю,

как вошел кронпринц, предложив переговорить с отцом. Он тоже желает мира, понимает и разделяет мои доводы. Я начинал войну и должен ее закончить. Через несколько часов он принес мне письмо от отца, которое я сохранил. Выражение «постыдный» в нем встретилось мне дважды. «Поскольку я бросил его в самую тяжелую минуту, он вынужден, несмотря на блистательный успех армии, согласиться и принять постыдные условия». Эти «постыдные условия» и стали положениями Пражского мира» [59] 267.

Энгельберг считает версию Бисмарка сомнительной:

…

«Зачем Бисмарку понадобилось вводить в заблуждение читателей «Мыслей и воспоминаний» легендой о противлении генералов его мирным усилиям? Это можно лишь объяснить особенностями периода, в который они были написаны. Он прекрасно знал, что среди тех, кто способствовал его отставке, были и ведущие военачальники. Поэтому изображение позиции генералов в ложном свете было своего рода политической местью прусско-германскому генеральному штабу девяностых годов»268.

Тем не менее нельзя не учитывать того факта, что Бисмарк разговаривал с фон Балльхаузеном в 1877 году, когда Бисмарк находился у власти. Отношения Бисмарка с генералитетом испортились в 1866 году во время Франко-прусской войны, когда он вел тяжелую и изнурительную борьбу с офицерами генерального штаба, которых министр-президент называл «полубогами», по поводу политических и стратегических приоритетов. Возможно, на него повлияли оба эти фактора. У нас есть и другие свидетельства, подтверждающие и излишне эмоциональную реакцию короля на победу, и то, что истеричное поведение обоих – и короля, и его главного министра – было типично для их отношений, сложившихся к 1866 году. Так или иначе, описанный выше эпизод иллюстрирует непреходящую склонность Бисмарка перелагать на свой лад прошлые события, даже истории, рассказанные за обедом. Наверняка многие из нас поступают таким же образом, даже не задумываясь над этим. Хотя мы, конечно, не анализируем наш жизненный путь так же дотошно и педантично, как это делал Бисмарк.

26 июля 1866 года Пруссия и Австрия подписали в Никольсбурге прелиминарный мир на следующих условиях:

1. Австрия полностью выходит из ассоциации германских государств.

2. Австрия признает формирование федерации северогерманских государств под руководством Пруссии.

3. Взаимоотношения между южными германскими государствами и их отношения с Северо-Германским союзом определяются на основе свободного волеизъявления и взаимных договоренностей.

4. Австрия признает изменения во владениях, осуществляемые в Северной Германии.5. Австрия выплачивает репарации в размере 40 миллионов талеров за нанесение военного ущерба269.

«Изменения во владениях», по мнению Пфальце, были самым революционным требованием Бисмарка в 1866 году270. Одним росчерком пера Бисмарк лишил независимости королевство Ганновер и трона короля Георга, кузена королевы Виктории. Герцогство Нассау, северная часть Гессен-Касселя на Майне и город Франкфурт были просто-напросто проглочены. Если в Никольсбурге Бисмарк проявил умеренность и сдержанность, то по отношению к вольному городу Франкфурту он показал себя с самой худшей стороны. Его поведение в миниатюре отобразило алчную возбужденность прусской армии после победы. 16 июля 1866 года генерал Фогель фон Фалькенштейн оккупировал Франкфурт-на-Майне и взял на себя управление городом. Через три дня прусская армия захватила и отправила в Берлин 155 фунтов серебра. Мантейфель, сменивший Фогеля фон Фалькенштейна, потребовал в течение двадцати четырех часов выплатить 25 миллионов талеров, и сумма была уменьшена до 19 миллионов лишь после того, как городские власти доказали, что они внесли часть контрибуции. Приказ поступил непосредственно от Бисмарка. Бургомистр Фелльнер попросил дать ему побольше времени, чтобы он мог проконсультироваться с городским собранием, а когда обратился с запросом к собранию, то ему отказали271. Пруссаки потребовали представить список тех, кто голосовал против внесения денег, с тем чтобы покарать их. Фелльнер отказался дать имена. 23 июля бургомистр Фелльнер покончил жизнь самоубийством. Генерал, граф Максимилиан фон Рёдерн (1816–1898), сменивший теперь уже Мантейфеля на посту военного губернатора, приказал захоронить Фелльнера в 17.00, но два сенатора, бежавшие из оккупированного города, сообщили историю о прусских «зверствах» газетам. *Appelationsgerichtsrat*[60] д-р Кюглер, родственник сенатора Фелльнера, преподнес генералу фон Рёдерну веревку. Генерал громовым голосом произнес «контрибуцию все равно придется платить» и продолжал дымить сигарой272. Взбешенный оппозиционностью города, в котором он провел девять памятных лет, Бисмарк 25 июля 1866 года, за день до подписания прелиминарного мира в Никольсбурге, добавил Франкфурт в список государств,

подлежащих аннексии, хотя вольный город и не был включен прежде в перечень «максимальных требований»273. Граждане Франкфурта познали то, что уже давно поняли другие: Бисмарк не приемлет любую оппозицию. Примеры гораздо более изощренной и масштабной жестокости показали нам потомки победоносной прусской армии – внуки и правнуки фон Рёдернов и фон Мантейфелей в 1939–1945 годах. Триумф Бисмарка поразителен. Ему удалось полностью перестроить европейский международный порядок. Он говорил тем, кто хотел слушать, что и как собирается сделать, и осуществил свой замысел. Он достиг всего, не командуя армиями, не имея возможности отдавать приказы ни одному солдату, без своей политической партии и поддержки общественности и парламентского большинства, а скорее, наоборот, в условиях почти тотальной враждебности и неповиновения со стороны министров и государственной бюрократии. Он уже не пользовался и поддержкой могущественных консервативных группировок, помогавших ему вначале внедриться во власть. Наиболее влиятельные дипломаты внешнеполитического ведомства вроде Роберта фон дер Гольца и Альбрехта Бернсторфа были его заклятыми врагами, и ему об этом было хорошо известно. Королева и все королевское семейство его ненавидели, а король готовился отметить свое семидесятилетие. Кроме Роона и Морица фон Бланкенбурга, у него не было верных друзей, с кем он мог бы доверительно поделиться своими политическими планами. Без заступничества Роона и его неизменной преданности он вообще мог не выжить и политически, и даже физически. С полным основанием в августе 1866 года он мог стукнуть кулаком по столу и воскликнуть: «Я побил их всех! Всех!»274

8. Объединение Германии, 1866–1870

После триумфа положение Бисмарка кардинально изменилось. Теперь он был национальным героем. Австрийские репарации в сорок миллионов талеров значительно увеличили финансовые ресурсы правительства, и у Бисмарка появились реальные возможности для переустройства Германии. Старый Германский союз развалился; Австрия, изгнанная из Германии, должна была определить свою новую идентификацию в роли «восточной державы». Еще до подписания прелиминарного мира в Никольсбурге официальная пресса объявила о том, что предстоят выборы и прусскому парламенту будет предложен проект нового закона о выборах. В них примут участие, помимо Пруссии и территорий, включенных в состав Пруссии (Ганновер, Нассау, часть Гессен-Касселя, Франкфурт), и другие государственные

образования. Вот их перечень: Саксен-Альтенбург, Саксен-Кобург, Саксен-Веймар, Шварцбург-Зондерсхаузен и Шварцбург-Рудольштадт, княжество младшей линии Рёйсс (Гера), княжество старшей линии Рёйсс, Вальдек, Липпе-Детмольд, Шаумбург-Липпе, Мекленбург-Шверин, Мекленбург-Штрелиц, Анхальт, Ольденбург, Брауншвейг, Гамбург, Бремен и Любек. Новая избирательная система основывалась на прусском законе от 12 апреля 1849 года. Устанавливалось, что в каждом округе должно насчитываться 100 тысяч избирателей. Тогда на территории разросшегося прусского государства проживало 19 255 139 человек. Таким образом, новый парламент должен был состоять из 193 депутатов1. В новой федерации Пруссия заняла главенствующее положение: на нее приходилось четыре пятых и населения, и территории.

Предстояло разрешить еще одну проблему. Почти четыре года правительство Бисмарка существовало без утвержденного парламентом бюджета. Бисмарк уже убедил короля в необходимости пойти на некоторое примирение с либеральной оппозицией, с тем чтобы преодолеть бюджетный тупик. Более того, он проявил инициативу и еще до одобрения текста соглашения с Австрией попросил ландтаг возобновить заседания. Роль посредника Бисмарк поручил жене. 18 июля он написал Иоганне: «Почему палаты бездействуют? Поговори с Эйленбургом и скажи ему, что парламентскому корпусу следовало бы вмешаться до того, как начнутся серьезные переговоры»2. Он хотел использовать либералов и националистов как весомый политический фактор на переговорах, дающий ему право выступать от имени всей нации. Одновременно Бисмарк дал понять коллегам в правительстве, что его величество, возвратившись в Берлин, сразу же на ландтаге поставит вопрос об урегулировании свары вокруг бюджета. Король согласился – к ужасу «министров конфликта» – запросить индемнитет [61] за неконституционное прошлое.

Но значительные перемены на политических фронтах Пруссии начали происходить еще до возвращения короля в Берлин. 28 июля появилась новая партия, заявившая о своей преданности Бисмарку и нарекшая себя свободно-консервативным союзом. Трейчке написал жене: «Революция у нас теперь пошла сверху»3. Многие либералы признали, что ошибались. Рудольф Иеринг (1818–1892), профессор права в Гёттингене4, назвавший войну «ужасающе бездумной», покорился «гению Бисмарка»5. Либералы и националисты помирились со своим бывшим оппонентом, поскольку, как отметил Кристофер Кларк, Бисмарк нанес поражение неоабсолютистской и

католической Австрии, одержав великую победу над силами реакционного католицизма. Политические действия Бисмарка и победа протестантского королевства предопределены свыше, и поэтому они прогрессивны6. Надо не забывать, что в шестидесятые годы в Риме все еще владычествовал папа Пий IX, при котором либерализм осуждался. Бисмарк оказался на стороне врагов Римской католической церкви, заключив альянс с «безбожным» Итальянским королевством, захватившим папские территории во время борьбы за создание единого государства и унаследовавшим завет премьер-министра графа Кавура « *una liberta chiesa nello stato libarale*» – «свободная церковь в свободном государстве». Не случайно государственный секретарь Ватикана кардинал Антонелли, узнав о поражении австрийцев при Кёниггреце-Садовой, удрученно произнес: « *Casca il mondo!*» («Мир рушится!»)7

Не всем пришлась по душе новая примиренческая политика Бисмарка. Текст тронной речи стал известен заранее, и 1 августа 1866 года Ганс фон Клейст отправил Бисмарку целый меморандум, протестуя против идеи индемнитета:

…

«Как это можно одной фразой в тронной речи отречься от всех старых прусских институтов и элементов власти и отдать все – финансы, армию, палату господ, монархию, саму Пруссию – временному большинству во второй палате, которое рано или поздно уйдет на дно в водовороте политических событий? Пруссия без силы духа, сделавшего ее великой, – живой труп… как и без независимой монархии»8.

Бисмарк, приехавший в Прагу для завершения переговоров с австрийцами, пренебрег протестом своего давнего друга, написав жене 3 августа:

…

«Поднялся несусветный гам вокруг тронной речи. Липпе нападает на меня, и Ганс Клейст прислал мне гневное письмо. Этой мелкоте нечего делать, она способна видеть вещи не дальше кончика своего носа и любит упражняться в плавании по бурным волнам словоблудия. Я могу справиться с врагами, но что мне делать с друзьями? У них на глазах шоры, и они видят только отдельные фрагменты мира, а не весь мир»9.

Консерваторы «Кройццайтунга» уходили от Бисмарка, своего прежнего кумира, а бывшие противники из числа либералов, наоборот, потянулись к нему. Карл Френцель написал в журнале «Дойчес музеум»:

…

«В прошлом правительство было врагом либерализма, в процессе войны и аннексий оно стало врагом феодализма. Успехи, достигнутые во внутренней политике, основаны на ослаблении и того и другого фактора и формировании государственного фактора, который будет все больше возрастать»10.

Белый зал дворца был переполнен, когда здесь 5 августа 1866 года король выступал с тронной речью. Он произнес и те слова, которые вызывали особые возражения у Клейста:

…

«Многие годы правительство использовало государственные средства, не имея для этого законных оснований… Хотелось бы верить, что последние события способствуют пониманию необходимости в предоставлении моему правительству индемнитета в отношении того, что оно действовало, не опираясь на закон о бюджете, – с тем чтобы мы покончили с прежним конфликтом раз и навсегда»11.

Герман Петерсдорф написал в книге, посвященной жизнедеятельности фон Клейста:

…

«В Белом зале Ганс фон Клейст выбрал такое место, где его непременно должен был видеть Бисмарк. Оба дождались, когда закончится церемония и зал опустеет. Бисмарк подошел к фон Клейсту и бодро спросил: «Скажи мне, старина, откуда у тебя взялся текст тронной речи?» – «Этого я тебе не скажу». – «Я не люблю шуток. Мне придется прислать к тебе государственного обвинителя, если ты откажешься назвать источник». – «Пожалуйста, ты можешь засадить меня в тюрьму, но так ничего и не узнаешь». Они расстались молча. Пока Клейст переодевался дома, заявился фактотум Энгель, присланный министром-президентом, и передал просьбу Бисмарка немедленно прибыть к нему. Там уже были Роберт фон дер Гольц и Фридрих фон Савиньи. Министр-президент уже успокоился, встретил фон Клейста дружески и, пожав руку, сказал: «Все забыто». На государственном совете он предположил: «Думаю, что это сделал Вагенер». Гольцу и Савиньи министр-президент сообщил, что ему удалось согласовать формулировку «индемнитета» с кронпринцем»12.

Несмотря на извинения, дружба Бисмарка и Клейста на этом закончилась.

Положение, в которое Бисмарк сам себя и поставил, было действительно необычное и странное: далеко не либеральный

политик нуждался в поддержке либералов для реализации планов строительства нового германского государства. Либералы оставались его союзниками с 1866 года вплоть до конца семидесятых годов, когда он со свойственной ему бесцеремонностью бросил их. В новой политической ситуации, сложившейся с 1866 года, содержался еще один парадокс: несмотря на быстрое формирование «культа» личности Бисмарка, «его» свободно-консервативная партия на самом деле так и не стала для него опорой. В новой бисмарковской Германии доминировали три партии: либералы (разделившиеся на два лагеря – сторонников и противников Бисмарка), консерваторы (все в большей мере противники, нежели сторонники) и католики (противники). Ни на одну из них он не мог полагаться как на свою партию. Получалось так, что самый могущественный государственно-политический деятель девятнадцатого столетия не имел реальной парламентской поддержки и по-прежнему зависел от одной личности – эмоций и настроений престарелого монарха. Германию охватил национализм, но Бисмарк не был националистом. Либералы хотели и национального объединения, и свободы, но Бисмарк не был либералом, и, как теперь это поняли Ганс фон Клейст и Людвиг Герлах, его нельзя было считать и консерватором. Бисмарк менял политические ориентации, подобно тому как изменяется цвет воды в прудах утром, днем и вечером.

14 августа новый министр финансов, «золотой дядя» Бисмарка Август фон дер Хейдт представил бюджетной комиссии нижней палаты законопроект об индемнитете и предложил рассмотреть его вместе с запросом об открытии новой кредитной линии, пояснив: «Правительство не испытывает никаких трудностей; напротив, его финансовое положение прекрасное, и посему оно не намерено идти на какие-либо уступки». Комиссия большинством голосов – 25 к 8 – утвердила сдвоенный законопроект, посчитав, что «нелогично предоставлять правительству кредит и отказывать в индемнитете». Затем законопроект приняли обе палаты, а 14 сентября 1866 года король подписал его13.

Примерно в это же время в другой части Берлина происходило не менее знаменательное событие. 5 сентября 1866 года на улице Ораниенбургер была освящена новая синагога, построенная в мавританском стиле. Она могла вместить три тысячи человек и была самой грандиозной и богато декорированной иудейской молельней в Германии. Эмиль Бреслаур сообщал в газете «Альгемайне цайтунг дес Юдентумс»:

…

«В 11.30 утра началось освящение великолепного здания. Вход и фойе были украшены цветами, венками и горшечными растениями в художественном оформлении. Святилище заполнили прихожане еврейской общины и приглашенные высокие гости. Среди них мы заметили графа Бисмарка, министра фон дер Хейдта, фельдмаршала Врангеля, начальника полиции фон Бернута; присутствовали также судьи и представители городского совета, многие члены прусской палаты депутатов, среди которых были президент Форкенбек (sic!), доктор Кош и Иоганн Якоби. Церемония открылась исполнением прелюдии, написанной специально для этого события органистом Шванцером. Затем хор под управлением королевского музыкального директора Левандовского и в сопровождении органа и духового оркестра исполнил речитативом «Борух хаббо» и «Ма тову», в то время как в святилище торжественно вносили свитки Торы.

Бисмарк и другие гости наблюдали со стороны, как мимо них проносили свитки к главному нефу, где под фанфары и пение «Шемы» поместили в ковчег. Раввин Ауб затем прочел проповедь, цитируя стих 9 главы 2 из «Книги пророка Аггея»: «Слава сего последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф; и на месте сем Я дам мир, говорит Господь Саваоф»14. Ясно, что раввин воспевал не только славу святилища еврейской общины, но и нового Северо-Германского союза.

*Konfliktzeit*закончился, и Бисмарку теперь надо было избавиться от «конфликтного кабинета». Бодельшвинга он убрал еще в конце мая 1866 года, но король не любил новые лица. Из-за этого Бисмарк смог освободиться от Мюлера только в 1872 году, а от Зельхова и Иценплица – в 1873-м, хотя министра юстиции графа Липпе уволил в 1867-м. Хельма Брунк отметила: «Бисмарк считал, что лавры победителя в битвах при Дюппеле и Кёниггреце принадлежат ему… и коллегиальная структура государственного министерства была для него как бельмо на глазу»15. Как всегда, реальная власть находилась в других руках. Министры служили королю, а не министру-президенту. Бисмарк, отвергнув парламентскую модель правительства, лишил себя той власти, которой сегодня обладает премьер-министр любой европейской страны. Он не мог осуществить элементарную перестановку в кабинете. Мало того, Бисмарк превращал уволенных министров в своих извечных врагов. Министр-президент сетовал Густаву фон Дисту: «Я никогда не сомневался в том, что Бодельшвинг – очень опасный человек. Знаете, кто он? Лиса, которую, как вам кажется, вы подстрелили, перекинули через плечо, чтобы унести домой, а она начинает кусать вас в задницу»16.

21 сентября 1866 года состоялся военный парад победы с торжественным исполнением «Те деум» перед королевским дворцом. В праздничной толпе, наблюдавшей за прохождением армии, стоял и Густав Мевиссен (1815–1899), один из крупнейших католических промышленников и банкиров того времени17. Он был в восторге от парада:

…

«Шествие произвело на меня незабываемое впечатление. Я не поклонник Марса… но военные трофеи возбуждающе действуют и на дитя мира. Бесконечные шеренги солдат-победителей приковывают к себе глаза, волнуют душу»18.

В феврале 1867 года в «Ревю модерн» появился *«Monsieur de Bismarck»*Людвига Бамбергера. Эссе имело огромный успех и было издано в книжном варианте в июне 1867 года. Бамбергер, еврей-революционер, писатель, депутат и банкир, стал одним из ближайших помощников Бисмарка. Интересно, что он, пожалуй, первым увидел в Бисмарке революционера:

…

«В Германии до сего времени не было самобытной революции. Она может претендовать на изобретение протестантизма и философской свободы, но в сфере политического освобождения она не произвела ничего оригинального, самостийного или долговечного. В этом отношении ее нельзя сравнить ни с Англией, ни с Соединенными Штатами, ни с Францией, ни со Швейцарией, ни с Голландией, ни с Бельгией. Она последней прибыла на эту станцию, и в 1866 году мы стали свидетелями первых великих органических перемен, произошедших без заграничных импульсов… Нет ни малейших сомнений в том, что Бисмарк – прирожденный революционер. Революционерами рождаются – как и законниками – в силу определенного строения мозга; тогда как дело случая – родиться человеку рыжим или светловолосым»19.

К шестидесятым годам в Германии получили распространение массовые издания, и они молниеносно превратили Бисмарка в то, что мы сегодня называем медийной личностью. Еженедельник «Гартенлаубе» («Садовая беседка»), основанный в 1853 году и рассчитанный на средний класс, в 1867 году открыл новую колонку под названием «Фотографии из рейхстага». В апреле газета опубликовала словесный портрет Бисмарка:

…

«На высокой скамье, зарезервированной для федеральных

советников, сидит человек, привлекающий к себе сосредоточенное внимание и вызывающий живой интерес не только в Пруссии и Германии, но и во всей Европе. Подобно библейскому царю Саулу, он возвышается над современниками на целую голову; его рослая, властная и аристократическая фигура, затянутая в мундир кирасира, сочетает в себе решительность полководца и мудрость государственного деятеля»20.

Уличные торговцы деятельно продавали фотографии и бюсты Бисмарка. Он стал всеобщим идолом.

7 июня 1867 года король пожаловал ему «дотацию» из своих фондов. Бисмарк приобрел на эти деньги поместье в Померании, включавшее в себя и деревню Варцин. Сделав такое выгодное приобретение, Бисмарк со свойственной ему расчетливостью решил продать Книпхоф брату или кузену Филиппу, предупредив, что уступит имение «не дешевле рыночной цены»21. В великом государственном реформаторе, ставшем уже фактически исторической фигурой, по-прежнему сохранялась мелочность прижимистого сельского помещика. Само собой разумеется, что Бисмарк пригласил к себе в новое имение давнего друга Мотли, объяснив: хотя это и довольно далеко от Берлина, выехав поездом в 9.00 утра, «ты уже будешь здесь к обеду» [62] 22.

Когда наконец Мотли все-таки выбрался в поместье Варцин, он красочно описал жене Мэри житье-бытье Бисмарка:

…

«Образ жизни в Варцине очень прост, но на время здесь никто не обращает внимания. Я обычно спускаюсь вниз, как и Лили (дочь Мотли. – Дж. С .), между девятью и десятью. Мадам де Б., Мария и сыновья приходят вразнобой, но завтракают вместе с нами. Бисмарк появляется около одиннадцати. Завтрак у него легкий – яйцо и чашка кофе, а потом – пенковая трубка. Пока мы сидим там и разговариваем, секретарь приносит ему кипу писем, которые в старости будут служить большим стимулом, и он графитовым карандашом длиной около фута делает пометки, пишет ответы и проекты распоряжений. Мальчишки играют в бильярд здесь же, в другой части комнаты, а большая черная собака по кличке Султан бегает по всему помещению и встревает в разговоры… Со стороны внутреннего двора главное здание имеет два этажа и два длинных флигеля, отходящих от дома: в них находятся комнаты слуг и кабинеты. Двор представляет собой открытый четырехугольник. На газонной или лесной стороне вдоль всего дома тянется длинная веранда. Внутри расположена квадратная зала, из которой широкая лестница ведет наверх в другой большой зал, с которым соседствуют четыре просторные спальни. С каждой стороны

нижнего зала расположены номера, состоящие из одной-двух комнат и предназначенные для членов семьи или гостей, здесь же – библиотека и дамские комнаты. Под имением примерно 30 тысяч моргенов земли, что равно 20 тысячам акров. Значительную часть, две трети, занимает лес – сосны, дубы, березы. Под свою ферму он отвел 200–300 акров земли. Остальные угодья – фермы по 800–900 акров – сдавались в аренду. Река Виппер, протекавшая по его владениям, служит важным источником дохода. Он построил на ней две или три мельницы, одна из которых уже арендуется и действует»23.

Варцин помогал Бисмарку беречь и нервную систему. Он любил лес, долгие прогулки по угодьям, дававшие ему ощущение обладания собственной землей. В каком-то смысле в нем пробудилось самосознание юнкерского землевладельца. Имение служило ему духовным прибежищем.

Большую часть 1867 года Бисмарк вынужден был провести в Берлине: слишком много предстояло дел. Ему надо было переформировать прусское государственное министерство и создать правительство северогерманской федерации. Бисмарк намеревался возглавить оба органа исполнительной власти, не зная, правда, как ему удастся это сделать. Если построить новую федерацию во главе с Пруссией на основе прежнего союза без участия в нем Австрии, то можно использовать институты Франкфурта. Тогда у нее правящим органом будет комитет посланников, секретарь или канцлер для претворения в жизнь коллегиально принимаемых решений. Федеральным канцлером может быть государственный служащий, исполняющий приказы прусского министра-президента, то есть Бисмарка. Голоса Пруссии и проглоченных ею государств дадут ей в руки блокирующее вето при решении любых проблем, а министры никогда не осмелятся выступить против интересов Пруссии. Государственный деятель, сумевший ликвидировать древнее королевство Ганновера, получит в подарок Шварцбург-Зондерхаузен. С другой стороны, новые друзья Бисмарка – национал-либералы – хотели создать подлинное государство со своим национальным правительством, законами, политикой, системой мер и весов. В любом случае перед Бисмарком стояла непростая и не очень ясная задача – сформировать относительно устойчивый германский федеральный гибрид.

Надо было наладить отношения и с южногерманскими государствами, сражавшимися вместе с Австрией и теперь испытывавшими страх перед победившей, разросшейся и более грозной Пруссией. 13, 17 и 22 августа Пруссия подписала мирные договоры и соглашения об альянсе с Вюртембергом, Баденом и

Баварией. 23 сентября 1866 года Пруссия аннексировала Ганновер, который стал ее провинцией.

Королева Августа наблюдала за всеми этими событиями со стороны, но с возрастающим беспокойством. Как принцесса герцогства Веймар, она принадлежала к эрнестинской линии саксонского королевского семейства. Она любила иногда переходить на саксонский диалект и не смогла полностью свыкнуться с прусскими порядками. Она сочувствовала средним государствам и была матерью великой герцогини Баденской. Королева с удовольствием делала пометки на полях пространных докладов барона фон Роггенбаха о политических трансформациях в четырех пока еще независимых государствах Южной Германии и составляла проекты отдельных абзацев для писем супругу. 11 октября Августа, приложив меморандум Роггенбаха, написала королю Вильгельму:

…

«Умоляю тебя чистосердечно и самым настойчивым образом пожать руку дружбы, протянутую Баденом. Я была бы плохой матерью, если бы не обратила твое внимание на серьезность ситуации, описанной выше, и не попросила бы тебя с Божьей помощью заступиться за тех, кто нам дорог, во благо этой прекрасной страны»24.

Королева и Роггенбах всю осень 1866 года продолжали обмениваться пространными письмами, которые они, соблюдая осторожность, пересылали друг другу через доверенных людей. Они обсуждали проблемы суверенитета, государственного устройства, взаимоотношений между Пруссией, новой федерацией и государствами, как вошедшими в федерацию, так и оставшимися за ее пределами. Деятельная, обладающая ясным умом и упорством, королева была для Бисмарка сильным оппонентом, но вовсе не неизбежным. Уделял бы Бисмарк ей такое же внимание, каким одаривал королеву барон Роггенбах, возможно, ему и удалось бы склонить ее на свою сторону. Ничто в ее письмах 1866 года не указывает на то, что она отвергала политические инициативы короля и Бисмарка. Естественно, ее тревожил трудный и сложный процесс формирования многослойного единства несовершенных и эволюционирующих суверенитетов, но не более того. В начале 1867 года она писала барону Роггенбаху:

…

«Поскольку у меня нет контактов с главными действующими лицами, а распорядитель событиями в тех случаях, когда я с ним

встречаюсь, хранит молчание, то я, увы, ничего не могу сказать о его взглядах… К сожалению, я не могу послать вам и копию федеральной конституции, так как не смогла раздобыть ее даже для себя»25.

Поубавил бы в себе Бисмарк подозрительности и женоненавистничества, он вполне мог бы обнаружить в этой необыкновенной леди если не союзника, то по крайней мере внимательного слушателя. Правда, в таком случае ему пришлось бы прислушиваться и к мнению женщины, которую он не имел возможности ни контролировать, ни игнорировать. Тактика мелких укусов – министр-президент даже не прислал королеве копию новой конституции – была характерна для низкопробного мстительного отношения Бисмарка к своим врагам.

Тем временем физически Бисмарк заметно ослаб. Сказалось перенапряжение последних месяцев. Недужное состояние, проявлявшееся то в менее острой, то в более острой форме, с годами повторялось все чаще и чаще. Из-за болезней Бисмарк стал меньше времени проводить в Берлине. Пфланце подсчитал: в период между 14 мая 1875 года и ноябрем 1878-го Бисмарк 772 дня из 1275 находился либо в поместьях, либо на курортах26. Беспокоило ли это его чиновников? Генерал фон Швейниц записал в дневнике:

…

«Из Варцина только что вернулся граф фон дер Гольц. Когда я спросил – действительно ли болен Бисмарк, он ответил со смехом, который французы называют « la joie fait peur » [63] : “Что? Этот человек болен? Бисмарк никогда не болеет. Болен я”»27.

Поправлять здоровье Бисмарк отправился в Путбус на Балтику. Согласно легенде, Бисмарк и его верный личный секретарь, бывший социалист Лотар Бухер написали проект конституции за два дня. В действительности, как доказывает Пфланце, Бисмарк подготовил проект раньше и в основном сам, и это была его конституция, им разработанная, его удовлетворявшая и содержавшая элементы абсолютизма, необходимые для сохранения власти и монарха, и его собственной.

Эта конституция, как и более поздняя конституция Германской империи, основывалась на согласии между сюзеренами, вступившими в союз. Народ в ней не играл никакой роли, и это слово упоминалось только один раз в связи с рейхстагом. Наиболее показательны в этом отношении разделы, касающиеся союзного совета и союзного президиума. Статьей 6 устанавливалось, что бундесрат, или союзный совет, должен

состоять из бывших членов прежнего бундесрата во Франкфурте: «Их голосование определяется правилами, действовавшими для пленума прежнего Германского союза, так что Пруссия вместе с голосами, ранее принадлежавшими Ганноверу, Гессену, Нассау и Франкфурту, имеет 17 голосов». Согласно статье 7, решения должны приниматься «простым большинством». Поскольку Пруссии принадлежало 17 из 43 голосов, то при поддержке даже небольшого числа других государств она могла заблокировать любое предложение. Главой союза (статья 11) провозглашался «президиум в лице короля Пруссии». Президиум (статья 12) наделялся правом созывать, приостанавливать деятельность и распускать союзный совет и рейхстаг, а статья 15 устанавливала, что председательствует в союзном совете и управляет всеми делами *Bundes-kanzler*, союзный канцлер, назначаемый «президиумом». Институт власти, который Бисмарк спроектировал специально для себя, подчинялся непосредственно королю, как «президиуму», и более никому. Не предусматривалось ни кабинета министров, ни каких-либо иных органов управления. Другой не менее важной, 20-й статьей устанавливалось, что рейхстаг избирается прямым и всеобщим голосованием с тайной подачей голосов28. Бисмарк сдержал слово, данное им в 1866 году.

Северо-Германский союз все же располагал достаточно демократичной для того времени нижней палатой, сравнимой с другими парламентами. Статья 60 определяла численность армии в размере одного процента от населения, а статьей 62 на содержание одного солдата выделялось 225 талеров. Рейхстаг, таким образом, не мог повлиять на фиксирование военных расходов. Бисмарк предусмотрительно исключил предпосылки для возникновения новых конфликтов. Естественно, в проекте не были прописаны ни права человека, ни раздельная юрисдикция, ни налогообложение, ни иммунитет и права депутатов вне палат. Вся сложная и громоздкая конструкция основного закона опиралась на один фундаментальный принцип: единство верховной власти короля Пруссии и президиума союза и единство властных полномочий министра-президента Пруссии и *Bundeskanzler*, союзного канцлера. Иными словами, Бисмарк создавал конституцию не для нации, а для себя. Конституция Северо-Германского союза затем почти дословно была воспроизведена в конституции 1871 года, написанной для Германской империи, заразив ее всеми пороками прусского монархического режима. Статьей 63 командование всеми вооруженными силами Пруссии возлагалось на короля, и он наделялся неограниченными командными полномочиями.

Продолжали в прежнем виде существовать придворные свиты, армейские и военно-морские бюрократии и правительственная камарилья. При желании «президиум» в любой момент мог избавиться от канцлера. Бисмарк проектировал свою конституцию в расчете на сильного канцлера и слабого короля. В 1890 году ему пришлось убедиться в том, что он совершил ошибку.

Вернувшись в Берлин 1 декабря, Бисмарк внес в проект последние поправки и представил его 9 декабря королю, кронпринцу и прусским министрам, а 15 декабря 1866 года – совету посланников союзных государств. Переговоры с представителями князей были непростыми, но у Бисмарка, как всегда, имелись альтернативные варианты. Выборы нового рейхстага были назначены на 12 февраля 1867 года. Если король Саксонии или великий герцог Мекленбург-Шверина будут создавать проблемы, то Бисмарк обратится к демократическим силам. Он уже дал тайные распоряжения помогать не консерваторам, а радикалам, с тем чтобы «оказать давление на особо упрямые правительства»29.

Результаты превзошли все ожидания. В рейхстаг были избраны 297 депутатов. Консерваторы получили 63 места, германская имперская партия (сторонники Бисмарка) – 40, национал-либералы – 80, другие либералы – еще 40, а прогрессисты – всего лишь 1930. В Берлинском избирательном округе еврей-радикал Эдуард Ласкер нокаутировал Альбрехта фон Роона с огромным перевесом голосов – 4781 против 176531. Почти половина депутатов были аристократами, включая одного принца королевской крови, четырех принцев некоролевской крови, двух герцогов, двадцать семь графов и двадцать одного барона. Теперь Бисмарк получил возможность играть на противоречиях между германскими суверенными князьями и их подданными. Он предупреждал власти Саксонии: «У нас всегда есть выбор – либо полагаться на правительства, которые временно вступили с нами в альянс, либо оказаться перед необходимостью перенести центр притяжения в парламент»32. Два месяца шла борьба, и наконец 16 апреля конституция с незначительными поправками была принята большинством голосов – 230 к 53, а 31 мая 1867 года ее одобрил и прусский ландтаг. В ней сохранились все бисмарковские идеи: никакого билля о правах, никакой независимой юрисдикции, никакого ответственного перед парламентом кабинета министров, никаких льгот для депутатов. Эта победа, хотя и менее славная, чем при Кёниггреце, имела для Бисмарка огромное значение. Он объединил миллионы немцев в едином государстве, а их избранники, не оказав малейшего сопротивления, приняли закон,

не гарантирующий народу либеральных прав. Новая Германия унаследовала худшие атрибуты прусского конституционного абсолютизма, которыми теперь распоряжался Отто фон Бисмарк.

Перед Бисмарком встала еще одна серьезная проблема, осложнявшая ему жизнь, а впоследствии озадачившая и его биографов. В соответствии с его же собственным замыслом он стал единственным управляющим государства с населением 29 572 511 человек33, в котором требовалось принимать новые законы и проводить реформы. Железные дороги, почта, суды, каналы, банки, фабрики, школы, финансовые учреждения, университеты, технические колледжи – все должно было действовать слаженно и эффективно. Бисмарк не предусмотрел формирования союзного кабинета и не очень представлял себе, как будет сочетаться деятельность союзного канцлера и прусского министра-президента. С 1867 года и до выхода в отставку в 1890 году вся его жизнь была напряженной борьбой за то, чтобы держать под контролем нескончаемую череду событий, к которым он так или иначе оказывался причастным. Яркий пример того, как Бисмарк все решал сам, дает нам Штош в письме жене о переговорах с французами после завершения Франко-прусской войны (такие свидетельства могли бы привести все, кто служил под началом Бисмарка):

…

«Я имел возможность видеть Бисмарка в действии (на мирных переговорах. – Дж. С .) и должен сказать, что меня восхитила убедительность, с какой он выражает свое мнение, и способность влиять на собеседника. С другой стороны, мне показалось странным то, что на решающую стадию переговоров он не взял никого, кроме тех, кто, подобно мне, ему был нужен для исполнения технических функций. Он один сидел напротив оппонента и мутузил его. Преимущество такого метода в том, что процесс переговоров ускоряется. Недостаток – достигнутое соглашение поддается различным интерпретациям. Проблемы тогда разрешаются силой»34.

Управлять самым быстро растущим современным государством Европы, наверно, было нелегко и государственному деятелю-гению, но Бисмарк не любил делиться властью с кем-либо.

Вдобавок ко всему ему надо было еще определиться с назначением и функциями бундесрата, союзного совета. Что это? Сенат, верхняя палата в его новом государстве? Или говорильня для представителей малых государственных образований? В письме своему заместителю в министерстве иностранных дел Герману фон Тиле от 21 июля 1867 года Бисмарк так решил проблему взаимоотношений Пруссии и союза:

…

«Я считаю нежелательным и вовсе не необходимым, чтобы король открывал первую сессию бундесрата. Это создало бы у наших коллег в союзе впечатление, будто представители их государств имеют такой же статус, как прусский парламент. Бундесрат должен заниматься вопросами союзного бюджета и таможенного договора, а они уже существуют в реальности и не требуют решений его величества»35.

Иными словами, бундесрат должен знать свое место и не вмешиваться в дела Бисмарка.

Тем не менее и сам Бисмарк нуждался в собственном федеральном ведомстве. 10 августа 1867 года он предложил рейхстагу учредить *Bundeskanzleramt*(канцелярию союзного канцлера): «Орган, аккумулирующий идеи различных управленческих подразделений и готовящий с участием заинтересованных департаментов предложения для вынесения их на обсуждение бундесрата и рейхстага Пруссией как лидером и членом Северо-Германского союза»36. Наконец, у Бисмарка появился свой аппарат канцлера с конкретными задачами и штатом. Начальником канцелярии союзного канцлера он назначил Рудольфа Дельбрюка (1817–1903). Почему именно его? Объяснение простое – Дельбрюк никогда не занимал министерский пост и потому не имел ни сторонников, ни противников в парламенте. Долгое время он служил в министерстве торговли и приобрел репутацию крупного специалиста в сфере таможенных отношений. Дельбрюк так описывал свои карьерные ожидания:

…

«Мои отношения с королем и графом Бисмарком позволяли мне надеяться на то, что после нескольких лет я смогу заменить графа Иценплица в министерстве торговли. Я предполагал, что на посту министра торговли и закончу свою карьеру. Однако все вышло иначе»37.

Для ведомства Бисмарка учредили и должность вице-канцлера, утвержденную рейхстагом 12 августа 1867 года. Вице-канцлер, помимо руководства *Bundeskanzleramt*, представлял канцлера и председательствовал в бундесрате во время его отсутствия, что случалось довольно часто. Вице-канцлер сразу же принялся за дело, взяв на себя управление практически всеми сторонами жизни нового государства. Из канцелярии, как из рога изобилия, посыпались декреты – Бисмарк назвал это рвение «административным поносом»38. Дельбрюк лучше всех умел сочетать чиновничью расторопность и послушание. Бисмарк

говорил в 1870 году великому герцогу Баденскому:

…

«Дельбрюк – единственный человек, о котором я могу сказать, что он в совершенстве разбирается во всех вопросах и обладает уникальной способностью организовывать исполнение поставленных задач»39.

Дельбрюка вскоре начали называть «вице-Бисмарком», хотя он, конечно, ничем не походил на Бисмарка, поэтому и прослужил так долго под началом деспота. Он трудился не ради признания и титулов и чувствовал себя уютно рядом с деспотической личностью Бисмарка. В 1867–1870 годах Дельбрюк сделал немало полезного: внес законопроекты о введении единой валюты и унифицированной метрической системы, о свободном выборе профессий и ремесел (*Gewerbefreiheit*), о свободе передвижения и поселения40. Карл Фридрих фон Савиньи, давний друг и соперник Бисмарка, говорил: «Позиции Дельбрюка сильны уже тем, что его интересуют только те вещи, которые скучны для Бисмарка»41.

Отношения «вице-Бисмарка» с другими высокопоставленными чинами складывались не самым лучшим образом. В феврале 1873 года Штош, генерал, а теперь и начальник имперского адмиралтейства, недовольный и Бисмарком, и Дельбрюком, написал кронпринцу:

…

«Я имел несчастье скрепить своей подписью имперское распоряжение, исходившее от имперского канцлера. Мало того, канцлер через своего заместителя (Дельбрюка) вмешивается в дела моего департамента. Конфликт, возникший в этой связи, вылился вчера в безобразную сцену, когда государственное министерство собралось на так называемое «частное» совещание в ведомстве имперского канцлера. Перед совещанием князь Бисмарк пригласил меня к себе в кабинет и заявил, что я лишен элементарных административных способностей и навыков и должен безоговорочно подчиняться ему вне зависимости от того, кого он назначает своим представителем. Я ответил зло, и, когда мы входили в зал, где проходило совещание, лица у нас обоих пылали. Сегодня я попросил его величество назначить меня заместителем канцлера по морским делам, вместо Дельбрюка, или освободить меня от занимаемой должности»42.

С другой стороны, Дельбрюк, похоже, раздражал и Бисмарка тем, что консультировался с членами государственного министерства, которые оказывались евреями. Люциус писал в

мемуарах:

…

«Вчера в полдень княгиня вызвала меня с совещания. У князя состоялся разговор с Дельбрюком, после которого он был настолько возбужден и раздражен, что не спал всю ночь. Когда я пришел к нему, он лежал в постели, но выглядел лучше и бодрее, чем в прошлый раз. Княгиня сказала: "Он лежит здесь и переживает, что ни в министерстве, ни в бундесрате у него нет адекватного представительства. Дельбрюк водит компанию с Фридбергом, Фриденталем, Ласкером, Вольфсоном, Бамбергером, со всеми евреями, что затрудняет подготовку законо-проектов"»43.

Обстоятельства заставляли и Бисмарка контактировать с либералами, а это означало, что он должен был иметь дело с фриденталями, фридбергами, ласкерами, бамбергерами и симонсами. Они раздражали его не только как евреи, но и как оппоненты. Штош в письме новеллисту Густаву Фрейтагу от 18 августа 1867 года отметил еще одну характерную деталь в поведении Бисмарка:

…

«Чем могущественнее становится Бисмарк, тем больше досаждают ему люди, которые, как он считает, думают и действуют только в своих интересах. Он все больше нервничает и опасается сомнительных связей… Раздражение, которое у великого государственного деятеля вызывают человеческие слабости и люди маленького роста, зачастую выходит за рамки нормальной психики»44.

«Маленьким человечком», особенно досаждавшим Бисмарку, был Людвиг Виндтхорст (1812–1891), юрист из Ганновера, избранный 31 августа 1867 года в северогерманский рейхстаг от округа Меппен – Линген – Бентхайм и остававшийся депутатом двадцать четыре года до самой смерти. Маргарет Лавиния Андерсон написала о нем:

…

«Людвиг Виндтхорст вошел в историю как самый выдающийся парламентарий имперской Германии. С учетом депутатства в сейме королевства Ганновера он прослужил в законодательных органах своей страны тридцать пять лет. Согласно подсчетам одного депутата, он выступил 2209 раз только в рейхстаге, больше, чем кто-либо из его коллег. В дебатах ему не было равных; в тактике с ним мог соперничать только Бисмарк»45.

Трудно найти другого человека, который бы так разительно

отличался от Бисмарка. Полуслепой уроженец Ганновера, ярый приверженец Римской католической церкви, карлик Виндтхорст мог противопоставить рослому протестанту и пруссаку Бисмарку только лишь свое остроумие и ораторское искусство. Католический политик Петер Рейхеншпергер (1810–1892), прослуживший более тридцати лет в прусском ландтаге и тоже избранный в 1867 году в северогерманский рейхстаг46, так отзывался о своем коллеге:

…

«Виндтхорста по праву можно назвать титаном парламентаризма. Только его можно поставить в один ряд с Бисмарком. Он обладал острым политическим чутьем и умел маневрировать с непревзойденным мастерством. Маленький, похожий на гнома, с нелепо искривленным ртом и в очках с огромными, бутылочно-зеленого цвета линзами, подслеповатый, он сразу же обращал на себя внимание…47

Его внешняя одиозность усиливалась язвительным остроумием и идиосинкразическими взглядами. Никто не знал, что скрывается над, под или за его очками»48.

Виндтхорст служил в правительствах Ганновера, а в 1867 году стал адвокатом свергнутого короля Георга V Ганноверского (1819–1878) и отстаивал его материальные интересы в переговорах с Пруссией. Королю был обещан доход с его капитала в размере 16 миллионов талеров в обмен на возврат государственных средств, отправленных в Англию во время войны49. Бисмарк конфисковал королевскую собственность и создал тайный Вельфский фонд, который использовал по своему усмотрению. Георг, человек жесткий и упрямый, отказался признать свое низложение, чем поставил в неловкое положение двоюродную сестру, королеву Викторию. 17 августа 1866 года она написала по-немецки Августе, герцогине Кембриджской, что ее долг ощущать себя англичанкой, каковой она прежде всего и является: «Ей остается лишь выражать свои немецкие чувства просьбами об участливом и снисходительном отношении к королевской семье Ганновера и коронным землям»50. Король Георг обустроил свой двор в Гицинге под Веной и старался, елико возможно, досаждать Бисмарку. Он сформировал ганноверский легион для борьбы за восстановление своего престола и благословил создание ганноверской политической партии, которая с 1867 и до 1914 года направляла своих представителей-сепаратистов в рейхстаг. Их число колебалось от четырех в семидесятых годах до десяти или одиннадцати в следующем десятилетии51.

Виндтхорст, хотя и ганноверец, не вступил в вельфскую партию. Вначале он вообще не принадлежал ни к какой партии52. Депутат из Вальденбурга Браун оставил нам занимательный рассказ о том впечатлении, которое производило острословие Виндтхорста в рейхстаге, записав один из его спичей, произнесенных до того, как войти в католическую центристскую партию:

…

«“Одно время существовала фракция, состоявшая из одного члена. Это была фракция Меппена. (Смех .) И эта фракция так о себе заявила, так часто брала слово и так возбуждала аудиторию, что привлекла к себе всеобщее внимание в палате, убедительно доказав тем самым, что здесь умеют уважать меньшинства”. (Смех .) Депутат Виндтхорст затем поклонился спикеру, который ответил ему тем же, и сказал: “Приведя яркий пример нашего уважительного отношения к меньшинствам, я должен выразить большое сожаление по поводу того, что эта фракция самораспустилась”53. (Гомерический смех .)».

Благодаря незаурядной политической интуиции Виндтхорст заранее знал, что его ожидает. В письме Матиасу Дейману от 2 ноября 1867 года Виндтхорст объяснял: он решил баллотироваться в парламент, потому что «скоро может понадобиться обсуждать положение его святейшества». Но он отверг возможность отступления католиков: «Куда бы ни направлялся локомотив, я еду с ним, с тем чтобы – в нужное время и при соответствующих обстоятельствах – остановить его или выкинуть машиниста и самому повести его»54. В декабре 1867 года король устроил прием для депутатов нового северогерманского рейхстага. Депутат-либерал Фальк встретил там и Виндтхорста:

…

«Войдя в комнату, где собирались гости, я сразу же обратил внимание на маленького человечка в черном сюртуке, расхаживавшего взад-вперед. На нем была звезда, а с шеи свисала лента неизвестного мне ордена. Он показался мне каноником, о чем по крайней мере свидетельствовало убранство. Голова его была невероятно крупная, лицо – уродливое, и вся его внешность поражала своей курьезностью»55.

Виндтхорст первенствовал в рейхстаге и католической центристской партии в продолжение двадцати четырех лет, не занимая государственного поста и не стремясь к нему. Он удерживал пальму первенства исключительно благодаря

уникальным свойствам своей личности и этим напоминал Бисмарка с одним лишь существенным различием: у одного из них были принципы, а у другого они отсутствовали. Не найти лучшего примера действия закона непреднамеренных последствий, чем переворот, совершенный Бисмарком в 1866 году решением избрать германский парламент прямым, всеобщим и тайным голосованием мужской части населения. Оппозиционную католическую партию, возглавлявшуюся гномом-гением, к 1871 году в рейхстаге уже представляла целая сотня депутатов. По иронии судьбы основную оппозицию Бисмарку в шестидесятых – начале семидесятых годов составляли ганноверцы, чего могло и не быть, если бы он не аннексировал королевство Ганновера. Георг фон Финке, давний неприятель Бисмарка, на исходе 1867 года с удовлетворением спрашивал католика-депутата Августа Рейхеншпергера (1808–1895)56:

…

«Знаете ли вы, что теперь с нами трое самых толковых людей? Все трое – полоненные ганноверцы. Один из них – Беннигсен, очень умный человек. Другой – Микель, он еще умнее. А третий – Виндтхорст, который умнее их обоих»57.

Начался 1868 год, но Бисмарк все еще ни на шаг не продвинулся в решении главной проблемы – объединения Северо-Германского союза с южными государствами и создания общих институтов исполнительной власти. Штош, констатируя необходимость в имперском кабинете, писал новеллисту Густаву Фрейтагу в марте 1868 года:

…

«Бисмарк наломает дров, если его не остановить. Не могли бы вы запустить в прессу статьи, утверждающие пользу имперского кабинета? В нашей борьбе за пост имперского военного министра Бисмарк признает правоту Роона. Он дает ему все полномочия, но не положение. Такая же ситуация с министерством торговли. Нужен и имперский министр финансов. Тогда намного легче было бы решать вопросы объединения»58.

Штош был прав, но Бисмарк не желал ни с кем делиться властью. Из-за его деспотических наклонностей имперская Германия так и существовала без надлежащего кабинета и вступила в Первую мировую войну со всеми дефектами, которыми наградил ее Бисмарк и которые так тревожили его дальновидных современников.

В Пруссии идея совместного обучения детей протестантов и католиков непременно должна была вызвать оппозицию

католической церкви. 6 февраля 1868 года кардинал, граф фон Ледоховский, архиепископ Позена и Гнезена (Познань и Гнезно), выпустил эдикт духовенству, призывающий святых отцов противиться введению совместного школьного обучения. Президент провинции фон Хорн, префект Позена, попросил министра по делам религии фон Мюлера приструнить кардинала. Бисмарк вмешался в конфликт и запретил министру предпринимать какие-либо действия:

…

«Я не могу этого допустить… Без сомнения, в эдикте содержатся определенные моменты, которые, по мнению протестантских властей провинции и Oberprsident фон Хорна, не могут быть игнорированы, но не следует забывать и то, что граф Ледоховский как католический архиепископ не может ни писать, ни говорить по-другому. На мой взгляд, самое лучшее в такой ситуации – промолчать и принять такие практические меры по вышеупомянутой проблеме, какие местные администрации считают целесообразными»59.

Уклончиво-прагматический ответ Бисмарка – не будить спящую собаку – не мог предотвратить неизбежный конфликт между церковью и государством. Если война с Францией зависела в основном от Бисмарка, то ратоборство с Римской католической церковью имело к нему лишь косвенное отношение. Оно началось мощным наступлением Ватикана. 29 июня 1868 года Пий IX отправил приглашения на Ватиканский собор. Первый Ватиканский собор [64] приобрел недобрую славу среди либералов Европы тем, что принял «догмат о папской непогрешимости». Собственно, с этой декларации и начался так называемый *Kulturkampf*, доминировавший в политической жизни объединенной Германии Бисмарка в первые годы. Он стартовал в Италии еще до того, как Бисмарк взялся за наведение порядка в религиозной сфере. Итальянское королевство твердо решило сделать Рим своей столицей и отделить церковь от государства. Борьба церкви и государства за власть над мирянами, развернувшаяся на передовой линии *Kulturkampf*, охватила Италию, Францию, Германию, Швейцарию и Австрию.

Главным событиям предстояло случиться в 1870 году. 8 декабря 1869 года начались сессии Ватиканского собора. 18 июля 1870 года на IV сессии была оглашена Первая догматическая конституция о церкви Христовой. Четвертая глава конституции, называвшаяся «О непогрешимости вероучения Римского понтифика», гласила:

…

Мы наставляем и определяем как богоданный догмат то, что, когда Римский понтифик говорит ex cathedra [65] , то есть когда,

а) исполняя обязанности пастыря и учителя всех христиан,

б) посредством своей верховной апостольской власти

в) устанавливает учение относительно веры и нравственности, которого должна придерживаться вся церковь, он обладает по божественной милости, дарованной ему блаженным Петром, той непогрешимостью, которой Господь и Искупитель наделил Свою церковь в определении учения относительно веры и нравственности60.

Новый церковный догмат вызвал негативную реакцию как в самой Римской католической церкви, так и за ее пределами. Многие католики по соображениям здравого смысла не могли согласиться с непреложностью такого постулата. Они отделились от Рима и основали движение, получившее название Старокатолической церкви.

Первые выборы, проведенные 8 июля 1868 года в Вюртемберге по принципу всеобщего избирательного права, породили народно-демократическую партию и великогерманский союз: обе партии стали активными оппонентами вступления Вюртемберга в Северо-Германский союз61. Объединительный процесс застопорился, что вызвало недовольство политикой Бисмарка. Роггенбах сообщал королеве Августе летом 1869 года из Берлина, куда он прибыл на заседание *Zollparlament*[66] : «Ни для кого не секрет, что граф Бисмарк не только вновь занемог из-за навалившихся на него неприятностей, но и на самом деле не знает, как преодолеть смятение, возбуждаемое институциональным хаосом»62.

«Институциональный хаос» – пожалуй, самая верная характеристика ситуации, сложившейся в государственном министерстве. В продолжение не одного месяца Бисмарк требовал от Эйленбурга переустроить структуру управления страной с учетом новой, разросшейся Пруссии, но так ничего и не было сделано. Бисмарк винил во всем Эйленбурга, полагая, что ему мешают заняться делами частые болезни – тот самый случай, когда горшок котел сажей корит. 19 января 1869 года он писал Эйленбургу:

…

«Я ничего не имею против вас… Я недоволен вашими коллегами в министерстве… За четыре недели у нас так ничего и нет. Я ждал и не вмешивался, но и сегодня вы ничего не дали… Ваш результат – абсолютный ноль, а вы обязаны, как я считаю,

позаботиться о том, чтобы в ваше отсутствие по болезни или в отпуске государственные интересы не страдали по вине ваших заместителей»63.

Раздражение, вызываемое нерадивостью подчиненных, усугублялось трениями с королем по поводу персонала прусского государственного министерства, который он не мог ни назначать, ни увольнять без санкции его величества. Они же были министрами короля, а не Бисмарка. Возникла размолвка и в связи с репарациями, которые должен был заплатить город Франкфурт. Бисмарк требовал три миллиона марок, королева возмутилась, король с ней согласился и сказал, что двух миллионов будет вполне достаточно. Наконец, вновь появилась тень Узедома, не дававшая Бисмарку спокойно спать по ночам. Узедома назначили прусским послом в Италию, а Бисмарк хотел от него избавиться64.

В итоге Бисмарк 22 февраля 1869 подал королю прошение об отставке. Причины? Посол в Италии – недотепа, план перестройки государства реализуется медленно, король и королева чересчур мягки по отношению к Франкфурту. Человек, изменивший ход европейской истории, решил уйти в отставку из-за абсурдно пустячных проблем. Трудно найти разумное объяснение этому демаршу, хотя Бисмарк будет разыгрывать комедию с отставками все последующие одиннадцать лет. Король ответил ему не без искреннего недоумения:

…

«Повторяю, между нами только одно разногласие – относительно Франкфурта-на-Майне. Узедомиану я еще вчера урегулировал в письменном виде согласно вашим пожеланиям; проблема палаты утрясется сама собой; о назначениях мы договорились, но согласятся ли индивиды ! Зачем же идти на крайности?»65

В тот же день, когда Бисмарк подавал в отставку, он сказал Роону: «Мои силы на исходе. Я больше не в состоянии выдерживать баталии с королем»66. Но какие же это баталии? Король писал Бисмарку с почтением и даже с некоторым возбуждением:

…

«Как вам могло прийти в голову, что я могу принять вашу идею! Мне доставляет величайшую радость (дважды подчеркнуто) существовать вместе с вами и во всем быть с вами солидарным! Какой же вы ипохондрик, если одно маленькое разногласие подвигает вас на крайнюю меру. Вы писали мне из Варцина, когда у

нас было расхождение по поводу пополнения дефицита и у вас действительно имелось другое мнение, но, вступая на пост, вы считали своим долгом, выражая свое мнение, всегда руководствоваться моими решениями. Почему же вы столь кардинально переменили свое суждение, великодушно произнесенное три месяца назад? Ваше имя заняло самое почетное место в прусской истории в ряду государственных деятелей. Как же я могу позволить уйти такому человеку? Никогда. Успокоение и молитвы (дважды подчеркнуто) все уладят. Ваш самый преданный друг (подчеркнуто три раза). В.»67.

Роон тоже убеждал Бисмарка не уходить в отставку, уговаривая не подавать прошение:

…

«С того времени как я ушел от вас, мой высокочтимый друг, я не перестаю думать о вас и вашем решении. Оно не дает мне покоя. Я должен еще раз просить вас составить письмо таким образом, чтобы сохранялась возможность примирения. Не исключено, что вы еще не отправили его и сможете внести поправки. Подумайте. Вчерашнее, можно сказать, нежное послание преисполнено искренностью, пусть даже и отчасти нарочитой. Выражения, в которых оно написано, не оставляют сомнений в подлинности и чистосердечии… хотя ввиду ранга автора даже он вряд ли мог признать: “Да, я наделал глупостей, но исправлюсь”»68.

Чего же Бисмарк хотел от короля? Любви и ласки, как избалованное дитя, которые бы погасили нанесенную обиду? Выражения, в которых составлено письмо короля, выходят за рамки «нежного послания». Я позволю себе повторить эти слова: «Мне доставляет величайшую радость существовать вместе с вами и во всем быть с вами солидарным! Какой же вы ипохондрик, если одно маленькое разногласие подвигает вас на крайнюю меру!» Неясно, какой смысл вкладывал Вильгельм I в слово «ипохондрик». Вряд ли можно было бы назвать трудности Бисмарка, и личные и государственно-политические, не нафантазированными. Невелика беда, если бы законопроект о реорганизации вышел из министерства на месяц позже, Франкфурт заплатил бы два, а не три миллиона марок, и Узедом остался бы послом в Италии. Но именно таков был Бисмарк, по-своему за четыре года определивший географию Европы и историю Германии, а в 1870 году инициировавший крах империи Наполеона. Этот титан не мог спокойно спать только потому, что король не желал прогнать Гвидо фон Узедома.

Генерал фон Штош в письме Густаву Фрейтагу так обрисовал подоплеку истории с отставкой Бисмарка:

...

«Узедом напомнил королю о том, что во время последней аудиенции государь был с ним так милостив, что ему трудно поверить в то, что его отзывают. Король, взбешенный тем, что Бисмарк сместил посла без его ведома, приказал Узедому оставаться на своем месте, и Бисмарк получил по носу. Естественно, Бисмарк обернул все это в свою пользу и против Узедома. Новый взрыв гнева, за ним следует прошение об отставке. В конце концов Узедом лишился должности, но ничего не сказал Бисмарку о том, что король наградил его и предложил пост Ольферса».

Письмо Штоша подтверждает очень важную и характерную особенность натуры Бисмарка, о которой мы упоминали и раньше, – эгоцентризм. Штош тоже подвергался унижениям. Он стал фаворитом кронпринца и кронпринцессы, и Бисмарк занес его в число своих «врагов». Тем не менее, несмотря на свидетельства о нелояльности, которые Бисмарк прилежно собирал на него, Штош всегда его поддерживал. Письмо, которое мы процитировали, заканчивается такими словами: «Без Бисмарка мы не сможем построить рейх»69.

Тем временем дела все же продвигались вперед. Чиновники Дельбрюка подготовили законопроекты, касавшиеся унификации и либерализации новой государственной системы. 21 июня 1869 года рейхстаг принял закон о свободе промыслов и ремесел – эпохальное решение, разрывавшее исторические оковы гильдий, зло, осужденное Адамом Смитом в исследовании «Природы и причин богатства народов». 3 июля 1869 года в Северо-Германском союзе обрели свободу евреи: «Все существующие ограничения гражданских и национальных прав, проистекающие из различий в верованиях, подлежат отмене»70. 11 июля 1869 года актом о публичной компании отменялись требования запрашивать у правительства позволение на выпуск акций: по сути, закон разрешал создавать новые корпорации с ограниченной ответственностью. Общественность, безусловно, была поражена тем, что столь либеральные решения были приняты правительством, возглавлявшимся общепризнанным реакционером.

В августе 1869 года на Бисмарка накатилась новая волна раздражительности, ипохондрии и желания уйти в отставку. 29 августа 1869 года он писал фон Роону:

«Я до смерти устал, и у меня проблемы с желчным пузырем… Я не спал тридцать шесть часов, и всю ночь меня рвало. Голова горит, несмотря на холодные компрессы. Боюсь, что схожу с ума.

Простите меня за экзальтацию… Если наша телега, на которой мы едем, опрокинется, то по крайней мере в этом не будет моей вины. К счастью, сегодня воскресенье, иначе я мог бы нанести себе какое-нибудь телесное повреждение в таком неистовом состоянии. Похоже, мы чересчур разозлены, чтобы продолжать вести нашу галеру»71.

Этот всплеск безумных эмоций произошел из-за того, что кабинет отказался назначить директором почт Северо-Германского союза ганноверца Хельдинга, предложенного Бисмарком, но настолько, видимо, заурядного, что его имя не фигурирует ни в одном из двух главных немецких словарей национальной биографии. Министры воспротивились на том основании, что он не отработал положенных трех лет на прусской государственной службе. Бисмарк же был другого мнения: он хотел, чтобы государственная служба в рейхе была доступна всем, без мелких и придирчивых ограничений. Возможно, он был прав. Но если принять во внимание диспропорцию между причиной и следствием, то его реакцию вряд ли можно считать нормальной. Нам остается лишь гадать – как Бисмарк, подверженный таким приступам истерии, граничившим с безумием, мог столько лет держаться у власти, – и сочувствовать его современникам.

Поведение Бисмарка, конечно, беспокоило Альбрехта фон Роона и Морица фон Бланкенбурга. 16 января 1870 года Роон писал Морицу фон Бланкенбургу:

…

«Бисмарк относится ко всему, в том числе и к прусским делам, более или менее так же, как и прежде. На заседаниях кабинета он почти все время говорит сам, пребывая в прежнем заблуждении, будто благодаря личному обаянию и интеллекту сумеет преодолеть все трудности. Он флиртует с национал-либералами и забывает о своих старых друзьях и политических соратниках. Он верит в то, что одолеет всех дипломатической диалектикой и человеческой смекалкой и будет вести всех куда надо, разбрасывая повсюду приманки. Он, как консерватор, говорит с консерваторами и, как либерал, – с либералами. Меня бросает в дрожь от его в высшей степени пренебрежительного отношения к окружающим и немыслимых иллюзий. Он стремится любой ценой удержаться во власти, опасаясь, что структура, которую он строит, рухнет, как только выскользнет из его рук, и он станет посмешищем для всего мира. В этом есть доля истины. Но каковы средства! И ради чего?»72

Мориц ответил:

…

«То, что вы написали о Б., меня нисколько не удивляет. Со времени визита в Варцин я знал, что он не исправит свое отношение к консерваторам. Мне известно его убеждение в том, что в интересах объединения Германии нам надо проявлять больше либерализма и каждый либерал, занимающий государственный пост, приближается к королю и становится ео ipso [67] в большей мере консерватором»73.

Бисмарк всего лишь приводил в смятение своих действительно самых близких друзей, оставшихся у него в мире политики. Но он окончательно порвал с «маленьким Гансом», Людвигом фон Герлахом, Александром фон Беловом и другими сподвижниками в юнкерском истеблишменте. Отныне к недугам, бессоннице, повторяющимся приступам раздражительности и несварения желудка прибавится еще одно несчастье – ощущение невыносимого, безысходного одиночества.

Пока Бисмарк решал проблему главного почтмейстера, за пределами Германии – в Испании разразился конфликт вокруг «кандидатуры Гогенцоллернов», так или иначе оказавший влияние и на объединительные процессы в Германии. В сентябре 1868 года генеральская *junta*свергла королеву Изабеллу II, которую в 1843 году возвела на трон такая же клика нахальных генералов. 27 марта 1869 года граф Кларендон, министр иностранных дел Великобритании, писал лорду Лайонсу, британскому послу в Париже: «Хаотичное состояние этой страны в настоящее время – самое постыдное… Имеются свидетельства, что Бисмарк намеревается превратить Испанию в своего сателлита»74. Кларендон, служивший в Мадриде посланником во время Карлистской войны [68] в 1831–1837 годах, говорил по-испански и хорошо знал страну. Дипломат не ошибался в оценке намерений Бисмарка, но он даже не догадывался, на что замахнулся его коллега. Уже 3 октября 1868 года Бисмарк инструктировал свое министерство иностранных дел: «В наших интересах не спешить с решением испанской проблемы… ее урегулирование, приемлемое для Наполеона, вряд ли полезно для нас»75. Самым главным среди испанских генералов был «властный, амбициозный и всегда невозмутимый президент совета министров маршал Хуан Прим»76. В октябре 1868 года Прим убедил членов совета в необходимости подыскать подходящего принца на смену королеве, и агенты испанского правительства долгое время безуспешно пытались подобрать кандидата на престол в королевских дворах Франции, Португалии и Италии. Наконец, весной 1869 года генералы сделали свой выбор, остановившись на кандидатуре Леопольда

фон Гогенцоллерн-Зигмарингена, представителя католической южногерманской ветви прусского королевского рода, а со стороны матери имевшего отношение и к династии Бонапартов.

В декабре 1868 года Бисмарк отправил в Мадрид князя Путбуса и полковника фон Штранца для оценки политической ситуации, а в мае туда же уехал известный военный журналист и комментатор Теодор фон Бернарди77. 8 мая граф Винсент Бенедетти попросил Бисмарка подтвердить, насколько верны слухи в отношении Леопольда. Через три дня Бисмарк подтвердил, что они соответствуют действительности, но князь Карл Антон, глава ветви Гогенцоллерн-Зигмаринген, не поддержал проект78. Карл Антон, премьер-министр в правительстве «новой эры» в 1858 году, вполне резонно и благоразумно предупредил Бисмарка: «Появление Гогенцоллерна в Испании вызовет бурю негодования в Европе, настроенной против Пруссии, и либо обострит, либо замедлит решение многих насущных проблем»79. Но именно это и надо было Бисмарку. Ему был нужен конфликт с Францией, лучше всего война, для того чтобы преодолеть сопротивление южно-германских государств и завершить объединение Германии под эгидой Пруссии.

Хотел ли Бисмарк войны с самого начала? На этот вопрос нет ясного ответа и сегодня. «Вина» имперской Германии за развязывание Первой мировой войны послужила оправданием тяжелых условий мира, в которых оказалась Германия в 1919–1920 годах. Детали политических махинаций Бисмарка 1870 года приобрели статус величайшей секретности. 1 декабря 1921 года Густав Штреземан, поборник политики сотрудничества с союзными державами, невзирая на Версаль, выступая на конференции правой народной партии Германии, упомянул и Бисмарка:

…

«Я прошу вас обратиться к германской истории и вспомнить величайшего государственного деятеля девятнадцатого века Бисмарка. Разве его политика не была не чем иным, как политикой компромиссов?»80

После 1919 года Бисмарка защищали от обвинений в воинственности и правые и левые. Западногерманская историография и после Второй мировой войны продолжала заступаться за прусскую монархию, несмотря на то что в мае 1945 года в руки союзников попали компрометирующие документы. В 1973 году американец С. Уильям Гальперин, досконально изучив дебаты вокруг «вины» Бисмарка, пришел к выводу, что Бисмарк «добивался осложнений в отношениях с французами»81, но это

вовсе не значит, что он планировал использовать их возмущение, о котором его предупреждал князь Карл Антон, в качестве предлога для войны. Бисмарк никогда заранее не исключал ни один из возможных вариантов своих действий.

В феврале 1870 года Бисмарк давал инструкции подполковнику, графу Альфреду фон Вальдерзе (1832–1904), назначенному военным атташе в германское посольство в Париже. Вальдерзе происходил из видной анхальтской военной семьи: его отец, генерал, одно время был военным министром. Вальдерзе, подобно Альбрехту фон Штошу, отличался честолюбием и питал страсть к политике. Как и Штош, он вел дневник и хранил всю свою переписку. К 1866 году Вальдерзе стал адъютантом короля и обзавелся полезными связями. Во время инструктажа, как отметил Вальдерзе в дневнике, Бисмарк наставлял его избегать легитимистов и не делать «поспешных заключений»: «Политическая ситуация – идиллия мира. Никто не знает, надолго ли. У французов так много проблем дома, что им недосуг заниматься внешнеполитическими делами»82. Тогда Бисмарк полагал, что «мирная идиллия» какое-то время продержится. Так же считал и британский министр иностранных дел лорд Кларендон. Он писал британскому послу в Мадриде:

…

«К счастью, пока не наблюдается, как бывало прежде, никаких попыток со стороны иностранных держав воспользоваться пертурбациями в испанской политике. Я не вижу, чтобы какая-либо из них стремилась к тому, чтобы нарушить силовое равновесие в Европе, употребить в свою пользу династическое влияние в Испании и усилить свое господство за ее счет»83.

Кандидатура Гогенцоллерна стала *casus belli*не в последнюю очередь из-за того, что маршал Прим не решился сказать себе «нет» и не принял в расчет возможную реакцию Парижа. 17 февраля 1870 года Прим написал Бисмарку: «Представляется все более целесообразным и подобающим начать строго конфиденциальные контакты»84. Через неделю в резиденцию Карла Антона в Дюссельдорфе прибыл Эусебио де Салазар с письмами для принца Леопольда, короля Вильгельма и Бисмарка и предложением испанской короны, подлежащим, естественно, утверждению кортесами. Карла Антона прельстила перспектива основания сыном династии, какой история не знала со времен Карла V, но он понимал, что прежде необходимо получить разрешение короля Вильгельма I и заручиться поддержкой Бисмарка85. Королю идея не понравилась, но Бисмарк знал, как преодолеть его оппозицию. 12 марта 1870 года кронпринцесса

писала королеве Виктории: «Генерал Прим прислал к нам испанца с личными посланиями к Леопольду Гогенцоллерну и самым настойчивым образом просит его принять Испанию… Ни король, ни князь Гогенцоллерн, ни Антуанетта (супруга Леопольда. – *Дж. С.*), ни Леопольд, ни Фриц не желают этого…»86

Но желал Бисмарк. 9 марта 1870 года он представил королю Вильгельму меморандум, доказывая: в интересах Германии, чтобы дом Гогенцоллернов занял достойное место в мире, равное габсбургскому роду Карла V. Король оставался непреклонен, начеркав скептические заметки на полях записки Бисмарка. Вильгельм считал: испанский трон шаткий, и короны можно лишиться в любой момент во время очередного пронунциаменто87. Бисмарк воспользовался обедом, устроенным в Берлине 15 марта Карлом Антоном, для того чтобы в присутствии Роона и Мольтке еще раз попытаться переубедить короля, который все еще проявлял упрямство88. Повествуя в мемуарах о том, как решалась подкинутая испанцами проблема, Бисмарк превзошел самого себя в фальсифицировании своей роли:

…

«Политически я относился ко всему этому вопросу довольно равнодушно. Склонность князя Антона разрешить его мирным путем в желательном направлении была сильнее моей. Мемуары его величества румынского короля обнаруживают недостаточную осведомленность относительно отдельных деталей участия министерства в разрешении этого вопроса. Упомянутого там совещания министров во дворце не было. Князь Антон жил во дворце в гостях у короля и пригласил государя и нескольких министров на обед: я не думаю, чтобы за столом обсуждался испанский вопрос [69] »89.

20 апреля князь Карл Антон и принц Леопольд уведомили Мадрид о том, что они не заинтересованы в испанском предложении. 13 мая Бисмарк написал Дельбрюку с раздражением:

…

«Испанские дела приняли прескверный оборот. Государственные интересы принесены в жертву частным, ультрамонтанским и женским прихотям. Все это выводит меня из себя уже не одну неделю»90.

21 мая Бисмарк возвратился в Берлин и 28 мая сообщил князю Карлу Антону о том, что ему удалось убедить короля.

8 июня он снова уехал в Варцин, предоставив членам королевской семьи самим прийти к окончательному решению относительно испанского трона. Как обычно, Бисмарк резервировал возможность снять с себя ответственность в случае, если все пойдет не так, как надо. 19 июня принц Леопольд отправил в Мадрид свое согласие, а 2 июля оно было оглашено.

5 июля новый британский министр иностранных дел лорд Гранвилл посетил свой новый департамент, где многоопытный постоянный заместитель министра Эдмунд Хаммонд сказал ему, что «за всю свою долгую дипломатическую службу он еще не наблюдал такого затишья в международных делах»91. Но в 12.10 того же дня британский посол Лейард прислал телеграмму, сообщавшую: случайно ему стало известно о том, что принц Леопольд согласился принять испанскую корону92. На следующий день новый министр иностранных дел Франции герцог де Грамон объявил в палате депутатов [70] : претензия Гогенцоллернов на испанский трон несет в себе угрозу нарушить силовое равновесие в Европе во вред французской империи. Наносится ущерб чести, достоинству и интересам Франции. Министр дал понять, что Франция вправе посчитать все это основаниями для войны93. В тот же день, 6 июля 1870 года, прусский посол в Париже барон Карл фон Вертер (1808–1892) прибыл в Бад-Эмс, где королевская семья принимала минеральные воды в Лане, и встретил там Альфреда Вальдерзе, прусского военного атташе в Париже, находившегося там вместе с королем в качестве его генерал-адъютанта. Посол сообщил генералу в большом возбуждении (из мемуаров Вальдерзе):

…

«В Париже черт знает что творится. Запахло войной! Когда вчера утром он пришел к Грамону, чтобы уведомить об отъезде в отпуск, тот находился в чрезвычайно взвинченном состоянии. Из Мадрида поступила телеграмма, сообщавшая о том, что принца Леопольда Гогенцоллерна собираются представить кортесам как наследника вакантного трона. Грамон был вне себя, обвинял нас в неосмотрительности и вероломстве и сказал прямо, что это нестерпимо. Франция никогда не согласится, министерство вызовут на ковер в палату. Вертер оказался в трудном положении, поскольку он был в полном неведении о происходящем. Ему оставалось лишь отмалчиваться. Благо, что он уезжал в отпуск и еще раньше наметил поездку в Эмс. Хотя, как я думаю, ему следовало бы остаться на месте. Король принял его почти сразу же, и они очень долго беседовали. Определенные неудобства создавало отсутствие Бисмарка, находившегося в Варцине. Это

осложняло принятие решений»94.

В тот же день кронпринцесса писала королеве Виктории: «После того как Гогенцоллерны и король *категорически отказались* от испанской короны, *первые* поменяли свое мнение и, по всей видимости, примут ее – к великой досаде и короля и королевы…»95

7 июля 1870 года Вальдерзе записал в дневнике:

…

«Бисмарк никак не желает признать надвигающуюся опасность и предпочитает оставаться в Варцине и наслаждаться водами. Внезапно возникшая угроза войны с Францией огорчает короля, и он искренне хотел бы урегулировать все проблемы. К несчастью, принца Леопольда Гогенцоллерна нет в Зигмарингене. Он уехал в Альпы, и никто не знает место его нахождения»96.

8 июля Вальдерзе попросил у короля разрешения вернуться в Париж ввиду угрозы войны. Вильгельм во время аудиенции по своей воле рассказал ему о том, как все было. Вальдерзе записал в дневнике:

…

«Несколько месяцев назад испанцы снова постучали в дверь, и совершенно неожиданно отец и сын Гогенцоллерны горячо ухватились за идею, к моему величайшему изумлению, хотя еще недавно пребывали в нерешительности. Они поддались уговорам Бисмарка, и принц, сомневавшийся в своих способностях быть королем Испании, вдруг загорелся идеей, что на него возложена миссия осчастливить Испанию. Я умолял его чистосердечно обдумать все еще раз, но он продолжал настаивать, и я дал ему свое позволение как глава семьи… Я должен благодарить за это Бисмарка, поскольку он отнесся ко всему этому делу так же легкомысленно, как и к другим. (Вальдерзе на полях пометил: «Верно!») Впервые при мне король обсуждал действительно серьезную проблему. Он излагал свои мысли ясно и говорил уверенно»97.

Это свидетельство – пусть и спонтанное – не позволяет нам сомневаться в том, что именно Бисмарк подстроил кризис, а французы отреагировали в точности так, как он и рассчитывал. Своим пребыванием в Варцине он лишь создавал себе на всякий случай алиби.

Когда 9 июля Вальдерзе вернулся в Париж, обстановка в городе была почти предвоенная. На станции он встретил «капитана Леонтьева, помощника русского атташе князя Витгенштейна». Капитан приветствовал его такими словами: «Вы

получили войну, верьте мне, и вам ее не избежать». Вечером Вальдерзе отправил Бисмарку шифрованную телеграмму: «Военное и морское министерства готовятся к большой войне. Резервы еще не призваны, но, похоже, уже завтра начнутся военные маневры. Железные дороги предупреждены. Не исключено нанесение удара до мобилизации войск»98.

То, что произошло потом, никак не могло случиться в нашу эру быстродействующих и вездесущих коммуникаций. Бисмарк находился в Варцине и не знал, что 9 июля 1870 года граф Бенедетти, французский посол в Пруссии, прибыв в Бад-Эмс, попросил у короля разъяснений. Вильгельм ответил в том духе, что все это дело касается его лишь как главу рода Гогенцоллернов, а не как прусского короля. Ему было трудно не поддержать католическую ветвь Зигмаринген. В действительности 10 июля король в письме князю Карлу Антону настоятельно просил отца убедить сына, принца Леопольда, снять свою кандидатуру. Карл Антон так и поступил и 12 июля объявил о том, что наследный принц Леопольд отказывается от предложенной ему чести. Одновременно Вильгельм послал в Варцин телеграмму, требуя от Бисмарка незамедлительно приехать в Бад-Эмс99.

Безусловно, Бисмарку ничего не было известно о последних событиях. Об этом свидетельствует тот факт, что 10 июля 1870 года он отправил своему банкиру Блейхрёдеру телеграмму с указанием «избавиться от железнодорожных акций» в его портфеле100. Сегодня Бисмарка обвинили бы в противозаконной финансовой операции, но тогда это не имело никакого значения. Важно другое: этот факт доказывает, что 10 июля Бисмарк предвкушал начало войны. Только приехав в Берлин 12 июля, он узнал о том, что Леопольд отвел свою кандидатуру. Во второй половине дня его экипаж остановился на Вильгельмштрассе, и ему вручили ворох телеграмм. Сидя в карете, он и прочитал о решении Карла Антона и причастности к этому короля Вильгельма. Другие телеграммы сообщали о «фанфаронстве» и «зубоскальстве» французской прессы. Первой его мыслью было немедля подать в отставку: Пруссия подверглась унижению, большему, чем при Ольмюце101. Бисмарк созвал совещание, пригласив на него Мольтке, Роона и графа Эйленбурга. Мольтке явился с «красным от злости лицом, расстроенный тем, что попусту тратит время, зря приехал в Берлин и война, к которой он столь тщательно готовился, отодвигается на неопределенное время…» Старик Роон тоже выглядел удрученным. Бисмарк же сказал: «До этого момента я думал, что стою на пороге великих исторических событий. Все, что я получил, это неприятный

перерыв в моем *Kur*(курсе лечения)…» И Герберту [71] : «Продолжай доблестно служить, боевых наград не предвидится»102.

Тем не менее Бисмарк должен был предпринять какие-то меры для спасения своей репутации. Он встретился с Горчаковым, остановившимся в Берлине по пути домой после отдыха на минеральных водах Вильбада. По всей видимости, Бисмарк договорился с Горчаковым о совместных наступательных дипломатических действиях против герцога де Грамона. Самым разумным в его положении было убеждать европейские правительства в том, что прусский король и его министерство проявили сдержанность и здравомыслие. Именно в таком ключе Горчаков и провел свои беседы с лордом Лофтусом и де Лоне. Лофтус сразу же отправился к французскому поверенному в делах ле Сурду, порекомендовав ему, что французскому правительству следует удовлетвориться достигнутым и признать миролюбивость прусского короля103.

О дальнейших событиях мы узнаем из дневниковых записей Вальдерзе, сделанных в Париже:

…

«Утром 12-го барон Вертер вернулся из Эмса, измученный жарой. Почти сразу же к нему заявился чиновник из министерства иностранных дел, шеф администрации Грамона, граф Фаверне, и попросил как можно скорее прийти к герцогу. Вертер сказал, что прибудет незамедлительно. Я и Зольмс ждали его возвращения в посольстве. После того, что он нам сообщил, мы оба в один голос сказали: война неминуема. Он с нами не согласился. «Война между Францией и Пруссией – настолько серьезное предприятие и настолько ужасное для людей, а повод – настолько ничтожный, что долг каждого честного человека – сделать все возможное для ее предотвращения. Это моя принципиальная позиция, которую я изложу в письме королю». С человеческой точки зрения, он был абсолютно прав, но как прусскому послу ему надлежало вести себя с Грамоном несколько иначе… Телеграмма Бисмарка об отзыве посла была составлена в таких грубых выражениях, что я не мог поверить своим глазам. Когда Вертер отправился попрощаться с герцогом де Грамоном, я сопровождал его до министерства иностранных дел. Выйдя от министра, он сказал мне: «Моя карьера закончена». Он не ошибался. Бисмарк больше не обмолвился с ним ни одним словом».

Ганс Отто Мейснер, редактор дневников Вальдерзе, отметил: «Неверно. Вертер был уволен в 1871 году, но приглашен снова на службу в 1874 году и отправлен послом в Константинополь, где

прослужил до 1877 года»104. Так или иначе, я не могу не отдать должное барону Карлу фон Вертеру за его гражданское мужество и принципиальность человека и дипломата, поставившего свою честность и достоинство выше карьеры и служебных обязанностей перед Бисмарком, своим боссом.

Если бы герцог де Грамон внял совету Горчакова и удовлетворился победой французской дипломатии над интригами Бисмарка, то войны, наверно, можно было бы избежать. Но ему этого оказалось мало. Он приказал послу, все еще находившемуся в Бад-Эмсе, получить от короля обещание, что Пруссия никогда не предпримет подобных действий в будущем. 13 июля, когда Бисмарк, Мольтке и Роон сидели вместе за обедом, из Бад-Эмса от Вильгельма пришла телеграмма: посол Бенедетти действительно потребовал от короля твердо пообещать, что ничего подобного больше не произойдет. Оскорбленный король не только отказался давать такое обещание, но и отверг просьбу французского посла принять его еще раз для обсуждения этой темы. Вильгельм спрашивал Бисмарка: «Не следовало ли бы информацию о новом требовании и моем отказе передать в наши посольства за рубежом и в прессу?»105

Бисмарк получил в руки то, что хотел. Он взял карандаш и отредактировал послание короля, придав ему более наступательный характер. В письме Вильгельма говорилось: он «распорядился через адъютанта передать послу, что от князя теперь получено подтверждение известия, полученного Бенедетти из Парижа, и ему нечего более сообщить послу». Бисмарк внес в него провокационную тональность. В его интерпретации оно звучало так: «Его величество затем отказался еще раз принимать французского посла и поставил его в известность через адъютанта о том, что его величеству более нечего сообщить послу»106.

Многие годы спустя Люциус фон Балльхаузен присутствовал на встрече трех конспираторов вечером в доме на Вильгельмштрассе, вспоминавших события 1870 года:

…

«После обеда мы сидели и курили сигары. Появился фельдмаршал Роон, кашляя, пыхтя и задыхаясь. Его мучила астма… Чуть позже пришел граф Мольтке… Он встретил его очень радушно и сказал, похлопывая по колену: «Последний раз мы сидели втроем 13 июля 1870 года. Какая удача, что французы тогда обнаглели! Как трудно было бы найти другую столь же благоприятную возможность! Мы не меняли текст депеши Бенедетти, лишь уплотнили его, с тем чтобы усилить

впечатление от французских претензий. Мы пошли на уступки относительно кандидатуры Гогенцоллерна и уступили бы еще больше, если бы французы не стали требовать от нас обещания никогда впредь не вести себя таким же образом. Я спросил вас обоих: "Вы готовы?" Вы ответили: "Мы готовы"»107.

14 июля 1870 года французский совет министров объявил мобилизацию, а 19 июля – войну. Позднее Бисмарк заявлял, что именно отредактированная им «эмсская депеша» побудила Наполеона III ввязаться в войну, хотя имеются свидетельства, указывающие на то, что Франция приняла решение воевать несколько раньше. Как и в случае с Австрией, Пруссии противостояло дезорганизованное государство с неадекватно мобилизованной армией.

В самой Пруссии даже кронпринцесса заразилась антифранцузскими настроениями, вызванными высокомерной наглостью соседа. 16 июля она писала королеве Виктории:

…

«Нам бесстыдно навязали войну, и возмущение столь вопиющей несправедливостью за два дня приняло такой размах, какой вы не можете себе и представить; по всей стране раздаются призывы подняться с оружием в руках на врага, так нагло оскорбляющего нас»108.

Первым днем мобилизации прусской армии было назначено 16 июля. Сроки мобилизационного развертывания значительно сократились. Арден Бухольц отметил в книге о Мольтке:

…

«К январю 1870 года на железнодорожную мобилизацию уже требовалось двадцать суток, на 260 процентов меньше, чем в 1867 году, при почти втрое более значительных вооруженных силах и в семь раз возросшем мобилизационном пространстве по сравнению с 1866 годом. Это позволяло перебрасывать германские войска к французской границе, как по заводскому конвейеру. Временне рамки, установленные Мольтке, определяли ход войны… На десятый день мобилизационного развертывания у французской границы выгрузились первые части, на тринадцатый день прибыли войска Второй армии, на восемнадцатый день численность войск уже составляла 300 тысяч человек»109.

19 июля были призваны из резерва офицеры. В рейхстаге Люциус фон Балльхаузен, офицер резерва Бранденбургского кирасирского полка, подошел к министерскому столу и спросил Роона и Мольтке: следует ли ему оставаться в парламенте или пойти по призыву в армию? Роон, улыбнувшись, ответил: «Не

спешите. Вы можете оставаться здесь. Пройдет еще немало времени, прежде чем на вражеской территории сформируется *Etappen*. Мы навалимся на французов через восемь-десять дней»110.

Прусские военачальники полностью доверяли своему генеральному штабу и его главе Хельмуту фон Мольтке. О настроениях при королевском дворе на второй день после объявления Францией войны мы узнаем из дневниковой записи Вальдерзе:

…

«Сегодня утром я приехал парижским экспрессом в хорошей физической форме, но уставший от жары и пыльный. На перроне мне встретился принц Фридрих Карл. Он дружески поприветствовал меня и сказал, чтобы я сразу же ехал к Мольтке на совещание. Я так и сделал, меня любезно приняли, и там я увидел, помимо Мольтке, генерала фон Подбельского и трех начальников департаментов – Бронзарта, Верди и Бранденштейна. Мольтке выразил мне свое почтение и попросил выступить с информацией. После этого я быстро сменил свое одеяние и отправился в королевский дворец. Дежурил Радзивилл, и меня приняли сразу же. Король был, как всегда, оживлен и любезен, подал мне руку и поблагодарил за доклады. Задав мне несколько вопросов о военной готовности Франции, он сказал: «Вы останетесь со мной». Итак, моя судьба на ближайшее будущее была решена. Мне представлялась чудесная возможность идти на войну в роли спутника этого превосходнейшего командующего»111.

Не так давно прусская армия нанесла поражение Австрии. В 1866 году пруссаки рассчитывали на длительную и кровопролитную войну, но она оказалась недолгой. Теперь они имели все основания надеяться на то, что им удастся повторить свой успех и в 1870 году, и на первом этапе войны их ожидания оправдывались. Мольтке в кратком описании истории этой войны дал крайне негативную оценку готовности к ней французов. Они, по его мнению, объявили войну в припадке коллективного безумия. «Полки отправлялись из мест своей дислокации мирного времени без доукомплектования людьми и снаряжением. Призванные резервисты скапливались в центрах формирования, на железнодорожных станциях и закупоривали движение». Запланированный бросок через Черный Лес так и не был осуществлен. В то же время в результате доверительных переговоров южногерманские государства поддержали Пруссию, и войска Баварии, Вюртемберга и Бадена превосходно показали себя в боях. Мобилизационное развертывание прусской армии

происходило четко, в соответствии с планом. Король объявил войну 16 июля 1870 года. Через четырнадцать дней прусские и союзные войска общей численностью 300 тысяч человек уже находились в районе Майнца в полной боевой готовности. Поскольку французы не предприняли флангового удара из Страсбурга через Рейн, то Мольтке мог выстроить свой фронт более компактно. Мобилизационный план предусматривал такое же трехкомпонентное разделение сил, какое было с успехом применено при фланговом охвате австрийцев в 1866 году. Три армии под командованием генерала фон Штейнмеца (Первая армия), принца Фридриха Карла Прусского (Вторая армия) и кронпринца Фридриха Вильгельма (Третья армия – в нее входили также корпуса Бадена, Вюртемберга, Баварии и 11-й корпус Гессена, Нассау и Саксен-Веймара) к началу августа заняли отведенные им позиции. Боевое расписание на 1 августа 1870 года представляет особый интерес для историка Пруссии. Все командующие корпусами, дивизиями или бригадами на передовых линиях Первой и Второй армий в своих именах имели аристократические приставки «фон». Среди них я могу назвать такие прославленные в прусской истории имена, как фон Клейст (трое командующих), фон дер Гольц (двое), Нейдхардт фон Гнейзенау, фон Белов (двое), фон дер Остен, фон Зенфт-Пильзах, фон Мантейфель, фон Бюлов (двое), фон Ведель, фон Бранденбург (двое), полковник фон Бисмарк, фон Вартенслебен, фон Альвенслебен. В Первой и Второй армиях не имели дворянского титула только генерал-майор Баумгарт, командующий 2-й кавалерийской бригадой в Первой армии, подполковник Леман, командующий 37-й бригадой в ганноверском 10-м корпусе, и генерал-майор Таушер, командующий саксонской 3-й пехотной бригадой. Ни один из командующих инженерными корпусами не был дворянином, и многие генералы артиллерии в корпусах и дивизиях принадлежали к буржуазии112. Старая Пруссия вступала в войну, оснащенная новыми технологиями, вооружениями, средствами транспорта и коммуникаций.

В прусской армии по-прежнему был жив и дух геройства, досаждавший Мольтке, когда расстраивал его замыслы. Больше всех трепал ему нервы генерал фон Штейнмец, главнокомандующий Первой армией. Карл Фридрих фон Штейнмец создавал для Мольтке и других командующих двойную головную боль. Когда началась война, ему уже было семьдесят три года, и многие считали его слишком старым. Его биограф писал о нем: «Нельзя сказать, что в армии у него было много друзей. Это объяснялось в первую очередь его сурово-грубым

нравом и слишком высокими требованиями к несению воинской службы. Чересчур серьезного и замкнутого, современники его просто недопонимали»113. Подполковник Вальдерзе выразился еще более категорично:

…

«Никак не могу взять в толк, почему они дали ему командование Первой армией. Он уже в 1866 году на три четверти выжил из ума, а с тех пор стал еще на четыре года старше. У него, конечно, энергии хватает, но одного этого недостаточно»114.

Штейнмеца обвинили в преждевременности наступления под Шпихерном: тогда Мольтке просил его подождать. В сентябре генерала освободили от командования, повысили в чине и отправили в Позен. Во всем остальном командная структура действовала слаженно и эффективно, и Мольтке мог быть спокоен. Единственно, что у него не получалось, – это выстраивание отношений с Бисмарком. Министр-президент появился в главной квартире короля в Майнце 31 июля, разодетый в форму генерал-майора резерва, с остроконечным шлемом кавалериста на голове, в ботфортах выше колен, и выглядел чудовищно нелепым штафиркой115. Кадровые офицеры посмеивались, но публике понравился «гигант-немец». Как написал Иоганнес Вилльмс, «его приметная, узнаваемая фигура идеально подходила для эскизов, сувенирных кружек и бюстов, особенно в *Pickelhaube*» [72] 116. Вальдерзе не спускал глаз с Бисмарка и всякий раз заносил свои впечатления о нем в дневник. 2 августа он пометил:

…

«Король и его свита разместились во дворце великого герцога. Весь остальной персонал главной квартиры расселился в городе, что вызывало недовольство, особенно со стороны Бисмарка, которому пришлось жить в доме патриота, торговца винами, комфортно, но очень далеко от штаба. Он жаловался непрестанно»117.

Для французов война началась неудачно. 4 августа у Виссембурга произошла первая ожесточенная схватка, за ней 5 августа последовала битва при Шпихерне, а 6 августа состоялось полномасштабное сражение под Вёртом, в котором впервые в бою сошлись около ста тысяч человек с обеих сторон. Здесь и обнаружилось, что немецкое игольчатое ружье значительно уступает по эффективности французскому «шасспо» [73] . Мольтке с горечью вспоминал потом, что только под Вёртом пруссаки потеряли десять тысяч человек118. Победил в этом

сражении кронпринц Фридрих, о чем он и сделал запись в дневнике:

…

«Сегодня я разбил в пух и прах маршала Мак-Магона, обратив его войска в беспорядочное бегство. Пока можно говорить о том, что он задействовал все свои корпуса, усиленные Файи и Канробе, а также войсками, переброшенными из Гренобля, выставив 80 тысяч человек против меня, имевшего 100 тысяч. Сражение, в котором – опять! – мы потеряли очень много офицеров и солдат, достойно названия подлинно великой битвы. В ней сражалась большая часть моей армии… Потери французов, должно быть, чрезвычайно тяжелы; мертвые тела лежат грудами, красный цвет их униформы виден насколько хватает глаз. Передо мной провели шесть тысяч пленных, не получивших ни одного ранения, включая полковых и батальонных командиров и около сотни других офицеров. Среди них был и полковник кирасиров, узнавший меня, видимо, по звезде, так как он обратился ко мне в соответствии с титулом: «Ah, monseigneur. Quelle dfaite, quel malheur; j'ai la honte d'tre prisonnier, nous avons tout perdu!» Я попытался утешить его, сказав: «Vous avez tort de dire d'avoir perdu tout, car aps tout vous avez battu comme des braves soldats, vous n'avez pas perdu l'honneur». Он ответил мне на это: «Ah, merci vous me faites bien en me traitant de la sorte» [74] . Я попросил его дать мне адреса своих родных и близких, чтобы послать им вести о том, что он жив. Позднее у меня было множество встреч с другими офицерами, оказавшимися в аналогичном положении, с которыми я разговаривал таким же образом»119.

Затем произошли еще несколько кровавых столкновений, и часть разгромленной французской армии перегруппировалась в Меце. Когда французы попытались прорваться, под селением Сен-Прива-Гравелот завязалось крупнейшее за всю войну сражение: в нем сошлись две армии Мольтке общей численностью более 180 тысяч человек и войска маршала Франсуа Ашиля Базена, насчитывавшие 112 тысяч человек. Под губительным огнем французской пехоты и отчасти вследствие промахов самого Мольтке (он неверно оценил диспозиции противника и вначале предпринимал фронтальные атаки) пруссаки и их южногерманские союзники потеряли свыше 20 тысяч человек. Всего же за первые четырнадцать дней пруссаки в шести битвах потеряли более 50 тысяч человек убитыми120. Войска Базена укрылись в Меце, и, хотя, как писал потом Мольтке, «осада Меца не входила в первоначальный план кампании», ему пришлось блокировать город.

Тем временем другая французская армия под командованием маршала Мак-Магона готовилась отойти к Парижу, чтобы дать отпор немцам на подходах к столице. Наполеон III же приказал ему снять блокаду Меца, и новая Шалонская армия во главе с Наполеоном двинулась в северном направлении вдоль бельгийской границы, пытаясь обойти пруссаков стороной. 2 сентября 1870 года Мольтке настиг французов под Седаном, разгромил армию Мак-Магона и взял в плен самого императора. Как только о поражении стало известно в Париже, улицы города заполнились толпами разгневанных граждан, и 4 сентября 1870 года во Франции снова была провозглашена республика.

Хотя война оказалась тяжелее, чем рассчитывал Мольтке, он все же одержал победу благодаря тщательному оперативному планированию и грамотному руководству армиями. То, что произошло потом, его планы, естественно, учесть не могли. Леон Гамбетта, Жюль Фавр и генерал Трошю сформировали так называемое «правительство национальной обороны» и отвергли довольно умеренные условия перемирия, предложенные Бисмарком. Жюль Фавр от имени правительства национальной обороны заявил 6 сентября, что Франция не уступит ни пяди своей земли и ни одного камня своих крепостей121. Гамбетта стал военным министром, и «на редкость энергичный и волевой Гамбетта», как написал Мольтке, «сумел воодушевить все население на вооруженную борьбу, не обеспечив ее, правда, единой целью»122. Это означало, что пруссакам предстояла длительная, изматывающая и бестолковая партизанская, или «народная», война.

Наступил период настоящей нервотрепки для всех прусских командующих и обострения отношений между офицерами генерального штаба и Бисмарком. За распрей между военачальниками и сугубо гражданским министром-президентом с большим интересом наблюдал подполковник Вальдерзе, занимавший особое положение при короле. Пронырливый интриган стремился поддерживать, как он сам пометил 3 августа в дневнике, полезные контакты в генеральном штабе: «У меня имелся необходимый опыт. Кроме того, и Бронзарт, и Верди, и Бранденштейн были моими давними и хорошими друзьями»123. Вальдерзе был в том же возрасте и чине, что и упомянутые трое начальников оперативных управлений – Пауль Бронзарт фон Шеллендорф, Юлий Верди дю Вернуа и Карл фон Бранденштейн, которых Бисмарк презрительно называл «полубогами» – то есть ставленниками «бога», генерала фон Мольтке. Все трое, особенно Бронзарт, возненавидели Бисмарка и старались всячески ему препятствовать. Но у Бисмарка, как свидетельствует Вальдерзе,

тоже имелись свои «полубоги»:

…

«У Бисмарка была своя команда – Абекен, Койдель, Гацфельд, Карл Бисмарк-Болен, свои шифровальщики и советники, три или четыре экипажа. Сам он разъезжал в большой и тяжелой карете, запряженной четырьмя лошадьми, которые не могли тягаться с жеребцами короля. По этой причине он был противником дальних переходов»124.

После объявления французским правительством национальной обороны тотальной войны ратные трудности Пруссии тесно переплелись с дипломатическими проблемами. Бисмарк остро нуждался в перемирии, с тем чтобы удержать от вмешательства в конфликт Россию, Австрию и Великобританию. Граф Бейст, бывший премьер-министр Саксонии, стал министром иностранных дел Австрии, и появилась реальная угроза того, что Габсбурги нападут на пруссаков, желая отомстить им за унижения 1866 года. Бисмарку надо было срочно довести войну до победного конца. Его раздражительность усугублялась и трениями с «полубогами» Мольтке.

Первый серьезный конфликт между офицерами генерального штаба и Бисмарком подполковник Вальдерзе отметил 9 сентября. Он произошел в общем-то из-за пустяка: должно ли особое полицейское управление подчиняться Бисмарку или генеральному штабу? Однако Бисмарк отреагировал на него примерно с такой же нервозностью, с какой он воспринял несогласие прусского государственного министерства с назначением ганноверца главным почтмейстером. Вальдерзе записал в дневнике:

…

«Между Бисмарком и генеральным штабом началась настоящая война… Кто-то достал досье и показал министру-президенту его подпись. Он сказал, вполне разумно: «Я подписываю так много документов, о которых не имею ни малейшего представления, что эта подпись ничего не значит. Мне неизвестно о такой договоренности, и я считаю ее сфабрикованной». Переговоры приняли очень оживленный характер. Поскольку Бисмарка поймали за руку и доказали его неправоту, он разозлился, и из-за ерунды возникла ссора. Мольтке держался в стороне, но отношения Подбельского и начальников управлений с Бисмарком вконец испортились»125.

20 сентября король перевел главную квартиру на знаменитую виллу барона Джеймса де Ротшильда в Феррьере. Перед обедом

Вильгельм прошелся по комнатам нижнего этажа дворца. В зеркальном зале его внимание привлекло множество рельефов на стенах. Осмотрев их, король сказал: «Я слишком беден, чтобы покупать все это»126. Пауль Бронзарт фон Шеллендорф тоже оставил нам свои впечатления: «Предки барона Ротшильда обожали геральдические знаки (гербы, изображения львов и орлов); они в большом количестве украшали стены и были исполнены в мраморе, бронзе или маслом и пастелью. Генерал Штукков назвал эту настенную экспозицию бесстыдным позерством»127. Штабные офицеры с издевкой расшифровывали на свой лад инициалы JR (James de Rothschild), выведенные на гербах: «Judaeorum Rex» и «der Judenknig» [75] . Когда Бисмарк поручил своему банкиру Герсону Блейхрёдеру вести переговоры о французских репарациях, то офицеры Мольтке присвоили ему титул *«des Kanzlers Privatjude»*(персональный еврей канцлера)128. Во время осады Парижа в январе 1871 года Бисмарк разъяснял своим сотрудникам:

…

«Блейхрёдер примчится и расшибется в лепешку ради семейства Ротшильда. Мы обоих пошлем в Париж, и они поучаствуют в собачьей драке… Да, Блейхрёдеру надо понюхать пороху. Он должен сразу же появиться в Париже, снюхаться со своими единоверцами и договориться с банкирами»129.

Вальдерзе, в свою очередь, оставил нам описание размещения короля, Бисмарка, генералов, штабистов и свит в Феррьере:

…

«Во дворце, помимо короля, занявшего левую часть нижнего этажа, поселились Бисмарк, Мольтке, Роон и весь персонал, сопровождавший короля и министра-президента. Прекрасные помещения конюшни, переделанные в гостевые комнаты, были отведены для офицеров штаба и сотрудников военного министерства. Остальных расквартировали в деревне. В Ланьи обосновались принц Карл, великий герцог Веймарский, принц Луитпольд (Баварский), великий герцог Мекленбург-Шверин, генерал-инспектор артиллерии и саперных войск. Естественно, многие были недовольны. Второсортный персонал хотел жить в Феррьере, а в Феррьере все желали бы оказаться во дворце»130.

19 сентября, как пишет Мольтке, 6-й корпус Третьей армии двумя колоннами уже шел на Версаль, а Баварский корпус продвигался к предместьям Парижа: «К вечеру Париж был обложен со всех сторон. Шесть армейских корпусов взяли город в пятидесятимильное кольцо»131. Но с дальнейшими действиями

возникла заминка. Мольтке не согласен с теми, кто потом заявлял, будто «в тот день была возможность захватить один из фортов, войдя в него вместе с убегающим противником». Форты были неприступны, и французы продолжали бы обороняться даже в том случае, если бы впускали отступающие войска. Мольтке утверждал: «Эскалада эскарпов высотой восемнадцать футов могла быть успешной только после соответствующей подготовки… Неудача могла перечеркнуть все достижения дня»132. Возникшая тупиковая ситуация сохранялась несколько месяцев. За это время парижане совершили революцию образца 1879 года, свергли бонапартистский режим и провозгласили Коммуну.

24 сентября Вальдерзе обедал с Бисмарком, о чем он сделал надлежащую запись в дневнике. Вот ее содержание. Супруга принца Карла написала ему: «Королева упорно агитирует за то, чтобы мы не отнимали ни клочка земли у наших дражайших французов. Сообща с княгиней Радзивилл и др. Вальдерзе непременно должен сказать об этом князю Бисмарку». Когда подполковник исполнил просьбу, Бисмарк ответил: «Я хорошо знаю эту клику и их интриги. Королева обрабатывает короля в каждом письме. Надеюсь, на какое-то время она прикусит свой язык. По моему настоянию король послал ей очень грубое письмо, и она вряд ли осмелится какое-то время предпринять что-либо подобное»133.

1 октября 1870 года офицеры генерального штаба потчевали обедом Бисмарка. Подполковник Бронзарт фон Шеллендорф сделал такую запись в дневнике о состоявшемся разговоре:

…

«Он ожидал, что сразу же после прибытия короля барон фон Ротшильд поинтересуется королевскими указаниями и устроит достойный прием для всей свиты. Однако этого не произошло. Бисмарк тогда решил отнестись к нему как к торговцу-еврею. Он изъявил желание купить несколько бутылок вина из погреба. Администратор ответил в том духе, что это такой дом, о l'argent n'est rien (где ничего не продается). Бисмарк настоял, заказал вино и потребовал счет, в котором к стоимости каждой бутылки были приплюсованы 50 сантимов за откупоривание»134.

Между тем генеральному штабу и Бисмарку надо было решать, как отнестись к народному восстанию во Франции. 4 октября Вальдерзе записал содержание разговора Бисмарка с американским генералом Филиппом Шериданом, приданным к прусской армии в качестве военного наблюдателя. Генерал Шеридан (1831–1888) прославился тем, что во время

Гражданской войны в Америке в 1864 году приказал войскам унионистов спалить дома и амбары в долине Шенандоа, положив начало тактике «выжженной земли». Шеридан говорил Бисмарку, как свидетельствует дневниковая запись Вальдерзе:

…

«“Вы знаете лучше, чем кто-либо в мире, как нанести поражение неприятелю, но вы не научились его уничтожать. Вы должны видеть дым горящих деревень, иначе вам никогда не удастся сокрушить французов”. И я думаю, что он прав. Стереть все с лица земли на значительных площадях по методу Шеридана – и тогда скукожатся паруса французов, замолчат их снайперы»135.

Мольтке не желал со всей серьезностью отнестись к партизанской войне. 7 октября Вальдерзе пометил в дневнике такие его слова: «Война закончена, осталось выполоть пырей. Крупных операций не будет»136. Но война не прекращалась еще несколько месяцев.

5 октября вся главная квартира перебралась в Версаль. Гольштейн писал потом в мемуарах:

…

«Наше пребывание в Версале было особенно тягостным из-за того, что канцлер требовал поддерживать высокую комнатную температуру. Однажды он пожаловался на холод, сказав: «Офицеры штаба, очевидно, не хотят, чтобы я спускался вниз». Мы посмотрели на термометр, он показывал 16–17 градусов. Когда канцлер расстегнул шинель, мы увидели, что она на подкладке из оленьей кожи. Но он снимал ее только тогда, когда температура была 18 градусов по шкале Реомюра, а в камине пылал огонь. (18 градусов Реомюра равны 72,5 градуса Фаренгейта или 22 градусам Цельсия.)».

Бисмарка выводили из душевного равновесия и разногласия в генеральном штабе по поводу осады Парижа. Генералы не могли решить, что лучше: подвергнуть город артобстрелу из мощных осадных орудий или голоду. Койдель вспоминал:

…

«18 октября Роон и Мольтке отправились к канцлеру. После совещания у него разболелась нога, и эта боль не проходила несколько дней. Я сделал вывод, что ему не удалось перебороть нежелание Мольтке бомбардировать город, хотя все знали, что Роон поддерживает эту идею»137.

О разладе между генералами стало известно прессе. 23 октября Вальдерзе написал в дневнике:

…

«Пресса вовсю старается представить бомбардирование Парижа как варварское средство. Без сомнения, за этим стоят женские интриги, чудесный альянс и единство мнений королевы и кронпринцессы. Я доподлинно знаю, что к этому причастен Штош, прилепившийся к кронпринцу. Из него получился неплохой союзник: он всегда может доказать, что все железнодорожные поезда и другие транспортные средства нужны для продовольственного снабжения. Конечно, мы должны поесть, прежде чем стрелять, так что он один может всех положить на лопатки. Имеют место и другие конфликты – например, между ставкой и Блюменталем; почти все офицеры настроены против Роона»138.

В то время как победоносная война Пруссии застопорилась из-за генеральских разногласий и негативного общественного резонанса, правительство России 9 ноября 1870 года объявило о денонсировании Черноморского договора от 1856 года [76] , навязанного ей после поражения в Крымской войне. Дерзость России поставила в крайне неловкое положение британский кабинет. Французская империя Наполеона III, вместе с которым Британия вела войну против России, перестала существовать, а новой республике, оккупированной и униженной, не было никакого дела до Восточного Средиземноморья. Премьер-министр либерал Гладстон и его министр иностранных дел лорд Гранвилл решили послать Одо Рассела в прусскую главную квартиру для того, чтобы прозондировать позицию Бисмарка. В Лондоне подозревали, что он и посоветовал тайно русским воспользоваться благоприятной дипломатической ситуацией и смыть с себя позор 1856 года139. Леди Эмили Рассел написала своей свекрови, грозной леди Уильям Рассел: «Забавно, не правда ли? Он должен сшибиться с Бисмарком еще не будучи послом в Берлине, и этого, как он говорит, ему хочется больше всего»140. Одо Рассел сблизился с Бисмарком, как никто другой из иностранных дипломатов, и его наблюдения дают богатейший материал о Бисмарке семидесятых и начала восьмидесятых годов.

Одо Уильям Леопольд Рассел (1829–1884) принадлежал к известной семье английских вигов, Расселов, герцогов Бедфордов, владевших в Уобёрне одним из самых роскошных в Англии особняков. Отец, служивший британским послом в Берлине в 1835–1841 годах, умер, когда Одо было тринадцать лет, и властная, суровая мать леди Уильям решила дать образование трем сыновьям в более цивилизованных заведениях, нежели варварские английские частные школы для мальчиков. Ричард Давенпорт-Хайнс в «Оксфордском словаре национальной

биографии» написал об Одо Расселе: «В результате в нем и намека не было на английскую чопорную тупость. Он редко занимался физическими упражнениями. Он говорил по-французски, по-итальянски и по-немецки с исключительной чистотой произношения, хотя в его английском языке всегда присутствовали континентальные интонации»141. Об особенностях характера леди Уильям можно судить по ее письму сэру Остену Лейарду о победе Германии над Францией:

…

«Я ГЕРМАНКА до мозга костей. Мне нужна дисциплина, а не беспорядок, трезвость, а не пьянство, образованность, а не НЕВЕЖЕСТВО. Никогда еще не было такого триумфа интеллекта над скотством»142.

Неудивительно, что ее трем сыновьям, взрослым и возмужавшим, нужно было каждый раз собираться с духом, чтобы навестить мать.

Одо много времени провел в Риме, где и освоил блестяще итальянский язык. Газета «Таймс» в некрологе 27 августа 1884 года отметила уникальную способность протестанта Одо Рассела понимать католицизм, что было особенно ценно в разгар конфликта между церковью и государством:

…

«Благодаря дружбе с кардиналом Антонелли он перенял типично итальянскую чувствительность, которую редко встретишь в англичанине. От рождения внимательный наблюдатель, с годами он стал еще более прозорливым. Он прекрасно разбирался в людях, легко распознавал их слабости и умел обратить к своей выгоде и низменные побуждения, и излишнюю впечатлительность»143.

2 декабря 1870 года Одо Рассел сообщил Эдмунду Хаммонду, постоянному заместителю министра иностранных дел, свои первые впечатления о Бисмарке и главной квартире в Версале:

…

«Я очарован графом Бисмарком. Его почти что солдатская прямота и искренность в разговорах поразительны, а необычайно доброжелательное отношение ко мне глубоко тронуло меня. Сотрудники министерства иностранных дел сопровождают его в поездке и образуют… что-то вроде семьи. За обедом и завтраком он сидит во главе стола, справа и слева от него располагаются заместители, затем – главные чиновники, потом – старшие чиновники, замыкают шеренги телеграфисты, и все – в униформе.

Когда я приглашен к обеду, то меня усаживают между графом и постоянным заместителем министра иностранных дел (фон Койдель. – Дж. С .), который после трапезы играет на фортепьяно, а мы курим. Разговариваем на немецком языке, проблемы дня обсуждаются с полной откровенностью, и поэтому беседы всегда интересные и информативные»144.

Еще один знаток человеческих характеров поддался обаянию Бисмарка.

Тем временем отношения между Бисмарком и генеральным штабом продолжали ухудшаться. Пауль Бронзарт отозвался о канцлере очень нелестно в своем дневнике:

…

«Бисмарк начинает превращаться в пациента для сумасшедшего дома. Он пожаловался королю на то, что генерал Мольтке написал генералу Трошю, а переговоры с иностранным правительством входят-де в его компетенцию. Когда генерал Мольтке как представитель верховного командования армией обращается к губернатору Парижа, то такие контакты носят сугубо военный характер. Поскольку граф Бисмарк вдобавок утверждает, что он считает и само письмо сомнительным, хотя оно таковым не является, то я представил генералу фон Мольтке письменный рапорт, в котором доказываю ложность утверждений Бисмарка и прошу в дальнейшем не требовать от меня исполнения инструкций, касающихся графа»145.

Постепенно нарастало давление со стороны общественности. Кронпринц отметил в военном дневнике, что его жену обвиняют в затягивании бомбардирования Парижа и эту ложь распространяют Иоганна фон Бисмарк и графиня Амелия фон Донхёф. Бронзарт записал в дневник стихи, получившие широкое хождение в Берлине146:

Guter Moltke, gehst so stumm,
Immer um das Ding herum
Bester Moltke sei nicht dumm
Mach doch endlich Bumm! Bumm! Bumm!
Herzens-Moltke, denn warum?
Deutschland will das: Bumm! Bumm! Bumm! [77] 147

18 декабря Бронзарт поставил под угрозу всю свою карьеру ради того, чтобы не допустить Бисмарка к военным делам. Этот эпизод описан в его военном дневнике. Бронзарт получил от генерала Подбельского приказ обеспечивать Бисмарка протоколами заседаний военного совета и, наверное, впервые в жизни решил проявить непослушание, грозящее ему трибуналом. Для подполковника, начальника одного из управлений

генерального штаба и одного из «полубогов» Мольтке это был «самый тяжелый день за всю кампанию». Приказ, переданный ему генерал-лейтенантом, генерал-квартирмейстером Подбельским, был отдан королем и одобрен начальником генерального штаба графом Мольтке. Бронзарт так отобразил в дневнике свои переживания:

…

«Если человеку, обуреваемому такой жаждой власти, какую испытывает Бисмарк, не дать по рукам, тогда ему все будет позволено… Я размышлял над этим минут десять; в меня глубоко засела привычка повиноваться, но я ее подавил; возобладало чувство долга, требовавшее даже неповиновения королю в ущерб личным интересам»148.

Бронзарт доложил Подбельскому о том, что не исполнит приказание, и подал прошение об отставке. Подбельский поначалу разгневался, усомнившись в здравом уме подполковника. Потом, трезво оценив ситуацию и нравственное мужество офицера, он переговорил с Мольтке, и начальник генерального штаба отменил приказ, сообщив об этом королю. Бисмарк так и не получил доступа к протоколам военного совета. После фон Вертера подполковник Бронзарт, пожалуй, стал вторым человеком, осмелившимся восстать против нарастающей диктатуры Бисмарка. Бронзарт написал:

…

«Если бы я подготовил требуемые документы, внеся в них необходимые поправки и обесцветив, то они были бы утверждены и отосланы. Тогда граф Бисмарк был бы на коне. А он хорошо знает, как ездить верхом, о чем он однажды предупредил всех, имея в виду Германию. Нетрудно догадаться, куда мы тогда приедем»149.

Альбрехт фон Штош, ставший теперь генерал-лейтенантом и занявший в верховном командовании пост комиссара-генерала, тоже внимательно следил за конфликтом между армией и Бисмарком. Он писал жене из Версаля 22 декабря:

…

«Бисмарк в бешенстве оттого, что военные проволочки нарушают его политические комбинации. Король устал от раздоров и хотел бы денек отдохнуть. Оба вымещают свое раздражение и недовольство на Мольтке, обладающем ангельским терпением, никогда и никому не грубившем, но не менее измотанном внутренними неурядицами. Король просто боится гнева Бисмарка, Мольтке аристократически отмалчивается. Роон

по-настоящему болеет и настаивает на незамедлительном бомбардировании»150.

На следующий день произошел очередной скандал, и Бронзарт отметил в дневнике: «Чинуша в мундире кирасира с каждым днем все больше шалеет, а генерал Роон превращается в *famulus*[78] . Весь вопрос в том – дадим мы достойный ответ или не дадим его вообще. Скорее всего нет»151. На другой день после Рождества Бисмарк вызвал к себе Вальдерзе и излил все свои горести адъютанту короля (из дневника Вальдерзе):

…

«Вчера мне сказали, что Бисмарк хочет меня видеть. Я пришел к нему в комнату, которая служила одновременно и гостиной, и спальной и была невероятно нагрета. Он сидел в длинном домашнем халате, курил большую сигару и выглядел страдальчески. Видно было, что он взвинчен… Затем он начал говорить следующим образом: «Все делается во вред мне. Взять, к примеру, интриги великого герцога Бадена и герцога Кобурга с кронпринцем, они вносят путаницу в решение германского вопроса… Генеральный штаб отказывается информировать меня о важнейших событиях; проблемы, имеющие для меня первостепенное значение, поскольку на их основе я и принимаю решения, скрываются от меня. Я вынужден просить короля, чтобы изменить такое положение». Он говорил об этой проблеме, хорошо мне известной, с необычайным жаром. Его глаза расширились, на лбу проступил пот. Он выглядел чрезвычайно возбужденным. Я испугался, что он серьезно заболеет, поскольку такого сорта возбужденность противоестественна. К тому же, помимо крепких сигар, он, как я понял по бутылке, из которой мне было предложено выпить, употреблял очень крепкие вина»152.

Накануне Нового года в покоях короля состоялось расширенное заседание военного совета по одному вопросу: бомбардировать или не бомбардировать Париж. Кронпринц, выступавший против «варварства», поддержки не получил и в конце концов согласился с решением подвергнуть французскую столицу артобстрелу. Как командующий Третьей армией он должен был проработать бомбардирование со своим штабом, и артобстрел был назначен на 4 января 1871 года. В военном дневнике кронпринц дал волю своим чувствам:

…

«Мы обрекли себя на совершение любых злодеяний, и недоверие к нам будет только возрастать. И не только вследствие этой войны, а в результате теории «крови и железа», навязанной нам

Бисмарком! Что хорошего нам принесет могущество, военная слава и признание нашей силы, если на каждом шагу нас будут встречать с ненавистью и недоверием и каждый наш шаг будет вызывать подозрительность и неприязнь? Бисмарк сделал нас великими и могущественными, но лишил нас друзей, симпатий мира и – совести»153.

Наступило 4 января. Кронпринц записал в дневнике:

…

«Тревожное состояние, в котором мы на рассвете ожидали первого выстрела, усиливал непроницаемый туман, не желавший рассеиваться, так что на самом деле не было никакого рассвета. Дул ледяной ветер, покрывший все вокруг инеем»154.

На следующий день засияло солнце, и «в восемь пятнадцать утра на Париж полетел первый снаряд, выпущенный батареей № 8»155. Однако бомбардирование французской столицы никак не повлияло, по свидетельству Штоша, «на разлад в высших кругах»156. 8 января кронпринц отметил в дневнике, что Мольтке «оскорблен произволом и деспотизмом Бисмарка»: «Канцлер во все суется, и его совершенно не интересуют мнения экспертов»157. 9 января 1871 года исполнялось пятьдесят лет воинской службы Альбрехта фон Роона, и здоровье его было серьезно подорвано. Кронпринц писал: «Жуткая астма дополнилась жесточайшей простудой, и последние две недели его замучили приступы удушья… Граф Бисмарк только сейчас начал избавляться от ревматических болей в ноге, которые отдаются по всему телу. Все это очень некстати в такие чрезвычайно важные дни»158. Из всего триумвирата, создавшего современную Германию, мог нормально функционировать только генерал фон Мольтке.

Кронпринц взял на себя миссию примирения Мольтке и Бисмарка, пригласив их обоих к обеду в свою штаб-квартиру. Фридрих Вильгельм записал потом в дневнике:

…

«Они высказывали все друг другу открыто, а Мольтке, обычно скупой на слова, говорил много, не выбирая выражений, бранил Бисмарка и выложил ему все свои обиды, которыми делился со мной 8-го числа. Другой протестовал, и мне приходилось вмешиваться, чтобы вернуть разговор в нормальное русло… Затем Бисмарк ударил Мольтке по самому больному месту, заявив, что после Седана нам следовало остаться в Шампани, подождать дальнейшего развития событий, и не идти на Париж»159.

Пока шла война, в Берлине происходили события,

предвещавшие рождение новой Германии. Все главные действующие лица находились за пределами страны, и рейхстаг был предоставлен самому себе. 13 декабря 1870 года сорок восемь членов нижней палаты прусского ландтага сформировали «фракцию центра». Ее первым председателем стал Карл Фридрих фон Савиньи, давний друг Бисмарка. Во фракцию в роли лидеров вошли также братья Петер и Август Рейхеншпергеры, Герман фон Маллинкродт, Людвиг Виндтхорст, Фридрих Вильгельм Вебер и Филипп Эрнст Мария Либер. Эта организация вскоре стала называться «католической центристской партией», хотя ее основатели вовсе не собирались это делать. Баварский депутат Эдмунд Йёрг (1819–1901) объяснял160: «Не забывайте, что *Zentrum*всегда был против того, чтобы именоваться «католической» партией». Иначе как бы ужился Виндтхорст с ганноверцами?»161

Несмотря на то что осада Парижа и сама война слегка затянулись, победы в «национальной патриотической войне», в которых участвовали южногерманские и саксонские войска, оказали стимулирующее воздействие на объединение Германии. Северо-Германский союз должен был трансформироваться в нечто большее, чтобы завершить объединение нации. Где-то в середине октября граф Берхем, капитан и адъютант принца Луитпольда Баварского, обратился в главной квартире к Роберту фон Койделю с конфиденциальным запросом: будет ли уместным предложение украсить президентство союза имперской короной? Койдель вспоминал: «Я ответил, что, насколько мне известно, канцлер не высказывался по этой проблеме, но я убежден, что такая инициатива будет только приветствоваться. Шеф одобрил мой ответ»162. Людвиг II, король Баварии, мог выступить с такой инициативой только в обмен на деньги и территориальные уступки. Майор, граф Макс фон Гольнштейн дважды в ноябре ездил в главную квартиру на переговоры. Бисмарк отказался уступать земли, но согласился заплатить немалую сумму – 300 тысяч марок из тайного Вельфского фонда, который он фактически украл у ганноверского короля. Эти гонорары баварский король получал до самой своей смерти в 1886 году. Выплаты производились в строжайшей тайне и являлись, по сути, подкупом короля. Бисмарк снабдил графа фон Гольнштейна текстом послания, с которым баварский король должен обратиться к Вильгельму I163. Послание пришло в главную квартиру своевременно. 4 декабря принц Луитпольд представил союзному фельдмаршалу письмо от короля Людвига Баварского «с выражением пожелания возродить Германскую империю и титул императора». Король к тому времени успел

проконсультироваться и получить согласие всех членов союза164. На следующий день, 5 декабря, копия письма была доставлена в Берлин Карлу Рудольфу Фриденталю (1827–1890), одному из лидеров бисмарковской партии свободных консерваторов в северогерманском рейхстаге165, который должен был передать документ Дельбрюку для объявления депутатам. О том, как это происходило, оставил свои впечатления Бабель. Дельбрюк поднялся и напыщенно провозгласил: «Позавчера его королевское высочество принц Луитпольд Баварский вручил его величеству королю Пруссии послание от его величества короля Баварии следующего содержания…» Дельбрюк замолк. Он не мог вспомнить, в какой из карманов засунул письмо. Он судорожно стал обшаривать карманы, вызвав безудержное веселье в зале. Дельбрюк нашел письмо, но сенсации не получилось166.

7 декабря официальная пресса тоже опубликовала текст послания. Король Баварии увещевает короля Вильгельма в необходимости «возродить Германскую империю и достоинство императорского титула». Король Баварии провел консультации с другими германскими князьями для придания весомости своему призыву167. Бисмарк жаловался Иоганне: «Князья, даже самые благомыслящие, досаждают мне мелкими неприятностями по поводу простейшей «проблемы кайзера», исходя из монархических предрассудков и суемудрия»168. 14 декабря рейхстаг Северо-Германского союза обратился к королю с петицией: «Северогерманский рейхстаг в единстве с князьями Германии полагает, что ваше величество, соблаговолив принять германскую императорскую корону, освятило бы тем самым завершение национального объединения»169. Как Ганс фон Клейст написал Морицу фон Бланкенбургу, он с отвращением узнал о том, что подготовить проект петиции было поручено «еврею Ласкеру»: «Теперь остается взять его с собой в Версаль и вверить ему ведение переговоров»170.

Сепаратисты южногерманских королевств пытались саботировать создание нового рейха, и особенно упорствовали короли Саксонии и Вюртемберга. Бисмарк принял необходимые меры. 17 декабря собрание князей направило королю обращение, сообщая о том, что все они приветствуют учреждение императорской короны, а на следующий день, 18 декабря 1870 года, Эдуард Симсон, председатель северогерманского рейхстага, привел к королю делегацию упрашивать его принять титул императора. Растроганный король зачитал ответ, составленный Бисмарком, и великодушно согласился171.

Далее предложение должны были рассмотреть парламенты южногерманских государств. В Вюртемберге и Бадене особых

проблем не возникло, но в Баварии оно натолкнулось на сильную оппозицию. 11 января начались яростные дебаты. Патриотическая партия заклеймила позором милитаризм Пруссии. После долгих дискуссий инициатива северогерманского рейхстага все-таки была утверждена 21 января с минимальным перевесом в два голоса172.

Церемония провозглашения нового рейха была назначена на 18 января 1871 года. Эту дату избрали не случайно: в этот же день в 1701 году династия Гогенцоллернов наконец обрела королевский статус. Курфюрст Фридрих III Бранденбургский стал Фридрихом I, королем в Пруссии (в 1713 году «в» убрали). Его коронация была для того времени самой пышной и дорогостоящей173. Бисмарка же ожидали новые осложнения. Король настаивал на титуле императора Германии, а не германского императора, который для него с таким трудом Бисмарк выторговал у рейхстага и германских князей. Вильгельм упорно хотел быть великим императором Германии, а не банальным германским императором. По описанию кронпринца, и за два дня до церемонии король выглядел «до невероятности обеспокоенным и возбужденным»:

…

«Его склонность видеть все в черном цвете в эти критические дни приняла особенно болезненный характер… Пришел фон Шлейниц, министр королевского двора, но и сегодня ничего не прояснилось, и у меня нет ни малейшего представления о том, как все будет происходить 18 января. Невозможно ничего ни придумать, ни организовать, принятие решений либо откладывается, либо игнорируется»174.

До церемонии оставался один день, и кронпринц записал в дневнике:

…

«После обеда в покоях короля состоялось совещание, в котором участвовали граф Бисмарк, министр королевского двора фон Шлейниц и я. Встретив фон Шлейница в приемной, Бисмарк в довольно резкой форме сказал ему: он не понимает, о чем союзный канцлер может говорить с королем в присутствии министра королевского двора. В нагретой, душной комнате три часа обсуждалось титулование императора, наименование наследника трона, положение королевской семьи, характер взаимоотношений императора с королевским двором, армией и т. д. Касательно императорского титула Бисмарк признал, что на переговорах баварские депутаты и уполномоченные отказались согласиться с

наименованием «император Германии». Ему пришлось пойти им навстречу и без консультаций с его величеством остановиться на варианте «германский император». Данное обозначение, не носящее никакого особого смысла, не удовлетворяло ни короля, ни меня, и мы пытались сделать все возможное для того, чтобы отстоять титул «император Германии». Однако граф Бисмарк продолжал настаивать на своем варианте, доказывая, что он это делает ради единства с Баварией… И в величайшем возбуждении он (король. – Дж. С .) сказал, что ему трудно описать то волнение, которое он испытает завтра, прощаясь со своей старинной Пруссией, которой он был и остается преданным всей душой. Его слова прерывались рыданиями и слезами»175.

На рассвете 18 января 1871 года было пасмурно и облачно, но когда под окнами короля проходили гвардейцы почетного караула, выглянуло солнце, и настроение Вильгельма моментально улучшилось. Церемония начиналась в Зеркальной галерее Версаля, плавно перетекая в *Salon de la Paix*(салон Мира). У простого походного алтаря, возведенного на платформе, встал король, весь в орденах и знаках отличия. Пауля Бронзарта фон Шеллендорфа поразило соседство с импровизированным алтарем обнаженной Венеры, хотя, как он написал в дневнике, в Версальском дворце избежать лицезрения ее голых фигур все равно было невозможно176.

Многие офицеры, в том числе и кронпринц, не успели переодеться и появились в полевом обмундировании и сапогах. Никакой репетиции не проводилось, команды «снять шлемы к молитве» вовремя не прозвучало, об этом в самый последний момент вспомнил кронпринц и подал ее своим зычным голосом. Каплан Рогге, пастор из Потсдама и шурин Роона, выступил «с довольно бестактным и нудным историко-религиозным нравоучением». После пения «Те Деум» и краткого обращения к публике король Вильгельм I, сопровождаемый князьями, вернулся на платформу. Кронпринц записал в дневнике:

…

«Граф Бисмарк вышел вперед, мрачнее тучи, и сухо-деловым тоном, без малейшего намека на праздничность и торжественность момента зачитал обращение к «германскому народу». Когда он произнес слова «приумножитель империи», я заметил, как по толпе, стоявшей до сих пор молча, прокатился гул. Затем выступил вперед великий герцог Баденский и со свойственным ему непоколебимым спокойствием и достоинством поднял руку и громко крикнул: «Да здравствует его императорское величество император Вильгельм!» Громовое «ура!» по крайней мере

раз шесть сотрясло зал, и над головой нового императора Германии (sic ! – Дж. С .) заколыхались знамена и штандарты, зазвучал “Heil Dir im Siegerkranz” [79] »177.

Бисмарк пережил величайший триумф в своей жизни, пребывая в скверном настроении, и это видели все, кто находился в Зеркальной галерее. Люциус фон Балльхаузен отметил позднее: «Его величество настолько огорчил титул (германского императора), что в день провозглашения империи он совершенно игнорировал Бисмарка»178. И не все князья испытывали радость от этого события. Принц Отто Баварский, наследник трона, говорил: «Не могу выразить словами, как мне было беспредельно больно и грустно во время церемонии… Во всем было столько равнодушной мишуры, показухи, напыщенности, чванства и душевной пустоты»179. О том, что ощущал после церемонии и торжественного обеда сам Бисмарк, написал в мемуарах Гольштейн:

…

«Мне до сих пор слышны гневные нотки голоса Бисмарка, когда он вечером 18 июля [80] говорил о бестактной проповеди пастора Рогге (брата графини Роон). Он выбрал такие слова: «Придите сюда, князья, и будете биты» [81] . Не самое удачное выражение. Бисмарк сказал: «Сколько раз я говорил себе – как долго я буду терпеть этого священника? Каждая фраза, произнесенная с престола, должна быть выверена слово в слово. А этот священник болтает все, что взбредет ему в голову». Гораздо менее гневно Бисмарк отнесся к легкомысленному заявлению молодого Шварцбурга (прозванного «Аркадским принцем»), обратившегося к собранию персонажей королевских кровей с такими словами: “Привет вам, собратья вассалы”»180.

Не испытывали восторга и многие члены королевской семьи. Из-за размолвки между королем и Бисмарком позабыли сообщить королеве Августе о том, что она становится императрицей. Кронпринцесса Вики писала королеве Виктории 20 января:

…

«Должна сказать тебе по желанию самой императрицы (королевы), что она ничего не знала ни о введении императорского титула 18-го числа, ни о прокламации. Император настолько не расположен ко всей этой затее, что не хотел говорить о ней раньше времени, и никто не взял на себя смелость проинформировать нас. Конечно, мою свекровь поставили в неловкое и унизительное положение, и она была возмущена. Мне стоило больших трудов успокоить ее. Она призывает меня в

свидетели, что ей ничего не было известно до самого последнего дня… Ты пишешь, как ты рада тому, что мы теперь живем в ладу. Но тебе неведомо о тех горестях, которые сваливаются на меня, когда мы не ладим. Я была бы только рада, если бы она позволила мне поддерживать с ней добрые отношения… Мне искренне жаль ее: природа наделила ее таким характером и нравом, что ей удобнее всегда чувствовать себя обделенной и Unbefriedigung [82] , и вся ее жизнь – это сплошные страдания и мучения»181.

23 января в Версаль приехал Жюль Фавр – завершать переговоры о капитуляции Французской республики, которые вел единолично Бисмарк при технической помощи группы советников. Капитуляция была подписана 28 января, и теперь прусской армии пришлось взять на себя снабжение голодающего города продовольствием. Решение этой проблемы затрудняли спонтанно возникавшие у Бисмарка вспышки раздражения и гнева. Комиссар-генерал Альбрехт фон Штош вдруг был обвинен в использовании государственных средств для обеспечения Парижа едой. Бисмарк потребовал предать его суду, а через два дня как ни в чем не бывало поинтересовался тем, как идут дела в продовольственном снабжении города182. Кронпринц пометил в дневнике:

…

«За Бисмарком закрепилась недобрая слава зачинщика всех жестоких репрессалий, к которым нам приходится, увы, здесь прибегать; говорят, будто он намеревается установить в Париже такой же режим террора, какой был при Гамбетте. Поводом для таких предположений служат чудовищные максимы и свирепые посулы, которые он без стеснения произносит здесь и которые его жена повторяет в Берлине… На графа Бисмарка совершенно невозможно полагаться, и его политика настолько конвульсивная, что никто не в состоянии составить себе ясное представление о его взглядах, тем более о тайных замыслах»183.

Столь же нелицеприятную запись сделал в дневнике 25 января 1871 года Пауль Бронзарт фон Шеллендорф:

…

«Генерал Мольтке, о котором потомки будут вспоминать как о величайшем полевом командующем всех времен, пал жертвой амбиций талантливой, но низменной личности, которая не найдет успокоения, пока в роли современного major domus не уничтожит вокруг себя все, что достойно уважения и любви»184.

После подписания капитуляции встала еще более болезненная проблема французских репараций. 8 февраля

государственное министерство Пруссии определило размер репараций в сумме одного миллиарда талеров (три миллиарда франков), 95 процентов которых предназначались для армии. Отто Кампхаузен (1812–1896), бывший президент «Зеехандлунга», ставший в 1869 году министром финансов Бисмарка вместо уволенного «золотого дяди» фон дер Хейдта185, так обосновал счет, предъявленный Франции:

…

«Людские и материальные потери, понесенные германской нацией, неисчислимы, и наша оценка стоимости военного ущерба представляется вполне великодушной, включая соответствующую дополнительную компенсацию за издержки, не поддающиеся учету. С государственным министерством согласовано»186.

Следуя своей практике использовать любые средства в достижении целей, Бисмарк послал личного банкира Герсона Блейхрёдера посредничать в переговорах с французскими финансистами. Участие еврея в столь важных делах до глубины души оскорбило Бронзарта, и он дважды обращался к дневнику для того, чтобы излить свои чувства:

…

«Теперь он (Бисмарк) с большой охотой общается с евреем Блейхрёдером, своим банкиром, которого он вызвал сюда для официальных переговоров по поводу военных контрибуций, предъявляемых Франции. Возникает вопрос – для чего у нас существуют институты, вроде Прусского государственного банка, если Privatjude (персональный еврей) канцлера, а не один из его высших чиновников, выступает в роли советника в государственных делах… Сегодня утром Блейхрёдер появлялся в главной квартире. В петлице у него торчала искусно сделанная многоцветная розетка, во многих христианских орденах свидетельствующая о принадлежности к Ritterschaft (рыцарству). Как и подобает истинному еврею, он похвалялся аудиенциями у короля, связями в высших кругах, влиянием, которым пользуются толстосумы вроде его самого и Ротшильда. Он, похоже, хорошо информирован о политической ситуации и настроениях графа Бисмарка; теперь ему надо заручиться поддержкой главной квартиры и получить доступ к графу Мольтке».

26 февраля 1871 года Франция и Германия подписали в Версале прелиминарный мир. Сумма репараций выросла до пяти миллиардов франков. Блейхрёдер писал кронпринцу: «Граф Бисмарк ведет себя на переговорах чудовищно бесцеремонно и намеренно грубит; своей бестактностью он шокировал

парижского Ротшильда, старавшегося говорить с ним на французском языке»187. 4 марта 1871 года английский еженедельник «Экономист» так прокомментировал счет, предъявленный Франции:

…

«Огромная сумма денег, затребованная в результате победы, убеждает в том, что вымогательство денег могло быть как целью, так и случайным следствием войны. Элемент торгашества, привнесенный в отношения между государствами, разлагает государственных деятелей и рано или поздно окажет тлетворное влияние и на народы»188.

В последний день пребывания в Версале кронпринц попытался уговорить Бисмарка назначить баденского аристократа, барона фон Роггенбаха губернатором Эльзаса. Бисмарк, безусловно, знавший через своих агентов о контактах Роггенбаха с королевой, наотрез отказался. Кронпринц сделал для себя вывод, что Бисмарк предпочитает раздавать должности только тем людям, которые будут беспрекословно исполнять лишь его непосредственные указания: «Сегодня я еще раз и больше, чем прежде, убедился в том, что он настроен играть роль всемогущего Ришелье»189.

Император и кронпринц 17 марта 1871 года прибыли в Потсдам, получив массу удовольствий от восторженных приемов, оказанных им на каждой остановке. Победа и объединение Германии завораживали всех немцев вне зависимости от возраста и политических убеждений. 21 марта состоялось торжественное открытие сессии нового рейхстага, избранного в начале месяца. Событие было эпохальное и грандиозное: начинал работу первый парламент объединенной Германии. Баронесса Хильдегард фон Шпитцемберг, как супруга посланника Вюртемберга, сидела на балконе для дипломатов. Отметив, что ей импонировали и компания, и вид с балкона, баронесса писала в дневнике:

…

«Вопреки принятой практике принцы, принцессы и императрица расположились слева и справа от трона… Перед приходом короля появились Мольтке с мечом, Роон со скипетром, Пейкер с державой, Редерн с короной и Врангель со знаменем в сопровождении Камеке и Подбельского с флагом. Кайзер говорил с трона очень взволнованно и растроганно, его речь прерывалась криками «браво», которыми награждала его возбужденная аудитория. Я обратила внимание на то, что кайзер снял шлем перед тем, как зачитать речь, чего он раньше никогда не делал. Вся церемония была необычайно красивая и захваты-вающая»190.

На следующий день император пожаловал Бисмарку титул князя (*Frst*), а через день вечером Бисмарк устроил по этому случаю грандиозный прием, на который пришли и супруги Шпитцемберг, жившие по соседству. Баронесса с восторгом писала:

…

«Карл и я приглашены на прием к Бисмаркам. Кайзер удостоил графа княжеским статусом; все это замечательно и превосходно, но, чтобы это не было даром греков, должно последовать соответствующее материальное вознаграждение, признаков которого пока не наблюдается. В семье они отнеслись ко всему очень спокойно; обращение «ваша светлость» звучит для него так же странно, как для нас»191.

Среди действительно необычных даров, посыпавшихся на Бисмарка, национального героя в 1871 году, особенно выделяется презент, полученный из Штральзунда от торговца рыбой и пивовара Иоанна Вихмана, владельца процветающего консервного производства. В 1853 году он открыл магазинчик, во дворе которого жена Каролина солила, делала филе из балтийской сельди и запаковывала рыбу в деревянные ящики для продажи. Ко

дню рождения Бисмарка торговец прислал ему письмо и бочку отборной соленой сельди, смиренно попросив разрешения назвать ее «селедкой Бисмарка». Князь великодушно согласился, и «селедка Бисмарка» увековечила память о великом человеке в такой же мере, как и книги, изваяния и портреты192.

16 апреля 1871 года рейхстаг принял новую конституцию. Первый этап в карьере выдающегося государственного деятеля завершился. За восемь с половиной лет он перестроил политическую карту Европы и объединил германскую нацию. Всего этого он достиг силой интеллекта, блестящей дипломатией, действуя беспощадно, а когда надо – и меняя принципы как перчатки. Как и в 1866 году, он «побил их всех! Всех!».

9. Начало падения: либералы и католики

Для истории победа над Францией и создание нового рейха были самыми яркими и запоминающимися свершениями Бисмарка. В марте 1871 года он вернулся в Берлин бессмертным, но теперь ему предстояло заняться куда более прозаическими делами – выстраиванием и обустройством сотворенного им государственного образования. Иными словами, его ожидала нескончаемая рутина административных забот: проблемы налогообложения, местного самоуправления, фабричных инспекций, школьного образования, почтовых тарифов, финансирования железных дорог, наполнения бюджета и т. д. и т. п. Все последующие девятнадцать лет он посвятил управленческой суете. Но как и в период титанических усилий по объединению нации, Бисмарк действовал с такой же беспощадностью и беспринципностью. А поскольку Бисмарк не любил делиться своей властью, считая себя, с полным основанием, умнее других, то его постоянно сопровождали трудности, как личные, так и служебные. Никто его не понимал, никто не исполнял свои обязанности так, как надо; никому нельзя было доверять. Он почти непрестанно озлоблялся: все ему не нравилось, и все его раздражали.

В первую очередь Бисмарку надо было обезопасить свое детище от внешних и внутренних угроз. Великие державы встревожило появление новой Германии. Дизраэли, выступая 2 февраля 1871 года с передней скамьи оппозиции, заявил:

…

«Война породила германскую революцию, в политическом отношении более значительную, чем революция во Франции. Я не говорю – более значимую или столь же значимую в социальном смысле. Социальные последствия проявятся позже. Порушены все

принципы, которыми руководствовались государственные деятели в международных отношениях еще полгода назад. Растоптаны все дипломатические традиции. Зародился новый мир, с новыми и неизвестными угрозами и предназначениями, с которыми предстоит иметь дело… Баланс сил подрублен под корень, и эти перемены почувствует на себе и пострадает от них прежде всего Англия»1.

Франция и Австрия могли бы не согласиться с тем, что Англия, не потерпевшая поражение от Пруссии, прежде всего пострадает от перемен, но в своей оценке последствий Дизраэли был прав. Он разглядел опасность, которую рано или поздно поймет весь мир. Политика *Pax Britannica*(панбританизма) основывалась на европейском равновесии сил. Меттерних совместно с лордом Каслри в 1814–1815 годах позаботился о том, чтобы на поражении Наполеона не нажилась сверх меры ни одна из великих держав. Бисмарк нарушил равновесие. В период между 1871 и 1914 годами Германская империя превратится в мощную экономическую сверхдержаву. Она будет производить угля, железной руды и стали больше, чем все остальные континентальные страны, вместе взятые. В 1871 году население Германии и Франции было примерно равным. К 1914 году в Германии проживало в полтора раза больше людей, чем во Франции, и более образованных, дисциплинированных и трудоспособных, чем в какой-либо другой стране мира. Германия лидировала в науке и передовых технологиях, в химической индустрии, электротехнике, оптике, металлургии и многих других отраслях. Штамп «сделано в Германии» означал самое высокое качество. К 1914 году рейх уже располагал самой могущественной в Европе армией и вторым по масштабности военно-морским флотом. Германия достигла превосходства, каким обладала какое-то время Французская империя Наполеона, но у нее имелась более мощная индустриальная и технологическая база.

Бисмарк объяснял Леопольду фон Герлаху, что невозможно играть в шахматы, если заранее заблокированы 16 из 64 клеток. Политика, как искусство возможного, подразумевает гибкость. Пример такой гибкости нам подал Бисмарк при подписании Пражского мира в 1866 году. Отказавшись поддержать притязания короля на территориальные уступки и проведение парада победы в Вене, Бисмарк благоразумно сохранил потенциал для примирения с монархией Габсбургов. В 1879 году примирение переросло в альянс. С другой стороны, он повел себя подчеркнуто жестко в мирных переговорах с Францией, потребовав аннексии Эльзаса и Лотарингии. В данном случае

даже кронпринцесса, обычно его осуждавшая, соглашалась с таким решением. Еще в декабре 1870 года она писала королеве Виктории:

…

«В отношении Эльзаса и Лотарингии по всей Германии существует только одно мнение: мы должны иметь эти провинции (или их часть), так как мы поступим очень неправильно, если обнажим себя… и позволим французам напасть на нас, когда им вздумается, поскольку наши границы очень слабо защищены»2.

Какими бы ни были расчеты Бисмарка, он теперь не мог вести шахматную игру на всех клетках. Во Франции он не найдет союзника до тех пор, пока Германия удерживает в своих руках ее территории. В основе французской внешней политики лежал один мотив – мщение и одна цель – вернуть утерянные земли. Новая Германия, слабая и неустроенная, как считал Бисмарк, безусловно, нуждалась в союзниках. Но какая из стран могла им стать? Англия? Вряд ли. Традиционное недоверие Англии континентальной Европе, которое и сегодня присутствует в ее скептическом отношении к Евросоюзу, никогда не позволило бы ей занять позиции подлинного союзника. Выходило так, что защититься от мести французов Германия могла только одним способом: воссоздать старую коалицию консервативных монархий, выпестованную Меттернихом, – «Союз трех императоров», русского царя, императора Габсбургов и императора Гогенцоллерна. В семидесятых годах Бисмарк в основном и занимался решением этой задачи.

Характер второй части выдающейся карьеры Бисмарка значительно отличается от первого, короткого и преимущественно героического периода в восемь с половиной лет. В международных делах возобладал мир. На отечественном фронте консерватизм уступил лидирующую роль либерализму. Как и в дипломатии, так и во внутренней политике по мере нарастания проблем детали становятся все более запутанными и все менее ясными. Эту картину отражают и традиционные источники информации о жизнедеятельности Бисмарка. Редакторы «Нового издания» его сочинений (Фридрихсру), начавшие публиковать труды в 2004 году, обратили внимание на следующий факт: в первоначальном издании собрания сочинений из девятнадцати томов, вышедших в свет между 1924 и 1934 годами, пять томов (2860 страниц) посвящены восьми годам борьбы за объединение Германии и лишь в одном томе (449 страниц) освещены внутренние события двух последующих десятилетий. Редакторы оригинального собрания сочинений

тогда заявили, что они хотят «возвести монумент, которым Германия обязана человеку, основавшему рейх в самые тяжелые для страны времена»3. Возможно, по этой причине и не вошли в собрание документы, показывающие Бисмарка в неприглядном свете.

Начиная с 1871 года Бисмарк постепенно терял свое политическое влияние. Он не мог в одиночку управлять современным государством, но по-прежнему не допускал к рулям других людей. Даже «комбинации» в международных делах не могли сдержать нарастание национализма и общественного давления на правительство. Образ Геркулеса, побивающего всех и вся, впечатляет, но не проясняет сложные условия, мотивы и характер его действий. Повествование о событиях 1871–1890 годов разбито нами на два периода. Первый этап, либеральный, определяется борьбой против Римской католической церкви и окончательным разрывом с протестантскими друзьями-консерваторами. В 1873 году началась Великая депрессия, принявшая особенно острый характер к концу десятилетия. В 1878–1879 годах происходит «великий поворот», когда Бисмарк бросает либералов-союзников, заключает мир с Римской католической церковью, нападает на социалистов и вводит систему социального страхования. В этой главе освещаются события до конца семидесятых годов.

К тем силам, которые при всем желании не мог подчинить себе Бисмарк, относился прежде всего избиратель. Первые выборы в рейхстаг состоялись 3 марта 1871 года. В них участвовало чуть больше половины лиц мужского пола, имевших право голоса, – 51 процент: 18,6 процента избирателей проголосовали за партию Центра, которая получила 63 депутатских места и сразу же стала второй крупнейшей партийной группировкой в нижней палате. К 1874 году ее численность возросла до девяноста человек, и она превратилась в монолитный антибисмарковский блок. Из 382 депутатов двести два считались либералами. Национал-либералы, получившие сто мест и 30,2 процента голосов, первенствовали в рейхстаге. 23 процента голосов, отданных за консерваторов, разделились между партией «Кройццайтунга» (14,1 процента) и пробисмарковской имперской партией (8,9 процента)4. Среди 37 депутатов имперской партии оказались Роберт Люциус фон Балльхаузен, избранный от Эрфурта, и сотрудник Бисмарка Роберт фон Койдель, избранный от округа Кёнигсберг-Ноймарк и присоединившийся к имперской партии. Узнав об избрании сотрудника, Бисмарк сказал ему: «Мне безразлично, в какую фракцию вы войдете. Я знаю, когда надо, вы проголосуете за

меня»5. На вершине своего могущества и славы Бисмарк мог опереться на поддержку лишь мизерной части электората – 8,9 процента. На всех выборах в период между 1871 и 1890 годами партия Бисмарка только один раз – во время панических выборов 1878 года – достигла показателя, состоявшего из двух цифр: получила 13,6 процента голосов и 56 депутатских мест. После этого ее популярность неуклонно падала, а на выборах в феврале 1890 года, за месяц до вынужденной отставки Бисмарка, она набрала всего лишь 6,6 процента голосов и получила в рейхстаге только двадцать мест. Невелика благодарность основателю рейха.

Еще один кризис, с которым Бисмарк столкнулся на этом этапе своей карьеры, зародился еще до завершения Франко-прусской войны. Победа пруссаков под Седаном не только аннулировала империю Наполеона III, но и позволила Итальянскому королевству 22 сентября 1870 года занять Рим. Новая Французская республика вывела из города гарнизон, стоявший там с 1849 года и содержавшийся Наполеоном III в знак солидарности со своими единственными католическими сторонниками. Третья война Бисмарка косвенным образом положила конец владычеству понтифика в вечном городе, сохранявшемуся со временем падения Рима. Потеря светской власти совпала с оглашением декларации о папской непогрешимости, принятой в июле 1870 года первым Ватиканским собором и провозглашавшей еще более значительное усиление всевластия наместника Петра. Кронпринц 22 сентября 1870 года записал в военном дневнике:

«Очень важную новость я узнал сегодня: войска короля Италии оккупировали Рим. Наконец римская проблема разрешилась… Отвратительному режиму господства его святейшества наступает конец, и снова победа германского оружия оказала добрую услугу итальянцам… По странной иронии судьбы оккупация Рима произошла всего лишь через несколько недель после обнародования догмата о папской непогрешимости»6.

Взаимосвязь между, казалось бы, разноплановыми событиями неминуемо должна была привести к конфликту между Ватиканом и новым прусским протестантским рейхом. Еще до избрания первого рейхстага партия Центра прусской нижней палаты 18 февраля 1871 года направила императору послание с просьбой выступить в поддержку восстановления «светской власти», как называли тогда папский суверенитет в Риме. Император уклонился от прямого ответа, заявив лишь в тронной речи, что германское государство не вмешивается в дела других государств, и этот тезис был повторен в обращении, принятом ландтагом.

Против этой резолюции проголосовали только центристы7. После острых дебатов, проходивших в новом рейхстаге в первой половине апреля 1871 года, депутаты подавляющим большинством – 223 к 59 – отвергли предложение партии Центра закрепить в конституции рейха шесть статей из прусского основного закона, касавшихся свободы слова, свободы прессы, собраний, религиозных верований, научных исследований и автономии для религиозных институтов8. Либералы позволили противникам католицизма растоптать собственные демократические принципы. Не менее странным выглядело и то, что воинственная церковная партия вдруг возжелала в Германии тех свобод, которые были запрещены Ватиканом для правоверных католиков и, мало того, были осуждены «Силлабусом» – перечнем главных заблуждений.

Бисмарк отреагировал резко и категорично в конфиденциальной депеше барону Георгу фон Вертерну (1816–1895), прусскому министру в Мюнхене. Он наставлял своего представителя: в дебатах «обозначилась тенденция враждебности по отношению к правительству рейха… что вынуждает принять агрессивные меры против партии»9. Маргарет Лавиния Андерсон так объяснила агрессивность канцлера: «Для Бисмарка, болезненно переживавшего за судьбу своего детища, партия Центра представляла угрозу… слишком серьезную, чтобы от нее отмахнуться… Бисмарк нанес удар по ее источнику – католической церкви, начав, как заметил Генрих Борнкам, «отечественную войну за упрочение империи»10. Так зародилась кампания, получившая название «культуркампф» – борьба за культурную унификацию.

Наступление на центристов лишь способствовало их сплочению. Маргарет Лавиния Андерсон, проанализировав голосование в районах, избравших депутатов партии Центра, пришла к выводу: 104 из 397 депутатских мест в рейхстаге являются *Stammsitze*– стойкими или прочными, практически всегда остающимися за одними и теми же лицами. Из 104 таких прочных депутатских мест 73 принадлежали партии Центра. Таким образом, Бисмарку до конца его карьеры противостояло сплоченное и неизменное ядро центристов: в период между 1874 и 1890 годами 76 процентов депутатских мест партии Центра всегда оставались за ней. Ее аристократические основатели прочно удерживали свои позиции. Но они все же были менее склонны к тому, чтобы повиноваться епископам и приходским священникам, чем простые богомольцы. Прояви Бисмарк побольше мягкости, возможно, ему и удалось бы оторвать партию от церковной иерархии. Его агрессивность имела лишь обратный

эффект. Теперь он мог выиграть борьбу с католической партией Центра и католиками новой Германии, ставшей еще более католической, только путем отмены всеобщего избирательного права и пересмотра конституции.

Итальянское королевство экспроприировало монастырскую и церковную собственность, завладело папскими дворцами на Квиринальском холме. Папа снова стал узником, как и Пий VII в 1809 году. Светскую власть понтифика ликвидировали, а самого Пия IX превратили в затворника. Великие ворота Ватикана замкнулись в трауре. Новый итальянский парламент в 1871 году в порядке жеста доброй воли принял закон о гарантиях и предложил солидную денежную компенсацию за утерянную собственность. В ответ Пий IX 15 мая 1871 года издал энциклику «UBI NOS» (о папских государствах). Понтифик отверг какие-либо отношения с безбожным итальянским королевством, положив начало войне, которая продолжалась все десятилетие. Кронпринц Фридрих оказался не прав. Римская проблема не разрешилась. Она стала еще острее. *Dissidio*(диспут) по римской проблеме отравлял отношения между церковью и государством в Италии в продолжение пятидесяти лет. В 1874 году папа объявил *non-expedit*(нежелательным) участие правоверных католиков в государственных делах Итальянского королевства. В 1877 году другим декретом вводился режим *non-licet*: католикам запрещалось служить богохульному государству в любом качестве, даже участвовать в выборах.

Со своей стороны либеральное государство отвергло все, что насаждал Пий IX. В Итальянском королевстве были провозглашены свобода слова, вероисповедания, прессы, отделение церкви от государства, терпимость ко всем религиозным воззрениям и их отсутствию, свобода научных изысканий. Получила признание эволюционная теория Дарвина (его труд «Происхождение видов», опубликованный в 1859 году, моментально стал бестселлером), светское образование, гражданский брак и гражданский развод. В 70-х годах в Италии, Германии, Швейцарии, Франции и Австрии государство твердо встало на защиту этих ценностей от Римской католической церкви и ее священников. Развернулась священная война либерализма против «черного интернационала» католицизма. Епископы и священники подвергались аресту и высылке даже в такой демократической стране, как Швейцария.

Бисмарк, как всегда, проводил двойственную политику: жесткую и карательную по отношению к католической партии Центра и сдержанно-умеренную в отношениях с Ватиканом. 1 мая 1871 года он инструктировал графа Йозефа фон Брассье де Сен-

Симона, германского посла во Флоренции, где пока еще находилась столица Итальянского королевства, предупредить итальянское правительство:

…

«Его действия затрагивают не только собственные партии и собственный парламент внутри страны. Оно должно считаться с интересами католической церкви и за пределами государства, а также тех держав, которые настроены к ней дружественно. Благоразумное и тактическое поведение, особенно в отношениях с такой персоной, как папа, позволит сохранить приязненные связи и не оскорблять чувства католиков»11.

Дипломатией кнута и пряника Бисмарк хотел вбить клин между германской католической партией и правоверными католиками в лице Святого престола. «Культуркампф» превратился в проблему международных отношений, национального единства, в один из приоритетов внутренней политики. Во всех странах со значительным католическим населением развернулись острые дискуссии, затрагивавшие практически все стороны повседневной жизни: какие должны быть школы, больницы (с медсестрами или монахинями), церемонии бракосочетания и развода, службы вспомоществования бедным, благотворительный статус церквей и монастырей. Римская церковь с ее канонами и традициями препятствовала становлению современного цивилизованного государства. «Культуркампф» стал самым серьезным испытанием для Бисмарка на завершающем этапе карьеры, и, по иронии судьбы, его примирение с Виндтхорстом привело к отставке в марте 1890 года.

В июне 1871 года Бисмарк решил проучить партию Центра. Особенно его раздражал Адальберт фон Крёциг (1819–1887), начальник католического отдела прусского *Kultus-ministerium*(министерства по делам религии, образования и здравоохранения). 19 июня он сообщил Гогенлоэ, что собирается «выгнать клику Крёцига» из правительства, так как она слишком рьяно отстаивает польские интересы12. Через несколько дней в Кёнигсхютте (Верхняя Силезия) поляки подняли бунт, что дало Бисмарку повод обвинить во всех грехах Крёцига. 8 июля 1871 года католический отдел был распущен, а Крёцига понизили в должности.

Одновременно в прессе развернулась кампания против центристов, наверняка организованная Бисмарком. 22 июня 1871 года «Кройццайтунг» в статье «Партия Центра» обвинил ее в отсутствии патриотизма и объявил о начале нового этапа борьбы

«германизма» против «папизма»13. Отец Карл Йенч (1833–1917), священнослужитель и общественный деятель14, писал тогда с горечью:

…

«Каждый день католику приходится читать в Kseblattchen (низкопробных), да и в солидных изданиях о том, что он враг отечества, мерзкий и тупоголовый папист, а его духовенство – отбросы человечества. Ему остается лишь основать собственную газету, которая не будет оскорблять его денно и нощно»15.

Бисмарк забросал письмами своего посланника в Риме графа Карла фон Тауффкирхен-Гуттенберга (1826–1895), баварского министра при Святом престоле, представлявшего и Пруссию, требуя напоминать папе и кардиналу Антонелли о том, что «черная» и «красная» партии будоражат население во многих регионах. Такая агитация ставит под сомнение оппозиционность папы радикализму и его благоволение к германскому рейху. 30 июня 1871 года Бисмарк предупреждал Тауффкирхена:

…

«В поведении этой партии мы усматриваем угрозу и для церкви, и для папы… Агрессивные намерения партии, контролирующей церковь, заставляют нас оказывать противодействие и обороняться… Мы будем приветствовать, если Ватикан решит порвать с этой партией, столь враждебной к правительству, и не позволит ей нападать на нас. Если он не сделает этого, то мы снимаем с себя всякую ответственность за последствия»16.

Бисмарку теперь надо было разобраться с одним из уцелевших членов «министерства конфликта», своим *Kultusminister*Генрихом фон Мюлером, несгибаемым ортодоксом, консерватором и лютеранином. Бисмарк, обычно избегавший прямых столкновений с подчиненными, летом 1871 года пришел к нему персонально, и вот что написал сам Мюлер о встрече:

…

«Он открыл мне без обиняков всю свою игру и схему, не желая ее более от меня скрывать. Его цель: борьба против ультрамонтанской партии, особенно на польских территориях Западной Пруссии, в Позене и Верхней Силезии, полное отделение церкви от государства, церкви от школы. Передача школьного надзора светским учреждениям. Освобождение школ от религиозных наставлений, не только гимназий, но и начальных школ… «Я знаю мнение кайзера на этот счет, но если вы не будете

его подстрекать, то я поведу его туда, куда надо». Бисмарк совершенно верно и в очень спокойном тоне описал характер конфликта между нами. “Вы подходите к этим вещам с религиозной точки зрения, а я – с политической”»17.

Фрау фон Мюлер, очевидно, подслушивавшая разговор, упала на колени и начала неистово молиться, узнав о намерениях Бисмарка18. Фон Мюлер продержался до января 1872 года, после чего подал в отставку. Мотивы ухода со службы он объяснил в письме графу Максимилиану фон Шверину (1804–1872), одному из своих предшественников в *Kultusministerium*, еще 27 января 1863 года обвинившему Бисмарка в прусском ландтаге в том, что его главный девиз – *«Macht geht vor Recht»*(сила выше права. – *Дж. С.*)19. Шверину наверняка были понятны резоны фон Мюлера:

…

«Бисмарк подходил к «культуркампфу» с чисто практических – не боюсь сказать – материалистических позиций, которые лежали в основе всей его политической деятельности. Бисмарк отвергал какие-либо духовные или нравственные установки в политике. Кровь и железо – сугубо материалистические инструменты власти – с этими факторами он и считался. Он предпочел бы вообще вычеркнуть из общественной жизни церковь и религию и превратить их в личное дело каждого человека. Отделение церкви от государства, отчуждение церкви от системы школьного образования, а школы – от религиозных поучений – это его расхожие взгляды, которые он выражает и публично, и частным образом, чему у меня есть доказательства. Он совершенно ясно демонстрирует если не откровенное антихристианство, то по крайней мере антиклерикализм и сепаратизм, и его отношение к религии занимает среднее место между заблуждением и враждебностью, а над всем этим довлеют чрезмерные амбиции, не терпящие возражений и даже не считающиеся с личными убеждениями кайзера»20.

Набожного, благочестивого христианина фон Мюлера заменил суровый и волевой либерал-юрист Адальберт Фальк, чье имя стало символом «культуркампфа». Рожденный в семье силезского пастора-протестанта, Фальк оказался необыкновенно одаренным ребенком, рано поступил в университет Бреслау и в шестнадцать лет стал адвокатом. В шестидесятых годах он трудился в различных выборных органах, успешно, хотя и без особого блеска, продвигался по служебной лестнице в министерстве юстиции, пока, к немалому удивлению самого чиновника, его 22 января 1872 года не вызвали к Бисмарку. Канцлер предложил ему поработать в качестве *Kultusminister*.

Когда Фальк спросил, что он должен делать, Бисмарк ответил в свойственной ему лапидарной манере: «Восстановить права государства, узурпированные церковью, и сделать это, производя как можно меньше шума»21. Фальк верно служил Бисмарку в продолжение всего «культуркампфа», подготовил большинство законопроектов и отстаивал их в ландтаге. Фальк верил в государство, как в некую абстрактную субстанцию, что Борнкам назвал «практическим гегельянством»22. Бисмарк хотел задушить католическую партию Центра. Они подходили к решению проблемы под разными углами, и сочетание грубости Бисмарка с концептуальным изяществом Фалька придавало их наступлению на германский католицизм особую зловредность и политическую разрушительность. Фальк искренне верил в идеал отделения церкви от государства. Бисмарк добивался усиления своей власти. Назначив Фалька командовать «культуркампфом», Бисмарк косвенно способствовал тому, что его прежние друзья-консерваторы присоединились к католикам в защите своих патриархальных протестантских прав на надзор за школами и обществом.

Начиная с 1872 года Фальк ввел в Пруссии и в рейхе целый ряд строжайших уложений. Еще до его назначения была принята поправка к уголовному кодексу рейха, позволявшая заточать в тюрьму сроком до двух лет любого священника, выступившего с кафедры с политическим заявлением, несущим в себе угрозу миру. Этот антиклерикальный законодательный кляп продолжал оставаться частью уголовного кодекса Германии вплоть до 1953 года, когда его наконец аннулировала христианско-демократическая партия, наследница католической партии Центра, возглавлявшаяся умудренным политиком-центристом Конрадом Аденауэром23.

Следующая серьезная баталия разгорелась в прусском ландтаге в феврале 1872 года вокруг *Schulaufsichtsgesetz*(закона о школьном надзоре), заменявшего государственным клерикальный надзор за всеми публичными и частными образовательными учреждениями. Эта проблема и столкнула лбами либералов с католиками и протестантами, все более превращавшимися в консерваторов. Эдуард Ласкер, низенький, но грозный и громогласный либерал-пурист, провозгласил в палате: закон всего лишь убирает школьного надзирателя, который всегда мог нагло заявить государству: «У тебя нет никакого права указывать мне, что и как я должен делать»24.

Дебаты больше походили на театральное представление. Особый комизм ему придавал диссонанс между 250-фунтовым гигантом Бисмарком и тщедушным, полуслепым карликом

Виндтхорстом в очках с зелеными стеклами. Гном беспредельно раздражал Бисмарка. Депутат-католик Август Рейхеншпергер 24 января записал с удовольствием в дневнике:

…

«Бисмарк раздражался, похоже, из-за того, что рухнул его проект создания германской национальной церкви, а благоверные протестанты, с которыми навел мосты Виндтхорст, все больше переходят к нам»25.

30 января Бисмарк вновь обрушился на католическую центристскую партию, проиграв словесную дуэль с Виндтхорстом. Депутат-краснобай поймал его на непоследовательности:

…

Бисмарк . Вернувшись из Франции, я не мог рассматривать образование этой фракции ни в каком ином свете, кроме как в виде мобилизующей силы против государства.

Виндтхорст . Я не знаю, что министр-президент считает борьбой против государства… Но, господа, позволю себе предположить, что министр-президент еще не есть государство. Когда правительство мечется то вправо, то влево с такой подозрительной поспешностью, как сейчас (сегодня министр-президент провозгласил безусловность права большинства)… Я должен брать себе министров из большинства (сказал он)… посему я не могу брать к себе католиков, потому что они не составляют большинство… поддержка Zentrum невозможна26.

8 февраля Виндтхорст накинулся на Бисмарка, обвиняя его в том, что он, проталкивая закон о школьных инспекциях, поступается принципами консерватизма и монархизма. Маргарет Лавиния Андерсон писала по этому поводу:

…

«Эти слова задели Бисмарка за живое. Руки его дрожали, и ему пришлось держать стакан с водой двумя ладонями. Он ответил: «Депутат из Меппена с непревзойденной ловкостью использовал его слова в свою сиюминутную пользу… Я доказал многолетней службой свою верность монархическим принципам. Герру депутату, я надеюсь, это еще предстоит»27.

На следующий день Бисмарк снова напустился на Вельфов (название Ганноверского королевского дома и его приспешников вроде Виндтхорста), обвинив верхушку клана в том, что она сеет смуту. Досталось персонально Виндтхорсту:

…

«До создания партии Центра существовала лишь фракция Меппена. Насколько я помню, она состояла из одного члена, генерала без армии, который, однако, уподобляясь Валленштейну, все-таки набрал армию и даже сплотил ее вокруг себя»28.

«Надежды Вельфов могут сбыться только тогда, когда балом будут править силы раздора и разрушения», – заключил Бисмарк. Председатель палаты Макс фон Форкенбек дал Виндтхорсту неограниченное время для ответа:

…

«На меня обрушилось столько гнева и страсти, что я начинаю думать, будто представляю собой некую значительность, о которой прежде и не догадывался (смех)… Да будет вам известно, я не поддаюсь давлению. Тем не менее в парламентской истории еще не было случая, чтобы персона такого ранга уделила мне почти целый час»29.

10 февраля 1872 года депутат-католик Герман фон Маллинкродт подлил масла в огонь:

…

«Мы гордимся тем, что в наших рядах есть такой замечательный человек, как депутат из Меппена. (Браво!) Они дали нам жемчужину, господа, которую мы вправили в надлежащую оправу. (Верно! В Zentrum; смех по всему залу 30.)».

Бисмарк ответил на выпад с издевкой:

…

«Досточтимый господин назвал депутата из Меппена жемчужиной. Я полностью разделяю это мнение. Однако ценность жемчуга зависит от цвета. И в этом отношении я очень разборчив»31.

13 февраля 1872 года закон о школьном надзоре был принят в ландтаге большинством голосов – 207 к 155. Сравнительно небольшой перевес голосов в палате, где партия Центра имела всего 63 места, указывает на значительную оппозицию со стороны консерваторов. Но для Виндтхорста это была своего рода победа. В день голосования барон Эберхард фон Брандис, бывший ганноверский генерал, говорил с явным удовольствием сэру Роберту Мориеру32:

…

«Что скажете о дуэли Бисмарка с Виндтхорстом? Думаю, что Виндтхорст выглядел наилучшим образом. Лилипут превратился в великана, а Бисмарк, казалось, сник и ростом и могуществом»33.

5 марта, за день до того, как закон о школьном надзоре был передан в палату господ, Ганс фон Клейст обедал у Бисмарка. Когда гости разошлись, между ними завязался спор по поводу законопроекта. Петерсдорф так описал произошедшую между ними сцену. Князь в возбуждении схватил нож для конвертов, сделал жест, словно собирается разрезать скатерть, и крикнул: «Если это так, то между нами все кончено». Клейсту ничего не оставалось, как взять шляпу и удалиться34.

На следующий день, 6 марта, Бисмарк открывал обсуждение закона о школьном надзоре в палате господ. Он отверг и возражения своих благочестивых друзей-христиан, протестовавших против посягательства на их права, и аргументы фон Клейста, доказывавшего, что закон откроет двери, через которые со временем в школы хлынет безбожие. Тем не менее закон был принят в палате господ также большинством голосов: 126 против 76. Среди тех, кто голосовал «за», были Бисмарк, Мольтке, Роон и Эберхард Штольберг, родственник Клейста35.

Реакция бывших соратников Бисмарка была гневной и злой. Примечательно в этом отношении письмо Андре-Романа Людвигу фон Герлаху от 15 февраля 1872 года. Фердинанд Людвиг Александр Андре (1821–1903) родился в состоятельной буржуазной семье в Ганновере, в Берлине и Бонне изучал сельскохозяйственную науку, освоив агрономию, приобрел поместье в Кольберге (Померания), имевшее название Роман, и с той поры стал именовать себя Андре-Романом. Он сблизился с Бисмарком через пиетистов, собиравшихся вокруг Морица фон Бланкенбурга. Среди истых пруссаков он занимал особое место как капиталист-землевладелец и ганноверец, много лет прослуживший в прусском ландтаге депутатом от консервативной партии36. Андре писал Герлаху:

…

«Тяжело видеть, как Бисмарк катится вниз, человек, так твердо придерживавшийся принципов и побеждавший с вашей помощью. История не знает другого примера таких перемен: еще двадцать лет назад даже Шталь не был для него в достаточной мере консерватором. Я помню, как однажды – это было в 1850 или в 1851 году – пришел к нему утром, довольно поздно, а он все еще лежит в постели. Фрау Бисмарк объяснила, что он всю ночь не спал, ворочался, стонал и вдруг вскрикнул: «Он ведь еврей!» Потом Бисмарк спросил меня: «Как вы думаете, что получилось бы из Шталя, если бы за ним не стоял Герлах?» Только не прусский консерватор»37.

«Культуркампф» отравлял отношения Бисмарка со старыми

друзьями и озлоблял католическое меньшинство в рейхстаге. Бисмарк и Фальк тем не менее продолжали давить на клерикалов. 1 августа 1872 года Клейст писал Шеде:

…

«Нелегко говорить с государством, если оно не желает слушать. По-видимому, на следующем ландтаге будет представлен законопроект против епископов. Это меня ужасает! Верные слова сказал Кременц: «Чти Бога больше, чем правительство». С другой стороны, эти меры католической церкви и епископов по утверждению папской непогрешимости никак нельзя считать Божьей заповедью. Государственный закон все-таки должен стоять на первом месте»38.

В разгар политических баталий произошел эпизод, о котором я не могу не упомянуть. 18 апреля 1871 года Роберт Люциус фон Балльхаузен (1835–1914) внес предложение об ускоренной доставке посылок солдатам и офицерам армии, оккупировавшей Францию. Дельбрюк ответил уклончиво. Бисмарк вмешался не сразу, пригласил Люциуса в министерскую комнату, находившуюся за подиумом спикера. Балльхаузен потом вспоминал:

…

«Меня искренне удивило то, что он говорил так долго и так непринужденно со мной, человеком, совершенно ему незнакомым. Это был мой первый разговор наедине с Бисмарком, но он говорил со мной оживленно и откровенно, как будто со старым знакомым. Это произвело на меня волнующее и незабываемое впечатление»39.

Случайный разговор перерос в многолетние дружеские отношения, о которых Люциус оставил обильные дневниковые записи, опубликованные в 1920 году, через шесть лет после его смерти, без редакторских сокращений и правок. Сторонник протекционизма в сельском хозяйстве и бывший католик, Люциус занялся политикой после 1866 года, вступил в германскую имперскую партию и много лет был депутатом ландтага и рейхстага40. Он быстро вошел в избранный круг лиц, удостоенных чести бывать дома у Бисмарков. 9 мая Люциус был приглашен на политический званый ужин, описав затем свои впечатления в дневнике:

…

«Вокруг него постоянно группировались люди. В разговорах он играл доминирующую роль, остальные старались поддерживать беседу. Разговор такого типа доставлял ему видимое

удовольствие, и он мог говорить без устали. Вокруг него обычно собирались очень интересные люди. Он относился к каждому с одинаково дружеской теплотой и вниманием. Группы формировались совершенно случайно и произвольно. Царила атмосфера полного равенства, радушия и гостеприимства, без малейшего намека на претенциозность или аффектацию. В продолжение многих лет, когда я стал вхож в дом, я не заметил никаких изменений в его поведении. Он привечал гостей с прежним вниманием и любезностью. Если и были какие-то перемены, то возрастные»41.

Конечно, и в это время Бисмарку немало неприятностей доставляло неважное физическое состояние. Вальдерзе, навестивший его 27 апреля 1871 года, отметил в дневнике:

…

«Вчера вечером был у Бисмарка. Выглядит он очень плохо и жалуется на здоровье. Ему удается поспать только между семью и двенадцатью часами. Он начинает чувствовать себя относительно хорошо поздно вечером и только тогда принимается за работу»42.

10 мая 1871 года Германия и Франция подписали во Франкфурте мирный договор43. Со стороны Германии его подписывали Бисмарк и граф Гарри Арним, германский посол в Париже. Через два дня Бисмарка встречали в рейхстаге как героя. Густав фон Дист (1826–1911), правоверный евангелист, заметил неприязненно: «Весь он переменился… не переносит возражений, податлив на лесть, малейшее проявление непочтительного отношения к его личности или положению вызывает в нем раздражение»44. Действительно, его раздражало буквально все. Он разругался с рейхстагом из-за Эльзаса и Лотарингии, повздорил с Мольтке и его генералами из-за военного победного парада, назначенного на 3 июня, прогневался на королеву из-за того, что она не захотела прерывать свой отдых ради этого торжественного события45.

Предстояли всякого рода реорганизации и в Пруссии, и в рейхе, король-император должен был сделать сотни новых назначений – вплоть до директоров учительских институтов. Все это увеличивало нагрузку на Бисмарка. Назначенцы предлагались и сверху – министром королевского двора, и снизу – Дельбрюком из канцелярии рейха. Административные дела не оставляли в покое Бисмарка даже в Варцине. Как-то он пожаловался фон Мюлеру на то, что *Kultusministerium*назначило некоего лиценциата Августа Лангера из Глогау, «законченного паписта», директором учительского института в Хабельшвердте, небольшом силезском городке. Бисмарк был вне себя. Он и закрывал католический

отдел для того, чтобы министерство «не нарушало мир и покой в стране». Его превосходительство впредь должны представлять кандидатуры государственному министерству для «тщательной проверки» их соответствия должности и лишь потом предлагать их его величеству на утверждение46. Великий Бисмарк снизошел до того, что вмешался и запретил назначать «паписта» директором учительского колледжа в заштатном городишке.

Летом забот у монархов не убавляется, они уезжают на курорты принимать целебные воды и заключать договоры. И август 1871 года в этом смысле не был исключением. 22 августа Бисмарк приехал к императору в Бад-Гаштейн и узнал, что его король намеревается 5 или 6 сентября встретиться с императором Францем Иосифом в Зальцбурге, где непременно должен быть и министр-президент47. Уже несколько месяцев Бисмарк издавал пресс-релизы, рассылал депеши и инструктировал органы власти на предмет того, что к Габсбургам надо относиться благожелательно. Канцлер объяснял: конституционный кризис в «австрийской части» разделенной австро-венгерской монархии следует считать не национальным конфликтом (каким он в действительности и был – ввиду борьбы чехов за свои права), а «политическими неурядицами», в которых «два элемента – ультрамонтанство и социализм – являются заклятыми врагами Германии»48. Неформальная встреча императоров Вильгельма и Франца Иосифа состоялась в Бад-Гаштейне 24 августа. Бисмарк разослал всем германским дипломатическим миссиям наставление следующего содержания: «Встреча двух монархов еще раз продемонстрировала всему миру, что расстройство дружественных отношений, произошедшее вопреки желанию двух государей под воздействием исторических событий, должно считаться пройденным и завершенным эпизодом»49. Фразой «воздействие исторических событий» Бисмарк ловко избежал упоминания войны, которую развязал. В любом случае он выстроил первое звено будущего консервативного альянса. В период между 1871 и 1879 годами дружественные отношения между Австрией и Германией, терпеливо и заботливо взращиваемые Бисмарком, переросли в подлинный альянс.

Затем следовало привлечь царскую империю, Александра II. Помогло Бисмарку случайное стечение обстоятельств. Император Франц Иосиф решил, что упрочению новой дружбы с Германией будет способствовать государственный визит и император Вильгельм вряд ли откажется от него. Бисмарк неустанно заверял русских, что Германия не принесет в жертву свои отношения с Россией, но ясно было, что австрийский визит им не понравится. Бисмарк пытался устроить конференцию государств со

значительной численностью католиков для «обмена идеями» в мае 1872 года, потом предложил провести конференцию по борьбе с социализмом и терроризмом, однако только визит кайзера Франца Иосифа заставил русских зашевелиться. Царь решил присоединиться к визиту императора Австрии, и два императора отправились в Берлин в сентябре 1872 года.

Встреча трех императоров прошла блестяще, создав международную конструкцию, служившую основой внешней политики Бисмарка до самой его отставки. Насколько предвидел результат сам Бисмарк, этого сказать не может никто. Бисмарк был превосходным шахматистом дипломатии, предугадывал развитие ситуации на несколько ходов вперед, но задумал ли он «Союз трех императоров», установить трудно. С другой стороны, как мы уже отмечали в пятой главе, Бисмарк всегда хотел поддерживать связи с Россией, он дружил с царской семьей, и ему нравилось служить дипломатом в России больше, чем где-либо еще. Он прекрасно понимал, насколько важна поддержка России для успехов и Пруссии, и его собственных.

12 сентября британский посол в Берлине Одо Рассел в депеше министерству иностранных дел доложил о том, как Бисмарк представил ему альянс трех императоров50:

…

«Во время послеобеденной беседы, которую я имел с князем Бисмарком в императорском дворце, канцлер был необычайно оживлен, говоря о трех императорах, и сделал нижеследующие комментарии по-английски, которые в силу их оригинальности я хотел бы привести дословно: “Мы видим нечто совершенно новое в международной жизни: три императора встречаются за обеденным столом, радея о мире. Моя цель достигнута, и я думаю, ваше правительство по достоинству оценит мои усилия… Я хотел, чтобы три императора образовали триумвират любви, что-то вроде трех граций Кановы, чтобы вся Европа видела в нем символ мира и поверила в него. Я хотел, чтобы они так и стояли молча, а все восхищались ими, хотя этого и трудно добиться, поскольку все трое мнят себя государственными деятелями, более великими, чем они на самом деле являются”»51.

«Союз трех императоров» формально был заключен 22 октября 1873 года. В долговременной перспективе партнерство двух великих восточных держав оказалось нереальным. Медленное, но неуклонное ослабление Оттоманской империи соблазнило Австро-Венгрию на то, чтобы втянуться в балканские дела и соперничество с Россией, что в конечном итоге способствовало возникновению Первой мировой войны. Балканы

и православные королевства Сербия и Болгария входили в сферу «интересов» России. Русский царь видел себя «заступником балканских славян». Бисмарк столкнулся с дилеммой: как при очевидном соперничестве России и Австрии на Балканах остаться «одним из трех» в Восточной Европе? «Союз трех императоров» представлял такую возможность, хотя и временно. Он позволял Германии параллельно решать две задачи: избегать выбора между Австрией и Россией и держать в изоляции Францию. Как бы то ни было, Франции неизбежно предстояло стать союзником России в противостоянии с Германией, набиравшей силу, несмотря на то что Франция была республикой, а Россия – авторитарным государством. Пока Бисмарк направлял внешнюю политику Германии, ему удавалось предотвращать формирование такого альянса. Ко времени отставки его плутовские методы стали столь одиозными, что преемникам пришлось от них отказаться. Силы торможения во внешней политике снижали эффективность «комбинаций». Из шестидесяти четырех клеток шахматного поля половина игрового пространства закрылась – враждебностью с Францией и альянсом с Австрией. Внешняя политика Германии начиная с 1873 года ориентировалась то на Россию, то на Великобританию. Бисмарк выстраивал «комбинации» с прежней искусностью, но всеобъемлющего решения не находил. Противодействие им было слишком велико.

Как раз перед заключением «Союза трех императоров» произошло эпохальное событие, знакомое нам по недавним потрясениям, – «финансово-экономический крах». После длительного экономического роста, начавшегося в 1849 году и усилившегося в результате побед 1866 и 1871 годов, Германия вступила в стадию так называемой «экономики мыльного пузыря». Послевоенный бум 1870–1873 годов прозвали *Grnderzeit*– грюндерством, «временем основателей» (грюндер – основатель), поскольку именно в эти годы было учреждено несусветное количество новых акционерных компаний, многие из которых по надежности были такими же сомнительными, как и « *collateralized debt obligations*» 2008 года (облигации, обеспеченные долговыми обязательствами). К примеру, ныне знаменитый «Дойче банк» был основан в 1870 году на волне эйфории от объединения Германии. Пышным цветом расцвел фондовый рынок после того, как французы оплатили колоссальные репарации, навязанные им немцами. Они исчислялись пятью миллиардами золотых марок. Эта сумма в пересчете по индексу розничных цен составляла 342 миллиарда марок, а по дефлятору ВВП – 479 миллиардов, но и эти астрономические цифры не отражают реальную стоимость полученных денег в виде золотых франков52. Имперская

Германия с недоразвитой экономикой и хронической нехваткой капитала вдруг захлебнулась ликвидностью – идеальные условия для формирования дутых активов. Аккумулирование собственности, сомнительные ипотечные сделки, компании, растущие как грибы вследствие искусственно заниженных кредитных ставок, мошенничество в банковской и брокерской сфере, жажда быстрого обогащения – все это происходило в первые годы становления нового рейха примерно так же, как и в 2001–2008 годах. Артур фон Брауэр (1845–1926), молодой адвокат из Бадена, поступил на службу в прусское министерство иностранных дел и переехал в Берлин в 1872 году. Будучи *Korpsbruder*(членом дуэльного братства, к которому принадлежал и Бисмарк), он пользовался расположением канцлера и довольно скоро получил достаточно высокий пост53. Вот как он описывал атмосферу стяжательства того времени:

…

«Страсть к наживе и обогащению овладела столицей рейха, и даже значительная часть когда-то непорочного прусского чиновничества и офицерства присоединилась к пляскам вокруг золотого тельца, не испытывая ни малейших угрызений совести. Мошенники сколачивали состояния в считанные дни. Все – от князей до простых рабочих – играли на бирже. Всех обуяло неотвязное и бесстыдное стремление к богатству»54.

То же самое можно было бы написать и в июле 2008 года в Лондоне или Нью-Йорке, убрав лишь слово «князей».

Одним из тех, кто обогатился на буме собственности, был фельдмаршал Альбрехт фон Роон. Поместье Гютергоц, купленное на деньги, пожалованные благодарным императором и обошедшееся ему в 135 тысяч талеров (около 402 тысяч марок), 8 июня 1875 года он продал еврею-банкиру Герсону Блейхрёдеру за 1 290 000 марок – неплохой барыш для кадрового офицера, всю жизнь существовавшего на зарплату. Сын Вальдемар фон Роон, опубликовавший в 1892 году дневники и мемуары отца, не упомянул имени покупателя, постеснявшись, что герой рейха заключил сделку с евреем55.

9 мая 1873 года произошел крах на фондовой бирже в Вене, предвещавший первый современный глобальный финансовый кризис. Через неделю Бисмарк доложил Вильгельму I о том, что австрийский император дал команду своему государственному банку выпустить банкноты на сумму, гораздо большую, чем предусматривалось прежде. Эксперты доказывали: кризис возник из-за того, что Венская фондовая биржа превратилась в арену спекуляций, в которые втянулось огромное число компаний, в

основном акционерных обществ с ограниченной ответственностью, а наличного капитала оказалось недостаточно. Как и в 2008 году, кредиторы прекратили выдавать займы и участвовать в спекулятивных инвестициях, что еще больше усугубило ситуацию56. На следующий день Бисмарк заверил императора Вильгельма: ничего подобного в Берлине не произойдет, поскольку «у нас лучше обстоят дела с запасами металла и мошенничество не приобрело такой размах, как в Вене»57. Его заверения были столь же ошибочны, как и заявления правительств в 2008 году. Кризис затронул и Берлин, и Лондон, и Париж, а 18 сентября объявила о банкротстве ведущая банковская контора в Филадельфии «Джей Кук и компания». Он продолжался с 1873 до 1896–1897 годов, и его по праву назвали Великой депрессией.

Кризис поразил и сельское хозяйство, и зарождавшуюся современную тяжелую промышленность, вскрыв ее определенные слабые места, которые проявились и в 1929–1938 годах. Депрессия в сельском хозяйстве во многом была вызвана тем, что после завершения в Соединенных Штатах строительства первой трансконтинентальной железной дороги на европейские рынки хлынуло высококачественное американское, а потом и канадское зерно. Хенкель фон Доннерсмарк, сетуя Тидеману на тяжелые последствия для сельского хозяйства Германии шестикратного увеличения ввоза американского зерна, муки и мяса, писал: «Нам, безусловно, необходимы пошлины на зерно, муку и мясо, если мы не хотим подвергать себя таким же неприятностям, как в промышленности»58. Майкл Тернер в своем исследовании сельскохозяйственных проблем Великобритании в период между 1867 и 1914 годами приводит таблицу динамики индекса сельскохозяйственных цен, которая в определенной мере применима и к Германии:

(1867 — 7 = 100)	
1873	108,3
1891	75,7
1896	68,6
1901	76,7
1914	94,859

Как следует из таблицы, не одно десятилетие минуло, прежде чем индекс цен приблизился к уровню, достигнутому в 1873 году.

Для землевладельческой аристократии Европы, в том числе для Расселов Уобёрна и Бисмарков Шёнхаузена, падение цен означало ни много ни мало, а борьбу за выживание. Эта борьба для представителей класса Бисмарка прекратилась лишь тогда, когда их поместья исчезли под гусеницами русских танков в 1945 году. Угодья юнкерства не могли – даже с применением самых эффективных удобрений – конкурировать с американскими и канадскими прериями, аргентинскими пампасами и Черноземьем России.

9 июня 1873 года рейхстаг принял *Reichmnzgesetz*(имперский закон о чеканке монет), установивший обменный курс новой германской марки к старому прусскому талеру в соотношении один талер – три марки и провозгласивший, что новая германская денежная система «в принципе» будет основываться на «золотом стандарте»60. Переход на «золотой стандарт» в 1873 году привнес дополнительный дефляционный элемент в экономику. Наличие золота зависит от объемов его добычи. Когда экономический рост опережает наращивание денежной массы, чем-то надо поступаться. Когда товаров много, а денег мало, цены падают. И в юнкерской Пруссии, и в американском Канзасе главными злодеями стали в девяностых годах золото и его апологеты. Уильям Дженнингс Брайан воззвал на съезде демократической партии в 1896 году: «Да не будет американский народ распят на золотом кресте!» Граф Ганс фон Каниц (1841–1913) зачитал речь Дженнингса Брайана в прусской палате господ.

Падение цен на продукцию в отраслях со значительными постоянными капиталовложениями означало возрастание стоимости обязательств перед инвесторами и банками всякий раз, когда поступления оказывались ниже предельных издержек или приближались к уровню постоянных затрат. Конкуренция среди предприятий тяжелой промышленности для многих ее участников заканчивалась игрой с нулевой суммой или банкротством. Представлялось разумным ограничивать производство, урезать зарплаты или увольнять рабочих, объединяться в картели или тресты. В восьмидесятые годы крупные предприятия существенно урезали свои расходы, ввели строгую отчетность и различные меры по противодействию конкуренции61. 31 октября 1874 года барон Авраам фон Оппенгейм написал Блейхрёдеру, что он разделяет его пессимизм: «Я не вижу, когда может начаться восстановление. Увы, мы не убавили наш портфель ценных бумаг, и теперь нам придется дожидаться лучших времен. Я уже занимаюсь бизнесом почти пятьдесят шесть лет и не могу припомнить такого длительного кризиса. По моим оценкам, национальное богатство Германии сократилось на треть, и в этом

– главное бедствие»62. Финансово-экономический крах 1873 года возвещал о приходе новой эры – эры международного кризиса капитализма. Со временем он проявится в полной мере и в обществе, и в приоритетах Отто фон Бисмарка, землевладельца, торговца лесом и крепкого сельского помещика.В 1873 и 1874 годах Бисмарк, опираясь на либералов, продолжил войну против католической церкви. За год до краха на Венской фондовой бирже, 14 мая 1872 года, рейхстаг предложил имперскому правительству внести законопроект, касающийся правового статуса католических религиозных орденов и их подрывной деятельности, особенно иезуитов. В тот же день Бисмарк разослал в германские зарубежные миссии циркуляр, содержащий обвинения прусских католических епископов в том, что они являются агентами папы:

…

«Епископы – его орудия и прислужники, не несущие никакой ответственности; для правительства они стали представителями иностранного сюзерена, обладающего, в соответствии с догмой о непогрешимости, абсолютной властью, более абсолютной, чем у любого монарха в мире»63.

3 июня 1872 года Бисмарк написал Дельбрюку из Варцина: в законе об иезуитах должно быть четко указано, что правительство не потерпит подрывные деяния против государства. «Вопрос стоит о безотлагательной необходимости защитить интересы государства, и мы не можем защитить себя либеральными фразами о гражданских правах»64. Через неделю он уже наставлял Фалька на предмет того, что государство должно заботиться о рядовом католическом духовенстве, повысить ему, например, жалованье65. В данном случае мы тоже видим, как искусно Бисмарк пользовался тактикой «кнута и пряника». В июле иезуиты были изгнаны с территории рейха. Многим сегодня это кажется чудовищным. Но поставьте тогда на место иезуита коммуниста и вспомните о «холодной войне». Для либералов XIX века сообщество иезуитов было зловредным, тайным орденом фанатичных «воинов Господа».

Даже демократичная Швейцария изгнала иезуитов, руководствуясь новой федеральной конституцией от 29 мая 1874 года. Статья 51 конституции гласила:

…

«Орден иезуитов и связанные с ним организации не могут находиться на всей территории Швейцарии, и его членам запрещена любая деятельность в церкви и школах. Этот запрет федеральным

решением может быть распространен и на другие религиозные ордены, чья деятельность создает угрозу государству или подрывает религиозный мир»66.

Только через девяносто девять лет швейцарские избиратели смогли отменить эту конституционную статью – 20 мая 1973 года. Закон Бисмарка, направленный против иезуитов, был нисколько не жестче швейцарского запрета.

Бисмарку Швейцария была нужна как полезный союзник в борьбе против «черного интернационала», о чем 23 февраля 1873 года и написал президенту конфедерации, начальнику политического департамента Полю Жакобу Серезолю швейцарский министр в Германии Иоганн Бернхард Хаммер, прослуживший посланником в Берлине с 1868 до 1875 года. Хаммер получил телеграмму о том, что федеральный совет Швейцарии отказался разрешить монсеньору Гаспару Мермийо оставаться в стране в роли «апостольского викария» и информировал об этом Бисмарка во время личной встречи с ним, которую инициировал сам канцлер – редкая удача для дипломата маленького государства. Хаммер сообщал президенту Серезолю:

…

«Вам хорошо известно, как трудно дипломату получить частную аудиенцию у князя Бисмарка… Он сказал мне: «У нас единая позиция и общее дело»… Ему было приятно узнать о позиции Швейцарии в отношении клерикальной самонадеянности, и он особенно подчеркнул то, насколько важна общность наших позиций для свободы действий, поскольку его свобода действий была ограничена и даже скована рядом препятствий. В частности, он назвал особенно упорной оппозицию «высокопоставленных леди»… Князь закончил разговор такими словами: "Я надеюсь, что по крайней мере Швейцария в борьбе с церковью будет до конца принципиальной и не потерпит на своей территории никакой иной суверенности, кроме собственной"»67.

В результате появились пресловутые майские законы 1873 года, принятые прусской палатой. Они устанавливали:

…

(1) священники обеих конфессий должны быть «немцами», получившими образование в германских гимназиях и университетах;

(2) только германские церковные власти имеют право подвергать дисциплинарному воздействию духовенство, а порядок и мера воздействия удостоверяются губернаторами провинций и государственным судом, «королевским судом по церковным делам»;

(3) церковные назначения осуществляются губернаторами провинций;

(4) священники, виновные в неисполнении этих законов, подлежат наказанию штрафами и тюремному заключению.

Для простых людей упрощался *Kirchenaustritt*(выход из церкви)68.

Майские законы были возмутительны со всех точек зрения. Они нарушали права подданных, гарантированные прусской конституцией, и противоречили принципам либерального общества. Наносилось грубейшее оскорбление Римской католической церкви как «мистическому телу Христа». К Римской католической церкви нельзя было относиться как к светской организации, и церковь, естественно, не могла стерпеть такого к себе отношения. 9 мая 1873 года Виндтхорст провозгласил «пассивное противление» майским законам: «Все, что вписано в эти законы, рано или поздно будет изничтожено. Милостью Божьей отечество не пострадает». Когда 15 мая законы все-таки были приняты, прусские епископы объявили, что они «никоим образом не намерены способствовать исполнению законов, оглашенных пятнадцатого числа этого месяца»69. Провал антиклерикальной политики Бисмарка стал очевиден уже на парламентских выборах в 1874 году. Электорат партии Центра удвоился – с 718 тысяч человек в 1871 году до 1 493 000 в 1874-м, с 18,4 до 27,7 процента, и центристы получили в рейхстаге 95 мест70. Законы лишь еще больше сплотили католиков страны.

Одо Рассел, регулярно встречавшийся с Бисмарком и пользовавшийся его доверием, считал, что канцлер совершил грубейшую ошибку, затеяв «культуркампф». 18 октября 1872 года он писал лорду Гранвиллу:

…

«Меня удивляет, что Бисмарк совершенно не понимает и недооценивает могущество церкви. Он думает, что еще более непогрешим, чем папа, не может допустить, чтобы в Европе было два непогрешимых деятеля, и воображает, будто может выбрать следующего папу, как прусского генерала… Антиклерикальные меры привели к тому, к чему и стремился Ватикан на Вселенском соборе, а именно: к единению и дисциплинированности духовенства во главе с непогрешимым вождем. Словно прусскую военную систему применили к церкви»71.

Бисмарк посеял межконфессиональную вражду и ненависть. В сентябре граф Георг фон Гертлинг (1843–1919), впоследствии рейхсканцлер в годы Первой мировой войны72, писал из Бельгии Анне фон Гертлинг о ненависти соотечественников к католикам:

…

«Снова и снова я сталкиваюсь с одним и тем же явлением: люди косятся друг на друга; в кругах и образованных, и невежественных так и прорывается наружу ненависть к католикам»73.

В июне 1875 года «Франкфуртер цайтунг» сообщила: за первые четыре месяца года оштрафованы или отправлены в тюрьму 241 священник, 136 редакторов и 210 других католиков; конфискованы двадцать газет; в 74 домах проведены обыски; высланы или интернированы 103 человека; разогнаны 55 собраний. Пустовала тысяча домов приходских священников, то есть бездействовала почти четверть приходов. К 1876 году все прусские епископы были либо сосланы, либо находились в тюрьмах74. Одо Рассел в письме брату Гастингсу предсказал неминуемое поражение Бисмарка в «культуркампфе»:

…

«В Германии ему (папе) успех гарантирован, ибо все епископы, прежде выступавшие на Ватиканском соборе против его новой догмы, теперь с радостью идут в тюрьмы, платят огромные штрафы и принимают мученичество ради идеи той самой непогрешимости, против которой они голосовали три года назад; они убеждены, что вознесутся на небеса, когда умрут за свою веру»75.

Нам неизвестно, причислен ли кто-нибудь из понесших кару католиков к лику святых. История сохранила лишь свидетельства о чудовищном ущербе, нанесенном Римской католической церкви, не говоря уже о попрании прусской конституции. Антикатолическая истерия, захлестнувшая многие страны Европы, отражала в определенной мере европейские религиозно-этнические особенности. В идеологической кампании Бисмарка не было ничего сверхнового. Однако неистовость его натуры, нетерпимое отношение к оппозиции и паранойя – эти тайные подрывные силы, разрушившие в конце концов карьеру, – придавали борьбе против католиков особую жестокость и антагонистичность. В своей ненависти он гиперболизировал угрозу католической церкви и прибег к неоправданно суровым мерам. Католики не угрожали Пруссии. У Пия IX не было ни причин, ни средств для свержения монархии Гогенцоллернов. Бисмарк исковеркал жизнь миллионам людей. «Сатанинское начало в нем выражено сильнее, чем в ком-либо еще», – писал Одо Рассел матери76. Бисмарк рассказывал леди Эмили Рассел о своей реакции на поведение Виндтхорста и партии Центра в

рейхстаге:

…

«Когда депутаты католической партии начали кричать «позор!» и потрясать кулаками, его первым желанием было схватить чернильницу и швырнуть в них. Измерив расстояние, он решил кинуться на них и поколотить. Переборов все-таки первые два желания, он просто сказал им: “Ему чихать на них, но он слишком воспитан, чтобы продемонстрировать это”»77.

Драчливость, тиранство и демонизм сочетались в нем с жалостью к себе и ипохондрией, провоцируя кризисы во власти, которые он ловко использовал к своей выгоде. Никто не верил в серьезность его угроз уйти в отставку. Князь Гогенлоэ-Шиллингфюрст описал в мемуарах такой разговор с депутатом-либералом Эдуардом Ласкером, состоявшийся в ноябре 1874 года:

…

«Ласкер… заговорил о планах Бисмарка подать в отставку. Он считает их притворством: Бисмарк слишком властолюбив, чтобы выпустить бразды правления из своих рук. На мое замечание о том, что ситуация угрожающая, если судить по настроениям при дворе, Ласкер ответил: ничего не случится. В решающий момент Бисмарку уйти не позволят, так как заменить его некем. Вокруг много соломенных чучел, воображающих, что они могут заменить Бисмарка, но кайзер дважды подумает, прежде чем кого-либо из них поставить на его место»78.

И оппоненты, и друзья, и подчиненные – все отмечали «демонизм» Бисмарка, его необъяснимую, сверхъестественную, бесовскую власть над людьми и событиями. Во времена своего всемогущества он действительно думал, что способен делать немыслимые вещи. Роггенбах писал Штошу 30 августа 1874 года:

…

«Никто больше не в состоянии сносить рейхсканцлера… Пока все ограничивается грубыми и разнузданными припадками плохого настроения, его поведение можно игнорировать… Другое дело – когда его упражнения в безумии принимают бесчестящий и унижающий другого человека характер. Никто лучше его не умеет пользоваться принципом avilir, puis dtruire (унизь и сотри в порошок), травить свою жертву ядом злостных наветов, публикуемых на расстоянии, и подготовить ее к последним фатальным ударам»79.

Враги, к числу которых, без сомнения, относился и Роггенбах,

концентрировали свое внимание на жестокости и сатанизме Бисмарка, игнорируя стрессы, которым он подвергал себя, сам же себе их создавая. Он руководил двумя правительствами, германским и прусским, вел борьбу с двумя парламентами, очень разными по своему характеру, и должен был реализовывать две разноплановые политические программы. Некоторые проблемы, казавшиеся поначалу безобидными, превращались в серьезные кризисы. Для всех была очевидна необходимость реформирования системы управления прусским королевством. Этот вопрос стоял в повестке дня всех правительств, начиная с 1859 года, что позволило Патрику Вагнеру, исследовавшему процесс укрепления государственности в юнкерской Пруссии, съязвить по поводу «двенадцатилетней говорильни о реформах»80. После завоеваний и аннексий, создания рейха в 1870 году образовалась малопонятная мешанина из разнообразных местных органов власти. Ее надо было расчистить, и Бисмарку ничего не оставалось, как опереться на прусский кабинет, в котором все еще функционировали старожилы «министерства конфликта», ультраконсерваторы Эйленбург, Зельхов, Иценплиц и Роон. Правда, они уже давно потеряли всякие ориентиры, поскольку Бисмарк не бывал у них. Еще в сентябре 1869 года Иценплиц писал ему:

…

«Если вы не появитесь, то нам придется самим решать, что нам делать, или уходить. В моей голове не укладывается, как это вы вдруг станете федеральным канцлером и распрощаетесь с прусским государственным министерством. Так, должно быть, думает и Роон, поэтому он и не ответил. Искренне любящий вас и – невзирая на упомянутое недоумение – всегда преданный вам Иценплиц»81.

Иценплиц, возможно, и был реакционером, но он оставался графом, джентльменом и человеком, равным Бисмарку по социальному статусу.

23 марта 1872 года ландтагу был представлен статут о новой системе местного управления в Пруссии. В нем предусматривалась отмена полицейских и административных прерогатив *Rittergutsbesitzer*, владельцев дворянских поместий, то есть людей, подобных Бисмарку: иными словами, он затрагивал интересы *каждого*представителя его сословия. Статут, включавший также и положение о выборах на трехклассной основе, был принят в палате депутатов большинством голосов – 256 к 61. Владельцы поместий и ландраты из восточных провинций, включая Бернхарда, брата Бисмарка, проголосовали

против новых правил82. Почти наверняка закон должна была отклонить палата господ.

Эйленбург, министр внутренних дел, ответственный за проект, написал Бисмарку, запросив инструкции. Бисмарк уже несколько месяцев находился в Варцине. Он намеревался пребывать там как можно дольше, пока «бедлам не станет настолько большим, чтобы я смог во всем разобраться»83. Кроме того, в реформе системы местного управления, которая неизбежно должна была вызвать конституционный кризис из-за оппозиции палаты господ, канцлер видел средство избавления от министра внутренних дел Эйленбурга. Мориц фон Бланкенбург писал Гансу фон Клейсту 15 августа 1872 года: «Бисмарк и Роон хотят воспользоваться законопроектом о местных органах власти для того, чтобы скинуть Эйленбурга. Вы это знаете. Они отмежуются при голосовании в нижней палате»84. 22 октября 1872 года в палате господ, отстаивая принцип наследных прав, на правительство обрушились два ведущих консерватора – барон Вильгельм фон Цедлиц унд Нейкрих (1811–1880), которого католик-депутат ландтага Людвиг Хаммерс (1822–1902) назвал «махровым консервативным землевладельцем»85, и граф Фридрих Стефан фон Брюль. Граф Брюль заявил: «Если в королевстве не будет более наследного властвования, кроме верховенства короны, то сохрани нас Бог от того, чтобы кто-нибудь не прибрал к рукам и ее – последний символ наследной верховной власти»86. Еще шестьдесят лет назад Людвиг фон Йорк предупреждал принца Вильгельма: «Если ваше королевское высочество лишит меня и моих детей наших прав, то на чем будут зиждиться ваши права?»87 25 октября 1872 года Эйленбург от безысходности послал Бисмарку длинное и чистосердечное письмо, переполненное душевной болью, какое только мог составить добропорядочный человек, граф и джентльмен своему шефу. Я привожу его более обстоятельно, поскольку в нем отражена и та психологическая стесненность, которую постоянно ощущали министры под гнетом канцлера:

…

Дорогой друг!

Только чрезвычайная важность обстоятельств заставила меня потревожить вас. Обсуждение в палате господ проходит таким образом, что крайне высока вероятность того, что законопроект не будет принят. Вчера две трети членов палаты господ поименно проголосовали против правительственного законопроекта и против решения палаты депутатов. Господа одобрили положение, предусматривающее, чтобы при возрастании

базы налогообложения в округах налог на землю и строения не превышал половины той процентной ставки, которая установлена для доходов, в том числе и классифицированных налогооблагаемых доходов, определяющих избирательный имущественный ценз. Это предложение не пройдет в нижней палате. По всей вероятности, будут одобрены решения относительно состава окружных собраний, с которыми палата депутатов также вряд ли согласится. Выступают графы Липпе, Клейст и Зенфт. Их поддержат более половины членов палаты: Путбус, Оскар, Арним и другие. Что делать? Необходимо провести как можно скорее уложение об округах. С этим я как-нибудь справлюсь. А что потом? Консервативное окружное устройство не имеет шансов в палате депутатов, а либеральная система не удовлетворит палату господ. Надо что-то делать. Без организации системы окружного управления застопорятся все другие законодательные программы: по школам, дорогам, администрациям, финансированию. Все застопорится. Умоляю вас, мой дорогой друг, срочно информировать меня о своей позиции по этим делам. Из-за неопределенности многие переходят во вражеский стан. Не желаете ли вы моей отставки, с тем чтобы попробовать решить эти проблемы с другим человеком? Или все-таки откровенно и твердо выскажетесь в поддержку моих усилий? Возможно, к тому дню, когда законопроект вернется в палату господ на второе чтение, следовало бы подготовить Pairschub (назначение в палату новых господ для формирования большинства. – Дж. С.). Время поджимает.

Сердечно ваш Эйленбург.

P. S. Католики против окружных управ, опасаясь, что местные чины будут поощрять гражданские браки88.

Бисмарк и не изложил свою позицию, и не уехал из Варцина. Он ответил 27 октября 1872 года, пренебрежительно и грубо. У него еще не сложилось мнение по каждой детали:

…

«Если бы наш проект, представленный в палату господ, был девственно чист и совершенен, то и тогда я не думаю, чтобы его приняли сразу и целиком… Полагаю, что ваша деликатность привела к деградации общественного порядка, и мне приходится терпеть здесь ландрата, который, дабы выгородить себя, взялся изображать меня перед местным населением как некомпетентного и нехристианского министра. Уже по одному этому факту можно судить о том, насколько моя власть уважается в других министерствах».

Бисмарк уклонился от *pronunciamiento*, ни слова не сказал по

делу, а только выговорил Эйленбургу за «любимого Вольфа, который во время вашей болезни завалил всю законодательную работу», добавив:

…

«Надеюсь приехать в декабре, но если мне придется и дальше заниматься составлением писем, подобных этому, то я вообще не появлюсь в рейхстаге, поскольку президент прусского государственного министерства превратится в письмоводителя. Ответственность без надлежащего влияния на то, что требует ответственных решений, приводит в психушку. Ваш давний друг»89.

Бесстыдное увиливание от ответственности и неуместность упреков меня просто шокировали, когда я прочитал послание. Ответ – трусливый, мстительный и несуразный. Как можно было винить мягкого по натуре министра внутренних дел в том, что у ландрата округа создалось определенное мнение о Бисмарке? Ландрат говорил то, что было на языке у каждого консервативного землевладельца в восточных районах и неоднократно повторялось в палате господ. Как самый могущественный государственный деятель XIX века мог заявлять, что на нем лежит «ответственность без надлежащего влияния на то, что требует ответственных решений»? Меня удивляет то, что Фриц Эйленбург сразу же не подал в отставку, а служил еще шесть лет.

Наверно, можно понять тревоги юнкеров в палате господ, выраженные в письме Бисмарку Эрнстом фон Зенфт-Пильзахом (1795–1882):

…

«Война с Францией должна была усилить богобоязненность немецкого народа, а она, напротив, пробудила в нем гордыню. Ваше высочество не воспротивилось отходу от Бога и Слова Божьего стойкостью в вере, которую дарует Господь. Придите с верой к нашему Господу Иисусу Христу, державшемуся столь кротко и смиренно у Понтия Пилата. Следуя лютеранской вере, смиритесь и укротите гордыню. Тогда Господь благословит вас и вернет к вам многих благородных и благочестивых людей, которые сейчас далеки от вас».

Бисмарк начеркал на полях презрительно: «Герлах? Виндтхорст! Бодельшвинг? Или Эвальд?»90 Он понял все, когда 31 октября 1872 года палата господ большинством голосов – 145 к 18 – отклонила законопроект об организации местного самоуправления. Как отметил Пфланце, «сообщество Шталя

отвергло трансформацию *Stndestaat*[83] , имевшую в виду ликвидацию манориальных прав»91.

Реакция Бисмарка была, как всегда, болезненной. 16 ноября 1872 года Бухер писал Блейхрёйдеру:

…

«Вы знаете, как душевные переживания отражаются на физическом состоянии князя. Когда его нервируют и взвинчивают, он становится подверженным простудам и пренебрегает диетой. А когда у него начинается физическое недомогание, все его раздражает»92.

Бисмарк ответил на решение палаты господ в своей обычной гневной манере, написав 2 ноября в Варцине *Prometoria*[84] , явно находясь в состоянии аффекта:

…

«В свете той позиции, занятой костяком палаты господ в отношении и школьного надзора, и организации окружного управления, и по другим вопросам, реформа этого органа представляется мне более насущной, чем какие-либо изменения в местных структурах… От начала до конца надуманная позиция палаты наносит ущерб и дискредитирует двухпалатную систему и угрожает монархии…»

Он предложил ликвидировать палату господ и заменить ее «первой палатой, сенатом, который станет преимущественно органом защиты в Пруссии интересов правительства и монархии»93.

3 ноября состоялось заседание государственного министерства, без Бисмарка. Эйленбург воспользовался случаем для того, чтобы обсудить с коллегами и проект реорганизации местного самоуправления, и перспективы «пайршуба». Министр благоразумно не стал выносить на обсуждение «промеморию» об аннулировании палаты господ. Кабинет рассчитал: двадцати четырех новых пэров будет достаточно для того, чтобы сформировать большинство и подчинить своей воле остальных членов палаты. Хельма Брунк, чье великолепное исследование безмерно помогло мне разобраться в этой запутанной проблеме, считает, что главную роль сыграл кайзер. Эйленбург наделал ошибок, что он и признавал, но у него не было никаких причин для морального самобичевания. Брунк писала:

…

«Король тоже так думал. Он разгадал интриги, разглядел несправедливое отношение к Эйленбургу, которого постоянно

отсутствующий Бисмарк довел до отчаяния, заставив его одного принимать удары и выдерживать бой за реорганизацию окружного самоуправления»94.

30 ноября 1872 года «пайршуб» был реализован. Король Вильгельм, оскорбленный оппозицией «своих юнкеров», назвал двадцать пять новых пэров в палату господ, и 9 декабря 1872 года уложение о местных органах власти благополучно выдержало испытание вотированием благодаря появлению этих новых двадцати пяти голосов95. Закон отменял патримониальную полицию и юнкерскую сельскую администрацию. Баронесса Шпитцемберг записала в дневнике, что кайзер унизил крайне правое юнкерство, поставив его в один ряд с «еврейскими магнатами и спекулянтами»: «Меня рассердило бы, если бы в палату господ попали *nouveau riche*, потому что я становлюсь настоящей тори, очень консервативной. Отец говорит – авторитарной и жестокой»96. 13 декабря король Вильгельм подписал и наложил печать на новый закон о местных органах самоуправления [85] .

Но на этом не закончились невзгоды прусского кабинета. Несколько министров пожаловались королю на нескончаемые отлучки Бисмарка. Министра земледелия фон Зельхова оскорбило то, что его не привлекли к обсуждению законопроекта о местных администрациях. Подумывали об отставке Роон и Иценплиц. Бисмарк не мог допустить, чтобы от него ушли «министры конфликта»: могли подумать, будто он затевает новый либеральный курс. В середине ноября Бисмарк мрачно писал Роону о своем очередном нездоровье:

…

«В последние дни я снова чувствую себя неважно, с позавчерашнего дня не поднимаюсь из постели и упал духом из-за этого, поскольку прежде мне стало заметно лучше. Да хранит Вас Бог, в жизни человека не так быстро все меняется к худшему, главное – не разлагаться»97.

Через день он написал Вильгельму I, извиняясь за то, что вследствие слабого здоровья не смог быть рядом с кайзером во время кризиса. Он пытался по просьбе Эйленбурга вмешаться на расстоянии, но это привело лишь к недоразумениям и еще больше расстроило его здоровье: «Поэтому я попросил Роона вызвать меня только в том случае, если понадоблюсь вашему величеству, и уведомил его о том, что не буду более поддерживать индивидуальную переписку с каждым из моих коллег»98. Эта версия искажает реальную ситуацию. Отказ вмешаться в процесс прохождения законопроекта, как и его

длительное отсутствие в Берлине способствовали обострению и затягиванию кризиса. В данном случае Бисмарк по примеру Понтия Пилата просто-напросто умыл руки и ушел от ответственности.

В середине декабря Бисмарк получил известия о том, что Роон подал прошение об отставке, и решил поступить таким же образом. Отвечая «его превосходительству» 13 декабря, он написал о намерении обратиться к его величеству с просьбой разрешить ему «разделить функции, вверенные мне и предполагающие, что его величество желают и дальше видеть меня на службе… с тем чтобы оставить за собой руководство делами рейха, включая внешнюю политику»99. В частном же письме «дорогому Роону», отправленном в тот же день, Бисмарк сообщил: ситуация требует его скорейшего возвращения в Берлин «не потому, что я совершенно здоров, а потому что мне необходимо многое обсудить лично с его величеством и с Вами». Здесь же мы читаем занимательную сентенцию о «неслыханной аномалии, когда министр иностранных дел великой державы одновременно отвечает и за внутреннюю политику». Что мог подумать старый Роон, видевший, как Бисмарк наращивал свое всевластие? Еще интереснее его дальнейшие признания:

…

«В моем роде занятий аккумулируешь вокруг себя много врагов, не обретаешь новых друзей, а теряешь старых, если в продолжение всех десяти лет служишь своему делу честно и бесстрашно. Я в немилости у всех (sic !) членов королевской семьи, и король стал доверять мне меньше. Даже у стен есть уши. В результате мне теперь труднее проводить внешнюю политику… Во внутренних делах я лишился приемлемой для меня поддержки из-за предательства консерваторов по проблеме католиков. В моем возрасте, когда осознаешь, что жить осталось недолго, потеря старых друзей и связей наводит на унылые размышления об этом (sic !) мире и парализует. Болезнь жены, за последние месяцы еще более обострившаяся, добавляет мне тревог. Мои силы истощены перенапряжением. У короля, не вылезающего из седла, нет ни малейшего представления о том, что он уже загнал когда-то сильную лошадь. Ленивый живет дольше»100.

Это откровение заставляет задуматься о странных личностных качествах самого известного государственного деятеля своей эпохи, а может быть, и всех времен. Если вы угрожаете своему лучшему другу полицией или размахиваете ножом перед ним за обедом, то вы, возможно, обидите его. Если вы осмеиваете принципы, которым еще недавно были верны, то

люди, по-прежнему разделяющие их, скорее всего вас будут презирать. Если вы будете изводить подчиненных, пока их не изничтожите, то они в порядке самозащиты могут вступить и в заговор против вас. Бисмарк фактически загубил карьеру графа Гарри Арнима, потому что увидел в нем соперника и противника [86] . Арним, тщеславный, пустой и безответственный биржевой спекулянт, был неприятен Бисмарку, но надо ли было судить его, обвинять в измене, гнать из страны и доводить до могилы101?

Реорганизация системы местного управления лишила юнкерство древней патримониальной юрисдикции и приблизила деревню и крестьян, трудившихся в юнкерских поместьях, на один шаг к современной цивилизации и правовым нормам. Оппозиция помещичьего класса нисколько не напоминала государственную измену, она всегда носила характер политического сопротивления и защиты своих интересов. Бисмарк не хотел этого признавать. Перед нами искуснейший политический актер XIX века, деятель, руководствовавшийся на грани гениальности политическим чутьем и воображением и игнорировавший простейшую политическую реальность: то, что любые действия имеют последствия. Он прибегал к самообману и демонстрировал жалость к себе в такой грубой форме, что даже Роон и Мориц фон Бланкенбург, самые преданные друзья, должно быть, засомневались в его здравом уме. Тем не менее ни они, ни кто-либо другой не находили в себе мужества говорить ему правду. Демоническая властность суверенной самости, вызывавшая благоговение и восхищение, гипнотизировала их. Стоические христиане Людвиг фон Герлах, Эрнст фон Зенфт-Пильзах и «маленький Ганс» могли противостоять ему и говорить «свою правду», но он изгнал их от себя. Заштатные враги и в рейхстаге, и в прусском ландтаге считали своей обязанностью постоянно нападать на него, но мало кто из них интересовался подспудными сторонами характера этой гигантской личности, хотя такие люди, как Роггенбах, знали реального Бисмарка.

21 декабря 1872 года король принял отставку Бисмарка с поста министра-президента Пруссии и правительственным постановлением освободил его от занимаемой должности. Его преемником стал Роон, прослуживший в этой роли одиннадцать мучительных месяцев. Ослабленный хронической астмой, стойкий солдат держался до конца, пока не свалился с ног, уйдя в отставку 5 октября 1873 года.

23 октября 1873 года кайзер и Бисмарк возвращались с Всемирной выставки в Вене, и в пути за непринужденной беседой Бисмарк дал согласие на предложение Вильгельма снова взять на себя руководство государственным министерством. 4 ноября

Бисмарк официально вступил в должность министра-президента, попросив его величество назначить либерала Отто Кампхаузена (1812–1896), преемника фон дер Хейдта на посту министра финансов, вице-президентом министерства, а своего друга Морица фон Бланкенбурга – министром земледелия. Генерал от инфантерии Георг фон Камеке (1816–1893) был назначен военным министром 9 ноября 1873 года, прослужив на этом посту десять лет. Остальной состав кабинета не изменился, правительство стало слегка более либеральным после ухода из него фон Зельхова и Роона. Последний «министр конфликта», граф Эйленбург, продержался до 1878 года102.

В 1873 и 1874 годах отношения Бисмарка с консерваторами продолжали ухудшаться. Окончательный разрыв произошел, когда Бисмарк, вспылив на сессии рейхстага, обрушился на еженедельник консерваторов «Кройццайтунг», заявив: «Все, кто получает и платит за «Кройццайтунг», косвенно участвуют во лжи и клевете, распространяемой этой газетой, в клевете, растиражированной прошлым летом о высших государственных деятелях рейха без малейших доказательств»103. 26 февраля 1876 года четыреста самых известных консерваторов, назвавших себя *Deklaranten*, подписали декларацию в защиту газеты «Кройццайтунг», возобновив на нее подписку. Ганс Иоахим Шёпс писал: «Это был цвет гвардии старых прусских консерваторов, многие из которых были выходцами из Старой марки [87] и Померании, личными и идеологическими друзьями канцлера, среди них – и Адольф фон Тадден, поставивший рядом с подписью – «с болью»104. Примечательно, что Ганс фон Клейст отказался подписывать декларацию105.

Разрыв с прежними соратниками сохранялся долго. Спустя четыре года Хильдегард Шпитцемберг, навещая Бисмарков, сделала для себя интересное открытие:

…

«У княгини имеется полный список Deklaranten , составленный в алфавитном порядке, то есть всех тех, кто подписал декларацию в защиту «Кройццайтунг», которую раздраконил князь. Все они считаются личными врагами, которые никогда не будут прощены, и их визитные карточки будут игнорироваться»106.

18 января 1875 года открылась очередная сессия прусского ландтага, на нее прибыл посыльный из министерства иностранных дел и вручил национал-либералу Кристофу Тидеману записку от князя Бисмарка, приглашавшего получателя прибыть в резиденцию князя в министерстве иностранных дел к 9.00 вечера того же дня. Тидеман записал в дневнике: «Как все

странно. Я сломал себе голову, пытаясь весь день найти объяснение этому невероятному приглашению»107. Ничто в его прошлом не давало даже намека на какую-нибудь версию. Он родился 24 сентября 1836 года в Шлезвиге и изучал право в расчете получить место на датской государственной службе. Когда Шлезвиг стал прусским, Тидеман плавно перешел на прусскую государственную службу и вырос до ландрата (главного администратора) Меттманского округа, вошедшего в Пруссию в 1816 году после Венского конгресса. Его избрали депутатом прусской нижней палаты, он приобрел вес и авторитет, но вовсе не считался влиятельной фигурой в партии. Ему еще не было и сорока лет.

В 8.45 герр Тидеман появился в министерстве иностранных дел. Вот что он написал по этому поводу в дневнике:

…

«Я должен был прождать четверть часа в большой комнате, едва освещенной единственной лампой и служившей, видимо, столовой. Пунктуальность в этом доме, похоже, соблюдалась неукоснительно. Слуга объяснил, что не может доложить обо мне до девяти, поскольку меня пригласили на девять и ни на минуту раньше. Я занимался тем, что разглядывал китайские гобелены на стенах.

Кода часы пробили девять, меня провели в рабочий кабинет князя. Он поднялся из-за стола, протянул для приветствия руку и жестом пригласил сесть напротив. Из темноты вышел «имперский пес» Султан, обнюхал меня подозрительно и, удовлетворившись, снова улегся у камина. Князь спросил – курю ли я? – что я с радостью подтвердил. Он дал мне сигару, а сам задымил трубкой. Попытаюсь воспроизвести разговор дословно:

Он: “В министерстве внутренних дел подготовлены несколько законопроектов, которые я должен доложить его величеству через пару дней. Они касаются организации гражданской администрации в западных провинциях, структуры провинций, округов и общин. Просмотрите эту кипу и сопутствующие памятки. Непросто прочитать все это. Я был не совсем здоров, три ночи подряд не спал и более или менее ничего не ел”»108.

В сущности, Бисмарк поручил Тидеману сделать за него то, чем он не хотел заняться сам: осмыслить преобразование структуры местных органов власти в западных округах Прусского королевства. Тидеману эти проблемы были знакомы и по работе главой администрации в Миттемане, и по службе в парламентской законодательной комиссии. Он изложил свои взгляды, а Бисмарк сделал пометки. Князь сухо заметил: в

отличие от своих коллег в правительстве он как землевладелец знает все прелести прусской бюрократии с ее страстью к совершенству. Тидеман, судя по дневнику, обладавший острым умом и чувством юмора, дал на все вопросы Бисмарка исчерпывающие ответы, именно те, которые канцлер и хотел услышать. Прежде всего, не переборщить с демократией при организации новых учреждений власти.

Тидеман, которому предстояло провести в обществе великого человека следующие пять лет, так и не смог привыкнуть к его образу жизни. Наличие огромных ночных горшков свидетельствовало о неимоверном количестве еды, подаваемой и поглощавшейся за столом князя. Дневниковая запись от 22 января 1878 года, например, свидетельствует:

…

Меню на 22 января 1878 года:
Устрицы, икра
Суп из оленины
Форель
Сморчки
Копченая грудка гуся
Кабан в камберлендском соусе
Седло оленины
Яблочные оладьи
Сыр и хлеб
Марципан, шоколад, яблоки109

Бисмарк не только легко гневался, но и поддавался эмоциям. Когда Султан, «имперский пес», умер в Варцине в октябре 1877 года от сердечного приступа, канцлер был безутешен:

…

«Он беспрестанно говорил об умершем псе, корил себя за то, что ударил его незадолго до смерти. Он истязал себя мыслями о том, что пес, возможно, из-за этого и умер. Он винил себя за жестокое и грубое обращение со всеми, кто вступает с ним в контакт, каялся и скорбел по животному»110.

Безусловно, ему нужна была моральная поддержка. Возможно, по этой причине он и избрал себе в помощники моложавого национал-либерала средней руки. Вначале Тидеман служил ему реципиентом, кому он мог излить все свои ламентации. 7 мая Бисмарк давал обед, пригласив на него и Тидемана:

…

«Когда я взял пальто, собираясь уходить, слуга шепнул мне на ухо, что князь хочет меня видеть… Князь сразу же начал сетовать на трудности своего положения, которые ни современники, ни потомки не смогут оценить по справедливости. Историки смотрят на все со своей точки зрения. Он уважительно относится к Карлейлю, потому что этот англичанин знает, как разобраться в душе другого человека. Затем он рассуждал примерно таким образом: "Мне особенно тяжело видеть, как с каждым годом растет число моих личных врагов. В силу своего рода занятий мне приходится наступать на мозоли множеству людей, но никто не хочет понять, что я уже слишком стар для того, чтобы заводить новых друзей, и у меня нет для этого времени, а старые друзья уходят, как только осознают, что я уже не могу быть полезен в их карьере. В результате я окружен одними врагами. Надеюсь, что вы к ним не принадлежите"»111.

Упадок физических и душевных сил у Бисмарка продолжался и в 1875 году. Бессонница приобрела настолько хронический характер, что он принимал правительственных министров и чиновников, не поднимаясь с постели. Он стал еще более вспыльчивым. Малейший промах – слуга вовремя не подвинул кресло – вызывал в нем взрыв ярости.

В середине января 1876 года Лотар Бухер сообщил Кристофу Тидеману: Бисмарк решил назначить его на должность личного помощника и члена *Staatsministerium*– органа, функционально аналогичного аппарату Белого дома в США или секретариату кабинета министров в Соединенном Королевстве, – но он не будет причислен ни к одному из департаментов, и у него не будет никаких иных обязанностей, кроме поручений Бисмарка. Тидеман встретился с Бисмарком в восемь вечера 25 января 1876 года, отметив потом в дневнике:

…

«Он принял меня, лежа в койке, закутанный одеялами. Он выглядел бледным, очень серьезным и первым делом пожаловался мне на плохое самочувствие, на жуткую раздражительность, из-за которой его и мучает бессонница…

Он просил извинить его за то, что принимает меня в лежачем положении, но я должен видеть, насколько для него важно мое назначение… В любом случае вначале я не буду слишком перегружен обязанностями и делами. Но у меня будут и дни, когда я буду занят по горло»112.

Последующие пять лет Тидеман верно служил Бисмарку и как административный помощник, и как личный адъютант, оставив потомкам сокровенные письменные свидетельства о Бисмарке,

человеке и государственном деятеле, определявшем судьбу и новой Германской империи, и старого Прусского королевства. В сентябре 1881 года он писал Герберту Бисмарку: «Гордость всей моей жизни – ученичество у величайшего Мастера, творца мировой истории»113. У него мы находим и занимательные, живые зарисовки о личности великого человека, его семье и поместьях, и детали политического и государственного управления. Тидеман имел все качества, необходимые хорошему мемуаристу: сильнейшее эго, сочетавшееся с природной любознательностью, острую наблюдательность, редкостное умение слушать и непреходящее чувство абсурда в жизни, которым прежде обладал и Бисмарк, но растерял по мере приумножения могущества. Два огромных ночных горшка в спальне, восхитившие фон Зибеля как атрибуты величия Бисмарка, – разве не сюжет для юморески114?

5 февраля 1875 года папа Пий IX выпустил энциклику *«Quod Numquam»*(«О церкви в Пруссии»), заявив:

…

«Мы должны отстоять свободу церкви, угнетаемой силами несправедливости. Мы намерены исполнить наш долг и этим посланием возвещаем всем, кого это касается, и всему католическому миру, что законы недействительны, так как они противостоят богоданной природе церкви. Господь не предназначал, чтобы епископами повелевали в делах духовных»115.

Бисмарк ответил усилением давления на католиков. 22 апреля 1875 года прусский ландтаг принял закон «о прекращении платежей из государственных фондов римско-католическим епископствам и духовенству, так называемый “Закон хлебной корзины”». Бисмарк сказал в палате, что он не ожидает большой материальной выгоды: «Но мы исполняем наш долг, защищая независимость нашего государства и нации от иностранного влияния, отстаивая духовную свободу от гнета ордена иезуитов и иезуитского папы»116.

На дебатах по поводу «хлебной корзины» не обошлось без курьеза, о котором нам поведала баронесса Хильдегард Шпитцемберг. Княгиня рассказала ей, что Бисмарк поначалу не хотел идти на сессию ландтага и выслушивать жаркую полемику вокруг решения не давать больше денег католической церкви. Но, одеваясь утром, он вдруг обнаружил, что натянул на себя не летние, легкие, а зимние брюки:

…

«Щепетильно суеверный в таких делах, он увидел в ошибке

знак того, что ему надо присутствовать на слушаниях в ландтаге. Он появился на сессии в тот момент, когда Зибель читал отрывок из сочинения Конрада фон Боланда о Диоклетиане и его «лысом министре Марке» – сатиры на ультрамонтанов. Пассаж заканчивался словами о том, что «злодей Марк» тонет в болоте. Как только Зибель произнес эту фразу, в зал и вошел Бисмарк, будто по сценарию. Палата содрогнулась от аплодисментов»117.

15 апреля 1875 года тридцать ультраконсерваторов, включая Клейст-Ретцова, проголосовали в палате господ против *Sperr– und Brotkorbgesetz*(«Закона хлебной корзины»), лишавшего католическую церковь 889 718 марок из общей суммы прусской дотации в размере 1 011 745 марок118. Принятием «Закона хлебной корзины» завершалась самая активная и агрессивная фаза «культуркампфа», несмотря на продолжающуюся риторику Бисмарка о Реформации и угрозе протестантству. Возникла патовая ситуация: епископы и духовенство заняли позицию пассивного сопротивления, а государство постепенно теряло политическую волю, не особенно настаивая на исполнении антиклерикальных актов. Все ждали кончины Пия IX: ему уже было восемьдесят три года, он болел, и жить папе оставалось недолго. Он умер 7 февраля 1878 года; с его смертью закончился один из самых важных этапов в истории и Римской католической церкви, и Европы. Но его духовное наследие сохраняется и поныне – в верховенстве папской власти и сопротивлении так называемым современным течениям.

Летом 1876 года Бисмарк отправился подлечиться водами Бад-Киссингена, запретив Тидеману беспокоить его какими-либо напоминаниями о делах. Со всеми вопросами надо обращаться к сыну Герберту, а он в случае необходимости поставит в известность отца и передаст его ответ. В день отъезда Бисмарк сказал Тидеману, что надеется вернуться «с таким же здоровым цветом кожи, как у вас»119. В конце июля князь возвратился в свое померанское поместье Варцин, где и оставался до 21 ноября 1876 года. Это огромное поместье с классическим парком, террасами, ведущими к греческому храму, видневшемуся на расстоянии, и многочисленными комнатами особенно нравилось Бисмарку и полностью соответствовало его новому княжескому статусу120.

3 декабря 1876 года Вильгельм созвал тайный совет с участием кронпринца Фридриха Вильгельма, Бисмарка, всех членов государственного министерства (кабинета) и Тидемана в качестве протоколиста. С заседания Тидеман уходил вместе с графом Фридрихом цу Эйленбургом, министром внутренних дел,

сообщившим: император требует, чтобы перед совещаниями ему непременно давали все документы и материалы, связанные с любым новым законодательством. Судя по рассказу Эйленбурга об одном из недавних заседаний тайного совета по поводу отмены пошлин на железо, император был человеком осведомленным:

…

«Император прочел нам лекцию об истории прусской тарифной политики, настолько познавательную и интересную, что все мы были искренне поражены его эрудицией. Во время дебатов он выступил за сохранение существующих тарифов, продемонстрировав, что досконально изучил доклады провинциальных администраторов Рейнско-Вестфальской индустриальной зоны и дал совершенно правильную оценку нередко противоречивым мнениям промышленников»121.

Бисмарк поддерживал фритредерскую политику национал-либералов, а Вильгельм I оставался приверженцем протекционизма. На декабрьском заседании тайного совета он заявил:

…

«Я всегда сомневался в целесообразности снижения тарифов и на прошлом совещании выступил против решения отменить пошлины на железо. Последствия принятых нами неверных мер уже сказываются и еще более отзовутся в будущем. Я не доживу до этого, но мой преемник, безусловно, будет свидетелем нашего возврата к системе умеренных протекционистских тарифов»122.

Его пророчество сбылось уже через три года. Новый Германский рейх и его могущественный канцлер Бисмарк отказались от фритредерства, ввели тарифы и прекратили водить дружбу с либеральными партиями. Император только в одном ошибся. Не преемник, а он сам стал свидетелем великого «поворота» к консерватизму, инициированного Бисмарком.

Заседания тайного совета открывают нам некоторые интересные детали, показывающие мирное сосуществование конституционных формальностей и практической политики Бисмарка, проводимой им в новой Германии. Последнее слово всегда оставалось за королем-императором. Несмотря на компанейский характер отношений между королевской семьей и ведущими парламентариями, государь сохранял за собой верховную власть, вмешивался и давал прямые указания правительственным министрам, зачастую написанные собственноручно и поглощавшие уйму времени, усилий, чернил и

бумаги. Ничто не должно было ускользать из поля зрения его величества. В июне 1877 года Бисмарку, Фальку и другим министрам кабинета пришлось успокаивать императора в связи с конфликтом вокруг прогрессивных священников в Евангелическом синоде Берлина, которые, как считал Тидеман, «повели себя бестактно и недостойно… стремятся к власти и мутят воду в евангелической церкви»123. Его величество, как глава евангелической лютеранской церкви, не мог не выразить своего отношения к этому делу и написал одному из участников четырехстраничное послание на тему христианской веры и доктрины. Но с не меньшим рвением он вмешивался и в другие сферы: выращивание сахарной свеклы в Пруссии; функционирование железной дороги между Берлином и Дрезденом; преобразование судебной системы; реорганизация местного самоуправления; строительство на Фоссштрассе; патентное законодательство; призрение оставленных детей; организация министерства торговли; аудит и правительственный орган аудита и т. д. и т. п. Многие вопросы требовали и решения его величества, и его подписи.

Министры принимали во внимание предубеждения императора, делали все для того, чтобы освободить его от тревог и опасений, и, естественно, не могли игнорировать их. Как мы уже видели, Вильгельм I предпочитал не выгонять министров из-за разногласий по тарифам или каким-либо другим проблемам. Он проводил совещания, по словам Тидемана, «в свободной и непринужденной манере»124. Министры могли выражать свое мнение открыто и без опаски. И все же у Вильгельма наверняка не раз появлялись основания для увольнений, в том числе и Бисмарка. Почему же он этого не делал, а Бисмарку даже позволял верховодить? Этот вопрос составляет одно из самых загадочных и в то же время самых важных обстоятельств государственной карьеры Бисмарка. Постоянная напряженность в отношениях между канцлером, не терпевшим любую оппозицию, и совестливым и деликатным сюзереном, пытавшимся ему противостоять на каждом шагу, должно быть, изматывала Бисмарка, вызывала в нем мрачные чувства безысходности и тщетности. Так, 4 января 1877 года Тидеман записал в дневнике: «Князь нездоров, отменил все встречи»125. Через месяц Бисмарк пожаловался на головную боль, сказав, что ему придется отложить обед с членами палаты депутатов. Ему надо прийти в хорошую физическую форму, прежде чем выпивать с членами парламента126.

В отличие от внутренних проблем международные дела не вызывали такой же раздражительности, психосоматических

расстройств и физического недомогания. Даже возрождавшаяся Франция не портила ему аппетит. 12 марта 1875 года национальное собрание Франции утвердило решение добавить четвертый батальон к каждому полку и четвертую роту к каждому батальону. Мольтке подсчитал, что французская армия вырастет на 144 тысячи человек127.

Бисмарк отреагировал пропагандистской кампанией. Пошли в ход статьи о возможном альянсе Франции и Австрии, а 8 апреля газета «Берлинер пост», в которую Бисмарк часто проталкивал нужные ему публикации, напечатала на первой полосе передовицу под заголовком « *Ist Krieg in Sicht*?» («Война уже близко?»). Ее написал Константин Рёсслер, журналист, известный своими связями с Бисмарком. Газета сама же и ответила на поставленный вопрос: «Да, война близка, но грозовые тучи могут пройти мимо»128. Публикация «вызвала переполох», отметил Тидеман129. Одо Рассел отнесся ко всей истории хладнокровно, заверив лорда Дерби:

«Бисмарк снова взялся за старые плутни, стращает немцев, используя официозную прессу и делая намеки на то, что французы собираются на них напасть, а Австрия и Италия сговариваются поддержать папу… И этот кризис пройдет, как многие другие, хотя, конечно, страсть Бисмарка к сенсационности временами утомительна. Половина дипломатического корпуса, побывавшая у меня со вчерашнего дня, убеждена в том, что война неминуема, а когда я пытаюсь их успокоить, они думают, что Бисмарк запудрил мне мозги. Я не верю, и это вам известно, в еще одну войну с Францией»130.

Кризис тем не менее набирал обороты, и Бисмарк обменивался с французским министром иностранных дел взаимными обвинениями. 21 апреля высокопоставленный чиновник в министерстве иностранных дел Германии заявил французскому послу: превентивная война абсолютно оправданна, если Франция продолжит перевооружаться, «абсолютно оправданна со всех позиций, политических, философских и даже христианских»131. Прусские генералы тоже начали готовиться к превентивной войне, внедряя в прессу соответствующие комментарии. Французы же муссировали негативную репутацию Пруссии, пугая ею и другие державы, и самого кайзера. 6 мая Генрих Бловиц опубликовал статью в «Таймс» под заголовком «Французское пугало», встав на сторону французов. Лорд Дерби заметил иронически: «Бисмарк либо действительно настроился на войну, либо создает у нас впечатление, будто он настроился на войну»132. Русский посол в Великобритании Петр Шувалов, который теперь Бисмарку нравился больше, чем Горчаков,

встретился с канцлером в Берлине, а вернувшись в Лондон, 10 мая рассказал лорду Дерби о том, что Бисмарк страдает бессонницей и подумывает об отставке: «Похоже, он думает, что вся Европа готова сплотиться против Германии, и вдобавок ему не дают покоя мысли о покушении… Усталость, постоянная тревожность и другие причины привели его в состояние повышенной нервной возбудимости, которой и можно объяснить многие его высказывания и действия». На самом деле Бисмарк 4 мая подал прошение об отставке в энный раз и с обычной формулировкой: «Я не способен более исполнять функции и обязанности, накладываемые на меня моим служебным положением; после двадцати четырех лет активной деятельности в сфере высокой политики мои силы и способности не являются более адекватными»133. И как обычно, Бисмарк в отставку не ушел. Новый британский премьер-министр Дизраэли, лидер тори, проявлявший к внешней политике более живой интерес, чем Гладстон, уговорил русских обоюдными усилиями склонить Берлин к сохранению мира. Горчаков решил воспользоваться случаем и преподать урок Бисмарку. Он приехал в Берлин вместе с царем Александром, с тем чтобы убедить кайзера не развязывать превентивную войну против Франции, чего сам Вильгельм, собственно, и не собирался делать. В ходе визита, длившегося с 10 до 13 мая, царь Александр заодно отговорил Бисмарка от намерений уходить в отставку. 13 мая Горчаков и Одо Рассел встретились с Бисмарком в министерстве иностранных дел, пытаясь склонить его к тому, чтобы публично заявить об отсутствии планов нападения на Францию. Бисмарк отказался от их предложения, но его реноме все-таки пострадало. Ему пришлось уступить настояниям царя и собственного императора и фактически потерпеть первое поражение. Царь заметил по этому поводу: «Нельзя верить и в половину того, что он говорит, ибо он говорит не то, что думает, поддаваясь страстям и сиюминутным нервным срывам. Его никогда нельзя понимать *au pied de la lettre*» [88] 134. 31 декабря Бисмарк написал мрачно: «плохой год»135. И он был не далек от истины: в этот год его впервые обыграли на дипломатическом поприще136.

В середине июля 1875 года вспыхнуло восстание против турецкого владычества в Герцеговине, подавленное султанскими властями с чудовищной жестокостью. Перед тремя императорами вновь со всей остротой встал восточный вопрос. 1 августа Швейниц сообщил о предложениях коллективного посредничества, превратившихся потом в так называемую «ноту Андраши», составленную от имени трех держав и требовавшую реформ. После согласования с Соединенным Королевством и

Францией ноту предъявили султану. Он дал на нее положительный ответ 31 января 1876 года, но лидеры Герцеговины отвергли предложения. Они напомнили: султан уже давал обещания провести реформы и не выполнил их137. Через несколько месяцев султана свергли, и к власти пришел Абдул-Хамид II. Восстание расползлось по Балканам, и в мае сэр Эдвард Пирс, член адвокатской коллегии в Константинополе, уже сообщал о варварских насилиях из Болгарии.

Содержание его докладов мало чем отличалось от сообщений о зверствах в Камбодже Пол Пота или в Руанде. Британцы ужасались, читая, к примеру, такие подробности:

…

«Они видели, как собаки поедают человеческие останки, груды черепов и скелетов с волосами, разлагающейся плотью и гниющими лохмотьями, от которых шел тошнотворный запах. Они видели город без единой крыши, где женщины бродили по развалинам, оплакивая погибших. Они обследовали одну из куч и обнаружили, что все черепа и скелеты с остатками одежды – либо женские, либо детские. Макгахан насчитал в одной груде около сотни черепов. У скелетов не имелось черепов, это означало, что жертвы были обезглавлены. Дальше они увидели два маленьких детских скелета, лежавшие рядом друг с другом: на их черепах зияли жуткие разрезы от сабельных ударов. Макгахан сказал, что число детей, загубленных в этих массовых зверствах, очень велико»138.

Кризис приобрел исключительную остроту после того, как 5 мая 1876 года в Салониках были убиты германский и французский консулы. Бисмарк хотел застращать турок военно-морской угрозой. Франция и Британия отправили эскадры, однако Штош отказался посылать крупные военные корабли. Бисмарк возмутился: «У нас есть флот, который способен дойти куда угодно и избавить нас от проблем в любом районе мира»139. 11–14 мая министры иностранных дел трех императоров совещались в Берлине, координируя свои действия в отношении Турции. При дворе царя активизировалась панславянская партия. Создавалась реальная угроза, что Россия, считавшая себя «защитником балканских христиан», вторгнется в Болгарию и придет на помощь православным сербам в их борьбе против турецкого ига [89] . Три императора не смогли заручиться поддержкой других великих держав, и 8 июля 1876 года царь и Франц Иосиф встретились в Рейхштадте, договорившись поделить Балканы в случае краха Османской империи. Их величества поспешили. Турецкая армия разгромила восставших сербов в июле и августе 1876 года. И Дизраэли и Бисмарк оказались в

сложном положении. Либералы и лидер оппозиции Уильям Юарт Гладстон солидаризировались с общественностью, возмущенной зверствами в Болгарии. Гладстон написал гневный памфлет с таким заголовком. Дизраэли и тори настаивали на сохранении Османской Турции, препятствовавшей тому, чтобы российский флот входил в Восточное Средиземноморье и угрожал британским линиям коммуникаций с Индийской империей. Защищать свою позицию им стало намного труднее.

Перед Бисмарком же встала в равной мере щекотливая проблема оказания поддержки России, которая, естественно, еще не забыла своей помощи Пруссии в процессе объединения Германии. Царь и Горчаков хотели получить вознаграждение в виде открытого благословения российской интервенции или по крайней мере германского спонсорства конференции, на которой Россия добилась бы протектората над славянами без войны. Многоопытный посол Бисмарка в Петербурге генерал фон Швейниц взял отпуск и отправился охотиться в Австрийские Альпы, и он был недосягаем. 1 октября царь решил прибегнуть к услугам военного атташе Бернхарда фон Вердера (1823–1907), поручив ему передать Бисмарку срочное послание: «Будет ли Германия вести себя так же, как Россия в 1870 году, если Россия начнет войну с Австрией?»140 Бисмарка разозлило то, что военный атташе поставил его в такое идиотское положение. В тот же день он написал из Варцина Бернхарду Эрнсту фон Бюлову (1815–1879), заменившему Германа фон Тиле на посту статс-секретаря министерства иностранных дел:

…

«Фон Вердер поступил как последний недотепа, послушно согласившись исполнить задание русских вытянуть у нас неудобное и несвоевременное для Германии заявление. В этой телеграмме царь впервые заговаривает о «войне против Австрии» (так в оригинале. – Дж. С .), хотя до сего времени речь шла о сохранении «Союза трех императоров»… Теперь же им ставится коварный австрийский вопрос, требующий однозначного ответа «да или нет» – ловушка Горчакова. Если мы скажем «нет», то он настроит против нас Александра; если мы ответим «да», то он использует наш ответ в Вене»141.

Бисмарк пытался увильнуть от прямого ответа, но русские продолжали оказывать давление, в том числе и на императора Вильгельма I, нежно любившего своего племянника, царя. В ноябре царь написал дяде и попросил его поддержать военную акцию России в «интересах Европы». Через неделю Бисмарк продиктовал ответ, иронически заметив: «На Европу ссылаются

обычно те политики, которые хотят добиться от других держав того, чего не осмеливаются потребовать от своего имени»142.

Войска турецкого султана быстро продвигались к Белграду. 31 октября 1876 года российский император послал султану ультиматум с требованием в течение сорока восьми часов прекратить наступление и заключить перемирие на шесть недель. Порта повиновалась, британцы предложили провести конференцию в Константинополе, с чем турки тоже согласились. На открытие конференции приехал и британский министр иностранных дел лорд Солсбери. В тот же день великий визирь «громом пушек» провозгласил новую конституцию: теперь, как заявили турки, нет никакой надобности в конференции великих держав, и 18 января 1877 года ассамблея знати отвергла российско-британское предложение о мирном урегулировании143. Увертки Бисмарка от выбора между двумя союзниками завершились успешно: 15 января 1877 года австрийцы и русские подписали в Будапеште конвенцию о согласовании своих действий в случае войны, и 24 апреля 1877 года Россия объявила войну Турции144.

Русско-турецкая война, шестая по счету, оказалась тоже затяжной и беспощадной. Русские войска вторглись через Дунай в Румынию, а другая армия двинулась на Кавказ, чтобы овладеть турецкими провинциями на Черноморском побережье. Вначале русские войска на Балканах наступали столь стремительно, что кабинет Дизраэли 21 июля 1877 года принял решение объявить России войну, если она не прислушается к британским предупреждениям и захватит Константинополь. К счастью для британцев, турки проявили стойкость, и русские войска приостановили свое продвижение с 10 июля до 10 декабря 1877 года. После тяжелых сражений с переформированной сербской армией турки попросили у нейтральных держав посредничества.

В июле 1877 года Бисмарк, находясь на лечении водными процедурами в Бад-Киссингене, составил знаменитый *«Kissinger Diktat»*(«Киссингский диктат»), декларацию внешнеполитических установок для Германского рейха:

…

«Французская газета недавно написала обо мне, что меня мучает «кошмар коалиций». Такого рода кошмары могут возникать длительное время, возможно, не прекратятся никогда, и они отражают естественные и закономерные тревоги германского министра. Коалиции против нас могут быть сформированы на западной основе, если в такой альянс вступит Австрия; более опасна, возможно, русско-австрийско-французская комбинация;

более тесные отношения между двумя из них дадут третьей стороне средства для того, чтобы оказывать на нас далеко не пустячное давление. Обеспокоившись возможностью такого развития событий, я не сиюминутно, а на основе многолетнего опыта пришел к выводу, что для нас желателен такой исход восточного кризиса, при котором создались бы нижеследующие внешнеполитические условия:

1. Тяготение интересов России и Австрии и их взаимного соперничества в восточном направлении.

2. Благоприятные основания для того, чтобы Россия нуждалась в альянсе с нами для обеспечения сильных оборонительных позиций на востоке и его побережьях.

3. Статус-кво в отношениях между Англией и Россией, удовлетворяющее обе стороны и обеспечивающее им равную заинтересованность в его сохранении.

4. Отчуждение Англии из-за Египта и Средиземноморья от Франции, по-прежнему враждебной по отношению к нам.

5. Такое состояние отношений между Россией и Австрией, которое затрудняло бы им создание антигерманских коалиций, к чему предрасположены некоторые центростремительные и клерикальные силы при австрийском дворе.

Если я еще сохраню работоспособность, то буду оттачивать и совершенствовать именно такую международную ситуацию, имея в виду не приобретение новых территорий, а создание общей политической атмосферы, в которой все державы, за исключением Франции, нуждались бы в нас и воздерживались бы от коалиций против нас на основе особого характера отношений между ними»145.

В этом предписании самому себе содержится квинтэссенция приоритетов во внешней политике Бисмарка, которые проявились и в хитросплетении альянсов, формировавшихся в восьмидесятых годах. Обожатели без устали славословят необыкновенную искусность внешнеполитической программы. Однако она уже через год дала сбой, когда он попытался применить ее на практике. В феврале 1878 года Бисмарк объявил, что намерен выступить в роли «честного маклера» в разрешении восточного вопроса, созвав в Лондоне конференцию для урегулирования проблем, оставшихся после Русско-турецкой войны, и перемен на Балканах. Конференция лишила Российскую империю многих завоеваний, и царь винил в этом Бисмарка. Да, канцлеру удалось оживить «Союз трех императоров» в 1881 и 1884 годах, но в 1887 году ему пришлось делать это тайком, нарушая в равной мере секретные и обязывающие договоренности с другими державами. К 1890 году «Киссингский диктат» полностью дискредитировал

себя. Преемники Бисмарка первым делом отреклись от так называемого «перестраховочного договора», подписанного Бисмарком с Россией в 1887 году.

Идеи Бисмарка оказались нежизненными и в силу того, что он неверно оценил новое положение Германии в Европе. В его время Германская империя уже превратилась в экономическую и военную сверхдержаву. Она не нуждалась в тайных и искусных соглашениях, составленных на основе хитроумных и двуличных комбинаций. В действительности, как мы увидим дальше, в основе «кошмаров» Бисмарка лежали пессимизм и паранойя, определявшие взгляды на мир. Его пессимизм переняли деятели, пришедшие ему на смену и развязавшие в 1914 году совершенно ненужную превентивную войну, почувствовав себя окруженными со всех сторон и испугавшись, что их раздавят. Если бы они подождали на границе за пулеметами, колючей проволокой и артиллерийскими орудиями, то изничтожили бы французские и русские войска и Германия выиграла бы войну. Пессимизм Бисмарка проистекал из особенностей его психики и определялся, возможно, в какой-то мере социальным происхождением, осознанием обреченности своего класса.

Кроме того, Бисмарк в общем-то не был миротворцем; его скорее можно было бы назвать, выражаясь современным языком, поджигателем войны. В то время когда Бисмарк выкладывал прокрустово ложе между Австрией и Россией и «боролся за мир» на Балканах, британский посол в Константинополе писал Мориеру о Бисмарке как о человеке, склонном разжигать военные конфликты:

...

«Бисмарк стремится помешать любому мирному решению и вовлечь Россию в дорогостоящую и опасную войну; он будет и дальше использовать Андраши в достижении двух целей: ослабления России и раздела Турции»146.

В разгар международного кризиса Бисмарк затеял очередную игру в отставки. 27 марта 1877 года он сообщил в государственном министерстве о своем решении подать императору прошение об уходе на заслуженный отдых. Если оно будет отклонено или ему предложат отпуск, то он попросит назначить полноценного заместителя147. Больше всех расстроилась Хильдегард фон Шпитцемберг – не в последнюю очередь из-за перспективы лишиться причастности к жизнедеятельности великого человека и, соответственно, престижности:

…

«Я просто не могу в это поверить – новый рейх и без Бисмарка, дом 76 на Вильгельмштрассе и без него; все это невозможно себе представить, но разговоры только о том, что надо укладывать вещи и отсылать семейные фотографии в Шёнхаузен. Похоже на реальность… Я поговорила чистосердечно с князем, попросив объяснить причины. «Организуйте убийство Августы, Кампхаузена, Ласкера с их приспешниками, и я тогда останусь на месте. Меня издергала эта бесконечная обструкция, это существование на боксерском ринге…» Потом он взял меня за руку и спросил: «Вы же будете приезжать к нам в Варцин?» Каким хорошим, трогательным и ласковым был великий человек, когда говорил со мной, прослезившись и легонько пожимая мне руку… Возможность его отставки не выходит у меня из головы; мы потеряем безмерно, если Бисмарк уйдет, и в социальном, и в человеческом плане; это отразится и на нашем положении в обществе, поскольку наша доверительная дружба с Бисмарками дала нам очень много и облегчала нашу жизнь. Я никогда не скрывала этого от себя. Той любви, верности, внимания и уважения, которых я удостаивалась начиная с 1863 года, мне больше нигде не найти. Мне хорошо известны их слабости, и наши взгляды нередко расходились, но то, как я люблю их, как я им благодарна и как я им предана, я поняла только сейчас, пребывая в грусти, вызванной их отъездом»148.

Спустя несколько дней, 4 апреля, газеты сообщили об отставке Бисмарка, вместо которой император предложил канцлеру годичный отпуск149. Лидер левых либералов Ойген Рихтер написал брату:

…

«Естественно, отставка Бисмарка в наших интересах. Она произвела бы такие изменения в положении партии, которые даже трудно предсказать. Горевать должны поборники протекционистских тарифов, ставшие для нас особенно опасными. Если он действительно не будет заниматься делами целый год, то это равносильно отставке»150.

Одо Рассел в депеше лорду Дерби дал свое видение правительственного кризиса:

…

«Я уже сообщал вам о кризисе, который заключается просто-напросто в том, что у Бисмарка сдают нервы, и ему действительно нужен отдых, а император не желает расставаться с ним. Помимо физического недомогания, Бисмарк морально угнетен тем, что его политика пользуется все меньшей поддержкой со стороны императора и парламента. Он относит это на счет зловредного влияния императрицы на его величество и папы – на католическую партию в парламенте, не желая видеть пагубности собственной сварливой манеры в отношениях с сюзереном и своими же сторонниками и злобной жестокости в обращении с оппонентами. Он добивается одного – власти, позволяющей увольнять коллег в кабинете по своему усмотрению, тех полномочий, которые император никогда не уступит канцлеру. В прошлый четверг император сказал мне во дворце, что он предоставит ему какой угодно отпуск, но в отставку уйти не позволит. Императрица же сказала, что Бисмарка надо научить повиноваться государю»151.

На следующий день кайзер официально отклонил прошение об отставке и предложение о назначении заместителя, объяснив: «Любая серьезная замена затруднит ваше возвращение». Бисмарк в частном порядке говорил в государственном министерстве: кайзер воспринял его отставку как личное оскорбление и пригрозил, что «сложит с себя корону, если Бисмарк уйдет»152.

14 апреля Хильдегард фон Шпитцемберг узнала от княгини и о благополучном завершении государственного кризиса, и о том, что «кайзер плакал, как ребенок, завел разговор об отречении, вследствие чего настаивать на отставке уже было невозможно… Никто не верит – и правильно – в то, что Бисмарк не добился бы своего, если бы действительно и серьезно был настроен уйти в отставку. Ему следовало либо уйти любой ценой, либо не устраивать весь этот спектакль, который теперь все считают чистой комедией… Короче говоря, он навредил своей репутации

этим кризисом, что меня очень огорчает, хотя я лично рада тому, что все остается так, как было»153.

16 апреля 1877 года князь Бисмарк со всей семьей перебрался в Фридрихсру, поместье, пожалованное ему императором в 1871 году. Старый почтовый стан в Аумюле под Гамбургом он перестроил в настоящую семейную усадьбу. В 1877 году Люциус фон Балльхаузен впервые посетил новое жилище Бисмарков:

…

«Я выехал поездом в три двадцать в Гамбург, поспал там и рано утром в воскресенье отправился в Фридрихсру – около двадцати шести километров от Гамбурга, – где князь и граф Герберт поджидали меня на станции. Встретили очень тепло. Они живут в пяти минутах от станции в маленьком уютном коттедже, вполне пригодном для семьи из трех или четырех человек, но маловатом для такой же семьи с семью или восемью слугами. Местность очаровательная, но более открытая, чем в Варцине. Вскоре мы сели на лошадей и часа четыре прогуливались по лесу. Князь, проведя четырнадцать дней на лоне природы, выглядел посвежевшим, более умиротворенным и, похоже, лучше спал. Но его по-прежнему обуревали интриги ее величества, и он непрестанно стенал…»154

Бисмарк работал в Фридрихсру с прежней неистовой энергией, которая, как он утверждал, у него якобы уже пропала. Он ездил в Бад-Киссинген, наведывался в Берлин, составлял депеши и занимался внешнеполитическими делами с такой же целеустремленностью, как и прежде. 6 октября князь переехал в Варцин, где его неприятно поразило падение сельскохозяйственных цен, вызванное депрессией и уменьшившее доходность поместья. В разговоре с Морицем Бушем он сетовал:

…

«Варцин мне ничего не дает. Зерно продается с трудом из-за слишком низких железнодорожных тарифов на перевозку чужестранного зерна. То же самое относится и к лесоматериалам: реализуется их очень мало вследствие острой конкуренции. Даже близость Гамбурга к Саксенвальду ничего не меняет».

Когда Буш упомянул слухи о том, что Бисмарк будто бы покупает поместье в Баварии, князь воскликнул:

…

«Баварское поместье! У меня нет ни малейших намерений покупать что-либо. Я уже достаточно потерял на поместье, купленном в Лауэнбурге. Расходы съедают все доходы. Разве имение

может принести какой-нибудь доход при таких низких ценах на зерно?»155

Лето и осень 1877 года занимают особое место в нервозной политической карьере Бисмарка. Насколько серьезно относился к этой идее канцлер, нам неизвестно, но он задумал ввести в прусский кабинет Рудольфа фон Беннигсена, лидера национал-либералов, – мера, явно рассчитанная на то, чтобы постепенно избавляться от министров, доставлявших ему неприятности. Переговоры с национал-либеральной партией начались с того, что Бисмарк поручил Тидеману пригласить Рудольфа фон Беннигсена в канцелярию для частной беседы, без общественной огласки. Если это лидера партии не устраивает, то он готов с ним встретиться в Варцине. 1 июля 1877 года Тидеман написал фон Беннигсену: князь желает переговорить с ним в частном порядке, негласно, без прессы и надеется, что Беннигсен сможет прибыть для этого в Берлин; если это по каким-то причинам невозможно, то не вызовет ли «определенные кривотолки» и неудобства его визит к Бисмарку в Варцин156? Беннигсен ответил почти сразу же, через два дня:

…

«Надеюсь, что политическое невежество в Германии не зашло так далеко, чтобы истолковать превратно визит президента палаты депутатов и лидера партии к имперскому канцлеру и министру-президенту, находящемуся в своем поместье в Варцине. Мне нетрудно ответить на любые превратные интерпретации и измышления»157.

30 ноября 1877 года Тидеман в письме жене отметил очередной правительственный кризис, инициированный Бисмарком, «самый серьезный за последние десять лет, который на этот раз может действительно закончиться отставкой князя». 7 декабря он снова сообщал супруге:

…

«Свое возвращение на работу князь ставит в зависимость от исполнения нескольких условий, предусматривающих отчасти смену персонала в высшем эшелоне государственной службы и отчасти переустройство учреждений рейха. Если его условия не будут приняты, то он подаст в отставку. Он устал от того, что каждый его шаг наталкивается на обструкцию то слева, то справа. И семья, и доктор настаивают на отставке»158.

Именно тогда Бисмарк и заигрывал с национал-либералами, пригласив к себе их лидера, чтобы превратить их партию в партию правительства, а Беннигсена назначить министром159.

Проницательный Люциус дал такую оценку угрозам Бисмарка подать в отставку и приглашению Беннигсена к переговорам:

…

«Бисмарк… выстраивал свою концепцию частично парламентского правительства…

Основная идея состояла в том, чтобы объединить главные имперские и прусские государственные должности – канцлера и министра-президента, вице-канцлеров рейха и Пруссии, министров юстиции, финансов и т. д. Предполагалось, что главные прусские министры будут представлены в рейхе заместителями министров или начальниками департаментов…

Как мне стало известно из надежных источников, прошению об отставке предшествовал ультиматум с требованием уволить некоторых придворных чиновников. В то же время длительные отлучки Бисмарка, тарарам в коалиции играли на руку его противникам… Бисмарк подверг себя опасности, предъявив кайзеру слишком высокие требования, особенно что касается деликатной ситуации, сложившейся при дворе и в семье. Наглость притязаний, побуждавших к тому, чтобы ополчиться против собственной жены, больно задела мягкую натуру престарелого монарха. Все ультрамонтанские и феодальные силы консолидировались, с тем чтобы погубить Бисмарка»160.

Если император когда-либо и задумывался над тем, чтобы избавиться от Бисмарка, то именно сейчас наступил для этого самый благоприятный момент. Он откровенно шантажировал кайзера: за год три раза угрожал отставками, дважды – в течение одного месяца, постоянно плел политические интриги за его спиной, подолгу отсутствовал, ссылаясь на болезни. Канцлер внедрял нужные ему статьи в прессу, устраивал совещания, принимал в Варцине и Фридрихсру важных государственных чиновников, не ставив об этом в известность императора. 29 декабря 1877 года газета «Норддойче алльгемайне цайтунг», рупор канцлера, прокомментировала слухи о грядущих переменах в прусском кабинете. Это была последняя капля. На следующий день император отправил Бисмарку гневное письмо, выговаривая ему: «Вы не удосужились сказать мне об этом ни слова». Кайзер предупредил, что Беннигсен его совершенно не устраивает – «не сдержан и не консерватор»161. Бисмарк отреагировал на разнос стандартно – нервным расстройством. Он улегся в постель, как маленький ребенок, обиженный сердитым отцом, и занедужил. Из-за нагоняя и проявленной кайзером «нечуткости» Бисмарк расхворался, потерял сон, заболев, по выражению Пфланце, «патологической озлобленностью»162.

Здесь я должен прерваться и сказать несколько слов в оправдание Бисмарка. Опорой его могущества был престарелый король, жена которого ненавидела Бисмарка и собрала вокруг себя камарилью его врагов. Будучи подданным монарха, имевшего урезанную, но все-таки остававшуюся наполовину абсолютистской власть, Бисмарк не мог раздавить камарилью с такой же легкостью, с какой он расправлялся с другими оппонентами. Он нуждался в монаршем благословении и в психологическом, и в практическом плане. В любом случае Беннигсен стал бы министром короля, а не Бисмарка. Он сам поставил себя в такое положение, при котором ему приходилось почти каждодневно испытывать стрессы и чувство унижения. Бисмарк должен был винить прежде всего самого себя, поскольку сам же и способствовал тому, чтобы наделить короля самодержавной властью, которая истязала его осознанием собственного бессилия.

Психологические стрессы затрудняли решение проблем. Реальные силы в правительстве и обществе становились все менее сговорчивыми, и он терял уверенность в том, что может их контролировать. Взять, к примеру, идею парламентского правительства. Если бы он сразу же после 1870 года начал создавать парламентскую систему государственного управления, то ему, возможно, удалось бы это сделать. Король всегда шел на уступки своему министру-гению, и в данном случае на стороне Бисмарка были бы и Августа, и кронпринц. Однако тогда понизился бы уровень осознания абсолютного могущества, столь необходимого для его «суверенной самости». Такого рода двуединые и неразрывные дилеммы приводили в расстройство и психологическое, и физическое самочувствие Бисмарка, но он был не способен разорвать этот замкнутый круг.

Карл фон Нойман, личный секретарь кронпринца, писал мрачно Роггенбаху из Висбадена 22 ноября 1877 года:

…

«Складывается невыносимая ситуация, и вряд ли стоит удивляться тому, что независимые и свободолюбивые натуры одна за другой уйдут с государственной службы. Отставка лучше, чем губить себя, превращаясь в послушный инструмент всемогущего… У Бисмарка есть только одна положительная сторона, и с этим согласится почти весь мир: всему рано или поздно приходит конец»163.

Спустя два дня после Рождества 1877 года Штош сообщил Роггенбаху о том, что фон Фридберг побывал в Варцине, где узнал о новых планах объединить имперские и прусские

министерства и избавиться от большинства членов кабинета:

…

«Фридберг спросил: «А что ждет Штоша?» Ответ: «Он войдет в кабинет в качестве «независимого» министра». Какое великодушие! Он считает нормальным походить по мне ногами, а потом еще и выбросить… Другой человек, еще менее его обожавший, приезжал в Варцин как раз после смерти собаки и, вернувшись оттуда, сказал, что канцлер уже свихнулся или это с ним вот-вот случится»164.

Так закончился 1877 год, пятнадцатый год властвования Бисмарка, наименее удачный в его карьере. Ни канцлер, ни его враги не знали, что их ожидает. Журналист однажды спросил Гарольда Макмиллана, британского премьер-министра в 1957–1963 годах: «Что может сбить правительство со своего курса?» Премьер ответил: «События, мой мальчик, события». В карьере Бисмарка события 1878 года сыграли прямо противоположную роль. Они укрепили его положение, придали неожиданно новое направление и динамичность его политике.

10. «Постоялый двор мертвого еврея»

В двенадцать я увидела его за ленчем, бодрого и оживленного, после того как он еще раз выступил в рейхстаге (который теперь называют «постоялым двором мертвого еврея»).

Баронесса Шпитцемберг, 15 марта 1884 года, Шпитцемберг, «Дневник», 205

11 января 1878 года Билл [90] , сын Бисмарка, сказал Тидеману: кайзер «очень рассердился», когда граф Эйленбург показал ему, в шутку, состав нового кабинета из видных национал-либералов и прогрессистов – «Беннигсен, Форкенбек, Штауффенберг, Риккерт и прочие»1.

18 января 1878 года Тидеман по указанию Бисмарка встретился с Беннигсеном, который воспринял свое назначение как «нечто само собой разумеющееся» и потребовал, чтобы в новый кабинет вместе с ним вошли еще «один или двое его коллег из национал-либеральной партии»2. 19 января 1878 года Тидеман съездил в Варцин и доложил обо всем Бисмарку. Через неделю в Берлине Рудольф фон Беннигсен на парламентском обеде сказал Люциусу, что у либералов есть две козырные карты:

…

«1) возрастающую нужду в финансовых средствах невозможно удовлетворить без нашей помощи;

2) через два года заканчивается Septennant (семилетняя

программа фиксированного финансирования армии и ее численности. – Дж. С .)… Если сейчас будет достигнуто взаимопонимание между парламентом и правительством, то мы получим двадцать лет стабильного развития, в противном случае нас ожидают непредвиденные осложнения»3.

18 февраля состоялось собрание национал-либералов. На нем присутствовал и Юлиус Хёльдер, депутат из Вюртемберга, изложивший свои впечатления в дневнике. Хёльдер принадлежал к тому крылу национал-либералов, которые поддерживали Бисмарка в рейхстаге, однако парламент Вюртемберга нередко подрезал энтузиазм сторонников Бисмарка на государственном уровне. Теперь и Хёльдер признавал неизбежность столкновения с Бисмарком4:

…

«Нам необходимо подлинно ответственное правительство, тесно взаимодействующее с большинством в рейхстаге… Согласие на новые налоги надо использовать как средство давления не только на бундесрат, но и (если исходить по крайней мере из контекста их ремарок) на Бисмарка и кайзера, с тем чтобы (коротко говоря) ввести парламентское правление в рейхе. Прежде всего, финансы рейха и Пруссии должны быть сосредоточены в одних руках (Беннигсена)»5.

Эту ситуацию можно занести в разряд тех поворотных пунктов в истории Германии, во время которых, по выражению покойного А. Дж. П. Тейлора, «ничего не поворачивается». Стоило Бисмарку шевельнуть бровью или пальцем в знак одобрения, глядишь, трое национал-либералов вошли бы в состав кабинета, и в Германии мог бы постепенно установиться парламентский режим. Бисмарк поделился бы своей властью, согласился бы на определенные компромиссы и признал бы оппозицию как необходимый компонент политической системы. Ему следовало бы поступиться своей приверженностью полуабсолютистской монархии и допустить в стране менее жесткое правление. Рассматривал ли Бисмарк такую альтернативу? У нас нет свидетельств ни подтверждающих, ни опровергающих это. Переговоры с Беннигсеном можно считать типичным примером тех действий Бисмарка, которые Мориер назвал «комбинациями», то есть одним из ходов на шахматной доске.

Тем временем внешние события создавали условия для новых комбинаций. 7 февраля умер папа Пий IX. Бисмарк получил возможность для политических маневров. Не заключить ли с Ватиканом союз в обмен на оказание им давления на партию Центра и избавление от Виндтхорста? Можно сформировать и

сине-черное (консервативно-католическое) большинство в рейхстаге для того, чтобы продвигать протекционизм и консервативные формы правительства. Теперь он мог освободиться от либералов, чересчур буржуазных и слишком озабоченных демократическими правами и принципами представительства.

Бисмарк вернулся в Берлин 14 января и впервые за многие месяцы появился в рейхстаге. 19 февраля канцлер выступил перед депутатами в роли «честного маклера», пригласив великие державы в Берлин на конференцию о Русско-турецкой войне. Через три дня, 22 февраля 1878 года, Бисмарк объявил ошарашенным депутатам рейхстага: «Моя цель – табачная монополия… как временная мера и как мостик в будущее…»6

Национал-либералы возмутились. Еще недавно Бисмарк вел разговоры с Беннигсеном об условиях вхождения трех национал-либеральных министров в прусский кабинет; теперь же он требовал прямого вмешательства государства, посягнув на святая святых либералов – свободный рынок. Беннигсен писал Максу фон Форкенбеку, председателю палаты: «Не согласны ли вы с тем, что мы не должны участвовать в создании такой монополии? Если это так, то я иду к канцлеру и заявляю, что наши переговоры закончены»7. В прусском государственном министерстве подал в отставку, протестуя против интервенции государства в свободную торговлю, министр финансов и вице-президент Отто Кампхаузен (1812–1896)8.

В те напряженные дни Людвиг Бамбергер, финансовый эксперт либералов, много лет избиравшийся депутатом рейхстага, однажды оказался за одним обеденным столом с Бисмарком и имел возможность близко наблюдать за его мимикой и разговорной манерой:

…

«За густой завесой усов видна только часть лица. В его словоохотливости слышна некая мягкость, на полных губах постоянно присутствует легкая улыбка, но за этой внешней доброжелательностью чувствуются властность и сила, присущие хищному зверю. Этот симпатичный улыбающийся рот может внезапно раскрыться и поглотить собеседника. У него выступающий подбородок, эдакая перевернутая чаша, обращенная выпуклой стороной наружу. Взгляд дружелюбно-недоверчивый, лучезарно-испытующий или слепяще-холодный, решительно настроенный на то, чтобы не дать вам возможности догадаться о том, какие мысли и чувства испытывает этот человек, пока он сам не сочтет нужным поделиться ими. Хотя Бисмарк уже

выступил в ландтаге с двумя длинными монологами, он, не переставая, говорил с 5.30 до 8.30, слушал только себя и не позволял его перебивать»9.

Трудно в этом описании обнаружить признаки натуры, способной согласиться с парламентской формой государственного управления.

20 февраля папой избрали кардинала Джоаккино Винченцо Рафаэле Луиджи Печчи, принявшего имя Лев XIII. Ему было шестьдесят восемь лет; все думали, что владычествовать он будет недолго. Однако папа прожил до 20 июля 1903 года и умер в возрасте девяноста трех лет. Как и Пий IX, аристократ по происхождению, Лев XIII тем не менее обладал совершенно иным взглядом на современный мир. В своей знаменитой энциклике «Рерум новарум» от 15 мая 1891 года он приветствовал научные открытия и развитие индустрии, объявил, что человеческий труд не следует рассматривать лишь как фактор производства, открыл эру новых отношений между католической церковью и промышленниками с их социальными проблемами. У Бисмарка теперь появился партнер на самом высшем церковном уровне. Это была первая серьезная перемена на его политической карте.

Второе знаковое событие произошло через месяц, 31 марта: с ним пожелал встретиться Вильгельм фон Кардорф (1828–1907), богатый промышленник и землевладелец, один из основателей бисмарковской имперской партии, ее самый велеречивый оратор и подкованный лидер. Он сделал огромное состояние во время грюндерства и раньше партии увлекся протекционизмом. В 1874 году Кардорф основал Свободный экономический союз для отстаивания покровительственных тарифов, а в 1876 году создал влиятельную промышленную лоббистскую организацию – Центральный союз германских промышленников10. На встрече Бисмарк сказал ему:

…

«Раньше я и сам был сторонником свободной торговли как собственник поместий. Теперь я перестроился и хочу забыть свои прежние ошибки… Нам необходимо ввести тарифы на табак, спирт, возможно, на сахар, несомненно, на нефть, может быть, на кофе, и я не возражал бы против тарифов на зерно, которые были бы нам полезны в противостоянии с Россией, а также с Австрией»11.

В апреле Бисмарк начал готовить законопроект, нацеленный на разрыв с либералами. Первостепенное значение он придавал подавлению социал-демократической партии, которая на фоне затянувшейся депрессии приобретала все большую популярность.

Ему был нужен такой законопроект, который бы предоставлял бундесрату исключительное право закрывать издания и организации, отстаивающие социал-демократические идеи. 24 мая 1878 года рейхстаг большинством голосов, 251 к 57, отклонил исключительный закон, ограничивающий активность социалистов: он потерпел фиаско в основном благодаря оппозиции либералов, обеспокоившихся нарушением гражданских прав12. Бисмарк отнесся к своему поражению равнодушно, что удивило Тидемана:

…

«Когда депутатское большинство в рейхстаге срывает его планы, то он, выражая свое неудовольствие, обычно не скупится на язвительные комментарии. На этот раз он ограничился тем, что пошутил в адрес несчастных министров, которым пришлось защищать злополучный законопроект»13.

Прозорливый Тидеман упустил один важный момент. Либералы фактически проголосовали в ущерб национальной безопасности. Бисмарк знал, что они дали ему в руки необходимое противоядие. «События, мой мальчик, события» Гарольда Макмиллана очень скоро оказали Бисмарку неоценимую услугу. 11 мая 1878 года рабочий по имени Макс Хёдель трижды выстрелил в кайзера, когда он проезжал по Унтер-ден-Линден в открытом экипаже с дочерью, великой герцогиней Баденской. Никто не пострадал, но Хёделя арестовали. 2 июня попытку покушения на кайзера повторил Карл Нобилинг, студент, стрелявший из окна второго этажа дома на той же улице. На этот раз кайзер получил повреждения дробью в трех местах, не очень серьезные, но Вильгельму все-таки уже исполнился восемьдесят один год14. Реакцию Бисмарка на известия о покушении, в которой в полной мере проявились его способности молниеносно оценивать ситуацию и принимать решения, описал Тидеман. Встретил он канцлера во Фридрихсру в послеобеденное время:

…

«По дороге в Аумюле и Фридрихсру-парк мне попался на глаза князь, медленно пересекавший с собаками залитое солнцем поле. Я подошел к нему, и после обмена приветствиями мы продолжили путь вместе. Он был в прекрасном настроении, без умолку говорил о пользе для его здоровья длительных прогулок и лесного воздуха. Когда он прервался на секунду, я сказал: «Поступили очень важные телеграммы». Он спросил в шутливом тоне: «И они настолько срочные, что мы должны заняться ими здесь же, в открытом поле?» Я ответил: «К сожалению. Вести ужасные. Совершено еще

одно покушение на жизнь кайзера, и на этот раз в него попали. Кайзер серьезно ранен». Князь остановился как вкопанный. Он с силой воткнул в землю дубовый прогулочный посох и с глубоким придыханием, словно его пронзила мысленная молния, сказал: «Тогда мы распускаем рейхстаг». Быстрым шагом он пошел к дому, по пути расспрашивая о деталях покушения»15.

Благодаря своим уникальным способностям просчитывать ситуационные «комбинации» Бисмарк и стал самым выдающимся политическим тактиком девятнадцатого столетия. В одно мгновение он понял, что может раздуть кампанию устрашения и избавиться от либералов, обвинив их в отсутствии патриотизма. Он сразу же вернулся в Берлин и пришел к кайзеру в госпиталь. Баронесса Хильдегард фон Шпитцемберг видела Бисмарка после его возвращения от кайзера и описала этот эпизод в своей, по обыкновению, эмоциональной манере:

…

«Князь только что вернулся от кайзера. Сильный по натуре человек был настолько взволнован, что ему пришлось выпить, прежде чем начать говорить. «Старик лежит там распростертый в постели, посреди комнаты, руки полностью обернуты марлей и вытянуты подальше от тела, а на голове пузырь со льдом, – жалостный и несчастный! За ним ярко светит лампа. Лицо его заметно осунулось, но он в ясном уме и настроен на деловой лад. Видно, что он страдает от боли, и, хотя ему надо было многое сказать по вопросам, которые его действительно интересуют, он через некоторое время кивком головы попросил меня уйти». Затем князь несколько часов провел у кронпринца, который вначале был рассержен тем, что не присутствовал при разговоре в больнице. Князь сказал Карлу, что кронпринц должен позаботиться о своей собственной безопасности, поскольку все указывает на то, что за обоими покушениями стоит интернационал. Они хотят «убрать кайзера и кронпринца, с тем чтобы возвести на трон ребенка и развязать себе руки». Сегодня состоялся большой совет министров. Проблема в том, что в конституции рейха не прописан случай временной недееспособности кайзера, и кронпринц не может взять на себя власть без объявления полного регентства. Необходимо принять столько важнейших решений: о введении чрезвычайного положения, о роспуске рейхстага и т. д. Князь отрастил белоснежную густую бороду и выглядит так же нелепо, как и его брат Бернхард. Вечером он несколько раз навещал кайзера. «Бедный старик не выходит у меня из головы». Настроение тягостное и унылое, попрана стародавняя прусская верность, на наше национальное достоинство легло позорное пятно, которое ничем не

смыть»16.

Коронный совет, созванный кронпринцем, одобрил роспуск рейхстага, несмотря на яростные протесты национал-либералов17. 30 июля 1878 года прошли выборы, явка составила 63,4 процента, самая высокая с 1871 года. Национал-либералы потеряли 4,1 процента голосов и 29 депутатских мест, прогрессисты потеряли один процент избирателей и девять мест, германская имперская партия, партия Бисмарка, получила 57 мест, на 19 мест больше, чем прежде, заручившись поддержкой 13,6 процента избирателей и сравнявшись с консерваторами «Кройццайтунга», которым досталось 59 мест и 13 процентов голосов. Партия Центра, как всегда монолитная, сохранила свое представительство на прежнем уровне, добавив к нему одно место18. Консерваторы и католики теперь имели в рейхстаге 210 мест, на десять мест больше, чем требовалось для формирования депутатского большинства (от общего числа 397 депутатов). Однако и две либеральные партии (125 мест), объединившись с 94 депутатами Центра, могли тоже сформировать абсолютное большинство, и это давало Бисмарку возможность натравливать два основных партийных блока друг против друга. С угрозой либералов было покончено, и, как оказалось, навсегда. Численность электората либералов неуклонно уменьшалась, и 30 июля 1932 года во время триумфальных выборов Гитлера за каждую из двух великих политических партий 1871 года проголосовал лишь один процент избирателей.

Выборы в рейхстаг проходили на фоне панической озабоченности национальной безопасностью. Но на них не мог не оказать определенное влияние и Берлинский конгресс, самая крупная международная конференция после блистательного Венского конгресса Меттерниха. Во вторник вечером 11 июня 1878 года в Берлин прибыл Бенджамин Дизраэли (1804–1881), граф Биконсфилд, премьер-министр Великобритании. Из всех участников форума, наверное, только он мог составить конкуренцию Бисмарку по остроте ума и политической интуиции. Как мы увидим позже, они быстро поняли, что у них есть много общего. Официальным языком на конгрессе был, естественно, французский: Дизраэли говорил на нем с ужасным акцентом, используя к тому же вульгаризмы, приобретенные в годы экстравагантной юности. Одо Рассел, британский посол, предупрежденный сотрудниками о том, что «шеф» собирается изъясняться по-французски, встречая премьера, попытался отговорить его от этой затеи, прибегнув к тому же средству, которое сам Дизраэли использовал в манипулировании людьми, – лести:

…

«Распространились ужасающие слухи, будто Биконсфилд будет обращаться к конгрессу на французском языке. Полномочные представители испытали бы большое разочарование, сказал лорд Одо. «Все они знают вас как величайшего мастера английского ораторского искусства и жаждут получить от вашего выступления высочайшее интеллектуальное наслаждение». Лорд Одо потом говорил, что он так и не понял: уловил ли премьер-министр намек или принял комплимент как должное»19.

Дизраэли прибыл в Берлин, чувствуя себя в свои семьдесят четыре года не вполне здоровым. Кроме того, на нем висел тяжелый груз выбора между войной и миром. Королева и кабинет пришли к выводу, что экспансионизм России необходимо остановить любой ценой, и послали в Мраморное море британский флот20. Одо Рассел на следующий день писал брату Гастингсу, герцогу Бедфорду: «Лорд Биконсфилд постоянно взвинчен, лорд Солсбери – чем-то встревожен, остальные полномочные представители тоже нервничают, и все это очень неприятно»21.

У Дизраэли сложились близкие отношения с королевой, и он в продолжение всего конгресса слал ей весьма нестандартные письма. Элегантный, знающий толк в литературе лидер консерваторов нравился ей гораздо больше, чем суровый и любящий читать нотации лидер либералов Уильям Юарт Гладстон (1809–1898). «Вы, конечно, слышали, что меня называют льстецом, – сказал как-то Дизраэли Мэттью Арнолду, – и это сущая правда. Все любят лесть. А когда вы имеете дело с членами королевской семьи, то лесть сверх меры только полезна»22. Вот типичный образчик его послания королеве:

…

«Вдали от вашего величества, в чужой стране, под бременем огромной ответственности особенно остро понимаешь, как твое счастье зависит от исполнения долга перед вашим величеством и великодушной оценки вашим величеством твоих усилий»23.

12 июня Дизраэли сообщил королеве Виктории о том, что, к его великому удивлению, Бисмарк пожелал встретиться с ним сразу же по прибытии в Берлин:

…

«Соответственно, без пятнадцати десять лорд Биконсфилд ожидал приема у канцлера. Они не виделись шестнадцать лет, но и этого немалого промежутка времени, казалось, было

недостаточно для того, чтобы объяснить те перемены, которые лорд Б. отметил в облике канцлера. Вместо высокого, грациозного и подтянутого графа он увидел перед собой весьма тучную личность с красным лицом, обрамленным серебристой бородой. Стиль поведения остался прежним, возможно, менее динамичным, но таким же открытым и неподдельным… Говорил он много, четко и спокойно, без каких-либо гротескных выражений, которыми славился прежде… Б. предоставляет нам заниматься делами, которые касаются Англии, поскольку Англия определенно готова к войне с Россией»24.

Берлинский конгресс открылся 13 июня 1878 года. Дизраэли сообщал королеве Виктории:

…

«В два часа конгресс начал заседать во дворце Радзивиллов – величественном зале, недавно отреставрированном и теперь заполненном позолоченными мундирами, украшенными сверкающими звездами. Лорд Б. полагает, что не каждый день будет столь парадным и нарядным. Президентом избрали князя Бисмарка, человека-гиганта, огромная фигура которого, не менее шести футов и двух дюймов, тем не менее сложена пропорционально. В утренние часы произошел конфуз: князь Горчаков, ссохшийся старик, шел, опираясь на руку своего соперника-великана, а у князя Бисмарка в это время случился приступ ревматической боли, и оба они упали. Собака Бисмарка, видя, что ее хозяин, как ей показалось, борется с оппонентом, бросилась ему на выручку. Говорят, что князь Горчаков не был изувечен или покусан только благодаря самоотверженным усилиям своего компаньона… В семь часов состоялся праздничный банкет в Старом дворце потрясающей красоты. Это настоящий дворец, хотя, как ни странно, великолепные комнаты и галереи, где собрались гости, когда-то, в дни королевы Анны, служили местом обитания для бедных поэтов. Наверх вели по меньшей мере около сотни ступенек, лорд Б. опасался, что придет последним, но у церемониймейстера и других гостей дыхание оказалось еще более стесненным, и процессия продвигалась с остановками»25.

Перед конференцией русские согласились с тем, что весь Сан-Стефанский договор может быть пересмотрен, а британцы пошли на то, чтобы дать русским право вето. Одо Рассел в письме Гастингсу с конгресса продемонстрировал, что он, как и его шеф, тоже способен на лесть:

…

«Я окружил лорда Биконсфилда знаками внимания и уважения,

уступил ему свое место за столом, словно он был самой королевой или принцем Уэльским, чем он был чрезвычайно польщен. Он называет меня «дорогим и досточтимым коллегой», заверяет в том, что одной из главных целей его визита в Берлин было "познакомиться с моей супругой, самой обаятельной женщиной из всех когда-либо ему встречавшихся"»26.

Бисмарк нередко изумлял и приводил в замешательство и Дизраэли, и лорда Солсбери, министра иностранных дел, своим странным поведением. 16 июня император и императрица пригласили Дизраэли и Солсбери приехать к ним в Потсдам. Но как отметил Дизраэли в дневнике, Бисмарк настоял на том, чтобы премьер-министр вначале встретился с ним:

…

«Прежде чем отправиться в Потсдам, я получил приглашение на беседу от князя Бисмарка, которая длилась около часа. Я так и не понял, какова была цель нашей встречи. Мы ничего не обсуждали, это был монолог, бессвязный, забавный, эгоцентричный, автобиографический. Поскольку встреча была предложена его высочеством, то я сам не затрагивал каких-либо тем. После меня на удивление аналогичная беседа состоялась с лордом Солсбери, тоже приглашенным Бисмарком… ни слова о деле не услышали от князя Бисмарка ни я, ни лорд Солсбери»27.

На следующий день, 17 июня, у лорда Дизраэли появилась еще одна возможность столкнуться с причудами Бисмарка. Он был приглашен на официальный обед – редкий случай – в дом Бисмарков. Дизраэли сообщал королеве Виктории:

…

«В шесть часов большой прием у Бисмарков. Все эти банкеты здесь устраиваются на высоком уровне. Присутствовало около шестидесяти гостей. Была и княгиня. Она, конечно, не красавица, но, как говорят, дома имеет несомненное влияние. Меня усадили справа от князя Бисмарка, и поскольку я не привык много есть на публике, то мне ничего не оставалось, как слушать бесконечные монологи в духе Рабле о вещах, о которых не стоило бы говорить вслух. Он убеждал меня в том, что не надо доверять принцам и придворным, что его болезни вызваны не французской войной, как думают некоторые, а ужасным поведением его сюзерена и т. д. и т. п. В архивах семьи хранятся документы, королевские письма, обвиняющие его после стольких лет верной службы в предательстве. Он продолжал говорить в таком же духе, пока я не счел необходимым заметить, что, несмотря на «двуличие», якобы, по его словам, свойственное всем сюзеренам, я служу государыне,

которая является воплощением честности и справедливости и которую любят все министры. Разительный контраст между мягкой, почти ласковой манерой говорить и людоедским смыслом выражений просто потрясает. Он начитан, хорошо знает современную литературу. Его характеристики персонажей пикантны и остры. Он до безрассудства искренен. Он накрепко привязан к австрийцам, вне зависимости от того, считает ли их действия правильными или неправильными, и всегда добавляет: «Я предлагал себя Англии, но лорд Дерби полтора месяца не замечал моих намерений, а потом отверг их»28.

Германского посла в России фон Швейница встревожил антироссийский настрой конгресса, о чем он написал жене: «Дела на конференции обстоят плохо. Все против России, кроме нас. Андраши подыгрывает старику Биконсфилду, льстит ему; все, что бы тот ни говорил, для него замечательно, и он проголосует вместе с ним против России»29. Бисмарк внезапно тоже обеспокоился и 21 июня предпринял неординарный шаг. Дизраэли записал в дневнике:

…

«Я должен был присутствовать сегодня на большом приеме в посольстве, но около пяти часов ко мне пришел князь Бисмарк, поинтересовался нашими делами, выразил свою озабоченность и предложил план компромиссов – к примеру, ограничить численность войск султана и пр. Я сказал, что в Лондоне уже пошли на компромисс по этому вопросу и отказаться от него мы не можем из уважения к императору России. «Я должен понимать это как ультиматум?» – «Пожалуй». – «Тогда я иду к кронпринцу. Мы должны это обсудить. Где вы сегодня обедаете?» – «В английском посольстве». – «Я бы хотел, чтобы вы пообедали со мной. В шесть часов я свободен». Я принял приглашение, послал свои извинения леди Одо и обедал с Бисмарком, княгиней, их дочерью, замужней племянницей и двумя сыновьями. Он был очень любезен, не вдавался в политику, много ел и пил и еще больше говорил.

После обеда мы уединились в другой комнате, он закурил, и я последовал его примеру. Я нанес удар своему некрепкому здоровью, но у меня не было другого выхода. Мы провели часа полтора за чрезвычайно интересной и абсолютно политической дискуссией. Он убедился, что ультиматум – вовсе не блеф, и перед сном я мог с удовлетворением отметить, что Санкт-Петербург капитулировал»30.

На следующее утро, в 10.30 22 июня, Дизраэли телеграфировал королеве и канцлеру казначейства: «Россия

уступает и соглашается с английским планом европейской границы империи и военно-политическим режимом султана. Бисмарк сказал: «Опять Турция – в Европе». «Все это благодаря вашей энергии и упорству», – ответила королева31.

Примечателен еще один словесный портрет Бисмарка, изложенный Бенджамином Дизраэли 26 июня в письме леди Брэдфорд, с которой он делился своими сокровенными мыслями и наблюдениями:

…

«Бисмарк довлеет над всеми и своим ростом – около шести футов и четырех дюймов, я думаю, и дородностью, хотя и вполне пропорциональной, и характером: у него мягкий и приятный тембр голоса и рафинированная дикция, контрастирующие с чудовищными вещами, которые он высказывает, чудовищными своей искренностью и дерзостью. Он здесь настоящий деспот, все пруссаки, сверху донизу, и весь постоянный дипломатический корпус трепещут, когда он хмурится, и старательно ловят его улыбку. Он окружил меня вниманием и, несмотря на загруженность – роспуск парламента и смертоубийственная война с социалистами, которые ежедневно сотнями заточаются в тюрьмы в нарушение всех законов, – вчера вытянул из меня обещание, что, прежде чем отбыть, я непременно отобедаю с ним наедине. Его резиденция окутана великолепными садами. Он не выходил из нее с того времени, когда я приехал, за исключением того памятного дня, когда он навестил меня, с тем чтобы выяснить, является ли моя политика ультиматумом. Я тогда убедил его в том, что это действительно так, и через несколько часов русские сдались»32.

Дизраэли нравилось, что все леди «читают его романы», в том числе и императрица. Дамы обычно читали «Генриетту Тампль», «любовный роман», написанный сорок лет назад33. Одо Рассел в докладе министерству иностранных дел специально сообщил о том, что «канцлер проявляет живой интерес к романам лорда Биконсфилда, прочитывая их заново»: «Князь Бисмарк сказал месье де Сен-Валлье, что во время чтения романов его мозг отдыхает, поскольку ему не приходится думать об управлении Германией. Сам же он не пишет романы только потому, что управление Германией поглощает всю его творческую энергию»34.

Без сомнения, Дизраэли и Бисмарк были главными действующими лицами на конгрессе. Верно и то, что Бисмарк заинтриговал Дизраэли своей эксцентричной самобытностью и интеллектуальной мощью. Да и Бисмарк вел себя в отношении Дизраэли в манере, совершенно ему несвойственной. Он сам

приходил к нему, чего никогда не делал после того, как занял самый высокий государственный пост, приглашал к семейному обеду, оказывая ему честь, которой не удостаивался практически ни один иностранец. Я не уверен в том, что в его доме когда-либо бывал Одо Рассел. Позволю себе процитировать еще одну выдержку из дневника Дизраэли – о вечере, проведенном им в семье Бисмарков 5 июля 1878 года:

…

«Я обедал с Бисмарком фактически наедине, так как семейство удалилось после трапезы, и мы без конца говорили и курили. Если в подобных обстоятельствах не курить, то тебя могут принять за шпиона, фиксирующего в голове каждое слово разговора. Курение за компанию создает непринужденную обстановку. Он спросил меня: популярны ли по-прежнему скачки в Англии? Я ответил: «Как никогда прежде…» «Тогда, – воскликнул князь с горячностью, – в Англии никогда не будет социализма. Счастливая страна. Вы в полной безопасности до тех пор, пока народ любит скачки. Здесь же джентльмен не может проехать верхом на лошади по улице без того, чтобы по меньшей мере человек двадцать не задались вопросом: «Почему у этого парня есть лошадь, а у меня – нет?» В Англии чем больше у человека лошадей, тем больше его уважают. До тех пор, пока англичане увлечены скачками, социализм вам не грозит». Этот фрагмент его рассуждений уже дает представление об особом стиле мышления. Обо всем он судит нестандартно, оригинально, без напряжения и попыток покрасоваться парадоксами. Он говорит с такой же легкостью, с какой пишет Монтень. Узнав о Кипре, он сказал: «Вы поступили очень мудро. Это прогресс. Это понравится; нации любят прогресс». В его понимании прогресса есть что-то свое. Он сказал, что воспринял наш отказ от Ионических островов как первый признак упадка. Кипр все изменил»35.

Бисмарк практически единолично вел весь конгресс. Он без труда пользовался тремя языками – французским, английским и немецким – и составлял документы на французском языке собственноручно или диктуя тексты. Он направлял работу двадцати сессий и согласовал пакет компромиссов. Британия получила Кипр, добилась сокращения территории Болгарии и сохранения суверенитета Турции над Македонией и Средиземноморским побережьем. Иными словами, Россия теперь не могла создавать помехи на морском пути в Индию. Проливы остались за Турцией. Россия получила Бессарабию, Карс, Ардаган и Батум, но эти уступки не удовлетворили аппетиты панславянских групп и русских империалистов. В качестве

компенсации Австрию вознаградили правами на Боснию и Герцеговину и Новобазарский санджак. Бисмарк переустроил Юго-Восточную Европу, избежал войны и нарастил престиж и себе, и Германской империи. В дипломатии он использовал те же методы, которые применял во внутренней политике: переговоры, дискуссии, ублажение и компромиссы. К завершению конгресса он предпочел не оказывать поддержку России, желая продемонстрировать свою беспристрастность, чем оскорбил и царя, и его двор.

После конгресса Бисмарку пришлось вплотную заняться внутренними проблемами. С 30 июля до 16 августа он регулярно встречался в Бад-Киссингене с кардиналом Алоизи Мазеллой, но переговоры с католической церковью закончились безрезультатно. Бисмарк писал Фальку 8 августа: «Папа не имеет ни малейшего влияния на партию Центра, но желает, чтобы об этом никто не знал». И далее: «По-моему, эту неопределенность надо сохранять как можно дольше. Вера в примирение между государством и курией благоприятно отразится на поведении и курии, и партии Центра, и либералов»36.

9 сентября 1878 года впервые собрался новый рейхстаг. Пристыженная и сократившаяся национал-либеральная партия уже согласилась принять закон против подрывной деятельности. Оставалось договориться о том, насколько он должен быть суровым. Через неделю Бисмарк вернулся в Берлин для первых слушаний закона против социалистов37. Одним из первых выступил не кто-нибудь, а Ганс фон Клейст-Ретцов, обрушившись на социал-демократов с обвинениями в государственной измене:

…

«Я убежден, что вся социал-демократия – это прямой путь к государственной измене, а социал-демократы – агенты, подрывающие основы государства. Разве то, что вы делаете – поете на улицах боевые песни, «Марсельезу», – всего лишь детские игры? Разве они менее опасны, чем изготовление пороха или выстрелы?..»

Когда Клейст закончил, рейхсканцлер спустился с министерской платформы, подошел к старому другу, взволнованно протянул ему руку, демонстрируя всей стране примирение. Клейст тоже растрогался и через пару дней отправил старому и заново обретенному другу благодарственное послание:

…

«Позволь мне, прежде чем уехать, поблагодарить тебя от

всего сердца за то, что ты протянул мне руку после столь длительного и мучительного разрыва. С большой радостью я хочу видеть в этом жесте желание восстановить старую дружбу и прежние связи между нашими семьями и домами»38.

Их дружбе не было суждено возродиться. Клейст редко видел Бисмарка, встречал его только в палате господ. Для Клейста дружба с Бисмарком была важна. А нужен ли он был Бисмарку? Канцлер уже потерял своего Мота, Джона Лотропа Мотли, умершего в Лондоне 29 мая 1877 года. Он почти не общался с Флешем, Александром фон Кейзерлингом, еще одним однокашником, чьи научные интересы Бисмарк не разделял и чье поместье находилось очень далеко – в Латвии, принадлежавшей тогда Российской империи. Бисмарк чувствовал себя все более одиноким и покинутым.

23 сентября Бисмарк уехал из Берлина в Варцин, но сразу же вернулся обратно из-за того, что комиссия по закону о социалистах не могла прийти к единому мнению по процедурам апелляций39. С 9 и до 15 октября проходили жаркие баталии по проблеме гражданских прав. Эдуард Ласкер яростно пытался отстоять конституционные права социалистов. 11 октября у него неожиданно появился соратник – Людвиг Виндтхорст, выступивший с пламенной речью:

…

«“Консерватизм” означает сохранение действующих легитимных институтов государства и церкви. Это понятие вовсе не имеет в виду наделять правительство всемогуществом, позволяющим модифицировать институты на свой вкус. До тех пор, пока вы смешиваете консерватизм с Polizeiwirtschaft (полицейским государством), ни о каком альянсе с вами не может быть и речи»40.

В основе мужественной позиции лидера консервативной католической партии лежало его твердое убеждение в том, что защита прав католиков подразумевает отстаивание всех других прав – каждого отдельного человека, евреев, социалистов, атеистов и пр. Последовательность, прямодушие и упорство, проявленные Виндтхорстом, нередко вопреки реакционным инстинктам собственной партии, в борьбе против авторитаризма Бисмарка и нарушений законности заслуживают того, чтобы в современной Федеративной Республике Германии их больше и знали, и почитали. Даже Ласкер, поддавшись давлению общественного мнения, признал, что «пренебрежение законами более нетерпимо», и депутатов фактически принудили проголосовать за исключительный закон против социалистов41.

19 октября 1878 года рейхстаг принял этот закон большинством голосов – 221 к 149. Германские консерваторы, свободные консерваторы и национал-либералы заключили пакт, с тем чтобы провести антисоциалистическое законодательство. Правительству пришлось согласиться с поправкой Ласкера, одобренной во втором чтении и предусматривавшей, что закон будет действовать до сентября 1881 года (два с половиной года)42. Устанавливались очень жесткие ограничения. Параграфом 1 запрещались ассоциации социал-демократов, социалистов и коммунистов, ставящие своей целью свержение существующего государственного и общественного строя. Параграф 9 объявлял противозаконными собрания, призывающие к свержению государственного и общественного строя, а параграф 11 предусматривал аналогичную кару для изданий. На организации социалистов налагались и другие ограничительные меры43. Бисмарк отругал нового министра внутренних дел, еще одного Эйленбурга, кузена графа Бото цу Эйленбурга (1831–1912), за то, что закон по-прежнему разрешал гражданам голосовать за социалистов и не запретил делать это железнодорожникам и другим государственным служащим. Бисмарк говорил Люциусу: «Я считаю недопустимым, чтобы граждане, доказанно являющиеся социалистами, имели право голосовать, избираться и заседать в рейхстаге»44.

Перед голосованием по антисоциалистическому закону группа депутатов трех партий (87 – от партии Центра, 36 консерваторов, 27 либералов, общей численностью 204 человека из 397 членов рейхстага) сформировала экономический блок – «Экономическую ассоциацию рейхстага». Ее возглавил Фридрих фон Варнбюлер из Вюртемберга, давний поборник протекционизма. Состав ассоциации ясно указывал на то, что в рейхстаге образовалось депутатское большинство, выступающее за ликвидацию свободной торговли. Это свидетельствовало о втором великом повороте во внутренней политике Германии. Законопроекта на этот счет не имелось, требовалось проработать детали, но настрой в нижней палате был совершенно ясен45.

23 октября Бисмарк выехал из Берлина в Фридрихсру. В поезде Тидеман заметил, что шеф прячет под столом бутылки с пивом и прикладывается к ним на каждой остановке. Бисмарк объяснил ему: не надо давать публике повода для того, чтобы разочароваться в своем канцлере46. 9 ноября Бисмарк отправил императору Вильгельму I письмо с просьбой извинить его за отсутствие на ландтаге:

…

«Состояние моего здоровья неважное. На какое-то время мне необходим абсолютный отдых, которого я не имел в последние годы. Я надеюсь получить его в Фридрихсру, пока заседает ландтаг, и мне не хотелось бы, чтобы моя слабость испортила ту радость, которую я испытываю, узнав от Лендорфа о выздоровлении вашего величества»47.

Как уже упоминалось ранее, по подсчетам Пфланце, в период между 14 мая 1875 года и концом ноября 1878 года из 1275 дней 772 дня Бисмарк провел либо в своих поместьях, либо на курортах. Иными словами, его не было в Берлине в общей сложности более двух лет48. Тем не менее и не находясь в Берлине, Бисмарк отдыхал очень мало. Он составлял памятные записки, встречался с министрами, готовил законопроекты и проталкивал статьи в официальную прессу. К примеру, 6 ноября официальные газеты как по команде обрушились на партию Центра за то, что она игнорирует мирные инициативы Льва XIII и Бисмарка. «Провинциелль корреспонденц» писала:

…

«Ее странное поведение проистекает из характера, состава и настроений руководства партии Центра, которая многие годы выдавала себя за представителя интересов германских католиков, но в действительности преследовала политические цели, не имеющие ничего общего с подлинными интересами Римской католической церкви»49.

Последующие годы Бисмарк пытался вбить клин в трещину, образовавшуюся между римской курией и партией Центра в Германии. А трещина действительно появилась. Партия Центра не желала быть агентом Ватикана и требовала автономии, на что не соглашалась курия. Бисмарк уловил трения между ними и хотел обратить их в свою пользу. Виндтхорст тоже разгадал его намерения и 11 декабря 1878 года внес законопроект, предусматривавший сохранение религиозных орденов, существовавших в Германии, и восстановление статей 15, 16 и 18 конституции рейха, гарантировавших гражданские права католиков. Виндтхорст знал, что Ласкер и левые либералы поддержат его во всех отношениях безупречное и замечательное предложение, а епископы и партия Центра сформируют мощную ударную силу. Разве могут монастыри подорвать могущественный рейх Бисмарка? В конце концов, если Бисмарк заблокирует этот скромный и разумный законопроект, то римская курия прекратит частные переговоры и открыто поддержит партию Центра. Виндтхорст разыграл свою комбинацию с такой же ловкостью, с какой это делал Бисмарк. Он умел использовать униженное

положение церкви для того, чтобы и насолить Бисмарку, и вдохновить католиков.

После выборов 1878 года у Бисмарка отпала необходимость в голосах либералов. Теперь он мог заняться проблемами протекционизма. 12 ноября 1878 года Бисмарк предложил бундесрату создать тарифную комиссию для подготовки нового законодательства. В декабре Блейхрёдер, регулярно наведывавшийся в Фридрихсру, сообщил Бисмарку и Тидеману, что американская конкуренция начинает серьезно сказываться на английской финансовой политике и, по всей вероятности, Соединенное Королевство скоро введет таможенные тарифы. 15 декабря официальная пресса опубликовала информацию о том, что Бисмарк направил в бундесрат пакет предложений по тарифам. Бисмарк заявил в рейхстаге, что в будущем доходы рейха должны обеспечиваться не прямым, а косвенным налогообложением. Тарифы позволят провести финансовую реформу; косвенные налоги «менее обременительные»; «другие государства уже окружили себя таможенными барьерами»; не будет ничего плохого в том, что «германские товары будут пользоваться некоторым преимуществом в сравнении с иностранной продукцией»50. Оппозиционная пресса сразу же напомнила: еще в 1875 году он заявлял, что основным источником доходов государства должны быть налоги с действительно богатых людей51. Оппозиция отметила и такой факт: косвенные налоги имеют регрессивный эффект, пенни, потраченный на булку хлеба, ценнее для бедняка, чем для богача.

Бисмарк был настроен воинственно. Тидеман 11 января 1879 года писал по этому поводу:

…

«Если его идеи относительно налоговой и тарифной политики не встретят понимания со стороны прусских министров, то он поедет в Берлин, созовет совещание в государственном министерстве и обрисует им будущий состав кабинета. Если господа не пожелают поддержать его, то он попросит их подыскать себе другое занятие и сформирует министерство из новых людей, если надо, и менее высокого ранга. Император с ним согласен»52.

Бисмарк направил также в бундесрат законопроект, предлагавший наказания за неумеренность в высказываниях в рейхстаге (так называемый *Maulkorbgesetz* —«закон намордника»). В прусском ландтаге Ласкер, выражая мнение большинства депутатов, заявил, что «свобода слова неприкосновенна, должна всегда оставаться таковой и в рейхстаге знают, как ее уберечь»53.

Бисмарку, при всем его могуществе, не удалось накинуть намордник на рейхстаг: законопроект не прошел.

19 января Макс фон Форкенбек (1821–1892), президент рейхстага, написал о своих опасениях барону Францу Шенку фон Штауффенбергу (1834–1901), лидеру баварских либералов. Как мы помним, именно их Беннигсен хотел ввести в кабинет Бисмарка. Оба политика были чересчур либеральны для канцлера. Форкенбека он называл «темно-красным»54. Форкенбек писал фон Штауффенбергу:

…

«Бисмарк навязывает свой режим с пугающей быстротой и настойчивостью, как я и предвидел. Всеобщая воинская повинность, неограниченные и чрезмерные косвенные налоги, вымуштрованный и деградированный рейхстаг, безликое и безвольное общественное мнение, обессиленное борьбой за материальные интересы. Все это, безусловно, свидетельствует о целенаправленной политике поощрения общественной импотенции, означает конец поступательного движения к конституционным свободам и в то же время несет в себе угрозу всему рейху и новой имперской монархии. Разве национал-либеральная партия не может противостоять этим угрозам, используя свою политику, программу и электорат? Мы не должны позволять, чтобы нас все глубже и глубже затягивали в трясину. Наш долг – организовывать оппозицию»55.

Людвиг Бамбергер цинично усмотрел в стремлении Бисмарка ввести протекционистские тарифы своекорыстные мотивы:

…

«Протекционизм Бисмарка зародился на почве сельского хозяйства. Промышленные тарифы – всего лишь предлог. В сфере сельского хозяйства первостепенное внимание уделяется тарифам на древесину и пиломатериалы. Как-никак он же крупный собственник лесных угодий. Сенатор Плессинг из Гамбурга, заменивший Крюгера в союзном совете, поразился горячности Бисмарка, когда заходил разговор на эту тему. Он принимал личное участие во всех переговорах, говорил долго и заинтересованно, знал во всех деталях торговлю лесом не хуже чиновника. По словам сенатора, топоры неустанно стучат в лесах Лауэнбурга, а склады забиты лесоматериалами… Бисмарк попросил доверенных советников прислать в Бад-Киссинген окончательный проект закона о тарифах, собственноручно внес коррективы в тарифные ставки по различным категориям лесоматериалов»56.

В конце февраля Бисмарк потерял еще одного давнего и верного друга. 27 февраля 1879 года умер Альбрехт фон Роон, в возрасте семидесяти шести лет. Роберт Люциус фон Балльхаузен, хорошо знавший Роона, писал о нем:

…

«Роон был совершенным образцом строгого, требовательного и сознательного пруссака. Он был наделен исключительными интеллектуальными способностями, даром организатора, непоколебимой твердостью характера и силой воли. В поведении поступал иногда поспешно и неосмотрительно, но всегда беспредельно искренне и честно»57.

Роон обладал душевной порядочностью и целостностью, которую не могли испортить ни высокий пост, ни слава и успехи. Бисмарк обязан ему своей карьерой больше, чем кому-либо еще из высокопоставленных друзей. Благодаря настойчивым рекомендациям Роона в 1859–1862 годах король дал Бисмарку шанс занять должность министра-президента, и своей верной дружбой Роон помог ему подняться на вершину государственной службы. В 1872 году больной и изможденный Роон откликнулся на просьбу захандрившего Бисмарка и взял на себя пост министра-президента Пруссии. И вот какое мнение о нем составил сам Бисмарк:

…

«Роон был самым компетентным среди моих коллег. Правда, он не очень ладил с ними. Он обращался с ними, словно это был полк, уставший от длительного марша. Коллеги со временем стали жаловаться на него, и мне пришлось снова взять на себя руководство государственным министерством»58.

Это все, что мог сказать Бисмарк о самом преданном и дальновидном из своих соратников.

7 февраля 1879 года Бисмарк объявил, что правительство намерено «в соответствии с наметками 1876 года завершить формирование системы государственных железных дорог, составляющих главную магистральную сеть»59. Четко обозначилась тенденция отхода от частного предпринимательства. 24 февраля 1879 года Конгресс германских землевладельцев, объединявший 250 крупнейших собственников земли, принял решение о протекционистских мерах.

Осталось отрегулировать проблему использования таможенных поступлений от новых тарифов. Германский рейх формально был федеративным государством. Когда министры обращались к рейхстагу, они говорили от имени «союзных

правительств», не от имени «рейха» или «Германии». Если поступления от тарифов пойдут исключительно в федеральный бюджет, то внакладе останутся «союзные правительства». Римско-католическая партия Центра пользовалась поддержкой в Баварии, католических районах Вюртемберга и Бадена и в католической Рейнской области. В этих провинциях меньше всего были заинтересованы в наращивании мощи рейха, в котором доминировала Пруссия. Когда 12 февраля открылся рейхстаг, стало совершенно ясно, что партия Центра, имевшая 94 голоса, могла и обеспечить Бисмарку, и лишить его депутатского большинства.

В результате Бисмарку пришлось искать пути сближения с Виндтхорстом. 31 марта они встретились, и Бисмарк назначил пенсию вдовствующей королеве Ганновера, проявив здравомыслие, поскольку Виндтхорст в роли адвоката представлял интересы ганноверской королевской семьи60. Бисмарк сообщил ему также о том, что он уже предложил дипломатическое признание курии в обмен на сохранение *Anzeigepflicht*, обязательства Ватикана запрашивать согласие государства при назначении епископов. Виндтхорст ответил: он и его друзья «не получили еще от курии никакой информации о содержании переговоров, и потому им пока нечего сказать по этому поводу». Тем не менее Бисмарк и Виндтхорст обоюдно подтвердили необходимость в таможенных тарифах61.

Примерно в это же время, 8 апреля 1879 года, французский посол Сен-Валлье отправил министру иностранных дел Ваддингтону депешу, которую мы не можем не процитировать, так как в ней содержится занимательная оценка роли парламентаризма в рейхе Бисмарка:

…

«Распространенная ошибка среди тех, кто недавно в Берлине, и поверхностных созерцателей принимать за чистую монету существующую здесь парламентскую систему. Пообвыкнув, они быстро начинают понимать, что это всего лишь привлекательные декорации, украшенные всякого рода побрякушками, создающими видимость парламентаризма и конституционализма. Вроде бы правила соблюдаются, партии функционируют, в коридорах суматоха, идут жаркие дебаты, проходят шумные сессии, одерживаются победы над правительством и даже над могущественным канцлером (правда, по самым второстепенным вопросам). У вас действительно возникает иллюзия серьезности обсуждения и огромной важности голосования. Однако на заднем плане, за сценой в самые решающие моменты всегда появляется

указующий и повелевающий перст императора или канцлера. Их поддерживают главные охранные силы нации: армия, чье послушание доведено до фанатизма, бюрократия, вышколенная рукой мастера, не менее подобострастная судебная система и население, настроенное иногда скептически и даже критически, но давно привыкшее гнуть спину перед высшей властью»62.

Легче всего сделать вывод об авторитаризме в Германии, но он будет упрощенным. Парламентаризм все-таки существовал и ужом пытался вырваться из мертвой хватки Бисмарка. Долголетие короля-императора Вильгельма I не было безграничным. Если бы он умер до 1887 года, то в Германии вполне могла начаться эра парламентского суверенитета. Монарх-реакционер и блистательный политик сообща смогли этого не допустить.

В апреле Виндтхорст ездил в Вену к своим ганноверским клиентам и там 20 апреля 1879 года встретился с нунцием, архиепископом Людовико Якобини, который посредничал между Бисмарком и Ватиканом. Виндтхорст тогда сказал нунцию: «Бисмарк могущественнее короля Вильгельма и всей династии. Никто не в состоянии справиться с ним». «Второй Валленштейн», – добавлял потом историк Клопп. «Даже сильнее», – считал Виндтхорст63.

Когда в конце апреля 1879 года Виндтхорст вернулся в Берлин, его ожидал сюрприз. Впервые Бисмарк пригласил его прибыть 3 мая на парламентский *soire*(званый вечер) в дом на Вильгельмштрассе, 76. Депутаты католической партии Центра никогда не удостаивались такой чести, и у входа в особняк собралась пресса, чтобы разузнать причины особого внимания к язвительному гному. Бисмарк принял его радушно, но пролил пунш на белоснежный жилет Виндтхорста и, к изумлению Виндтхорста и столпившихся вокруг зевак, начал вытирать пятно скатертью. Ввиду глубокой неприязни Бисмарка к своему оппоненту в его жесте можно было усмотреть аналогию с фрейдистской оговоркой, выдающей тайные побуждения человека. Когда маленький человечек появился на ступенях, журналисты поинтересовались: как его встретили? Виндтхорст ответил иносказательно: « *Extra Centrum nulla salus*»64. Для тех, кто незнаком с католическими догмами, эта фраза требует пояснения. Один из традиционных католических догматов гласит: « *Extra ecclesiam nulla salus*» – «Вне церкви нет спасения». Обыгрывая эту сентенцию, Виндтхорст дал ясно понять, что Бисмарк ничего не добьется в рейхстаге без поддержки партии Центра – «без партии Центра нет спасения». Каноник Франц Кристоф Игнац Моуфанг (1817–1890), непримиримый ультрамонтан и яростный теолог-консерватор, ужаснулся, узнав о

спектакле с рандеву между Виндтхорстом и антихристом Бисмарком65:

...

«Изгнанные и разоренные епископы, затравленные и замученные священники, истые католики, узнавшие из газет о миловании герра Бисмарка и герра Виндтхорста, не понимают, как гонитель церкви может быть одновременно и другом герра Виндтхорста»66.

Благочестивый каноник, очевидно, подзабыл старую народную притчу: чтобы ужинать с дьяволом, надо иметь длинную ложку.

9 мая 1879 года Эдуард Ласкер, выступая в рейхстаге, обвинил Бисмарка в том, что он проводит «финансовую политику, выгодную имущим классам». Бисмарк ответил в гневе:

...

«Я с не меньшим основанием могу заявить, что герр депутат Ласкер проводит финансовую политику, выгодную неимущим классам. Он относится к числу тех господ, на всех стадиях прохождения нашего законодательства формирующих депутатское большинство, о котором в Священном Писании сказано: "Они не сеют и не жнут, не прядут и не ткут, но все они одеты"»67.

Стих из Священного Писания в действительности звучит совсем по-другому. Бисмарк процитировал стих 26 главы 6 Евангелия от Матфея: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» [91] Бисмарк продолжал высказываться по адресу Ласкера в таких резких выражениях, что президенту рейхстага пришлось звякнуть колокольчиком и предложить ему перейти на парламентский язык. Бисмарк, еще больше разъярившись (*wtend*), окончательно вышел из себя:

...

«Что означает этот звонок? В палате полнейшее спокойствие… Я глава исполнительной власти рейха, и я здесь присутствую как президент бундесрата. Президент рейхстага не имеет права одергивать меня. Он не должен прерывать меня и делать мне предупреждения, как это случилось сегодня. В конце он может раскритиковать и меня, и других членов бундесрата и даже пожаловаться на них. Но если он продолжит дисциплинировать меня в таком же духе, то он сделает еще один шаг к роспуску парламента»68.

Разгорелись жаркие дебаты. Только на сессии рейхстага выступили 155 ораторов, не считая дискуссий в комитетах. Споры

возникали в отношении и товаров, подлежащих обложению тарифами, и ставок, и условий. Особенно депутаты препирались по поводу положения, выдвинутого парламентским лидером партии Центра бароном Георгом фон унд цу Франкенштейном (1825–1890), возглавлявшим комиссию, разрабатывавшую законопроект о покровительственных тарифах. Суть его предложения, получившего название «оговорки Франкенштейна», сводилась к тому, чтобы ограничить таможенные поступления и доходы от налогов на табачные изделия, идущие в бюджет рейха, 130 миллионами марок. Все, что будет получено сверх этой суммы, должно идти в распоряжение союзных государств. 9 июля 1879 года «оговорка Франкенштейна» была принята большинством голосов: 211 (консерваторы, свободные консерваторы, партия Центра) против 122 (национал-либералы, прогрессисты, поляки, вельфы и социал-демократы)69. Это решение имело далеко идущие последствия. Ограничив рейх фиксированной суммой таможенных поступлений, партия Центра и Франкенштейн лишили центральное правительство возможности обогатиться на экономическом буме и росте импорта после окончания депрессии в 1896 году. Как считает Найалл Фергюсон, из-за бюджетных затруднений и генеральный штаб, и военное министерство так нервничали, видя наращивание военной мощи Россией и Францией, что в июле 1914 года решили первыми нанести удар, прежде чем они сломают несчастную Германию, запутавшуюся в финансовых кризисах70. Еще один пример действия закона непреднамеренных последствий Бёрка.

26 мая 1879 года в комиссиях завершилось обсуждение тарифов, а 25 июня 1879 года Бисмарк согласился признать «оговорку Франкенштейна» как предварительное условие утверждения законопроекта. 9 июля Бисмарк последний раз выступил в рейхстаге по поводу тарифов: «Став министром, я с самого начала не принадлежал ни к одной партии и не мог принадлежать ни к одной из них. Меня ненавидели все партии и почти никто не любил. Постепенно обстановка менялась»71. Виндтхорст заявил от имени партии Центра: «Наши действия обусловлены характером самой проблемы и никакими иными причинами». Отвечая на обвинения в том, что Бисмарк одурачил его, склонив к поддержке законопроекта, Виндтхорст сказал: «Должен заметить, что тем, кто хочет меня околпачить, надо просыпаться пораньше»72. (*Дружный смех*.) 12 июля 1879 года закон о тарифах был принят депутатским большинством с преимуществом в сто голосов.

Дальше Бисмарку предстояло избавиться от ненужных министров. 29 июля 1879 года ушел в отставку Адальберт Фальк,

и его место занял махровый консерватор барон Роберт фон Путткамер, представитель одного из самых больших и влиятельных померанских юнкерских семейств и родственник жены Бисмарка. К 1880 году уже насчитывалось пятнадцать Путткамеров, имевших ранг генерала прусской армии, и 250 других офицеров самых разных чинов, больше, чем в роду Клейстов73. Роберт Путткамер носил великолепную, пышную бороду. Бисмарк позднее съязвил по этому поводу: «Если бы я знал, что он каждый день полчаса тратит на расчесывание бороды, то никогда не сделал бы его министром»74. Путткамеру нравилось слушать самого себя, а Бисмарк ерничал: «Путткамер отлично плавает. Очень жаль, что плавает он только в лужах»75.

Увольнение Карла Рудольфа Фриденталя было менее благопристойным. Фриденталь был одним из основателей бисмарковской имперской партии в 1867 году, а 19 апреля 1874 года стал министром земледелия76. Бисмарк поначалу восторгался Фриденталем, потому что он, будучи владельцем поместья, жил, подобно канцлеру, в реальном мире. Но к лету 1879 года Бисмарк уже настроился на то, чтобы освободиться от всех оставшихся в кабинете министров-либералов. 3 июня 1879 года он написал кайзеру, неплохо относившемуся к Фриденталю, в своей обычной пренебрежительной манере:

…

«Он (Фриденталь) амбициозен, а жена, видимо, еще более амбициозна, но его амбиции обращены в будущее. Он поддерживает отношения с узкой группой «будущих министров», возлагающих свои надежды на то время, когда Господь призовет на трон его королевское высочество, который назначит либеральное министерство. Среди пяти или шести кандидатов, рассчитывающих на министерские посты, Фриденталь, безусловно, самый умный»77.

На парламентском званом ужине в конце июня Бисмарк назвал Фриденталя, новообращенного лютеранина, женившегося на католичке, « *jdischen Hosenscheisser*» (евреем, наложившим в штаны, то есть трусом), и это дошло до Фриденталя. 4 июля Люциус встречался с Фриденталем, описав затем свои впечатления в дневнике:

…

«Он не желает, чтобы по нему ходили ногами. Ни при каких обстоятельствах он не допустит, чтобы его уговорили остаться. Он собирает вещи и готовится к изгнанию и прочее. Причины – ремарки Бисмарка на последнем soire , когда тот назвал

Фриденталя «семитским марателем штанов» (Hosensch), что, естественно, попало во все газеты»78.

Бисмарк назначил на место Фриденталя верного Люциуса, и 14 июля Люциус получил из дворца большой синий конверт с уведомлением о назначении министром земледелия и лесного хозяйства:

…

«Я сразу же отправился к Фриденталю, застав его в крайне опечаленном состоянии. Он еще ничего не знал и, по всей видимости, боялся, что его уволят самым неблагодарным образом. Пока я там находился, доставили два синих конверта. В одном из них он обнаружил подтверждение отставки, правда, с чином и титулом министра. В другом конверте содержался патент о дворянстве. У меня создалось впечатление, что это его вовсе не обрадовало. Позднее он отказался от дворянства»79.

Обращение Бисмарка с Фриденталем еще раз доказывает его пренебрежительное отношение к службе своих коллег. Ганс Иоахим Шёпс, выступавший в роли еврейского апологета пруссаков80, утверждал, будто Бисмарк назвал Фриденталя *«jdischen Hosenscheisser»*только потому, что он отказался стать министром внутренних дел. Кроме Шёпса, никто более не ссылался на подобное обстоятельство. Но даже если в его версии и есть какая-то правда, то разве можно извинить столь вульгарное и отвратительное обхождение с уважаемым коллегой? В действительности вся вина Фриденталя состояла в том, что он ушел в отставку по собственному желанию, а не по желанию Бисмарка.

Либералы изгнаны из правительства. Приняты драконовские законы против социалистов, ущемляющие гражданские и политические права десятков тысяч людей. Тарифы и пошлины поставили крест на свободной торговле. Задумывались все новые схемы государственной собственности. Но Бисмарк не собирался ни останавливаться на достигнутом, ни объяснять свои замыслы. Иначе это уже был бы не Бисмарк. Напротив, он нацелился на то, чтобы продолжить борьбу против либерализма, как это следует из его письма баварскому королю Людвигу от 4 августа 1879 года:

…

«Пылкие речи Ласкера и Рихтера, обращенные к неимущим классам, столь ясно обнажают революционность этих депутатов, что для сторонника монархической формы правления какое-либо сотрудничество с ними более невозможно… Эти образованные господа не имеют ни собственности, ни фабрик, ни ремесла. Эти

господа вызывают революционное брожение умов, направляют в парламенте прогрессистов и национал-либералов. По моему безыскусному мнению, главная задача консерваторов сейчас состоит в том, чтобы раздробить эти фракции»81.

Либералы же отстаивали стандартные ценности: уважение законов, свободу слова, защиту от произвола, свободу вероисповедания, прессы, познания и научного исследования – все те свободы, вписанные в прусскую конституцию 1850 года и не включенные Бисмарком в конституцию рейха 1870 года. Эти люди представляли опасность как носители революционных идей не столько для «монархических принципов», сколько для тирании самого Отто фон Бисмарка.

В августе 1879 года царь Александр II пожаловался на политику Германии сначала послу фон Швейницу, а потом и кайзеру. Бисмарк отреагировал тем, что устроил встречи с австрийским министром иностранных дел графом Дьюлой фон Андраши (1823–1890) в Бад-Гаштейне 27 и 28 августа. Официальная пресса сообщила о том, что состоялись «конфиденциальные переговоры», но не дала никаких комментариев82. Андраши представлял «западников» при дворе Габсбургов – крупный венгерский магнат, боровшийся вместе с Кошутом за либеральную, независимую Венгрию, скрывавшийся одно время в Англии, которую боготворил, автор «дуалистической монархии» в 1867 году, системы, предоставлявшей Венгерскому королевству равные права с Австрией. Как пишет его биограф, Андраши искал в Берлине *Rckendeckung*(прикрытие для спины)83, и если посмотреть на структуру европейской политики, то станет ясно – почему. Мадьяры распоряжались судьбой семнадцати миллионов человек (мадьяров, немцев, словаков, сербов, румын), но никогда не составляли большинства населения «королевства Венгрии», как страна снова стала называться в 1867 году. Им приходилось отстаивать свои права в борьбе и против австрийцев, особенно тех из них, кто добивался больше прав для славян монархии, и против славян как внутри монархии, так и за ее пределами. Неудивительно, что мадьяры породы Андраши искали в Берлине поддержку в противостоянии с этими силами. Дуализм позволил Венгрии стать великой державой, и Андраши хотел закрепить этот статус. Австро-германский альянс мог оказаться серьезным подспорьем.

Бисмарк также пришел к пониманию необходимости альянса с Австрией для безопасности Германии. 7 октября 1879 года он писал уже после заключения австро-германского альянса:

…

«Я успешно завершил то, что хотел бы назвать первым этапом своей стратегии безопасности, – создал барьер между Австрией и западными державами. Несмотря на летние облака, которые скоро рассеются, я нисколько не сомневаюсь в том, что мне удастся осуществить и второй этап – реставрировать «Союз трех императоров», единственную международную систему, которая может обеспечить мир в Европе»84.

Но вначале возникли проблемы, когда Вильгельм I категорически отказался поддержать замыслы Бисмарка. Он любил своего племянника, царя Александра II, сына любимой сестры Шарлотты. Он вырос в эру Наполеона, когда Российская империя разгромила Бонапарта, освободила Пруссию и сохранила подлинные консервативные ценности. 31 августа Бисмарк говорил с императором, который не разрешил ему ехать в Вену, и канцлер писал фон Бюлову: «Своим запретом ехать в Вену Вильгельм довел меня до нервного расстройства»85. Началась очередная психодрама. Бисмарк всегда падал духом, если кайзер не соглашался с ним или бранил его. Эти психические коллапсы имели реальные соматические последствия: он мучился бессонницей, приступами бешенства, несварением желудка, его донимали невралгия и боли в лице. Бисмарк писал Радовицу: «Я еще не полностью оправился от негативных воздействий на мое здоровье аналогичных трений, возникавших в Никольсбурге и Версале, и сейчас мое самочувствие настолько никудышное, что я и думать не могу о делах в подобных обстоятельствах»86.

Тем не менее делами он занимался. 3 сентября кайзер навестил царя в его охотничьем домике в Александрово в русской Польше для урегулирования трудностей, а Бисмарк в это время продолжал вести переговоры об условиях альянса с Австрией. По своему обыкновению, он разыгрывал и другую карту. 16 сентября 1879 года Бисмарк поручил графу Мюнстеру, германскому послу в Британии, прозондировать у Дизраэли возможности заключения англо-германского альянса. Судя по всему, Мюнстер недостаточно ясно и толково изложил положительный ответ Дизраэли, поскольку на полях его депеши Бисмарк пометил: *«Sonst nichts?»*(«И это все?») Бисмарк не стал развивать британский вариант, видимо, не придавая ему серьезного значения87.

Несмотря на сомнения императора, Бисмарк все-таки поехал в Вену, где его принимали так, как сегодня чествуют только самых популярных медийных звезд. Толпы восторженных людей встречали его на железнодорожных станциях, сопровождали экипаж на улицах Вены. За два дня – 23 и 24 сентября 1879 года – Бисмарк и Андраши обсудили и подписали договор,

предусматривавший всего лишь несколько обязательств. Если одна из сторон подвергнется нападению России, то это послужит *casus foederis*, то есть поводом для вмешательства другой стороны. Если одна из сторон подвергнется нападению иной державы, то другая сторона займет позицию благожелательного нейтралитета, при условии если Россия не поддержит агрессора. Если это произойдет, то союзник должен вступить в войну. Положения договора были сформулированы так, что Австрия не обязывалась вовлекаться во вторую франко-германскую войну из-за Эльзаса и Лотарингии. Бисмарк хотел большего, но Андраши не поддался нажиму. Бисмарк даже рассердился, угрожающе надвинулся всей своей массой на австрийца и предупредил: «Либо соглашайтесь, либо…» Но Андраши молчал, и Бисмарк, расхохотавшись, закончил фразу: «Либо мне придется согласиться с вами»88. Официальная «Провинциелль корреспонденц» отметила похвальный и одобрительный тон статей в венских газетах, комментировавших новый австро-германский союз89.

25 сентября Бисмарк вернулся в Берлин и имел очень трудный разговор с императором. После долгого и эмоционального обмена мнениями кайзер сдался, заявив с горечью: «Бисмарк нужнее, чем я»90. 29 сентября Бисмарк два с половиной часа докладывал о договоре с Австрией прусскому кабинету, и Роберт Люциус фон Балльхаузен, теперь министр земледелия, слушая канцлера, испытывал такое же восхищение, какое изведал в 1873 году Штош. Люциус написал: «Бисмарк буквально пленил весь кабинет… Все министры единодушно поддержали австро-германский альянс как возродившийся Германский союз в новом, более современном формате»91. 5 октября Бисмарк провел еще одно заседание кабинета. Люциус слышал, как канцлер зачитал прошение об отставке, подготовленное на случай, если император не одобрит договор с Австрией, и вспоминал потом с удовлетворением: «Его величество тем временем засыпал его утешительными знаками внимания… Между ними никогда не было серьезных разногласий за семнадцать лет совместной работы и совместных достижений. Бисмарк посмеялся над такой превосходной и благодарной памятью. Снова мир и любовь»92. Во вторник 9 октября Бисмарк уехал на длительный отдых в Варцин93. Австро-германский договор, подписанный 7 октября, так и остался тайным.

С закатом либерализма открылась другая и не самая достойная глава в германской истории – эра публичного антисемитизма, логически завершившаяся холокостом. Бисмарк причастен к этому процессу и приветствовал его. Как мы уже видели, он разделял инстинктивную ненависть прусского

юнкерства к евреям, хотя и делал исключение для некоторых евреев вроде Лассаля или в течение какого-то времени для Фриденталя, Фридберга и Бамбергера. Еще в 1811 году Людвиг фон дер Марвиц клеймил реформистское движение в Пруссии и особенно его либеральное крыло за то, что они способствуют созданию *Judenstaat*. Любой юнкер согласился бы с этим утверждением, в том числе и Бисмарк. Его друзья-пиетисты были уверены в том, что евреям не место в христианском государстве. Сам Бисмарк отказался от идеи христианского государства в пользу светского государства, но в нем глубоко укоренилось подсознательное убеждение в том, что *ein Jude*не может быть немцем (впрочем, это мнение бытует и в современной Германии). В эссе *«Das Judentum in der Musik»*(означает примерно «Еврейство в музыке»), опубликованном в 1850 году, Рихард Вагнер осветил эту проблему со своей профессиональной точки зрения, заявив – еще до Дарвина, – что еврейская раса не может быть выразителем подлинного немецкого искусства. Евреи могут лишь паразитировать на истинно немецкой склонности к созиданию и творчеству. Вагнер, подобно фон дер Марвицу и Бисмарку, тоже считал евреев воплощением торгашества и меркантилизма. Вагнер писал:

…

«В современном мире еврей в действительности уже более чем эмансипирован: он правит и будет править до тех пор, пока деньги имеют власть, которой подчиняются все наши деяния и поступки»94.

Согласно Вагнеру, «еврей» (всегда абстрактный) разлагает искусство, превращая его в рынок для торговли «продуктами творчества» (*Kunstwarenwechsel*). Эта идея, навязчивая *ad nauseam*[92] , отражает романтическое неприятие того факта, что даже гений должен уметь продавать билеты. Неприязнь к капитализму Вагнер обратил против евреев, и главными виновниками для него, конечно, были Натан Мейер Ротшильд и его братья:

…

«Нам приходится скорее сожалеть о том, что герр ф. Ротшильд оказался человеком сообразительным и не стал королем евреев, предпочтя, как известно, оставаться евреем для королей»95.

По представлениям Вагнера, «еврей» разлагает и нравственность, и культуру деньгами. Эту концепцию легко трансформировать в расистские аргументы нацизма. Связь

очевидна, хотя сторонники Вагнера ее отрицают. Мало того, «еврей» искажает чистоту языка; евреи не способны говорить на чистом немецком языке. Немецкое слово *mauscheln*переводится современными словарями как «бормотание, нечеткое произношение», но его реальное значение – «говорить, как еврей; произносить по-еврейски». И в лингвистике Вагнер проявил себя первооткрывателем:

…

«Для нашего исследования важное, нет, решающее значение имеет то впечатление, которое еврей производит на нас своей речью; это обстоятельство играет существенную роль и при осмысливании еврейского влияния на музыкальное искусство. Еврей говорит на языке нации, в которой живет из поколения в поколение, но всегда изъясняется как иноземец… Первое, что поражает наш слух, это странное и неприятное звучание голоса – скрипучее, резкое, гнусавое. Добавьте к этому употребление слов, чуждых для нашего языка, и произвольное коверканье наших фраз – такая манера говорить свойственна для невыносимо путаной болтовни (eines unertrglich verwirrten Geplappers). И когда мы слышим еврейский говор, наше внимание концентрируется на том, насколько он нам противен, а не на сути».

Изобретя в 1850 году современный антисемитизм, Вагнер опубликовал эссе анонимно. Переиздавая его в 1869 году, композитор указал свое имя: взгляды, которые он пропагандировал, уже получили широкое распространение.

Вагнер стал первым проповедником современного антисемитизма в силу того, что он, как и Ницше, отвергал свободный рынок, частную собственность, капитализм, коммерцию и социальную мобильность – то есть те же самые атрибуты современного мира, которые были ненавистны и Бисмарку, и юнкерству. К ним присоединился многочисленный класс ремесленников, не признававших свободный рынок и свободу занятий промыслами, – *Gewerbefreiheit*. Ограничительный характер занятий ремеслами и промыслами сохраняется и до настоящего времени в германском *Handwerkerstand*(сословии ремесленников). Этот менталитет замкнутых цехов и гильдий проистекает из того факта, что Германия – в отличие от других стран Европы – была поделена между многочисленными мелкими политическими образованиями, чьи князья и чиновники не обладали достаточной властью для борьбы с корпоративностью. Когда Французская революция почистила мини-государства старого рейха и ликвидировала цеховщину, ремесленники остро переживали ущемление своих привилегий, и чувства

неудовлетворенности с годами не исчезли. Соответственно, антисемитизм был прежде всего присущ значительной части протестантского населения Германии, а в католических регионах он даже входил в католическую доктрину – до второго Ватиканского собора и папства Иоанна Павла II.

Самое значительное литературное произведение о жизни общества XIX века тоже внесло свою лепту в изображение омерзительного еврея. В 1855 году вышел в свет роман Густава Фрейтага *«Soll und Haben»*(«Приход и расход»), сразу же ставший бестселлером. В книге воспеваются добродетели нового германского купеческого класса. Герой Антон Вольфарт (означает «благоденствие»), честный и благородный молодой человек из простой семьи, богатеет и добивается общественного признания исключительно благодаря своим буржуазным достоинствам. Антигерой – польский еврей из Остравы Фейтель Итциг, его ровесник. В отличие от добродетельного Антона Итциг воплощает пороки: он – пошлый и подобострастный проныра:

…

«Он (Итциг) всегда знал, что сейчас ценится больше всего в обществе, как придать элемент фарса своей раболепной смиренности, раскланяться и расшаркаться самым пошлейшим образом. Он умел выдать старую латунь за позолоченное серебро, а старое серебро – за серебро высшей пробы. Он всегда покупал поношенные пиджаки, что среди адептов считалось особым шиком»96.

В объемистом романе из шести книг евреи и еврейская община представлены в таком отвратительном виде, что его можно поставить в один ряд с шедеврами нацистской пропаганды. Правда, есть и относительно положительный образ – сын босса Итцига герр Эренталь (опять подковырка – «долина почета»). Бернхард Эренталь ассимилировался и стал немцем. У Фрейтага он выведен как более или менее привлекательный персонаж – «обращенный еврей».

Но для особенно привередливых людей онемеченный еврей был еще омерзительнее, чем Фейтель Итциг: польские евреи по крайней мере сохраняли свою идентичность. В 1865 году одна из ведущих протестантских газет писала об «исправленных евреях»:

…

«Обращенный еврей имеет специфический запах и стиль поведения. Даже среди грызунов, пожирающих и пачкающих все вокруг, когда они оставляют следы своего обжорства, существуют особи с различными степенями омерзительности.

Мышь с острыми зубами не столь отвратительна, как гусеница с ее мягким и холодным тельцем на бесчисленных ножках или улитка, оставляющая за собой слизь и всегда вызывающая чувство гадливости. И та и другая поедают все, что зеленеет, и после их трапез остаются лишь голые стебли. Так и обращенные евреи обгладывают все, что еще представляет ценность в человеческой жизни, согревает душу, благоухает, радует, все прекрасное, доброе и возвышенное, и если дать им волю, то и они не оставят нам ничего, кроме костей и хвороста»97.

Разве этот образчик антисемитского менталитета не исполнен в духе нацистской пропаганды?

В финансово-экономическом буме эпохи грюндерства евреи играли далеко не последнюю роль. Показательны данные о концентрации евреев в определенных профессиях и сферах экономической деятельности, приведенные Фрицем Штерном. В 1881 году евреи составляли 4,8 процента населения Берлина, но среди писателей и журналистов их было 8,6 процента; на них приходилось 25,8 процента денежного рынка, 46 процентов оптовой и розничной торговли и грузоперевозок. В 1871 году 43 процента жителей Гамбурга зарабатывали менее 804 марок, но лишь 3,4 процента еврейского населения принадлежало к этой группе. Евреи составляли десять процентов студенчества прусских университетов, еще больше их было в гимназиях98. Петер Пульцер отметил и другие сферы со значительным представительством евреев. В 1887 году 20,4 процента прусских адвокатов были евреями. На католиков, в тридцать раз более многочисленных, приходилось лишь 26,3 процента адвокатских мест99. Евреи были убежденными сторонниками либерализма. Пульцер проанализировал партийную принадлежность евреев-депутатов рейхстага в 1867–1878 годах. Он насчитал двадцать два еврея-депутата, среди которых шесть депутатов оказались крещеными евреями вроде Карла Рудольфа Фриденталя, министра земледелия в правительстве Бисмарка. Из общего числа евреев-депутатов только один был консерватором, двое являлись членами бисмарковской имперской партии, а остальные считали себя либералами той или иной закваски.

Евреи в политике, юстиции, журналистике и университетах мозолили глаза лишь тем, кого это волновало, но евреи-банкиры и финансисты реально влияли на экономическое положение в стране. У. Е. Моссе в исследовании «Евреи в германской экономике» показал, насколько влиятельны евреи были именно в этой сфере. Они фактически господствовали в банковском частном предпринимательстве в пятидесятые – шестидесятые годы XIX века: «За исключением, к тому же сомнительным, «Гебр.

Шиклер», не существовало аналогичных банковских домов, которые принадлежали бы не евреям».

Моссе привел перечень главных германских городов и их банкиров:

…

Берлин: «Мендельсон & К°.», «С. Блейхрёдер», «Ф. Март. Магнус», «Роберт Варшауэр энд Г. К. Плаут»;

Франкфурт: М. А. фон Ротшильд, Эрлангеры, Шпейеры, Вертхаймеры, Гольдшмидты;

Мангейм: «В. Г. Ладенбург & Зёне энд Гогенемсер»;

Кёльн: «Сал. Оппенгейм»;

Гамбург: Хейны, Берены, Варбурги;

Бреслау: Хейманы;

Дрезден: Каскели;

Майнц: Бамбергеры;

Мюнхен: Хиршы, Зелигманы, Каулласы, Вассерманы100.

Евреи внушительно были представлены и среди миллионеров. Мы располагаем данными по Пруссии, поскольку в рейхе не существовало подоходного налога. Налоговые поступления за 1908 год свидетельствуют: из 29 семей, состояние которых оценивалось в 50 и более миллионов марок, девять (31 процент) были еврейскими или еврейского происхождения101. Среди шести миллионеров, возглавлявших список, двое были евреями.

Бенджамин Дизраэли, которого никак нельзя даже заподозрить в антисемитизме, с некоторой иронией описал свой визит к одному из самых богатых людей Германии, банкиру Бисмарка Герсону Блейхрёдеру, нанесенный в дни Берлинского конгресса:

…

«Мистер Блейхрёдер – великий банкир. Он был поначалу агентом Ротшильда, но прусские войны предоставили ему такие возможности, что он теперь почти догнал своего бывшего хозяина. Он выстроил себе настоящий дворец и в своем великолепном банкетном зале может принимать всех полномочных посланников и главных министров империи. Все министры присутствовали, за исключением к. Бисмарка, который сюда не приходит и появляется иногда лишь за королевским столом. Г-н Блейхрёдер тем не менее считает себя близким другом князя Б., посещает его каждое утро и, по его же словам, является единственным человеком, осмеливающимся говорить только правду его высочеству. Банкетный зал, очень просторный и величественный, занимающий

почти весь особняк, отделан всеми разновидностями редкого мрамора, а там, где нет мрамора, блестит золото. Имеется галерея для музыкантов, исполняющих произведения Вагнера, и только лишь Вагнера, чему я был очень рад, так как мне редко удается послушать этого мастера. После обеда нас провели по чудесным салонам и картинным галереям; бальный зал вполне годится для сказок, а на софе мы увидели маленькую, жалкую женщину, обвешанную жемчугом и бриллиантами. Это была мадам Блейхрёдер, на которой он женился в раннем возрасте, когда у него не было ни гроша в кармане. Она явно не подходила супругу и не соответствовала окружающему ее богатству»102.

Такая экстравагантная роскошь способна вызвать раздражение в любом обществе, но публика не обращает на это особого внимания, пока не наваливаются невзгоды. А после краха на Венской фондовой бирже кризис охватил все сферы жизни. Август Сарториус фон Ватерсхаузен в фундаментальном исследовании экономики Германии в XIX веке, не потерявшем актуальности и сегодня, приводит данные, свидетельствующие о необычайной остроте и масштабности коллапса. Номинальная стоимость 444 крупнейших компаний, котировавшихся на бирже, в 1872 году оценивалась в один триллион 209 миллиардов марок. К 1879 году они уже стоили 400 миллиардов. Между 1873 и 1877 годами обвалились промышленные цены. Стоимость вестфальского железа упала с 120 до 42 марок за тонну, рельсов и бессемеровской стали – с 366 до 128 и стального прута – с 270 до 122 марок103. Сарториус называет 1879 год «дном» депрессии. Это означало борьбу за выживание, особенно для тяжелой промышленности, чугунолитейных и сталеплавильных производств, где требовались большие капиталовложения и постоянные затраты. Для заводов они становились еще более обременительными вследствие падения цен, которые продолжали понижаться из-за ожесточенной конкуренции. Непомерная стоимость затрат вынуждала предприятия искать источники экономии, и самым доступным, естественно, был труд рабочих. На это ясно указывает вторая фаза Великой депрессии. В период между 1882 и 1895 годами число крупных компаний (51 и более работников) выросло с 9974 до 19 953, а численность наемных рабочих – с 1 610 000 до 3 040 000. Количество компаний, в которых трудилось более тысячи человек, удвоилось – с 127 до 255, а занятость увеличилась с 213 160 до 448 731 работника104.

Ганс Розенберг в классическом труде *«Grosse Depression und Bismarckzeit»*(«Великая депрессия и эпоха Бисмарка»), изданном в 1967 году, проанализировал взаимосвязь между экономическими пертурбациями и тем, что мы сегодня называем *mentalité*. Он

отметил кардинальную трансформацию антисемитизма:

…

«В период между 1873 и 1896 годами произошли революционные изменения в характере, интенсивности и функциональности антисемитизма… в масштабах, качественной реструктуризации и социальной классификации экономического антисемитизма, нарастал расовый антисемитизм и возник политический антисемитизм… Таким образом, Великая депрессия заложила основы и стала первым пиковым периодом современного антисемитизма. Затем последовал спад во время индустриализации, имевшей место между 1896 и 1914 годами и приносившей людям определенные блага»105.

Этот вывод можно проиллюстрировать зарождением нового жанра журналистики и писательства – *expos*: опубликование скандальных статей и книг, разоблачающих злодеев-евреев. В 1874 году первый такой опус напечатал «Гартенлаубе», популярный в среднем классе еженедельник. Статья называлась *«Der Brsen und Grndungsschwindel in Berlin»*(«Фондовая биржа и мошенничество грюндеров в Берлине»), и написал ее Отто Глагау (1834–1892). Запев знакомый: «Правят миром две силы – спекулянт и мошенник; под их игом задыхается и стонет цивилизованное человечество, слабнет и скудеет». Экономисты считают бумы и крахи «неизбежным злом», но забывают, что они – дело рук жуликов и проходимцев. Звезда первой величины среди них – «Бетель Генри Строусберг, сын избранного народа, выходец из польской Восточной Пруссии, где лиса и волк говорят «спокойной ночи», прежде чем слопать друг друга»106. Глагау, неплохой прозаик, описал крах румынской железнодорожной компании, основанной в 1868 году Строусбергом, герцогом Ратибора, герцогом Уйеста, графом Лендорфа, на кредит в размере 65 миллионов талеров, полученный под 7,5 процента годовых: после краха ее можно было продать менее чем за сорок. Глагау называет своего героя и антиподом Геракла: «Семит Строусберг не очистил, а завалил авгиевы конюшни нечистотами и отходами нравственного разложения»107. Глагау продолжал публиковать статьи, исполненные в том же духе, а через два года издал свое творчество отдельной книгой. Затем Вильгельм Марр (1819–1904) изобрел «антисемитизм» в памфлете *«Der Sieg des Judentums ber das Deutschtum»*(«Победа иудейства над германством»), написанном в 1878-м и опубликованном в 1879 году [93] 108.

17 марта 1879 года Генрих фон Трейчке писал Францу Овербеку, теологу-евангелисту и коллеге:

…

«Иногда я прихожу в отчаяние от того, как еврейская пресса бесчестит наш народ. Можно ли найти хотя бы одно имя, исключая Мольтке, которое не было бы оплевано и облито грязью семитской бесстыдной наглостью?»109

15 ноября Генрих фон Трейчке, поклонник Бисмарка и редактор влиятельного издания «Прейссише ярбюхер», опубликовал статью *«Unsere Ansichten»*(«Наше мнение»), обрушившись и на влияние евреев в германской общественной жизни, и на ту роль, которую они сыграли в экономическом коллапсе110. «Если *он*так написал, значит, это правда», – прокомментировал статью другой историк Теодор Моммзен, имея в виду бесспорную авторитетность суждений именитого автора111. Это же был несравненный Трейчке, самый прославленный, самый успешный и самый популярный историк своей эпохи, уважаемый депутат рейхстага, известный поэт и критик, редактор солидного интеллектуального и политического ежемесячного журнала в Германии. Трейчке представлял либеральный интеллектуальный истеблишмент, и его наскок на евреев, естественно, не остался незамеченным.

Трейчке написал пространную редакционную статью. Вначале он выразил свои взгляды на внешнеполитические проблемы – альянс с Австрией, отношения с Россией, нестабильность на Балканах – и посетовал на поражение либералов на недавних выборах в Пруссии. Посвятив этим материям десять страниц, историк переходит к основной теме. Он заявляет, что обнаружил в «глубинах народной жизни сильную и удивительную ажитацию», проявляющуюся в «страстности настроений против *Judenthum*» (еврейства. – *Дж. С.*). Но Трейчке – все-таки не Глагау, не Марр и не щелкопер с Граб-стрит, а степенный господин, цивилизованный человек, серьезный историк, и он должен соблюдать политкорректность. Он соглашается с тем, что испано-португальские евреи не создают проблем ни в Англии, ни во Франции, однако отмечает: немцам приходится иметь дело с польскими евреями, чье поведение определяется иными историческими причинами. По его мнению, евреи должны стать немцами, но историк тут же, противореча самому себе, нападает и на иммигрантов, и на тех, кто уже ассимилировался и говорит на немецком языке. Трейчке усматривает «самую большую опасность в неоправданном преобладании евреев в прессе»: «В продолжение десяти лет общественное мнение во многих городах формировалось пером евреев. Для либеральной партии стало несчастьем то, что она предоставила *Judenthum*чересчур много

вольности». Конечно, немцы многим обязаны умным иудеям, но евреи привнесли цинизм, острословие и непочтительность, способствуя деградации нравственности в обществе. Их шутки и злопыхательство в отношении религии не просто дерзки, а «бесстыдны». Трейчке делает вывод: то, что происходит, возможно, «уродливо и бесчеловечно, но это естественная реакция немцев на чужеродный элемент, захвативший слишком много места в нашей общественной жизни»112.

Антисемитизм, таким образом, добрался до верхов истеблишмента, а в скором времени им заразится и высшая аристократия – не без помощи придворного священника Адольфа Штёккера, уже начавшего выступать с проповедями против евреев и их тлетворного влияния. Одним из его слушателей был юный принц Вильгельм, будущий кайзер Вильгельм II, другим – граф Альфред фон Вальдерзе, преемник Мольтке. Придворный проповедник сеял смуту и в конечном итоге способствовал падению Бисмарка.

Все это, безусловно, отражалось на положении германо-еврейской общины. Бертольд Ауэрбах (1812–1882) был даже более известен, чем Трейчке, особенно за пределами Германии. Он происходил из ортодоксальной еврейской семьи и мог стать раввином, если бы его не арестовали за революционную деятельность. Он стал журналистом и не очень успешным новеллистом. В 1843–1858 годах Ауэрбах опубликовал четыре тома *«Schwarzwlder Dorfgeschichten»*(«Шварцвальдских деревенских рассказов»), принесших ему мировую известность. За рубежом он был так же популярен, как и Густав Фрейтаг. Его рассказы многократно переиздавались и переведены на все европейские языки113. Но этот общенациональный писатель-патриот родился евреем, что, как он понял в конце шестидесятых годов, для некоторых людей является немаловажным фактором. В ноябре, за неделю до выхода в свет пространной статьи Трейчке, Ауэрбах писал брату Якобу:

…

«Ласкера даже не выдвинули кандидатом в Бреслау. Здесь тоже развернулась подстрекательская кампания против евреев. Вчера в местной газете написали: евреи живут в домах, которые они не строили, и так далее и тому подобное. Это подстрекательство к убийству и грабежу, и нам теперь предстоит все это испытать»114.

Бисмарк не обмолвился ни словом. Нападки на евреев его устраивали: антисемитизм подрывал позиции его врагов, таких как Ласкер. Виндтхорст призывал к публичному осуждению

антисемитизма. 16 апреля в рейхстаге он вновь потребовал гарантий равных прав для всех граждан: «Я отстаиваю и буду отстаивать права католической церкви, протестантов и, не в последнюю очередь, евреев. Я требую равенства для всех»115.

Евреи пытались противостоять антисемитской агрессии. 18 июня 1880 года Блейхрёдер обратился к Вильгельму I с личным посланием:

…

«Я беру на себя смелость просить у вашего величества отеческой защиты для себя, и не только для себя, а для целого класса преданных подданных вашего величества, далеко не бесполезных граждан государства. Борьба против евреев есть и социальная борьба против собственности… Мое имя не сходит с языка христианских социальных агитаторов; оно служит не только мишенью для преследования, но и пугалом, олицетворяющим капитал, фондовый рынок, собственность, все зло… (это) начало бед страшной социальной революции»116.

В аргументации Блейхрёдера содержится верная мысль о том, что антисемитизм отражает бунт неимущих слоев против собственности. Однако в более широком плане это явление заключало в себе и возмущение насквозь консервативного общества либерализмом.

Барон Карл Константин фон Фехенбах усмотрел в антисемитской агитации средство, с помощью которого можно пресечь «культуркампф» и объединить католиков и протестантов в консервативно-социальный союз, нацеленный на борьбу против капитализма, семитизма и поощрение государственного социализма, то есть национализацию основных отраслей промышленности117. Он писал Адольфу Францу, редактору главной католической газеты *Germania*, 18 июля 1880 года: его цель – объединить «все подлинно христианские элементы на основе общей социальной программы»118.

Виндтхорст сразу же понял, что идеи Фехенбаха представляют угрозу и для его лидерства, и для его политической линии. Фехенбах отвлечет внимание не только от борьбы за ликвидацию майских законов и других помех для католиков, но и от деятельности парламентов Пруссии и рейха, в которых Виндтхорст мастерской рукой управляет партией Центра. Соответственно, когда 10 ноября Фехенбах предложил Франкенштейну и Виндтхорсту обсудить создание антисемитского союза католиков и протестантов, оба отказались119. Католик-юрист Август Рейхеншпергер, как и его брат Петер, избранный депутатом от партии Центра, вспоминал в

мемуарах: большинство католических членов парламента в то время с удовольствием приняли бы участие в антисемитской кампании. Так что угроза была реальной.

20 ноября 1880 года антисемитская агитация обсуждалась в прусской палате депутатов. Альберт Ханиель, представляя партию прогрессистов, попросил министра внутренних дел прокомментировать позицию прусского правительства в отношении петиции антисемитов. Август Рейхеншпергер вспоминал:

…

«Самым значительным последним парламентским событием были дебаты по еврейскому вопросу (die grosse Judendebatte), состоявшиеся 20 и 22 ноября (1880). Их спровоцировал запрос, сделанный Ханиелем. Жаркие дебаты разгорелись в самой партии Центра между Виндтхорстом, настроенным довольно дружески к евреям, и подавляющим большинством депутатов группы, на редкость изъявлявшим готовность присоединиться к атаке на них. Виндтхорст фактически остался в одиночестве, когда его коллеги отказались поддержать призыв к тому, чтобы католический Центр хотя бы занял позицию нейтралитета… Дебаты закончились поражением для еврейства и партии прогрессистов, чью фразеологию обращали против нее же как сторонницы «культуркампфа». После антисемитская агитация только усилилась»120.

Бертольд Ауэрбах, узнав о дебатах, заметил с грустью: «Я жил и трудился понапрасну… никогда теперь мне не избавиться от осознания той фальши, затаившейся в сердцах немцев и готовой в любой момент прорваться»121. Эса де Кейрош, португальский писатель, находившийся тогда в Берлине, искренне возмутился позицией правительства:

…

«Оно оставляет еврейскую колонию абсолютно незащищенной перед лицом озлобленности значительной части населения Германии и умывает руки подобно Понтию Пилату. Оно даже не заявляет, что будет следить за исполнением законов, призванных защищать и евреев, граждан империи. Оно лишь преисполнено намерений, столь же туманных, как утренние облака, и не желает прояснить их применительно к ситуации»122.

29 ноября 1880 года Бамбергер написал Генриетте Бельмонт:

…

«Мне нечего больше сказать об антисемитизме. Газеты

переполнены им. Характерно, что простые люди к нему не имеют никакого отношения. В нем проявляется ненависть и зависть людей просвещенных, профессоров, юристов, пасторов и прочих умников, науськиваемых реакцией и жестокостью, навязываемой сверху»123.

В декабре Виндтхорст погубил замысел Фехенбаха ловким парламентским маневром. Он внес законопроект, предусматривавший освобождение отправления таинств от уголовных преследований. «Этим предложением он ставил консервативную партию перед выбором – либо пойти на конфликт с Бисмарком, либо расписаться в пустоте собственных заявлений о стремлении к конфессиональному миру»124. Консерваторы проголосовали против законопроекта и помогли Виндтхорсту разрушить планы Фехенбаха объединить консервативных католиков и протестантов на общей социальной программе. Виндтхорст вносил это предложение снова и снова, добившись для партии Центра свободы маневра, позволившей сформировать альянс с прогрессистами на выборах 1881 года. Одновременно он доказал Бисмарку, что ему придется платить уступками в религиозных делах за те сто голосов центристов, отданных в поддержку его консервативного тарифного законодательства125.

В канун наступления нового, 1881 года толпа, участвовавшая в антисемитской демонстрации, подняла бунт, громя еврейские магазины и крича *«Juden raus!»*(«Долой евреев!») 12 января возобновились сессии ландтага, и Ойген Рихтер, блестящий парламентский оратор-либерал, которого Бисмарк ненавидел не меньше, чем «придурка-еврея Ласкера и его приспешников, этих теоретиков-бумагомарателей»126, обвинил канцлера в причастности к антисемитизму. «Движение антисемитов цепляется за фалды князя Бисмарка, и, как бы он ни отталкивал их и как бы ни заставлял свою прессу ругать их за перегибы, они зовут его и жмутся к нему, как проказливые дети к отцу»127. И он был прав. «Дебаты о евреях» отражали злостную предубежденность Бисмарка против интеллигенции, против людей, подобных Ласкеру, требовавших гарантий прав и защиты от произвола государства и диктаторов, вроде самого канцлера. В ноябре 1880 года Бисмарк писал реакционеру министру внутренних дел Роберту фон Путткамеру: «денежное еврейство» имеет «свои интересы в сохранении наших государственных институтов, и мы не можем обойтись без него», но неимущее еврейство, «прилипающее ко всякой политической оппозиции», должно быть сокрушено128.

Бисмарк сокрушил либерализм, своего подлинного врага.

Если это вредит евреям, что ж, так тому и быть. Значит, дело не столько в антисемитизме Бисмарка, сколько в его нетерпимом отношении к оппозиции. В свидетельствах его деспотизма нет недостатка. Одно из них мы находим в письме немецкого литератора Теодора Фонтане Филиппу цу Эйленбургу от 12 марта 1881 года:

…

«Бисмарк, конечно же, деспот, но он имеет право и должен им быть. Если бы он им не был, если бы он был сторонником парламентаризма и позволял определять свою политику глупейшей силе, которой является парламентское большинство, то не было бы канцлера ни у нас, ни тем более у германского рейха. С другой стороны, верно и то, что при таком деспоте могут служить только зависимые, второстепенные и третьестепенные личности, а подлинно свободомыслящий человек сочтет за благо уйти в отставку. Поступая так, свободомыслящий человек сделает то, считает правильным для себя, но и канцлер тоже имеет право делать то, что, по его мнению, правильно, и не допускать сумятицы своим действием или бездействием»129.

Что имел в виду Фонтане? Германское общество не способно достичь чего-либо самостоятельно, поскольку парламенты – «глупейшая сила», то есть мы как народ не способны чего-либо достичь лишь на основе реализации своих прав. Германия нуждается в том, чтобы ею управлял государственный деятель-гений, руководствующийся собственным видением путей развития страны. Фонтане допускает фундаментальную ошибку. Его свободный человек на самом деле несвободен: уступая деспоту-гению, он выбирает рабство, а не свободу. Свобода выбора отставки – это в действительности вовсе и не свобода. Самый проницательный аналитик своей эпохи не заметил, какой подарок Бисмарк оставил для Гитлера.

В Рождество 1881 года подлинно свободный человек Эдуард Ласкер написал политическое завещание в пространном послании романисту Бертольду Ауэрбаху, находившемуся тогда в депрессивном состоянии из-за последних событий. Холостяк Ласкер, сын ортодоксального еврея из Ярочина, стал выдающимся глашатаем прав и свобод в Пруссии и в германском рейхе. Получив юридическое образование, он всю свою жизнь посвятил борьбе за демократические права, соблюдение законности и законотворчеству. В 1868 году Ласкер, несмотря на жесткую оппозицию Бисмарка, провел в парламенте законопроект, гарантирующий свободу слова, а в 1873 году вскрыл противозаконные операции с железнодорожными акциями,

которые проводил Герман Вагенер, друг Бисмарка и первый редактор газеты «Кройццайтунг», пользуясь связями в министерстве торговли. В деле оказались замешанными князья Питбус и Бирон и отчасти министр, граф Иценплиц, попустительствовавший нарушению законности. Расследование закончилось громкими отставками, а Ласкер добился принятия законодательства, запрещавшего государственным служащим заниматься коммерческой деятельностью, связанной с их служебными полномочиями. Ласкер готовил и петицию северогерманского рейхстага, просившего в декабре 1870 года короля Вильгельма I стать императором, и парламентский ответ нового германского рейхстага на тронную речь в марте 1871 года130. В ораторском искусстве и законодательной эрудиции его, возможно, превосходил только Виндтхорст.

25 декабря 1881 года Ласкер изложил Бертольду Ауэрбаху свое видение антисемитского кризиса в Германии:

…

«Мой дорогой и старинный друг! В первый день Рождества я решил доставить себе праздничное удовольствие посидеть одному, в тишине и покое, и написать вам… В момент опасности многие в нашем германском отечестве, лучшие из них, поняли, как много вы для нас значите, и отовсюду, даже из вражеского стана в нашем обществе, вам посланы выражения симпатии и сочувствия. Эти свидетельства любви к вам должны избавить вас от меланхолии и дум, будто о вас забыли или ваше влияние на нацию игнорируется. В конце концов уродливый антисемитизм пройдет, как набежавшая туча, что, конечно, не означает окончания напряженности. Каждая революционная эпоха имеет свою конфессиональную окраску, и мы сейчас находимся посередине неистовой революции, возможно, самой неистовой из всех, что мне пришлось испытать. В отношении антисемитской агитации могу сказать только, что грязь осела и теперь лежит на поверхности… Во время выборов народ отверг антисемитизм, его отвратительные формы и мерзкое содержание, со всей определенностью, с какой это можно было сделать. Не так легко будет преодолеть другой компонент реакционной власти. Бисмарк не тот враг, которого можно недооценивать, даже если он совершает ошибки или действует сгоряча. Сейчас у нашего общества слишком много проблем, и сильное правительство, стремящееся изыскать популярные программы, может найти эффективные средства, которые после проб и ошибок его не подведут. Необходимо проявлять предельную бдительность, продуманность действий и самоотверженность, с тем чтобы праведное дело вышло из борьбы непобежденным. Под

праведным делом я имею в виду освобождение человека и искоренение ситуаций, которые человек воспринимает как предопределенные судьбой, а на самом деле создаваемые и контролируемые власть имущими»131.

Если Фонтане санкционировал диктатуру государственного деятеля-гения ради всеобщего блага, то Ласкер переоценил роль и гражданское мужество порядочного индивидуума. Немцы последовали за Фонтане в рабство, а не в рай свободы Ласкера.

5 января 1884 года Ласкер внезапно умер в Нью-Йорке после длительного и успешного лекционного тура по Соединенным Штатам. Люциус написал в дневнике 6 января:

…

«Вместе с ним ушел из жизни и один из самых выдающихся и популярных поборников парламентаризма в новом рейхе. После Бисмарка и Беннигсена он был самой известной фигурой в рейхстаге. Патриотичный, бескорыстный и переполненный идеалистическими устремлениями, он все же оказывал в большей мере деструктивное, а не конструктивное влияние»132.

Американская палата представителей приняла резолюцию: «Это тяжелая утрата не только для народа его родной страны, где идеи свободы и либерализма, которые он твердо и последовательно распространял и отстаивал, помогли улучшить социальные, политические и экономические условия жизни людей, но и для сторонников свободы во всем мире»133. Когда текст резолюции был доставлен в Берлин, Бисмарк отказался принять его и вернул отправителям. Пять министров кабинета изъявили желание принять участие в похоронах, попросив предварительно разрешение у Бисмарка. Канцлер ответил: «Самым категорическим образом нет»134.

28 января 1884 года Ласкера отпевали в знаменитой Ораниенбургской синагоге в Берлине, той самой синагоге, на освящении которой присутствовал и Бисмарк. Людвиг Бамбергер, парламентский коллега Ласкера, отметил в дневнике:

…

«Сегодня похороны. Ни одного министра, ни одного члена бундесрата, ни одного высшего государственного чиновника, нет Фридберга, нет Ахенбаха, нет даже швейцарского министра Рота – не иначе как приказ свыше. Капп произнес посредственную речь. Сегодня я выступаю в Singakademie » [94] 135.

Через месяц, 28 февраля, Бамбергер снова в телеграфном стиле записал в дневник: «Последствия оппозиции Бисмарка Вашингтону подтверждают мои выводы. Неужели он окажется прав? Человек не рождается для свободы»136. 7 марта в рейхстаге пришлось объявить перерыв из-за шумных дебатов, разгоревшихся, когда депутаты возмутились пренебрежительным отношением Бисмарка к умершему коллеге и американской палате представителей. 13 марта в рейхстаге появился Бисмарк и в час дня сделал заявление по поводу послания палаты представителей, адресованного правительству, обругав и революционеров, и республиканцев. На запрос Хенеля канцлер язвительно ответил: «Он не обязан вступать в обмен сантиментами и не может позволить, чтобы в дуэли политических эмоций его пристрелили». Затем Бисмарк выразил наилучшие пожелания либеральной партии, которую Ласкер «упорно вел по ложному пути», и добавил: «Торжественные заверения в почтении и дружбе делают политических оппонентов еще более опасными»137. Бисмарк с явным удовольствием глумился над умершим евреем, назвав его красноречие «непревзойденным, но тлетворным»138, и когда Хильда Шпитцемберг посетила канцлера через пару дней, он пребывал в прекрасном настроении: «В двенадцать я увидела его за ленчем, бодрого и оживленного, после того как он еще раз выступил в рейхстаге, который теперь называют *Gasthof zum toten Juden*(постоялым двором мертвого еврея). Парламент можно было бы назвать и *Gasthof zum toten Liberalismus*(постоялым двором умершего либерализма): со смертью Ласкера окончательно рухнули надежды на либеральный режим в Германии.

В ноябре 1881 года Бисмарк высказался по поводу «еврейского вопроса» на заседании прусского государственного министерства. Люциус так изложил содержание его ремарок:

…

«Он посчитал антисемитское движение неуместным. Оно сменило ориентиры. Он был настроен лишь против евреев-прогрессистов и их прессы, а не консерваторов. Для него даже предпочтительнее социалисты и католики, а не прогрессисты. Первые ставят перед собой невозможные цели, и с ними надо

разговаривать посредством меча. Прогрессисты добиваются возможной формы государственности – республиканской»139.

26 ноября 1881 года Бисмарк говорил Люциусу: «охота на евреев» неуместна. Он уже высказался против нее, но ничего не сделал для того, чтобы остановить антисемитов, видя, как они «мужественно нападают на прогрессистов»140. Бисмарк ни разу не осудил антисемитизм. Он, как всегда, лгал, выгораживая себя.

В феврале и марте 1880 года у Бисмарка внезапно возникли серьезные проблемы со здоровьем. 31 марта 1880 года Тидеман пришел к нему с докладом, и его не на шутку испугало тяжелое состояние шефа:

…

«Князь выглядел ужасно и еле ворочал языком. Он полагает, что прошлой ночью с ним случился удар, он почти не спал и крутился, как веретено. Штрук сказал, что у него всего лишь желудочный грипп, сковавший и язык. Княгиня сообщила, что ее муж вчера вечером поглотил неимоверное количество мороженого, залитого пуншем из белого вина, и съел шесть круто сваренных яиц. На военном совете в будуаре княгини, в котором, помимо нее, участвовали супруги Ранцау и я, мы выработали правила поведения на следующее утро. Князь чувствовал себя еще хуже, накричал на несчастного Штрука, которому пришлось удалиться в полном расстройстве. Князь за ленчем съел куриный суп, мясо и массу овощей, хотя Штрук категорически запретил употреблять все это, как и прогулки под дождем в саду. Теперь князь сидит у камина одинокий, злой и раздраженный и не желает никого видеть, кроме своих собак»141.

Нездоровье усугубило иррациональность в поступках Бисмарка. 3 апреля 1880 года собрался бундесрат (союзный совет, которому Бисмарк уготовил роль послушного законодательного органа) для того, чтобы рассмотреть законопроект о гербовом сборе – не самый популярный проект в парламентском календаре. Совет начал с обсуждения тех положений, которые больше всего не нравились малым государствам вроде княжеств Рёйсс старшей линии (население 72 769 человек в 1910 году) и Рёйсс младшей линии (население 139 210 человек), которые даже не могли содержать послов в Берлине и поручали свои дела соседям. Малые государства особенно не устраивало положение, предусматривавшее облагать гербовым налогом почтовые переводы и авансы, вносившиеся на почтовые счета. Результаты вотирования были предсказуемы. Союзный совет отверг это предложение большинством голосов – 30 против 28142.

Бисмарк, естественно, разъярился. Тидеман, как обычно,

отправился в Фридрихсру обсудить с шефом текущие дела, прибыв на место 4 апреля. Слуга разбудил его спозаранку, сообщив, что князь желает видеть его в десять часов – время для Бисмарка совершенно неурочное. Канцлер опять был в отвратительном настроении. Он снова не спал в нервном возбуждении и поднялся в девять. Когда Тидеман вошел к нему, Бисмарк сидел за письменным столом и делал заметки из *«Almanach de Gotha»*(«Готского альманаха»). Он тут же сказал Тидеману: в тридцати государствах, заблокировавших проект, проживает семь с половиной миллионов человек; они противопоставили себя остальным 38 миллионам. Это противоречит духу конституции и не должно больше повториться:

…

«Он поручил мне подготовить текст прошения об освобождении от занимаемой должности. Главная идея – он не может ни поддержать решение большинства, вотировавшего против Пруссии, Баварии и Саксонии, ни обратиться к рейхстагу как представитель меньшинства в бундестаге на основе 9-й статьи конституции рейха…

Мало того, в сильнейшем раздражении он потребовал отправить прошение об отставке кайзеру как можно скорее, а в вечернем выпуске официальной газеты «Норддойче альгемайне цайтунг» опубликовать сообщение об отставке»143.

Адская смесь неистового характера, обжорства и ипохондрии разрушала психику. В моменты озлобления он мог совершить любое опрометчивое действие, каким и было решение подать в отставку по совершенно пустяковому поводу. Он пригласил к себе соседа, постоянного участника собраний на Вильгельмштрассе, 76 барона Карла Гуго фон Шпитцемберга, посланника Вюртемберга при бундесрате, и попросил его «разрешить возникшие затруднения». Разговор, как засвидетельствовала Хильдегард в дневнике 6 апреля 1880 года, превратился в перебранку:

…

«Все это было бы смешно, если бы не было так грустно. Князь нездоров, и никто в его окружении не хочет ему помочь. Напротив, они действуют ему на нервы, иногда бессознательно, а иногда из желания втереться в доверие или из-за страха. Конечно, в отставку он не уйдет, все это знают и понимают, что это всего лишь пустая угроза, а предлог – выеденного яйца не стоит. Карл очень рассердился и все ему высказал»144.

Но Бисмарка уже ничто не могло остановить, и «буря в стакане», как Тидеман назвал правительственный кризис,

затеянный Бисмарком, начала набирать обороты. Малые государства нервничали. Посланники, как им и положено, суетились. Кайзер не принял отставку, и пресса предположила, что Бисмарк сделал очередной хитроумный ход. Так или иначе, его маневр сработал. 12 апреля 1880 года бундесрат пересмотрел свое решение и одобрил гербовый сбор с почтовых переводов и предоплаты счетов в почтовых отделениях. Рейх пережил кризис. Но он стал еще одним подтверждением нарастающей эмоциональной и психической нестабильности Бисмарка. «Князь едет к королю Саксонии и очень недоволен тем, что король не приехал к нему», – записал Тидеман в дневнике 13 мая 1880 года145. В конце концов, много ли значил для него сюзерен крошечного королевства? Он ни во что не ставил своих подчиненных и министров, обладал такой властью, что на него мог повлиять лишь один император. Он с ходу отметал все, что ему не нравилось. Князь перестал совершать конные выезды, изнемогая под грузом неотложных дел. Добираться до Фридрихсру из Берлина было легче, чем до Варцина, и чиновники целыми днями отирались в его доме. Не избавился он и от переедания. Тидеман написал жене в октябре 1880 года:

…

«Я прогулялся с графиней Марией (Ранцау, дочерью Бисмарка. – Дж. С .) перед тем, как принять участие в обеде, который состоял, помимо десерта, из шести полноценных блюд. Ничего не изменилось. Здесь мы можем есть, пока животы не лопнут»146.

И завтрак был нисколько не легче:

…

«Мы поднялись в девять и в десять позавтракали: ростбиф, бифштекс, оленина, пудинг и т. д. и т. п.»147.

Иррациональное поведение Бисмарка не оставалось незамеченным. Граф Удо цу Штольберг-Вернигороде (1840–1910) – человек выдержанный, аристократ из аристократов, женатый на дочери Арнима-Бойценбурга и имевший родственные связи с семейством фон дер Шуленбургов, всегда был убежденным консерватором. Неудивительно, что он счел необходимым пожаловаться Тидеману на нетерпимость такого положения, когда рейхсканцлер не желает вникать в проблемы консерваторов и собственной же имперской партии, всегда готовой его поддержать148.

У самого Тидемана тоже сложилась «нетерпимая ситуация». Бисмарк заставлял его работать до изнеможения. В эпоху, когда не существовало ни телефона, ни пишущих машинок, ни

ксероксов и факсов, Тидеман часами и целыми днями переписывал тексты, надиктованные Бисмарком, составлял проекты писем и законов, расшифровывал заметки, сделанные им на сессиях и во время бесед. Словно специально для историков, прилежный Тидеман аккуратно подсчитывал и сколько страниц он исписывал в день, и сколько раз трапезничал с канцлером (133 раза в 1879 году)149. Кроме того, ему приходилось подолгу жить в поместьях Бисмарка – в Варцине или Фридрихсру – неделями не видеть жену и детей, а когда Бисмарк решал осчастливить столицу своим присутствием, он должен был развозить по всему Берлину срочные депеши и документы. Шесть лет терпел жизнерадостный и расторопный Тидеман ипохондрию и бессонницу Бисмарка, его жуткий характер, постоянные смены настроений и обильные трапезы, но они не прошли бесследно. Он тоже лишился сна и скучал по семье. Супруга однажды даже послала в дом Бисмарков приглашение «господину *Oberregierunsrat*[95] Тидеману на чай к 20.00 (во фраке)». Бисмарки немало подивились этому посланию, но сам он понял, что его близким отношениям с канцлером приходит конец:

…

«Есть что-то завораживающее в жизни рядом с великим человеком, в том, чтобы вовлекаться и быть поглощенным его мыслями, планами и решениями, в определенном смысле раствориться в его индивидуальности. Однако в таком случае ты рискуешь потерять собственную индивидуальность. Я жаждал свободы передвижения, независимости в действии, самостоятельной деятельности и творчества… Когда весной 1881 года я напомнил ему об обещании найти для меня подходящую должность, он разгневался, наговорил мне много резких и злых слов, обругав меня за то, что я только и думал о том, как уйти от него. Это был первый и единственный раз, когда он разговаривал со мной в таком тоне. Эта стычка лишь подкрепила мою решимость уйти из канцелярии рейха»150.

Бисмарк, конечно, не мог представить себе более важного и интересного занятия, чем работа под его началом. Нет ничего важнее служения Бисмарку. С большой неохотой канцлер все-таки нашел для Тидемана подходящую должность и отпустил его.

Бисмарк действительно не признавал ничьих достоинств, он даже не уделял должного внимания монаршим персонам. Прочувствовать на себе непочтительность Бисмарка 20 апреля 1880 года довелось и королю Саксонии Альберту:

…

«Когда король выразил иное мнение, выражение лица Бисмарка переменилось, и король сразу же сник. Несчастье Бисмарка, говорил потом король, в том, что он не способен выслушивать противоположные мнения, подозревая в них скрытые мотивы. Так случилось и во время прохождения закона о гербовом сборе, когда никто и не догадывался о том, насколько он важен для него. Все подчиняются его воле, и кайзер в первую очередь»151.

Заносчивость Бисмарка все же обернулась и ему боком. 4 июля 1880 года Люциус с прискорбием записал в дневнике, что окончательное голосование по церковной политике закончилось крахом и основные статьи законопроекта были отклонены:

…

«Во всем виноват князь, с раздражением отвергавший малейшую критику. Единственным результатом стало всеобщее недовольство друг другом и правительством… В бундесрате тоже прошли возбужденные переговоры… Князь обрушился на министра Хоффмана и генерала-почтмейстера Штефана с такой яростью, будто собирается обоих выгнать. Причина его раздражительности – законопроект о гербовом сборе»152.

«После использования выбросить» – этот принцип был главным в отношениях Бисмарка со своими подчиненными. Бисмарк ликвидировал офис канцлера рейха, создав взамен аппарат «статс-секретарей», выглядевший как имперский кабинет, но лишь внешне. На самом деле не было никакой коллегиальности, статс-секретари подчинялись только Бисмарку, а не императору и не несли никакой ответственности перед рейхстагом. Теперь в его распоряжении имелись советники и руководители департаментов, которых он мог уволить в любое время, игнорировать или делать вид, будто они обладают реальными полномочиями, если возникала необходимость свалить на кого-нибудь вину, когда дела шли не так, как надо. Граф Фридрих Вильгельм фон Лимбург-Штирум (1835–1912) заметил цинично: «Бисмарк ведет себя с подчиненными, как Дон Жуан с любовницами. Сначала он их обласкивает, а когда они попадают в его сети, прогоняет, нисколько не заботясь о том, как они будут жить дальше»153. Правда, отставные министры Пруссии могли рассчитывать на два утешительных приза: фрак с узорами и эполетами154 и пожалование титулов и орденов королем, смущенным тем, как несправедливо обошелся с ними министр-президент.

В апреле 1881 года семейную жизнь Бисмарков омрачила скандальная история, вскрывшая не самые лучшие черты в характерах Отто и Иоганны и ранившая душу их старшего сына.

Герберт фон Бисмарк родился 12 декабря 1849 года и стал для отца самым преданным учеником и личным секретарем. После обязательной воинской службы – в аристократическом первом гвардейском драгунском полку – он занялся «семейным бизнесом»: поступил в 1874 году на работу в министерство иностранных дел и, как сын босса, быстро продвигался по служебной лестнице, хотя никто и не сомневался в его дипломатических способностях. Эберхард фон Фич написал о нем в энциклопедии «Национальная немецкая биография»: «Он всегда следовал наставлениям отца и полностью подчинился его воле»155. Герберт подолгу жил с родителями в Варцине и Фридрихсру и вместе с Кристофом Тидеманом был для Бисмарка самым доверенным помощником. Каким-то образом он повстречался и безумно влюбился в княгиню Элизабет фон Каролат-Бейтен (1839–1914), самую умную, самую красивую и самую заметную женщину в высшем обществе Берлина. Князь Филипп цу Эйленбург-Хертефельд (1847–1921) хорошо знал и Герберта, и Элизабет и одно время тоже был в нее влюблен. Он писал о княгине:

…

«Княгиня Элизабет полюбила Герберта всем сердцем. Натура чрезвычайно разносторонняя и одаренная. Очень красивая женщина, тщеславная, в той мере, в какой тщеславны все красавицы, но слишком умная, чтобы кичиться своими достоинствами. Она живо интересовалась искусством и была необычайно музыкальна. Гордая и элегантная, она прошла тяжелую школу жизни в доме отца, где царили самые недидактические правила»156.

Сын Бисмарка и Элизабет полюбили друг друга в 1879 году, и Герберт уговорил ее развестись с мужем, Карлом Людвигом цу Каролат-Бейтеном, силезским князем и знатным сеньором, с которым Элизабет жила несчастливо. В 1881 году развод был оформлен, и Герберт наконец мог бы насладиться совместной жизнью с возлюбленной, которая была на десять лет старше его, разведена и к тому же католичка – скажем прямо, не очень удачный вариант супруги для дома в Варцине. Об их связи заговорили в обществе, о ней наконец раструбила «Фоссише цайтунг», либеральная ежедневная газета, ненавидевшая Бисмарка. Уже несколько лет в Берлине жил и писал заметки для датчан знаменитый датский критик и литератор Георг Брандес (1842–1927). 15 марта 1881 года он сочинил большую статью на тему о том, что Бисмарк «никогда еще не был столь непопулярен в среде образованного среднего класса, как сейчас». Особенно «всем надоели его приступы раздражительности и симптомы

нервного расстройства». Критик заодно процитировал и зловредный пассаж из «Фоссише цайтунг»:

…

«Член рейхстага князь Каролат-Бейтен попросил предоставить ему длительный отпуск для отдыха в своих поместьях. Княгиня Каролат появилась в Мессине, в Сицилии. Граф Герберт Бисмарк недавно уехал из Берлина. Сведения о том, что он отбыл со специальной миссией, не подтвердились»157.

Публичный скандал досаждал Бисмарку, но во всей этой истории для него было еще одно неприятное обстоятельство, сыгравшее свою роковую роль. Сестры Элизабет вышли замуж за «врагов» Бисмарка. Легендарная салонная хозяйка Мария, которую все звали Мими, была женой Александра фон Шлейница, в 1861 году служившего у Бисмарка министром иностранных дел, а другая сестра – женой барона Вальтера фон Лоэ (1828–1908), генерал-адъютанта кайзера, единственного католика, удостоившегося в имперской Германии звания фельдмаршала158. Уже из-за одних этих браков Элизабет не могла быть супругой Герберта. Ее семейство принадлежало к «контре», собравшейся под крыло императрицы Августы, и Бисмарк называл эту компанию «кликой Гацфельдта-Лоэ-Шлейница». Ни один из его сыновей не должен был даже контактировать с этими «супостатами», и суровая Иоганна полностью разделяла мнение своего великого спутника жизни. Иоганна заявляла: «Я скорее себя порешу, чем сяду за один стол с Лоэ, Шлейницем и Гацфельдтом»159.

Получив развод, Элизабет Каролат отбыла в Венецию, куда обещал приехать и Герберт, чтобы там обвенчаться. Весь апрель 1881 года Герберт метался между своей любовью и непреклонностью родителей. Он тянул с отъездом в Венецию, и у Элизабет случился нервный срыв. 14 апреля она писала Филиппу Эйленбургу: «Я была так больна, что возникли опасения за мою жизнь, и сейчас я еще настолько слаба, что не могу сделать и двух шагов»160. Бисмарк попытался откупиться. 23 апреля княгиню навестил итальянский агент Блейхрёдера. Элизабет с презрением отвергла предложение, о чем агент и уведомил своего босса телеграммой: «Княгиня Каролат не желает вмешательства третьей стороны. Князь Бисмарк может обратиться к ней напрямую»161. 28 апреля Герберт решил поговорить с отцом, лишь разозлив его еще больше. Он сообщил Бисмарку, что намерен все-таки поехать в Венецию и жениться на Элизабет. Отец же ответил ему в своей обычной манере – угрозами: он наложит на себя руки, умрет от разрыва сердца… Бисмарк пообещал применить и практические

административные меры. Герберт писал Филиппу Эйленбургу 31 апреля 1881 года:

…

«Пока мне запретили покидать службу. Я не могу жениться без позволения (по закону после развода должны были пройти десять месяцев). Я должен помнить и о том, что мне нечего предложить княгине, поскольку в соответствии с законом о праве первородства, недавно измененном с одобрения императора, сын, женившийся на разведенной женщине, автоматически лишается наследства. У отца два больших поместья, и ни одно из них мне не достанется. Конечно, все это не будет иметь для меня никакого значения, если я умру после разрыва с несчастными родителями»162.

Герберт так и не поехал в Венецию, и чувства в нем, очевидно, погасли. Эберхард фон Фич предполагает, что в борьбе с волевым отцом он не мог не сломаться. Кроме того, Герберт вообще отличался «грубым и презрительным отношением к людям»163. В дневниковой записи, сделанной в первый день 1888 года, Хильдегард Шпитцемберг дала нелестную характеристику и Герберту, и другому сыну Бисмарка – Биллу:

…

«Сыновья заимствовали свою известность и блистательность у родителей, но сами они были до чрезвычайности охотливы к удовольствиям, грубы, материалистичны, привыкли пользоваться правом сильного, не обладали тягой ни к чему прекрасному, просвещенному и гармоничному. Их любовь к животным заслуживает одобрения, но княгиня, часто заводившая разговор о Герберте, сетовала на его цинизм, очень ее тревоживший, и высказывала пожелание, чтобы он поскорее женился»164.

Герберта испортило «общество». Но и сам он повел себя не по-джентльменски. Он фактически обесчестил красивую, благородную женщину, полностью ему доверившуюся. Герберт не выполнил обещание жениться, что расценивалось как правонарушение. Он оказался трусливым, корыстным и бесчувственным человеком. Генерал фон Лоэ выразил свое мнение с солдатской прямотой: «Если бы Герберт не был сыном всемогущего Бисмарка, то он предстал бы перед судом чести, и это было бы его последнее действие»165. Бесчеловечность отца передалась, разрушив нравственность, и сыну, пополнившему список жертв гения с извращенной и расстроенной психикой. Филипп Эйленбург, знавший всех участников трагедии, заключил, что Бисмарк совершил ужасную и непоправимую ошибку:

…

«Погубив в сыне любовь и надежду на счастье, он лишил его самоуважения, вселил в когда-то светлую и неомраченную душу пессимизм и презрение к человеку, которые неизбежно нанесут вред его будущему. Помешав сыну и деморализовав его натуру, князь нанес ущерб и собственному будущему гораздо более серьезный, чем он мог ожидать. Теперь ему никогда не избавиться от душевных мук и чувства вины»166.

Грубость, чванство и бесчувственность Герберта в дальнейшем действительно подорвали позиции отца, ускорили завершение как собственной, так и отцовской карьеры. Приведу лишь один пример несносного поведения Герберта, ставшего заместителем отца на посту статс-секретаря по иностранным делам. Эпизод, имевший место в декабре 1886 года, описал в дневнике Вальдерзе:

…

«В четверг граф Лерхенфельд, баварский посол, давал обед в честь принца Луитпольда. Во главе стола сел Герберт Бисмарк, возвысившись над фельдмаршалом, Штольбергом, Путткамером, Бёттихером и прочими. Он объяснил это тем, что канцлер потребовал, чтобы на дипломатических мероприятиях первенствовал статс-секретарь по иностранным делам. Непременно будет скандал. Мольтке объявил, что он больше не появится на дипломатических приемах. Странно, что Герберт взял на себя смелость играть главную роль. Будь он более разумным человеком, ему бы и в голову не пришло сделать это. Теперь же он всех настроил против себя»167.

Безусловно, Бисмарк переживал за сына, зная, что обошелся с ним жестоко. Вильгельм фон Кардорф писал Блейхрёдеру: «Похоже, у нас начались недомогания в политических делах из-за венецианской истории Герберта. По крайней мере она стала причиной возобновившихся хворей канцлера»168. Весь май 1881 года Бисмарк был нездоров, и когда Люциус посетил его 12 июня, то был крайне удручен болезненным состоянием своего кумира. В вены одной из ног попала инфекция, и он не мог ходить:

…

«Он лежит на софе, вытянув больную ногу, и, заросший щетиной, выглядит как дряхлый и полоумный старик. Пожаловался слабым голосом: когда его рвет, ему приходится пользоваться полотенцем. Он не может двинуться с места. Ничто ему не помогает… Бисмарка мучают спазмы в желудке, у него

стул с кровью. Он во всем винит постоянную трепку нервов на работе, но проблемы скорее всего создает язва…»169

Его лечащий доктор наконец решил отказаться от ухода за своим августейшим, но трудным и непослушным пациентом. 17 июля Люциус записал в дневнике, что Штрук попросил освободить его от должности домашнего врача:

…

«Его собственное здоровье не позволяет ему переносить стрессы, связанные с врачеванием в доме Бисмарка. Доктор Штрук научился пользоваться методами Бисмарка. Тидеман неоднократно просил подобрать для него государственный пост в Трире или Бромберге, и Бисмарк, очевидно, этим недоволен. Почему он так спешит уйти от него?»170

Мы прекрасно знаем, почему Тидеман хотел сбежать от своего босса. Странно, что проницательный Люциус не понял этого.

27 октября 1881 года состоялись выборы в рейхстаг. Результаты не понравились Бисмарку: в выигрыше оказались его противники. Тяжелые потери понесли обе консервативные партии. Имперская партия потеряла половину депутатских мест, и ее электорат уменьшился с 13,6 до 7,5 процента. Центристы, электорат которых всегда отличался стабильностью и сплоченностью, довели свое представительство до ста депутатских мест. Выиграли в основном левые либералы, хотя и разделенные по-прежнему на три партии. Они получили более 15 процентов голосов и вместе теперь имели в парламенте 109 мест, на 86 мест больше, чем прежде, отобрав избирателей главным образом у национал-либералов, примкнувших к Бисмарку171.

В презрительности, с которой Бисмарк относился к настроениям избирателей, появились нотки жалости к самому себе. Они снова обманули его ожидания – говорил канцлер Морицу Бушу:

…

«Выборы показали, что филистер в Германии по-прежнему чувствует себя неплохо, с удовольствием позволяет себя и запугивать, и надувать красивыми словами и откровенной ложью… Повсюду глупость и неблагодарность. Из меня сделали излюбленную мишень для нападок, мальчика для битья, любая партия и группировка считает своим долгом издеваться надо мной. Но если меня не будет, они не будут знать, куда им идти. Ни одна из них не может сформировать большинство и объединиться ни по одной позитивной цели или мнению. Они могут только

критиковать, выискивать недостатки и всегда говорить "нет"»172.

Одновременно комплект заболеваний Бисмарка дополнился еще одним недугом: его стала мучить лицевая невралгия (тригеминальная), «боли в щеке, будто ее пронзают шпагой»173.

14 января 1882 года открылся ландтаг, на котором министра-президента, все еще отсутствовавшего в Берлине, представлял Роберт фон Путткамер. «Культуркампф» по-прежнему всех волновал, и Путткамер провозгласил с удовлетворением: «Дружественные отношения с нынешним верховным главой католической церкви позволяют нам предпринять практические шаги для восстановления дипломатических связей с римской курией. Это означает, что от вас со временем потребуются определенные уступки». Он также объявил ряд мер, предусматривавших, в частности, возможность прощения изгнанных епископов, отменявших культурное освидетельствование священников и пасторов и *Anzeigepflicht*(обязательное уведомление прусского правительства о церковных назначениях), – названных «вторым дискреционным законом»174.

8 февраля Ойген Рихтер (1838–1906), лидер левых либералов, как Виндтхорст и Ласкер, ярый критик Бисмарка, постоянно ему досаждавший и доводивший его до белого каления, объяснил депутатам подлинный смысл компромисса с католиками:

…

«Князю Бисмарку необходимо послушное парламентское большинство… возможно, и для внесения изменений в законодательство о всеобщем, прямом и равном голосовании, о чем, как мне кажется, тоже скоро пойдет речь. Такова цель, и этот закон является лишь частью общей стратегии и предназначен для ее реализации. Господа, князь Бисмарк понял, что не может добиться послушного большинства только за счет протестантских округов. (Аплодисменты центристов.) После недавних выборов это для него стало еще очевиднее. Таким образом, ему… потребовались сговорчивые депутаты из католических округов. Следовательно, он должен был изыскать способы, как заполучить поддержку в этих округах и заманить в свои сети их депутатов. Одно из средств – этот законопроект. В этом и заключается смысл всей затеи. Католическое духовенство, господа, должно стать заложником хорошего поведения партии Центра. У этой дискреционной политики нет иной цели»175.

Бисмарк все-таки вернулся в Берлин, чтобы присутствовать на сессиях ландтага и рейхстага. Гольштейн встретился с ним 18

февраля:

…

«Когда я спросил его, собирается ли он участвовать в дебатах в ландтаге по «культуркампфу», он ответил: «А зачем? Чем больше неопределенности, тем лучше. Проблема известная, но конфликт никогда не разрешится, потому что со времен Кольхаса в любой нации всегда найдутся люди, которые с абсолютной уверенностью скажут: «Мы знаем закон Божий лучше, чем вы». Если бы я мог вести «культуркампф» в полном соответствии со своими идеями, то для меня было бы достаточно надзора за школами и закрытия католического отдела в министерстве по делам религий. Но консерваторы заставили меня пойти на поводу у большинства, которое захотело бить в барабаны и наделать из «культуркампфа» как можно больше шума»176.

Снова Бисмарк дает нам пример своей политической ловкости: не расставляет точки над «i» – «чем больше неопределенности, тем лучше», сохраняя за собой право снять с себя ответственность за провалы. Нелепо прозвучали и его слова: «если бы я мог вести «культуркампф» в полном соответствии со своими идеями» (это к тому времени понимал и разуверившийся Гольштейн). На основе чьих идей и под чьим руководством тогда проводилась вся кампания, если не самого Бисмарка? Потерпев поражение, Бисмарк всю свою злость обрушил на Виндтхорста, написавшего 17 марта 1882 года профессору Генриху Геффкену: «Я совершенно не могу разговаривать с князем, он сразу же накидывается на меня… Бисмарк будет терзать меня до самой могилы»177. Все три особенности натуры Бисмарка – стратегическая и тактическая увертливость, стремление переложить с себя ответственность на других, ненавистное и грубое отношение к оппонентам – приводили к одному результату: к хандре и постельному режиму. 5 марта 1882 года Люциус удрученно отметил: «Три недели Бисмарк был нездоров, никого не хотел видеть, пустил все дела на самотек, не отдавал никаких распоряжений, ни по церкви, ни по налогам»178.

Поднялся он с постели 27 марта, чтобы признать поражение в ландтаге. Министр-президент капитулировал прежде, чем Виндтхорст успел внести свое предложение о таинствах, спросив его: согласится ли он принять законопроект, если Бисмарк полностью откажется от *Anzeigepflicht*? Виндтхорст согласился, его примеру последовали консерваторы. 31 марта 1882 года закон о дискреционных изъятиях был принят в ландтаге179. Вся система, созданная для преследования католической церкви, подлежала демонтажу. Людвиг Виндтхорст и католическая партия Центра

обыграли Бисмарка и в Пруссии, и в рейхе. 24 апреля были восстановлены дипломатические отношения Германии с Ватиканом, а 25 апреля консерваторы и центристы внесли резолюцию о полной ликвидации режима вмешательства в деятельность католической церкви180. Раны, нанесенные церкви, заживали долго, и, вступая в XX век, католики все еще чувствовали себя гражданами второго сорта. 15 октября 1882 года многие видные католики Германии, включая руководство партии Центра, Августа Рейхеншпергера и Виндтхорста, бойкотировали празднество, устроенное в присутствии императорской семьи по случаю завершения строительства Кёльнского собора. 31 октября Виндтхорст написал епископу Коппу: «Мы не можем быть абсолютно уверены в том, что Бисмарк не устроит *coup de main*[96] (объявит, например, внеочередные выборы)… *Il est le diable*» [97] 181.

14 ноября Люциус посетовал в дневнике на то, как Бисмарк завершил «культуркампф»:

…

«Бисмарк недооценил курию, говорят консерваторы, и совершил грубейшую ошибку. Все уступки пока остались без взаимности. Он действует слишком поспешно под влиянием желчных импульсов и не прислушивается ни к чьим советам»182.

В октябре Билл Бисмарк привез к отцу своего доктора. Билл страдал ожирением, и его врач, чудаковатый выходец из Южной Германии Эрнст Швенингер, похоже, помог ему сбросить вес. Швенингер, уроженец Фрейштадта в Верхнем Пфальце, учился в Мюнхене, получил там степень доктора медицины и готовился к блестящей карьере. В 1879 году его арестовали и отправили на четыре месяца в тюрьму за правонарушение, которое американская газета квалифицировала как «совершение отвратительного акта в общественном месте». Преступное деяние было совершено против вдовы лучшего друга и на его могиле, куда женщина пришла с цветами183. Каким образом Швенингер с таким прошлым стал врачом Билла Бисмарка, до сих пор остается загадкой. Так или иначе, он сыграл важную роль в жизни и старшего Бисмарка, а его целительные методы вскрывают некоторые примечательные свойства психики пациента. Швенингер практиковал врачевание, совершенно отличавшееся от традиционной научной медицины не только XIX, но и нынешнего XXI века. Обаятельный тридцатидвухлетний доктор с внушительной черной бородой и искрящимся взглядом произвел большое впечатление на Иоганну фон Бисмарк, тогда чрезвычайно обеспокоенную состоянием здоровья своего

Оттохена. 10 октября 1882 года княгиня писала Герберту: «Он нам очень понравился и теперь шлет для папы разнообразные маленькие бутылочки»184. Однако Швенингер пользовался не только маленькими бутылочками. Он применял на пациентах кардинально иные методы исцеления.

Юному студенту Ричарду Коху (1882–1949) довелось в учебном 1904/05 году побывать на семинаре Швенингера, теперь уже знаменитого доктора Бисмарка. Семинар проходил в берлинском госпитале милосердия:

…

«Пришли всего лишь несколько человек, очень странного вида, молодых и пожилых, каких обычно можно встретить в ресторанах для вегетарианцев. Да и сам доктор Швенингер выглядел странно. Тогда ему было пятьдесят пять лет. Он был среднего роста, довольно тощий, со смолисто-черными волосами, здоровенной бородой и удивительно живыми глазами, типичный баварец. На нем был цилиндр, светлый фрак, белый жилет и изысканный галстук. Эта элегантность никак не вязалась ни с ученостью, ни с его крестьянским обликом»185.

Никто из медиков не появился в таком наряде. Доктор, и не в белом халате! Кроме того, он высказывал совершенно возмутительные, ненаучные вещи, приводя в замешательство студентов. Кох ушел, но вернулся, желая поспорить:

…

«Я вернулся, разозлился еще больше, но снова пришел. Теория Швенингера сводилась к следующему: «Классическая медицина воспринимает заболевание, как некую абстракцию, чего в действительности не бывает, а только в учебниках. Надо лечить не заболевание, а человека»186… Во время обследования Швенингером пациентов поднимался гам. Студенты вступали в спор, доказывая, что он обращается с пациентами так, как этому никто не учит. “Возьмите себе за правило – ставьте себя на место больного”»187.

В мае 1883 года Швенингер приехал из Мюнхена и начал заниматься исцелением своего непростого пациента. Вот что он сам рассказал К. А. фон Мюллеру о первом сеансе (в изложении Пфланце):

…

«Бисмарк был на грани физического коллапса. Он думал, что перенес удар, его мучили страшные головные боли и бессонница. Никакие препараты ему не помогали. Он уже не доверял врачам.

Родственник (сказал он) наложил на себя руки из-за похожего недомогания, и «меня ждет то же самое». «Сегодня, ваше высочество, – сказал доктор, – вы уснете». – «Посмотрим», – скептически ответил Бисмарк. Швенингер запеленал его влажной тканью, дал несколько капель валерьянки, предупредив, что это не снотворное. Затем доктор сел рядом в мягкое кресло, взял его за руку, как «мать, успокаивающая встревоженного ребенка», и канцлер действительно заснул. Когда он проснулся утром, доктор все еще сидел в кресле. Бисмарк не верил, что уже настал день и он проспал всю ночь. "С этого момента он полностью доверился мне"»188.

Терапия Швенингера, по его словам, была очень простая:

…

«Я составлял рабочий график и обозначал задачи, которые должны быть выполнены. Я определял, сколько времени и сил надо потратить на прогулки, упражнения и отдых, следил за приемом пищи и жидкостей в соответствии с назначенным временем, количеством и качеством, регулировал подъемы и отходы ко сну, вмешивался, если требовалось что-то сократить или, наоборот, интенсифицировать, и затем с удовлетворением отмечал прогресс в состоянии души и тела»189.

Страдания, головные боли и невралгия прекратились. Бисмарк снова мог совершать конные выезды. Его вес пришел в норму, как это показано в приведенной ниже таблице (в фунтах):

1874	227
1878	267
1879	272
1881	255
1883	222
1885	225

После 1886 года его вес никогда не превышал 227 фунтов, совсем неплохо для человека ростом шесть футов четыре дюйма. Швенингер фактически сохранил и продлил жизнь Бисмарку190. Как это ему удалось? Ричард Кох объяснил секрет его врачевания:

…

«Весь секрет воздействия Швенингера на Бисмарка в его абсолютной честности. Он ничего не скрывал от него научной терминологией, откровенно обсуждал с ним характер заболевания и лечения на понятном ему языке… Он считал своим призванием порушить консервативную «псевдонаучную» медицину и заменить ее своими “естественными методами исцеления”»191.

Швенингер практиковал холистическую медицину в эпоху Пастера и пристрастия к белым халатам. Студентам 1905 года его методика казалась ненаучной, но она имела одно бесспорное достоинство, которым не владели предыдущие врачеватели Бисмарка: Швенингер пытался исцелить не столько заболевание, сколько индивидуальность Бисмарка, нуждавшуюся в участии и призрении. Можно сказать, что он сам почти довел себя до смертного одра, поскольку был не кем иным, а Бисмарком. За всеми его взрывами ярости, жаждой мести, паранойей и бессонницей скрывались серьезные психологические причины. Они лежали в темных глубинах его гигантской и сложной натуры. Бисмарк занемог из-за чрезмерно бурных психических реакций. Попросту говоря, ему не хватало любви и ласки, а Иоганна, угловатая, холодная и недоброжелательная, возбуждала в нем озлобление, вместо того чтобы утешать. Она не могла дать ему материнского тепла, в чем он больше всего нуждался. Что сделал в первый же день Швенингер? Он уложил его в кровать, как ребенка, «запеленал во влажную ткань (разве не чрево матери?) и дал несколько капель валерьянки, предупредив, что это не снотворное». Валериана произрастает по всей Западной Европе и, возможно, помогла Бисмарку, потому что он получил ее из заботливых рук. Потом доктор сел рядом в мягкое кресло и взял его за руку, «как мать, успокаивающая встревоженного ребенка». Именно так поступают любящие родители, когда их малыша тревожат кошмары: держат его или ее за руку, пока ребенок не уснет. Вильгельмина Менкен-Бисмарк была не способна окружить своего Отто элементарной женской нежностью. Он видел и знал это и ненавидел ее. Швенингер спас Бисмарка, восполнив этот существенный пробел в его жизни – отсутствие человеческой теплоты – и заодно наведя порядок в семейном питании.

8 июня 1883 года Иоганна сообщала Герберту: Швенингер предписал для всей семьи новую диету – яйца, чай или молоко на завтрак, «немного» рыбы и жаркого (никаких овощей) в полдень, кружку молока в четыре часа и столько же вечером. Надо есть «меньше, но чаще». Иоганна беспредельно поверила в волшебство Швенингера и молилась, чтобы «этот приятный, скромный, жизнерадостный и требовательный господин» не отходил от

супруга до конца лета192. Швенингер оставался рядом с Бисмарком до последних дней его жизни, и в благодарность канцлер навязал «семейного доктора» медицинскому сообществу Берлина, которое считало его шарлатаном и не желало даже разговаривать с ним. Как написал Кох, «лишь в 1900 году Швенингер получил пост, соответствовавший его квалификации, став заведующим отделением в провинциальной больнице в Гросс-Лихтерфельде»193.

Еще одним знаменательным событием отмечена жизнедеятельность Бисмарка в восьмидесятых годах. 9 января 1882 года в парламенте ему был задан вопрос бароном Георгом фон Гертлингом, способным молодым лидером партии Центра, которому в годы Первой мировой войны довелось послужить преемником Бисмарка на посту канцлера:

…

«Планирует ли союзное правительство в своей политике относительно рабочих классов расширить существующее фабричное законодательство? В обозримом будущем отменить работу по воскресеньям, ограничить использование женского труда… законодательными мерами помочь сословию ремесленников и наделить надлежащими полномочиями фабричную инспекцию?»

Бисмарк ответил утвердительно, дав понять, что соответствующие положения будут включены в пакет законодательных предложений, который союзное правительство представит весной. Он выступал долго и на редкость вяло и ненароком проговорился, раскрыв одну из причин своей тревоги «…осознание того факта, что рабочие массы не доверяют даже попыткам правительства улучшить их условия, предпочитая голосовать за партии, которые в сфере экономики отстаивают право сильного, а не слабого в борьбе против всевластия капитала…»194

Иными словами, рабочие доверяют не Бисмарку, а левым либералам, вроде Ласкера, несмотря на то что они проповедуют идеи свободного рынка. Бисмарк рассудил по-своему: антисоциалистическое законодательство не достигло своей цели. Избиратель продолжает голосовать за социал-демократов, которые по-прежнему сидят в рейхстаге. СДП никуда не делась, на выборах в октябре партия получила еще три депутатских места. Бисмарк должен был что-то предпринять, и у него уже созрел план. В министерстве торговли он нашел нужного человека – исполнительного чиновника, горевшего идеями социальных реформ, – Теодора Ломана, правоверного

христианина из Ганновера. Они подходили к решению проблемы с разных позиций, но оба считали, что начинать надо со страхования по случаю болезни и производственного увечья. Ломан хотел укрепить христианскую дисциплину. Бисмарк имел в виду государственную программу страхования с обязательным участием в ней и нанимателя, и наемного рабочего195. Весной 1883 года он дал ход первой части программы – внес законопроекты о социальном страховании по болезни и травматизму на тринадцать недель. 15 июня 1883 года правительственная газета «Нойесте миттейлунген» салютовала рейхстагу, принявшему закон о социальном страховании по случаю заболевания:

…

Введением обязательного государственного страхования положен конец всем попыткам превратить страхование здоровья в личное дело тех, чьи интересы это затрагивает; официально и публично поручено государству заботиться о рабочих, заболевших в процессе найма196.

Нелиберал Бисмарк осуществил то, с чем либеральные демократии не соглашались и тогда и не желают соглашаться сегодня: законодательно обязал государство проявлять заботу о бедных.

В восьмидесятые годы Бисмарк завершил создание системы государственного социального страхования: ввел страхование на случай производственного увечья, одобренное рейхстагом 27 июня 1884 года, и страхование по старости и инвалидности – соответствующий закон был принят в 1889 году. В Германии появилась первая в мире государственная программа социального страхования, которая остается и поныне основой современной социальной системы в стране, и это сделал именно «железный канцлер» Бисмарк.

Здоровье Бисмарка поправилось, но менее суматошным он не стал. В 1884 и 1885 годах канцлер затеял новую реорганизацию управления империей, учредил государственный совет. Его идею встретили в штыки, и от нее пришлось отказаться. В эти же годы он увлекся колониями. Появление новой формации купцов-авантюристов, иллюзорное желание завладеть дешевыми ресурсами и рынком для сбыта немецких товаров, непреходящее стремление к успеху и вера в свои чудодейственные способности – все эти факторы поспособствовали тому, что Бисмарк вдруг превратился в колониалиста.

24 апреля 1884 года германский рейх распространил свой «протекторат» на Уолфиш-Бей и прилегающие территории,

ставшие Германской Юго-Западной Африкой (Намибия сегодня), на Тоголенд, Германскую Восточную Африку (Танзания) и на некоторые тихоокеанские острова. Колонии не сыграли сколько-нибудь значительной роли в экономике. В 1903 году немецкое население колоний составляло всего лишь 5125 человек, в том числе 1567 солдат и чиновников197.

1 апреля 1885 года Бисмарку исполнилось семьдесят лет. Империя отметила это событие общенациональным праздником. По всей стране проходили грандиозные фестивали. Фонд, образованный для приобретения поместья Шёнхаузен в качестве национального подарка, справился с возложенной на него задачей. Император и все королевские высочества нанесли визит и поздравили Бисмарка, на торжестве присутствовал и Люциус198. Постаревший отец семейства, безмерно довольный сыном, прослезился. Но и сын тоже постарел за двадцать три года служения родителю [98] 199.

Солидный возраст проявлялся и в образе жизни. Филипп Эйленбург, посетивший Бисмарков, отметил, что в двух главных комнатах ничего не изменилось, если не считать «нового покрывала на диване, красного, шелкового, с желтым узором». В убранстве комнат отражались вкусы типичной померанской юнкерской семьи старшего поколения – «то есть полное отсутствие вкуса»: «но мы же, старые пруссаки, всегда этим отличались». На стенах Иоганна развесила картины с традиционными пейзажами. Одно из полотен Моргенштерна пришлось отправить обратно художнику. Князю не понравилось, что на нем изображено «слишком много облаков»200. Бисмарк начал облачаться в длинный черный китель, застегнутый на пуговицы до самой шеи, вокруг которой повязывал платок, и в этом наряде выглядел как каноник в католической церкви.

Судя по всему, Бисмарк не читал современную немецкую литературу, ни Фрейтага, ни Гейзе, ни Теодора Фонтане, хотя Фонтане сказал в марте 1894 года журналисту Максимилиану Хардену: «Почти во всем, что я написал с 1870 года, фигурирует *der Schwefelgelbe*(зеленовато-желтый цвет кирасирской униформы Бисмарка. – *Дж. С.*). О нем упоминается лишь мимолетно, но всегда как о Карле или Оттоне Великом»201. Бисмарк не ходил на оперы Вагнера и не слушал никакой иной музыки, кроме Бетховена. Он стал для нации любимым дедушкой, не замечая этого.

Если Бисмарк превратился в старика, то император был уже стариком дряхлым, что и отметил в дневнике Филипп Эйленбург по случаю визита императора в Баварию в 1885 году. Генерал Хартман назвал их «ходячими трупами». Эйленбург с особым

интересом наблюдал за «престарелым главным доктором Лауэром, иссохшим, как мумия»: «Он держал при себе толстого штатного врача с короткими плебейскими ногами, и эти двое не спускали с кайзера своих стерегущих глаз Аргуса. Избави нас Бог от таких целителей, пусть они занимаются стариком»202. Тем не менее немощный 88-летний император продолжал оставаться опорой могущества Бисмарка.

Когда 5 ноября 1886 года открылся рейхстаг, в тронной речи было объявлено, что союзные правительства настаивают на продлении септенната еще на семь лет, начиная с 1 апреля. Увеличение и армии, и расходов на ее содержание укладывалось в норму не более одного процента от численности населения, правда, оно значительно выросло с 1871 года. Однако законопроектом предусматривалось продлить септеннат на год раньше, и это вызвало возражения. Бисмарк поднял шумиху в прессе, и его угрозы на депутатов подействовали.

20 августа 1886 года группа офицеров-бунтовщиков умыкнула и увезла из Болгарии красавца-принца Александра Баттенберга. 4 сентября он провозгласил о намерении отречься от престола, и ему разрешили попрощаться со своими подданными в Софии. Принц затем вернулся в Германию. Снова поползли слухи, будто он собирается обручиться с прусской принцессой Викторией, сестрой будущего кайзера Вильгельма II. 23 октября 1886 года кронпринцесса писала матери, королеве Виктории:

…

«В берлинской прессе не прекращаются нападки на Сандро – подлые, бесстыдные и абсолютно нелепые. Делается это, конечно, для того, чтобы польстить царю, а великий человек…»203

Бисмарк же вознегодовал на кронпринцессу и женщин, вознамерившихся расстроить его дипломатию браком с Сандро Баттенбергом. Россия, безусловно, начнет угрожать рейху войной, потому что кронпринцесса Виктория неспроста решила приблизить к себе Александра.

Кризис в императорском семействе совпал с возникновением очередных внешнеполитических осложнений. Назначение агрессивного генерала Жоржа Буланже (1837–1891) военным министром Франции серьезно обеспокоило германский генеральный штаб. Буланже уже пообещал усилить армию и публично выступил с воинственными речами, заслужив прозвище *Gnral Revanche*(генерал-реваншист). Бисмарк решил слегка осадить француза. 11 января 1887 года он тоже выступил с речью и произнес одну из своих самых знаменитых фраз: «Мы не испытываем нужды в войне; у нас, так сказать, самодостаточное

государство». Имперская политика все последние шестнадцать лет была нацелена на «сохранение мира». В качестве положительных примеров своей внешнеполитической деятельности Бисмарк привел отношения между Австрией и Россией, «Союз трех императоров», продленный в 1884 году, и «Обоюдный договор» [99] . Франция, увы, ведет себя иначе. Французские военные приготовления и угрозы Буланже заставляют и рейх заняться усилением армии. Но не только это беспокоило Бисмарка. Новый септеннат разрешал очень скромное увеличение размеров армии и бюджета. Канцлер не отказал себе в удовольствии обрушиться на рейхстаг:

…

«Союзным правительствам необходим септеннат в полном объеме, и они не отступят в этом ни на йоту. Армия не должна зависеть от настроений неустойчивого большинства. Уже одобренные ежегодные ассигнования, сокращение батальонов – совершенная и недопустимая фантазия. Нам нужна не парламентская, а имперская армия, и ею не должны командовать господа Виндтхорст и Рихтер… Союзные правительства не намерены вступать в нескончаемую полемику. Рейхстаг должен принять законопроект как можно скорее и целиком»204.

Весть о том, что сам Бисмарк откроет дебаты по законопроекту, взбудоражила Берлин. Так много людей хотели присутствовать на сессии, что даже баронесса Шпитцемберг, несмотря на связи, не могла попасть на нее. На обеде с графом Вартенслебеном она сообщила ему:

…

«Многие очень влиятельные люди, в том числе и министры, рассказали мне обо всех деталях сессии, словно я сама там побывала. Речь князя, которую я прочитала вечером, была просто великолепной. Роспуск неизбежен, если септеннат не пройдет. Вёльварт даже говорил сегодня о возможности Staatsstreich (переворота. – Дж. С .), то есть изменений в избирательных правах, так как вряд ли можно надеяться на лучшие результаты при существующей системе»205.

Игра стоила свеч. Бисмарк не сомневался в том, что ему удастся протолкнуть военный законопроект, несмотря на сопротивление парламента. Если депутаты не согласятся с ним, то он их разгонит, уединится в поместье и прибегнет к своей обычной тактике угроз, с успехом примененной в октябре 1878 года. Тогда канцлер переборол либералов и провел тарифное и ряд других законодательств, ограничивавших свободный рынок.

Теперь ему надо было прищемить хвост партии Центра, пригрозив «войной» в сфере избирательных прав. Опираясь на поддержу окрепших фракций консерваторов и национал-либералов, он мог отменить всеобщее избирательное право, прежде служившее ему неплохим подспорьем, а теперь не поддающееся никакому контролю. 14 января Бисмарк распустил рейхстаг, и борьба началась.

Партия Центра сразу же осознала грозившую ей опасность. Через два дня после разгона лидер фракции фон Франкенштейн обратился со специальным посланием к нунцию в Баварии монсеньору Анджело Пьетро (1828–1914). Он просил передать Ватикану: поддержка фракцией септенната в интересах курии, она будет направлена на устранение последних неудобств, которые все еще существуют для католиков:

…

«Мне неизвестно, насколько важна или безразлична эта проблема для Святого престола, обретет ли снова силу партия Центра или Святому престолу желательно ее полное исчезновение из рейхстага. Мне нет нужды напоминать о том, что партия Центра всегда с радостью исполняла указания Святого престола, касавшиеся законодательства по церковным делам. Но еще в 1880 году я обращал внимание на то, что для партии Центра абсолютно неприемлемо подчиняться директивам, относящимся к законодательствам нецерковного характера»206.

21 января 1887 года архиепископ Людовико Якобини, нунций в Вене с 1879 года и главный посредник между правительством Германии и Ватиканом, разослал германским епископам следующую ноту:

…

«Как политическая организация партия Центра всегда имела и имеет право на свободу действий… Если его святейшество посчитало, что ему следует уведомить партию о своем отношении к дискуссии по поводу септенната, то он делает это исключительно в соответствии с религиозными и моральными обстоятельствами, связанными с данной проблемой. Кроме того, есть основания полагать, что правительство уделит еще более серьезное внимание окончательному пересмотру майских законов после того, как оно будет удовлетворено голосованием партии Центра по законопроекту о септеннате»207.

Виндтхорсту предстояло выступить с большой речью в Кёльне, и в ночь 4 февраля 1887 года он шел на посадку в вагон, когда до него донеслись крики мальчишек разносчиков газет:

«Папа против Виндтхорста! Папа против Виндтхорста! Папа за септеннат!» Он купил газету, и, когда поезд отправился из Ганновера, его попутчик депутат Адам Бок начал громко читать статью, оказавшуюся изложением ноты Якобини. Виндтхорст понял: епископ Копп, сторонник Бисмарка, устроил публикацию конфиденциального документа в бисмарковской прессе, чтобы «сломать депутату хребет». Но не так-то легко выбить из седла Людвига Виндтхорста. Когда он поднялся для выступления в кёльнском зале Гюрцених, его встретили «оглушительными аплодисментами и топаньем». Виндтхорст начал с папской директивы:

…

«Если кто-то и должен ликовать, то это мы… Конечно, мы не можем игнорировать тот факт, что его святейшество пожелал , чтобы закон был принят. Однако в своем желании он руководствовался не практическими положениями законопроекта, а безотлагательной необходимостью нормализации дипломатических отношений… если бы это было возможно, то мы сами сделали бы все, без принуждения… никто не может делать невозможное (оппозиционность была частью партийной программы)… К тому же долой этого негодного вельфа, долой Виндтхорста!.. Нет, господа, старина Виндтхорст все еще жив . Он не собирается умирать, чтобы доставить удовольствие этим людям… Как бы ни трудна была ситуация, если мы будем верны самим себе и нашему делу, тогда Бог не покинет нас. На то, к чему мы стремимся, Божья воля».

Виндтхорст сказал приятелю, пробираясь с трибуны: «Похоже, я переусердствовал»208. Но 9 февраля конференция германских епископов выступила в поддержку Виндтхорста и партии Центра. 21 февраля состоялись выборы в рейхстаг, и партия Центра практически сохранила свой электорат. Она потеряла 2,5 процента голосов и всего лишь одно место. Девяносто восемь депутатов единым блоком проголосовали против септенната. Две консервативные партии и национал-либералы сформировали свой блок, названный «картелем», заявив, что партия, набравшая наибольшее число голосов в первом туре, должна быть поддержана двумя другими партиями во втором туре. Принцип подействовал. Две консервативные партии получили пятнадцать депутатских мест, а национал-либералы – сорок восемь за счет других левых партий, потерявших сорок два места. Социалисты сохранили свое представительство, но из-за организованной против них коалиции им досталось только 2,8 процента мест, и их фракция лишилась тринадцати депутатов209.

Виндтхорст и его партия уцелели, но сокрушительное поражение левых либералов означало, что Бисмарку больше не надо вести с ним переговоры о поддержке. Виндтхорст приуныл. 22 февраля Август Штейн так описал его моральное состояние:

…

«Он сидел или, вернее, полулежал на софе и впервые заговорил об “инспирированных клеветнических измышлениях”. “Меня они не задевают, но после выборов я начинаю задумываться о будущем людей, позволяющих так чернить своих лучших друзей… Когда я умру, они это поймут. Я верю в произволение Божье. Возможно, вы сейчас посмеиваетесь надо мной, мой дорогой друг. Я не вижу вас. Не важно. То, что я говорю, звучит старомодно, но мне всегда помогала эта вера. Только благодаря вере я и держался”»210.

В лагере разгромленных либералов скорбели не меньше. 25 февраля Людвиг Бамбергер писал графу Францу Шенку фон Штауффенбергу, баварскому либералу:

…

«Несмотря на очевидные уловки и принуждение, я говорю себе: состав депутатского корпуса отражает волю немецкого народа. Юнкерство и католическая церковь прекрасно знают, что им надо; а Brgertut [100] – по-детски простодушно и политически наивно, и ему не надо ни справедливости, ни свободы. Юнкерство и католическая церковь объединятся, бюргеры получат то, что заслужили, а национал-либералы обеспечат политическое музыкальное сопровождение. Il fait que destines s’accomplissent [101] . Кронпринцу теперь не о чем беспокоиться. Он сделает так, как хочет Бисмарк»211.

Проницательный политический генерал граф Альфред фон Вальдерзе записал в дневнике 11 марта:

…

«В рейхстаге дела обстоят наилучшим образом. Септеннат прошел без сучка и задоринки; налицо все признаки распада партии Центра. Без сомнения, Бисмарк наперекор всем скептикам провел еще одну блестящую операцию»212.

Одновременно Бисмарк пожинал плоды «блестящих операций» и за рубежом. 14 марта Гольштейн сообщал кузине Иде фон Штюльпнагель:

…

«Два дня назад состоялась ратификация различных договоров между Австрией, Италией и Германией. Теперь у нас есть

оборонительный договор с Италией против Франции. Подписано соглашение между Англией и Италией, довольно шаткое, конечно, ввиду «попыток сохранить статус-кво в Черном море». Гацфельдт телеграфировал вчера вечером, что к этому соглашению присоединилась Австрия. Мои усилия за последние шесть месяцев увенчались успехом… После длительного перерыва я имел возможность видеть канцлера. Он стал стариком . Дни, когда он мог думать за всех, канули в прошлое: теперь надо помогать ему и поддерживать его, насколько возможно…»213

Канцлер добился подписания целого пакета договоров только уступками Австрии и Британии, дав им гарантии в отношении экспансии России в Средиземноморье: эта проблема в 1878 году чуть ли не вынудила Британию пойти на войну с Россией. Так называемый Средиземноморский договор был заключен за два месяца до истечения срока действия «Союза трех императоров». Разногласия между Россией и Австрией настолько обострились, что царь не пожелал больше его продлевать. В мае и июне 1887 года Бисмарк и русский посол в Берлине подготовили отдельное соглашение, получившее название «договора перестраховки», секретный трактат, подписанный 18 июня 1887 года. Бисмарк пообещал предоставить «моральную и дипломатическую поддержку» любым мерам, которые царь сочтет необходимым предпринять для защиты входов в Черное море214. Дипломатические мотивы этих обещаний знал только сам Бисмарк. Гольштейн писал в мемуарах:

…

«Тайный договор, теперь всем известный как «договор перестраховки», существовал с 1887 года. Бисмарк принимал в нем самое живое участие, держа все нити в руках и суча ими по своему желанию. Чем запутаннее получились петли, тем труднее осмыслить их без князя Бисмарка. «Разобраться в тонкостях этого дела мог только мой отец», – говорил граф Герберт Бисмарк»215.

«Договор перестраховки», вне зависимости от того, плох он был или хорош, свидетельствовал об одном: у Бисмарка не осталось простора для маневра. Все клетки на шахматной доске оказались заблокированными, и комбинации Бисмарка уже не могли скрыть этого факта. Его внутриполитические и внешнеполитические победы основывались на шаткости ситуаций, что должно было рано или поздно измениться. Следующие выборы в рейхстаг вернули парламенту сбалансированность сил и определенную стабильность. «Картель» потерял восемьдесят четыре места. Партию центристов Виндтхорста теперь представляли 106 депутатов, и она стала

крупнейшей фракцией в рейхстаге. Ненавистные социал-демократы набрали 19,7 процента голосов, а это 1,4 миллиона избирателей. СДП вышла на первое место в парламенте по числу поданных за нее голосов. Враги рейха, по определению Бисмарка, теперь господствовали в парламенте. Бисмарковская технология власти потерпела фиаско и дома, и за рубежом.

11. Три кайзера, падение Бисмарка

1888 год называют «годом трех кайзеров». За короткое время – сто дней – умер Вильгельм I, скончался его сын Фридрих III и двадцатидевятилетний внук стал императором Вильгельмом Вторым (1859–1941). Смена венценосцев пагубно отразилась на положении Бисмарка, поскольку он всегда зависел от монаршей благосклонности, которой лишился. Его методы удерживаться у власти перестали быть эффективными. Он пал жертвой такого же интриганства, благодаря которому в свое время возвысился. Его ниспровергла тайная придворная камарилья, состоявшая из молодого принца Вильгельма, графа Филиппа цу Эйленбурга, Фридриха фон Гольштейна, «серого кардинала» в министерстве иностранных дел Германии, обязанного своей карьерой Бисмарку, и «политического генерала», графа Альфреда фон Вальдерзе, преемника Мольтке на посту начальника большого генерального штаба. Бисмарк всегда презирал этих людей, и они ему отомстили.

Первое звено заговора образовалось в охотничьем домике графа Эберхарда фон Дона-Шлобиттена в Прёкельвице (Восточная Пруссия). 4 мая 1886 года сюда на охоту приехал граф Филипп цу Эйленбург (1847–1921), друг Герберта Бисмарка, отпрыск одной из самых знатных прусских династий. (Его дядя Фриц долгое время терпеливо служил у Бисмарка министром внутренних дел; двоюродный брат Бото заменил дядю на этом посту; другой кузен Август впоследствии станет министром двора при кайзере Вильгельме II.) Здесь он повстречался с молодым Вильгельмом, принцем Прусским и в буквальном смысле «влюбился в него». С 1886 и до 1900 года, когда их отношения охладели, дружба между Фили и Вильгельмом была настолько тесной, а со стороны Фили – просто «беспредельной любовью», что злые языки начали распространять невесть какие слухи1. Однако они оказались не такими уж безосновательными, когда 8 мая 1908 года Филну, как нарек его Аксель фон Варнбюллер, арестовали в поместье Либенберг, обвинив в «аномальных» половых связях с двумя рыбаками на озере Штанбергер-Зе под Мюнхеном. Вокруг Фили сложился тесный круг друзей из высшего аристократического общества, который, судя по сохранившейся переписке, можно

назвать, выражаясь современными понятиями, клубом геев, хотя многие из них были людьми семейными и имели детей (у Фили, например, их было восемь). В письмах они называли молодого кайзера *Liebchen*(Душечкой). Граф Куно фон Мольтке (1847–1921), один из членов клуба, окрещенного прессой «Либенбергским круглым столом», вырос в чинах до генерал-лейтенанта, став генерал-адъютантом кайзера. В 1907 году его «разоблачил» журналист Максимилиан Харден, и разбирательства – со всеми деталями как посторонней деятельности, так и девятилетней бездеятельности с женой – долго будоражили новое общественное массовое самосознание. В клубе Мольтке и Эйленбурга произошло несколько самоубийств, покончили с собой и шесть офицеров в элитных гвардейских полках в первые годы двадцатого столетия, когда тема гомосексуализма приобрела особую актуальность в Европе2. 4 июня 1898 года барон Аксель фон Варнбюлер, сын бывшего премьер-министра Вюртемберга и брат Хильдегард фон Шпитцемберг, написал Куно Мольтке о недавней встрече с кайзером Вильгельмом II: «Душечка остановил меня в Тиргартене и, осмотрев с восхищением мои желтые сапоги и подобранное в тон одеяние наездника, спросил: «Что вы знаете о Куно? Я не могу ничего вытянуть ни из него, ни из Фили». Во время разговора кайзер произнес «несколько крепких выражений, которые лучше не повторять», но не оставлявших у Варнбюлера никаких сомнений в том, что «ему все известно и у него нет больше никаких иллюзий»3. У Изабель Халл мы находим примечательный портрет кайзера, составленный Вальтером Ратенау (1867–1922), промышленником, интеллектуалом и министром иностранных дел в годы Веймарской республики, убитым 24 июня 1922 года правоэкстремистской военизированной организацией «Консул»4 за то, что он был либералом и евреем:

…

«Перед нами сидел очень молодой человек в нарядной униформе, украшенной странными медалями. На его белых пальцах сияли разноцветные кольца, а на запястьях – браслеты. У него была нежная кожа, мягкие волосы и маленькие белые зубы. Настоящий принц, сосредоточенный на впечатлении, которое производит, непрестанно борющийся с самим собой… ласковый, нуждающийся во внимании и тянущийся к людям, как ребенок… Такого человека должна защищать и оберегать сильная рука, на которую он мог бы опереться, чувствуя, но не осознавая этого…»5

Все это не имело бы никакого значения, если бы Фили Эйленбург не записался в число самых коварных врагов Бисмарка,

став неофициальным советником принца. Фили околдовал молодого человека романтически-экстравагантными льстивыми речами, приблизил к нему своих друзей и единомышленников. Эйленбург, безусловно, обладал талантами. Он предпочитал казармам искусства и после непродолжительной военной службы в прусской гвардейской пехоте избрал дипломатическую карьеру. Он быстро поднимался по служебной лестнице, хотя Бисмарк и не доверял ему, и не особенно ценил его способности. Бисмарк писал Герберту: «Лично я против него ничего не имею. Он обаятелен, но в политических делах не может вынести правильные суждения о том, что важно и что не важно; он падок на зловредные сплетни и распространяет их, вызывая ненужное раздражение»6.

Фили увлекался всеми модными иррациональными течениями конца девятнадцатого столетия: спиритизмом и телепатическими сеансами, нордической мифологией и расизмом. Он сочинял песни и стихи, подражая древнескандинавским скальдам, напевал их кайзеру. У него сложились близкие и, возможно, интимные отношения с графом Артуром Гобино, одним из основателей современного расизма, и он искренне восхищался поздним, перезрелым романтизмом в изобразительном искусстве. Его политические взгляды всегда отличались романтическим консерватизмом и пренебрежительным отношением к массам, в котором эмоциональность перемешивалась с жестким прагматизмом, а манера выражать их была легкой и будничной.

Примерно в это же время Эйленбург познакомился с Фридрихом фон Гольштейном, уже занимавшим высокий пост в министерстве иностранных дел. Скрытный и закоренелый холостяк, Гольштейн когда-то был обожателем Бисмарка, но давно разуверился в своем боссе. Он считал – и не без оснований, – что Бисмарк проводит слишком замысловатую и плутовскую внешнюю политику и не имеет никаких иных целей, кроме как усиливать свою власть до такой степени, чтобы никто не мог его заменить. Вся жизнь Гольштейна проходила в министерстве иностранных дел. Он работал там и вечерами, много читал, все знал и теперь мог профессионально строить козни против Бисмарка и своего непосредственного начальника графа Герберта фон Бисмарка, близкого друга Фили. Если, по мнению канцлера, Фили не умел выносить верные суждения и был склонен полагаться на «зловредные сплетни», то Гольштейн обладал даром и делать выводы, и оценивать ситуации. Он стал для Эйленбурга надежным источником информации и о политических манипуляциях министерства, и о персонале.

Гольштейна не интересовали ни чины, ни награды, его можно было бы назвать рыцарем дипломатии без страха и упрека. Мало того, он был убежден в своей правоте, совершенно не сомневался в том, что Бисмарк беспредельно властолюбив, думает только о собственных интересах и потому представляет опасность для государства. Таким образом, он являлся самым грозным предателем, информированным и невидимым, своего рода пауком в паутине придворных интриг против канцлера. Дипломат льстил и всячески помогал Эйленбургу, видя в триумвирате Вильгельм – Эйленбург – Гольштейн необходимое средство для того, чтобы исправить ошибки позднебисмарковской эры.

Гольштейн и Эйленбург решили вовлечь в камарилью графа Альфреда фон Вальдерзе, будущего начальника генерального штаба, который, судя по его дневниковой записи, уже подозревал существование заговора:

…

«В грандиозной интриге все больше ясности. Как я и предполагал, речь идет о будущей конфигурации власти при новом монархе. Отец и сын Бисмарки хотят править единолично. Они надеются, что могут управлять кронпринцем. Они допустили большую ошибку, отвратив от себя всех, с кем могли бы сотрудничать, и недооценили кронпринцессу. Я уверен в том, что ей скоро наскучат новые друзья. Для того чтобы править единолично, надо убрать с дороги тех, кто имеет влияние или может его иметь. Они прибегают к презренным методам. Самый опасный для них человек – это советник фон Гольштейн. Он настолько умен, что нигде не показывается и мало кто знает о его существовании. Я тоже в списке приговоренных! Это кажется особенно странным, поскольку до сих пор я принадлежал к числу людей, преданных канцлеру и его поддерживавших»7.

Целый год Гольштейн уговаривал Вальдерзе, и наконец 31 мая 1887 года тот согласился, записав в дневнике:

…

«Сегодня я побывал в министерстве иностранных дел и возобновил прежние дружеские отношения с герром фон Гольштейном. В нашем примирении, похоже, заинтересована третья сторона, ссылающаяся на некие недоразумения, имевшие место прежде. Возможно, так и было. Я с радостью пожал протянутую мне руку, и у меня создалось впечатление, что у Гольштейна полегчало на душе»8.

Тот, кто возносится с помощью камарильи, обыкновенно и свергается другой камарильей. Бисмарк сознательно и

систематически предавал своего босса Отто фон Мантейфеля в пятидесятых годах. Он посылал секретные депеши, предназначенные для Мантейфеля, сначала Леопольду фон Герлаху, а потом уже – министру-президенту. Бисмарк зачастую обращался напрямую к Леопольду фон Герлаху, ключевой фигуре в камарилье, сплотившейся вокруг короля Фридриха Вильгельма IV, за спиной Мантейфеля, желая использовать этот контакт и для влияния на формирование политики, и для того, чтобы обеспечить себе карьерный рост. По иронии судьбы, однобокая мораль обернулась против него самого в 1888–1889 годах. Нам легче понять предательство Гольштейна: в его интригах не было никакой личной выгоды. Гольштейн и Эйленбург регулярно обменивались конфиденциальными посланиями и должны были соблюдать предосторожности. 16 июня 1886 года Гольштейн писал Эйленбургу: «Герберт сообщил мне, что он попросил у вас письма и если они достаточно информативные и объективные, то он передаст их его высочеству. Будьте осторожны. С наилучшими пожеланиями, преданный вам Гольштейн»9.

Время для того, чтобы камарилья взяла рычаги власти в свои руки, еще не подошло, но оно быстро приближалось. 6 марта 1887 года доктор Герхардт, профессор медицинского факультета Берлинского университета, диагностировал небольшую опухоль на голосовых связках кронпринца. Он не смог удалить ее хирургическим путем и попытался выжечь, но тоже безуспешно10. Кронпринц Фридрих, доблестный полевой командующий, отличившийся в Австро-прусской и Франко-прусской войнах, постепенно терял силу духа и самообладание. Он писал Штошу:

…

«При существующем режиме… любой способный человек чувствует себя невольником. Он должен лишь повиноваться и не может более мыслить независимо. Есть и еще одно обстоятельство, вследствие которого я не настроен вести дела через мажордома (Бисмарка)… Я сломался. В моей душе нет ни радости, ни уверенности. У меня нет никаких иных желаний, кроме как провести пару лет, отведенных мне, как можно покойнее и уединеннее в моем доме и отойти на задний план, уступив место новому светилу (Вильгельму)»11.

4 мая 1886 года Штош писал фон Норману:

…

«Он (кронпринц) начинает изливать свою душу. Бисмарки, сын и отец, относятся к нему с презрением. Он чувствует себя покинутым; только Абедиль общается с ним, потому что у него

плохие отношения с принцем Вильгельмом. Что я мог ответить ему? Я испытываю к принцу глубочайшее сострадание. Вам следует побывать на Воспоминании Страстей Господних в католической церкви. Эта служба всегда трогает меня до слез. Такие же чувства я испытывал, слушая стенания его бедной, ослабевшей души. Я не знаю такого средства, которое бы ему помогло»12.

Что же произошло со стойким и успешным полководцем? Фридриха 1870 года переполняла энергия и любознательность. В свободное время он осматривал французские соборы и дворцы с путеводителем в руках. Он вступал в острую полемику и перечил Бисмарку. К 1887 году кронпринц лишился силы духа, впав в депрессию. В марте 1887 года медицина установила, что у него рак горла.

Тогда началась борьба между кронпринцессой и лучшими германскими докторами по поводу методов излечения. 29 апреля 1887 года кронпринцесса писала матери, королеве Виктории, из Бад-Эмса:

…

«Он чувствует себя намного лучше, чем в Берлине, и горло его беспокоит меньше. Раздражение, краснота и припухлость быстро спадают, он совсем не кашляет и не ощущает боли. Но часть маленькой «гранулы», которую профессор Герхардт не смог удалить выжиганием из-за того, что горло слишком раздражено, все еще на поверхности одной из Stimmbnder (голосовых связок), и ее удалят, когда мы вернемся домой»13.

Супруги затем перебрались на зиму из Бад-Эмса в Сан-Ремо на итальянскую Ривьеру. Все, что она делала, было неправильно, и ее за это ругали. Кронпринцесса писала матери 27 октября 1887 года: «Меня бесят берлинские газеты и милейший князь Радолинский, неустанно напоминающий мне о том, что люди недовольны тем, что я выбрала Сан-Ремо и не обратилась к другому германскому доктору. Все это дерзко и нагло с их стороны»14. 6 ноября в Сан-Ремо приехал сэр Морелл Макензи, самый известный британский онколог, чтобы осмотреть кронпринца. Его спросили: «Это рак?» Доктор ответил: «Очень жаль, сэр, но похоже, что да, хотя полной уверенности у меня в этом нет»15. Тревожная обстановка отягощалась кампанией очернительства, которую Бисмарк и его пресса годами вели против кронпринцессы, о чем она тоже писала матери:

…

«Теперь снова о Бисмарке. В нем столько грубости и цинизма, так мало благородства и честности, что он кажется человеком

другой страны, а не нашей, и как пример или идеал он просто опасен. Он, конечно, патриот и гений, но его методы – хуже некуда. Взгляды, которых придерживается Вильгельм, сегодня в моде в Германии; благодаря им Бисмарк приобрел свое неимоверное могущество, и он же их отчасти сформировал»16.

Бисмарк внедрил в Новом дворце соглядатаев для надзора за кронпринцессой. Гофмаршалом к кронпринцу был назначен князь Гуго фон Радолин (1841–1917), онемеченный польский аристократ, принадлежавший к числу приспешников Бисмарка и благодаря канцлеру дослужившийся до ранга посла. Леди Понсонби (1832–1916), супруга сэра Генри Понсонби, личного секретаря королевы, так обрисовала ситуацию, сложившуюся при дворе:

…

«Я не думаю, что королева понимает всю чрезвычайность обстановки, создавшейся в Германии в плане шпионства и интриганства. Они в министерстве иностранных дел, то есть сам Бисмарк, хотят прикрепить к кронпринцессе своего человека, с тем чтобы более эффективно управлять кронпринцем, когда он станет императором. Зекендорф отказался исполнять роль шпиона… Тогда они назначили Радолинского (гофмаршалом кронпринца), поручив ему избавиться от Зекендорфа… Вся его забота о кронпринцессе заключается в том, чтобы распространять соответствующую информацию и оторвать ее от семьи»17.

В январе 1888 года наблюдательный генерал Вальдерзе отметил в дневнике, что Бисмарки начали подозревать существование группы людей, которые хотят настроить против них принца Вильгельма:

…

«Мы, включая и Альбедиля, пришли к общему мнению, что канцлера беспокоят некие люди, желающие отдалить принца Вильгельма от его сына Герберта. Очень часто он сам создает себе химеры и гоняется за ними… Ввиду склонности семейства Бисмарков к мстительности, война будет объявлена им всем, хотя поначалу и осторожная»18.

3 февраля 1888 года Бисмарк опубликовал текст секретного австро-германского договора, подписанного 7 октября 1879 года. Вальдерзе пометил в дневнике: «Сегодняшнее оглашение германо-австрийского альянса произвело сенсацию. Но я не думаю, что общая ситуация претерпит какие-либо существенные изменения»19. В действительности оглашение договора многое изменило. Венгерская элита с облегчением узнала, что договор

имел чисто оборонительный характер, а русские с горечью поняли, что он в общем-то был направлен против них. 6 февраля Бисмарк выступил в рейхстаге с большой речью, посвященной внешней политике. Заключительный пассаж особенно взбудоражил депутатов и так понравился немцам, что Бисмарк с трудом прокладывал себе путь через ликующие толпы, приветствовавшие его на улице:

…

«Мы, немцы, боимся только Бога и больше никого; наша богобоязненность побуждает нас любить мир и его культивировать. Тот, кто нарушит мир, быстро поймет, что горячая любовь к отечеству когда-то слабой, маленькой и истощенной Пруссии, призвавшей под свои знамена все население, сегодня стала общим достоянием всей германской нации. Кто бы и как бы ни напал на германскую нацию, встретит ее единый вооруженный отпор и солдат, в сердцах которых пламенеет твердое убеждение: “С нами Бог”»20.

9 марта 1888 года скончался Вильгельм I, германский император и король Пруссии, не дожив всего несколько недель до своего девяносто первого дня рождения. Старый король более двадцати пяти лет служил Бисмарку надежной опорой, поддерживал его инициативы и действия, терпел несносное, а нередко и просто иррациональное поведение. Судьба вознаградила его за долготерпение. В 1859 году Вильгельм был регентом небольшого и не самого сильного германского королевства. Ко времени ухода в иной мир он уже правил самым могущественным государством в Европе. Он стал императором, и при нем его любимая прусская армия одержала три блестящие военные победы. Личный вклад монарха, возможно, был и невелик, но он имел все основания считать себя причастным к достигнутым успехам. Он же поручил Мольтке командовать армиями, а Бисмарку – управлять делами государства. Вильгельм вовремя разглядел в одном из них великого военного стратега, а в другом – политического гения, вверив им и свою судьбу, и судьбу своей династии и народа. Государь сам много работал, прочитывал все правительственные документы, имел свое мнение, но никогда не позволял себе, даже будучи убежден в своей правоте, навязывать Бисмарку собственные взгляды на решение тех или иных проблем. Он обладал чувством верности, которое полностью отсутствовало у Бисмарка, и вознаграждал тех, кого обижал канцлер. Король-император не выбрасывал за ворота министров, если они вдруг чем-то не угодили Бисмарку. Он был человеком благожелательным, добропорядочным,

скромным и благородным. В сущности, только такой человек и мог переносить Отто фон Бисмарка. Вильгельм I наделил Бисмарка властью, а долголетие монарха превратило ее в неотъемлемый государственный институт.

Кончина Вильгельма могла означать и конец карьеры Бисмарка. По всем признакам новый император должен был его уволить. Как и в сентябре 1862 года после эпохального выступления на тему «крови и железа», 11 марта 1888 года Бисмарк сел в Лейпциге в поезд нового императора, который встретил его «объятиями и лобзаниями»21. На следующий день император Фридрих написал двухстраничный меморандум по конституционным проблемам, начинавшийся следующими словами:

…

Мой дорогой князь!

Принимая власть, я чувствую насущную потребность обратиться к вам как к первейшему и испытанному слуге моего отца, душа которого теперь покоится на Небесах. Вы были преданным и превосходным помощником, формировавшим цели его политики и обеспечивавшим их успешную реализацию. Я и мой двор остаемся глубоко признательными вам22.

Бисмарк понял, что ему нечего бояться. 13 марта он говорил в прусском кабинете:

…

«Я избавился от тягостного чувства, что мне придется вести борьбу с умирающим человеком против неуместных намерений, в том числе и настояний на том, чтобы освободить меня от занимаемой должности. С его величеством у нас добрые и приятные отношения, все идет jeu de roulette [102] … Кайзер не намерен производить какие-либо изменения в кабинете, и я тоже. Да и нет времени для перемен. Ввиду более ранних высказываний, в более молодые годы, можно было ожидать, что он будет преследовать всякого рода иные цели. Я этого теперь не опасаюсь»23.

Но не все были настроены так оптимистично. Новый император вознаградил некоторых из своих самых верных друзей. Вальдерзе остался крайне недоволен, когда увидел список избранников:

…

«Среди первых актов новой власти особенно выделяется награждение орденом Черного орла императрицы и министра

Фридберга… Фридберг уже давно являлся другом, а во многих делах и советником кронпринца и кронпринцессы. Либералы считают его своим человеком еврейского происхождения. Я думаю, что он настоящий еврей. Награждение обозначает определенную программу. Оно указывает на стремление завоевать популярность среди либералов и евреев. Министры Путткамер, Майбах и Люциус вниманием обделены…»24

Великий хронист Пруссии, писатель Теодор Фонтане обозлился на либеральную прессу, которая язвительно предположила, что новый император может проявить великодушие и разрешить Бисмарку оставаться и дальше на своем посту. 14 марта 1888 года Фонтане гневно писал жене Марте:

…

«Каково после величайших политических свершений тысячелетия (у Фридриха они менее значительные, а у Наполеона – скоротечные) выслушивать от еврейского плута, за которым, к сожалению, стоит немало других, что ты был всего лишь «слуга» и можешь, если будешь хорошим и любезным, продолжать занимать это положение «слуги». Непостижимо! Ужасно!.. Теперь они все повылезают из своих болот и нор и будут измываться над ним»25.

Через два дня старого императора похоронили. Императрица Виктория писала матери, королеве Виктории:

…

«Все прошло спокойно, без задержек, несмотря на холодную погоду – сильный мороз и снег. Публика вела себя почтительно и тихо, большого скопления народа не было. Служба показалась мне довольно обыденной, строгой и индифферентной, пение было превосходное… Катафалк был действительно очень простенький… Какое благо освободиться от ига и тираний, которой мы подвергались от имени бедняги императора; теперь надо что-то делать для излечения Фрица. Если это еще не поздно, еще не слишком поздно»26.

Вальдерзе серьезно встревожился за свое благополучие. Бисмарк начал кампанию в прессе, имевшую целью убрать его из Берлина и нарушить связи с другими людьми, ему пока еще неизвестными, но вовлеченными в интриги против канцлера. Вальдерзе решил встретиться с новым кронпринцем – Вильгельмом и откровенно поговорить с ним:

…

«Когда разговор переключился на канцлера, я воспользовался моментом и рассказал о нападках на меня в прессе и намерении канцлера выдворить меня из Берлина. Принц заверил меня в том, что я могу не беспокоиться на этот счет. Он будет придерживаться правил, не позволит снимать кого-либо с должности и не потерпит, чтобы канцлер вмешивался в военные дела. Меня больше всего волновала именно эта опасность, которая была вполне реальной. Слава Богу, принц понимает ситуацию»27.

21 марта Бисмарку пришлось пережить первый шок. Фридрих III отказался продлевать на два года действие закона против социалистов и подписывать законопроект, предусматривавший, чтобы выборы в рейхстаг проводились не через три года, а через пять лет. Бисмарк, как обычно, пригрозил отставкой: «Самым серьезным образом подвергается угрозе жизнеспособность правительства». Канцлер вызвал экипаж и поехал в Шарлоттенбург, где его приняла императрица. Он объяснил: император не может наложить вето на законопроект, утвержденный рейхстагом. У кайзера нет таких прав28. Императрица отправилась в спальню и вернулась с подписями на обоих документах. Бисмарк, отличавшийся женоненавистничеством на грани паранойи, винил в возникшем затруднении императрицу и ее трех фрейлин – Анну фон Гельмгольц, баронессу фон Штокмар и Генриетту Шрадер. Канцлер посчитал, что именно они попытались вбить клин в отношения между императором и его кабинетом. В долгой карьере Бисмарка, перемежавшейся вспышками гневности и мстительности, это был второй случай умопомрачения после не менее безумного обвинения стенографисток рейхстага в заговоре против него.

Если Бисмарку козни уже мерещились и в стане «нечестивых» женщин, то для Вальдерзе главными злодеями были евреи. Он всегда смотрел в корень вещей и обвинял в недомыслии не придворных женщин, а самого Фридриха III. Настоящими злоумышленниками генерал считал либералов, то есть евреев, которые в рейхстаге и голосовали против обоих реакционных законов:

…

«Эти оппозиционеры, выступившие против законов, являются и «врагами государства». Можно представить, в каком направлении повел бы нас император, если бы был во здравии… Еврейские круги чрезвычайно активны, стремятся использовать сложившуюся ситуацию к своей выгоде. Даже либерально настроенные люди понимают, что прогрессисты, к которым

принадлежат еврейские круги, действуют немыслимо глупо. Кронпринц с легкостью расправится с ними»29.

Вальдерзе был уверен: «мировое еврейство» вступило в сговор, с тем чтобы изничтожить кронпринца Вильгельма. В прессе на все лады муссировался тот факт, что кронпринц и принцесса стали горячими приверженцами духовного братства придворного проповедника Штёккера:

…

«Вся злопыхательская пресса принялась чернить кронпринца… Особенно усердствуют иностранные газеты, прежде всего еврейские издания «Ди нойе фрайе прессе» и «Петер Ллойд». Всякий раз они склоняют имя Штёккера, конечно же, Путткамера, иногда упоминают и меня. В последнее время нападок на меня вроде бы стало меньше»30.

4 апреля 1888 года Мольтке отказался исполнить просьбу кайзера отправить Вальдерзе командовать армейским корпусом куда-нибудь подальше от Берлина (император, видимо, хотел избавить своего сына от дурного влияния генерала). Мольтке говорил Вальдерзе:

…

«Я чувствую, что теряю власть. В любом случае мне долго не продержаться. Глупо было бы отсылать вас, когда не пройдет и года, как вы вернетесь и займете пост начальника генерального штаба»31.

15 июня 1888 года в Берлине умер германский император и король Пруссии Фридрих III. Отец Филиппа Эйленбурга писал сыну 17 июня 1888 года об обстановке во дворце после кончины кайзера:

…

«Императрица вне себя от горя. Кессель слышал, как она не просто рыдала, а заходилась криком. Она говорила ему как-то: «Что со мной будет, если я в моем возрасте останусь без дома?..» Кессель сказал, что при всем горе он чувствует облегчение, освободившись от противоестественной, искусственной английской привязки, и теперь он может думать и говорить свободно и откровенно. Завтра в десять похороны, и к двенадцати все будет кончено. Множество венков прислали полки, но еще больше поступило от евреев. Вся комната была заполнена блейхрёдерами, швабахами, хейманами и пр.»32.

За три месяца корона германской империи прошла через руки представителей трех поколений: Вильгельм I родился в 1797

году, Фридрих III – в 1831-м и Вильгельм II – в 1859-м. Фридрих III пробыл императором недолго. Его неожиданная болезнь и смерть служили и служат поводом для дискуссий на тему «а если бы». Вступи он на трон крепким и здоровым, могла ли история Германии сложиться иначе? На этот вопрос ответа нет и не может быть. Со всей определенностью можно сказать лишь об одном: с ним во власть не пришел никто из его современников, представителей поколения середины столетия. На троне его сменил хамоватый, далекий от либерализма, боязливый и неуверенный в себе двадцатидевятилетний молодой человек, а «потерянное поколение» середины XIX века так и осталось за бортом основных событий.

Эстафета поколений тем не менее имела другой долговременный эффект, отмеченный Кристофером Кларком в биографии императора Вильгельма II. Длительное владычество реакционного деда, стремившегося держать в абсолютном повиновении не только страну, но и всю семью, ослабляло влияние родителей на сына-принца и в то же время приближало к нему внука, на что и рассчитывали Бисмарки. В октябре 1886 года тогда двадцатисемилетний принц рассказал о семейных отношениях Герберту фон Бисмарку, а тот передал суть разговора отцу. Кларк пишет:

…

«Принц… говорил, что беспрецедентное сосуществование трех взрослых поколений в одном монаршем семействе ставило отца в трудное положение. Во всех других случаях – и в правящих, и в обычных семьях – отец всегда властвует, и сын финансово от него зависим. Однако принц (Вильгельм) не чувствовал себя зависимым от отца, не получая от него ни пенни, поскольку все давал глава семьи – дед… Это, конечно, доставляло большие неприятности ее высочеству (кронпринцессе)»33.

Кларк считает, что альянс старости и юности имел и внутриполитические, и внешнеполитические последствия. Прусское королевство, «срединное государство», всегда было вынуждено ориентироваться либо на западные державы – Францию и Великобританию, либо на Россию. Вильгельм I симпатизировал России, был связан с Романовыми не только семейными узами, но и врожденными реакционными инстинктами. Фридрих III и Виктория тяготели к Англии, либерализму и к презренным евреям, олицетворявшим открытое общество и коммерциализм, ненавистный кайзеру и большинству людей в его окружении. Бисмарк, не принадлежавший ни к одному из лагерей, потворствовал инстинктам престарелого

императора, чтобы доставлять ему удовольствие, но никогда не привязывал свою внешнюю политику и германский рейх к России, скорее наоборот. На разных этапах он рассматривал вариант сближения с Англией, но не встретил большого энтузиазма со стороны Дизраэли и его тори, тем более со стороны либералов и их лидера Уильяма Юарта Гладстона, воплощавшего все то, что Бисмарк не переваривал в либерализме, хотя сам Гладстон был правоверным прихожанином англиканской церкви, а не евреем. Теперь канцлеру предстояло иметь дело с упрямым молодым человеком, который с самого начала настроился на то, чтобы править страной самостоятельно, а не превращаться в агента великого Бисмарка. Принц разделял многие его взгляды, но был слишком своеволен, отличался к тому же склонностью к внешней броскости и двойственным отношением к новому индустриальному обществу, присущим молодым представителям прусского правящего класса, и не мог стать авторитетом для постаревшего джентльмена из Фридрихсру.

Вильгельм II вошел в современную историю Германии как самая неординарная, если не самая одиозная личность. Его именем названа и эпоха, в которую он царствовал, – с 1888 до 1918 года: ее окрестили «Вильгельмской» по примеру эпохи его бабушки королевы Виктории, правившей Великобританией с 1837 до 1901 года, хотя сравнение скорее всего многим покажется неуместным. Пристрастие к внешнему блеску, агрессивность речей, вычурная манера одеваться, острословие, драчливость и незаурядные способности на ходу сочинять лозунги вполне соответствовали духу эпохи бурного наращивания экономической и военной мощи германской империи, предшествовавшей Первой мировой войне. Он начинал войну в 1914 году, и его отречение 10 ноября 1918 года позволило заключить перемирие. Многие в Германии и практически все за ее пределами обвиняли Вильгельма в развязывании Первой мировой войны, и лозунг «повесить кайзера» был самым популярным в Англии во время выборов «хаки» в 1918 году [103] .

Вильгельм II родился 27 января 1859 года. Из-за тяжелых родов он появился на свет с поврежденной левой рукой и впоследствии никогда не мог ею пользоваться полноценно. В мае 1870 года кронпринцесса писала королеве Виктории: «Вильгельма начинает смущать то, что он отстает от других мальчишек, даже младших, в физических упражнениях – он не может быстро бегать, потому что теряет равновесие, не может ни ездить верхом, ни взбираться, ни нарезать себе еду»34. К нему определили очень сурового наставника, применявшего изуверские методы и для исправления физического недостатка, и для развития умственных

способностей. Мать хотела, чтобы он стал таким же, как «наш любимейший папа, его достойным внуком, и душой и интеллектом, достойным внуком нашего рода»35. Какое воздействие на юного принца оказали наличие физической неполноценности и завышенные материнские ожидания – эта проблема, безусловно, интересовала психологов и психиатров, включая Фрейда. Чрезмерная импульсивность Вильгельма, резкие перемены настроения и приступы жестокосердия сеяли сомнения в том, что он в состоянии здраво править империей. Мать хотела также, чтобы принц знал жизнь простых людей. Наставник водил его к беднякам, и он стал первым отпрыском Гогенцоллернов, отданным на учебу в обычную школу – *gymnasium*в Касселе, а затем – в университет. Подобно Бисмарку, он не получил настоящего прусского воспитания, не учился в *Kadettenanstalt*, и, как считает Кларк, в результате у него отсутствовали навыки самоконтроля и дисциплины, которые вырабатываются полноценным прусским военным обучением36. Ему претили ценности родителей (абсолютно нормальное явление), и он тянулся к деду (в этом тоже нет ничего особенного), но дед все-таки был императором Германии, воякой по призванию и реакционером в политике, дядей царя Александра II, и у юного Вильгельма сформировалась альтернативная политическая модель. Он прошел военную службу, став карикатурой на офицера-юнкера в элитном полку с соответствующими манерами поведения, предубеждениями и речевыми изысками.

В то же время Вильгельм полюбил романтизм, мифотворчество и песенные стихи Фили Эйленбурга, вещи, совершенно ненужные Бото фон Ринеккеру и другим гвардейцам, описанным Фонтане. Он был умен, обаятелен, понимал толк в современной технологии, но отличался вспыльчивым нравом и довольно грубым чувством юмора. Бисмарки пытались сманить принца на свою сторону и сделать из него послушного и уступчивого императора, однако к июню 1887 года стало ясно, что у них ничего не получится. Гольштейн записал разговор с Гербертом на эту тему:

…

«Меня поразило то, как два дня назад Герберт говорил о принце Вильгельме… У принца нет ни стойкости, ни выдержки – он хочет лишь, чтобы его развлекали. В армейской жизни ему нравилось только наряжаться в красивую униформу и маршировать по улицам под музыку. Он мнит себя Фридрихом Великим, но не обладает ни его талантами, ни знаниями. Фридрих Великий в молодости неустанно работал и развивал свой интеллект, в том

время как принц Вильгельм растрачивает впустую свои способности на общение с лейтенантами Потсдама. И холоден, как кусок льда. Он убежден, что люди существуют только для того, чтобы их использовать – для работы или развлечения, и даже тогда они пригодны лишь на определенный период времени, после чего от них надо избавляться…

Я нахожу перемену в отношении Герберта к принцу Вильгельму интересной с психологической точки зрения: она указывает на то, что он не удостоился со стороны принца того внимания, которого желал и которым, как ему казалось, он уже пользовался»37.

Во время болезни отца принц Вильгельм несколько раз ссорился с матерью. Об одной из размолвок кронпринцесса написала королеве Виктории:

…

«Ты спрашиваешь, как Вилли вел себя, когда был здесь! Он был груб, раздражителен и дерзок до невозможности, когда приехал, но я ответила ему, боюсь, даже резко, и он сразу стал милым, любезным и дружелюбным (как ему казалось) – по крайней мере естественным, и мы поладили. Он начал с того, что отказался идти со мной на прогулку, объяснив, что «у него много дел – ему надо поговорить с докторами». Я сказала, что доктора должны докладываться мне, а не ему, после чего он заявил, что у него «приказ императора» настаивать на том, чтобы все делалось так, как надо, следить, чтобы докторам не мешали, и докладывать императору о папе! Я сказала, что в этом нет необходимости, поскольку мы сами сообщаем императору обо всем. Он говорил в присутствии других, полуобернувшись ко мне, и я сказала, что пойду к отцу, расскажу ему о его поведении и попрошу, чтобы ему запретили бывать дома, – и он ушел. После этого он прислал гр. Радолинского передать мне, что он вовсе не хотел быть грубым и просит меня ничего не говорить Фрицу»38.

Отношение Вильгельма к матери становилось все менее почтительным. 12 апреля 1888 года, сетуя Эйленбургу на то, как «низко пал престиж нашего когда-то высокочтимого и неприкосновенного дома», он писал: «Печальнее всего то, что нашему родовому гербу уготовано поругание, а рейху – уничтожение из-за английской принцессы, оказавшейся к тому же моей матерью»39.

15 июня 1888 года умер Фридрих III, и ему наследовал Вильгельм. Новая камарилья сразу же подверглась нападкам всезнающей прессы. Вальдерзе, желая оградить себя от возможных неприятностей, в июле нанес визит Бисмарку и «неплохо провел время у канцлера»:

…

«Он был таким же, как прежде. Мы выпили две бутылки «грюнхойзера» и имели очень приятную беседу… Когда зашел разговор о Франции, он спросил: не полезно ли было бы для нас нарушить бельгийский нейтралитет и пройти по территории Бельгии? Я высказался против этой идеи, предложив, что нам бы чрезвычайно помогло, если бы через Бельгию прошли французы»40.

Этот примечательный разговор о нарушении бельгийского нейтралитета состоялся за три года до появления в генеральном штабе первого наброска плана Шлифена, проекта войны на два фронта – против Франции и России, предусматривавшего посягательство на нейтралитет и Бельгии и Голландии. По плану германская армия должна была вторгнуться во Францию с севера и отрезать французскую армию от Парижа. Удивительно, что эта идея впервые пришла в голову Бисмарку, а не полководцам. Принимал ли канцлер в расчет дипломатические последствия такого нападения? Например, то, что Великобритания, будучи гарантом бельгийского нейтралитета, непременно должна была поддержать Францию, как это и случилось в 1914 году? Или то, что Германия навлекала бы на себя гнев и презрение всего мира, поправ независимость маленьких, мирных государств?

Вильгельм II начал свое царствование с визитов за рубеж, где произвел очень плохое впечатление. В ноябре 1888 года он посетил Рим для аудиенции с папой и государственного визита в Итальянское королевство. Людвиг Бамбергер подытожил его первые международные контакты двумя словами – «полнейшее фиаско». Он получил письмо от давнего друга, новеллиста Генриха Хомбергера (1832–1890):

…

«Все в один голос говорят – он не понравился. «Незрелый, нелюбезный, груб, дурные манеры». Вернувшись из Ватикана, он описывал за столом аудиенцию всякого рода неприличными словами, насмехался над папой. В разговоре с юным восемнадцатилетним кронпринцем Италии, воспитанным в монастырских традициях, он допускал «des discours lestes» [104] , задавал вопросы, от которых бедолага-парень краснел. Он совершенно не интересовался искусством и античностью, и это тоже характеризовало его не с лучшей стороны»41.

Дипломатическая неуклюжесть дополнялась явно враждебным отношением к католикам и евреям. В сентябре 1888 года Вальдерзе отметил в дневнике: кайзер «не переносит евреев» и «нередко говорит» об этом публично42. И его антисемитизм не

был наносным. Джон Рёль, автор многотомного биографического сочинения о кайзере Вильгельме II, написал: «Имеется столько свидетельств неприязни кайзера к евреям, в том числе и в дневниках Вальдерзе, что ее никак не назовешь периферийной, она сидела в глубине его сознания»43.

Неизбежность конфликта между молодым кайзером и постаревшим канцлером стала очевидной уже в начале 1889 года. 14 января кайзер открывал сессию ландтага в Белом зале дворца. Он провозгласил подготовку законопроекта о налогообложении в Пруссии, которое «облегчит жизнь малоимущим слоям населения»44. Бисмарку были не по душе ни законопроект, ни тем более его идеологическая направленность. Напряженная обстановка сложилась в кабинете, появился первый серьезный повод для распри между Бисмарком и кайзером, возомнившим себя «королем бедных». Самопровозглашенному радетелю бедноты предстояло тяжелое испытание, когда 3 мая 1889 года шахтеры Рура объявили забастовку, которая быстро распространилась на Саар, Саксонию и Силезию. Стачечники требовали ввести восьмичасовую сменность под землей, включая транспортировку угля, на 15 процентов увеличить заработную плату и улучшить условия труда. С 14 по 20 мая бастовали 7 тысяч человек в Верхней Силезии, 13 тысяч – в Нижней Силезии, 10 тысяч – в Саксонии, 20 тысяч – в Сааре и Аахене, а в Руре не выходили на работу 90 тысяч из 120 тысяч шахтеров. Правительство отправило в Рур столько войск, что их передвижение напомнило газете «Национал цайтунг» весенние маневры45. Паническое и в то же время надменное поведение угольных магнатов раздражало армейских командиров. 11 мая генерал Эмиль Альбедиль (1824–1897), бывший глава военного кабинета, а теперь командующий VII корпусом, расквартированным в Мюнстере, докладывал начальнику генерального штаба Вальдерзе46:

«Каждые десять минут я получаю телеграммы, оповещающие о свержении всего и вся, если не будет оказана незамедлительная военная помощь; пока же не произошло абсолютно ничего такого, что хотя бы отдаленно напоминало нанесение ущерба собственности»47.

6 мая 1889 года кайзер приказал местным властям районов, охваченных забастовками, направлять все доклады ему лично. Он также без консультаций с Бисмарком попытался заставить владельцев шахт без промедления повысить угольщикам заработки. 7 мая под выстрелами полиции погибли три шахтера, и 12 мая на совещании прусского кабинета неожиданно появился Вильгельм II и объявил о намерении председательствовать на

переговорах с бастующими. После ухода кайзера Бисмарк сказал коллегам: «Молодой хозяин перенял у Фридриха Вильгельма I концепцию авторитета и власти, и необходимо уберечь его от чрезмерного рвения в этой сфере»48. У Бисмарка, как всегда, имелись свои виды на ситуацию. 25 мая он сказал: «Небесполезно будет, если не столь скоро и гладко разрешатся споры с забастовщиками и урегулируются возможные негативные последствия. Последнее обстоятельство особенно важно. Пусть либеральные буржуа прочувствуют все это». Ясно, что Бисмарк хотел напомнить либералам о пользе антисоциалистического закона. Поэтому и не надо было спешить с умиротворением забастовщиков49. Его обеспокоили не забастовки, а намерения кайзера править страной самолично, без консультаций с канцлером.

Нарастание напряженности в отношениях между кайзером и правительством вынудило Бисмарка во время летнего отдыха, 10 августа, вернуться в Берлин. 17 августа он созвал совещание кабинета для обсуждения забастовок и заявил:

…

«Если мое правительство более не вправе увольнять рабочих, не опасаясь забастовок, то это приведет к владычеству толпы, что создаст угрозу для общественной безопасности»50.

20 августа Бисмарк уехал из Берлина в Фридрихсру и вернулся в столицу лишь 9 октября, чтобы приветствовать царя Александра III, прибывшего с официальным визитом. Через три дня, 12 октября, между ними состоялся такой разговор:

…

Александр III. Вы уверены в незыблемости своего положения при молодом кайзере?

Бисмарк. Я убежден в доверии кайзера Вильгельма II и не думаю, что он уволит меня против моего желания.

Александр III. Я был бы рад, если ваш оптимизм полностью оправдается51.

Последний акт великой драмы начался 1 декабря, когда три тысячи шахтеров Эссена вышли на демонстрацию протеста против «черных списков» работодателей. Не в пример Бисмарку, Ганс Герман Берлепш (1843–1926), один из немногих либералов в высшем эшелоне провинциальной правительственной системы – обер-президент Рейнской области, – участвовал в забастовочном движении и хорошо знал стачечников. Он пришел к выводу, что рабочие являются частью «великого исторического процесса, который невозможно подавить силой»52. Он убедил нанимателей

отменить «черные списки» и восстановить на работе уволенных шахтеров. Бисмарк был недоволен принятым решением, но находился, по своему обыкновению, в Фридрихсру и не имел возможности повлиять на него. Мало того, личный помощник Бисмарка – Франц Иоганнес Роттенбург, заменивший в 1881 году Кристофа Тидемана, тоже поверил в необходимость «нового курса» в социальной политике и вызвал скандал, когда в своей инаугурационной лекции как куратор Берлинского университета призвал к тому, чтобы официально признать социал-демократическую партию, чем привлек к себе внимание полиции53. Заместитель Бисмарка Карл Генрих фон Бёттихер, по описанию его биографа, был «примерным государственным служащим, сообразительным, толковым и добросовестным»: «Ему повезло – он был персона грата и для Бисмарка, и для Вильгельма II»54. Но недолго. 19 декабря Роттенбург информировал Бёттихера: «шеф» отверг политику примирения Берлепша. Канцлер поручил Бёттихеру подготовить проект *Immediatbericht*(личного доклада Вильгельму II), в котором он хотел довести до сведения императора следующую мысль:

…

«Мы взращиваем в рабочей среде угрозу, которая неминуемо проявится не только на избирательных участках, но и в армии. Стремление рабочих добиваться более высокой платы за меньший труд не имеет пределов… Если мы позволим им (Берлепшу и местным властям. – Дж. С .) совершить эту ошибку (вести переговоры в пользу рабочих), то ее последствия придется исправлять жесткими и, возможно, кровавыми дисциплинарными мерами (harte und vielleicht blutige Massnahmen)»55.

В тот же день Альберт Майбах, министр труда, и Геррфурт, министр внутренних дел, предписали местным властям прекратить переговоры с представителями рабочих. Их предписание, как мы увидим позже, вступало в противоречие с намерениями кайзера.

24 января 1890 года Бисмарк спешно приехал в Берлин на заседание коронного совета: кайзер, не предупредив канцлера, назначил его на шесть часов вечера. Ни Бисмарк, ни его сын не имели ни малейшего представления о причинах созыва совета. Когда 23 января Герберт попросил аудиенцию, кайзер принял его и объяснил: совет созывается, потому что он намерен ознакомить министров со своими идеями разрешения трудового конфликта, и «если ваш отец желает участвовать в нем, то я буду этому только рад»56. Герберт отправил отцу телеграмму, вызывая его срочно в Берлин. Бисмарку пришлось подниматься очень рано, чего делать он не любил, и уже одно это обстоятельство привело его в сильнейшее раздражение. Он выехал ранним поездом и прибыл в Берлин в 1.50 пополудни. В три часа канцлер встречался со своим кабинетом, в 17.30 говорил наедине с кайзером, а в 18.00 кайзер открыл совещание. Гольштейн во вторник 23 января грипповал в постели, когда к нему заявился Герберт в состоянии крайнего возбуждения. Гольштейн высказал ему свое мнение, а потом еще и отправил карандашную записку, датированную 24 января, днем рокового заседания коронного совета. Он настоятельно рекомендовал не давить на кайзера. Предупреждение не подействовало. В тот вечер на имперском совете впервые пахнуло дымом большого пожара57.

Спустя несколько дней Гольштейн в подробностях описал совещание Фили Эйленбургу. Кайзер открыл заседание заявлением о том, что антисоциалистический закон, безусловно, можно принять без параграфов об изгнании, добавив: «Прискорбно, если бы мне пришлось отметить начало своего правления кровью… Я не могу позволить и не позволю втянуть себя в такое неблаговидное дело». Бисмарк тогда провозгласил:

…

«В таких обстоятельствах у него не остается иного выбора, кроме как подать в отставку, поскольку он не согласен с взглядами его величества. Его заявление было кратким и не касалось аргументов кайзера. Затем император попросил высказаться каждого министра, и все заявили, что разделяют мнение канцлера . Кайзер тогда сдался… Он вел себя восхитительно сдержанно и правильно сделал, что не позволил канцлеру уйти. Он должен занять личную позицию, не обязательно тождественную желанию правителя. Кайзер, канцлер, министры, бундесрат, «картель», партии – все оказались в ужасном положении»58.

Люциус записал в дневнике: «Мы ушли с ощущением того, что разногласия так и остались неразрешенными, а между сюзереном и канцлером произошел непоправимый разрыв. Его

величество заставил себя проявить дружественное расположение к канцлеру, но в душе он кипел. В любом случае он продемонстрировал немалое самообладание»59. На следующий день, как и ожидалось, антисоциалистический закон был отвергнут в рейхстаге большинством голосов – 169 к 99, и срок его действия истекал 30 сентября 1890 года; новый закон мог быть принят лишь на следующем рейхстаге после февральских выборов.

Бисмарка теперь серьезно обеспокоило свое положение, и он обратился за содействием к своим «врагам». 18 февраля 1890 года канцлер решил нанести визит Вальдерзе, которого не оказалось дома, и ему пришлось оставить визитную карточку. Вальдерзе безмерно удивился, записав в дневнике: «Канцлер захотел увидеть меня! Я не поверил своим ушам, когда узнал об этом. Годами он никого не посещал и теперь желает лицезреть и меня, и фельдмаршала (Мольтке. – *Дж. С.*). Он действительно слабеет»60. В это же время Бисмарк запросил аудиенцию у императрицы и получил отказ. Если он желает нанести визит, то это должен быть неформальный визит и, соответственно, с княгиней. Бисмарку пришлось согласиться. Виктория удивилась еще больше, чем Вальдерзе, написав матери на следующий день, 19 февраля:

…

«Князь Бисмарк с супругой вчера приходили ко мне. Он долго говорил на тему недавнего удачного хода Вильгельма! Потом он говорил о скорой отставке, о том, что ему трудно угнаться за переменами, происходящими столь быстро и поспешно и по совету людей, которые, по его мнению, совершенно некомпетентны для того, чтобы их давать. Должна признать, что он настроен решительно в данном случае, но я не думаю, что его отставка будет принята… Мне показалось, что князь Бисмарк выглядел необычно крепким, цветущим и готовым воспринимать все философически»61.

Баронесса Штокмар, в тот день исполнявшая обязанности фрейлины, сообщила «соседу» (кодовое имя Людвига Бамбергера) некоторые дополнительные сведения о разговоре. По всей видимости, императрица спрашивала, например, Бисмарка: не он ли составлял «февральские декреты» и редактировал их, чтобы они были менее «неприемлемыми»? Фрау фон Штокмар рассказала также:

…

«Бисмарк совершенно ясно дал понять, что намерен уйти.

Вильгельм принимает советы от всех и каждого и не желает выслушивать его. Все это – тщеславие; он хочет войти в историю великим монархом… Бисмарк предвидит, что его будут игнорировать и отвергнут. Виктория спросила: «И что же делать?» Он сказал: "Когда ваше величество встретит меня в салоне, будьте столь великодушны и ответьте на мое приветствие…"»62

Тем временем в Германии состоялись выборы, и результаты оказались для национал-либералов столь же плачевными, как они и ожидали. Возможно, Бисмарк и надеялся на такой исход, рассчитывая на то, что тогда он станет незаменимым. Поэтому он, может быть, и отказывался убрать из закона против социалистов положение об изгнании. Активность избирателей упала до 71 процента и была ниже, чем на кризисных выборах 1887 года. Партии «картеля» потерпели сокрушительное поражение – потеряли 85 депутатских мест. Популярность социалистов, напротив, выросла: за них отдали свои голоса 19,7 процента избирателей (1,4 миллиона человек), и впервые их партия стала самой сильной по критерию поддержки электоратом63. Конституционное большинство в парламенте теперь составляли «враги» рейха: 106 депутатов партии Центра, 35 социалистов и 66 прогрессистов; они в общей сложности получили 207 из 397 депутатских мест и могли заблокировать и антисоциалистический закон, и реакционные военные законопроекты.

2 марта 1890 года Бисмарк потряс прусское государственное министерство новым дерзким замыслом. Он решил внести в рейхстаг проект другого антисоциалистического закона, гораздо более жесткого, чем тот, который был отвергнут пять недель назад рейхстагом, подпавшим под влияние «картеля». Социал-демократов надо лишить права участвовать в выборах и избираться в парламент и в случае необходимости высылать. После отказа принять такой закон последуют роспуск парламента и новые конфликтные выборы – сценарий явно напоминал события 1862 года, приведшие его к власти. Понятно, что и на этих выборах могут победить радикалы и социалисты, пока Бисмарк не отменил всеобщее избирательное право. Поскольку германская империя держалась на альянсе государей, а не государств, Бисмарк, судя по протоколу, заявил: «Князья… могут решить, если посчитают нужным, выйти из союзного договора. Это даст им возможность игнорировать рейхстаг, если результаты выборов будут по-прежнему неудовлетворительными»64. И здесь Бисмарк оставался верен себе. Важнее всего сохранить господство. Он скорее погубит рейхстаг, чем лишится власти.

5 марта Вильгельм II участвовал в ежегодном обеде провинциальных сословий Бранденбурга и произнес тост: «Я всегда сердечно рад тем, кто помогает мне, кем бы они ни были, но я сокрушу любого, кто выступает супротив меня»65. И кайзер, и Бисмарк начали прибегать к жесткой фразеологии и готовиться к экстремальным ситуациям. Гольштейн отмечал: «Склонность его высочества к обострению взаимоотношений – следствие раздражительности преклонного возраста. Прежде, несмотря на категоричность, он оставался государственным деятелем наивысшего уровня»66. Вальдерзе дал иное объяснение поведению Бисмарка. В его дневниках имелась примечательная запись, датированная 5 марта 1890 года и изъятая редактором:

…

«Бисмарк не мог уйти, потому что боялся преемника и того гнева, который на него могли обрушить немало людей, кого он подавлял и обманывал… У него несносный характер; он без колебаний отрекался от друзей и тех, кто ему помогал; ложь у него вошла в привычку; он использовал свое служебное положение для личного обогащения в невероятных масштабах; он без зазрения совести продвигал своих сыновей, хотя никто не считал их компетентными»67.

Вальдерзе допустил две ошибки. Бисмарк лгал с детства и нисколько не боялся каких-либо преемников. Он стремился к абсолютному господству и готов был использовать любые средства для сохранения своей власти. В сущности, Бисмарк разыгрывал очередную комбинацию. Пауль Кайзер (1845–1898), начальник департамента колоний в министерстве иностранных дел, считал, что Бисмарк специально раздувал кризис в рейхстаге. По его мнению, это был виртуозный ход мастера шахматных комбинаций, нацеленный на то, чтобы «поставить мат королю»68. В любом случае Бисмарк всегда мог сделать вид, что возмутитель спокойствия не он, а новый распорядитель империи, не желающий считаться с реалиями. Бисмарк спровоцировал поражение «картеля», отказавшись пойти на компромисс по вопросу о высылке и угодить тем самым национал-либералам. Они стали жертвами, а он сохранил за собой свободу маневра. Теперь ему надо было провести военный законопроект и продлить действие закона против социалистов. Его военный министр Юлий Верди дю Вернуа, один из трех «полубогов» 1870 года, задумал предложить враждебному рейхстагу двухгодичную военную службу в обмен на согласие одобрить бюджетный законопроект – по иронии судьбы, именно такой компромисс Бисмарк хотел предложить ландтагу в октябре 1862 года, но король его не

поддержал.

У Бисмарка имелся и другой вариант действий – уговорить партию Центра одобрить оба закона в обмен на отмену последних ограничений, наложенных на деятельность католической церкви. 10 марта Виндтхорст встречался с Блейхрёдером, и тот настоятельно просил его нанести визит Бисмарку. Неизвестно, действовал ли Блейхрёдер по собственной инициативе или выполнял поручение канцлера. 12 марта 1890 года Виндтхорст предъявил свою визитку при входе в дом Бисмарков и был незамедлительно принят. Маргарет Лавиния Андерсон очень экспрессивно описала встречу двух политических титанов:

…

«Бисмарк тепло приветствовал своего давнего оппонента, усадил его на софу, подоткнув подушки за спину. Затем сел рядом с ним и, закинув голову на поперечину, начал излагать свое видение сложившейся политической ситуации. Ему нужна поддержка. Какая цена устроит Виндтхорста? Для депутата наступил долгожданный момент. «Отмена закона об изгнании», – сказал он. «Сделано», – изрек Бисмарк. «Пересмотр Anzeigepflicht [105] в соответствии с формулой, предложенной конференцией епископов, – продолжал Виндтхорст. – Свобода миссионерской деятельности, восстановление status quo ante [106] в делах церкви, включая возвращение иезуитов». На последнее требование Бисмарк ответил уклончиво, но все-таки сказал: «Осуществимо. Конечно, не сейчас, а постепенно…» И в этом прозаическом стиле Бисмарк согласился на уступки, которых Виндтхорст добивался восемнадцать лет… Неожиданно возникшая потребность друг в друге ликвидировала все различия в рангах и манерах поведения, барьеры и взаимную неприязнь; два старика беседовали, как давние приятели, какими они в определенной мере и были. Виндтхорст предупредил Бисмарка: «Если кто-то вам скажет – подавайте в отставку, через пару недель вас позовут обратно, – не верьте ему. Я прошел через все это дважды в Ганновере. Не верьте ни одному слову. Если вы уйдете, то не вернетесь. Оставайтесь на своем месте». Бисмарка нисколько не покоробила такая фамильярность. «Это верно, – сказал он. – В этом деле у вас есть опыт. Должен признать, вы были со мной очень откровенны». Уходя, Виндтхорст понимал, насколько слабы шансы, что обещанные уступки когда-нибудь будут реализованы. Когда в тот же вечер его встретил Порш, он выглядел ошарашенным. «Я только что побывал возле политического смертного одра великого человека», – сказал Виндтхорст»69.

На следующий день, 13 марта 1890 года, граф Отто фон

Гелльдорф-Бедра (1833–1908), лидер консерваторов в рейхстаге, созвал экстренное заседание фракции и потребовал от своих коллег не соглашаться ни на какие уступки ни по септеннату, ни по вопросам религии и образования. Это означало, что, несмотря на 106 депутатских мест партии Центра, примирение с Виндтхорстом не обеспечит Бисмарку конституционное большинство в рейхстаге. Встреча с Виндтхорстом его скомпрометировала, но выживанию никоим образом не способствовала.

14 марта Бисмарк запросил у кайзера аудиенцию, но Вильгельм даже не ответил. Бисмарк в своих мемуарах подробно и колоритно описал дальнейшие события. На следующий день в девять утра его разбудили сообщением о том, что кайзер прибудет через тридцать минут. Канцлер едва успел одеться, для завтрака у него уже не оставалось времени. Начал он свой доклад со встречи с Людвигом Виндтхорстом. «И вы не выставили его за дверь?» – удивился кайзер. Бисмарк ответил, что принимает всех парламентских коллег, если они ведут себя достойно. Затем кайзер обрушился на него с обвинениями в том, что он переговаривается «с католиками и евреями» за его спиной. Бисмарк отреагировал раздраженно, съязвив, что ему скоро придется отчитываться обо всех частностях личной жизни70. Кайзер рассказывал потом Фили Эйленбургу:

…

«Я сидел за столом, зажав саблю между колен и дымя сигарой. Канцлер стоял передо мной, и его злость действовала на меня успокаивающе. Внезапно он взял тяжеленную папку и швырнул ее на стол в мою сторону. Я испугался, что он бросит в меня чернильницу. Да, я схватился за саблю! До сих пор не могу поверить в это»71.

Разговор не заладился с самого начала. Кайзер потребовал отменить правительственный приказ 1852 года, с тем чтобы он мог контактировать с министрами напрямую, поскольку канцлер всегда находится в Фридрихсру. Бисмарк разозлился еще больше. Но кайзер не остановился на этом, заявив, что исправит военный законопроект и сделает его приемлемым для депутатского большинства в рейхстаге. Разрешая конфликт с парламентом, Вильгельм лишал Бисмарка последней надежды на выживание.

Во второй половине дня кайзеру нанесли визит генерал Вильгельм фон Ганке (1833–1912), начальник военного кабинета, генерал-адъютант Адольф фон Виттих и начальник генерального штаба Вальдерзе, и он рассказал им о своем столкновении с Бисмарком. Кайзер заметил, что, по его мнению, существует

коалиция «иезуитов и богатых евреев». Вальдерзе, как свидетельствуют его дневниковые записи, доказывал, что Бисмарк сам не уйдет в отставку: он опасается разоблачений преемников и «слишком тесных связей с евреями, от которых ему не освободиться». Затем он «честно и откровенно выразил свое мнение о канцлере, нисколько не щадя его». Ганке и Виттих были поражены, но кайзер вовсе не удивился сообщению начальника штаба. Между кайзером и Вальдерзе возникло единственное разногласие. Вальдерзе настаивал на том, чтобы кайзер отправил Бисмарка в отставку. Вильгельм же хотел спровоцировать Бисмарка на то, чтобы подать в отставку72.

На следующий день в рейхсканцелярию приехал фон Ганке и передал требование кайзера отменить приказ 1852 года. Бисмарк отказался. 17 марта Август Эйленбург сообщил Фили: ответа от Бисмарка так и не поступило, поэтому утром фон Ганке снова поедет к нему уже с требованием явиться к кайзеру во дворец, имея на руках прошение об отставке73.

Во дворце ответа ждали. Фили Эйленбург, друг кайзера, вместе с ним томился в его кабинете, пока ближе к вечеру не появился к обеду «дядя Эрнст», герцог Кобургский. Бисмарк хранил молчание, и кайзер сказал: «Хватит, давайте слушать музыку». После трапезы Фили сел за пианино, играл и напевал баллады, а кайзер расположился рядом и перелистывал страницы нот. В салон заглянул дежурный адъютант, и кайзер на минуту вышел. Вернувшись, он подсел к Фили и шепнул ему на ухо: «Прости-прощай у нас»74. Здесь одно из двух: либо Эйленбург указал в своих воспоминаниях неверную дату, либо кайзер в докладе адъютанта увидел больше, чем в нем было на самом деле. Согласно другим источникам, 17 марта во дворец от Бисмарка ничего не поступало.

В тот же вечер в доме Бёттихера собрался весь кабинет и избрал его своим уполномоченным. Он должен был запросить у его величества аудиенцию, с тем чтобы, как записал Люциус в дневнике, «выразить наше сожаление по поводу отставки князя и предъявить наше коллективное прошение об отставке для того, чтобы предоставить его величеству полную свободу действий. О совещании вечером же стало известно из газеты «Кёльнер цайтунг». Все газеты провозгласили политическую смерть и одобрили отставку князя как правомерную. В отношении преемника нет никакой ясности. Съехались все генералы»75.

Единодушие, с каким пресса – и левая и правая – приветствовала уход Бисмарка, свидетельствовало: он действительно потерял политический вес, хотя сам этого не осознавал. 18 марта в доме на Вильгельмштрассе появился

Герман фон Луканус (1831–1908), начальник гражданского кабинета кайзера, с одним-единственным вопросом: почему князь не ответил на требование императора? Луканус, которому Бисмарк и поручил деликатное руководство гражданским кабинетом, испытывал некоторую неловкость76. Бисмарк ответил: кайзер во власти уволить его в любой момент; для этого ему не требуется никакого прошения об отставке, а сам князь тоже не видит в нем никакой необходимости. Он намерен объяснить свою позицию в письменном виде, которая будет опубликована, и князь сел за стол готовить свое заявление. Тем временем прибыл генерал Лео фон Каприви, взял на себя канцлерство и уже работал в соседней комнате. Бисмарк описал свое негодование в главе «Моя отставка» третьего тома мемуаров: «Мое прежнее состояние равнодушия естественно должно было уступить чувству обиды… Это было выселением и притом без предварительного оповещения; все это, ввиду своего преклонного возраста и продолжительности своей службы, я не без основания расценивал как грубость. Еще и теперь я не могу оправиться от последствий этого торопливого выселения»77. Затем Бисмарк составил пространный меморандум об исключительной важности приказа от 8 сентября 1852 года, «определявшего роль министра-президента и служившего единственным обоснованием его полномочий, позволявших брать на себя тот уровень ответственности, который необходим для руководства коллективной политикой кабинета». Далее он заявлял, что не может исполнить повеление императора об отмене правительственного приказа и в то же время продолжать служить его величеству министром-президентом и рейхсканцлером. Завершал он меморандум такими словами:

…

«При моей привязанности к службе королевскому дому и вашему величеству и после того как я в течение многих лет сжился с положением, которое считал постоянным, мне очень больно расставаться с привычной сопричастностью к делам вашего величества и ко всей политике империи и Пруссии. Однако, добросовестно взвесив намерения вашего величества, осуществлять которые я, оставаясь на службе, был бы обязан, я не могу поступить иначе, как всеподданнейше просить ваше величество милостиво освободить меня от должности имперского канцлера, министра-президента и прусского министра иностранных дел с предоставлением законной пенсии [107] »78.

Так закончилась экстраординарная карьера Отто фон Бисмарка, с 22 сентября 1862 года и до 18 марта 1890-го,

служившего государству для того, чтобы сделать его великим и сильным. В своей промемории он использовал витиеватый язык искушенного придворного и верноподданного монархии, которую лелеял и сорок лет использовал в своих целях, сохраняя за собой возможность действовать по своему усмотрению. Искусственная поза смиренности, которую он по необходимости принимал в письменных обращениях к сюзерену, теперь отражала его действительное положение. Ему напомнили: его роль слуги, каким бы великим и блистательным он ни был, не сценическая, а вполне реальная, и суверен может прогнать его, как только захочет это сделать. Он сам всегда отстаивал прерогативы сюзерена, позволявшие и ему наращивать свое могущество, и теперь император применил абсолютное государево право против него персонально. Подавляя парламентских оппонентов, измываясь над министрами и не желая проявлять элементарное чувство верности по отношению к другому человеку, он лишил себя союзников и поддержки, когда в ней возникла насущная потребность. За ним, собственно, не было ни кабинета, ни парламентского большинства. Он сам способствовал тому, чтобы и то и другое принадлежало суверену, и стал жертвой системы, которую взрастил и даровал своевольному молодому императору. 20 марта кайзер послал Бисмарку ответ, составленный в самых милостивых выражениях, отставка была принята и оглашена. Кайзер написал двадцатистраничное личное послание с объяснениями причин, заставивших его уволить канцлера. Основной мотив, не раз звучавший в оценках современников: «Дьявольская сила властолюбия завладела этим благородным и великим человеком»79. И так думал не только кайзер.

Хильдегард фон Шпитцемберг, как всегда, занесла в дневник размышления о том, насколько сам Бисмарк виновен в своем падении. 20 марта, в день его отставки, она записала, что виной всему его длительные отлучки и склонность смешивать служебные и личные интересы:

…

«Целый ряд крайне нужных законов были положены под сукно, потому что они не устраивали его как землевладельца или из-за недостатка времени. Что касается семьи, то ее покарает Немезида, и не беспричинно, ибо своей жестокостью и бессердечием они насолили столь многим людям – самым разным, и ничего хорошего их не ждет. Бог мой! Теперь возобладает пошлость после стольких лет подобострастия»80.

23 марта 1890 года новый канцлер Лео фон Каприви, новый министр иностранных дел Адольф Маршаль фон Биберштейн

(1842–1912) и Гольштейн провели совещание на предмет того, стоит ли возобновлять «перестраховочный договор» с Россией. Ни Каприви, ни Маршаль не имели опыта в международных делах и дипломатии. Маршаль служил в рейхстаге, а с 1883 года был посланником Бадена при союзном совете. Он был настолько несведущ в международных отношениях, что его прозвали *«minister tranger aux affaires»*[108] 81. Отставку Герберта Бисмарка кайзер еще не принял, и он продолжал занимать пост статс-секретаря по иностранным делам, который уже принадлежал Маршалю. Узнав о том, что секретный «договор перестраховки» показали Каприви, Герберт рассердился на Гольштейна:

…

«Граф послал за мной и, еле сдерживая себя, сказал: «Вы виновны в том, за что в прежних обстоятельствах я должен был наказать вас самым серьезным образом. В нынешних обстоятельствах я могу лишь сказать вам, что вы поспешили списать меня со счетов». Мне не составило никакого труда доказать профессиональную правомочность своих действий, и мы расстались, пожав друг другу руки в последний раз»82.

Гольштейн, конечно, не был до конца честен с Гербертом, но в данном случае он поступил правильно, ознакомив с текстом договора нового рейхсканцлера и министра иностранных дел. Герберт же повел себя как отец: смешал служебный долг с личным интересом.

Вечером 23 марта 1890 года князь и княгиня Бисмарк давали прощальный обед для аппарата государственного министерства и нового рейхсканцлера, генерала фон Каприви. Люциус посвятил этому событию последнюю страницу повествования о своей жизнедеятельности под началом Бисмарка:

…

«Каприви прикоснулся к руке княгини, сидевшей справа от Бёттихера. Майбах и я расположились рядом с князем. Первоначальная натянутость и сумрачность постепенно рассеялись. Князь и княгиня уже попрощались с императрицей. Княгиня громко и откровенно комментировала события последних дней. Бисмарк разговаривал с Каприви тепло и радушно, пожелал ему успехов, когда тот уходил, и предложил помочь советами, если в этом возникнет необходимость»83.

24 марта состоялся ежегодный обед ордена Черного орла, высшей награды в Пруссии. На него приглашались все, кто имел вес и заслужил достойную репутацию в королевстве Гогенцоллернов. Князь Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст,

оставивший для истории превосходный дневник, записал после приема:

«В половине второго – обед, на котором я сидел между Штошем и Камеке. Первый рассказывал мне о ссоре с Бисмарком и щебетал, как крапивник, радуясь тому, что теперь он может говорить открыто и не бояться великого человека. Это чувство облегчения было здесь всеобщим. Воистину кроткие наследуют землю» [109] 84.

Хильдегард Шпитцемберг через неделю после первого визита снова побывала у Бисмарков, обнаружив там очень тягостную обстановку. По мнению мемуаристки, она была «следствием субъективного и достойного сожаления восприятия людей, определявшего настроения в этом доме»:

…

«И сколько теперь здесь ожесточенности и горечи?.. Очень печально видеть, к чему привело бездушие князя и мелочная одержимость властью»85.

29 марта 1890 года Хильдегард Шпитцемберг еще раз навестила дом на Вильгельмштрассе, когда Бисмарки готовились к отъезду. Там ее взору предстала грустная картина – снующие взад-вперед грузчики и голые закопченные стены:

…

«Когда княгиня поведала нам о том, как князь побывал вчера в мавзолее покойного короля, чтобы с ним попрощаться, у нас на глазах навернулись слезы. “Я взял с собой розы, – сказал князь, – и возложил их на гроб старого императора. Я долго стоял подле него и высказал все, что накопилось на душе”»86.

Вести об отъезде Бисмарка разлетелись по Берлину, и на пути к Лертскому вокзалу собрались огромные толпы людей. Общественность думала, что Вильгельм II приедет проводить князя, но он не появился. «На платформе выстроился эскадрон гвардейцев-кирасиров с оркестром и знаменами. Присутствовали все министры, послы, генералы… Гремели оглушительные «ура» и *«auf Widersehen»*[110] . Когда поезд тронулся, публика запела *«Wacht am Rhein»*[111] . Сыгран последний акт, мы были свидетелями эпохального события»87. Такими словами Роберт Люциус фон Балльхаузен завершил свой дневник. Людвиг Бамбергер тоже сделал дневниковую запись в этот день: «Сегодня отъезд. Зачинается легенда Бисмарка. Если национал-либералы не рабы, то они используют ее для того, чтобы снова подняться. Он ушел как Великий демон, парящий над своей нацией»88.

Все, кто близко знал Бисмарка и Иоганну, понимали, что

спокойная, безмятежная старость не в их вкусе. В считанные дни он сформировал «теневое правительство», капище для своего гения, ставку фронды кайзеру Вильгельму II. За две недели он мобилизовал и свой журналистский корпус. У него уже не было «фонда рептилий» для оплаты заказных статей, но ему не надо было и платить наличными. Он расплачивался секретами, эксклюзивными интервью и своей титанической авторитетностью, авторитетностью Великого демона, как его назвал Бамбергер. Война между ставкой Бисмарка в Фридрихсру и новым правительством кайзера была неизбежна. К удивлению всей семьи, Бисмарк больше не проявлял интереса к тому, как идут дела на его теперь весьма обширных земельных угодьях. Герберта особенно беспокоило то, что отец «не обращал внимания и отказывался выслушивать» доклады управляющих фермами, приезжавших за решениями. Бисмарк проводил все свое время за чтением газет, предаваясь, как выразился Герберт, «псевдополитике»89. Сам Герберт уехал в Шёнхаузен, стал настоящим сельским помещиком и больше не возвращался к политическим дрязгам Берлина.

15 апреля 1890 года князь принял Эмиля Хартмейера (1820–1902), владельца ежедневной газеты национал-либералов «Гамбургер нахрихтен». Хартмейер, наследовавший газету от отца в 1855 году и уже почти пятьдесят лет выступавший в роли ее хозяина и редактора, предложил Бисмарку пользоваться услугами и издания, как своего собственного, и ее главного политического корреспондента Германа Хофмана (1850–1915). Бисмарк согласился90, и в тот же день газета выступила с резкой критикой первого выступления в рейхстаге нового рейхсканцлера. Бисмарк не желал вести образ жизни пенсионера, он хотел реванша.

Ненавистничество и мстительность всегда были свойственны Бисмарку, и теперь, попав в немилость и оказавшись не у дел, он только и думал о том, как свести счеты с кайзером, канцлером и министрами, не последовавшими за ним в отставку. Врагов умерших, как Гвидо фон Узедом, он очернит в мемуарах, когда приступит к их написанию. Живущим и остающимся при должностях был уготован компромат в послушной прессе. Генрих фон Бёттихер, его заместитель, никуда не ушел со своего поста, и Бисмарк этого ему не простил. В марте 1891 года князь дал в прессу информацию о том, что помог Бёттихеру занять в Вельфском фонде сто тысяч марок для оплаты долгов тестя. Филипп Эйленбург, соболезнуя, написал Бёттихеру:

…

«В голове не укладывается, что можно выкидывать такие

фокусы. Лично я назвал бы всю эту историю непатриотичной , в которой трудно различить грань между личной злобой и предательством»91.

Озлобление – самое верное слово для определения мотивов данного поступка Бисмарка. В своих мемуарах он посвятил шесть страниц – целую главу – неблагодарному Карлу Генриху фон Бёттихеру и ни словом не обмолвился об утечке информации о злополучном займе.

Новый канцлер, Лео фон Каприви (1831–1899), оказался в непростом положении. У него не было политического опыта, но как военачальник и имперский статс-секретарь военно-морского флота он завоевал репутацию человека честного и компетентного, христианского консерватора, обеспокоенного социальными проблемами. Газета «Таймс» 21 марта 1890 года дала его словесный портрет для своих читателей: неженатый, некурящий и не имеющий независимых источников дохода. Особенно впечатлял его внешний облик92:

…

«Типичный тевтонец, огромной и внушительной комплекции. Он вполне мог сойти за брата или двойника князя Бисмарка… Телосложением и шириной плеч генерал фон Каприви даже превосходил человека, которого сменял… Неплохой оратор, возможно, чересчур немногословный. Будучи главой адмиралтейства, генерал, выступая со своего места на скамье союзного совета в рейхстаге, всегда выражал свою позицию четко и ясно»93.

Каприви настроился на проведение *Vershnungspolitik*(политики примирения) и даже, как написал Генрих Отто Мейсснер, «собирался привлечь на сторону государства социал-демократов»94. В рейхстаге, завещанном ему Бисмарком, сложилось негативное большинство, и Каприви, предлагая законопроекты, каждый раз должен был учитывать фактор плавающего, неустойчивого большинства в парламенте, не им придуманный, а являвшийся свойством непарламентского конституционализма. Главная проблема заключалась не в этом, а во внешних атрибутах. Мейсснер написал о Каприви: «Не обладая демонизмом гения, он выглядел нерешительным»95. Виндтхорст тем не менее решил поддержать военный законопроект нового канцлера. 27 июня 1890 года он был принят большинством голосов – 211 к 128. Большинство составили все депутаты «картеля», значительная часть членов партии Центра и депутаты польской партии. В меньшинстве оказались прогрессисты, социал-демократы, представители народной партии, вельфов и 21

депутат южно-германского центра96. 23 июня 1890 года Виндтхорст таким образом объяснял причины своей поддержки законопроекта Каприви в разговоре с одним из его помощников:

…

«Если бы законопроект был отклонен, то создалась бы серьезная угроза конституционного конфликта и отмены всеобщего избирательного права. Можно по-разному относиться к нему – я бы никогда его не ввел, – но его упразднение в нынешних условиях означало бы поощрение революции и ослабление позиций католиков. Сила католиков в массах. Католики, безусловно, беднее (из двух конфессий); в правящих классах, в государстве, муниципальных органах, в общественной жизни они играют гораздо меньшую роль, чем протестанты. Отклонение военного законопроекта негативно отразилось бы на положении нового канцлера, если бы вообще его не погубило. Эти политические соображения и побудили нас его принять»97.

Виндтхорст, хорошо разбиравшийся в тактике Бисмарка, проявил здравомыслие. Бисмарк и хотел спровоцировать кризис, с тем чтобы аннулировать всеобщее избирательное право. В случае серьезного конфликта его непременно должны призвать обратно. Виндтхорст и его партия Центра поддержали Каприви из-за опасения, что Бисмарк может вернуться.

В Фридрихсру бывший канцлер принимал гостей, занимался политическими интригами и начал писать мемуары с помощью многоопытного личного секретаря Лотара Бухера. В марте 1891 года к нему приехала баронесса Шпитцемберг. Ее все еще волновали перипетии отставки, и она спросила Бисмарка: есть ли шанс для примирения с кайзером? Князь ответил ей категорическим «нет»:

…

«Нет, с этим покончено. Представьте себе, кем бы я стал, если бы жил в Берлине. Как бы я разговаривал с теми, кто бесстыдно сбежал от меня, узнав, что со мной можно больше не считаться? Ввиду того, как жалко ведут себя люди, не навредит ли я своим друзьям? Любого, кто будет моим собеседником или придет ко мне в дом, обвинят в «сговоре с Бисмарком»! Кайзер выгнал меня, как лакея. Всю жизнь я ощущал себя дворянином, который не может оставить безнаказанным малейшее оскорбление. Я не могу требовать у кайзера сатисфакции, поэтому предпочитаю оставаться в стороне»98.

На следующий день баронесса поинтересовалась: почему же все-таки кайзер его уволил? Бисмарк ответил:

...

«Я скажу. Все произошло из-за Ферзена, главного льстеца99. Он сказал ему, что если бы у Фридриха Великого был или он получил бы в наследство такого канцлера, то он никогда не стал бы Великим, а он очень хочет стать Великим. Дай ему Бог таланта для этого. Я был тенью, заслонявшей его от лучей славы. Он не мог позволить, в отличие от деда, чтобы волшебством власти пользовались и его министры. Совершенно немыслимо, чтобы он и я могли работать вместе. Нам даже встречаться неприятно. Я для него как бельмо на глазу».

Один за другим начали умирать современники Бисмарка. 15 марта 1891 года скончался Виндтхорст, 24 апреля – Мольтке. В июне 1891 года Бисмарка в Фридрихсру навестил Ганс фон Клейст-Ретцов. Как он сам объяснял, его побудили к этому появившиеся в обществе разговоры о том, что все старые друзья бросили князя. Маленький Ганс остался доволен визитом: «Он был настроен доброжелательно и любезно. Я не заметил никаких признаков горечи. Печально только, что он уже давно перестал произносить молитвы за обеденным столом»100.

В 1891 году Герберт ездил в Фиум погостить в семье давнего приятеля по дипломатическому корпусу графа Людвига фон Плессена, женатого на старшей дочери графа Георга Хойоша и Алисы Уайтхед, дочери английского изобретателя торпед. Граф Георг подключился к бизнесу тестя и управлял в Фиуме заводом «Силурифико Уайтхед». Там Герберт познакомился с двадцатидвухлетней красавицей Маргеритой Хойош, и они обручились. Венчание было намечено на среду 22 июня в протестантской церкви на Доротея гассе в фешенебельном Первом районе Вены. Породнение Бисмарков с одним из самых знатных мадьярских домов в любом случае должно было вызвать большой общественный резонанс, но особый статус отца жениха создавал еще политическую конфликтную ситуацию для кайзера и канцлера Каприви. Они заподозрили, будто Бисмарк организовал женитьбу для того, чтобы снова взойти на дипломатическую сцену в Вене, и кайзер отреагировал в своей обычной нервозной манере. Бисмарк, естественно, уведомил власти в Хофбурге о том, что будет находиться в Вене с 15 до 22 июня. Одновременно он сообщил о желании нанести визит вежливости императору Францу Иосифу, которого знает уже четыре десятилетия. 9 июня кайзер повелел Каприви предупредить все германские посольства не обращать внимания на поездку бывшего канцлера, а 14 июня письмом попросил императора, «истинного друга», не принимать «этого *ослушника*,

пока он не придет ко мне и не скажет *peccavi*» [112] 101.

Австрийскому императору ничего не оставалось, как отказаться от встречи с Бисмарком и запретить всему венскому официальному истеблишменту появляться на самом знаменательном светском мероприятии лета 1891 года, на которое были приглашены шестьсот гостей. «Нью-Йорк таймс» тогда писала: «Бросалось в глаза отсутствие австрийских чиновников. Австро-венгерская аристократия была представлена венгерскими магнатами в потрясающих национальных костюмах… Экс-канцлер был одет в форму германской гвардии, и на нем был шлем с серебряным орлом»102. Несмотря на мелочную мстительность кайзера, светский выезд Бисмарка превратился в его триумф. На всем пути до Вены и в самой столице его приветствовали огромные толпы людей. Фактически всю неделю его чествовали и в Вене, и в германских городах, через которые он проезжал, хотя им и было официально приказано не принимать отставника.

В Фридрисру зачастили всякого рода паломники-патриоты. Реальный Бисмарк, его реальная жизнь уже мало кого интересовали. Он стал идолом даже в таких городах, как Мюнхен, где его прежде ненавидели. Он символизировал величие Германии, и портреты «железного канцлера» в военной форме и со шлемом на голове висели в классных комнатах и гостиных. Его образ и тогда, и особенно после Первой мировой войны служил эмблемой германского могущества, как из рога изобилия посыпались статьи и книги на тему «Бисмарк-легенда», «Тени Бисмарка» – этот феномен подробно описал Роберт Герварт в исследовании «Миф Бисмарка»103. Военный мундир, шлем и агрессивное выражение лица как нельзя лучше передавали идею «крови и железа», культ германского милитаризма, глубоко укоренившегося в общественном сознании.

В действительности Бисмарк выглядел в то время совершенно иначе. 18 марта 1893 года баронесса Шпитцемберг побывала в Фридрихсру:

…

«Я увидела двух одиноких стариков; оба совершенно побелели, а ее мучила ужасная астма. Сначала мы вместе трапезничали, а потом беседовали, расспрашивая друг друга о семьях и общих знакомых. Смерть графини фон Арним на глазах одряхлевшего супруга побудила Бисмарка заметить: “Я часто думаю о том, что наш Создатель и Вседержитель не все сам делает, а перепоручает определенные сферы своим священникам и служителям, которые совершают глупые вещи. Вы видите, как мы несовершенны, и

Спасителю полагается прийти нам на помощь. Я не могу в это поверить. Полицейский начальник подвергает аресту женщину вместо мужчины. Такие вещи случаются”»104.

В 1894 году отношения между кайзером и Бисмарком начали улучшаться, хотя не обошлось и без эксцессов. 21 января Герберт фон Бисмарк был впервые приглашен на ежегодный *Ordensfest*(фестиваль орденов – прием императорской семьи для орденоносцев) как бывший депутат рейхстага и обладатель *Hausorden*(ордена дома) Гогенцоллернов со звездой и цепью. Судя по свидетельству баронессы Шпитцемберг, кайзер оскорбил Герберта, сделав вид, что не заметил его, хотя Эйленбург усадил графа напротив императора. «Граф Крамер рассказал мне, – записала в дневнике баронесса, – о разговоре с жирным депутатом Александром Мейером, от которого он узнал о том, что кайзер намеренно распорядился посадить Герберта так, чтобы он мог предумышленно и открыто его проигнорировать»105. Князь Гогенлоэ, удостоенный почти всех имевшихся в то время орденов, присутствовал на приеме и так прокомментировал этот сюжет: «Бисмарковцы были возмущены. Они утверждали, что император уведомил Герберта Бисмарка о том, что будет с ним разговаривать. Это, видимо, не так. Если император посылает кому-то подобные сигналы, то он не будет игнорировать его столь демонстративно»106.

Вскоре после этого случая – 26 января 1894 года – бывший канцлер выехал в Берлин к кайзеру. На всем пути от Фридрихсру и до столицы Бисмарка в генеральской форме на каждой остановке славили ликующие толпы обожателей. На Лертском вокзале его встретил принц Генрих, младший брат кайзера, и сопроводил до дворца, где состоялась непродолжительная аудиенция, о которой не сохранилось никаких свидетельств107. Баронесса лишь отметила в дневнике, что встреча за ленчем проходила в очень узком кругу и дружеской обстановке: присутствовали император и императрица, граф Клинкстрём, близнец-брат командира Хальберштадтского кирасирского полка, почетным полковником которого стал и Бисмарк, принц Генрих, король Саксонии, Герберт и Билл: «У всех было хорошее настроение»108. Князь Гогенлоэ отметил: «Экипаж приветствовала довольно многочисленная толпа, но большого энтузиазма я не наблюдал… Примирение, безусловно, принесло императору популярность по всей Германии. Во второй половине дня я оставил свою визитную карточку в доме Бисмарка»109. 19 февраля 1894 года Вильгельм II нанес ответный визит. Официальные отношения между Вильгельмом II и Бисмарком восстановились, но дружественными они никогда не стали.

В 1894 году произошли события, вынудившие преемника Бисмарка тоже покинуть свой пост. После того как Каприви не смог провести школьный законопроект через рейхстаг и ландтаг в 1892 году, кайзер с согласия Каприви решил разделить должности рейхсканцлера и министра-президента, назначив главой прусского правительства Бото Эйленбурга (1831–1912), племянника бывшего министра внутренних дел при Бисмарке110. Именно это Бисмарк собирался сделать еще в 1872 году. Реорганизацию не удалось осуществить за двадцать лет, еще меньше шансов перестроить систему управления было в девяностые годы. Политические взгляды Каприви и Эйленбурга абсолютно не совпадали. Мало того, конституция Пруссии 1850 года, наличие палаты господ и трехклассной избирательной системы гарантировали, что собственники юнкерских поместий всегда могут наложить вето на любые изменения в государстве, на которое приходилось три пятых населения и основная часть тяжелой промышленности. Структура избирательных округов не учитывала демографические перемены, возрастание городского электората, рабочего сословия. Даже в конце девяностых годов в сельских районах все еще голосовали за своих господ, как и пятьдесят лет назад. Кайзер требовал от своих двух главных чиновников, чтобы они провели через парламент закон против подрывной и революционной деятельности, направленной на свержение существующего общественно-политического строя – *Umsturz-Vorlage*. Генералу Каприви противостоял рейхстаг, избранный в 1893 году, поправевший, но недостаточно. Партии «картеля» увеличили свое представительство на восемнадцать мест, однако у них все еще было только 153 места из 199, минимально необходимых для конституционного большинства. Оппозиция тоже не могла претендовать на конституционное большинство: левых либералов центра и социал-демократов представляли 188 депутатов. Расстановка политических сил подсказывала, что Каприви следует внести в парламент мягкий вариант законопроекта, но Бото Эйленбург настаивал на его ужесточении в расчете на то, что рейхстаг либо примет его, либо спровоцирует *Staatsstreich*, «переворот», который был нужен и Бисмарку для отмены всеобщего избирательного права. В итоге 26 октября 1894 года и Эйленбург, и Каприви подали в отставку.

В декабре 1894 года Каприви определил главную проблему, с которой неизбежно столкнется преемник Бисмарка, – князь превратил государственную службу в лакейство: «По-моему, любой преемник… должен стремиться к тому, чтобы вернуть нации чувство собственного достоинства, свойственное среднему, если хотите, нормальному человеку»111. Это откровенное

замечание показывает, как много потеряла Германия, когда неуравновешенный кайзер, которому наскучил здравый, компетентный и честнейший солдат, уволил его. Бисмарк оставил после себя систему, которой только он – личность ненормальная – и мог управлять, и лишь в том случае, если его суверен – кайзер *нормальный.*Но в этой системе уже не было ни его самого, ни прежнего кайзера, и ее захлестнули интриги, бахвальство и холуйство, превратившие кайзеровскую Германию в опасного соседа.

Кайзер решил назначить новым рейхсканцлером князя Хлодвига цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрста, князя Ратибора и Корвея (1819–1901), вызвав его телеграммой из Потсдама. Князь явился 27 октября, целый день шли долгие переговоры, после чего он все-таки принял предложение императора стать рейхсканцлером и – снова – прусским министром-президентом. Князь цу Гогенлоэ-Шиллингсфюрст принадлежал к одной из самых великих и знатных германских династий. Он родился 31 марта 1819 года и был всего лишь на четыре года моложе Бисмарка. Он был другом Гогенцоллернов, католиком, но не ультрамонтаном, баварцем, но сторонником объединения Германии, поддержавшим интеграцию в роли премьер-министра Баварии. К тому же князь превосходно разбирался в политике. Бисмарк хорошо его знал, назначил в свое время наместником короля в Эльзас-Лотарингии, они прекрасно ладили друг с другом. Кайзер называл его «дядюшкой Хлодвигом»112. Если не считать возраста и мягкого характера, то он вполне подходил на должность главы исполнительной власти, хотя барон фон Роггенбах писал Штошу в январе 1895 года:

…

«Он способный и спокойный человек, но у него есть противник – тайный советник (Гольштейн. – Дж. С .). Как баварец и католик заставит людей бояться его? За ним всегда должен стоять монарх, знающий, что делать, и его изо всех сил поддерживающий. В нынешних условиях пост канцлера означает медленное умирание»113.

27 ноября 1894 года в Варцине преставилась Иоганна, княгиня Бисмарк. Князь сказал после ее кончины: «Если бы я был при должности, то работал бы день и ночь, и мне было бы легче перенести все это, а теперь…»114 Но понес тяжелую утрату не только он. Баронесса Хильдегард Шпитцемберг лишилась доступа в дом Бисмарков:

…

«После смерти княгини мне очень не хватает человека,

благодаря которому я могла быть уверена в том, что с моими желаниями и правами считаются. Мария – совершенно чужая, сыновья даже в присутствии Бисмарков меня чурались. Если бы я была мужчиной, то обосновалась бы где-нибудь в Фридрихсру и знала бы обо всем от А до Я»115.

Уход из жизни княгини выявил малоизвестную сторону взаимоотношений с семейством Бисмарков, которые баронесса пестовала почти сорок лет. Бисмарк в принципе мог вызвать ее домой в любое время, но он этого не делал. Не Иоганна ли использовала Хильдегард Шпитцемберг для того, чтобы предоставить супругу привлекательную и умную женщину-компаньона, в роли которой сама она не могла выступать? «Хигахен» обеспечивала и безопасный флирт, и умный разговор, заменяла ему Марию Тадден и Екатерину Орлову. Бисмарк не мог влюбиться в нее, и Иоганна могла на этот счет не беспокоиться.

Бисмарка все-таки не забывали. 13 января 1895 года его посетили рейхсканцлер и прусский министр-президент князь Гогенлоэ, взявший с собой в Фридрихсру и сына Александра (1862–1924), оказавшегося таким же способным мемуаристом, как и отец. Впоследствии он писал о Бисмарке:

…

«Большой, могучий, широкоплечий, голова кажется маленькой на этой огромной, но хорошо сложенной фигуре; кустистые брови, слезящиеся глаза – это явление мы обычно видим у застарелых выпивох, – но удивительно красивые и загорающиеся внезапными вспышками света. На нем черная, длинная и старомодная хламида, приличествующая больше священнику, а не государственному деятелю. Вокруг шеи повязан белый платок, какие обычно носили люди в тридцатые и сороковые годы… Когда Бисмарк начинал говорить, меня особенно поражали его изумительные глаза и мягкий, добродушный голос… На пути домой я спросил отца об этой ласковой манере говорить. Он ответил мне со смехом: “Этим бархатным голосом он говорил, вынося смертные приговоры многим карьерам и сворачивая шеи многим дипломатам, осмеливавшимся его прогневить”»116.

26 марта 1895 года к нему на восьмидесятилетие приехал в Фридрихсру сам кайзер. Император прискакал верхом на лошади, в островерхом шлеме, с ослепительным нагрудником и в сопровождении небольшой армии, состоявшей из пехотинцев, артиллеристов, гусар и, конечно же, хальберштадтских кирасир117.

Отметив юбилей, Бисмарк действительно почувствовал себя старым и одиноким. 30 июля 1895 года он писал Биллу:

…

«Я продолжаю тихо-мирно вести растительный образ жизни, одеваюсь и раздеваюсь, доставляю себе удовольствие выездами для осмотра превосходных хлебов в Шёнхаузене, если мне не приходится возвращаться вечером с острой Gesichtstreissen , несмотря на отличную погоду. По мнению медиков, боль вызывается недостатком, а по моему собственному мнению – чрезмерным пребыванием на природе. Аналогичная проблема возникает у Мерка с дворовым псом (Hofhund): он колотит его, потому что тот слишком много лает. Я предложил ему взглянуть на проблему с другой стороны – пес может подумать, что его наказывают за то, что он мало гавкает. Я озадачен происхождением болей в лице так же, как и пес – причинами рукоприкладства хозяина»118.

Тем не менее не давали покоя старому канцлеру политические интриги. 24 октября 1896 года «Гамбургер нахрихтен» опубликовала условия «перестраховочного договора», написав, что именно граф Каприви отказался продлевать его, хотя Россия и была готова сделать это:

…

«Отсюда – и Кронштадт с «Марсельезой», и первые признаки сближения между абсолютистским царизмом и Французской республикой – как следствия ошибок политики Каприви»119.

Через несколько дней из двора последовала официальная реакция: опубликование соглашения квалифицировалось как «раскрытие самых строжайших государственных секретов, наносящее серьезный вред интересам империи»120.

Оглашение договора вызвало сенсацию. 27 октября Эйленбург конфиденциально написал Бернхарду Бюлову: «Безусловно, мы имеем дело с фактом выдачи государственных секретов, за что полагается не менее двух лет тюрьмы. В министерстве иностранных дел это произвело эффект взорвавшейся бомбы». Никто, в том числе и канцлер, не мог понять мотивов. Эйленбург предположил, что причиной могло послужить лишь желание «посеять недовольство и тревогу»121.

В пространном письме, отправленном затем кайзеру Вильгельму II, Эйленбург продолжил поиск причин скандальной публикации. Он отверг и аргументы Гольштейна, считавшего, будто Бисмарк хотел разрушить тройственный альянс Австрии, Германии и Италии, заключенный в 1882 году, и объяснение канцлера, видевшего во всей этой истории лишь стремление возбудить смуту: «Я думаю, что чертова старика обозлили статьи,

время от времени шпыняющие его (и правильно!) за то, что он виновен в ухудшении наших отношений с Россией. У него все превращается в *личную*проблему». Эйленбург потом описал кайзеру в подробностях ленч, устроенный Маршалем фон Биберштейном, министром иностранных дел, для обсуждения официальной реакции правительства:

…

«Его длинное, грушевидное лицо вначале хмурилось. Когда стали подавать фрукты, он оживился. Груши, выращенные в собственном саду, отвлекли его от тяжелых прокурорских мыслей о необходимости посадить на два года в тюрьму немощного старика в соответствии с таким-то и таким-то §. Если все-таки престарелый князь пойдет в кутузку, то он предложит ему «грушу Маршаля длительного хранения». C'est plus fort que lui [113] . Груши доставляют ему истинную радость, они – его солнце. Каждый должен иметь свою «грушу». Почему же не дать грушу и ему?»122

Рейхстаг и общественность горячо обсуждали условия договора, но о чем разгорелись дебаты? Все договоры в «Союзе трех императоров» были секретными, а «перестраховочный договор» 1887 года был самым секретным из них. Все комментаторы думали, что Бисмарк предал гласности условия договора 1884 года, который, как они предполагали, был заключен на шесть лет и подлежал продлению, когда Каприви перенял у него пост [114] . На путаницу Герберт обратил внимание в письме Куно Ранцау, который жил с тестем в Фридрихсру. 17 ноября Ранцау ответил, что, очевидно, сам Бисмарк запутался в своих договорах – первый и верный признак старческой немощи:

…

«Несмотря ни на что, он продолжает считать, будто у договора 1884 года был шестилетний срок действия. До сего времени я не смог переубедить его. Может быть, вам удастся это сделать, когда вы приедете»123.

Разглашение тайны вызвало переполох и за рубежом. В Вене кайзер Франц Иосиф пришел в «неистовое негодование на дьявола-старика в Фридрихсру», и даже лорд Роузбери, бывший британский премьер-министр, в личном письме от 25 ноября 1896 года запросил у Герберта разъяснений:

…

«Я бы хотел, если вам это покажется удобным, чтобы вы пролили свет на недавние «откровения» и их причины. Но если вы

предпочтете ничего не говорить, то я это пойму. Не думаю, что я когда-либо прежде задавал вам такие вопросы на бумаге»124.

Манфред Ханк в своем исследовании последних лет жизни Бисмарка тоже не мог найти объяснений мотивам «разоблачения»125. Я подозреваю действие нескольких факторов: привычки к «откровенности», желания продемонстрировать, что он все делал лучше других, и обыкновенной озлобленности. Он всегда был вне законов человеческого общежития. В нем произошла только одна перемена. Бисмарк перепутал договоры 1884 и 1887 годов. Когда он был в силе, этого не случилось бы.

В 1896 году начало резко ухудшаться состояние здоровья Бисмарка, чему способствовало и расстройство домашнего быта после того, как не стало твердой руки Иоганны. Швенингер диагностировал гангрену ноги, он пытался ее лечить, а Бисмарк отказывался от лечения. Ему надлежало подниматься на ноги и ходить, но он не желал этого делать. В 1897 году он уже не мог обойтись без кресла-коляски, и ему редко доводилось побывать в своих лесах и полях. К июлю 1898 года Бисмарк уже не выходил из коляски, испытывал страшные боли, жар и с трудом дышал. 28 июля Швенингер все-таки усадил его за стол, они разговаривали и пили шампанское. После этого князь выкурил три трубки, читал газеты и почувствовал себя прежним Бисмарком, в последний раз.

29 июля 1898 года кайзер со своей свитой находился на борту «Гогенцоллерна», совершавшего ежегодный круиз по Северному морю и направлявшегося в Берген, когда на корабль передали сообщение о том, что доктор Швенингер покинул Фридрихсру. Эйленбург писал в дневнике:

…

«Без сомнения, следовало ожидать, что Швенингер постарается создать в Германии впечатление, будто кайзеру глубоко безразлична сложившаяся грустная ситуация, и его отъезд из Фридрихсру является ловким шахматным ходом, о котором он дал знать «Теглихе рундшау». Само собой напрашивался вывод: он уехал, потому что состояние князя безнадежно»126.

О том, что 28 июля Бисмарку стало лучше, не могли знать кайзер и его придворные на борту «Гогенцоллерна». Тем не менее создалось мнение, будто этот демарш Швенингера имел целью насолить императору. Даже последние сорок восемь часов Бисмарк доживал в атмосфере взаимной подозрительности и неприязни.

Последние два дня дыхание Бисмарка было особенно затруднительным. 30 июля, немного не дотянув до полуночи, он умер. Герберт находился с ним до конца. 31 июля он написал

свояку Людвигу фон Плессену:

…

«Вчера утром ему стало совсем плохо, около десяти тридцати он заговорил и протянул мне руку, я взял ее и держал, пока он не уснул… Около одиннадцати все было кончено. Я потерял самого лучшего отца на свете, человека замечательной, благороднейшей души»127.

Но и после смерти Бисмарка члены его семьи жаждали мщения, и часть этой миссии взял на себя Мориц Буш. 31 июля он опубликовал в «Берлинер локаль-анцайгер» статью с изложением полного текста прошения Бисмарка об отставке. Эйленбург в дневнике вопрошал:

…

«Кто дал команду обнародовать это печальное напоминание о прошлом, которое можно назвать не иначе как провокацией ввиду того, что покойный князь еще лежит на смертном одре? Без ведома Герберта, Ранцау, семьи Буш никогда не посмел бы растрезвонить об этой смертельной междоусобице»128.

Кайзер приказал капитану «Гогенцоллерна» возвратиться в Киль. В пути домой Вильгельм II строил планы пышных похорон в Берлинском соборе и погребения «величайшего сына Германии… рядом с моими предками»129. Но когда император и его свита прибыли в Фридрихсру, им сообщили последние желания Бисмарка: никаких аутопсий, посмертных масок, рисунков и фотографий, а захоронение – в землю. Кайзер Вильгельм II лишился возможности выступить с громкими великодушными жестами в Берлине. Не случайно на надгробии выбита эпитафия: «Верный немецкий слуга кайзера Вильгельма I»130. Скромная церемония поминовения состоялась 2 августа в доме у Саксенвальда. Хильдегард Шпитцемберг прочитала о ней в газетах и сделала вывод: «Я все поняла. Кровь есть кровь, а Бисмарки – строптивые и жестокие люди, которых не способны перевоспитать ни образование, ни культура, и у них отсутствует благородство характера»131. Фили Эйленбург отметил, насколько тягостной была атмосфера церемонии:

…

«Рядом со мной стоял Герберт, для которого я был лучшим другом, когда ему пришлось выбирать между Элизабет Гацфельдт и отцом. Он стоял напряженный и холодный, поглощенный войной за отца… Никогда я еще не чувствовал действие яда политики так сильно, как тогда в этом доме…»132

12. Заключение. Наследие Бисмарка: кровь и ирония

Кровь и железо:

Великие проблемы нашего времени решаются не речами и резолюциями большинства – это были колоссальные ошибки 1848 и 1849 годов – а кровью и железом.

Отто фон Бисмарк, 30 сентября 1862 года

Ирония, сущ.:

2. (Фиг.) Характер состояния дел или развития событий, обратный тому, который ожидался или мог ожидаться; прямо противоположный исход событий, словно в насмешку над обещаниями и сообразностью вещей.

«Оксфордский словарь английского языка»

Многие современники Бисмарка верили: в его власти – и способности ее удерживать – есть нечто нечеловеческое. А что именно? Даже ярый католик Виндтхорст не считал, что Бисмарк на самом деле был *le diable*, как он однажды назвал его. Величайший немецкий парламентарий девятнадцатого столетия и, возможно, самый умный, Виндтхорст все же уловил в Бисмарке неземное свойство, возможно, именно то, которое Эрнст Ренч [115] и Фрейд назовут *das Unheimliche*(жутью непознанного). Одо Рассел и Роберт Мориер нарекли Бисмарка *Zornesbock*(буйным козлом)1. Они использовали слово *Bock*не потому ли, что оно означает одну из многочисленных ипостасей дьявола?

Личность Бисмарка настолько многообразна и противоречива, что она может вызывать и положительные и отрицательные эмоции или те и другие одновременно. Хильдегард Шпитцемберг, близко знавшая Бисмарка более тридцати лет, всегда поражалась контрастам в своем друге. 4 января 1888 года она писала в дневнике: «От противоречивой натуры этого великого человека исходит обаяние такой силы, что я каждый раз очаровываюсь при встрече с ним»2. И Штош, и баронесса Шпитцемберг использовали такие эпитеты, как «очарование» и «волшебство», при описании его магнетизма. И в частных разговорах, и в публичных выступлениях Бисмарк воздействовал на людей своим особым шармом, отличавшимся, как мы уже видели, от харизмы по Веберу, но завораживавшим не меньше. Дизраэли отметил в дневнике: «Обо всем он судит нестандартно, оригинально, без напряжения и попыток покрасоваться парадоксами. Он говорит с такой же легкостью, с какой пишет Монтень»3. Людвиг Бамбергер так описывал пугающий и в то же время привлекательный облик Бисмарка:

…

«За густой завесой усов видна только часть лица. В его словоохотливости слышна некая мягкость, на полных губах постоянно присутствует легкая улыбка, но за этой внешней доброжелательностью чувствуются властность и сила, присущие хищному зверю. Этот симпатичный улыбающийся рот может внезапно раскрыться и поглотить собеседника. У него выступающий подбородок, эдакая перевернутая чаша, обращенная выпуклой стороной наружу. Взгляд дружелюбно-недоверчивый, лучезарно-испытующий или слепяще-холодный, решительно настроенный на то, чтобы не дать вам возможности догадаться о том, какие мысли и чувства испытывает этот человек, пока он сам не сочтет нужным поделиться ими»4.

Иногда Бисмарк раскрывал то, что таилось за этим слепяще-холодным взглядом. В октябре 1862 года он похвалялся Курту Шлёцеру тем, как ему удалось переиграть всех политических актеров в конфликте вокруг армии5. А еще в студенческие годы Бисмарк объяснял приятелю: «Я намерен возглавлять моих товарищей здесь и возглавлять их в загробной жизни… Думаю, что только таким путем можно добиться превосходства»6. И Шлёцер, и Мотли были уверены, что перед ними непритворный Бисмарк. Мотли встроил этот эпизод в свою повесть, которую написал, когда вернулся в тридцатых годах в Бостон – задолго до того, как его друг стал «великим и историческим». Циничное признание в хитроумии поразило скептика Шлёцера в октябре 1862 года. Он начал относиться к Бисмарку как к злому гению, за позами и жестами которого скрывается ледяное презрение к окружающим его людям и упорное желание методично держать их под своим контролем и управлять ими. Его приятная разговорчивость состояла из правдивых высказываний, полуправды и откровенных мистификаций. Необычайная способность предвидеть поведение и реакцию групп и готовность применить жесткие меры подчинения их своей воле позволяли ему удовлетворять аппетиты того, что я называю «суверенной самостью».

Другой прозорливый современник Бисмарка разглядел в его внешней харизматичности и красноречии вольное обращение с принципами. Клемент Теодор Пертес советовал Роону в апреле 1864 года остерегаться человека, «холодно расчетливого, коварного и неразборчивого в средствах»7. «Холодность», «коварство», «неразборчивость в средствах» – все эти качества создают образ «дьявола» или, если воспользоваться выражением королевы Виктории, «нечисти»8.

Он третировал даже своих немногих друзей. Когда друг детства Мориц фон Бланкенбург отказался принять

министерство, Бисмарк угрожал «самым несносным образом» перевести его в Штеттин9. Перед Гансом фон Клейстом он размахивал ножом, а в другом случае пригрозил арестовать, если тот не раскроет источник разглашения меморандума. В 1874 году Бисмарк выгнал из Верховного суда своего бывшего наставника Людвига фон Герлаха. В его безудержном стремлении к господству не оставалось места для угрызений совести или чувств сострадания. В мартовской дневниковой записи 1890 года генерал Альфред, граф фон Вальдерзе выразил мнение, с которым согласились бы многие из современников Бисмарка: «У него скверный характер; он без колебаний пренебрегал друзьями, даже теми, кто ему помогал»10.

Современники по-разному оценивали роль Бисмарка в трансформировании Пруссии и Германии. С кем из исторических личностей его можно было сравнить? Безусловно, он был могущественным придворным, вроде Ришелье, и его называли *major domus*. Мне не удалось найти адекватное понимание этого незаурядного человека, и оно, наверное, невозможно. И друзья и враги называли его диктатором – очень странное определение главы исполнительной власти в монархии. Дизраэли написал в 1878 году: «Он здесь настоящий деспот, все пруссаки, сверху донизу, и весь постоянный дипломатический корпус трепещут, когда он хмурится, и старательно ловят его улыбку»11. Генерал фон Швейниц, один из друзей Бисмарка, заметил в 1886 году: «Диктатура Бисмарка, оказавшая в целом просветительское и позитивное влияние на массы, принизила роль высшего официального истеблишмента. Она создала пространство для очень сильной вторичной тирании»12.

Швейниц не прав. Диктатура всегда уничижает и тех, кто ее насаждает, и тех, кого она подавляет. Когда Бисмарк уходил со своего поста, народ Германии был доведен до стадии образцовой сервильности, послушания, от которого немцы так до конца и не избавились. Высшие круги общества, безусловно, лишились своего былого могущества, в чем генерал, конечно, прав, и оно к ним уже не вернулось. Благодаря интригам Бисмарк обрел власть, и интриганы, окружавшие кайзера Вильгельма II, низложили его. По примеру классического дворцового фаворита он сначала возвысился, а потом, как и полагается, слетел со своего пьедестала. Он был диктатором, но вторичным, зависимым от короля.

Из семи смертных грехов Бисмарку был присущ прежде всего гнев. Он кипел от гнева. Никто не мог сравниться с ним в неистовости и интенсивности разгневанного состояния. Приступами ненависти и ярости он чуть не довел себя до могилы.

Он приходил в ярость по малейшему поводу. Бисмарк писал брату: нескончаемые стуки в дверь и визиты с вопросами и счетами раздражают его до такой степени, что он «готов впиться зубами в стол»13. Из-за почти постоянной раздражительности он до конца жизни страдал бессонницей и психосоматическими недугами. Поводы могли быть самые пустяковые. Союзный совет отказался назначить никому не известного ганноверца начальником почтового ведомства. Стенографистки в рейхстаге неточно записали выступление, и он увидел в этом зловредный умысел. Абсолютно ничтожный и дурацкий конфликт вокруг почтовых сборов. Предупреждение президента рейхстага звонком в колокольчик вести себя прилично. Александр фон Белов-Гогендорф считал, что Бисмарк страдал «болезнью к смерти» [116] . 7 декабря 1859 года он писал Морицу фон Бланкенбургу – Бисмарк помешался на врагах, обуреваемый «экстремистскими мыслями и чувствами». Исцеление простое и истинно христианское – «возлюби врага своего!». «Это – самый верный путь к тому, чтобы снять нарастающее напряжение в занемогшем теле, и наилучшее снадобье против дурных видений и мыслей (*Vorstellungen*), которые могут довести его до могилы»14.

Совет был разумный. Больная душа Бисмарка нуждалась в лечении, и ее можно было исцелить покаянием, обращением к благодати и любви Божьей. Молитва предполагала перемены, раскаяние, признание ответственности за грехи и собственной слабости. Пример такого покаяния дает «Книга общественного богослужения» 1662 года: «Мы слишком часто следовали велениям и желаниям наших сердец. Мы нарушали Твои священные законы. Мы не делали того, что должны были делать. И мы делали то, чего не должны были делать. Поэтому в нас нет здоровья».

Бисмарку было нелегко сдаться на милость Божью. Молитва требует не только смиренно обратиться к Богу, но и просить прощения у тех, кого мы обидели или оскорбили. Я не припомню ни одного письма, в котором Бисмарк извинялся бы за проступки, более серьезные, чем забывчивость поздравить родственника с днем рождения. Естественно, он никогда не извинялся перед своими недругами. Когда же пятеро министров попросили разрешения пойти на похороны Ласкера, он ответил им категорическим «нет». Этот факт говорит о многом. Во-первых, министры действительно не пошли провожать в последний путь Ласкера. Этим высокопоставленным господам даже в голову не пришло возмутиться отказом Бисмарка, который в данном случае руководствовался не чем иным, как чувством мстительности. Вообще почему они должны были просить разрешения? Почему

они просто не пошли и не отдали дань уважения усопшему?

Бисмарк помешал старшему сыну Герберту обвенчаться с любимой женщиной, потому что ненавидел ее семью. Ненависть, озлобление возобладали над отцовскими чувствами, точно так же разрушили и почти все прежние отношения дружбы. Желчь отравляла сознание и душу, побуждала к мстительности, а не к сочувствию и раскаянию.

Отдельный разговор о женоненавистничестве. Бисмарк превратил свою жизнь в сплошную нервотрепку, внушив себе неприязнь к королеве/императрице Августе и кронпринцессе Виктории. Ему претили «сильные женщины», превращавшиеся в его сознании в злонравных ведьм. Эти две властные особы подмяли под себя своих слабых супругов и угрожали Бисмарку. Ему повсюду мерещились козни. И женщины были главными конспираторами. Их зловредность для него была настолько самоочевидной и вездесущей, что его отношение к ним с полным основанием можно назвать паранойей. Не надо быть фрейдистом, чтобы увидеть в поведении взрослого политика и гениального государственного деятеля влияния детской ненависти к умной, но холодной и бездушной матери. С этим комплексом Бисмарк прожил всю жизнь. Власть, которую он приобрел, во многом опиралась на слабовольного Вильгельма I. Но рядом со слабым сувереном всегда была сильная королева. Борьба за господство над эмоциональным и мягкосердечным королем изматывала Бисмарка. В этой борьбе изо дня в день, из года в год воспроизводилась агония детства – мучительные переживания маленького мальчика, оказавшегося на острие перевернутого треугольника, наверху которого грозная женщина и слабый мужчина. Отсюда и все его тревоги, озлобленность, бессонница и недомогания. Самый могущественный человек в Европе, преисполненный гордости и агрессивности, должен был кланяться старой леди, к несчастью, оказавшейся женой короля. Унизительность для него была непереносима.

Признание Гансу фон Клейсту в 1851 году в том, что он не в состоянии сдерживать свои сексуальные позывы, добавляет еще один штрих к психологической драме Бисмарка. Упорное нежелание Иоганны стать нормальной светской женщиной означало для него то, что он не мог утешиться дома и выбраться из эдипова треугольника, создававшегося прусской королевской семьей и каждодневно возбуждавшего компенсирующие чувства мстительности. Иоганна фон Бисмарк проявляла свою любовь к нему тем, что научилась ненавидеть так же неистово, как он. Баронесса Хильдегард Шпитцемберг, Гольштейн и многие другие люди, бывавшие в их доме, отмечали жесткий и мстительный

характер Иоганны. Никто в доме Бисмарков не позволял себе перечить их желчным натурам.

Король не всегда уступал Бисмарку. Он был сознательным масоном и защищал членов братства. Монарх не давал в обиду и многих министров. Как человек добропорядочный, он проявлял верность своим «слугам» и старался уберечь их от гнева жестокосердного и всемогущего канцлера. Мягкое и участливое отношение короля к подчиненным Бисмарка доводило его до белого каления. В то же время из-за малейшего монаршего возражения или упрека он заболевал, ложился в постель и мог хворать неделями. Что бы ни имел в виду Вильгельм I своим вопросом-восклицанием – «Какой же вы ипохондрик, если одно маленькое разногласие подвигает вас на крайнюю меру!» – у него были все основания для недоумения. Король выказывал Бисмарку такую любовь и внимание, какими не пользовался никто другой. Тем не менее в разговоре с Дизраэли в июне 1878 года он пожаловался на ужасное поведение сюзерена15. Этот монолог огорошил Дизраэли, потому что Бисмарк выражал свою скорбь открыто и на официальном приеме. Скорее всего она была надуманной, так как я не нашел никаких свидетельств, которые подтверждали бы утверждение Бисмарка. Королева Августа действительно его ненавидела, имела на это свои причины, но вела себя разумно. Она понимала, что ей надо уживаться с канцлером-демоном и его гипнотической властью над супругом. Августа искала возможностей для примирения без потери лица для Бисмарка. В марте 1873 года Одо и леди Эмили Рассел была оказана высокая честь принять в британском посольстве императора и императрицу. По протоколу полагалось, что за обедом Бисмарк должен был сидеть слева от «ее императорского величества» и около часа развлекать ее беседами. Он отказался участвовать в этом мероприятии. Величайшему политическому гению XIX столетия не хватило мужества и самообладания для того, чтобы побыть в роли «джентльмена» в присутствии своего сюзерена и его леди. От него требовался всего лишь час любезной беседы. «Железный канцлер», развязавший три войны, испугался маленькой старой женщины, говорившей с саксонским акцентом.

Каким бы властным и бешеным ни был Бисмарк, он всегда уходил от ответственности, если что-то у него не получалось. Он лгал матери в детстве и продолжал привирать всю жизнь. Он согрешил против истины, когда в 1851 году убеждал Иоганну в том, что ничего не сделал для того, чтобы получить назначение во Франкфурт, хотя больше года добивался поста посланника. Бисмарк всегда разводил турусы на колесах, если чувствовал, что его могут в чем-то обвинить. Вальдерзе отмечал: «Ложь вошла у

него в привычку». В мемуарах он постоянно извращает или замалчивает факты. Бисмарк вводил в заблуждение короля относительно Эйленбурга во время конфликта вокруг проблем местного самоуправления в 1872 году. Фальшь в его ответе Эйленбургу может заметить каждый, кто интересуется этим сюжетом. Пристрастие к военной форме тоже было своего рода ложью. В 1839–1840 годах Бисмарк отлынивал от воинской службы, о чем предпочитал умалчивать. В этом ему впоследствии помогли и составители «Собрания сочинений», удалившие компрометирующую переписку.

И наконец, у него был еще один смертный грех – чревоугодие. «Оксфордский словарь английского языка» толкует этот феномен таким образом: «Порок переедания. (Один из семи смертных грехов.) Также *редкое*его проявление». Чревоугодие, может быть, и не самый опасный для окружающих грех, но оно чуть не погубило самого Бисмарка. Если бы Швенингер не проявил о нем в 1883 году материнскую заботу, заставив его есть поменьше, то он почти наверняка умер бы раньше от раздражительности и переедания. Если гордыня умерщвляет душу, то гнев и чревоугодие губят тело. Обильные трапезы возмещали недостаток в удовлетворении других физических потребностей. Но они также свидетельствуют о нежелании контролировать себя, свой аппетит и подчиняться другому человеку, даже личному доктору. С семнадцати лет и до конца жизни Бисмарк не придерживался никаких ограничений, в том числе и тех, которым привычно подвергают себя простые смертные.

Теперь о добродетелях. А они, как мы уже отметили в предыдущих главах, у него, конечно, были. Он радушно принимал гостей независимо от их статуса. Бисмарк обладал обаянием и определенной душевной теплотой, пленившей по первому впечатлению Мэри Мотли и Люциуса фон Балльхаузена. Он вел очень простой и скромный образ жизни, поражавший всех, кто к нему приезжал, а его чувством юмора восхищались даже заклятые враги. Его любили члены семьи и друзья. К нему, как к сыну, испытывал глубокую привязанность король. С ним дружили генерал Леопольд фон Герлах, Роон, Мотли, Мориц фон Бланкенбург и множество других людей, невзирая на грубые и пренебрежительные выходки с его стороны. Без сомнения, его искренне любили Мария фон Тадден, жена, сестра и брат. Успехи Бисмарка в немалой степени зиждились на любви и верности друзей, патронов и помощников, таких как Тидеман и Койдель.

Однако главной чертой Бисмарка все-таки была неспособность прощать, иными словами, злопамятность. Он ненавидел королеву Августу по многим причинам. Она была

саксонской принцессой, имела либеральные наклонности, симпатизировала католикам и средним государствам и к тому же отличалась острым умом. Августа представляла угрозу Бисмарку уже одним тем, что в ее распоряжении всегда имелся завтрак с королем. Нет никаких свидетельств, которые подтверждали бы то, что ее дружба с либералами оказала какое-либо влияние на императора. У Вильгельма были свои твердые взгляды на все основные проблемы, и, похоже, его отношения с женой не были настолько интимными, чтобы он принимал близко к сердцу ее мнения. Действительная угроза больше исходила от кронпринца и кронпринцессы. Они представляли совершенно другую Германию. Ушел бы Вильгельм I в мир иной пораньше, позволив Фридриху и Виктории поцарствовать хотя бы несколько лет, возможно, карьера Бисмарка закончилась бы и быстрее и резче, чем при Вильгельме II.

Бисмарк всегда видел в политике один из способов борьбы. Когда он говорил о политике как «искусстве возможного», то вкладывал в эту формулу весьма ограниченный смысл. Компромисс для него никогда не мог быть конечным результатом политической борьбы. Он должен был либо победить и уничтожить противника, либо проиграть и погубить себя. Уже в самом начале карьеры – в прусском ландтаге – он продемонстрировал, что из всех приемов решения проблем предпочитает конфликт. 27 января 1863 года в одном из своих первых парламентских выступлений он сказал: «Конституционная жизнь – это компромиссы. Когда они нарушаются, начинаются конфликты. Вопрос разрешения конфликтов – вопрос власти, и тот, у кого в руках власть, всегда может идти своим путем». Граф Максимилиан фон Шверин воскликнул: «Власть выше морали!»16 Граф не понял Бисмарка. Он говорил не о морали, а о компромиссах. В нормальной политической системе власть предержащие могут выиграть первый раунд борьбы, но затем должны стремиться к достижению консенсуса. Бисмарка это не устраивало. Он должен был «побивать их всех», и это ему удавалось. В системе, основанной на принципе самовластия, он искусно использовал этот принцип для укрепления и собственного могущества, и королевского абсолютизма. Если политика, по определению Бисмарка, есть «искусство возможного», но без компромисса, то что это за искусство такое и ради чего?

В международных делах все обстояло иначе – никаких эмоций. Дипломатия должна основываться на реалиях, просчете вероятностей, оценке неизбежных промахов и внезапных действий других государств и их представителей. Шахматная

доска перед глазами, и политическая гениальность Бисмарка позволяла ему знать наперед различные варианты возможных ходов противника. Поскольку ядро международной системы XIX века состояло из пяти (или шести, если учесть еще Италию) великих держав, то Бисмарк мог достаточно легко выстраивать и реализовывать свои «комбинации», как назвал его действия на международной арене Мориер. Он ставил перед собой цели и достигал их. Бисмарк до конца оставался мастером тонкой и продуманной дипломатической игры. Он наслаждался ею. В международных делах он никогда не терял самообладания, редко испытывал бессонницу или недомогание. Он мог перехитрить или обыграть любого гроссмейстера дипломатии другой страны, и, самое главное, в этой сфере ему не могли помешать ни старые, ни молодые королевы. В минуты хандры и жалости к себе он иногда подумывал о том, чтобы снять с себя часть бремени государственной ответственности. Никогда ему даже в голову не приходило, что кто-то другой может быть министром иностранных дел. В 1890 году он просчитался лишь потому, что думал, будто молодой кайзер Вильгельм II не посмеет отказаться от услуг канцлера с тридцатилетним стажем успешной деятельности17.

Но вернемся к делам домашним. Они, собственно, и создавали главную головную боль для Бисмарка: бесконечный поток документов, месиво запутанных и неразрешимых проблем, множество действующих лиц, противоречивых точек зрения и интересов, предложений с непредсказуемыми последствиями, постоянный гвалт раздражающей критики, исходящей сразу от двух парламентов – рейхстага и ландтага, находящихся в одной миле друг от друга. Он должен все знать, за всем уследить, но ему приходилось подолгу болеть и месяцами отсутствовать. Еще больше мешало то, что в практических вопросах у него не было твердых и непоколебимых принципов. По мере необходимости он мог изменить свою позицию по любой проблеме – местного самоуправления, торговли, регулирования коммерческой деятельности, законодательным нормам, государственного устройства. Бисмарк по собственной инициативе усложнил себе жизнь, развязав «культуркампф», в который втянулись консерваторы, либералы, прогрессисты, вельфы, поляки, эльзасцы, весь рейхстаг.

Герлахи были правы, считая, что принципы важны и в политике. Власть условна и субъективна. У человека есть свои ценности, верования и предпочтения. Бисмарковская концепция, будто политик-гроссмейстер может «играть» системой, дееспособна только до того момента, пока в реализацию планов

не начинают вмешиваться иррациональные эмоции, насилие, некомпетентность и бестолковщина. Какую еще цель может преследовать искусство политики, если не служить какому-то делу – например, улучшать условия жизни людей, делать ее более свободной, справедливой, человеческой, или, выражаясь понятиями братьев Герлах, более христианской? Бисмарк использовал свою политическую магию для сохранения монархии и прав немногочисленного, но бережливого и махрово реакционного класса юнкеров, ненавидевших прогресс, либерализм, евреев, социалистов, католиков, демократов, банкиров. Он отличался от них лишь степенью ненавистничества.

И король, и братья Герлах, и народ Германии в целом были нужны Бисмарку только для того, чтобы наслаждаться своей властью. Но его же соотечественник, философ Кант предупреждал: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и также в лице всякого другого как цели и никогда не относился бы к нему как к средству». Бисмарк не следовал этому наставлению ни в своих замыслах, ни в отношениях с коллегами или подчиненными. Граф Альберт фон Пурталес, прусский дипломат, писал Морицу Августу фон Бетман-Гольвегу: «Бисмарк неуважительно обращается с партийными соратниками. Они для него… перекладные лошади, на которых можно проехать от одной станции до другой… Я уже оседлан и готов прочувствовать на себе самую черную неблагодарность»18.

Бисмарк оставил в наследство преемникам шаткую структуру государственного управления. Конституция Пруссии была слеплена на скорую руку в разгар революции 1848–1849 годов. Бисмарк сохранил ее зыбкую представительскую конструкцию. Небольшой класс юнкеров-землевладельцев по-прежнему мог наложить вето на прогресс. На Пруссию приходилось три четверти населения, территории и индустриальной мощи империи, и она определяла лицо Германии. Прусская палата господ служила оплотом для Ганса фон Клейста и его друзей, где они могли держать оборону. Нижняя палата, избиравшаяся по трехклассной схеме, отражала атаки. У Германии не было своей армии и министерства иностранных дел (и то и другое принадлежало Пруссии). Страна начала войну в 1914 году под руководством тех же семей, определявших исход битвы в 1870 году, и при той же допотопной структуре управления.

Ни Бисмарк, ни его преемники так и не смогли найти средство для сохранения полуабсолютистской власти монарха в дуалистической законодательной системе, наспех выстроенной Бисмарком. В продолжение почти четверти века – с 1866 и до

1890 года – не прекращались попытки переделать структуру исполнительной власти: разделить должности министра-президента и рейхсканцлера (1872–1873 и 1892–1894 годы) и вновь их объединить. Перед ним всегда стояла проблема слияния имперских и прусских министерств. На проблеме административного дуализма и споткнулся Бисмарк, проявив излишнюю приверженность правительственному декрету 1852 года, который, как он считал, не позволял королю-императору совещаться с министрами без разрешения министра-президента. В рейхе не было министров, делами империи заведовали так называемые статс-секретари, подчинявшиеся канцлеру. При менее властных преемниках Бисмарка некоторые сильные статс-секретари добились права прямого общения с кайзером. Такое право имел крутой адмирал Тирпиц, возглавлявший имперское военно-морское ведомство с 1897 до 1916 года. После ухода Бисмарка вся государственная политика координировалась кайзером Вильгельмом II.

В 1863 году Бисмарк осуществил одну из своих самых блистательных политических акций – ввел всеобщее избирательное право для мужской части взрослого населения. Этим актом он хотел подорвать позиции германских князей, чью реальную власть министр-президент переоценил. С другой стороны, он недооценил роль электората, не заметив, как изменился его народ в середине девятнадцатого столетия. Он видел, что народ дал власть Наполеону III, и решил, что массы любят монархию. Однако Франция в продолжение всего XIX века оставалась преимущественно аграрной страной, в то время как Пруссия/Германия уже давно сбросила с себя крестьянский зипун. К восьмидесятым годам набрали силу социал-демократы, католическая партия Центра и буржуазный либерализм. Бисмарк использовал всеобщее избирательное право как временный тактический прием и просчитался. К завершению своей карьеры он уже не мог воспользоваться поддержкой парламентского большинства без уступок, а компромиссы канцлер не любил.

В марте 1890 года Бисмарк рассказывал в государственном министерстве о том, как он внесет в рейхстаг реакционный законопроект и спровоцирует конфликт своих «врагов» с существующим режимом. Потом он с помощью князей поставит крест и на конституции 1870 года, и на рейхстаге, и на надоевшем всеобщем избирательном праве. Для того чтобы остаться во власти, он был готов погубить и рейх 1870 года, свое детище.

В 1863 году, когда Бисмарк, преследуя корыстные политические цели, вводил всеобщее избирательное право, ни он

сам, ни кто-либо еще даже не думали о том, что через тридцать лет Германия будет доминировать в Центральной Европе. Никто и не предполагал, что она станет державой, располагающей развитой тяжелой промышленностью, разветвленной сетью железных дорог, телеграфно-телефонной связью, превосходными технологическими институтами, квалифицированной, образованной и урбанизированной рабочей силой, научными и инженерно-техническими кадрами, передовыми медицинскими учреждениями и многими, многими другими полезными вещами. У немцев будет самая лучшая армия, второй по мощности флот, чрезвычайно доходная внешняя торговля со значительным преобладанием экспорта и архаичное правительство сельских помещиков. Макс Вебер и Торстейн Веблен считали такую комбинацию опасной для стабильности государства.

Массовое общество означает капитализм, а капитализм привносит либеральную идеологию, потребность в свободной торговле, свободе передвижения людей и товаров, свободном занятии промыслами и ремеслами, в банках, фондовых биржах, страховых и торговых компаниях. В государстве, развивающем капитализм, евреи выдвигаются на видное место и как его адепты, и как его символы. Антисемитизм в XIX веке подменил собой все то, чему не доверяли и чего боялись юнкеры, церковники, крестьяне и ремесленники. Начиная с 1811 года – концепции «еврейского государства» фон дер Марвица – и до июля 1918 года – осуждения полковником Бауэром евреев как спекулянтов и людей, увиливающих от военной службы19, – для прусского юнкерства евреи были несомненными врагами. Они воплощали развращающее влияние денег, капитализма, рынка. Они захватили значительную часть газет, придумали и основали универмаги.

К концу пятидесятых годов антисемитизм получил широкое распространение среди новой буржуазии и старого юнкерства. В 1850 году Вагнер опубликовал свое эссе «Еврейство в музыке», а в 1855 году вышел в свет антисемитский бестселлер Густава Фрейтага. В 1865 году протестантская газета уже приравняла евреев к биологическому классу паразитов. Финансово-экономический кризис 1873 года и последующая депрессия способствовали тому, что подобные взгляды получили статус тем приличных и достойных обсуждения, а Генрих Трейчке, самый признанный и популярный в Германии историк, взял их на вооружение и внедрил в высшие круги общества. Преподобный Адольф Штёккер, придворный священник, обратил в антисемитскую веру принца Вильгельма Прусского и принцессу, генерала Альфреда и Марию, графа и графиню фон Вальдерзе.

Антисемитизм пронизал Германию Бисмарка сверху донизу.

В марте 1890 года кайзеру пришлось заменить Герберта Бисмарка другим министром иностранных дел. Многие уже обратили внимание на то, что Бисмарк оставил после себя кадровый пустырь. Из семи старших послов ни один не обладал необходимыми данными. Подходил на пост министра граф Фридрих Вильгельм цу Лимбург-Штирум (1835–1912). Но Фили Эйленбург отверг его кандидатуру, написав кайзеру, что Лимбург-Штирум «еврей по материнской линии, что, без сомнения, в нем проявляется»20. Вильгельм II и сам укорял Бисмарка за «тайный сговор» с «иезуитами» и «евреями».

Бисмарк разделял стандартные антисемитские предубеждения и не раз выражал их. В то же время он высоко ценил способности Лассаля, ладил с Дизраэли, Эдуардом Симоном, Людвигом Бамбергером. Повторюсь, Бисмарк разделял ненавистническое и презрительное отношение к евреям и позволял себе антисемитские высказывания, но никогда не опускался до экстремизма Трейчке. С другой стороны, он нанес вред еврейским общинам тем, что в годы кризиса не предпринял никаких действий в их защиту. Напротив, Бисмарк использовал антисемитизм в борьбе против партии прогрессистов, для искоренения «еврейского» лидерства.

Бисмарку всегда и везде мерещились «враги». Поэтому его устраивал антисемитизм семидесятых и восьмидесятых годов, помогавший подтачивать позиции Ласкера и левых либералов, которых он считал поголовно евреями, невзирая на то, что не все они были таковыми. Он не мог не бороться с партией, отстаивавшей свободу слова, прессы, парламентский иммунитет, разделение церкви и государства, свободный рынок, отмену смертной казни, конституционную монархию и представительский принцип формирования правительства, поскольку считал *Deutsche Fortschrittspartei*[117] «врагом рейха» и орудием еврейства. Как писал дер Марвиц, такие реформы нужны людям, которые хотят построить *«den neuen Judenstaat»*[118] . В антисемитизме Бисмарк видел инструмент раскола «революционного» движения – типичный пример бисмарковской паранойи. Если ему удастся вбить клин антисемитизма между евреями и респектабельными немецкими прогрессистами, тогда прогрессистская партия лишится действенного руководства и напористости, которые обеспечивались евреями. Он применил такой же метод, когда пытался «вклинить» Ватикан между верующими католиками и партией Центра. И в том, и в другом случае им двигало чувство ненависти. Когда Ласкер, мужественный и честнейший лидер прогрессистов, умер в Нью-

Йорке в 1884 году, Бисмарк, мстя «придурку-еврею»21, отправил назад послание соболезнования от палаты представителей Соединенных Штатов.

Не Бисмарк сотворил антисемитизм, поразивший все слои германского общества. Но он ловко им пользовался для сокрушения своих врагов, не считаясь с последствиями. Антисемитизм, перемешанный с аллергией к либерализму, постепенно отравил весь общественно-политический организм страны, превратившись после Первой мировой войны в эпидемию, закончившуюся летальным исходом. Это тоже можно считать наследием Бисмарка, и теперь остается лишь удивляться тому, что в марте 1890 года кайзер Вильгельм II выгнал его за «кумовство» с иезуитами и евреями.

К девяностым годам Бисмарк приобрел невероятную популярность. Где бы он ни появлялся, его приветствовали восторженные толпы людей. Он стал идолом, символом Германии. Нижеследующие строки поэт Оден написал не в связи с его смертью, а в память ирландского поэта У. Б. Йитса, но я решил процитировать их, поскольку они отражают тот уровень почитания, которого Бисмарк удостоился в конце жизни:

The currents of his feeling failed; he became his admirers.
Now he is scattered among a hundred cities
And wholly given over to unfamiliar affections.22
И замерло теченье чувств; теперь он в почитателях своих,
Развеянный по сотням городов,
Обласканный неведомой любовью.

Кого видели в нем почитатели? Нам всем знакомо изображение сурового человека с тяжелыми, насупленными бровями, усами, в военной форме и – очень часто – со сверкающим *Pickelhaube*на голове. Он известен как «железный канцлер», всемогущий и умнейший государственный деятель-гений, объединивший Германию. Его портреты висели во всех школьных классных комнатах, украшали домашние очаги. Он воплощал и символизировал величие Германии. Его образ и пример стали тяжелыми оковами для преемников. После него Германия уже не могла довольствоваться лишь «нормальными людьми» во власти, которых очень не хватало Каприви. Германия должна была иметь правителями только государственных деятелей-гениев. Кайзер Вильгельм II переплюнул «железного канцлера» в пристрастии к военной форме, но проиграл войну. Он не мог контролировать себя, еще меньше – ситуацию, сложившуюся в сложной и шаткой государственной конструкции, оставленной ему Бисмарком. Первая мировая война уничтожила значительную часть того, что выстроил Бисмарк, и поражение

аннулировало монархии во всех германских государствах. В 1925 году граждане ненавистной Веймарской республики избрали президентом прусского фельдмаршала Пауля фон Бенекендорфа унд Гинденбурга (1847–1934). Гинденбург, родившийся 2 октября 1847 года в Позене, окончил типичный *Kadettenanstalt*[119] , куда юнкерское дворянство традиционно отправляло учиться своих сыновей, и служил в 3-м гвардейском пехотном полку. Он командовал войсками в битве при Кёниггреце, ставшей для него «делом всей жизни и величайшим событием, прославившим прусскую доблесть»23. Он принадлежал и вырос в той же среде, в которой формировалась личность Бисмарка. У него была такая же массивная фигура, сдвинутые брови, строгий и хмурый вид. Историки Германии часто называют его « *ersatz Kaiser*», то есть эрзацем или двойником кайзера, но я думаю, что ему больше подходит образ « *ersatz Bismarck*» – эрзаца «железного канцлера». Именно Гинденбург, последний правитель-юнкер, передал Адольфу Гитлеру пост, который создал и занимал Бисмарк, – рейхсканцлера. Гинденбурга при назначении Гитлера смущала не столько его политика, сколько ранг. Гитлер был всего лишь капралом, и Гинденбурга это очень удручало. В старом, твердокаменном прусском фельдмаршале все ныло от боли при мысли о том, что в кресло Бисмарка он сажает «богемского капрала». Наследие Бисмарка, таким образом, перекочевало через Гинденбурга к последнему государственному деятелю-гению Германии – Гитлеру.

Бисмарк-человек, Бисмарк – гениальный государственный деятель, Бисмарк – «железный канцлер», Бисмарк-икона оставил очень сложное и противоречивое наследие. Биографы-патриоты предпочитают не замечать неудобные детали его жизни, а редакторы исторических документальных материалов упускают их или подвергают цензуре. Целое поколение германских историков превозносило мудрость, скромность и прозорливость государственного деятеля, а публика и массовая пропаганда восхваляли его как сильного и волевого человека, настоящего немца. Реальный Бисмарк, жестокий и невоздержанный ипохондрик и женоненавистник, стал появляться в биографических описаниях только во второй половине XX века. Всем этим трем основным ракурсам в изображении Бисмарка присуща одна общая черта – отсутствие обыкновенных человеческих добродетелей: великодушия, мягкосердечия, сочувствия, смирения, щедрости, воздержанности, терпения. В портретах и «крепкого орешка», и «идола», и «государственного деятеля-гения» нет этих характеристик.

Меня могут спросить: где же я нашел иронию в судьбе

Бисмарка? Пожалуйста, отвечу. Сугубо гражданский человек, одержимый военной формой. Ипохондрик – «железный канцлер». Успехи, превращающиеся в горести. Стремление властвовать в государстве, слишком современном и сложном для управления помещичьими методами. Величайшее достижение в современной истории оказалось фаустовской сделкой. Двадцать восемь лет он подавлял оппозицию, терроризировал министров, изливал свою ярость, гнев и презрение на оппонентов и публично, и в частном порядке. Требовалось немалое мужество для того, чтобы противоречить канцлеру. Почти никто не осмеливался делать это. Бисмарк преградил движение к ответственному парламентаризму, использовав в 1878 году покушения на кайзера для того, чтобы задушить буржуазный либерализм. Он преследовал католиков и социалистов. Канцлер не признавал законов и не терпел оппозицию. Он практически ничего не сделал для культуры, и его наследие в этой сфере равно нулю. Бисмарк не интересовался искусством, не ходил в музеи, читал только лирику своей юности и эскапистскую литературу. Он совершенно не обращал внимания на деятельность ученых и историков, кроме тех случаев, когда надо было привлечь кого-то, как, например, Трейчке, на свою сторону. Он был самым искусным практическим политиком девятнадцатого столетия, но все его мастерство было нацелено на то, чтобы сохранить устаревшую полуабсолютистскую монархию и удовлетворить свои амбиции. Средства достижения целей были олимпийские, а результаты – патетические и мишурные. Сэр Эдуард Грей сравнил Германию с огромным линкором без рулевого. Так задумал Бисмарк; только он мог стоять за штурвалом. Он дал немецким рабочим социальное страхование, но отказал им в государственной защите. Он предпочел бы их расстрелять, а не выслушивать жалобы. Он превратил своих друзей-юнкеров во врагов и измывался над ними. Он насмехался и оскорблял их верования и ценности.

Я начал биографию с лекции Макса Вебера о легитимации власти, с которой он выступил в 1918 году. В том же году он написал статью *«Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland»*(«Парламент и правительство в преобразованной Германии»). В первом разделе он задается вопросом: «Каково же наследие Бисмарка?» Макс Вебер родился при режиме Бисмарка в 1864 году, вырос в семье убежденных национал-либералов и знал всех главных политических деятелей своего времени. Он одновременно был и участником, и внимательным наблюдателем событий. Вебер описывает разгром Бисмарком национал-либералов в 1878 году и дилемму, с которой столкнулся канцлер.

Бисмарк не хотел править с участием католического Центра, но править без него не мог. Затем Вебер дает оценку реального наследия длительного пребывания у власти Бисмарка:

…

«Он оставил после себя нацию, совершенно необразованную политически… полностью лишенную политической воли (курсив оригинала. – Дж. С.), привыкшую к тому, что великий человек наверху даст ей политические наставления. Кроме того, поскольку в межпартийной борьбе он прикрывал свои властолюбивые политические устремления монархическими сантиментами, она привыкла и подчиняться послушно и фаталистически любым решениям, принимавшимся от имени "монархического правительства"»24.

Этот вердикт, вынесенный Бисмарку величайшим социологом Германии, возвращает нас к лекции, прочитанной в Мюнхене в октябре 1918 года, когда Вебер впервые огласил свою идею харизматического лидерства. Бисмарк не обладал теми качествами, которые мы обычно приписываем харизматическому вождю. Он не зажигал речами толпы людей на массовых митингах и в парламенте возбуждал слушателей больше оскорбительными и презрительными высказываниями, нежели ораторским искусством. Но Бисмарк обладал сверхъестественной, «демонической» силой обаяния, притягательной, но и губительной.

Бисмарк правил Германией, убедив каким-то необъяснимым образом старого доброго короля в своей незаменимости. Ему удалось оторвать слабовольного монарха от семьи и вклиниться между ним и его женой, между отцом и сыном. В этом межчеловеческом пространстве он и жил, используя свою магию для наращивания власти, которая основывалась ни на чем другом, а только лишь на привязанности Вильгельма I к своему главному министру. Он возбудил ненависть к себе королевы и кронпринцессы тем, что подмял под себя супруга для одной из них и тестя – для другой. Между королем и министром часто возникали размолвки, сопровождавшиеся слезами и расстройством нервов. Бисмарк обычно добивался того, чего хотел, но ценой физических и душевных мук: во время ссор у него начинались приступы невралгии, он ощущал упадок сил, страдал бессонницей и несварением желудка. Двадцать шесть лет Бисмарк и король поддерживали странные отношения любви-ненависти. Король обычно сохранял добродушие и безмятежность, Бисмарк же взрывался раздражением и гневом. Главная и самая ужасная ирония его карьеры в роли могущественного государственного

властелина заключается в том, что он в действительности постоянно ощущал свое бессилие. Современники называли его «диктатором» или «деспотом». А сам Бисмарк избрал для себя в эпитафии более простой и близкий к истине титул: «Верный немецкий слуга кайзера Вильгельма I».

Примечания

Глава 1

1 Schoeps, 15–16.

2 Bronsart, 249.

3 Gall, *Bismarck: The White Revolutionary,* i. 206.

4 Holstein, *Memoirs*, 52.

5 «Politik als Beruf», *Gesammelte Politische Schriften*(Munich, 1921), 396–450. «Политика как профессия» – с этой лекцией Вебер выступил в Мюнхенском университете в 1918 году; в 1919 году она была опубликована мюнхенскими издателями «Дункер энд Гумблот». http://tiunet.tiu.edu/acadinfo/cas/socsci/psych/SOC410/Readings/Weber/Works/

politics.htm.

6 Ibid.

7 Chlodwig Hohenlohe-Schillingsfrst, *Memoirs*, 429, Berlin, 18 June 1890.

8 Brner, *William I*, 221.

9 Busch, 4 Oct. 1878, ii. 197.

10 Bronsart, 212

11 Urbach, 69.

12 Craig, *Fontane*, 115.

13 Ibid. 116.

14 Штош кронпринцу, 24 января 1873 года, Hollyday, 126.

15 Stosch, 120.

16 Roon, i. 355–356.

17 Ibid. ii. 239.

18 Ibid. ii. 260–261.

19 Engelberg, i. 315–316.

20 Craig, *The Politics*, 137.

21 Edmund Burke, *Reflections on the Revolution in France*(1790), para. 97, p. 61.

22 Motley *, Family*, 297.

23 Spitzemberg, 304.

24 Tiedemann, 13, 15.

25 *Bismarck Die Gesammelten Werke*, ed. Wolfgang Windelband and Werner Frauendienst, 1st edn. (Berlin: Deutscheveralgsanstalt, 1933). Далее указывается аббревиатурой *GW*.

26 Tiedemann, 221.
27 Lucius, 129–130.
28 Ibid. 131.
29 Holstein, *Memoirs*, 118.

Глава 2

1 Engelberg, *Bismarck: Urpreusse und Reichsgrunder*.
2 Clark, *Iron Kingdom*, 1.
3 Основной источник: http://www.thenagain.info/Classes/Sources/Frederick/20the/Great.html.
4 Sigurd von Kleist, *Geschichte des Geschlects v. Kleist, 5*. http://www.v-kleist.com/FG/Genealogie/AllgemeineGeschichte.pdf.
5 Clark, *Iron Kingdom*, 241.
6 Theodor Fontane, *Irrungen Wirrungen*(1888); Theodor Fontane, *Gesammelte Werke: Jubilumsausgabe. Erste Reihe in fnf Bnden*(Berlin: S. FischerVerlag, 1919), 152ff.
7 Spitzemberg, 291.
8 Engelberg, i. 126.
9 Stern, 40.
10 Clark, *Iron Kingdom*, p. xix.
11 Fontane, *Irrungen Wirrungen*, 154.
12 Roon, ii. 86.
13 Bucholz, 30–31.
14 Paret, 4.
15 Burke, para. 322, p. 192.
16 Ibid. para. 322, p. 192.
17 Ibid. para. 77, p. 48.
18 Gentz, 19.
19 Epstein, 436.
20 Sweet, 21.
21 Ibid. 28.
22 Guglia, 147–148.
23 Mann, 40–41.
24 Frie, 57.
25 Guglia, 33.
26 Александр фон дер Марвиц – Рахиль Варнаген, см.: Frie, 58.
27 Marwitz, *Preussens Verfall und Aufstieg*, 184.
28 9 мая 1811 года. «Последнее представление его величеству королю сословий округ Лебус, Бресков и Шторков, принятое на собрании во Франкфурте». Marwitz, *Preussens Verfall*, 241ff.
29 Marwitz, *Preussens Verfall*, 224.
30 Frie, 280.
31 Ibid. 281.

32 Marwitz, *Preussens Verfall*, 204.
33 http://www.deutsche-schutzgebiete.de/provinz_rheinland.htm.
34 Brophy, *Populal Culture*, 14.
35 Ibid. 23–24.
36 Ibid. 257.
37 Brophy, *Capitalism, Politics, and Railroads in Prussia*, 25.
38 Keinemann, 20.
39 Ibid. 20.
40 Provinzial-Correspondenz (PC), 12/33, 19 Aug. 1874, p. 1. http://amtspresse.staats-bibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1874-08-19.xml&s=1.

Глава 3

1 Engelberg, i. 61.
2 Ibid. 48.
3 Бисмарк Мальвине, *GW*xiv. 29.
4 Engelberg, i. 102.
5 Ibid. 51.
6 Wienfort, 15.
7 Ibid.
8 Бисмарк Иоганне, 23 февраля 1847 года, *GW*xiv. 67.
9 Ibid.
10 Engelberg, i. 37ff.
11 *Neue deutsche Biographie*, xvii. 36.
http://mdz10.bib-bvb.de/~db/0001/bsb00016335/images/index.html?id=00016335&f1p=70.20.182.111&no=5&seite=52.
12 Epstein, 593.
13 Sweet, 18.
14 Ibid. 8.
15 Ibid. 33.
16 Ibid. 34.
17 Ibid. 35.
18 Engelberg, i. 46.
19 Ibid.
20 Gentz, i. 243–244; 1 Feb. 1798.
21 *Neue deutsche Biographie*, xvii. 36.
http://mdz10.bib-bvb.de/~db/0001/bsb00016335/images/index.html?id=00016335&f1p=70.20.182.111&no=5&seite=52.
22 Engelberg, i. 64.
23 Ibid. 107.
24 Pflanze, i, 34, n. 3.
25 Engelberg, i. 100.
26 Pflanze, i, 33–34. Bismarck, *Gedanken und Erinnerungen*, 49–50; Lucius von Ballhausen, 9 Apr. 1878; von Keudell, June 1864, pp.

160–161.

27 Pflanze, i, 38.

28 Engelberg, i. 97. Цитирует Маркса.

29 Леди Эмили Рассел ее величеству королеве Виктории, 15 марта 1873 года. *Empress Frederick Letters*, 131–132.

30 Spitzemberg, 248–250.

31 Engelberg, i. 93.

32 Keudell, 160.

33 Бисмарк матери, 27 апреля 1821 года. *GW*xiv. 1.

34 Бисмарк матери, Пасха 1825 года, *GW*xiv. 1.

35 Engelberg, i. 104.

36 Бисмарк Бернхарду, Книпхоф, 25 июля 1829 года. *GW*xiv. 1.

37 Бисмарк брату, 12 июля 1830 года. *GW*xiv. 2.

38 Engelberg, i. 116.

39 Anderson, 18.

40 Ibid.

41 Lytton Strachey, *Eminent Victorians*(London: Penguin Books, 1986), 26.

42 Motley, *Morton's Hope*, i. 125–127.

43 Ibid. 151–152.

44 Ibid. ii. 160–161.

45 Ibid. 163–165.

46 Marcks, *Bismarck*, 95.

47 Ibid. 89.

48 О последнем случае ареста женщины прокторами и «бульдогами» и суде вице-канцлера рассказала Дебора Кант в диссертации по криминалистике в Кембриджском университете. См.: Deborah Kant, «Daisy Hopkins and the Proctors», M. Phil Dissertation in Criminology, Unversity of Cambridge Institute of Criminology, 2008.

49 Бисмарк ректору Гёттингена. *GW*xiv. 3.

50 Бисмарк Шарлаху, 14 ноября 1833 года. *GW*xiv. 2–3.

51 Бисмарк Шарлаху, 7 апреля 1834 года. *GW*xiv. 4.

52 Бисмарк Шарлаху, 5 мая 1834 года. *GW*xiv. 5.

53 Roon, i. 280.

54 Ibid. i. 68.

55 Marcks, *Bismarck*, i, 104–105.

56 Engelberg, i. 125.

57 Gall, *The White Revolutionary*, i. 35–36.

58 Pflanze, i, 38–41.

59 27 декабря 1884 года, Spitzemberg, 212.

60 Бисмарк Шарлаху, 18 июля 1835 года. *GW*xiv. 5.

61 Бисмарк Шарлаху, 4 мая 1836 года. *GW*xiv. 7.

62 Мотли леди Уильям Рассел, 31 мая 1863 года. *Motley Family*, 174.

63 Gall, *The White Revolutionary*, i. 38.

64 Веб-сайт города Ахен:
http://www.aachen.de/DE/tourismus_stadtinfo/100_kuren_baden.

65 Engelberg, i. 131–132.

66 Ibid. 132.

67 Биографические детали из германской «Википедии»: http://de.wikipedia.org/wiki/Adolf_Heinrich_von_Arnim-Boitzenburg.

68 Engelberg, i. 133.

69 Ibid. 134.

70 Ibid. 136.

71 Ibid. 139.

72 Ibid.

73 Gall, *The White Revolutionary*, i. 39.

74 Из статьи Уильяма Карра и К. Д. Рейнольдса в «Оксфордском словаре национальной биографии». *Oxford Dictionary of National Biography Online*(Oxford University Press, 2004–2008).

75 C. P. Kindleberger, *A Financial History of Western Europe*, 2nd edn. (New York: Oxford University Press, 1993), 237.

76 Бисмарк Иоганне, 14 мая 1851 года. *GW*x. 211.

77 Engelberg, i. 144.

78 Бисмарк Карлу Фридриху фон Савиньи, Франкфурт, 30 августа 1837 года. *GW*xiv. 9.

79 Бисмарк Бернхарду, 10 июля 1837 года; Engelberg, i. 143–144.

80 Ibid. 142.

81 Ibid. 146.

82 Ibid. 146.

83 Бисмарк отцу, 29 сентября 1838 года – *GW*xiv. 13–17 и Каролине фон Бисмарк-Болен, 18 июня 1835 года – *GW*xiv. 6.

84 Engelberg, i. 149.

85 Gall, *The White Revolutionary*, i. 41.

86 Письмо отцу, 29 сентября 1838 года. *GW*xiv. 13–17.

87 Бисмарк – Савиньи, Книпхоф, 21 декабря 1838 года, *GW*xiv. 17; см. также Engelberg, i. 150.

88 Wienfort, 213.

89 Theodor von Goltz, *Die lndliche Arbeiterklasse und der preußische Staat*(Jena, 1893), 144–147.

90 Pflanze, i. 103.

91 Spenkuch, table 3, p. 160.

92 Marcks, *Bismarck*, i. 184.

93 Keudell, 13.

94 Ibid. 14.

95 Ibid. 16–17.

96 Бисмарк отцу, Лондон, 28 июля 1842 года. *Bismarck Briefe*, No. 4, p. 6.

97 Бисмарк отцу, Книпхоф, 1 октября 1843 года. *Bismarck Briefe*, No. 7, pp. 9–10.

98 Бисмарк отцу, Нордерней, 8 августа 1844 года. *Bismarck Briefe*, No. 11, pp. 14–15.

99 Бисмарк Людвигу фон Клитцингу, 10 сентября 1843 года. *GW*xiv. 21.

100 Бисмарк отцу, 1 октября 1843 года. *GW*xiv. 22.

101 Бисмарк Оскару фон Арниму. Ibid.

102 Engelberg, i. 192.

103 Ibid. 198.

104 Clark, *Conversion*, 125 n. 3; Engelberg, i. 186.

105 Германская «Википедия». Witzleben (Adelsgeschlecht) German Wikipedia, http://de.wikipedia.org/wiki/Von_Witzleben#Namen.

106 Цитируется Кларком, *Conversion*, 126.

107 Ibid. 130–131; Fischer, 60–61.

108 Petersdorff, 60ff.

109 Ibid. 62.

110 Бисмарк сестре, Берлин, *GW*xiv. 24.

111 Бисмарк Карлу Фридриху фон Савиньи, 24 мая 1844 года. *GW*xiv. 25.

112 Бисмарк Шарлаху, 4 августа 1844 года. *GW*xiv. 25.

113 Petersdorff, 69.

114 Engelberg, i. 205.

115 Petersdorff, 73.

116 Ibid. 20.

117 Ibid. 39.

118 Sigurd von Kleist, *Geschichte des Geschlects v. Kleist, 5*. http://www.v-kleist.com/FG/Genealogie/AllgemeineGeschichte.pdf.

119 Ibid. 43, 81

120 Petersdorff, 81.

121 Бисмарк сестре, Книпхоф, 9 апреля 1845 года. *GW*xiv. 33.

122 Engelberg, i. 299.

123 Ibid. 201–202.

124 Бисмарк сестре, Шёнхаузен, 30 сентября 1845 года. *GW*xiv. 35.

125 Бисмарк Марии фон Тадден, 11 апреля 1846 года. *GW*xiv. 41.

126 Бисмарк Марии фон Тадден-Бланкенбург, Книпхоф, суббота, июль 1846 года. *GW*xiv. 42–43.

127 Бисмарк сестре, 18 ноября 1846 года. *GW*xiv. 45.

128 Бланкенбург – Клейсту, 15 мая 1885 года; Petersdorff, 93.

129 Бисмарк Генриху фон Путткамеру, 21 декабря 1846 года. *GW*xiv. 45–48.

130 Бисмарк Путткамеру, 4 января 1847 года. *GW*xiv. 48–49.

131 Бисмарк сестре, 12 января 1847 года. *GW*xiv. 49.

132 Бисмарк Иоганне, 4 марта 1847 года. *GW*xiv. 74.

133 Бисмарк сестре, 14 апреля 1847 года. *GW*xiv. 83.

134 Бисмарк Иоганне, 8 мая 1847 года. *GW*xiv. 86.

135 Holstein, *Memoirs*, 9.

136 Spitzemberg, 49–50.

137 4 июня 1863 года. Ibid. 50.

138 Ibid. 235.

139 19 марта 1870 года. Ibid. 90.

140 11 апреля 1888 года. Ibid. 248–250.

141 12 июня 1885 года. Ibid. 220.

142 1 апреля 1895 года. Ibid. 335–336.

Глава 4

1 Эрнст фон Бюлов-Куммеров имел большое поместье в Померании, но придерживался либеральных позиций в политических дебатах в Пруссии после 1815 года. Он поддержал реформы Гарденберга, выступал против протекционистских теорий Фридриха Листа, не разделял феодальные взгляды своих собратьев по классу крупных землевладельцев и, соответственно, не пользовался популярностью среди сторонников Бисмарка. Однако острые памфлеты по политическим и экономическим проблемам и огромное состояние обеспечивали ему такое влияние, что с ним предпочитали не ссориться. *Allgemeine deutsche Biographie & Neue deutsche Biographie (Digitale Register*), vol. iii (Leipzig, 1876), 518 ff.

2 Wienfort, 113f.

3 Marcks, *Bismarck*, i. 387–388.

4 Бисмарк Людвигу фон Герлаху, 26 марта 1847 года. *GW*xiv. 82.

5 Marcks, *Bismarck*, i. 388.

6 Бисмарк Иоганне, 9 мая 1847 года. *GW*xiv. 86.

7 Фридрих Мейнеке цитируется в монографии Дэвида Баркли о Фридрихе Вильгельме IV и прусской монархии, 36.

8 Marcks, *Bismarck*, i. 395.

9 Clark, *Iron Kingdom*, 408.

10 Ibid. 408.

11 *Historical Atlas.*

http://www.tacitus.nu/historical-atlas/population/germany.htm.

12 Pflanze, i. 103.

13 Modern History Sourcebook: Spread of Railways in 19th Century. http://www.fordham.edu/halsall/mod/indrev6.html.

14 Бисмарк брату, 26 августа 1846 года. *Bismarck Briefe*, No. 29, p. 40.

15 Бисмарк Иоганне, 28 апреля 1847 года. *GW*xiv. 84.

16 Barclay, 127.

17 Clark, *Iron Kingdom*, 460.

18 Barclay, 128.

19 Marcks, *Bismarck*, i. 397.

20 Текст в *GW*x. 3.

21 Marcks, *Bismarck*, i. 426.

22 Бисмарк Иоганне, 18 мая 1847 года. *GW*xiv. 89.

23 Keudell, 9.

24 «Эрнст Готфрид Георг фон Бюлов-Куммеров».

Neue deutsche Biographie, ii. 727–728. Online Digitale Bibliothek: http://mdz10.bib-bvb.de/~db/0001/bsb00016318/images/index.html?id=00016318&f1p=71.242.201.13&no=22&seite=757.

25 21 января 1848 года. Holstein, *Diaries*, 333–334.

26 Бисмарк Иоганне, 8 июня 1847 года. *GW*xiv. 94.

27 Бисмарк Иоганне, 22 июня 1847 года. Ibid. 6.

28 См. главу 2.

29 Rhs, 128.

30 Clark, *Conversion*, 166.

31 Bismarck, *Die politischen Reden*, i. 25–26.

32 Ibid. 28.

33 Wagner, 292.

34 Berdahl, 349.

35 Ibid. 356.

36 «Фридрих Юлиус Шталь». *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxxv (Leipzig, 1893), 400.

37 Клейст Людвигу фон Герлаху, 25 августа 1861 года. Ibid. 377–378.

38 Berdahl, 354.

39 Marcks, *Bismarck*, i. 421.

40 Gall, *Der weisse Revolutionr*, 56, 59.

41 Pflanze, i. 53.

42 Marcks, *Bismarck*, i. 429.

43 Petersdorff, 94.

44 Marcks, *Bismarck*, i. 446.

45 Roon, i. 503.

46 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 20.

47 Бисмарк сестре, Шёнхаузен, 24 октября 1847 года. *GW*xiv. 99–100.

48 Бисмарк брату, Шёнхаузен, 24 октября 1847 года. Ibid.

49 Marcks, *Bismarck*, i. 453.

50 Jonathan Steinberg, «Carlo Cattaneo and the Swiss Idea of Liberty». *Giuseppe Mazzini and the Globalisation of Democratic Nationalism*, ed. C.A. Bayly and Eugenio Biagini (Proceedings of the British Academy, 152) (London and New York: Oxford University Press, 2008), 220–221.

51 Clark, *Iron Kingdom*, 469.

52 Бернхард фон Потен, «Притвиц». *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxvi (Leipzig, 1888), 608.

53 Barclay, 141.

54 Clark, *Iron Kingdom*, 474–475. Кларк в сжатой зарисовке, всего семь страниц, дает самое емкое и яркое представление о проблемах, с которыми столкнулись власти во время революции в Берлине в 1848 году, из всего, что я прочел на эту тему. Ему удалось отразить невероятные трудности, возникшие во взаимоотношениях и с толпами, и с армией, сумятицу, накал страстей и растерянность.

55 Engelberg, i. 270.

56 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 24.

57 Gall, *Der weisse Revolutionr*, 70.

58 Ibid. 70.

59 Engelberg, i. 273–274. Августа показала это письмо Вильгельму в сентябре 1862 года, желая отговорить его от назначения Бисмарка министром-президентом.

60 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 24–25.

61 Engelberg, i. 275.

62 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 29.

63 Бисмарк брату, 28 марта 1848 года. *GW*xiv. 102.

64 *Souvenirs d'Alexis de Tocqueville*, introd. Luc Monnier (Paris: Gallimard, 1942), 63–64.

65 Engelberg, i. 280.

66 Бисмарк брату, 19 апреля 1848 года. *GW*xiv. 105.

67 Familienartikel Heinrich (Reuß); *Neue deutsche Biographie*, vol. viii (Berlin, 1969), 386.

68 *Neue deutsche Biographie*, vol. vi (Berlin, 1964), 294–295 (Digitale Bibliothek).

69 Clark, *Conversion*, 167 and n. 83.

70 См. главу 2.

71 Engelberg, i. 298.

72 Ibid. 298–300.

73 Ibid. 296.

74 Бисмарк Герману Вагенеру, 5 июля 1848 года. *GW*xiv. 109.

75 9 сентября. Gerlach, *Aufzeichnungen*, ii. 2. Цитируется

Энгельбергом: Engelberg, i. 307.

76 Engelberg, i. 297.

77 Ibid. 298.

78 Zeittafel zur deutschen Revolution 1848/49.

http://www.zum.de/Faecher/G/BW/

Landeskunde/rhein/geschichte/1848/zeittafel.htm.

79 Holborn, i. 75–76; Petersdorff, 129–133.

80 Engelberg, i. 304.

81 Ibid. 305.

82 Petersdorff, 133.

83 Zeittafel zur deutschen Revolution 1848/49.

http://www.zum.de/Faecher/G/BW/Landeskunde/rhein/

geschichte/1848/

zeittafel.htm.

84 Brbel Holtz, «Ernst Heinrich Adolf von Pfuel (3.11.1779 – 3.12.1866)», *Neue deutsche Biographie*, vol. xx (Berlin, 2001), 362–363.

85 Бисмарк Иоганне, Берлин, субботний вечер, 23 сентября 1848 года. *GW*xiv. 113.

86 Barclay, 178.

87 Anton Ritthaller, «Friedrich Wilhelm Graf von Brandenburg», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 517.

88 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 55–56.

89 B. Poten, «Friedrich Heinrich Ernst von Wrangel», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xliv (Leipzig, 1898), 229–232.

90 Бисмарк Иоганне, Берлин, 18 октября 1848 года. *GW*xiv. 114.

91 Ibid. 56–57.

92 Бисмарк брату, Потсдам, вечер воскресенья, 11 ноября 1848 года. *GW*xiv. 117–118.

93 Rbbonline:

http://www.preussen-chronik.de/_/episode_jsp/key=chronologie_006490.html.

94 Бисмарк Иоганне, Потсдам, 16 ноября 1848 года. *GW*xiv. 119.

95 Ibid.

96 14 апреля 1872 года. Lucius, 20.

97 *Verfassungsurkunde fr den Preußischen Staat*, 5 Dec. 1848 (Preußische Gesetz-Sammlung 1848, p. 375). Source: Homepage des Lehrstuhls fr Rechtsphilosophie, Staats– und Verwaltungsrecht Prof. Horst Dreier, Universitt Wrzburg. http://www.jura.uni-wuerzburg.de/lehrstuehle/dreier/startseite.

98 *Verfassungsurkunde fr den Preußischen Staat*, 5 Dec. 1848.

99 Spenkuch, 385.

100 Ibid. 366–367.

101 Бисмарк брату, 9 декабря 1848 года. *GW*xiv. 120.

102 Engelberg, i. 325.

103 Бисмарк брату, Шёнхаузен, 10 февраля 1849 года. *GW*xiv. 123.

104 Engelberg, i. 329; Petersdorff, 151–152.

105 Engelberg, i. 354.

106 Clark, *Iron Kingdom*, 494.

107 Выступление Бисмарка в ландтаге, 21 апреля 1849 года. *GW*x. 29–32.

108 Бисмарк брату, 18 апреля 1849 года. *GW*xiv. 127.

109 Бисмарк Иоганне, 8 августа 1849 года, *GW*xiv. 131. Евангелист Иоганнес Госснер (1773–1858) был миссионером-проповедником и писателем, принимавшим самое активное участие в религиозной жизни Германии. «Ларчик сокровищ», о котором упоминает Бисмарк, Das Schatzkstchen, требник Госснер написал для своей паствы в Петербурге. Cf. Friedrich Wilhelm Bautz, Biographisch– bibliographisches Kirchenlexicon, vol. ii (Spalten, 1990), 268–271. http://www.bbkl.de/g/gossner_j_e.shtml.

110 Бисмарк Иоганне, 17 августа 1849 года. *GW*xiv. 133.

111 Бисмарк Иоганне, 9 сентября 1849 года. *GW*xiv. 140.

112 Бисмарк Иоганне, 16 сентября 1849 года. *GW*xiv. 143; Engelberg, i. 337.

113 R. von Liliencron, «Radowitz». *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxvii (Leipzig, 1888), 143.

114 Выступление 15 апреля 1850 года. *GW*x. 95–96.

115 Бисмарк Иоганне, Эрфурт, 19 апреля 1850 года. *GW*xiv. 155.

116 Бисмарк Герману Вагенеру, редактору газеты «Кройццайтунг», Шёнхаузен, 30 июня 1850 года. *GW*xiv. 159.

117 Бисмарк Шарлаху, Шёнхаузен близ Ерихова на Эльбе, 4 июля 1850 года. *GW*xiv. 161–162.

118 Бисмарк сестре, Шёнхаузен, 8 июля 1850 года. *GW*xiv. 162.

119 Zeittafel zur deutschen Revolution 1848/49.

http://www.zum.de/Faecher/G/BW/Landeskunde/rhein/geschichte/1848/

zeittafel.htm.

120 Bucholz, 44–45.

121 Clark, *Iron Kingdom*, 494–499; Encyclopedia of 1848 Revolutions. http://www.ohiou.edu/~Chastain/dh/erfurtun.htm.

122 Выступление Бисмарка в Ольмюце, 3 декабря 1850 года. *GW*x. 103ff.

123 Gall, *Der weisse Revolutionr*, 119.

124 Бисмарк Иоганне, Берлин, 12 марта 1851 года. *GW*xiv.

199.

125 Бисмарк Иоганне, Берлин, 29 марта 1851 года. *GW*xiv. 202.

126 Бисмарк Иоганне, Берлин, 7 апреля 1851 года. *GW*xiv. 204.

127 Petersdorff, 190–191.

128 Бисмарк Иоганне, 28 апреля 1851 года, Pflanze, i. 76.

Глава 5

1 Веб-сайт Хорста Драйера:
<http://www.jura.uni-wuerzburg.de/lehrstuehle/dreier/dokumente_und_entscheidungen/dokumente_am_lehrstuhl/schlussakte_der_wiener_ministerkonferenz_15_mai_1820/>.

2 *Deutsches Staats-wrterbuch*, ed. Johann Caspar Bluntschli and Karl Ludwig Theodor Brater. Published by Expedition des Staats-Worterbuchs, 1858 Original from the University of Michigan, Digitized 8 May 2006, p. 61

3 Бисмарк Иоганне, Берлин, 3 мая 1851 года. *GW*xiv. 208.

4 Хедвиг фон Бланкенбург Иоганне фон Бисмарк, 7 мая 1851 года. Engelberg, i. 369.

5 Бисмарк Иоганне, 14 мая 1851 года. *GW*x. 211.

6 Бисмарк Клейсту-Ретцову, 4 июля 1851 года. Pflanze, i. 51.

7 Бисмарк Иоганне, Берлин, 5 мая 1851 года. *GW*xiv. 208.

8 Бисмарк Иоганне, 8 мая 1851 года. *GW*xiv. 209.

9 Engelberg, i. 367.

10 Anthony Trollope, *Barchester Towers*(1857) (London: Penguin Classic, 1994), 188.

11 «Гласный ответ Фердинанда Лассаля» от 1 марта 1863 года. On-cken, 281.

12 *GW*xiv. 209.

13 Бисмарк Иоганне, 18 мая 1851 года. *GW*xiv. 213.

14 Бисмарк Вагенеру, 5 июня 1851 года. *GW*xiv. 217.

15 Engelberg, i. 386.

16 Бисмарк генералу Леопольду фон Герлаху, 22 июня 1851 года. *GW*xiv. 219–220.

17 Бисмарк Иоганне, Франкфурт, 16 августа 1851 года, *GW*xiv. 237. и 6 сентября 1851 года, ibid. 240.

18 Бисмарк брату, Франкфурт, 22 сентября 1851 года. *GW*xiv. 241.

19 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, 23 февраля 1853 года. *GW*xiv. 292.

20 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, 6 февраля 1852 года. *GW*xiv. 249–250.

21 Willms, 97.

22 Ibid.

23 Holstein, *Memoirs*, 22–23.

24 Herman von Petersdorff, «Georg Freiherr von Vincke», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxxix (Leipzig, 1895), 748.

25 Ibid. 750.

26 25 марта 1852 года. Дуэль Бисмарка и Финке. Письмо Бисмарка теще, 4 апреля 1852 года. *GW*xiv. 258.

27 Согласно Георгу Бухману, изречение принадлежит императору Максимилиану I: Georg Buchman, *Geflgelte Worte: Der Citatenschatz des deutschen Volkes*, 510–511.

28 Бисмарк генералу Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 2 августа 1852 года. *GW*xiv. 275.

29 Бисмарк сестре, Франкфурт, 22 декабря 1853 года. *GW*xiv. 336.

30 Pflanze, i. 86–87.

31 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, 19 декабря 1853 года. *GW*xiv. 334.

32 Engelberg, i. 396.

33 «Prokesch von Osten, Anton Franz Count (1795–1876), *Neue deutsche Biographie*, vol. xx (Berlin, 2001), 739–740.

34 Бисмарк Мантейфелю, 12 февраля 1853 года. Цитирует Энгельберг: Engelberg, i. 384.

35 Ibid. 384.

36 Герлах, 28 января 1853 года. Gerlah, *Briefe*, pp. 33–34.

37 Дневник Леопольда фон Герлаха, 27 июля 1853 года. Engelberg, i. 403–404.

38 Willms, 100.

39 Pflanze, i. 90.

40 Engelberg, i. 424.

41 Willms, 100.

42 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, Великий четверг 13 апреля 1854 года. *GW*xiv. 352.

43 Бисмарк брату, 10 мая 1854 года. *Bismarck Briefe*, No. 144, pp. 174–175.

44 10 июля 1854 года. Ibid., No. 147, p. 177.

45 Ibid. 179, n. 1.

46 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 15 декабря 1854 года. *GW*xiv. 374–375.

47 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 21 декабря 1854 года. *GW*xiv. 175.

48 Engelberg, i. 424.

49 *Bismarck Briefe*, 181, n. 1.

50 Бисмарк брату, Франкфурт, 26 марта 1855 года. Ibid. No.

154, p. 181.

51 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, 2 февраля 1855 года. *GW*xiv. 381.

52 Engelberg, i. 428.

53 Ibid.

54 Tiedemann, 281.

55 Urbach, 61.

56 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 10 февраля 1855 года. *GW*xiv. 384.

57 http://www.famousquotesandauthors.com/topics/revolution_and_reform_quotes.html.

58 *Letters of the Empress Frederick*, 6.

59 Ibid. 7.

60 Бисмарк генералу Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 8 апреля 1856 года. *GW*xiv. 439.

61 Pflanze, i. 81.

62 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Берлин, 2/4 мая 1860 года. *GW*xiv. 549.

63 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 15 сентября 1857 года. *GW*xiv. 415.

64 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 2 мая 1857 года. *GW*xiv. 464–468.

65 Герлах Бисмарку, 6 мая 1857 года. *Briefe*, No. 103, pp. 208–213.

66 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 30 мая 1857 года. *GW*xiv. 470.

67 Леопольд фон Герлах Бисмарку, 22 декабря 1857 года. *Briefe*, No. 107, p. 223.

68 Ibid., 23 февраля 1858 года, *Briefe*, No. 109, p. 229.

69 Леопольд фон Герлах, 1 мая 1860 года. *Briefe*, No. 110, pp. 229–232.

70 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Берлин, 2/4 мая 1860 года. *GW*xiv. 549.

71 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 52–53.

72 Дэвид Баркли в жизнеописании Фридриха Вильгельма IV отображает нарастание недееспособности короля, с 1853 года потерявшего память и речь. После очередного удара 8 октября 1858 года король пришел в сознание, но «не мог правильно связывать слова с отдельными предметами и людьми»: «Хотя общее состояние стабилизировалось, все знали, что он еще долго не вернется к полноценной деятельности» (Barclay, 279).

73 Леопольд фон Герлах, 1 мая 1860 года. *Briefe*, No. 110, pp. 231–232.

74 Pflanze, i. 140.

75 Ibid. 82.

76 Klaus-Jrgen Bremm, *Von der Chaussee zur Schiene: Militr und Eisenbahnen in Preußen 1833 bis 1866, Militrgeschichtliche Studien*(Munich: Oldenbourg, 2005).

77 «Moltke», *Neue deutsche Biographie*, ed. Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften (Berlin: Duncker & Humblot, 1953), xviii. 13.

78 Bucholz, 33–34.

79 Ibid. 33.

80 «Moltke», *Neue deutsche Biographie*, 14.

81 Bucholz, 40–41.

82 Moltke, *NDB*14–15.

83 Bucholz, 49.

84 Walter, 500–515.

85 8 июля 1870 года. Holstein, *Memoirs*, 41.

86 9 января 1971 года, Версаль. Verdy du Vernois, *Im grossen Hauptquartier*, 239.

87 3 сентября 1870 года. Waldersee, 95.

88 Бисмарк советнику Гёртнеру, Франкфурт, 3 февраля 1858 года. *GW*xiv. 484.

89 *Letters of the Empress Frederick*, 11.

90 Kurt Brries, «Friedrich Wilhelm IV», *Allgemeine deutsche Biographie & Neue deutsche Biographie*(Digitale Register), vol. v (Berlin, 1961), 565.

91 Otto Pflanze, *Bismarck and the Development of Germany: The Period of Unification, 1815–1871*(Princeton: Princeton University Press, 1971). 121–122.

92 Ibid. 134.

93 Wagner, 293ff.

94 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 20 февраля 1859 года. *GW*xiv. 484.

95 Бисмарк брату, Франкфурт, 29 апреля 1858 года. *GW*xiv. 488.

96 Roon, i. 342.

97 Walter, 210, n. 81.

98 Roon, i. 213.

99 Принцесса Августа Роону, 22 октября 1848 года. Ibid. 219.

100 Роон принцессе Августе, 6 ноября 1848 года. Ibid. 225.

101 Ibid. 226.

102 Принцесса Августа майору Роону, 10 декабря 1848 года. Ibid. 231.

103 Принц Вильгельм Роону, 9 января 1849 года. Ibid. 231.

104 Ibid. 233–234.

105 Ibid. 257.

106 Анна Роону, 31 декабря 1850 года. Ibid. 261.

107 Ibid. 266–267.

108 Роон Бисмарку, Кобленц, 14 июля 1852 года. Ibid. 267–268.

109 Роон Пертесу, 9 ноября 1857 года. Ibid. 334–335.

110 Ibid. 343–344.

111 Ibid. 348.

112 Ibid. 350–352.

113 Конституция США онлайн: http://www.usconstitution.net/const.html#Am2.

114 Pflanze, i. 105.

115 Clark, *Iron Kingdom*, 407.

116 Richard L. Gawthrop, «Literacy Drives in Pre-Industrial Germany»; Robert F. Arnove and Harvey J. Graff (eds.), *National Literacy Campaigns: Historical and Comparative Perspectives*(New York: Springer, 1987), 29.

117 Pflanze, i. 105.

118 Karl Demeter, *Das Deutsche Heer und seine Offiziere*(Berlin, 1930), 13–29, 69–95.

Глава 6

1 Wolfgang Wippermann, «Otto von Manteuffel», *Neue deutsche Biographie*, vol. xx (Leipzig, 1884), 270–271.

http://mdz10.bib-bvb.de/~db/bsb00008378/images/index.html.

2 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 232.

3 Бисмарк Иоганне, Берлин, 15 января 1859 года. *GW*xiv. 496.

4 Otto Count Stolberg-Wernigerode, «Bismarck». *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 270.

http://mdz10.bib-bvb.de/~db/0001/bsb00016318/images/index.html?id=00016318&f1p=81.129.122.54&no=19&seite=297.

5 Роон Анне, 9 января 1859. Roon, i. 360.

6 Роон Анне, 10 января 1859. Ibid. 361–362.

7 Роон Анне, 11 января 1859. Ibid. 362.

8 Roon. Ibid. 363–364.

9 Stern, 14–15.

10 Ibid. 17.

11 Бисмарк барону Георгу фон Вертеру, Франкфурт, 25 февраля 1859 года. *GW*xiv. 501.

12 Бисмарк брату, Франкфурт, 3 марта 1859 года. *GW*xiv. 502.

13 Бисмарк Иоганне, 17 марта 1859 года. *GW*xiv. 504.

14 Бисмарк Иоганне, Берлин, 22 марта 1859 года. *GW*xiv. 506.

15 Бисмарк сестре, Петербург, 19/31 марта 1859. *Bismarck Briefe*, No. 210, pp. 253–254.

16 Бисмарк брату, Петербург, 8 мая 1859 года. *GW*xiv. 519.

17 Бисмарк Иоганне, Петербург, 28 апреля 1859 года. *GW*xiv. 515.

18 Бисмарк Иоганне, Петербург, 4 апреля 1859 года. *GW*xiv. 511.

19 Бисмарк фрау Петерхоф, 28 июня 1859 года. *GW*xiv. 529.

20 Бисмарк Иоганне, Петербург, 2 июля 1859 года. *GW*xiv. 533.

21 Бисмарк Отто фон Венцелю, Петербург, 1 июля 1859 года. *GW*xiv. 531–532.

22 Roon, i. 372.

23 Kenney, *Ideology and Foreign Policy*, 36.

24 Beller, 69.

25 Одо Рассел – леди Уильям, 23 марта 1852. Urbach, 28.

26 «Villafranca, Conference of», *Encyclopoedia Britannica*Online (2008). http://proxy.library.upenn.edu:3225/eb/article-9075366.

27 Бисмарк брату, Петербург, 8 мая 1859 года. *GW*xiv. 519.

28 Бисмарк Шлейницу, Петербург, 12 мая 1859 года. *GW*iii. 35ff.

29 Bucholz, 66–67.

30 Роон Пертесу, 15 июня 1859 года. Roon, i. 375.

31 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 251.

32 Engelberg, i. 477.

33 Бисмарк брату, Берлин, 3 августа 1859 года. *GW*xiv. 536.

34 Pflanze, ii. 58.

35 Бисмарк брату, Петербург, 15 июля 1860 года. *GW*xiv. 556.

36 Бисмарк сестре, Берлин, 24 сентября 1859 года. *GW*xiv. 538.

37 Бисмарк Иоганне, Лазенковский дворец в Варшаве, 19 октября 1859 года. *GW*xiv. 541.

38 Роон Анне, 24 октября 1859 года. Roon, i. 388.

39 Роон Анне, 28 октября 1859 года. Ibid. 389–390.

40 Heinz Kraft, «Adolf Heinrich von Brandt», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 531.

41 Генерал Генрих фон Брандт майору Альбрехту фон Штошу, Берлин, 19 октября 1859. Stosch, 48.

42 Роон Анне, 4 ноября 1859 года. Roon, i. 391.

43 Ibid. 402–405.

44 Pflanze, ii. 10.

45 «Clemens Theodor Perthes», *Neue deutsche Biographie*, vol. xx (Berlin, 2001), 202.

46 Пертес Роону, 4 декабря 1859 года. Roon, i. 409.

47 Walter, 32. «Еще раз повторяю, не существует исследований реформ Роона».

48 Ibid. 25–26.

49 Ibid. 33.

50 Karl Georg Albrecht Ernst von Hake (1768–1835). *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. x (Leipzig, 1879), 394–396. Гаке принадлежал к «наполеоновскому» поколению генералов и дважды занимал пост военного министра. В биографической энциклопедии о нем говорится: «Он не был ни выдающимся государственным деятелем, ни заслуженным полевым командующим, ни организатором-гением, но отличался основательностью и трудолюбием, верно и честно служа Отечеству» (Ibid. 396).

51 Walter, 341.

52 Duncker, 183.

53 «August Reichensperger, (1808–1895)», *Allgemeine deutsche Biographie & Neue deutsche Biographie*(Digitale Register), vol. xxi (Berlin, 2003), 309–310.

54 Бисмарк Морицу, 12 февраля 1860 года. Pflanze, i. 143, n. 39.

55 Бисмарк Иоганне, Берлин, 7 мая. *GW*xiv. 531.

56 Roon, ii. 19–20.

57 Bernhard von Poten, «Edwin Freiherr von Manteuffel», *Allgemeine deutsche Biographie & Neue deutsche Biographie*(Digitale Register), vol. lii, Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1906), 178.

58 Craig, «Portrait of a Political General», 2.

59 Ibid. 2, n. 4.

60 Ibid. 32.

61 Schweinitz, 214–216.

62 *PC*21/11, 14 Mar. 1883, p. 4.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vol-lanzeige.php?file=9838247%2F1883%2F1883-03-14.xml&s=4.

63 Craig, «Portrait of a Political General», 32, n. 108.

64 Ibid. 11–12.

65 Ibid. 12.

66 Stefan Hartmann, «Manteuffel», *Neue deutsche Biographie*, vol. xvi (Berlin, 1990), 88.

67 Бисмарк Леопольду фон Герлаху, Франкфурт, 19 декабря 1857 года. *GW*xiv. 481.

68 Бисмарк брату, Берлин, 12 мая 1860 года. *GW*xiv. 553.

69 Ibid.

70 Шлёцер брату, 2 июня 1860 года. Schlzer, 149.

71 Бисмарк Венцелю, Петербург, 16 июня 1860 года. *GW*xiv. 554–555.

72 Engelberg, i. 529.

73 Бисмарк сестре, Царское Село, 4 октября 1860 года. *GW*xiv. 562–563.

74 Holstein, *Memoirs*, 4–6.

75 Pflanze, i. 173.

76 Craig, «Portrait of a Political General», 13.

77 Hermann von Petersdorff, «Twesten» (1820–1870), *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxxix (Leipzig, 1895), 35.

78 Ibid. 35; Pflanze, i. 171.

79 Von Petersdorff, «Twesten», 35–36.

80 Roon, ii. 21.

81 <http://www.dhm.de/lemo/html/kaiserreich/innenpolitik/fortschrittspartei/index.html>.

82 Roon, ii. 50.

83 Бисмарк Роону, 1–3 июля 1861 года. Roon, ii. 29–32.

84 Ibid. 30.

85 Бисмарк Александру Эвальду фон Белову-Гогендорфу (1800–1881), Штольпмюнде, 18 сентября 1861 года. *GW*xiv. 578.

86 Бисмарк сестре Мальвине, Петербург, 8 ноября 1861 года. *Bismarck Briefe*, No. 258, p. 322.

87 «Sitzverteilung in der Zweiten Kammer des Landtags 1848–1870», *Wahlen in Deutschland bis 1918: Landtage Knigreich Preußen*.

http://www.wahlen-in-deutschland.de/klPreussen.htm.

88 Craig, «Portrait of a Political General», 19.

89 Craig, The Politics, 137.

90 «Sitzverteilung in der Zweiten Kammer des Landtags 1848–1870», *Wahlen in Deutschland bis 1918: Landtage Knigreich Preußen*.

http://www.wahlen-in-deutschland.de/klPreussen.htm.

91 «Urwahlerstatistik 1849–1913, Preussen», *Wahlen in Deutschland bis 1918: Landtage Knigreich Preußen*.

http://www.wahlen-in-deutschland.de/klPreussen.htm.

92 Бисмарк Роону, 12 апреля 1862 года. Roon, ii. 79–80.

93 Бисмарк фон Венцелю, 19 апреля 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 264, pp. 330–331.

94 Бисмарк Иоганне, 17 мая 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 265, 332.

95 Roon, ii. 86.

96 Неопубликованная заметка, 21 мая 1862 года, цитируется у Шёпса. Schoeps, 235.

97 Бисмарк Иоганне, 23 мая 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 266, 332.

98 Бисмарк Иоганне, Берлин, 25 мая 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 268, p. 334; Бисмарк брату, 25 мая 1862 года, No. 267. Ibid. 333.

99 Roon, ii. 92.

100 Роон Бисмарку, 4 июня 1862 года. Ibid. 93.

101 Ibid. 94.

102 Бисмарк Роону, Париж, 8 июня 1862. Ibid. 97.

103 Роон Бисмарку, Берлин, 26 июня 1863 года. Ibid. 99.

104 Moneypenny and Buckle, ii. 765.

105 Бисмарк Роону, Париж, 5 июля 1862 года. Roon, ii. 101.

106 Бисмарк Иоганне, 14 июля 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 279, 345–346.

107 Роон Пертесу, 6 июля 1862 года. Roon, ii. 106–107.

108 Orloff, 38.

109 Ibid. 56–57.

110 Ibid. 57.

111 Ibid. 88.

112 Бисмарк Екатерине Орловой, письмо № 5, Биарриц, 21 октября 1865 года. Ibid. 113.

113 Роон Бисмарку, Циммерхаузен, 29 августа 1862 года. Roon, ii. 109.

114 Бисмарк Роону, Тулуза, 12 сентября 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 290, 361.

115 Roon, ii. 115.

116 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 293.

117 Roon, ii. 120–121; Pflanze, i. 180.

118 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 204.

119 Ibid.

120 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 295.

121 Из дневника кронпринцессы. Schoeps, 31.

122 Engelberg, i, 518.

123 Stern, 28.

124 Petersdorff, 338.

125 Клейст-Ретцов Людвигу фон Герлаху, 22 сентября 1862 года. Ibid. 340.

126 Бисмарк фон Венцелю, 28 сентября 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 281, p. 363.

127 Штош фон Хольцендорфу, Магдебург, 28 сентября 1862 года. Stosch, 52.

128 Выступление Бисмарка в бюджетной комиссии ландтага, «Кровь и железо», 30 сентября 1862 года. Pflanze, i. 183–184.

129 Gall, *The White Revolutionary*, i. 206.

130 *Bismarck, Man & Statesman*, i. 313–314.

131 Schoeps, 105.

132 Курд фон Шлёцер, 3 октября 1862 года. Pflanze, i. 179.

133 Schoeps, 105.

Глава 7

1 Пертес Роону, 28 апреля 1864 года. Roon, ii. 238.

2 Ibid. 260–261.

3 Курд фон Шлёцер, 3 октября 1862 года. Pflanze, i. 179.

4 Ibid. 169.

5 Ibid. 182.

6 Граф Адольф фон Клейст (1793–1866) Гансу фон Клейсту, 9 ноября 1862 года. Petersdorff, 342.

7 Мантейфель Роону, 5 декабря 1862 года. Craig, «Portrait of a Political General», 26.

8 Clark, *Iron Kingdom*, 522.

9 Бисмарк принцу Генриху VII Рёйсс, 23 ноября 1862 года. *GW*xiv. 629.

10 Engelbrg, i. 532.

11 Brunck, 36.

12 Huber, vol. ii, section II. 1.

13 Brunck, 64 n. 1.

14 Бисмарк Иоганне, 7 октября 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 292, p. 363.

15 Pflanze, ii. 35.

16 Holstein, *Memoirs*, 6.

17 Pflanze, ii. 45–46.

18 Ibid. 48, n. 45.

19 Штош фон Норману, Прёдлиц (Богемия), 17 июля 1866 года. Stosch, 102.

20 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 331.

21 Stern, 30.

22 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 329, 330, 333, 334.

23 Ibid. 370.

24 Roon, ii. 127; Brunck, 101.

25 Pflanze, ii. 193.

26 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 342–343.

27 Ibid. 346.

28 Pflanze, ii. 195.

29 Lucius, 2.

30 Речь Бисмарка, 31 марта 1863 года. *GW*x. 179.

31 Людвиг фон Герлах Гансу фон Клейсту, 23 апреля 1863 года. Petersdorff, 347.

32 Бисмарк – Мотли, Берлин, 17 апреля 1863 года. *Bismarck Briefe*, No. 297, pp. 366–367.

33 Motley, *Family*, 174–178.

34 Pflanze, ii. 210.

35 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 350.

36 Принцесса Виктория королеве Виктории, 8 июня 1863 года. *Letters of the Empress Frederick*, 41–42.

37 Бисмарк Роону, Карлсбад, 6 июля 1863 года. *Bismarck Briefe*, No. 299, pp. 369–370.

38 Бисмарк Иоганне, Нюрнберг, 19 июля 1863 года. Ibid. No. 303, p. 372.

39 Pflanze, i. 197.

40 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 375–376.

41 Бисмарк Иоганне, Баден, 29 августа 1863 года. *Bismarck Briefe*, No. 312, p. 377.

42 Huber, 32–33.

43 Oncken, 59.

44 Footman, 175.

45 Лассаль Даммеру, 12 мая 1863 года. Oncken, 360.

46 George Meredith, *The Tragic Comedians*(Westminster: Archibald Constable & Co. 1902).

47 Roberts, 174.

48 Meredith, 57.

49 Hans Wolfram von Hentig, «Sophie Grfin von Hatzfeldt», *Neue deutsche Biographie*, vol. viii (Berlin, 1969), 67.

50 Georg Brandes, *Ferdinand Lassalle*(1881), English edn. (London: William Heineman, New York: The Macmillan Company, 1911), 22–23.

51 Ibid. 24.

52 Ibid. 30–31.

53 Oncken, 254–255.

54 Фердинанд Лассаль, 2 февраля 1839 года. *Tagebuch*, 86–87.

55 Iring Fetscher, «Lassalle», *Neue deutsche Biographie*, vol. xiii (Berlin, 1982), 662.

56 Ibid.

57 Brandes, *Lassalle*, 24.

58 Oncken, 228–229.

59 Ibid. 230; Studt, 236–237.

60 Oncken, 243–244.

61 Ibid. 236–237.

62 Ibid. 236.

63 Footman, 156.

64 Ibid. 153–154.

65 Лассаль графине Гацфельдт, 3 марта 1862 года. Footman, 162–163.

66 Haenisch, 119.

67 Ibid. 119.

68 Oncken, 379.

69 Ibid. 467.

70 Маркс Энгельсу. Ibid. 473.

71 Karl Marx, *Das Kapital: Kritik der politischen konomie*(Stuttgart: Albert Kroner Verlag, 1969), 5. Предисловие к первому немецкому изданию, Лондон, 25 июля 1867 года (перевод Дж. С.).

72 Oncken, 373–374.

73 Ibid. 374.

74 Studt, 245–248.

75 Ibid. 251–252.

76 Wlly Andreas, «Arthur von Brauer», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 543–544.

77 Studt, 251.

78 Ibid. 251–252.

79 Holstein, *Memoirs*, 52f.

80 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 357.

81 Roon, ii. 167.

82 *PC*1/15, 7 Oct. 1863.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1863/1863-10-07.xml&s=1.

83 Ibid.

84 «Sitzverteilung in der Zweiten Kammer des Landtags 1848–1870», *Wahlen in Deutschland bis 1918: Landtage Knigreich Preußen*.

http://www.wahlen-in-deutschland.de/klPreussen.htm.

85 Ганс фон Клейст Бисмарку, 6 ноября 1863 года. Petersdorff, 356.

86 Roon, ii, 170.

87 *PC*1/22, 25 Nov. 1863, p. 2.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/verzeichnis.php.

88 Ibid. 1.

89 Бисмарк неизвестному адресату, Берлин, 22 декабря 1862 года. *Bismarck Briefe*, No. 295, p. 365.

90 Pflanze, i. 236.

91 Clark, *Iron Kingdom*, 524.

92 Pflanze, i. 237.

93 Grenville, 253.

94 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 10.

95 Ibid. 12, 13.

96 Ibid. i. 359.

97 Schoeps, 55.

98 Ibid. 56.

99 Pflanze, i. 242.

100 Roon, ii. 189.

101 Stern, 39.

102 Роон Пертесу, 17 января 1864 года. Roon, ii. 180.

103 John Prest, «Russell, John (formerly Lord John Russell), first Earl Russell (1792–1878)».

Oxford Dictionary of National Biography(Oxford: Oxford University Press, Sept. 2004). Online edn., Jan. 2008: http://www.oxforddnb.com/view/article/24325.

104 Ibid.
105 Pflanze, i. 248.
106 Embree, 29.
107 Ibid. 29–30.
108 Бисмарк Роону, 21 января 1864 года. Roon, ii. 171–172.
109 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 379–380.
110 Holstein, *Memoirs*, 25.
111 Бисмарк Роону, конец марта 1864 года. Roon, ii. 226.
112 Embree, 45.
113 Роон королю, 16 марта 1864 года. Roon, ii. 214, 215.
114 Pflanze, i. 249.
115 Craig, *Fontane*, 84.
116 Бисмарк графу Арним-Бойценбургу, 16 мая 1864 года. *Bismarck Briefe*, No. 331, p. 388.
117 Бисмарк Мотли, Берлин, 23 мая 1864 года. *Bismarck Briefe*, No. 332, p. 389.
118 Мотли Бисмарку, Вена, 28 мая 1864 года. Motley, *Family*, 201–202.
119 Бисмарк Теодору фон Бисмарк-Болену, Берлин, 23 мая 1864 года. *Bismarck Briefe*, No. 333, p. 391.
120 Роон Морицу фон Бланкенбургу, 24 мая 1864 года. Roon, ii. 243.
121 Pflanze, i. 252.
122 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 36.
123 Roon, ii. 245.
124 Ibid. 247.
125 Ibid. 248.
126 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 30–31.
127 Pflanze, ii. 253.
128 Ibid. 253.
129 Eyck, *Bismarck*, i. 624.
130 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 32.
131 Moneypenny and Buckle, ii. 80.
132 Brunck, 150.
133 Роон Морицу фон Бланкенбургу, 26 марта 1866 года. Roon, ii. 259.
134 Stern, 44–45.
135 Brunck, 143.
136 Pflanze, i. 249.
137 Бисмарк сестре, Карлсбад, 27 июня 1864 года. *Bismarck Briefe*, No. 336, p. 392.
138 Roon, ii. 234.
139 Бисмарк Иоганне, Карлсбад, 20 июля 1864 года. *GW*xiv. 672.

140 Бисмарк брату, Вена, 22 июля 1864 года. *Bismarck Briefe*, No. 340, p. 394.

141 Мэри Мотли дочери, 1 августа 1864 года. Motley, *Family*, 209–214.

142 Moneypenny and Buckle, ii. 82.

143 Pflanze, i. 255.

144 Stern, 51.

145 Бисмарк Роону, Рейнфельд, 22 сентября 1864 года. Roon, ii. 284.

146 *PC*2/45, Nov. 1864, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1864/1864-11-02.xml&s=1.

147 Franz Freiherr von Samaruga, «Mensdorff», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxi (Leipzig, 1885), 366.

148 Pflanze, i. 259.

149 *Bismarck Briefe*, No. 362, p. 408, n. 4.

150 Pflanze, i. 260.

151 Ibid.

152 Stern, 8.

153 Вильгельм I Роону, 25 апреля 1865 года. Roon, ii. 329.

154 Мантейфель королю, 2 мая 1865 года. Craig, «Portrait of a Political General», 25.

155 Rhl, «Kriegsgefahr», 97.

156 Pflanze, i. 261.

157 Мантейфель Роону, 4 июня 1865 года. Roon, ii. 321.

158 Stern, 60.

159 Rhl, «Kriegsgefahr», 97.

160 Brunck, 144.

161 Wolfgang Kllmann, «August von der Heydt», *Neue deutsche Biographie*, vol. ix (Berlin, 1972), 75.

162 Август фон дер Хейдт Бисмарку, 22 июня 1865 года. Brunck, 146.

163 Radtke, 356.

164 Ibid. 17.

165 Бисмарк Роону, 3 июля 1865 года. *Bismarck Briefe*, No. 365, p. 410.

166 Rhl, «Kriegsgefahr», 94, n. 34.

167 Ibid. 97; также Бисмарк Эйленбургу, 4 июля – Ibid. 98.

168 Бисмарк Эйленбургу, 11 июля 1865 года. Ibid. 98–99.

169 Karl Wippermann, «Otto von Camphausen», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xlvii, Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1903), 429.

170 Stern, 64.

171 Бисмарк Эйленбургу, 11 июля 1865 года. Rhl, «Kriegsgefahr», 99.

172 «Oppenheim Familie», *Allgemeine deutsche Biographie & Neue deutsche Biographie*(Digitale Register), vol. xix (Berlin, 1999), 559.

173 Brophy, *Capitalism, Politics, and Railroads in Prussia*, 156–157.

174 Nikolaus von Preradowich, «Blome», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 315.

175 Бисмарк Эйленбургу, 30 июля 1865 года. Rhl, «Kriegsgefahr», 101.

176 Tiedemann, 281.

177 Бисмарк Эйленбургу, 1 августа 1865 года. Rhl, «Kriegsgefahr», 99.

178 Роон Морицу фон Бланкенбургу, 1 августа 1865 года. Roon, ii. 354.

179 Stern, 64–65.

180 Хотек Менсдорфу, 12 августа 1865 года. Stern, 64.

181 Pflanze, i. 263.

182 Бисмарк Эйленбургу, 18 августа 1865 года. Rhl, «Kriegsgefahr», 102.

183 Lawrence D. Steefel, «The Rothschilds and the Austrian Loan of 1865», *Journal of Modern History*, 8/1 (Mar. 1936), 36.

184 *Budissiner Nachrichten*, 11 june 1865, in Green, 267.

185 Штош фон Хольцендорфу, Магдебург, 31 августа 1865 года. Stosch, 63.

186 Busch, i. 490.

187 Wawro, *Austro-Prussian War*, 17.

188 Walter, 580–581.

189 Штош фон Хольцендорфу, Магдебург, 2 октября 1865 года. Stosch, 63.

190 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 108; Pflanze, i. 265, Wawro, 42–43.

191 3 января 1866 года, Людвиг фон Герлах. *Nachlass*, i. 474.

192 A.W. Ward, «Loftus, Lord Augustus William Frederick Spencer (1817–1904)», rev. H.C.G. Matthew.

Oxford Dictionary of National Biography(Oxford: Oxford University Press, 2004). Online edn., Jan. 2008: http://www.oxforddnb.com/view/article/34586.

193 Loftus, 38.

194 *PC*4/10, 7 Mar. 1866, p. 2.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-03-07.xml&s=2.

195 Ibid. 1.

196 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 111, Stern, 70.

197 Bucholz, 114.

198 Лорд Кларендон Лофтусу, 7 марта 1866 года. Loftus, 43.

199 Графиня Гацфельдт Менсдорфу, 17 марта 1866 года.

Schoeps, 177.

200 Роон Морицу фон Бланкенбургу, 26 марта 1866 года. Roon, ii. 259.

201 Штош фон Хольцендорфу, Магдебург, 14 мая 1865 года. Stosch, 62.

202 *Im Ring der Gegner Bismarcks: Denkschriften und politischer Briefwechsel Franz v. Roggenbachs mit Kaiserin Augusta und Albrecht v. Stosch, 1865–1896*, 2nd edn., ed. Julius Heyderhoff (Leipzig: Koehler & Amelang, 1943).

203 Brner, William I, 269.

204 Roon, ii. 260.

205 Ibid. ii. 260.

206 Мольтке Роону, 5 апреля 1866 года. Roon, ii. 262.

207 Bucholz, 116–117.

208 Кронпринц Швейницу, 1 апреля 1866 года. Schweinitz, 23.

209 Engelberg, i. 574.

210 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 115.

211 Ibid., 11 Apr 1866, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-04-11.xml&s=1.

212 Anderson, 97.

213 Engelberg, i. 575.

214 Граф Адольф фон Клейст Герлаху, 10 апреля 1866 года. Gerlach, *Nachlass*, ii. 1265–1266.

215 Принц Прусский Альбрехт Людвигу фон Герлаху, Берлин, 4 мая 1866 года. Ibid. 1272–1274.

216 Ганс фон Клейст-Ретцов Людвигу фон Герлаху, Киков, 16 апреля 1866 года. Ibid. 1268–1269.

217 Тайный советник Биндевальд Людвигу фон Герлаху, Берлин, 2 мая 1866 года. Ibid. 1271.

218 Принц Прусский Альбрехт Людвигу фон Герлаху, Берлин, 4 мая 1866 года. Ibid. 1272–1274.

219 Людвиг фон Герлах, 5 мая 1866 года, публикация в «Кройццайтунг», № 105; 8 мая 1866 года – запись в дневнике. Gerlach, *Tagebuch*, 478.

220 Lucius, 28.

221 Pflanze, i. 303.

222 *PC*4/19, 9 May 1866, p. 3.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-05-09.xml&s=3.

223 Штош жене, Берлин, 26 мая 1866 года. Stosch, 74.

224 Бисмарк фон дер Гольцу, 30 мая 1866 года. *GW*v. 429.

225 Штош жене, Берлин, 30 мая 1866 года. Stosch, 76.

226 Walter, 221.

227 Bucholz, 120.

228 Roon, ii. 275.

229 *PC*4/23, 6 June 1866, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-06-06.xml&s=1.

230 Бисмарк герцогу Эрнсту фон Саксен-Кобург-Готу, 9 июня 1866 года. *Bismarck Briefe*, No. 382, p. 424.

231 Бисмарк, меморандум союзным князьям, 10 июня 1866 года. *GW*v. 534.

232 Бисмарк Генриху фон Трейчке, 11 июня 1866 года. *Bismarck Briefe*, No. 383, pp. 425–426.

233 Hermann von Petersdorff, «Treitschke», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. lv, Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1910), 282.

234 Stern, 85.

235 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 118.

236 Arsne Lagrelle, *A travers la Saxe, Souvenirs et tudes*(Paris, 1860) in Green, 28.

237 Zimmer, 74–75.

238 *The Death of Wallenstein*by Friedrich Schiller, trans. Samuel Taylor Coleridge. Project Gutenberg. http://www.gutenberg.org/dirs/6/7/8/6787/6787.txt.

239 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 123–124.

240 Ibid. 127.

241 Sterne, 205.

242 Loftus, 60.

243 Wawro, *Austro-Prussian War*, 53.

244 Zimmer, 95–101.

245 Ibid. 62.

246 Craig, *Fontane*, 87.

247 Ibid. 63.

248 Бисмарк Роону, 17 июня 1866 года. Roon, ii. 277.

249 Zimmer, 89.

250 Wawro, *Austro-Prussian War*, 55.

251 Штош Хольцендорфу, 20 августа 1866 года. Stosch, 113.

252 Ibid. 55.

253 Ibid. 199–201.

254 Wawro, *Austro-Prussian War*, 227.

255 Zimmer, 120–121.

256 Walter, 64.

257 Ibid. 74.

258 Craig, *Battle of Kniggrtz*, 26.

259 Штош жене, Нейсе (Силезия), 20 июня 1866 года (Stosch, 84). «Пришло повышение в чине, мадам генеральша! Первое, что я получил из генеральского снаряжения, – несколько «локтей»

красного полотна».

260 3 июля 1866 года. Stosch, 94.

261 *PC*4/27, 4 July 1866, p. 4.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-07-04.xml&s=1.

262 Рудольф Бамбергер Людвигу, 6 июля 1866 года. Koehler, 91.

263 Бисмарк Иоганне, Гогенмаут, понедельник 9 июля 1866 года. *Bismarck Briefe*, No. 387, p. 429.

264 Штош фон Норману, Прёдиц (Богемия), 17 июля 1866 года. Stosch, 102.

265 Мольтке жене, 23 июля 1866 года. Moltke, *Gesammelte Schriften*, vi. 496.

266 Engelberg, i. 613.

267 Lucius, 118–119.

268 Engelberg, i. 614.

269 *PC*4/31, 1 Aug. 1866, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-08-01.xml&s=1.

270 Pflanze, i. 315.

271 Sterne, 210.

272 Ibid. 212–213, n. 50.

273 Ibid. 213.

274 Pflanze, i. 316.

Глава 8

1 *PC*4/30, 25 July 1866, p. 2.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-07-25.xml&s=2.

2 Бисмарк Иоганне, Брюнн, 18 июля 1886 года. *Bismarck Briefe*, No. 389, p. 431.

3 Engelberg, i. 619.

4 L. Mitteis, *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. i, Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1905), 652ff.

http://mdz10.bib-bvb.de/~db/bsb00008408/images/index.html?id=00008408&f1p=81.129.122.54&no=17&seite=652.

5 Pflanze, i. 331.

6 Clark, *Iron Kingdom*, 544.

7 Цитируется Вальтером. Walter, 65.

8 Petersdorff, 381.

9 Бисмарк Иоганне, Прага, 3 августа 1866 года. *Bismarck Briefe*, No. 399, p. 432; Petersdorff, 383.

10 Engelberg, i. 627.

11 *PC*4/30, 8 Aug. 1866, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1866/1866-08-08.xml&s=1.

12 Petersdorff, 383–384.

13 Brunck, 167.

14 Emil Breslaur, *Allgemeine Zeitung des Judenthums*, 25 Sept. 1866, pp. 622–623.

15 Brunck, 169.

16 Schoeps, 113–114.

17 Klara von Eyall, «Mevissen», *Neue deutsche Biographie*, vol. xvii (Berlin, 1994), 277–281.

18 Pflanze, i. 331.

19 Koehler, 93–94.

20 «Фотографии из рейхстага». *Die Gartenlaube*, 15/18 (Apr.), 285–286.

21 Бисмарк Бернхарду, Варцин, 7 июля 1867 года. *Bismarck Briefe*, No. 394, p. 435.

22 Бисмарк – Мотли, Варцин, 7 августа 1869 года. Motley, *Correspondence*, 221–222.

23 Мотли – Мэри Мотли, «Отель дю Норд», Берлин, 1 августа 1872 года. Motley, *Correspondence*, iii. 274ff.

24 Roggenbach, 57–58, n. 2.

25 Королева Августа барону фон Роггенбаху, Берлин, 9 января 1867 года.

26 Pflanze, ii. 409.

27 Schweinitz, 37.

28 Verfassung des Norddeutschen Bundes:

http://de.wikisource.org/wiki/Verfassung_des_Norddeutschen_Bundes#Artikel_1.

29 Pflanze, i. 353.

30 Wahl des konstituierenden Reichstages:

http://de.wikipedia.org/wiki/Reichstag_(Norddeutscher_Bund)#Wahl_des_konstituierenden_Rechstages.

31 Schuder, 67.

32 Pflanze, i. 357.

33

http://www.hgisg-ekompendium.ieg-mainz.de/Dokumentation_Datensaetze/Multimedia/Staatenwelten/Norddeutscher_

Bund.pdf.

34 Штош жене, Версаль, 25 января 1870 года. Stosch, 227.

35 *GW*vi. b. 15.

36 Ibid. 15–16.

37 Brunck, 206.

38 Ibid.

39 Ibid.

40 Hans Heffter, «Delbrck», *Neue deutsche Biographie*, vol. iii (Berlin, 1957), 577–579.

http://mdz10.bib-bvb.de/~db/0001/bsb00016319/images/index.html?seite=595.

41 Holstein, *Memoirs*, 51.

42 Hollyday, 144.

43 21 марта 1875 года. Lucius, 47–48.

44 Штош Густаву Фрейтагу, Берлин, 18 августа 1867 года. Stosch, 132–133.

45 Anderson, 3.

46 Ulrich von Hehl, «Peter Reichensperger», *Neue deutsche Biographie*, vol. xxi (Berlin, 2003), 310–311.

47 Anderson, 243.

48 Ibid. 63.

49 Ibid. 100.

50 Riotte, 85.

51 Wahlen in Deutschland bis 1918 Reichstagswahlen Preußische Provinz Hannover. http://www.wahlen-in-deutschland.de/kuPrHannover.htm.

52 F. Nachpfahl, «Windthorst», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. lv, Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1910), 99.

53 Anderson, 140.

54 Ibid. 99–100.

55 Ibid. 197.

56 Ulrich von Hehl, «Peter Reichensperger», *Neue deutsche Biographie*, vol. xxi (Berlin, 2003), 309–310.

57 Anderson, 108.

58 Штош Фрейтагу, 15 марта 1868 года. Stosch, 137.

59 Бисмарк государственному министру фон Мюлеру, 27 февраля 1868 года. *GW*vib. 283.

60 Декреты Первого Ватиканского собора. Historical Discovery Presents the Councils of the Church. http://geocities.com/Heartland/Valley/8920/churchcouncils/Ecum20.htm#

papalinfallibilitydefined.

61 Spitzemberg, 80, n. 30.

62 Роггенбах королеве Августе, Берлин, 22 июня 1869 года. Roggenbach, No. 22, p. 105.

63 Бисмарк Эйленбургу, 19 января 1869 года. Brunck, 222.

64 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 225.

65 Король Вильгельм Бисмарку, 22 февраля 1869 года. *Correspondence of William I & Bismarck*, i. 107–108.

66 Бисмарк Роону, Берлин, 22 февраля 1869 года. *Bismarck Briefe*, No. 404, p. 442.

67 Король Вильгельм Бисмарку, op. cit. n. 65 above.

68 Ibid. 227.

69 Штош Фрейтагу, 9 марта 1869 года. Stosch, 152.

70 Clark, *Conversion*, 163, n. 170.

71 Бисмарк Роону, Варцин, 29 августа 1869 года. *Bismarck Briefe*, No. 410, p. 449.

72 Роон Морицу фон Бланкенбургу, 16 января 1870 года. Roon, ii. 419.

73 Мориц фон Бланкенбург Роону, 21 января 1870 года. Ibid. ii. 420.

74 Bartlett, 278.

75 Willms, 219–220.

76 Clark, «Marshal Prim», 318.

77 Pflanze, i. 253; Willms, 220.

78 Willms, 220.

79 Halperin, 85.

80 Gerwarth, 72.

81 Halperin, 85.

82 Waldersee, 49.

83 Bartlett, 280.

84 Halperin, 87.

85 Pflanze, i. 454.

86 Кронпринцесса королеве Виктории, 12 марта 1870 года. *Letters of the Empress Frederick*, 71.

87 Pflanze, i. 455–456.

88 Ibid. 456.

89 *Bismarck, Man & Statesman*, ii. 89. http://www.archive.org/stream/bismarck-manstateo2bismuoft/bismarckmanstateo2bismuoft_djvu.txt.

90 Willms, 223.

91 Bartlett, 276.

92 Ibid. 282.

93 Willms, 224.

94 Waldersee, 71–72.

95 Кронпринцесса королеве Виктории, 6 июня 1870 года. *Letters of the Empress Frederick*, 72.

96 7 июля 1870, дневниковая запись. Waldersee, 72.

97 8 июля 1870 года. Waldersee, 73–74.

98 9 июля 1870 года. Waldersee, 76.

99 Вильмс дает превосходное описание этого этапа кризиса. Willms, 225–226.

100 Pflanze, ii. 81.

101 Pflanze, i. 466.

102 *Kriegstagebuch Herbert Bismarcks*цитируется Штерном. Stern,

130.

103 Engelberg, i. 721.

104 12 июля, дневниковая запись. Waldersee, 79–80.

105 Willms, 228.

106 Ibid.

107 17 января 1877 года. Lucius, p. 98.

108 Кронпринцесса королеве Виктории, 16 июля 1870 года. *Letters of the Empress Frederick*, 75.

109 Bucholz, 162–163.

110 Lucius, p. 3–4.

111 21 июля 1870 года. Waldersee, 83.

112 Moltke, *Franco-German War*, Appendix, pp. 423–447.

113 Bernhard von Poten, «Steinmetz», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxxvi (Leipzig, 1893), 18.

114 Waldersee, 84.

115 Willms, 232.

116 Ibid. 233.

117 2 августа 1879 года, Майнц. Waldersee, 86.

118 Moltke, *Franco-Prussian War*, 18.

119 5 августа 1870 года. *War Diary of Emperor Frederick*, 31, 41–42.

120 Moltke, *Franco-Prussian War*, 63.

121 Moltke, *Franco-Prussian War*, 114.

122 Ibid. 115.

123 3 августа 1870 года. Waldersee, 86.

124 24 августа. Ibid.

125 9 сентября 1870 года. Waldersee, 95.

126 Ibid. 97.

127 Bronsart, 89.

128 Stern, 138.

129 Ibid. 148.

130 Waldersee, 98.

131 Moltke, *Franco-Prussian War*, 128.

132 Ibid. 127.

133 Waldersee, 98–99.

134 Bronsart, 107–108.

135 4 октября 1870 года, Феррьер. Waldersee, 102–104.

136 7 октября. Ibid. 101.

137 Keudell, 469.

138 23 октября 1870 года. Waldersee, 102–104.

139 Urbach, 54.

140 Ibid.

141 Richard Davenport-Hines, «Russell, Odo William Leopold, first Baron Ampthill (1829–1884)».

Oxford Dictionary of National Biography(Oxford: Oxford University Press, Sept. 2004). Online edn., Jan. 2008: http://www.oxforddnb.com/view/article/24332.

142 Леди Уильям Рассел сэру Остену Генри Лейарду, 18 октября 1870 года. Urbach, 47.

143 Davenport-Hines, «Russell», *ODNB*.

144 Urbach, 69.

145 Bronsart, 212.

146 Кронпринц, 14 декабря 1870 года. *Letters of the Empress Frederick*, 107.

147 Bronsart, 227.

148 Ibid. 233–237.

149 Bronsart, 233–237.

150 Штош жене, Версаль, 22 декабря 1870 года. Stosch, 17.

151 Bronsart, 249.

152 Из дневника, Версаль, 26 декабря 1870 года. Waldersee, 116–118.

153 Версаль, 31 декабря 1870 года. *Emperor Frederick's Diary*, 241.

154 4 января 1871 года. Ibid. 246.

155 Ibid. 247.

156 Штош жене, Версаль, 6 января 1871 года. Stosch, 221.

157 8 января 1871 года. *Emperor Frederick's Diary*, 253.

158 9 января 1871 года. Ibid. 254.

159 Штаб-квартира в Версале, 13 января 1871 года. *Emperor Frederick's Diary*, 257–258.

160 Эдмунд Йёрг, лидер патриотической партии в Баварии, после объединения Германии стал одним из самых видных деятелей католического движения. Bernhard Zittel, «Jrg», *Neue deutsche Biographie*, vol. x (Berlin, 1974), 461.

161 Anderson, 29, n. 25.

162 Keudell, 463.

163 Pflanze, i. 500.

164 Ibid. 464.

165 Karl Erich Born, «Friedental», *Neue deutsche Biographie*, vol. v (Berlin, 1961), 447.

166 Schuder, 109–110.

167 *PC*8/49, Dec. 1870, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1870/1870-12-07.xml&s=1.

168 Бисмарк Иоганне, штаб-квартира в Версале, 12 декабря 1870 года. *GW*xiv. 803.

169 *PC*8/49, Dec. 1870, p. 1.

170 Клейст фон Бланкенбургу. Petersdorff, 406.

171 Keudell, 465.

172 Pflanze, i. 504.

173 Clark, *Iron Kingdom*, 67.

174 16 января 1871 года, штаб-квартира, Версаль, *Emperor Frederick's Diary*, 263–264.

175 17 января 1871 года. Ibid. 265–266.

176 18 января 1872 года. Bronsart, 298.

177 *War Diary of Emperor Frederick*, 272.

178 8 января 1873 года. Lucius, 33–34.

179 Stern, 146.

180 Holstein, *Memoirs*, 79. Полное имя «принца Аркадского» – Георг Альберт, князь фон Шварцбург-Рудольштадт; он царствовал в своем маленьком княжестве с 1869 до 1890 года.

181 Кронпринцесса королеве Виктории, 20 января 1871 года. *Letters of the Empress Frederick*, 116.

182 Ibid. 229.

183 *War Diary of Emperor Frederick*, 292, 294.

184 Bronsart, 310.

185 Erich Angermann, «Otto Camphausen», *Neue deutsche Biographie*, vol. iii (Berlin, 1957), 115.

186 Stern, 151.

187 Ibid. 154.

188 Ibid.

189 6 марта 1871 года, штаб-квартира в Версале, *Emperor Frederick's Diary*, 328.

190 Spitzemberg, 122.

191 Ibid. 124.

192 Источник: http://www.bismarckhering.com/index-eng.php3.

Глава 9

1 Moneypenny and Buckle, ii. 473–474.

2 Кронпринцесса королеве Виктории, 11 декабря 1870 года. *Letters of the Empress Frederick*, 110.

3 Bismarck, NFA, p. vii.

4 *Wahlen in Deutschland bis 1918, Reichstagswahlen. Ergebnisse reichsweit*. http://www.wahlen-in-deutschland.de/krtw.htm.

5 Keudell, 476.

6 22 сентября 1870 года. *Emperor Frederick's Diary*, 130.

7 Pflanze, ii. 186.

8 Ibid. 187.

9 Бисмарк фон Вертерну, 17 апреля 1871 года. NFA 96–97.

10 Anderson, 144–145.

11 Бисмарк – Брассье, 1 мая 1871 года. NFA, No. 85, p. 94.

12 Pflanze, ii. 194.

13 Ibid. 195.

14 Heinz Starkula, «Karl Jentsch», *Neue deutsche Biographie*, vol. v (Berlin, 1974), 412–413.

15 Anderson, 151.

16 Бисмарк Тауффкирхену, 30 июня 1871 года. NFA, No. 149, p. 161.

17 Engelberg, ii. 107–108.

18 Pflanze, ii. 201.

19 Hermann Granier, «Maximilian Graf von Schwerin», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxxiii (Leipzig, 1891), 433.

20 Schoeps, 116–117.

21 Stephan Skalweit, «Falk», *Neue deutsche Biographie*, vol. v (Berlin, 1961), 6.

22 Ibid.

23 Engelberg, ii. 107.

24 Ibid., ii. 110.

25 Anderson, 433, n. 61.

26 Ibid. 154–155.

27 Ibid. 156.

28 Schoeps, 229.

29 Anderson, 157.

30 Ibid. 160.

31 Schoeps, 230.

32 Pflanze, ii. 208.

33 Urbach, 157.

34 Petersdorff, 423.

35 Ibid. 424–425.

36 Kurt Gassen, «Andrae», *Neue deutsche Biographie*, vol. i (Berlin, 1953), 274.

37 Андраэ-Роман Герлаху, 15 февраля 1872 года, *Nachlass*, i. 68.

38 Petersdorff, 413.

39 Lucius, 8.

40 Karl Erich Born, «Robert Freiherr Lucius von Ballhausen», *Neue deutsche Biographie*, vol. xv (Berlin, 1987), 278–279.

41 Ibid. 9–10.

42 27 апреля 1871 года. Waldersee, 131.

43 Kent, 56.

44 Pflanze, ii. 197.

45 15 мая 1871 года. Waldersee, 134–135.

46 Бисмарк Мюлеру, Варцин, 25 июля 1871 года. NFA, No. 154, pp. 166–167.

47 Бисмарк Иоганне, Гаштейн, 22 августа 1871 года. Ibid. No. 163, p. 176.

48 Promemoria ber die Verfassungswirren in sterreich, ibid., No. 161, pp. 174–175.

49 Runderlass, Bad Gastein, 24 Aug. 1871, NFA, No. 165, pp. 178–179.

50 Runderlass an die Missionen in St Petersburg, Wien, London, Rom, Mnchen, Lissabon, Haag, Berlin, 14 May 1872, ibid., No. 307, pp. 346–347.

51 Urbach, 120–121.

52 *Measuring Wealth*: http://www.measuringworth.com/index.html.

53 Willy Andreas, «Arthur von Brauer», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 543.

54 Arthur von Brauer, *Im Dienst Bismarcks*(Berlin, 1936). Цитируется у Пфланце – Pflanze, ii. 282.

55 Stern, 172; 565, n. 45.

56 Бисмарк Вильгельму I, Берлин, 15 мая 1873 года, NFA, No. 437, pp. 521–522.

57 Бисмарк Вильгельму I, Берлин, 16 мая 1873 года. Ibid. No. 438, p. 525.

58 Хенкель Тидеману, 20 января 1879 года. Tiedemann, 327–328.

59 Michael Turner, «Output and Price in UK Agriculture, 1867–1914 and the Great Agricultural Depression Reconsidered», *Agricultural History Review*, 40/1 (1992), Table 3, pp. 47–48.

60 Sartorius von Waltershausen, 261–262.

61 О великой роли бухгалтерии в жизнестойкости компании см.: Jeffrey Fear, *Organizing Control: August Thyssen and the Construction of German Corporate Management*(Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005.

62 Stern, 189.

63 Kent, 87.

64 Бисмарк Дельбрюку, Варцин, 3 июня 1872 года. NFA, No. 316, pp. 356–357.

65 Бисмарк Фальку, Варцин, 11 июня 1872 года. Ibid. No. 319, p. 358.

66 Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft vom 29. Mai 1874.

http://www.verfassungen.de/ch/verf74-i.htm.

67 Швейцарский посланник в Германии президенту Швейцарского союза, 23 февраля 1873 года. *Documents diplomatiques suisses*, iii, No. 2, pp. 7–8.

68 Подробнее об этом см. у Пфланце. Pflanze, ii. 203.

69 Anderson, 173.

70 Engelberg, ii. 119.

71 Рассел Гранвилю, 18 октября 1872 года. Kent, 38, n. 1.

72 Ernst Deuerlein, «Georg Graf von Herling», *Neue deutsche Biographie*, vol. viii (Berlin, 1969).

73 Ibid. 146.

74 Ibid. 178.

75 Одо Гастингсу, 23 ноября 1874 года. Urbach, 170.

76 Urbach, 69.

77 Ibid. 162.

78 12 ноября 1874 года, из мемуаров Гогенлоэ, цитируется у Пфланце. Pflanze, ii. 278.

79 Роггенбах Штошу, 30 августа 1874 года. Roggenbach, 162–164.

80 Wagner, 303–313.

81 Иценплиц Бисмарку, 18 сентября 1869 года. Brunck, 225, n. 144.

82 Pflanze, ii. 210–211.

83 Spenkuch, 93.

84 Бланкенбург Клейсту, 15 августа 1872 года. Ibid. 96, n. 36.

85 Ibid. 360.

86 Wagner, 314.

87 Paret, 131.

88 Эйленбург Бисмарку, 25 октября 1872 года. Brunck, 227–228.

89 Бисмарк Эйленбургу, Варцин, 27 октября 1872 года. NFA, No. 343, pp. 386–387.

90 Эрнст фон Зенфт-Пильзах Бисмарку, 3 июля 1872 года. Schoeps, 340.

91 Pflanze, ii. 210–211.

92 Stern, 260.

93 Промемория, Варцин, 2 ноября 1872 года. NFA, No. 345, pp. 388–390.

94 Brunck, 230–231.

95 Wagner, 314.

96 Spitzemberg, pp. 136–137, n. 12.

97 Бисмарк Роону, Варцин, 12 ноября 1872 года. NFA, No. 349, pp. 394.

98 Бисмарк Вильгельму I, Варцин, 13 ноября 1872 года. Ibid. No. 350, pp. 394–395.

99 Бисмарк Роону, Варцин, 13 декабря 1872 года. Ibid. No. 360, p. 408.

100 Бисмарк Роону, Варцин, 13 декабря 1872 года. Ibid. No. 361, pp. 409–410.

101 Ужасное обхождение Бисмарка с Арнимом описано в монографии Джорджа Кента: George Kent, *Arnim and*

Bismarck(Oxford: Clarendon Press, 1968).

102 Хельма Брунк свое исследование о Бисмарке и прусском государственном министерстве (*Bismarck und das preussische Staatsministerium*, 343–348) дополняет очень полезным приложением с указанием всех ведомств, должностных лиц и их биографий. К сожалению, эту книгу, появившуюся в университетской библиотеке Кембриджа в 2005 году, до меня никто не брал в руки.

103 Pflanze, ii. 337.

104 Ibid. 337–340; Schoeps, 161.

105 Petersdorff, 428.

106 18 июля 1879 года. Spitzemberg, 179–180.

107 Тидеман, дневниковая запись 18 января 1875 года. Tiedemann, p. 2.

108 Ibid. 2–4.

109 Ibid. 222.

110 Ibid. 208.

111 Ibid. 33.

112 Ibid., 25 января 1876 года, с. 39 и 20 февраля 1876 года, с. 42.

113 Тидеман графу Герберту Бисмарку, Берлин, 30 сентября 1881 года. Ibid. 460.

114 Этот эпизод в пересказе Тидемана содержится и в главе 1.

115 http://www.ewtn.com/library/encyc/p9quodnu.htm.

116 Engelberg, ii. 121.

117 Spitzemberg, 153.

118 Pflanze, ii. 242.

119 11 июля 1876 года. Tiedemann, p. 51.

120 29 сентября 1876 года. Ibid. 91.

121 3 декабря 1876 года. Ibid. 103.

122 Ibid. 101.

123 11 июня 1876 года. Ibid. 51.

124 Ibid. 95.

125 4 января 1877 года. Ibid. 107.

126 28 января 1877 года. Ibid. 111.

127 Pflanze, ii. 266.

128 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 216.

129 Urbach, 138–139.

130 Hillgruber, *Bismarcks Aussenpolitik*, 141.

131 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 219.

132 Бисмарк Вильгельму I, 4 мая 1875 года. *Correspondence of William I.*

133 *Bismarck*, i. 162.

134 Engelberg, ii. 171.

135 Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 32.

136 Джеймс Стоун дает свое понимание политики «запугивания войной». Он считает, что Бисмарк на протяжении семидесятых годов использовал «угрозу войны» для подрыва монархических сил во Франции, хотя после 1875 года делал это с большей осмотрительностью. Ему была нужна «республиканская Франция», поскольку в таком случае она была бы менее приемлема в качестве союзника для консервативных держав. James Stone and Winfried Baumgart, *The War Scare of 1875: Bismarck and Europe in the Mid-1870s*(Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2010).

137 См. записи от 5 августа 1875 года в Варцине, NFA, No. 278, ii. 409, nn. 1, 2, а также сообщения Герберта Бисмарка фон Бюлову, Nos. 286–289.

138 Sir Edwin Pears, *Forty Years in Constantinople, 1873–1915*(New York: D. Appleton and Co., 1916), 16–19. Internet Modern History Source Book:

http://www.fordham.edu/halsall/mod/1876massacre-bulgaria.

139 Hermann von Petersdorff. «Stosch», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. liv Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1908), 610.

140 Pflanze, ii. 423.

141 Бисмарк фон Бюлову, Варцин, 1 октября 1876 года. NFA, vol. ii, 1874–1876, No. 407, pp. 592–593.

142 «Диктат» Бисмарка, Варцин, 9 ноября 1876 года. NFA, No. 438, pp. 644–645.

143 Pflanze, ii. 428.

144 Engelberg, ii. 200–201.

145 http://www.deutsche-schutzgebiete.de/kissinger_diktat.htm.

146 Сэр Уильям Уайт сэру Роберту Мориеру, 16 января 1877 года. Ramm, 65.

147 Tiedemann, 126.

148 Spitzemberg, 165.

149 Tiedemann, 127.

150 Ойген Рихтер Паулю Рихтеру, 5 апреля 1877 года. Pflanze, ii. 370.

151 Рассел лорду Дерби, 7 апреля 1877 года. *Letters of the Empress Frederick*, 149.

152 Tiedemann, 132, 133.

153 Spitzemberg, 165–166.

154 28 апреля 1877 года. Lucius, 110.

155 Октябрь (день не указан), согласно Бушу. Bush, ii. 158.

156 Tiedemann, 176.

157 Ibid. 176–177.

158 Тидеман жене, 30 ноября и 7 декабря 1877 года.

Tiedemann, 216–217.

159 Ibid. 212, 216–217, Lucius, 118.

160 Lucius, 122–123.

161 Вильгельм I и Бисмарк, 30 декабря 1877 года. *Correspondence of William I. and Bismarck*, No. 229, pp. 184–185.

162 Pflanze, ii. 378.

163 Норманн Роггенбаху, Висбаден, 22 ноября 1877 года. Roggenbach, 187–188.

164 Штош Роггенбаху, Берлин, 27 декабря 1877 года. Ibid. 190–191.

Глава 10

1 Tiedemann, 220.

2 Ibid. 225.

3 Pflanze, ii. 379.

4 Green, 305. Автор поднимает проблему несоответствия национальной и общегосударственной политики, проводимой одной и той же партией.

5 Pflanze, ii. 379–380.

6 Eyck, *Bismarck and the German Empire*, 232.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 Дневниковая запись 26 января 1873 года. Bamberger, 298.

10 Gunter Richter, «Wilhelm von Kardorff», *Neue deutsche Biographie*, vol. xi (Berlin, 1977), 150.

11 Pflanze, ii. 454–455.

12 Brunck, 266.

13 Tiedemann, 265–266.

14 Подробное описание двух покушений на жизнь императора дает Пфланце. Pflanze, ii. 392ff.

15 Tiedemann, 263.

16 Spitzemberg, 171.

17 Tiedemann, 271.

18 *Wahlen in Deutschland bis 1918, Reichstagswahlen, Ergebnisse reichsweit.*

http://www.wahlen-in-deutschland.de/krtw.htm.

19 Moneypenny and Buckle, ii. 1183–1184.

20 Фрэнсис Чарлз Гастингс Рассел, 9-й герцог Бедфорд (1819–1891) был лейбористским членом парламента от Бедфордшира с 1847 до 1872 года. 26 мая он наследовал герцогский титул после смерти двоюродного брата Уильяма, 8-го герцога. E.M. Lloyd, and Thomas Seccombe, «Russell, Lord George William (1790–1840)», rev. James Falkner, *Oxford Dictionary of National Biography*(Oxford: Oxford University Press, 2004). Online edn., Jan. 2008: http://

www.oxforddnb.com/view/article/24310.

21 Одо Гастингсу Расселу, 12 июня 1878 года. Urbach, 193.

22 Lytton Strachey, 346.

23 Дизраэли королеве Виктории, 12 июня 1878 года. Moneypenny and Buckle, ii. 1189.

24 Ibid. 1186–1187.

25 Дизраэли королеве Виктории, 13 июня 1878 года. Ibid., 1189–1190.

26 Urbach, 193.

27 Moneypenny and Buckle, ii. 1191.

28 Ibid., 1194.

29 Швейниц Анне Швейниц, 25 июня 1878 года. Schweinitz, 137.

30 Дневник Дизраэли, 21 июня 1878 года. Moneypenny and Buckle, ii. 1196.

31 Ibid.

32 Ibid. 1201.

33 Ibid. 1203.

34 Urbach, 194.

35 Из дневника Дизраэли, 5 июля 1878 года. Moneypenny and Buckle, ii. 1203–1204.

36 Pflanze, ii. 412.

37 Tiedemann, 299.

38 Petersdorff, 472–473.

39 Tiedemann, 300, 302.

40 Anderson, 216.

41 Ласкер в газете. *PC*16/43, Oct. 1878.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1878/1878-10-23.xml&s=2.

42 Tiedemann, 305–307.

43 *PC*loc. cit. n. 41 above.

44 Lucius, 143.

45 Pflanze, ii. 467.

46 Tiedemann, 315.

47 Бисмарк Вильгельму I, 9 ноября 1878 года. *Correspondence of William I. and Bismarck*, vol. i, No. 232, p. 188.

48 Pflanze, ii. 409.

49 *PC*16/45, 6 Nov. 1878, *Amtspresse Preussens*.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vol-lanzeige.php?file=9838247%2F1878%2F1878-11-06.xml&s=1.

50 *PC*16/52, 27 Dec. 1878, p. 2.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1878/1878-12-27.xml&s=1.

51 Ibid. 3.

52 Tiedemann, 326.

53 *PC*17/5, 29 Jan. 1879, p. 1.

54 Erich Angermann, «Forckenbeck», *Neue deutsche Biographie*, vol. v (Berlin, 1961), 297.

55 Pflanze, ii. 475.

56 Bamberger, 330–331.

57 Lucius, 154.

58 Бисмарк, 21 декабря 1892 года, цитируется Шёпсом. Schoeps, 131.

59 *PC*17/8, 19 Feb. 1879, p. 2.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1879/1879-02-19.xml&s=2.

60 Pflanze, ii. 480.

61 Anderson, 219.

62 Stern, 205–206.

63 Anderson, 221.

64 Ibid. 228.

65 Manfred Weitlauff, «Moufang», *Neue deutsche Biographie*, vol. xviii (Berlin, 1997), 233.

66 Anderson, 229.

67 Engelberg, ii. 259.

68 Lucius, 158–159.

69 Pflanze, ii. 489.

70 Niall Ferguson, «Public Finance and National Security. The Domestic Origins of the First World War Revisited», *Past and Present*, 142 (Feb. 1994), 141–168.

71 Pflanze, ii. 511.

72 Anderson, 233.

73 Wolfgang Neugebauer, «Puttkamer», *Neue deutsche Biographie*, vol. xxi (Berlin, 2003), 21.

74 Schoeps, 110–111.

75 Engelberg, ii. 263.

76 Karl Erich Born, «Friedenthal», *Neue deutsche Biographie*, vol. v (Berlin, 1961), 447.

77 Schoeps, 112.

78 Lucius, 168.

79 Ibid. 168–169.

80 Родители умерли в Аушвице (Освенциме), а самому Фриденталю удалось бежать в Швецию. Как отмечается в одном теологическом справочнике, когда в 1947 году он вернулся в Германию, в нем «заговорила истинная прусская душа». «“Hans-Joachim Schoeps”, 1909–1980», Horst Robert, Balz, Gerhard Krause, Gerhard Mller (eds.). Theologische Realenzyklopdie. TRE online:

http://www.digento.de/titel/106392.html.

81 Бисмарк королю Людвигу Баварскому, 4 августа 1879 года. Schoeps, 84.

82 *PC*17/36, 3 Sept. 1879, p. 2.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1879/1879-09-03.xml&s=2.

83 Hermann Dechent «Andrassy», *Neue deutsche Biographie*, vol. i (Berlin, 1953), 274.

84 Engelberg, ii, 281.

85 Pflanze, ii. 514.

86 Ibid.

87 Hildebrand, *Das vergangene Reich*, 66–67.

88 Pflanze, ii. 505.

89 *PC*17/39, 24 Sept. 1879, p. 4.

90 Pflanze, ii. 507.

91 Lucius, 176.

92 Ibid. 178.

93 *PC*17/41, 9 Oct. 1879, p. 2.

94 Richard Wagner, Judaism in Music (1850), trans. William Ashton Ellis.

http://users.belgacom.net/wagnerlibrary/prose/wagjuda.htm.

95 Ibid.

96 Freytag, 102.

97 *Evangelische Kirchenzeitung*, no. 80 (1865). См.: Clark, *Conversion*, 162.

98 Stern, 499.

99 Pulzer, Table 2.2, p. 52.

100 Mosse, 115–116.

101 Ibid. 202.

102 Moneypenny and Buckle, ii. 1202.

103 Sartorius, 286, 317.

104 Rosenberg, 55.

105 Ibid. 93, 95.

106 Otto Glagau «Der Brsen– und Grndungsschwindel in Berlin», *Die Gartenlaube*, No. 499 (1874), 788.

107 Ibid. 790.

108 Uwe Puschner, «Marr», *Neue deutsche Biographie*, vol. xvi (Berlin, 1990), 248.

109 Hermann von Petersdorff, «Treitschke», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. lv, Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1910), 306.

110 Treitschke, 10.

111 Pulzer, *Jews and the German State*, 96.

112 Treitschke, 10.

113 Fritz Martini, «Auerbach», *Neue deutsche Biographie*, vol. i (Berlin, 1953), 434.

114 Schuder, 185.
115 Anderson, 251.
116 Stern, 513–514.
117 Hans-Joachim Schoeps, «Fechenbach», *Neue deutsche Biographie*, vol. v (Berlin, 1961), 36.
118 Anderson, 252, 449, n. 24.
119 Ibid. 253.
120 Pastor, ii. 191.
121 Schuder, 196.
122 Stern, 519.
123 Koehler, 231–232.
124 Anderson, 300.
125 Koehler, 231.
126 Pulzer, *Jews and the German State*, 97.
127 Schuder, 197.
128 Pulzer, *Jews and the German State*, 97.
129 Фонтане Филиппу цу Эйленбургу, 12 марта 1881 года. Craig, *Fontane*, 114–115.
130 Karl Wippermann, «Lasker», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xix, (Leipzig, 1884), 748–749.
131 Schuder, 205–206.
132 6 января 1884 года. Lucius, p. 278.
133 Pflanze, iii. 111.
134 Ibid.
135 Bamberger, 285.
136 Ibid. 285–286.
137 Lucius, p. 284.
138 Wippermann, «Lasker», *Allgemeine deutsche Biographie*, 750.
139 Lucius, p. 216.
140 Ibid. 217.
141 31 марта 1880 года. Tiedemann, 376–377.
142 В тот же день, когда Бисмарк назначил Тидемана своим представителем в бундесрате, помощник уже участвовал в заседании. Tiedemann, 378.
143 6 апреля 1880 года. Ibid. 380–381.
144 Spitzemberg, 183.
145 13 мая 1880 года. Ibid. 391.
146 12 октября 1880 года. Ibid. 400.
147 18 октября 1880 года, 13 мая 1880 года. Ibid. 400, 391.
148 Штольберг Тидеману, 29 января 1881 года. Ibid. 416.
149 «Weshalb ich meine Stellung beim Frsten Bismarck abgab»*, Ibid. 419.
150 Ibid. 20.
151 Lucius, 183–184; Pflanze, ii, 527.

152 Lucius, 186.

153 25 декабря 1880 года. Lucius, 192.

154 Зримо описал одеяние отставного министра Люциус. Lucius, 204.

155 Eberhard von Vietsch, «Herbert von Bismarck», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 268.

156 Philipp zu Eulenburg, «Herbert Bismarcks Tragdie», *Aus Fnfzig Jahren*, 106.

157 Brandes, 419.

158 Reinhard Stumpf, «Loe», *Neue deutsche Biographie*, vol. xv (Berlin, 1987), 14.

159 Snyder, 159.

160 Ibid. 159.

161 Stern, 257.

162 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 93.

163 Eberhard von Vietsch, «Herbert von Bismarck», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 268.

164 1 января 1888 года. Spitzemberg, 238.

165 Snyder, 161.

166 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 105.

167 11 декабря 1886 года. Waldersee, 307.

168 Stern, 258.

169 Lucius, 210.

170 17 июля 1881 года. Ibid. p. 213.

171 *Wahlen in Deutschland bis 1918 Reichstagswahlen,* op. cit.

172 Pflanze, iii. 71.

173 Ibid. 73.

174 *PC*20/3, 18 Jan. 1882, p. 1.

175 Anderson, 303.

176 18 февраля 1882 года. Holstein, *Diaries*, 7.

177 Anderson, 304.

178 Lucius, 225.

179 Anderson, 304.

180 *New Advent, Catholic Encyclopedia*: http://www.newadvent.org/cathen/08703b.htm.

181 Anderson, 292.

182 Lucius, 242.

183 Koch and Laqueur, 757.

184 Pflanze, iii. 100.

185 Koch and Laqueur, 760.

186 Ibid. 762.

187 Ibid. 776.

188 Pflanze, ii. 54–55.

189 Ibid.

190 Ibid. 53, n. 67.
191 Koch and Laqueur, 759.
192 Pflanze, iii. 100–101.
193 Koch and Laqueur, 759.
194 *PC*20/2, 11 Jan. 1882, pp. 2–3.
http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=9838247/1882/1882-01-11.xml&s=2.
195 Peter Koch, «Theodor Lohmann», *Neue deutsche Biographie*, vol. xv (Berlin, 1987), 130.
196 *Neueste Mittheilungen*, 2/65, ed. H. Klee (Berlin), Friday 15 June 1883, p. 1.
http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=11614109/1883/1883-06-15.xml&s=1.
197 Pflanze, iii. 139–140.
198 Lucius, 312.
199 Spitzemberg, 218.
200 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 117.
201 Craig, *Fontane*, 109.
202 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 128.
203 Ibid.
204 *Neueste Mittheilungen*, 6/4, 11 Jan. 1887, pp. 5–6.
http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=11614109/1887/1887-01-11.xml&s=5.
205 Spitzemberg, 227–228.
206 Anderson, 342, 467, n. 64.
207 Ibid. 345.
208 Ibid. 350–352.
209 *Wahlen in Deutschland bis 1918 Reichstagswahlen,* op. cit.
210 Anderson, 59.
211 Pflanze, iii. 234.
212 11 марта 1887 года. Waldersee, 319.
213 Ibid.
214 Подробно о «договоре перестраховки» см. у Пфланце. Pflanze, iii. 248–253.
215 Holstein, *Memoirs*, 127.

Глава 11

1 Eulenburg, *Korrespondenz*, i. 17.
2 Историю самоубийств описывает Изабель Халл в пятой главе. «Philipp Eulenburg: Decline and Fall», pp. 109ff.
3 Eulenburg, *Korrespondenz*, i. 45.
4 Martin Sabrow, «Walter Rathenau», *Neue deutsche Biographie*, vol. xxi (Berlin, 2003), 176.
5 Hull, 17.

6 Ibid. 15.

7 2 апреля 1886 года. Waldersee, 286–287.

8 31 мая 1886 года. Ibid. 327.

9 Гольштейн Эйленбургу, 16 июня 1886 года. Eulenburg, *Korrespondenz*, vol. i, No. 76, pp. 179–180.

10 *Letters of the Empress Frederick*, 224–225.

11 Кронпринц Штошу, Hollyday, 132.

12 Ibid. 235.

13 *Letters of the Empress Frederick*, 225.

14 Кронпринцесса королеве Виктории, 27 октября 1887 года. Ibid. 250.

15 Ibid. 232.

16 Кронпринцесса королеве Виктории, 23 апреля 1887 года. Ibid. 214.

17 *Letters of the Empress Frederick*, 192.

18 20 января 1888 года. Waldersee, 354.

19 3 февраля 1888 года. Ibid. 357.

20 *Neueste Mittheilungen*, 7/14, Tuesday 7 Feb. 1888, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=11614109/1888/1888-02-07.xml&s=1.

21 Pflanze, iii. 279.

22 Император Фридрих Бисмарку, 12 марта 1888 года. *Letters of the Empress Frederick*, 289–291.

23 Pflanze, iii. 281; Lucius, 433.

24 13 марта 1888 года. Waldersee, 373.

25 Фонтане – Марте Фонтане, 14 марта 1888 года. Craig, *Fontane*, 115.

26 Кронпринцесса королеве Виктории, 16 марта 1888 года. *Letters of the Empress Frederick*, 292–293.

27 18 марта 1888 года. Waldersee, 375.

28 Pflanze, iii. 281–282.

29 24 марта 1888 года. Waldersee, 379–380.

30 27 марта 1888 года. Ibid. 379–380.

31 4 апреля 1888 года. Ibid. 382.

32 Граф Филипп Конрад цу Эйленбург сыну Филиппу, Берлин, 17 июня 1888 года. Eulenburg, *Korrespondenz*, No. 183, p. 299.

33 Clark, *Kaiser Wilhelm II*, 1.

34 Кронпринцесса королеве Виктории, 28 мая 1870 года. Pflanze, iii. 288.

35 Ibid. 289–290.

36 Clark, *Kaiser Wilhelm II*, 6.

37 28 июня 1887 года. Holstein, *Correspondence*, 346–347.

38 Кронпринцесса королеве Виктории, 15 ноября 1887 года.

Letters of the Empress Frederick, 256–257.

39 Кронпринц Вильгельм Эйленбургу, Берлин, 12 апреля 1888 года. Eulenburg, *Korrespondenz*, No. 169, p. 284.

40 10 июля 1888 года. Waldersee, 412.

41 Хомбергер Бамбергеру. 17 ноября 1888 года. Bamberger, 430.

42 Rhl, *William II*, ii. 134.

43 Ibid. 135.

44 *Neueste Mittheilungen*, 8/4, Monday 14 Jan. 1889, p. 1.

45 Engelberg, ii. 444.

46 Friedrich-Christian Stahl, «Albedyll», *Neue deutsche Biographie*, vol. i (Berlin, 1953), 122.

47 Engelberg, ii. 445.

48 Pflanze, iii. 331.

49 Engelberg, ii. 447.

50 Pflanze, iii. 345–346.

51 Schoeps, 42.

52 Walter Bussmann, «Berlepsch», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 683.

53 Michael Epkenhahn, «Rottenburg», *Neue deutsche Biographie*, vol. xxii (Berlin, 2005), 141.

54 Heinrich Otto Meissner, «Btticher», *Neue deutsche Biographie*, vol. ii (Berlin, 1955), 413.

55 Pflanze, iii. 348–349.

56 Rhl, *William II*, ii. 263.

57 Holstein, *Memoirs*, 157.

58 Гольштейн Эйленбургу, Берлин, 27 января 1890 года. Eulenburg, *Korrespondenz*, No. 293, pp. 421–423.

59 Lucius, 509.

60 Waldersee, 103–104.

61 Императрица королеве Виктории, 20 февраля 1890 года. *Letters of the Empress Frederick*, 407.

62 28 февраля 1890 года. Bamberger, 441–443.

63 *Wahlen in Deutschland bis 1918 Reichstagswahlen Ergebnisse reichsweit.*

64 Rhl, *William II*, ii. 288.

65 Pflanze, iii. 364.

66 Гольштейн Эйленбургу, 7 марта 1890 года. Eulenburg, *Korrespondenz*, No. 338, p. 482.

67 Rhl, *William II*, ii. 296.

68 Ibid. ii. 289.

69 Anderson, 386–387.

70 Bismarck, *Gedanken und Erinnerungen*, 640–641; дневниковая запись Бамбергера от 28 марта 1890 года: *Bismarcks Grosses Spiel*,

446. Версия Бисмарка отличается от других описаний встречи с кайзером. В любом случае разговор был бурным.

71 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 235.

72 Rhl, *William II*, ii. 299.

73 Граф Август цу Эйленбург Филиппу Эйленбургу. Берлин, 17 марта 1890 года. Eulenburg, *Korrespondenz*, No. 359, p. 503.

74 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 237.

75 17 марта 1890 года. Lucius, 523–524.

76 Hans Krner, «Hermann von Lucanus», *Neue deutsche Biographie*(Digitale Register), vol. xv (Berlin, 1987), 270.

77 Bismarck, *Gedanken und Erinnerungen*, 650.

78 Ibid. 653–654.

79 Вильгельм II Францу Иосифу, 3–5 апреля 1890 года. Rhl, *William II*, ii. 309–316.

80 Spitzemberg, 271–271.

81 Ekkhard Verchau, «Marschall von Bierberstein», *Neue deutsche Biographie*, vol. xvi (Berlin, 1990), 256.

82 Holstein, *Memoirs*, 131.

83 23 марта 1890 года. Lucius, 525.

84 Chlodwig Hohenlohe-Schillingsfrst, *Memoirs*, ii. 423.

85 Spitzemberg, 273.

86 29 марта 1890 года. Ibid. 275–276.

87 29 марта 1890 года. Lucius, 525.

88 29 марта 1890 года. Bamberger, 426.

89 Engelberg, ii. 478.

90 Martin Glaubrecht, «Emil Hartmeyer», *Neue deutsche Biographie*(Digitale Register), vol. viii (Berlin, 1969), 6.

91 Филипп Эйленбург Карлу Генриху фон Бёттихеру, Штутгарт, 21 марта 1891 года. Eulenburg, *Korrespondenz*, No. 491, p. 638.

92 Bismarck, *Gedanken und Erinnerungen*, 607–614.

93 Alden, 31.

94 Heinrich Otto Meissner, «Caprivi», *Neue deutsche Biographie*, vol. iii (Berlin, 1957), 136.

95 Ibid. 137.

96 *Neueste Mittheilungen*, 9/50, ed. O. Hamman (Berlin), Friday 27 June 1890, p. 1.

http://amtspresse.staatsbibliothek-berlin.de/vollanzeige.php?file=11614109/1890/1890-06-27.xml&s=1.

97 Anderson, 389.

98 Spitzemberg, 288–289.

99 Bernhard von Poten, «Maximilian von Versen (1833–1893)», *Allgemeine deutsche Biographie*(Digitale Register), vol. liv, Nachtrge bis 1899 (Leipzig, 1908), 741–742. Командующий в Берлине с 24 марта

1890 года, кавалерийский генерал с дипломатическим опытом.

100 Petersdorff, 520.

101 Pflanze, iii. 396.

102 «Count Bismarck Wedded; A Brilliant Gathering».

New York Times, 22 June 1892. NY Times Archive:

http://query.nytimes.com/gst/absract.html?

res = 9502E2D91538E233A25751C2A9609C94639ED7CF.

103 Robert Gerwarth, *The Bismarck Myth: Weimar Germany and the Legacy of the Iron Chancellor*(Oxford University Press, 2005).

104 Spitzemberg, 307.

105 Ibid. 320.

106 Pflanze, iii. 404; Hohenlohe-Schillingsfrst, *Memoirs*, 464.

107 Pflanze, iii. 405.

108 Spitzemberg, 322.

109 Hohenlohe-Schillingsfrst, *Memoirs*, 466.

110 Karl Erich Born, «Botho Eulenburg», *Neue deutsche Biographie*, vol. iv (Berlin, 1959), 680–681.

111 Nichols, 40–41.

112 Gnter Richter, «Chlodwig Hohenlohe-Schillingsfrst», *Neue deutsche Biographie*, vol. ix (Berlin, 1972), 487–489.

113 Роггенбах Штошу, 28 января 1895 года. Stosch, No. 130, p. 407.

114 Spitzemberg, 330–331.

115 Ibid. 335–336.

116 Alexander von Hohenlohe, *Aus meinen Leben*, 264ff.

117 Pflanze, iii. 410.

118 Бисмарк Вильгельму Бисмарку, 30 июля 1895 года. *GW*xiv. 1020.

119 Manfred, 597–598.

120 Sidney B. Fay, *Origins of the First World War*, «Breakdown of the wire to Russia in 1890». http:// yamaguchy.netfirms.com/7897401/fay/origin_102.html#N_56_.

121 Aufzeichnung Eulenburgs 27 Oct. 1896, No. 1269. Eulenburg, *Korrespondenz*, iii. 1745.

122 Эйленбург Вильгельму II, Либенберг, 3 ноября 1896 года. No. 1270, pp. 1746–1747.

123 Hank, 599–600.

124 Ibid. 597, n. 3.

125 Ibid. 599ff.

126 29 ноября 1898 года. Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 270–271.

127 Герберт фон Бисмарк Людвигу фон Плессену, 31 июля 1898 года. Engelberg, ii. 523.

128 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 276.

129 Pflanze, iii. 428.

130 Ibid. iii. 427–428.

131 3 августа 1898 года. Spitzemberg, 373.

132 Eulenburg, *Aus 50 Jahren*, 279.

Глава 12

1 Одо Рассел Морицу, 15 мая 1875 года. Urbach, 141.

2 Spitzemberg, 238.

3 Дневниковая запись Дизраэли, 5 июля 1878 года. Moneypenny and Buckle, ii. 1203–1204.

4 26 января 1873 года, дневниковая запись. Bamberger, 298.

5 Pflanze, i. 179.

6 Ibid. ii. 163–165.

7 Пертес Роону, 28 апреля 1864 года. Roon, ii. 238.

8 Королева Виктория сэру Генри Понсонби, 9 апреля 1888 года. *Letters of the Empress Frederick*, 296.

9 Фон Бланкенбург фон Клейсту, 17 января 1873 года. Petersdorff, 415.

10 Rhl, *William II*, ii. 296.

11 Дневниковая запись Дизраэли, 21 июня 1878 года. Moneypenny and Buckle, ii. 1201.

12 Май 1886 года. Schweinitz, 214–216.

13 Бисмарк брату, 24 сентября 1859 года. *GW*xiv. 538.

14 Pflanze, ii. 58.

15 Дизраэли Виктории, Берлинский конгресс, 17 июня 1878 года. Moneypenny and Buckle, ii. 1194.

16 Hermann Granier, «Maximilian Graf von Schwerin», *Allgemeine deutsche Biographie*, vol. xxxiii (Leipzig, 1891), 433.

17 Immanuel Kant, paras. 116–117, The Metaphysic of Right.

http://www.allacademic.com/meta/
p_mla_apa_research_citation/0/8/8/8/
0pages88808/p88808-28php.

18 Engelberg, i. 456.

19 Aufzeichnung des Oberleutnant Bauers ber die Rckwirkungen der innenpolitischen Situation auf das Feldherr*, Deist, *Militr und Innenpolitik im Weltkrieg 1914–1918*, No. 464, ii. 1243.

20 Эйленбург кайзеру Вильгельму II, 26 марта 1890 года. Rhl, *William II*, ii. 326.

21 Pflanze, ii. 241.

22 W.H. Auden, *A Selection by the Author*(Harmondsworth: Penguin Books, 1958), 66.

23 Werner Conze, «Paul von Hindenburg», *Neue deutsche Biographie*, vol. ix (Berlin, 1972), 178.

24 Max Weber, *Parlament und Regierung im neugeordneten Deutschland: Zur politischen Kritik des Beamtentums und*

Parteiwesens(Max Weber, Gesammelte politische Schriften, ed. Johannes Winckelmann, 5th edn. (Tbingen, 1988), 310–320.

http://www.zeno.org/Soziologie/M/Weber, + Max/Schriften + zur + Politik/

Parlament + und + Regierung + im + neugeordneten + Deutschland/1.

+ Die + Erbschaft + Bismarcks.

Библиография

PRINTED PRIMARY SOURCES

Allgemeine deutsche Biographie, electronic Version, ed. Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften and Bayerischen Staatsbibliothek, Feb. 2007.

Bamberger, Ludwig, *Bismarcks grosses Spiel: Die geheimen Tagebcher Ludwig Bambergers,* ed. Dr Ernst Feder (Frankfurt am Main: Societts-Verlag, 1932).

Bismarck, Otto von, *Die politischen Reden des Frsten Bismarcks: Historisch-kritische Gesamtausgabe,* ed. Horst Kohl (Stuttgart: Cotta, 1892).

– *Bismarck Briefe, 1836–1873,* 8th printing, ed. Horst Kohl (Bielefeld/Leipzig: Verlag Delhagen & Klasing, 1900).

– *Gedanken und Erinnerungen*(Stuttgart/Berlin: J.S. Cotta, 1928).

– *Bismarck: Die Gesammelten Werke*, ed. Wolfgang Windelband and Werner Frauendienst. ist edn., 15 vols. (Berlin: Deutscheveralgsanstalt, 1933) (abbreviated *GW).*

– *Gesammelte Werke,* ed. Konrad Canis, Lothar Gall, Klaus Hildebrand, and Eberhard Kolb, Neue Friedrichsruher Ausgabe (Paderborn: F. Schningh, 2004–) (abbreviated NFA).

– *Bismarck, the Man E the Statesman: Being the Reflections and Reminiscences of Otto, Prince Von Bismarck,* 2 vols. (London: Harper & Brothers, 1899). Questia Online Library: <http://www.questia.com/PM.qst?a=o&d=77734i30>.

Brandes, Georg, *Berlin als deutsche Reichshauptstadt: Erinnerungen aus den Jahren 1877–1883,* trans. from the Danish by Peter Urban-Halle, ed. Erik M. Christensen and Hans-Dietrich Loock (Berlin: Colloquium Verlag, 1989).

Bronsart von Schellendorf, Paul, *Geheimes Kriegstagebuch 1870–1871,* ed. Peter Rassow (Bonn: Athenum-Verlag, 1954).

Burke, Edmund, *Reflections on the Revolution in France And on the Proceeding in Certain Societies in London Relative to That Event in a Letter Intended to Have Been Sent to a Gentleman in Paris. 1790.* Ed. L.G. Mitchell (Oxford: Oxford University Press, 1993) p. 142. Also available online, Harvard Classics. Vol. 24: <http://www.bar-

Heby.com/24/3>.

Busch, Moritz, *Bismarck. Some Secret Pages of His History: Being a Diary Kept by Dr. Moritz Busch during Twenty-Five Years' Official and Private Intercourse with the Great Chancellor*(London: Macmillan, 1898).

*Documents diplomatiques suisses, 1848–1945.*vol. ii (1.1.1866 – 24.12.1872) (Bern: Benteli Verlag, 1985); vol. iii (1.1873 – 31.12. 1889) (Bern: Benteli Verlag, 1986); vol. iv (1.1.1890 – 31.12.1904) (Bern: Benteli Verlag, 1994).

Duncker, Max, *Politischer Briefwechsel aus seinem Nachlass,*ed. Johannes Schulze (Osnabrck: Biblio Verlag, 1967).

Eulenburg-Hertefeld, Philipp Frst zu, *Aus 50Jahren: Erinnerungen des Frsten Philipp zu Eulenburg-Hertefeld*(Berlin: Verlag von der Gebrder Paetel, 1923).

– *Philipp Eulenburgs politische Korrespondenz,*ed. John C.G. Rhl (Boppard am Rhein: H. Boldt, 1976–83).

Fontane, Theodor, *Irrungen Wirrungen*(1888), in Theodor Fontane, ed. *Gesammelte Werke: Jubilumsausgabe. Erste Reihe in fnf Bnden*(Berlin: S. Fischer Verlag, 1919).

Frederick III, Emperor, *The War Diary of the Emperor Frederick III 1870–1871,*trans. and ed. A.R. Allinson (London: Stanley Paul & Co., 1927).

Frederick, Empress, *The Letters of the Empress Frederick,*ed. Sir Frederick Ponsonby (London: Macmillan & Co. Ltd, 1929).

Freytag, Gustav, *Soll und Haben*(Waltrop/Leipzig: Manuscriptum Verlagsbuchandlung, 2002).

Gentz, Friedrich von, *Briefe von und an Friedrich von Gentz,*ed. Friedrich Carl Wiitichen (Munich/Berlin: R. Oldenbourg, 1909).

Gerlach, Ernst Ludwig, *Aus dem Nachlass: Erster Teil Tagebuch 1848–1866, Zweiter Teil. Briefe, Denkschrifie, Aufzeichnungen,*ed. Hellmutt Diwald (Gttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1970).

– *Die Civilehe und der Reichskanzler*(Berlin, 1874). Digitale bibliothek published by the Max Planck Institut fr Rechtsgeschichte: <http://dhb-pr.mpier.mpg.de>.

Gerlach, General Leopold von, *Briefe an Otto von Bismarck,*ed. Horst Kohl (Stuttgart/Berlin: J.G. Cotta'sche Bunchandlung Nachfolger, 1912).

Glagau, Otto, «Der Brsen– und Grndungsschwindel in Berlin», *Die Gartenlaube,*49 (1874), 788–90.

Hohenlohe-Schillingsfurst, Alexander von, *Aus meinem Leben*(Frankfurt am Main; Frankfurter-Societts-Driickerei GmbH, 1925).

Hohenlohe-Schillingsfurst, Chlodwig, *Memoirs of Prince Chlodwig of Hohenlohe-Schillingsfrst,*English edn., ed. George W. Chrystal (New York: The Macmillan Company; London: William Heineman, 1906).

Holstein, Friedrich von, *The Holstein Papers: The Memoirs, Diaries and Correspondence of Friedrich von Holstein 1837–1909,* ed. Norman Rieh and M.H. Fisher (Cambridge: Cambridge University Press, 1955, 1957, 1962), vol. i *Memoirs and Political Observations;* vol. ii *Diaries;* vol. iii *Correspondence 1861–1896.*

Judenthum: Allgemeine Zeitung des Judenthums, 26 Sept. 1866, Leipzig Internet Archiv Jdischer Periodika: <http:// www.compactmemory.de/index_p.aspx?ID_o = 3 >.

Keudell, Robert von, *Frst und Frstin Bismarck: Erinnerungen aus den Jahren 1846 bis 1872,* 3rd edn. (Berlin & Stuttgart, 1902).

Lassalle, Ferdinand, *Tagebuch,* ed. Paul Lindau (Breslau: Schlesische Buchdruckerei, 1891). Loftus, Lord Augustus, *The Diplomatie Reminiscences of,* 2 vols. (London: Cassell & Company Ltd. 1894).

Lucius von Ballhausen, Robert Sigmund Maria Joseph, *Bismarck-Erinnerungen des Staatsministers Fteiherm Lucius von Ballhausen,* 4th edn. (Stuttgart/Berlin: Cotta, 1921).

Macaulay, Thomas Babbington, Lord Macaulay, *Critical and Historical Essays contributed to «The Edinburgh Review»* (London: Longmans, Green & Co., 1883).

Marwitz, Friedrich August Ludwig von der, *Preussens Verfall und Aufstieg,* ed. Friedrich Schinkel (Breslau: Wilhelm Gottl. Korn Verlag, 1932).

– *Ein Preussischer Patriot: Selbstzeignisse aus Tagebchern und Denkschriften Ludwigs von der Marwitz,* ed. Walter Kayser (Munich: Albert Langer/Georg Mller, 1939).

– *Ein mrkischer Edelmann im Zeitalter der Befreiungskriege,* ed. F. Meusel, No. 1 (Berlin: Ernst Siegfried Mittler & Sohn, 1908).

Meredith, George, *The Tragic Comedians: A Study in a Well Known Story* (Westminster: Archibald Constable & Co. 1902).

Moltke, Helmuth von, *His Life and Character: Journals, Letters, Memoirs,* trans. Mary Herms (NewYork: Harper & Brothers, 1892).

– *Letters to his Mother and Brothers,* trans. Clara Bell and Henry W. Fischer (New York: Harper & Brothers, 1892).

– *The Franco-German War of 1870–71,* introd. Michael Howard (London: Greenhill Books; Novato, Calif.: Presidio Press, 1992).

– *Gesammelte Schriften und Denkwrdigkeiten des Generalfeldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke,* 8 vols. (Berlin: Ernst Siegfried Mittler & Sohn, 1892–3).

Motley, J.L., *Morton's Hope; or the Memoirs of a Provinal,* 2 vols. (NewYork: Harper & Brothers, 1839).

– *John Lothrop Motley and his Family: Further Letters and Records,* ed. Susan St John Mildmay and Herbert St John Mildmay (London: The Bodley Head; New York: John Lane Company, 1910).

– *The Correspondence of John Lothrop Motley,* ed. George William Curtis, 3 vols. (NewYork/London: Harper & Brodiers, 1900).

Orloff, Nicholas W, *Bismarck und Katharina Orloff: Ein Idyll in der hohen Politik* (Munich: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1944).

Petersdorff, Hermann von, *Kleist Retzow: Ein Lebensbild* (Stuttgart/ Berlin: J.G. Cotta'sche Buchandlung Nachfolger, 1907).

Provinzial-Correspondenz (PC) (1863–84), *Neueste Mitteilungen* (1882–94). <http://amtspresse.staatsbibhothek-berhn.de/ index.html>.

Roggenbach, Franz von, *Im Ring der Gegner Bismarcks: Denkschriften und politischer Briefwechsel Franz v. Roggenbachs mit Kaiserin August a und Albrecht von Stosch 1865–1896* (Leipzig: Koehler and Ameling, 1943).

Roon, Waldemar, Graf von, *Denkwrdigkeiten aus dem Leben des Generalfeldmarschalls, Kriegsministers Grafen von Roon: Sammlung von Briefen, Schriftstcken und Erinnerungen,* 3rd edn., 2 vols. (Breslau: E. Trewendt, 1892).

Rhs, Friedrich, *Die Rechte des Christenthums und des deutschen Volks: vertheidigt gegen die Ansprche der Juden und ihrer Verfechter* (Berlin: Realschulbuchhandlung, 1816).

Schlzer, Kurd von, *Petersburger Briefe 1857–1862* (Berlin/Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1923).

Schweinitz, Lothar von, *Briefwechsel des Botschafters von Schweinitz* (Berlin: Verlag vom Reimer Hobbing, 1928).

Spitzemberg, Hildegard Freifrau Hugo von, *Das Tagebuch der Baronin Spitzemberg: Aufzeichnungen aus der Hofgesellschaft,* ed. Rudolf Vierhaus (Gttingen: Vandenhoek & Ruprecht, 1961).

Stosch, Albrecht von, *Denkwrdigkeiten des Generals und Admirals Albrecht von Stosch, Briefe und Tagebcher,* ed. Ulrich von Stosch (Stuttgart/Leipzig: Deutsche Verlags-Anstalt, 1904).

Tiedemann, Christoph von, *Sechs Jahre Chef der Reichskanzlei unter dem Frsten Bismarck* (Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1909).

Treitschke, Heinrich von, «Unsere Ansichten», *Preussische Jahrbcher,* 44 (Nov. 1879).

Trollope, Anthony, *Barchester Towers* (1857) (London: Penguin, 1994).

Verdy du Vernois, Julius Adrian Friedrich Wilhelm von, *Im grossen Hauptquartier, 1870–71: Persnliche Erinnerungen,* 3rd edn. (Berlin: E.S. Mittler, 1896).

– *With the Royal Headquarters in 1870–71* (London, 1897), repr. in AMS edition (NewYork: AMS Press, Ine, 1971).

Waldersee, Alfred, *Denkwrdigkeiten des General-Feldmarschall Alfred Grafen von Waldersee,* ed. Heinrich Otto Meisener, vol. i: *1832–1888* (Osnabrck, 1967).

William I, *The Correspondence of William I. and Bismarck, with other letters from and to Prince Bismarck,* trans. J.A. Ford, with portrait and facsimile letters (New York: F.A. Stokes, 1903).

ONLINE REFERENCE SOURCES

Allgemeine deutsche Biographie: <http://de. wikipedia.org/wiki/Allgemeine_Deutsche_Biographie>. Biographisches Lexikon des Kaiserthums sterreich: <http://alo.uibk.ac.at/webinterface/library/COLLECTION_Voi?objid=iii04>.

Bchmann, Georg, *Geflgelte Worte: Der Citatenschatz des deutschen Volkes*(Berlin: Haude & Spener'sche Buchhandlung (F. Weidling), 1898). <http://susning.nu/buchmann/>.

Neue deutsche Biographie: <http://www.ndb.badw-muenchen.de/index_e.htm>. *Wahlen in Deutschland bis 1918 Reichstagswahlen:* <http://www.wahlen-in-deutsch-land.de/akurtwalg.htm>.

SECONDARY SOURCES

Anderson, Margaret Lavinia, *Windthorst: A Political Biagraphy*(Oxford: The Clarendon Press, 1987).

Barclay, David E., *Frederick William IV and the Prussian Monarchy, 1840–1861*(Oxford: The Clarendon Press, 1995).

Beller, Steven, *Francis Joseph*(London: Longman, 1996).

Berdahl, Robert M., *The Politics of the Prussian Nobility: The Development of a Conservative Ideology, 1770–1848*(Princeton: Princeton University Press, 1988).

Brner, Karl Heinz, *Wilhelm I. deutscher Kaiser und Knig von Preussen: Eine Biographie*(Berlin: Akademie-Verlag, 1984).

Brandes, Georg, *Ferdinand Lassalle*(London: William Heineman; New York: The Macmillan Company, 1911).

Brophy, James M., *Capitalism, Politics, and Railroads in Prussia, 1830–1870*(Columbus, Oh.: Ohio State University Press, 1998).

– *Popular Culture and the Public Sphere in the Rhineland, 1800–1850*(Cambridge: Cambridge University Press, 2007).

Brunck, Helma, *Bismarck und das preussische Staatsministerium 1862–1890*(Berlin: Duncker & Humblot, 2004).

Bucholz, Arden, *Moltke and the German Wars*(Basingstoke: Palgrave Publishers Ltd, 2001).

Clark, Christopher, *The Politics of Conversion: Missionary Protestantism and the Jews in Prussia 1728–1941*(Oxford: Clarendon Press, 1995).

– *Iron Kingdom: The Rise and Doumfall of Prussia 1600–1947*(London: Allen, 2006).

– *Kaiser Wilhelm II*(Harlow/NewYork: Longman, 2000).

Craig, Gordon A., *The Politics of the Prussian Army, 1640–1945*(Oxford/NewYork: Oxford University Press, 1955).

– *Theodor Fontane: Literature and History in the Bismarck Reich*(Oxford: Oxford University Press, 1999).

– *The Battle of Kniggrtz: Prussia's Victory over Austria, 1866*(Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2003).

Deist, Wilhelm, *Militr und Innenpolitik im Weltkrieg 1914–1918*(Dsseldorf: Droste Verlag, 1970).

Embree, Michael, *Bismarck's First War: The Campaign of Schleswig and Jutland 1864*(Solihull: Heiion & Company Ltd., 2006).

Engelberg, Ernst, *Bismarck,*vol. i: *Urpteusse und Reichsgrnder*(Berlin: Akademie-Verlag, 1985); vol. ii: *Das Reich in der Mitte Europas*(Berlin: Akademie-Verlag, 1990).

Epstein, Klaus, *The Genesis of German Conservatism*(Princeton, NJ: Princeton University Press, 1966).

Eyck, Erich, *Bismarck,*3 vols. (Erlenbach-Zrich: Eugen RentschVerlag, 1941,1943, 1944).

– *Bismarck and the German Empire,*2nd edn. (London: Allen & Unwin, 1963).

Fear, Jeffrey, *Otganizing Control: August Thyssen and the Construction of German Corporate Management*(Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005).

Fischer, Horst, *Judentum, Staat und Heer in Preussen im frhen 19. Jahrhundert: Zur Geschichte der staatlichen Judenpolitik*(Tbingen: Mohr, 1968).

Foerster, Roland G., *Generalfeldmarschall von Moltke: Bedeutung und Wirkung.*(Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1991).

Footman, David, *Ferdinand Lassalle: Romantic Revolutionary*(New Haven: Yale University Press, 1947).

Frie, Ewald, *Friedrich August Ludwig von der Marwitz 1777–1837: Biographie eines Preussen*(Paderborn: Schningh, 2001).

Gall, Lothar, *Bismarck: The White Revolutionary,*trans. J.A. Underwood, 2 vols. (London: Unwin Hyman, 1986).

– *Bismarck: Der weisse Revolutionr*(Frankfurt am Main: Verlag Ulstein GmbH, Propylen Verlag, 1980).

– (ed.), *Otto von Bismarck und die Parteien*(Paderborn: Ferdinand Schningh, 2001).

Gerwarth, Robert, *The Bismarck Myth: Weimar and the Legacy of the Iron Chancellor,*Oxford Historical Monographs (Oxford: Oxford University Press, 2005; pbk. 2007).

Green, Abigail, *Fatherlands: State-Building and Nationhood in Nineteenth-Century Germany*(Cambridge: Cambridge University Press, 2001).

Grenville, J.A.S., *Europe Reshaped, 1848–1878*(Hassocks: Harvester Press, 1976).

Guglia, Eugen, *Friedrich Gentz: Eine Biographische Studie*(Vienna: Wiener Verlag, 1900).

Haenisch, Konrad, *Lassalle Mensch und Politiker*(Berlin: Franz Schneider Verlag, I923).

Hank, Manfred, *Kanzler ohne Amt: Frst Bismarck nach seiner Entlassung 1890–1898*(Munich: Tuduv-Verlagsgesellschaft, 1977).

Hildebrand, Klaus, *Deutsche Aussenpolitik 1871–1918*(Munich: Oldenbourg, 1989).

– *Das vergangene Reich: deutsche Aussenpolitik von Bismarck bis Hitler 1871–1945*(Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1995).

Hillgruber, Andreas, *Bismarcks Aussenpolitik*(Freiburg: Rombach, 1972).

– «Die Krieg-in-Sicht-Krise 1875: Wegscheide der Politik der europischen Großmchte in der spten Bismarckzeit», in Ernst Schulin (ed.), *Studien zur europischen Geschichte: Gedenkschrift fr Martin Ghring*(Wiesbaden: Franz Steiner, 1968), 239–53.

Holborn, Hajo, *A History of Modem Germany*(London: Eyre & Spottiswoode, 1965).

Hollyday, Frederick B.M., *Bismarck's Rival: A Political Biography of General and Admiral Albrecht von Stosch*(Durham, NC: Duke University Press, 1960).

Huber, E.R., *Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789*(Stuttgart: W. Kohlhammer, 1957–90).

Hll, Isabel V., *The Entourage of Kaiser Wilhelm II, 1888–1918*(Cambridge: Cambridge University Press, 1982).

Imlah, Albert Henry, *Economic Elements in the Pax Britannica: Stuies in British Foreign Trade in the Nineteenth Century*(Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958).

Keinemann, Friedrich, *Westfalen im Zeitalter der Restauration und der Julirevolution, 1815–1833: Quellen zur Entwicklung der Wirtschaft, zur materiellen Lage der Bevlkerung und zum Erscheinungsbild der Volksstimmung*(Mnster in Westfalen: Aschendorff, 1987).

Kenney, John, Ideology and Foreign Policy in the Nineteenth Century: France, Austria and the Unification of Italy. (PhD. University of Pennsylvania, 2010).

Kent, George O., *Arnim and Bismarck*(Oxford: Clarendon Press, 1968).

Koehler, Benedikt, *Ludwig Bamberger: Revolutionr und Bankier*(Stuttgart: Deutsche-Verlagsanstalt GmbH, 1999).

Kuhn, Ulrich, *Der Grundgedanke der Politik Bismarcks*(Dettelbach. J.H. Roll, 2001).

Lerman, Katherine Anne, *Bismarck,*Profiles in Power (Harlow/

New York: Pearson Longman, 2004).

Lytton Strachey, Giles, *Queen Victoria*(NewYork, Harcourt Brace, 1921).

Mann, Golo, *Friedrich von Gentz: Gegenspieler Napoleons Vordenker Europas*(Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1995).

Marcks, Erich, *Bismarcks Jugend 1815–1848*(Stuttgart: Cotta, 1915).

– *Bismarck: Eine Biographie,*vol. i (Stuttgart/Berlin: J.G. Cotta'sche Buchhandlung Nachfeier, 1915).

Mazura, Uwe, *Zentrumspartei und Judenfrage 1870/71–1933: Verfassungsstaat und Minderheitenschtz*(Mainz: Matthias-Grnewald-Verlag, 1994).

Mosse, W.E., *Jews in the German Economy: The German-Jewish Eeonomic Elite, 1820–1935*(Oxford: Clarendon Press, 1987).

Moneypenny.W.E, and Buckle, G.E., *The Life of Benjamin Disraeli, 2*vols. (London: John Murray, 1929).

Nichols, J. Alden, *Germany after Bismarck: The Caprivi Era, 1890–1804*(Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1958).

Oncken, Hermann, *Lassalle: Eine Politische Biographie,*3rd edn. (Stuttgart/Berlin: Deutsche Verlags-Anstalt, 1920).

Paret, Peter, *Yorck and the Era of Prussian Reform 1807–1815*(Princeton: Princeton University Press, 1966).

Pastor, Ludwig, *August Reichensperger 1808–1895,*2 vols. (Freiburg, 1899).

Pflanze, Otto, *Bismarck and the Development of Germany,*2nd edn., 3 vols. (Princeton: Princeton University Press, 1990).

Pulzer, Peter G.J., *Jews and the German State: The Political History of a Minority, 1848–1933*(Oxford: Blackwell, 1992).

Radtke, Wolfgang, *Die preussische Seehandlung zwischen Staat und Wirtschaft in der Frhphase der Industrialisierung,*introd. Otto Bsch (Berlin: Colloquium Verlag, 1981).

Ramm, Agatha, *Sir Robert Morier: Envoy and Ambassador in the Age of Imperialism*(Oxford: The Clarendon Press, 1973).

Rich, Norman, *Friedrich von Holstein: Politics and Diplomacy in the Era of Bismarck and Wilhelm II,*2 vols. (Cambridge: Cambridge University Press, 1965).

Roberts, Neil, *Meredith and the Novel*(Basingstoke: Macmillan Press Ltd., 1997).

Rhl, J.C.G., *Germany without Bismarck: The Crisis of Government in the Second Reich 1890–1900*(London: B.T. Batsford, 1967).

– *Young Wilhelm: The Kaiser's Eariy Life 1859–1888,*trans. Jeremy Gaines and Rebecca Wallach (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).

– *Wilhelm II: The Kaiser's Personal Monarchy, 1888–1900,*trans.

Sheila de Bellaigue (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

Romeo, Rosario, *Dal Piemonte sabaudo all'Italia liberale*(Torino: Einaudi, 1963).

Rosenberg, Hans, *Grosse Depression und Bismarckzeit: Wirtschaftsablauf, Gesellschaft und Politik in Mitteleuropa*(Berlin: W. de Gruyter, 1967).

Sartorius von Waltershausen, August, *Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 1815–1914,*2nd edn. (Jena: G. Fischer, 1923).

Schoeps, Hans Joachim, *Bismarck ber Zeitgenossen, Zeitgenossen ber Bismarck*(Frankfurt am Main: Verlag Ullstein/Propylen, 1972).

Schroeder, Paul W. *The Transformation of European Politics, 1763–1848*(Oxford: Clarendon Press, 1994).

Schuder, Rosemarie, *Der «Fremdling aus dem Osten»: Eduard Lasker – Jude, Liberaler, Gegenspieler Bismarcks*(Berlin: Verlag fr Berlin-Brandenburg, 2008).

Solomou, Solomos, *Phases of Economic Growth, 1850–1973: Kondratieff Waves and Kuznets Swings*(Cambridge: Cambridge University Press, 1987).

Spenkuch, Hartwin, *Das preussische Herrenhaus: Adel und Brgertum in der Ersten Kammer des Landtages, 1854–1918*(Dsseldorf: Droste, c.1998).

Steinberg, Jonathan, *Yesterday's Deterrent: Tirpitz and the Birth of the German Battle Fleet*(Aldershot: Gregg Revivals, 1992).

Stern, Fritz, *Gold and Iron: Bismarck, Bleichrder and the Building of the German Empire*(London: George Allen and Unwin Ltd, 1977).

Stone, James, and Baumgart, Winfried, *The War Scare of 1875: Bismarck and Europe in the Mid-1870s*(Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 2010).

Studt, Christoph, *Lothar Bucher (1817–1892): Ein politisches Leben zwischen Revolution und Staatsdienst*(Gttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1992).

Sweet, Paul R., *Friedrich von Gentz, Defender of the Old Order*(Madison: The University of Wisconsin Press, 1941).

Tal, Uriel, *Christians and Jews in Germany: Religion, Politics, and Ideology in the Second Reich, 1870–1914,*trans. Noah Jonathan Jacobs (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1975).

Tudesq, Andr – Jean, *L'lection prsidentielle de Louis-Napolon Bonaparte, 10 dcembre 1848*(Paris: Arman Colin, 1965).

Urbach, Karina, *Bismarck's Favourite Englishman: Lord Odo Russell's Mission to Berlin*(London/NewYork: I.B. Tauris, 1999).

Wagner, Patrick, *Bauern, Junker und Beamte: lokale Herrschaft und Partizipation im Ostelbien des 19. Jahrhunderts*(Gttingen: Wallstein, 2005).

Walter, Dierk, *Pressische Heeresreformen 1807–1870: Militrische*

Innovation und der Mythos der «Roonschen Reform»(Paderborn: Ferdinand Schningh, 2003).

Wawro, Geoffrey, *The Austro-Prussian War: Austria's War with Prussia and Italy in 1866*(Cambridge/NewYork: Cambridge University Press, 1996).

– *The Franco-Prussian War: The German Conquest of France in 1870–1871*(Cambridge/New York: Cambridge University Press, 2003).

Wienfort, Monika, *Patrimonialgerichte in Preussen: lndliche Gesellschaft und brgerliches Recht 1770–1848/49*(Gttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2001).

Willms, Johanes, *Bismarck: Dmon der Deutschen. Anmerkungen zu einer Legende*(Munich: Kindler Verlag, 1997).

Zimmer, Frank, *Bismarcks Kampf gegen Kaiser Franz Joseph: Kniggrtz und seine Folgen*(Graz: Verlag Styria, 1996).

ARTICLES

Bartlett, C.J., «Clarendon, the Foreign Office and the Hohenzollern Candidature, 1868–1870», *The English Historical Review, 75/295*(Apr. 1960), 276–84.

Clark, Chester W, «Marshal Prim and the Question of the Cession of Gibraltar to Spain in 1870», *The Hispanic American Historical Review,*19/3 (Aug. 1939), 318–23.

Clark, Christopher, «Confessional Policy and the Limits of State Action: Frederick William III and the Prussian Church Union 1817–40», *The Historical Journal,*39/4 Pec. 1996), 985–1004.

Craig, Gordon A., «Portrait of a Political General: Edwin von Manteurfel and the Constitutional Conflict in Prussia», *Political Science Quarterly,*66/1 (Mar. 1951), 1–36.

Ferguson, Niall, «Public Finance and National Security: The Domestic Origins of the First World War Revisited», *Past and Present,*142 (Feb. 1994), 141–68.

Halperin S. William, «The Origins of the Franco-Prussian War Revisited: Bismarck and the Hohenzollern Candidature», *The Journal of Modem History,*45/1 (Mar. 1973), 83–91.

Herwig, Holger H., Review Article: «Andreas Hillgruber: Historian of «Grossmachtpolitik» 1871–1945», *Central European History,*15/2 (June 1982), 186–98.

Koch, Richard, and Laqueur, Naomi B., «Schweninger's Seminar», *Journal of Contemporary History,*20/4, Medicine, History and Society (Oct. 1985), 757–79.

Riotte, Torsten, «The House of Hanover: Queen Victoria and the Guelph Dynasty», in Karina Urbach (ed.), *Royal Kinship: Anglo-German Family Networks 1815–1918*(Munich: K.G. Saur, 2008).

Rhl, John C.G., «Kriegsgefahr und Gasteiner Konvention:

Bismarck, Eulenburg und die Vertagung des preussisch-sterreichischen Krieges in Sommer 1865», in Imanuel Geiss and Bernd Jrgen Wendt (eds.), *Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Fritz Fischer zum 65, Geburtstag*(Dsseldorf: Bertelsmann Verlag, 1973).

Snyder, Louis L., «Political Implications of Herbert von Bismarck's Marital Affairs, 1881, 1892», *The Journal of Modem History,*36/2 (June 1964), 155–69.

Steefel, Lawrence D., «The Rothschilds and theAustrian Loan of 1865», *The Journal of Modem History,*8/1 (Mar. 1936), 27–39.

Steinberg, Jonathan, «Carlo Cattaneo and the Swiss Idea of Liberty», in C.A. Bayly and Eugenio Biagini (eds.), *Giuseppe Mazzini and the Globalisation of Democtatic Nationalism*. Proceedings of the British Academy, 152 (Oxford/New York: Oxford University Press, 2008).

Sterne, Margaret, «The End of the Free City of Frankfort», *The Journal of Modern History,*30/3 (Sept. 1958), 203–14.

Turner, Michael, «Output and Price in UK Agriculture, 1867–1914 and the Great Agricultural Depression Reconsidered», *Agricultural History Review*(1992).

Примечания

1

Немецкое слово Gnadengnabe. – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

«Ваше здоровье» (*нем.*).

3

Все выдержки из немецких текстов (писем, дневников, мемуаров), если не имеется иных указаний, даются в переводе с английского языка по тексту автора.

4

Искаженный вариант стиха 2 псалма 41 Псалтыря: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!»

5

Так называлось правительство Пруссии, возглавлявшееся министром-президентом.

6

Слова, выражающие скрытое злорадство (*нем.*).

7

Landsmannschaft – студенческие землячества или корпорации, создавшиеся по национальному или географическому принципу.

8

Надзиратели, коменданты (*нем.*).

9

Референдарий – кандидат на замещение судебной должности.

10

Облигации государственных долгосрочных (консолидированных) займов.

11

Издольщики – форма земельной ренты по контракту с оплатой частью собранного урожая.

12

Перевод английского варианта, предложенного автором.

13

Ленау Николаус (настоящее имя Франц Нимбш фон Штреленау, 1802–1850) – австрийский поэт.

14

«Родная» (*англ.*); «моя Джованна» (*ит.*); «Жанна-негодница» (*фр.*); «в бурных чувствах» (*фр.*).

15

Одновременно проходили заседания общегерманского национального собрания во Франкфурте и Прусского национального собрания в Берлине.

16

В здании театра проходили заседания Прусского национального собрания.

17

Меблированные комнаты (*фр.*).

18

От Марка, 14:71.

19

Псалтырь, 149:5–9.

20

Беспечность (*фр.*).

21

Компания, клика (*фр.*).

22

«О союз, ты гончий пес, ты нездоров!» (*нем.*)

23

«Конституция признает, подтверждает и гарантирует действенность великих принципов, провозглашенных в 1789 году и служащих основой гражданских прав французов» (*фр.*).

24

Верх совершенства (*лат.*).

25

Leaves from our Journal in the Highlands («Страницы из дневника о нашей жизни в Северном Нагорье»), одна из двух книг королевы Виктории о своем супруге герцоге Альберте Саксен-Кобург-Готском.

26

Выдержки из указанных писем приводятся в переводе с немецкого оригинала по изданию: Бисмарк Отто. Мысли и воспоминания. Пер. с нем. под ред. А.С. Ерусалимского. М.: Огиз – соцэкгиз, 1940–1941. Т. I–III. Т. I, сс. 113–114, 120, 122–123, 127–128, 130–131.

27

Сумбурно, безалаберно (*англ.*).

28

Имеется в виду назначение Бисмарка министром-президентом.

29

Следует отметить, что Мольтке, находясь в служебной командировке в Османской империи, впервые участвовал и в боевых действиях – в частности, против курдов и египетской армии.

30

Автор имеет в виду борьбу за свободу, а не только за освобождение от французской оккупации.

31

Бисмарк упоминает легенду, по которой Фридрих Барбаросса (Рыжая борода) спит в ожидании своего часа под горой Киффхаузер в Тюрингии (другая версия – под горой Унтерсберг в Баварии).

32

Псалтырь, 41:2: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже!»

33

Каждый класс вносил треть полагающейся суммы налогов и избирал треть выборщиков.

34

Зверь (*фр.*).

35

Крайнее средство (*фр.*).

36

«Негодный ребенок» (*фр.*).

37

Зло (*англ.*).

38

*Бисмарк О.*Мысли и воспоминания. Т. I. С. 193.

39

*Бисмарк О.*Мысли и воспоминания. Т. I. С. 193–194.

40

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. I. С. 207.

41

Вот это человек! (*фр.*)

42

Опера Рихарда Вагнера. В конце второго действия Генрих Тангейзер отправляется с паломниками в Рим просить у папы отпущения грехов.

43

Всеобщего избирательного права (*фр.*).

44

*Бисмарк О.*Мысли и воспоминания. Т. I. С. 247–249.

45

Тогда она еще была Еленой Деннигесой, помолвленной с валашским дворянином Янко Раковицем.

46

*Маркс К. и Энгельс Ф.*Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. С. 10.

47

Драма Шиллера «Дон Карлос», объяснение между наследником испанского престола Дон Карлосом и наместником испанского короля в Нидерландах герцогом Альбой, заканчивающееся поединком. Дон Карлос осуждал кровавые методы правления своего отца и его приближенного герцога Альбы.

48

*Бисмарк О.*Мысли и воспоминания. Т. I. С. 236–237.

49

Откр. 2:26–27.

50

Причиной Датско-прусской войны за владение герцогствами послужило их восстание за независимость, которому дала стимул революция в Германии. Война с перерывами длилась с 1848 до 1850 года, и в ней участвовали не только датская и прусская армии, но и войска герцогств Шлезвиг-Гольштейн, а также Саксонии и Ганновера. Пруссия прекратила войну и подписала мир, по которому Дания сохраняла довоенные границы, под давлением великих держав, в том числе и России.

51

Дословно: «злое лицо» (*ит.*).

52

Будь добр, приезжай или пиши! Твой фон Бисмарк (*нем.*).

53

«Лишь бы только это имело продолжение» (*фр.*).

54

По-семейному (*фр.*).

55

Любой ценой (*фр.*).

56

«Законность – основа государства» (*лат.*).

57

14 октября 1806 года Пруссия потерпела сокрушительное и унизительное поражение от Великой армии Наполеона.

58

Выдержка дается в переводе Каролины Павловой и обработке Вл. Морица по изданию: *Шиллер И. Х. Ф.* Драмы. Валленштейн. Трилогия. М.; Л.: Academia, 1936. Т. IV. С. 275. (Смерть Валленштейна. Трагедия в 5 действиях. Действие третье, явление десятое.)

59

Автор приводит версию Бисмарка в изложении Люциуса фон Балльхаузена, а не из мемуаров канцлера. В своих «Мыслях и воспоминаниях» Бисмарк посвящает этой истории несколько страниц: т. II, с. 40–44.

60

Советник апелляционного суда (*нем.*).

61

Акт об освобождении от ответственности за противоправные деяния.

62

Бисмарки обедали в 17.00.

63

Здесь – «сатанинский», «саркастический» (*фр.*).

64

Он же XX Вселенский собор.

65

С кафедры (*лат.*).

66

Таможенный парламент – включал всех депутатов северогерманского рейхстага и представителей южногерманских государств, избранных на основе всеобщего голосования.

67

Таким образом (*лат.*).

68

Война между приверженцами дона Карлоса, брата короля Фердинанда II (карлистами), и сторонниками матери Изабеллы, регентши Марии Кристины (кристиносами).

69

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. II. С. 79.

70

Тогда Законодательный корпус.

71

Старший сын Бисмарка, служивший тогда в драгунах.

72

Остроконечный шлем (*нем.*).

73

Французское игольчатое ружье системы Шасспо имело дальность прицельной стрельбы до 1200 метров (немецкое ружье системы Дрейзера – шестьсот метров), и из него можно было делать 8–15 выстрелов в минуту.

74

– Ах, ваше высочество. Какое поражение, какое несчастье! Мне стыдно быть в плену, мы все потеряли.

– Неверно говорить, что вы все потеряли. Вы сражались, как настоящие воины, и вы не потеряли честь.

– Ах, спасибо вам за такое отношение ко мне (*фр.*).

75

Оба словосочетания (латинское и немецкое) переводятся как «Бог иудейский».

76

Известен как Парижский договор.

77

Мольтке, родной, не молчи, как немой.
Пойди же наконец по дороге прямой.
Славный Мольтке возьмется за ум,
Поднимет все-таки бум, бум, бум!
Мольтке, сердечный, почему ты угрюм?
Германии нужен бум, бум, бум!
(Перевод с учетом английского варианта автора.)

78

Ассистент фокусника, иллюзиониста (*лат.*).

79

«Славься ты в венце победном», гимн (*нем.*).

80

Так у автора. Церемония провозглашения Германской империи происходила 18 января 1871 года.

81

Видимо, перефразирование рождественского гимна: «Придите сюда, вы правоверные… помолиться Господу».

82

Неудовлетворенность (*нем.*).

83

Здесь – сословное государство.

84

Памятная записка, обращение.

85

Речь идет о законе об окружных (уездных) земских учреждениях.

86

Граф Гарри фон Арним – германский посол в Париже, затем в Константинополе.

87

Бранденбургское маркграфство.

88

В буквальном смысле (*фр.*).

89

Так у автора. Понятно, что он имеет в виду помощь восставшим сербам и черногорцам, хотя к ним впоследствии присоединились и болгары.

90

Имеется в виду второй сын Бисмарка – Вильгельм Отто Альбрехт фон Бисмарк (1852–1901).

91

От Матфея, 6:26.

92

До отвращения (*лат.*).

93

Правильное название памфлета *«Der Sieg des Judenthums ber das Germanenthum. Vom nicht confessionellen Standpunkt aus betrachtet»*(«Победа иудейства над германством, рассматриваемая с нерелигиозных позиций»).

94

Берлинское хоровое общество.

95

Старший государственный советник.

96

Здесь – какой-нибудь фортель, художество (*фр.*).

97

«Он же сам дьявол» (*фр.*).

98

Так у автора. Старшему сыну Герберту в 1885 году было тридцать шесть лет. После войны с Францией 1870–1871 годов он находился на дипломатической службе в Риме, Лондоне, Петербурге, был полномочным министром в Гааге, с 1885 года и до отставки отца в 1890 году – помощник, а затем статс-секретарь по иностранным делам.

99

Договор с Австрией, подписанный Бисмарком в 1879 году.

100

Бюргерство (*нем.*).

101

В данном контексте: «От судьбы не уйдешь» (*фр.*).

102

«Как по маслу» (*фр.*).

103

Выборы «хаки» – выборы военного времени; название впервые появилось во время Англо-бурской войны (1899–1902).

104

«Вольности» (*фр.*).

105

Положение об обязательном уведомлении властей о назначениях священников (*нем.*).

106

*Положение, существовавшее ранее (*лат.*).

107

Бисмарк О. Мысли и воспоминания. Т. III. С. 81. Автор цитирует текст прошения об отставке.

108

«Министр, незнакомый с делами» (*фр.*).

109

Цитируется стих пятый главы пятой Евангелия от Матфея: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

110

«До свидания» (*нем.*).

111

«Вахта на Рейне» (*нем.*) – патриотическая песня.

112

«Я согрешил» (*лат.*).

113

Здесь: «Она покрепче его» (*фр.*).

114

В 1884 году был продлен на три года договор трех императоров, заново подписанный в 1881 году.

115

Автор, очевидно, имеет в виду Эрнста Йенча, написавшего эссе о психологии «жуткого» в 1906 году; Фрейд написал статью на эту же тему в 1919 году.

116

«Sick unto death» – этим выражением датский философ Сёрен Кьеркегор определял «смертельную болезнь» – отчаяние.

117

Германская прогрессистская партия.

118

«Новое еврейское государство».
119
Кадетский корпус.